

255
285
7.2

255
285

[Faint, illegible handwritten text]

ИСТОРИЯ
УКРАИНСКАГО КОЗАЧЕСТВА

II.

Проф. М. Грушевскій.

**ИСТОРИЯ
УКРАИНСКАГО
КОЗАЧЕСТВА**

ДО СОЕДИНЕНІЯ СЪ МОСКОВСКИМЪ ГОСУДАРСТВОМЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ,
первыя десятилѣтія XVII вѣка.

(Извлечено изъ VII и VIII томовъ „Исторіи України-Руси“).

1914.

ВЪ КНИЖНЫХЪ СКЛАДАХЪ:

Н. П. Карбасниковъ
С. Петербургъ
Гостинный дворъ

Бр. Башмаковы
въ Москвѣ
Милютинскій пер.

„Літературно-Науковий
Вістникъ“
Кіевъ. В. Владимірская 28.

КІЕВЪ.

Типографія 1-й Кіевской Артели Печ. Дѣла. Трехсвятительская 5.

<http://kazaki.kz/>

I.

Украинское козачество въ два первых десяти- лѣтія XVII вѣка.

Ливонская война. Московская смута и польско-московскія войны. Козацкое самоуправленіе. Турецкая гроза. Козацкіе походы и козацкая служба. Комиссія противъ козаковъ въ 1614—1619 гг.

Объединеніе козачества, осуществленное въ послѣдніе годы XVII в., послужило прочнымъ залогомъ роста и развитія козачества, наполнившего собою первую четверть XVIII в., а молдавская кампанія 1600 г. явилась лишь первымъ звеномъ въ длинной цѣпи военныхъ авантюръ, наполнившихъ собою эту эпоху польской воинствующей политики и заставлявшихъ польское правительство непрерывно мобилизовать силы козачества и привлекать его всячески къ разнымъ предпріятіямъ въ интересахъ Рѣчи Посполитой.

Отпуская козацкое войско послѣ окончанія молдавской войны, гетманъ Замоійскій постарался заручиться помощью козаковъ въ войнѣ ливонской и привезъ на сеймъ ихъ обѣщаніе принять участіе въ ней, мотивируя этимъ обстоятельствомъ необходимость уступокъ козакамъ и признанія за ними извѣстныхъ правъ. Но перспектива такого дальняго похода на совершенно чужой и неизвѣстный театръ войны сама по себѣ мало привлекала козаковъ. „Говорятъ не про Ливонію, а про Швецію и очень ея боятся, чтобы не завели ихъ туда на потибель“, сообщалъ одинъ корреспондентъ. Съ другой стороны, милости, оказанныя имъ сеймомъ, козаки считали не задаткомъ за службу въ новой войнѣ, какъ это разсматривало правительство, а наградой за предыдущую кампанію. Впрочемъ сеймъ, какъ мы это уже видѣли, только отчасти исполнилъ ихъ требованія. Поэтому призывы къ мобилизаціи для участія въ новой кампаніи были встрѣчены въ козацкихъ кругахъ

довольно холодно, и многие предпочитали, подбивая между участвующими молдавской кампаніи деньги и сукна, какія прилететь правительство, идти на Запорожье. „Нѣтъ согласія между ними“, сообщалъ упомянутый корреспондентъ Замоискому въ началѣ апрѣля ст. ст. ¹⁾. „Копка трижды созывалъ раду, и на этихъ радахъ много было несогласавшихся на службу королю; забравъ сукно и деньги, намѣреваются идти на Запорожье. И уже будутъ ли сукна, или нѣтъ, ждутъ только своихъ пословъ (съ сейма); лодки уже готовы, приготавливаютъ фуражъ и набиваютъ муку въ бочки—много уже понабивали. И пришло ли бы сукно на четыре тысячи или на шесть, точно также сколько бы ни было денегъ, хотятъ ихъ раздѣлить между собою участвовавшіе въ молдавскомъ походѣ, а другимъ дать не хотятъ; говорятъ такъ: „мы заслужили это, а другіе пускай себѣ заслужать“. Такова была и рѣчь Копки на радѣ: „обѣщали денегъ и сукна сначала на четыре тысячи, а теперь на шесть—тѣмъ лучше, подлиннѣе будемъ имѣть кафтаны“ ²⁾.

Но какъ имъ мало привлекательна для козачества была перспектива „шведской войны“, интересы козачества не позволяли уклониться отъ нея. Какъ мы уже видѣли, свои уступки козакамъ сеймъ 1601 г. сдѣлалъ въ условной формѣ—на случай если козаки примутъ участіе въ ливонской войнѣ; въ вопросѣ объ отбѣнѣ банниціи это было оговорено вполне опредѣленно, а здѣсь заключался основной пунктъ козацкихъ требованій. Но это была лишь половина вопроса; другую половину своихъ требованій, не санкционированныхъ еще сеймомъ, козачество от-

¹⁾ Письмо Бартоша Верещинскаго отъ 15/IV н. ст. у Стороженка с. 320.

²⁾ Это не совсемъ ясное мѣсто слѣдуетъ, вѣроятно, понимать въ томъ смыслѣ, что въ молдавской войнѣ считалось 4000 козаковъ, и имъ обѣщана была плата, а для ливонской войны открыть кредитъ на 2000, всего на 6000; такъ какъ вопросъ о платѣ былъ не ясенъ, въ польскихъ кругахъ, смѣшивалъ въ одно плату за прошлое и задатокъ на будущее, хотѣли за тѣ же деньги привлечь на службу въ ливонской войнѣ возможно большее количество козацкаго войска—до 6 тысячъ, а козаки не принимали такого толкованія и все считали платой за молдавскую войну. Можно было бы дать еще иное толкованіе: плата для 4 тыс. послалась за прошлое, а плата для 2 тыс. назначалась для ливонскаго двухтысячнаго корпуса, и на большее число козацкаго войска правительство не претендовало, но козаки и это ливонское жалованье хотѣли раздѣлить между участвующими молдавской войны. Такъ какъ все ограничивалось только слухами, трудно разобраться въ нихъ.

отставало и реализировало на практикѣ въ качествѣ активного войска на службѣ Рѣчи Посполитой: сюда относятся притязанія на приставства и квартиры, на контрибуціи съ „волоости“, и даже свой, не признанный сеймомъ козацкій иммунитетъ приходилось, навѣрное, отстаивать, опираясь на самый фактъ службы королю и Рѣчи Посполитой. Поэтому отрекаться отъ этой службы и отказываться отъ участія въ походѣ, назначенномъ правительствомъ, козачеству ни въ коемъ случаѣ нельзя было. И въ концѣ концовъ, пошумѣвъ на этихъ радахъ, козачество все же двинулось въ ливонскій походъ подъ предводительствомъ все того же Кишки, очевидно твердо державшагося линіи империалистической политики ¹⁾.

Официально козаковъ было двѣ тысячи—на это количество назначено было жалованье; дѣйствительное же число въ точности неизвѣстно. Бѣлорусскій лѣтописецъ (т. п. Боркудабовская лѣтопись) повѣствуя объ обратномъ походѣ козаковъ черезъ Бѣлоруссію, говоритъ, что козаковъ было четыре тысячи, но возможно, что это цифра преувеличенная.

¹⁾ Нѣсколько словъ о литературѣ по исторіи украинскаго козачества въ два первыхъ десятилѣтія XVII в. Этотъ періодъ въ жизни козачества принадлежитъ къ наименѣе разработаннымъ. До недавняго времени наиболѣе подробное изложеніе относящихся сюда фактовъ представляла Исторія воссоединенія Руси Кулиша, т. II, съ нѣкоторыми дополнительными замѣчаніями въ „Матеріалахъ для исторіи воссоединенія“, но и здѣсь фактовъ было немного, а больше общихъ мѣстъ и риторики, хотя среди нихъ встрѣчаются немало интересныхъ замѣчаній. Позднѣйшія работы Кулиша, касаясь этого періода, даютъ еще меньше. Костомаровъ въ своемъ вступленіи къ Богдану Хмельницкому рассматривалъ его очень бѣгло. Эварницкій опирается на Кулишѣ, Соловьевѣ и др. и не даетъ ничего существеннаго. Въ общихъ курсахъ русскихъ и польскихъ—назову труды Соловьева, Иловайскаго, названные ранѣе болѣе старыя монографіи объ эпохѣ Сигизмунда III—Нѣмцевича, Сярчинскаго, Dzieje Polski Шуйскаго (т. III)—находимъ только немногіе отдѣльные эпизоды изъ исторіи козачества. Еще меньше даютъ общіе курсы по исторіи Турціи и Крыма (Гаммера, Цинкайзена, Говордза, Смирнова, Йорги). Въ послѣдніе годы работа Доманицкаго довела влѣбную исторію козачества до конституціи 1602 г., а Жуковичъ въ рядѣ своихъ изслѣдованій, печатавшихся начиная съ 1902 г., свелъ воедино факты изъ жизни козачества съ начала XVII в. до безкоролья 1682 гг. Первыми двумя десятилѣтіямъ XVII в. посвящены его статьи: „Московская смута начала XVII вѣка и ея отраженіе въ Литовско-польскомъ государствѣ“ (Христіанское чтеніе, 1902), „За-

Козаки двинулись въ походъ лѣтомъ, какъ и польское войско, и подоспѣли въ Ливонію къ осени. Служба въ самомъ дѣлѣ была тяжелая, особенно съ наступленіемъ зимы. Въ жестоко разворонномъ крайѣ трудно было добыть провіантъ. „Земля замерзла, строить курени невозможно, лошадямъ тоже приходится плохо; послали мы своихъ товарищей на развѣдки относительно провіанта—нѣтъ никакой живности, и дерева нѣтъ: попадется хата—двѣ, да и тѣ изъ хвороста сплетены; въ такой разворонный край вамъ не за чѣмъ идти—лошадей въ конецъ погубимъ“,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ Бишки къ коронному гетману. Козаки жаловались, что назначенное имъ жалованье (по 7 зл. въ четверть года), недостаточно, а главное, что и эти деньги заплачены были только за первую четверть, еще въ началѣ мобилизациі, а затѣмъ уже не уплачивались. Поэтому уже въ концѣ года, не получивъ жалованья, козаки стали рѣшительно угрожать возвращеніемъ на Украину: „на радѣ въ прошлую среду уста-

порожское козачество въ смутную эпоху“ (1903) и „Историческія обстоятельства, предшествовавшія возстановленію патр. Теофаномъ западно-русской церковной іерархіи“—эти изслѣдованія затѣмъ вошли въ его книгу: Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной унией съ 1609 г., I—III. Здѣсь довольно полно использованы печатные источники и дополнены нѣкоторыми неизданными, и хотя авторъ главнымъ образомъ привлекаетъ факты, стоявшіе въ связи съ церковными отношеніями и слѣдить за одной внѣшней исторіей козачества, внѣ связи съ общественными и экономическими условіями украинской жизни, все же какъ образъ внѣшней исторіи козачества эти статьи представляли большую цѣнность.

Изъ болѣе специальныхъ статей здѣсь отмѣчу: Н. Ардашевъ Изъ исторіи XVII в.—Походъ Черкасъ (1612—4), Журналъ Мин. Просв. 1898, VI, и краткое извлеченіе изъ этой статьи въ К. Старинѣ 1900, V: Походъ козаковъ въ Сѣверную Россію въ нач. XVII в. Упомяну еще маленькую замѣтку: Евреи-козаки въ началѣ XVII в. (К. Стар. 1895, V), о Евреяхъ въ козачьемъ войскѣ, ходившемъ въ московскія земли передъ 1613 г.—упоминается здѣсь отрядъ ихъ изъ 11 человекъ. О бандахъ Лисовскаго *Dzięduzyski Krótki rys dziejów i spraw Lisowszczyków*, I—II, 1843—4.

Изъ монографической литературы, касающейся только попутно интересующихъ насъ отношеній и событій, назову: А. Sokołowski *Austryacka polityka Zygmunta III* (Przegląd pol. 1878). J. Sas *Stosunki polsko-tureckie w pierwszych latach Zygmunta III* (Przegląd powsz. 1897), *Układy o ligę przeciw Turkom za Z. III* (ibidem 1899), *Wyprawa Zamojskiego na Mołdawę* (ib. 1897).

новили сробъ—въ будущую среду двинуться изъ этого края, и еслибъ мы иначе постановили, товарищи кобили бы насъ камнями“ писалъ Замойскому Кишка ¹⁾). Вероятно, деньгами и всяческими обѣщаніями козаковъ удалось удержать отъ этого намѣренія, и они остались; подобныя хлопоты польскіе гетманы имѣли и съ собственнымъ войскомъ, занимая деньги подъ закладъ своего личнаго имущества и раздавая войску по крайней мѣрѣ частичныя задатки въ счетъ жалованья. Въ концѣ 1602 г. козацкому войску не были оплачены три четверти года, т. е. оно получило лишь половину денегъ, причитавшихся ему за службу, и сильно бѣдствовало, обносилось и изголодалось. „Изволимъ ты, ваша милость, присмотрѣться къ нашей одежѣ и нашимъ доспѣхамъ, писалъ козацкій старшій коронному гетману въ концѣ года, „не только то, что выслужили мы у короля, но и то, что добыли мы саблею въ разныхъ непріятельскихъ земляхъ въ годы молодости, все это уничтожила Инфлянтская (Ливонская) земля:

К. Górski Wojna z wojewodą wołoskim Michałem (Ateneum, 1892).
Г. Форстенъ Балтійскій вопросъ въ XVI—XVII ст., т. I—III, 1893—4. С. Платоновъ Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI—XVII вв., 1899. А. Hirsberg Dymitr Samozwaniec, 1898. К. Górski Obłężenie Smoleńska w latach 1609—1611 i bitwa pod Kłuszynem (Przew. nauk. i liter. 1895). Для внутреннихъ отношеній новая статья: А. Prochaska Województwo Ruskie wobec rokoszu Zebrydowskiego (Przewodnik nauk. i liter. 1908).

Наиболѣе цѣнное собраніе актовaго матеріала для исторіи козачества этого времени — Pisma I. Żółkiewskiego, wydał A. Wielowski, Льв., 1861; затѣмъ Архивъ Югозап. Рос. III. I и Жерева т. VIII. Изъ мемуарной и исторической современной литературы Гейденштейнъ оканчивается ливонской войной, затѣмъ имѣемъ хроники Пясецкаго и Веленицава; для ливонской войны интересныя подробности даетъ упомянутая бѣлорусская хроника Боргулабовская (изданная впервые у Булина, Матеріалы, и снова въ кiev. Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1898, XII). Изъ огромной массы матеріаловъ для исторіи московской смуты упомяну лишь болѣе важныя для нашей темы собранія: Устряловъ Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, Мухановъ Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи съ Польшей, Русская истор. библіотека т. I и XIII. Матеріалъ актовъ по исторіи смуты не собранъ воедино. Изъ восточныхъ источниковъ—старое собраніе Сенковскаго Collectanea z dziejepisów tureckich т. I. Литература украинской пѣсенной традиціи указана въ т. I с. 162—5.

¹⁾ Письмо Кишки къ Замойскому отъ 23/XII 1601, Listy № 83.

на долго въ памяти войска Запорожскаго останется служба инфлянтская; уже теперь нѣтъ разницы въ одеждѣ между нами, слугами королевскими—и Латышами“¹⁾).

Многіе погибли, самъ гетманъ сложилъ голову въ битвѣ подь Феллиномъ; какъ передаетъ польскій историкъ—„ходили слухи, что кто-то изъ своихъ убилъ его выстрѣломъ въ спину“²⁾). Послеъ него гетманомъ сталъ его давнишній конкуррентъ, Гаврило Крутиевичъ, но и онъ вскорѣ отказался отъ гетманства, такъ что въ концѣ года гетманомъ являлся уже Иванъ Куцковичъ³⁾). Эти перемѣны въ войсковой старшинѣ показываютъ тоже, какъ раздражено было козачество и какъ трудно было ладить съ нимъ при такихъ обстоятельствахъ. И еще болѣе тяжелымъ бременемъ ложилось это оборванное и голодное козацкое войско на мѣстное населеніе, выжимая изъ него что только было возможно, включительно до одежды, переходившей съ латышскихъ плечъ на „слугъ королевскихъ“, какъ иронизировали козаки. Путешественники, проѣзжавшіе черезъ Ливонію въ 1602 г., заслушались ужасовъ о козацкихъ опустошеніяхъ: „козаки разрушили всеъ жилища, сожгли и разорили ихъ, учиняя невѣроятныя, неслыханныя насилія надъ бѣдными людьми: допытываясь денегъ, жгли огнемъ, мучили разными пытками и затѣмъ, добившись своего, все-таки рубили ихъ на смерть“⁴⁾). И все-таки край былъ такъ опустошенъ литовскими и польскими войсками, что сколько ни разоряли его козаки, сами жестоко бѣдствовали. Но, оставаясь вѣрными своей политикѣ, козачество принуждено было терпѣть все, чтобы не выйти изъ службы Рѣчи Посполитой.

Въ общемъ кампанія шла удачно для Поляковъ. Ливонскія пріобрѣтенія Шведовъ были отобраны, и Замойскій перенесъ войну въ Эстонію, осадивъ замокъ Вейсенштейнъ, ключъ Эстоніи. Шведское правительство шло на уступки, но Сигизмундъ требовалъ не только Ливоніи, но и Эстоніи, и домогался, чтобы его

¹⁾ Listy № 88.

²⁾ Рейденштейнъ с. 378. Очевидно, это было непредумышленное убійство. Стороженко совершенно безъ всякихъ основаній предполагаетъ (с. 324), что козаки убили Кишку умышленно. Тамъ гдѣ каждую минуту рада могла свергнуть гетмана, не было мѣста убійству изъ-за угла.

³⁾ Listy с. 86 и 88.

⁴⁾ Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи нач. XVII в. с.

соперникъ Карль отказался отъ шведскаго престола. Благодаря этому, война за балтійское побережье затянулось на безконечное время (ее закончили лишь Оливскій трактатъ 1660 г., по которому за Польско-литовскимъ государствомъ остался только юго-восточный уголъ Ливоніи). Шведы продолжали держаться въ приморскихъ городахъ, и Поляки, не имѣя флота, не могли ихъ тамъ блокировать. Недостатокъ денежныхъ средствъ затруднялъ и сухопутныя операціи. Замоискій всячески удерживалъ войско, но со взятіемъ въ концѣ августа Вейсенштейна, все рухнуло. Самъ Замоискій, старый, измученный двухлѣтнимъ пребываніемъ на войнѣ, собрался уѣхать, передавъ команду замѣстителю. Войско также начало расколзаться.

Козаки, какъ говоритъ Гайденштейнъ, двинулись первыми ¹⁾. Отправились въ Бѣлоруссію на поправку. Сначала „немного отдыха отъ этой нужды и несчастій дали себѣ и лошадямъ въ Полоцкѣ“, причинивъ, разумѣется, городу „великую škodu“, какъ записываетъ бѣлорусскій лѣтописецъ ²⁾. Оттуда направились въ Витебскъ, выславъ впередъ своихъ людей—писаря и эсаула съ нѣсколькими десятками людей „для надлежащаго распредѣленія квартиръ для козацкаго поста. Но витебскіе мѣщане вздумали защищаться отъ козацкаго нашествія силой и ничего не хотѣли слышать, когда козаки доказывали, что „за заслуги свои и по приказанію его корол. мил. должны получить у нихъ предписанный отдых“. Козаки, какъ скромно пояснили они въ своемъ донесеніи Замоискому ³⁾, „должны были отражать насиліе насиліемъ“ и, давъ форменную битву витеблянамъ, вооруженною рукою овладѣли городомъ и затѣмъ на правахъ побѣдителей распорядились имъ по своему усмотрѣнію,—„место славное, мѣсто богатое Витебскъ звоевали, мещанъ побили, панны поплугавили, скарбы побрали“ ⁴⁾.

Въ концѣ года они передвинулись оттуда въ Приднѣпровье. Главной квартирой ихъ былъ Могилевъ. Въ окрестностяхъ его они собирали большія контрибуціи деньгами и припасами, вызывая живѣйшее неудовольствіе среди населенія. „Тамъ у Швеции козаки запорожскіе ничего добраго не вчинили, они гетманови и пану королю жадного ратунку не дали, только зъ Швеции утекли,

¹⁾ Стр. 388.

²⁾ Боркулабовская лѣтопись с. 25.

³⁾ Listy Żółkiewskiego № 86.

⁴⁾ Боркулаб. лѣтоп. с. 24.

а тутъ на Руси Полоцку великую шкочу чинили и место славное великое Витебскъ звоевали, злота, сребра множество побрали и такъ шкочу содомію чинили, горше злыхъ неприятелихъ албо злыхъ Татаръ“¹⁾), записываетъ мѣстный лѣтописецъ. „Брали приставство“, пишетъ онъ дальше, „зъ волости Боркулабовской и Шупенской, то есть грошей копъ 50, жита меръ пятьсотъ, яловиць полтораста, кабаковъ 50, саль свиныхъ 100, меду пресного пудовъ 60, масла пудовъ десять, куровъ пятьсотъ, сена возъ триста“. Эта записка объясняетъ намъ значенье термина „приставства“ и даетъ понятіе о томъ, какъ козачество награждало себя за неуплаченное жалованье, слѣдуя примѣру польскаго рыцарства коронаго, бушевавшаго одновременно съ нимъ въ земляхъ литовскихъ и коронаныхъ²⁾).

Мольбы и вопли мѣстнаго населенія побудили короля прислать къ козакамъ своего дворянина съ приказомъ не стоять въ Бѣлоруссіи, а идти на Украину³⁾). Козаки приняли этотъ приказъ къ свѣдѣнью, но съ исполненьемъ его не снѣжили. Собирая контрибуціи и одновременно чиня другія насилія надъ населеніемъ—трактую эту православную Русь какъ непріятельскую землю⁴⁾), они постепенно двигались по Днѣпру внизъ. „Брали приставства въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Орнѣ, Мстиславлѣ, Кричевѣ, Могилевѣ, Головчинѣ, Чичерскѣ, Гомелѣ, Любечѣ, Рѣчицѣ, Выховѣ, Рогачевѣ и во всѣхъ городахъ“⁵⁾). Забирали съ собою, сколько могли, лошадей и даже людей—женщинъ дѣвушекъ, мальчиковъ, „одинъ козакъ будетъ мети коней 8, 10, 12, а хлопъ пять тросъ, четверо, жонки албо дѣвки две албо три“, записываетъ все тотъ же лѣтописецъ, передавая если не фактическія обстоятельства (вѣроятно, преувеличенныя), то слухи ходившіе о

¹⁾ Боркулаб. лѣт. с. 25.

²⁾ Ср. инструкцію, датированную концомъ 1603 г., Жеремъ VIII № 75, и протестацію у Жуковича с. 432—3.

³⁾ Рвп. библ. Замоискихъ.

⁴⁾ Боркулабовскій лѣтописецъ сообщаетъ одинъ эпизодъ, произведшій очевидно особенно сильное впечатлѣніе: къ королевскому дворянину, присланному для разслѣдованія этихъ козацкихъ насилій, одинъ могилевскій мѣщанинъ принесъ на рукахъ свою дочь—шестилѣтнюю дѣвочку „змордованую, зквалчоную, ледве живую, чого было горко плачливе страшно глядети; на тое вси люде плакали, Богу сотворителю молилися, абы таковыхъ своевольниковъ вечно вигладити рачиль“ (с. 28, изд. Кудима с. 81).

⁵⁾ Боркулабов. лѣт. с. 28.

козакахъ. По его словамъ, гетманъ Буцковичъ—или Буцка, какъ онъ его называетъ, ввиду козацкаго своевольтва сложилъ съ себя гетманство въ Могилевѣ, послѣ чего на его мѣсто былъ избранъ Иванъ Косый. Подъ его предводительствомъ весною 1603 г. козацкое войско пришло въ Кіевъ и тутъ избрало на гетманство еще разъ Крутневича ¹⁾.

Изъ времени пребыванія козаковъ въ Могилевѣ сохранилось интересное письмо на Украину ²⁾, объясняющее намъ, какихъ выгодъ для себя добивались козаки своимъ шведскимъ походомъ и какія притязанія выставляли они на основаніи своей службы Рѣчи Посполитой. Письмо написано на Украину къ ихъ старому знакомому Якубу Струсю, брацлавскому и винницкому старостѣ, по поводу извѣстій, что онъ расквартировалъ польскихъ солдатъ на Украинѣ ³⁾. Пишетъ гетманъ Иванъ Буцковичъ; напоминаетъ выдающіяся заслуги войска Запорожскаго, что оно, не въ примѣръ всякому иному рыцарству, всегда оказывало большія услуги королю и Рѣчи Посполитой, не столько изъ корысти или съ цѣлью выслужиться, сколько изъ стремленія къ доброй славѣ и привязанности къ Рѣчи Посполитой—„можно такъ сказать, что служимъ только за траву и воду“. „За свою заслугу“, указываетъ онъ—„заслуживаемъ не только того, чтобы наши убогія жилища и имѣнія, часто и сильно облитыя кровью нашей и невѣрныхъ, сохранить въ цѣлости и спокойствіи, но и того также, чтобы мы пользовались соответственными вольностями и уваженіемъ отъ каждаго сословія. Его королевская милость, будучи особеннымъ покровителемъ и защитникомъ людей рыцарскихъ и держа въ милостивомъ вниманіи и государство и искреннюю службу нашу, изволимъ насъ всѣхъ одарить и сообщить намъ привиле-

¹⁾ См. его универсалъ Никольскому монастырю датный 22 мая 1603 г. въ Кіевѣ, „егда есмо с послуги кр. м. в Бѣнфлянтъ до Клева прибыли“, въ Кіевѣ. Старинѣ 1898, кн. I. Здѣсь упоминается о письмѣ „теперешнего часу пана Ивана Косого“: должно быть Крутневичъ въ это именно время былъ избранъ, и монахи обратились къ нему за подтвержденіемъ.

²⁾ Реп. библ. Замоискихъ.

³⁾ Ср. замѣтку боркулабовскаго лѣтописца о томъ, что въ то время, какъ на приставствахъ въ Бѣлоруссіи были козаки, „на Волыни, на Подолію, у Кіеве—тамъ на тотъ часъ жолнеры лежали, которые съ Волохъ выехали, яко десять тысячъ“ (с. 28).

гін, признавъ насъ сынами коронными ¹⁾. Облагородивъ стародавними вольностями насъ, женъ нашихъ и имѣнія наши ²⁾, онъ только себѣ и ихъ м. панамъ великимъ гетманамъ изволилъ оставить начальство и власть надъ нами, утвердивъ это прочно универсалами, охранными письмами и конституціями.“ Козаки рѣшительно протестуютъ противъ расквартированія польскаго войска на Украинѣ, „гдѣ находится большинство нашихъ домовъ и имѣній, а кромѣ того кор. милость, государь нашъ за почтенныя заслуги наши изволилъ намъ предоставить для отдыха, въ ожиданіи нашего честно заслуженнаго жалованья, всю Украину, начиная отъ Могилева до самого устья Днѣпра; все это наши собственныя приставства, опустошенныя по винѣ вашей милости, и даже больше—дома и имѣнія опустошены, разорены хуже, чѣмъ непріятельскимъ способомъ, поруганы, осрамлены“. Козаки протестуютъ также противъ писемъ, разсланныхъ Струсемъ по Украинѣ, въ которыхъ козаки называются своевольниками и имъ запрещается доступъ къ городамъ и королевскимъ имѣніямъ: „вслѣдствіе этихъ универсаловъ наши товарищи, которые тоже несли службу его кор. мил., не могли имѣть спокойнаго куска хлѣба и свободнаго передвиженія“. Они протестуютъ противъ этихъ претензій на какую-то власть надъ козаками—„чего никогда не будетъ.“ Требуютъ вывода солдатъ изъ Украины, угрожая въ противномъ случаѣ военною расправою и оккупацией винницкаго старства пана Струся. „Что постигнетъ нашихъ непріятелей за такое надругательство, презрѣніе и неуваженіе, это въ близкомъ будущемъ можно будетъ увидѣть и испытать на дѣлѣ, такъ какъ въ виду того, что сообщаютъ намъ наши товарищи,—предется, къ нашему сожалѣнію, насилію противопоставить насиліе; донесемъ его кор. милости о разореніи вами назначенныхъ намъ приставствъ и вынуждены будемъ расположиться въ Винницѣ и другихъ вашихъ владѣнійхъ и ждать тамъ себѣ жалованья, такъ какъ на Украинѣ и по своимъ домамъ намъ нечего дѣлать“.

¹⁾ Популярное названіе, которое усвоивало себѣ польское дворянство.

²⁾ *Nass thym udarowacz mcziwie y upriwileyowacz raczyk, ysz przizdawssi nass za syny coronne, starodawnymi wolnosciami nas, żony y maigtnosczi nasze uslackeiwszi, sobie tylko y ich mc. panam hethmanom wielkiem nad nami zwierzchnosc y władzę zostawicz raczyk, dobrze tho uniwersały, gleithamiy costitutiami seymowemu warowawszi.*

Это письмо бросает свѣтъ на положеніе, создавшееся на Украинѣ въ это время. Администрація и господствующее сословіе хотѣли держаться буквы сеймоваго постановленія 1601 г., снимавшаго банницію лишь съ участниковъ ливонской кампаніи и оставлявшаго въ силѣ все постановленія противъ своевольниковъ и всю „обычную юридикцію“. Козачество, наоборотъ, за поданный мизинецъ тянуло всю руку: рассматривало конституцію какъ полное и неограниченное признаніе правъ и вольностей, на которыя оно претендовало. Оно признавало своими начальниками лишь короля и короннаго гетмана, а за свою службу Рѣчи Посполитой и вдобавокъ за неудаченное жалованье—претендовало на роль полнаго хозяина Украины, какъ территоріи своихъ приставствъ, притомъ, очевидно, имѣя въ виду не только участниковъ ливонской войны, но и всѣхъ членовъ войска. На основаніи того, что нѣкоторая часть козаковъ несла „службу его кор. мил.“, все козачество претендовало не только на всякія права и вольности, но и на „свободный кусокъ хлѣба“, какъ скромно выражались козаки, иначе говоря—на право собирать контрибуціи для своего содержанія своихъ пограничныхъ войскъ, которыми занималось тогда козачество на югѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно считало эту украинскую территорію заповѣдною для коренныхъ войскъ, не потому только, что этотъ конкурентъ лишитъ козаковъ возможности собирать контрибуціи въ свою пользу, но и потому, что здѣсь рѣчь шла о массѣ окочаченнаго населенія, неофіціального козачества, которое польскіе солдаты могли-бы облагать своими контрибуціями. Это первый случай, гдѣ съ такой остротой выступаетъ вопросъ о солдатскомъ постоеѣ на козацкой территоріи; какъ въ офіціальныхъ кругахъ такое расквартированіе польскаго войска считалось сильнѣйшею репрессіею по отношенію къ козакамъ, такъ въ козацкой сферѣ оно признавалось наибольшей некріятностью, какую можно было себѣ представить, и вмѣстѣ—наилучшимъ агитаціоннымъ мотивомъ противъ правительства и польскаго режима, если такой мотивъ былъ нуженъ по обстоятельствамъ.

О козацкихъ войнахъ на югѣ за это время имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія въ польскихъ релацияхъ Посетинскаго, Фаднашаго въ 1601 и 1602 гг. въ Крымъ и Турцію¹⁾. Лѣтомъ 1601 г. въ Крыму раздавались жалобы на козацкія нападеныя, причемъ по обыкновенію говорилось, что Татары нападая на

¹⁾ Реп. петерб. Публ. библ. Пом. IV № 171 л. 41—7.

Украину, только мстить за козацкія нападенія. Было какое-то козацкое нападеніе на турецкія поселенія въ окрестностях Бѣлгорода. „Какой-то Кириша Волошинъ“ съ козаками не давалъ покоя Туркамъ и Татарамъ на сушѣ и на морѣ.

Весною 1602 г. козацкое войско (около двухъ тысячъ, какъ говорили) стояло надъ р. Каменницею за Брацлавомъ и предлагало свою службу молдавскому господарю. Послѣ разгрома воев. Миханла румынскія земли стали ареною междоусобій: противъ Симеона Могилы въ Валахіи поднялось возстаніе, окончившееся изгнаніемъ его изъ края и назначеніемъ господаремъ Рады Щербана Бессарабы (1602). Его поддержала Австрія, въ то время какъ Могила искалъ помощи у Поляковъ и Турокъ, и это снова открыло арену козацкому спорту. Но на этотъ разъ молдавскій господарь не принялъ козацкихъ услугъ, и тогда козаковъ стали ожидать въ Бѣлгородѣ. Въ маѣ на 30 чайкахъ и нѣсколькихъ галерахъ, отобранныхъ у Турокъ, козаки вышли въ море и подъ Киліею бились съ турецкими галерами; взяли одну галеру и перехватили купеческіе корабли. Подъ осень того же года встрѣчаемъ козаковъ подъ предводительствомъ какого-то Гурскаго—около тысячи ихъ шло въ Молдавію¹⁾. Эти занятія потянулись, очевидно, безъ большихъ перерывовъ и въ послѣдующихъ годахъ. Ханъ жаловался, что козаки, проживая на Днѣпрѣ, причиняютъ непрестанныя убытки и всяческія непріятности Крыму, и требовалъ, чтобы ихъ окончательно согнали съ Днѣпра²⁾. Король въ своей инструкціи на сеймѣ 1603 г. обращаетъ вниманіе, что „за короткій срокъ козаки разрушили у турокъ три города“, и это грозитъ осложненіями со стороны Турціи³⁾.

Возстановленіе козацкихъ вольностей и козацкаго престижа потянуло въ козацкіе ряды новыя массы населенія, увеличивая своевольную энергію козаковъ. Въ имѣющемъ въ нашемъ распоряженіи королевскомъ универсалѣ конца 1603 г. указывается на какое то недавнее королевское распоряженіе въ видахъ усмиренія украинскаго своевольства и подтверждается со всяческими угрозами запрещеніе отцамъ семействъ отпускать своихъ сыновей „на козацтво до тамтыхъ людей свовольныхъ, которые непою посполитый и перемарье с паньства суседьскими взурашають“; подъ страхомъ смертной казни воспрещается пропускать и достав-

¹⁾ Реляція Песочинскаго л. 83—106, 124.

²⁾ Жерела VIII № 80 (около 1603).

³⁾ Ibid. № 76.

лять козакамъ военные припасы и т. п. ¹⁾). А кievская шляхта въ своихъ инструкціяхъ конца 1604 г. распространяется въ жалобахъ, что съ уничтоженіемъ баниціи, начавшаяся съ ливонской войны, козацкое озорство такъ усиливается, что приходится бояться, какъ бы „последнее не стало горше перваго“, и требуетъ энергичныхъ репрессій противъ козачества ²⁾).

Однако вмѣсто желаемаго усмиренія украинскаго своевольства, къ чему такъ стремилось правительство и шляхетско-помѣщичьи круги, именно они бросили въ козацкую среду новый горячій матеріалъ, еще болѣе усилившии украинскую анархію и давшии возможность, подъ ея покровомъ, дальнѣе расти козачеству и его разлагающему вліянію на польско-шляхетскій режимъ. Этимъ горячимъ матеріаломъ была московская авантюра, созданная украинскими магнатами, но поддержанная въ концѣ концовъ и самимъ правительствомъ.

Сначала король не хотѣлъ впутывать въ эту аферу официальную Польшу и предоставлялъ ее инициативѣ магнатовъ. Во второй половинѣ 1603 г. Вишневецкіе выдвигаютъ извѣстнаго „царевича Димитрія“ въ качествѣ московскаго претендента, законнаго сына царя Ивана, и уже зимой 1603|4 г. должна была начаться вербовка охотниковъ для задуманнаго похода на Москву. На первый планъ выдвигались козаки. Уже въ передовыхъ полкахъ, какіе повелъ за собою лже-Димитрій въ концѣ лѣта 1604 г., шелъ цѣлый рядъ украинскіхъ пограничниковъ—кн. Вишневецкій, Ружинскій, Струсь, остерскій староста Ратомскій, а вельдъ за ними должна была двинуться цѣлая туча украинскаго козачества—козаки дѣйствительно упоминаются въ этомъ войскѣ ³⁾). Не можетъ быть сомнѣнія, что въ тѣхъ

¹⁾ Издано у Кулиша Матеріалы с. 26. ²⁾ Жерела VIII № 78.

³⁾ См. письмо въ Archiwum Radziwiłłów с. 233 (пересказъ реляціи очевидца). Въ исторической литературѣ козаковъ, принимавшихъ участіе въ первой стадіи операціи царевича, считаютъ донскими (новѣйшій пересмотръ вопроса у Жуковича Сейм. борьба, вып. I, с. 119). Но совершенно невѣроятно, чтобы донскіе козаки присоединились къ царевичу еще на правомъ берегу Днѣпра, передъ Кіевомъ: это могли быть только украинскіе козаки. Изъ современныхъ мемуаристовъ никто не называетъ ихъ донскими (Маскевичъ говоритъ, что царевичъ въ битвѣ съ Новгородомъ имѣлъ 2 тыс. запорожскіхъ козаковъ, Борща называетъ ихъ козаками украинскими—Pamiętniki S. Maskiewicza с. 2, Рус. ист. библ. I с.

операціяхъ, какія одновременно велись на южной московской границѣ, начиная отъ Сейма, наряду съ донскими принимали участие также и запорожскіе козаки. Главныя ихъ массы, однако, двинулись позднеѣ, осенью 1604 г. Въ декабрѣ 1604 г. подъ Новгородъ Сѣверскій пришло большое запорожское войско—12 тысячъ, съ артиллерією: „царевичъ (Дмитрій) давно послалъ имъ знамя, призывая къ походу; они имѣли съ собою хорошую артиллерію, нѣсколько пушекъ, и царевичъ былъ имъ очень радъ сильно надѣясь на ихъ мужество и большое количество ихъ войска“¹⁾. Надежды эти не совсѣмъ оправдались, такъ какъ въ большой битвѣ подъ Добрыничами козаки, какъ жаловался потомъ царевичъ, покинули его и бѣжали²⁾. Но хотя главное козацкое войско покинуло Дмитрія, украинскіе козаки остались участниками дальнѣйшаго похода, и на сѣмъ первомъ корпусѣ ихъ мобилизовались въ московскій походъ все новыя партіи. Киевская шляхта въ своей инструкціи, писанной въ первыхъ числахъ декабря н. с., указываетъ на новыя отряды ихъ, собиравшіеся на Украинѣ, „выгребши съ Низу“, и наводившіе страхъ на мѣстную шляхту, которая ждала отъ нихъ новыхъ поборовъ и контрибуцій и жаловалась на всякія безчинства, особенно въ заднѣпровскихъ волостяхъ, гдѣ собирались козацкіе полки для похода въ Московію³⁾. На сеймѣ въ началѣ 1605 г. Янушъ Острожскій, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ Украины, рассказывалъ, что козаки дѣйствительно „разписали универсалы по тамошнему краю, заставляють платить имъ деньги, поэтому боимся, какъ бы и наши крѣпостные не пристали къ козакамъ

367; одинъ изъ вождей этихъ козаковъ—Куццо приводитъ на память недавняго гетмана Куцовича). Донцы могли явиться уже дальше, за Днѣпромъ. И въ московскихъ рассказахъ о цар. Дмитріи его первыми союзниками выступаютъ козаки украинскіе и лишь позже донскіе—Рус. ист. библ. III с. 25, ср. 156, 799.

¹⁾ Рус. истор. бібліотека с. 383, Сказанія современниковъ о Дмитріѣ-самозванцѣ II с. 16, Собраніе госуд. грамотъ II с. 171 (здѣсь указано только 4 тыс.—быть можетъ передовой полкъ); нѣсколько извѣстій въ послѣднемъ томѣ Памятниковъ отношеній Москов. госуд. съ Польско-литовскимъ, IV (1912) с. 178, 258, 432 и др.

²⁾ Рус. ист. б. с. 387—388, Сказанія II с. 20—1. Критическія замѣтки къ этимъ рассказамъ у Пирлинга *La Russie et la Sainte Siègе* III с. 139—140, ср. Жуковича, ор. с. прим. 14.

³⁾ Жерела VIII № 78.

и не присоединились къ нимъ при такомъ безнаказанномъ своевольствѣ“¹⁾).

Но правительство не считало нужнымъ сдерживать энергію козачества, являвшагося тогда главнымъ помощникомъ въ московской авантурѣ (отъ которой нѣ придворныхъ кругахъ ждали большихъ политическихъ выгодъ). Занятыя другими дѣлами польскіе правители не находили возможнымъ прибѣгать къ какимъ-либо репрессіямъ противъ козачества тѣмъ болѣе, что одновременно казаки несли и пограничную службу противъ Татаръ: напр. въ 1605 г. они разбили Татаръ на Днѣстрѣ, а въ письмѣ Григорія Кизаловича гетмана и всего запорожскаго рыцарства, относящемся къ концу 1606 г., население „Украины Поддѣвирской“ предупреждается ими о приближающемся татарскомъ нападѣнн; вѣроятно, это посланіе одно изъ многихъ, сохранилось потому, что гетманъ просилъ свое письмо, какъ доказательство козацкой службы, занести въ акты²⁾). Когда же въ началѣ 1606 г. вспыхнуло грозное шляхетское движеніе противъ короля и его ближайшихъ совѣтниковъ, повлекшее за собою вооруженный „рокошь“ (1606—8), у правительства не было ни времени, ни возможности думать о чемъ-либо иномъ, кромѣ этого опаснаго движенія, грозившаго самому королю свергнуть съ престола³⁾).

Козачество разрасталось, черпая все новыя силы въ своихъ вмѣшательствахъ въ заграничныя авантюры. Козаки принимали участіе въ московской смутѣ, послѣ паденія царевича Димитрія († 17 / V 1605), поддерживая возстаніе противъ его преемника, царя Вас. Шуйскаго. Возстаніе это, разыгравшееся главнымъ образомъ на сѣверномъ пограничьи подъ предводительствомъ Болотникова, носило сильную социальную окраску въ духѣ украинскаго козачества (лѣто 1606—осень 1607). Возстаніе терекскихъ козаковъ, выставившихъ претендента подъ именемъ царевича Петра, внука царя Ивана, и двинувшихся съ нимъ въ Поволожье еще при жизни царевича Димитрія, также нашло себѣ помощниковъ среди Запорожцевъ. Второй же-Димитрій, позвѣвшій „Тушинскій воръ“, выступившій лѣтомъ 1607 г. и поднявшій возстаніе въ тѣхъ же сѣверныхъ земляхъ пользовался поддержкой со стороны разныхъ авантюристовъ изъ польско-литовскихъ областей (кн. Романъ

1) Жерела VIII № 82.

2) Жерела VIII № 84, Архивъ III. I № 45.

3) О рокошневомъ движеніи см. въ т. VI с. 577—8.

Ружанскій, Ад. Вишневедкій, Янъ Сагѣга, Тышкевичъ, Лисовскій), и кромѣ козацкихъ отрядовъ, на вербованныхъ имъ, былъ поддержанъ также и запорожскими полками, въ особенности послѣ того какъ дѣло Болотникова и „паревича Петра“ было рѣшительно проиграно (въ октябрѣ 1607 г.). Такъ, въ походѣ этого самозванца изъ сѣверской земли, предпринятомъ въ это время, присоединились къ нему въ Карачевѣ запорожскіе отряды ¹⁾ и хотя скоро отстали, но съ началомъ 1608 г. начали прибывать къ нему новые, со своими козацкими вождями или подъ предводительствомъ разныхъ шляхетскихъ авантюристовъ изъ Украины ²⁾. И съ дальнѣйшими успѣхами движенія, когда этому „Димитрію“ удалось пройти въ окрестности Москвы и здѣсь, расположившись лагеремъ въ с. Тушинѣ, новости блокады столицы, число козаковъ участниковъ все увеличивалось. Въ концѣ 1608 г. въ его лагерь считывали до 13 тысячъ Запорожцевъ ³⁾. Они принимали выдающееся участіе въ московской смутѣ и разореніи московскихъ земель на ряду съ другими авантюристскими континентами, подъ фирмою претендента, которому никто не придавалъ значенія, сдѣлавшими грабежи и разореніе московскихъ земель своимъ ремесломъ ⁴⁾. Къ веснѣ 1609 г. потянулись туда новая партія: въ одномъ изъ писемъ того времени (1 / III) упоминаются Низовцы, идущіе туда черезъ Бѣлоруссію, въ количествѣ, какъ говорили, доходящемъ до 8 тысячъ ⁵⁾.

Одновременно съ этимъ не прекращалась козацкія войны съ Татарами и Турками; въ переговорахъ Порты съ Польшею неизмѣннымъ мотивомъ звучать требованія прибрать козаковъ къ рукамъ, а польское правительство повторяетъ старыя оправданія, что оно ничѣмъ не можетъ тутъ помочь, такъ какъ это „племя непостоянное, непослушное, беззутное, состоитъ изъ бѣгльцовъ московскихъ, татарскихъ, турецкихъ, украинскіихъ, молдавскіихъ, не имѣетъ ни отечества, ни закона, ни осѣдлости, живетъ грабежами и разбоемъ, скрываясь въ убожищахъ и пристанищахъ своихъ на Днѣпрѣ и другихъ рѣкахъ, своего имущества не

¹⁾ Рус. ист. библ. I с. 125, 127.

²⁾ Marchoski Hist. wojny moskiewskiej с. 9—10.

³⁾ Извѣстія собранныя у Соловьева с. 847 и сл.

⁴⁾ Ср. разсказъ Мархоцкаго объ экскурсіи изъ Тушина подъ Новгородъ: *Kozakow Zaporożskich, ktorych sie już było do nas nagarnęło nie mało* (с. 47).

⁵⁾ Письма Ник. Радзивилла въ Публ. библ., Пол. № 185.

имѣть, для чужого опасно, никакой власти надъ собою не признаеть и не терпитъ“¹⁾). Въ королевскомъ универсалѣ конца 1605 г. упоминается о какихъ-то недавнихъ нападеніяхъ козаковъ на турецкія земли—козаки въ земли турецкаго султана „вривати се и шкоды немалые чинити мали“, и король приказываетъ старостамъ на будущее время не допускать такихъ нападеній²⁾). Лѣтомъ 1606 г. козаки нѣсколько разъ нападали на турецкіе города черноморскаго побережья, ходили на Килію и Бѣлгородъ, захвативъ съ собою и присланнаго къ нимъ для порядка королевскаго дворянина. На морѣ захватили десять турецкихъ галеръ съ людьми, запасами и товарами; нанали съ моря на Варну, перебили жителей и забрали съ собою болѣе чѣмъ на 180 тыс. злотыхъ добычи³⁾). Съ этимъ походомъ связывается съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ старая пѣсня о взятіи Варны:

А в неділю пораненьку
Зібрали ся громадоньки
До козацької порадоньки:
Стали ради додавати,
Відкіль Варни доставати—
Ой чи з поля, чили з моря,
Чи з тої річки невелички?
Послали посла під Варну.
Поймав же посол Турчанька,
Старенького ворожбита,
Стали його вицитувати,
Відкіль Варни доставати—
Ой чи з поля, чили з моря,
Чи з тої річки невелички?

„Ані з поля ані з моря,
А з тої річки невелички“.
А в неділю пораненьку
Зібрали ся громадоньки
До козацької порадоньки,
Стали ради радувати,
Відкіль Варни доставати:
Ой чи з поля, ой чи з моря,—
А чи з річки невелички?
Віжуть, плинуть човенцями,
Поблискують весельцями,
Ударили з самопалів,
З семи пятдесят⁴⁾ запалів
Півсоткою із гармати,

¹⁾ Корреспонденція 1606 г.—Жерела № 80—93, записка въ Collestaeva-хъ Сенковскаго I с. 123, Пам. спом. Моск. госуд. съ Польско-лит. IV с. 363, и др.

²⁾ Матеріали по исторіи гетьманства Сагайдачнаго въ Читеніяхъ кіевськихъ т. № 2; П. Н. Жуковичъ думаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о нашествіи козаковъ итти на турецкія земли (ор- с. 122), но это повѣрно.

³⁾ Рукоп. Публ. библ. Пол. № 119 с. 2063 (инструкція на сеймики, 24. П. 1607) Бантышъ—Каменскій I с. 23 (въ 1 изд., пріурочилъ этотъ эпизодъ къ 1605 г. съ которымъ опись и былъ извѣстенъ до послѣдняго времени (Антоновичъ и Драгомановъ I с. 247, Каманинъ „Очеркъ гетьманства Сагайдачнаго“ с. 5, и др); точную дату его указалъ лишь Жуковичъ (I с. 122).

⁴⁾ Др. Франко поправляетъ: семипядесятихъ.

Стали її добувати,
Стали Турки нарикати.
Стали Варни діставати,
Стали Турки утікати,
Тую річку проклипати:

Бодай річка виспхала,
Що нас Турків в себе взяла.
Була Варна здавна славна,
Славнійші козаченьки,
Що тої Варни дістали
І в ній Турків забрали ¹⁾.

Случайно узнаємь далѣе, что осенью 1608 г. казаки ходили на Перекопъ, „удивительною хитростью взяли, разграбили и сожгли“ этотъ городъ, какъ записываетъ іезуитскій лѣтописецъ этого времени ²⁾. Затѣмъ отъ 1609 г. (осень) имѣется извѣстіе, что казаки на 16 чайкахъ напали на устье Дуная, сожгли и разграбили придунайскіе города: Измаиль, Килію, также Бѣлгородъ, но встревоженные приближеніемъ турецкаго флота не успѣли забрать всю добычу. ³⁾ Однако все это только отрывочныя, случайныя извѣстія о походахъ, одѣлавшихся явленіемъ хроническимъ, обычнымъ.

Кромѣ нападений на турецкія и татарскія земли, ареной для козацкихъ подвиговъ служили несчастные румынскіе края—теперь уже Молдавія, гдѣ со смертью Іереміи Могилы въ 1606 г. начались продолжительныя междоусобія съ неизмѣннымъ участіемъ разныхъ высокородныхъ авантюристовъ и козацкихъ отрядовъ. Польша поддерживала сыновей Іереміи; конкурентомъ выступилъ сначала давнишній претендентъ, Стефанъ Богданъ. Весною 1607 г. султанъ узналъ, что онъ отправился на Украину и тамъ собираетъ козаковъ, чтобы идти на Молдавію; онъ просилъ короля захватить тамъ претендента, но король, разумѣется, не въ состояніи былъ это исполнить ⁴⁾ Попытки Богдана впрочемъ не имѣли успѣха и гораздо болѣе серьезнымъ претендентомъ выступилъ

¹⁾ Русалка Дністрова и *Z. Pauli Pieśni ludu ruskiego* I с. 134, отсюда у Антоновича и Драгоманова I с. 246, варианты еще у Франка Студія № XIV. Форма пѣсни сильно искажена, языкъ и ритмъ ея испорчены; выбираю изъ нея тѣ мѣста какія съ большей вѣроятностью можно возводить къ первоначальному тексту, исправляя кое-гдѣ, насколько это возможно, и форму. Первая половина пѣсни—жалобы царицы (жены хана или султана) на море, поглотившее ея сына („Кляла цариця всльможная нані“...) не влжеться со второю, настоящею пѣснью о взятіи Варны и тѣ общія подробности, на которыя обратилъ вниманіе др. Франко, могли явиться въ имѣющемся текстѣ уже позднѣе.

²⁾ Велевицкій II с. 280. ³⁾ Жерела VIII № 93.

⁴⁾ Жерела VIII № 89.

братъ Іереміи, Симеонъ (неудачный волошскій господарь). Онъ купилъ себѣ милость турецкаго двора и съ его протекціею свергнулъ Константина, сына Іереміи, съ господарства, но на помощь семьѣ Іереміи двинулся Стефанъ Потоцкій, зять Іереміи, и прогналъ Симеона. Симеонъ вскорѣ потомъ умеръ, какъ говорили—отравленный Поляками, и борьба возгорѣлась между сыновьями Іереміи и Симсона, пока Константинъ Могилу не выбилъ изъ сѣдла другой претендентъ, Стефанъ Томпа (сынъ претендента времени Дмитрія Вишневецкаго). Стефанъ Потоцкій двинулся снова—посланный уже королемъ на помощь Константину, но не могъ осилить его соперника. Потоцкій былъ жестоко разбитъ, потерялъ все войско, самъ попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ, и польское правительство должно было отказаться отъ своего вліянія на Молдавію ¹⁾.

Козаки во время этихъ междоусобій, несомнѣнно, принимали постоянное участіе въ молдавскихъ дѣлахъ, хотя мы имѣемъ лишь изрѣдка точныя извѣстія объ этомъ ²⁾.

Одновременно съ этимъ размахомъ козацкой воспной энергіи, при полной свободѣ и безнаказанности, какою пользовалась въ то время козацкая стихія на Украинѣ, все болѣе растетъ „козацкое своеволие“ среди мѣстнаго населенія, козацкая „непослушность“ среди различныхъ слоевъ его. Опасенія украинскихъ магнатовъ, что съ развитіемъ козацкой энергіи, козачество проникаясь все болѣе сознаніемъ своихъ силъ и дѣйствительно захватывая въ свои руки Украину, увлечетъ за собою и народныя массы, мѣщанъ и крѣпостныхъ ³⁾, были вполне основательны. Это было время необычайнаго развитія „непослушности“, когда огромныя массы населенія, отдаваясь подъ козацкую власть и присудъ, отказывались отъ всякаго повиновенія своимъ „законнымъ“ властямъ, старостамъ и помѣщикамъ и проникаясь своевольнымъ козацкимъ духомъ, не хотѣли признавать надъ собою никакой власти.

¹⁾ Pisma ŻoŃkiewskiego с. 418 и 452.—7.

²⁾ Кроме приведеннаго выше письма султана отъ 1607 г. см. упоминаніе въ письмѣ Острожскаго отъ 1610 г.—Жерела VIII № 92; ср. тоже реестръ войска, посланнаго съ Потоцкимъ въ 1612 г. (Pisma с. 452.), гдѣ немало также козацкихъ ротъ, набранныхъ разными магнатами папами, и позднѣйшія приготовленія козаковъ къ походу на Молдавію въ 1613—4 гг. (смотри ниже).

³⁾ Жерела VIII № 78 и 82, ср. также № 86.

Изъ такихъ эпизодовъ особенную огласку получили „своевольства мѣщанъ брацлавскихъ и корсунскихъ“, констатированныя королемъ на сеймѣ 1607 г.—что у нихъ „ни комисіи, ни декреты наши (королевскіе) не имѣютъ никакого значенія“, и поэтому король отдаетъ ихъ въ распоряженіе старостъ, лишивъ права апелляціи въ какія-либо высшія инстанціи¹⁾. Относительно корсунскихъ бунтовъ мнѣ удалось отыскать рѣшенія королевскаго суда, въ количествѣ трехъ, довольно хорошо иллюстрирующихъ украинское своеволье, вызванное козацкимъ движеніемъ. Начались эти споры между корсунскими мѣщанами и ихъ старостою, извѣстнымъ магнатомъ Яномъ Даниловичемъ (собственно его представителемъ) по довольно ничтожному поводу: мѣщане не хотѣли мостить мосты за городомъ и явиться передъ урядниками старосты „на муштру або оказованье“. Но затѣмъ это перешло уже во всякіе другіе „бунты розмаїтые, ростерки и розсибья“, характеризуемые въ концѣ концовъ старостою какъ „досить значная ребелія“. Мѣщане перестали платить ему арендную плату за право варенья и торговли напитками и другія льготы. Затѣмъ отказались отъ юрисдикціи замка, старостинскихъ властей, ограничивались исключительно своими судами, а старосту начали бойкотировать: всѣхъ послушныхъ мѣщанъ, желавшихъ и дальше оставаться подъ юрисдикціею старосты, они прогоняли съ городскихъ земель, какъ выражается королевская повѣстка въ судъ: „всю юрыздыцню замкову старостинскую себе привлащаєте, справи и розсудки всю межы укrywжопими, узявиши тоє з моцы старосты нашего, сами надъ звиклость давную одправуете, а хто бы ся у реестръ вашъ, в юрыздыцню вашу не вписалъ и противъ старосте напому з вами не переставалъ, тогда з мѣста проч од маєтности виганяете, добра ихъ берете“. Когда староста хотѣлъ разыскать среди мѣщанъ бѣглыхъ, принадлежащихъ разнымъ разсыкивающимъ ихъ помѣщикамъ, и выдать послѣднимъ, мѣщане рѣшительно не допустили этого. Когда же урядники хотѣли выдать ихъ силою, мѣщане начали готовиться къ вооруженному отпору, заявивъ, что будутъ защищать этихъ бывшихъ крѣпостныхъ „до горля своихъ“²⁾.

На сеймѣ 1607 г. шляхта украинскихъ воеводствъ при-

¹⁾ Volum. legum II с. 443.

²⁾ Акты т. наз. Русской Метрики архива мин. юстиціи, 1604—5 гг.

везла съ собой цѣлый ворохъ жалобъ и нареканій на это украинское своеволие, и на сеймѣ было принято цѣлый рядъ законовъ объ обузданіи его. Кроме постановленія „объ украинскихъ городахъ“, направленнаго главнымъ образомъ противъ брацлавскихъ мѣщанъ, но изданнаго, очевидно, въ качествѣ общей нормы на случай всякихъ подобныхъ мѣщанскихъ своевольствъ,—имѣется еще нѣсколько постановленій въ высокой степени характерныхъ для тогдашнихъ украинскихъ отношеній. Конституція „Объ украинскомъ своеволіи“, изданная „для приведенія въ добрый обычай и порядокъ городовъ и староствъ украинскихъ“, постановляетъ, что въ Кіевскомъ воєводствѣ мѣщане ¹⁾, а въ Подольскомъ— мѣщане и бояре должны находиться подъ властью и управленіемъ старостъ, обязаны нести военную и замковую службу по ихъ указаніямъ, и старосты должны производить судъ по дѣламъ мѣщанскимъ и боярскимъ (очевидно, суды эти перестали уже функционировать, такъ какъ никто не хотѣлъ имъ повиноваться); для проведенія въ жизнь этихъ постановленій старостамъ должны содѣйствовать своими военными силами гетманы ²⁾. Конституція „О козакахъ запорожскихъ“, подтверждая прежнія постановленія (1589, 1590 и 1601 г.), напоминаетъ вновь, что козаки, живя на королевскихъ земляхъ, должны подлежать юрисдикціи старосты, а живущіе во владѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ лицъ— власти своихъ помѣщиковъ и ихъ суду, „а также и наказаніямъ за всякіе преступки“; противъ своевольныхъ козацкихъ бандъ дается право репрессій, какъ противъ бунтовщиковъ ³⁾. Наконецъ среди постановленій в. кн. Литовскаго, принятыхъ на томъ же сеймѣ, на первомъ мѣстѣ находимъ длинное постановленіе „Объ усмиреніи своевольныхъ украинскихъ людей“, въ которомъ даются широкія судебныя и административныя полномочія по отношенію ко всякимъ своевольнымъ людямъ, „плебеямъ“ и шляхтичамъ, которые собираютъ людей и нападаютъ на чужія государства, нарушая миръ и доставляя хлопоты Рѣчи Посполитой ⁴⁾.

Однако все эти постановленія остались лишь выраженіемъ пожеланій украинской шляхты и характеристикой украинскихъ от-

¹⁾ Изъ кіевскихъ городовъ этой конституціи должны были подлежать: Корсунь, Чигиринь, Стеблевь и Даниловь.

²⁾ Volum. legum II с. 443

³⁾ Ibid. с. 447, ср. т. I этого сочиненія с. 355.

⁴⁾ Volum. legum II с. 448.

пошений, не давъ ничего новаго украинской администраціи: всё эти широкія полномочія противъ своевольниковъ она имѣла и раньше, и какъ прежде не была въ состояніи достигнуть съ ними ничего положительнаго, такъ не могла и теперь въ виду того, что правительство по прежнему предоставляло ее своимъ собственнымъ силамъ. Правительство же, совершенно поглощенное рокошесвымъ движеніемъ, вспыхнувшимъ съ новою силою послѣ этого сейма, не могло и думать о чемъ-нибудь другомъ. Рокошъ внутри и смута въ сосѣднихъ московскихъ земляхъ усиливали еще болѣе всякіе своевольные элементы, въ томъ числѣ и козацкую стихію. Поэтому въ постановленіяхъ ближайшаго сейма (нач. 1609) мы снова читаемъ постановленіе о своевольныхъ людяхъ, констатирующее еще болѣе ростъ своевольныхъ военныхъ бандъ за послѣднее время, а затѣмъ длинную и интересную конституцію „О запорожскихъ козакахъ“, свидѣтельствующую о дальнѣйшемъ развитіи козацкой стихіи наперекоръ всѣмъ шляхетскимъ постановленіямъ и жалобамъ ¹⁾).

Упомянувъ о прежнихъ постановленіяхъ, согласно которыхъ козаки подчиняются власти и юрисдикціи помѣщиковъ, а въ королевскихъ земляхъ—ихъ державцевъ, она констатируетъ, что на дѣлѣ происходитъ совершенно обратное: „вопреки этой конституціи и стариннымъ обычаямъ, козаки чинятъ страшное безправіе и своеволие, не только не признавая власти нашихъ старостъ и своихъ пановъ, но имѣя своихъ гетмановъ и иную форму юрисдикціи (собственное козацкое устройство и свой судъ); тѣмъ самымъ они притѣвняютъ города и нашихъ мѣщанъ, создаютъ препятствія власти нашихъ чиновниковъ и украинной администраціи (конкуренціею своей козацкой юрисдикціи), производятъ безнаказанно невыносимыя безчинства и беззаконія, насилія и убійства; наконецъ—своевольно, помимо воли и вѣдома нашего и нашихъ военныхъ властей собираютъ огромныя банды, совершаютъ набѣги на наши города въ волостяхъ и на непріятельскіе замки, нарушая общественное спокойствіе и наши договоры съ сосѣдями“. Въ виду этого сеймъ приказываетъ городамъ и мѣщанамъ не поддаваться подъ козацкую юрисдикцію и не дозволять этого своимъ сыновьямъ. Для возстановленія же среди козаковъ порядка, онъ назначаетъ комиссаровъ, въ обязанность которыхъ, наряду съ ко-

¹⁾ Volum. Legum II с. 465, ср. т. I с. 355.

рошнымъ гетманомъ, кievскимъ воеводой и старостою ¹⁾), взмѣняет- ся произвести судъ и расправу по всѣмъ учиненнымъ своевольствамъ, для чего должны быть призваны запорожскіе козаки „живущіе на вольностяхъ“; низовымъ козакамъ поручается назначить старшаго, установить среди нихъ порядокъ; освободить города отъ козацкой юрисдикціи и „опрессіи“; вообще обезпечить эти области отъ свое- вольства, „приноравливаясь къ условіямъ и нуждамъ этихъ зе- мель и ихъ населенія“.

Если однако мы припомнимъ, что тотъ же самый сеймъ принципиально (хотя и неофициально) одобрилъ войну съ Моск- вою, ассигновавъ для нея кредиты, и король и гетманъ въ дѣй- ствительности думали не объ обузданіи козаковъ, а о привлеченіи ихъ, какъ необыкновенно дешеваго и полезнаго войска, въ воз- можно большихъ размѣрахъ для будущаго похода на Московію — намъ станетъ яснымъ, до какой степени пустыми были всѣ эти разговоры. Хотя у насъ не имѣется болѣе подробныхъ свѣдѣ- ній о назначенной комиссіи, но можно сказать съ увѣренностью, что назначенные комиссары даже не пробовали выполнить возложе- нное на нихъ порученіе. Въ концѣ августа, уже съ похода въ Москву, король посылаетъ со своимъ дворяниномъ письмо къ знатнѣйшему изъ украинскихъ магнатовъ, кн. Янушу Острожскому, поручая ему „укротить своеволие козаковъ на Украинѣ, чтобы они не собирались и не нарушали договоровъ съ соедѣнными государствами“. Но кн. Острожскій, не сочувствовавшій планамъ мо- сковской войны, отвѣтилъ королю довольно рѣзко, что онъ не чувству- етъ себя въ силахъ исправлять своими личными стараніями то, что портятъ со всѣхъ сторонъ: на Украинѣ какъ разъ идетъ вербов- ка козаковъ на королевскую службу и это даетъ право всякому сброду объявлять себя королевскимъ войскомъ и заявлять всякія претензіи. „Теперь именемъ вашей кор. милости по Украинѣ посятъ знамена и разные люди называютъ себя слугами вашей кор. милости, хотя это и не правда, и я вижу, что при такомъ управленіи не только я, но и обладающій большими силами, не сумѣю положить этому предѣлъ“ ²⁾. Острожскій не могъ от-

¹⁾ Этотъ постъ кievскаго воеводы Молжевскій (ставшій вели- кимъ гетманомъ послѣ смерти Замойскаго въ 1605 г.) получилъ незадолго до сейма 1609 г., послѣ Андрея Сапѣги, бывшаго времен- никомъ кн. Конст. Острожскаго.

²⁾ Жерела УИИ № 92.

крыто сказать королю въ глаза, что онъ самъ своими вербовками поддерживаетъ украинскую смуту, и какъ же тутъ требовать отъ отдѣльныхъ украинскихъ магнатовъ, чтобъ они умирjali это своеволие!

Король и его приближенные не могли оставаться спокойными свидѣтелями успѣховъ, какіе выпадали на долю разныхъ польско-литовскихъ авантюристовъ въ Московскомъ государствѣ подъ фирмою московскаго „царика“, какъ называли въ Польшѣ и на Украинѣ второго Лжедмитрія, при содѣйствіи украинскаго козачества. Пока бушевалъ „рокошь“, польскому правительству было не до того (у рокошанъ, стоявшихъ въ нѣкоторой связи съ московскими авантюристами, былъ даже планъ посадить „царика“ на польскій тронъ вмѣсто Сигизмунда). Лѣтомъ 1608 г., когда ликвидація рокоша оставалась еще подъ сомнѣніемъ, правительство Сигизмунда заключило даже съ московскимъ правительствомъ царя Василія Шуйскаго новый перемирный договоръ. Но рокошь утихъ, польско-литовскія банды въ Москвѣ дѣлали дальнѣйшіе успѣхи, достигшіе въ срединѣ 1608 г. своего апогея, такъ что почти все Московское государство было въ рукахъ польско-литовскихъ авантюристовъ и украинскихъ козаковъ: правительство Шуйскаго вступило въ союзъ со Швеціею, съ Карломъ IX, смертельнымъ врагомъ Сигизмунда и Польши. Въ виду этого, въ предворныхъ польскихъ кругахъ во второй половинѣ 1608 г. возникаетъ рѣшеніе разорвать трактатъ о перемиріи съ царемъ, придравшись къ разнымъ мелкимъ поводамъ, чтобы использовать страшный развалъ Московскаго государства въ интересахъ Польши и ея династіи. Разсчитывали воспользоваться пріобрѣтеніями польско-литовскихъ авантюристовъ и, свергнувъ жалкаго Шуйскаго, посадить на московскій престолъ Сигизмунда, а потомъ—потомъ съ удвоенными силами уничтожить въ Швеціи оппозицію и вернуть Сигизмунду отцовскую корону, которую онъ потерялъ съ переходомъ на польскій тронъ—и не могъ ее забыть.

Такіе планы складывались въ кругу приближенныхъ Сигизмунда. Однако выступать съ ними передъ широкими кругами польскаго общества, настроеннаго подозрительно ко всякаго рода династическимъ планамъ, ко всякому усиленію королевской силы и власти, было совершенно невозможно. Чтобы привлечь ихъ на

сторону своихъ плановъ московской войны, Сигизмундъ долженъ былъ перенести центръ тяжести на возвращеніе Польско-литовскому государству потерянныхъ провинцій—Смоленска и Сѣверскихъ земель, на расширеніе предѣловъ Польши, долженъ былъ обѣщать, что всё пріобрѣтенія этой войны получитъ Польша: король ничего не оставитъ ни себѣ, ни своему потомству, но передаетъ все Рѣчи Посполитой (формальная декларация въ этомъ смыслѣ Сигизмундъ вынужденъ былъ сдѣлать, выступая въ походъ). И все-таки польское общество довольно холодно и подозрительно принимало всё эти королевскія увѣренія и обѣщанія, и сеймъ 1608 г., которому былъ предложенъ на обсужденіе этотъ вопросъ, хотя и принялъ къ свѣдѣнію королевскіе планы, но не сдѣлалъ никакихъ заявленій по этому поводу и не отпустилъ спеціальныхъ кредитовъ на это предпріятіе: былъ вотированъ лишь обычный налогъ на случай какихъ либо опасностей и на продолженіе ливонской войны.

Но Сигизмундъ, горѣвшій каждою завоеваніемъ и триумфомъ, безъ одобренія сейма, съ пустою казною, съ разбитой государственной машиной и только что подавленной рокошевой смутой,—все таки ринулся въ московскую авантюру. И ему нужно было войско, по возможности въ большемъ количествѣ, по возможности недорогое и по возможности въ кредитъ. А гдѣ же, какъ не на Украинѣ, можно было искать его? И вотъ, какъ писалъ Янушъ Острожскій, разные авантюристы съ королевскими знаменами пошли гулять по Украинѣ, вербуя каждого охотника.

Въ осени 1609 г. король двинулся черезъ Бѣлоруссію на Смоленскъ. Жолкевскій совѣтовалъ обратиться сначала къ другой утраченной провинціи—Сѣверской, какъ болѣе легкой добычѣ. Совѣтъ былъ благоразуменъ, тѣмъ болѣе, что Сѣверскія земли уже предшествовавшими возстаніями были сильно возбуждены и наводнены козаками; но король не послушалъ этого совѣта. Въ Сѣверскія земли послали козаковъ, король же двинулся на Смоленскъ, сильно укрѣпленный, почти неприступный ¹⁾, и въ концѣ сентября осадилъ его. Съ нимъ было около 8 тыс. разнаго на-вербованнаго войска ²⁾—число для такой кампаніи совсѣмъ незначительное. Тѣмъ болѣе приходилось цѣнить Запорожцевъ, прибывавшихъ непрерывно и изъ Украины и изъ бандъ „царика“. Значительная часть польско-литовскихъ контингентовъ находившихся

¹⁾ Pisma Żółkiewskiego с. 19.

²⁾ См. у Гурьскаго Obleżenie Smoleńska с. 7.

въ войскѣ послѣдняго, получивъ приглашеніе присоединиться къ королевскому войску, присоединилась къ королю, рассчитывая на богатое жалованье, въ то время какъ другія банды предпочли организовать самостоятельныя разбойничьи экспедиціи въ московскихъ земляхъ, а „царикъ“ съ козаками, оставивъ Тушнину, передвинулся на югъ въ Калугу, ближе къ козацкимъ краямъ. Съ нимъ, несомнѣнно, осталось много Запорожцевъ, въ то время, какъ другіе частью перешли въ королевское войско, частью занялись опустошеніемъ южныхъ земель.

Въ дневникѣ осады Смоленска подъ 7 октября находимъ извѣстіе о прибытіи депутаціи отъ запорожскихъ козаковъ къ королю съ извѣщеніемъ, что ихъ войско въ количествѣ 3000 идетъ къ королю и проситъ пожаловать имъ знамя; черезъ недѣлю войско это дѣйствительно прибыло. Полторы недѣли спустя явился отрядъ Запорожцевъ изъ цариковаго войска, изъ-подъ Бѣлой, а за ними новое посольство отъ козаковъ, еще остававшихся съ царикомъ, что они не хотятъ принимать участія въ конфедераціи оставшихся при царикѣ бандъ противъ короля, просятъ пожаловать имъ тоже королевское знамя и предлагаютъ королю свою службу. На слѣдующій день—посольство отъ козакаго войска изъ-подъ Вязьмы, въ количествѣ 3 тыс. отборнаго войска, съ изъявленіемъ готовности служить королю ¹⁾. Однако присоединиться къ королевскому войску эти козаки не очень спѣшили; такъ, два мѣсяца спустя, какъ видно изъ тѣхже записокъ, они продолжаютъ стоять подъ Вязьмою и Бѣлою и ведутъ переговоры то съ королемъ, то съ царикомъ, выжидая очевидно, кто лучше заплатитъ и чья возьметъ верхъ ²⁾.

Но и подъ Смоленскомъ козаковъ собралось не мало. Жолкевскій говоритъ въ своихъ запискахъ, что уже въ началѣ осады (въ началѣ октября) было тамъ 30 тыс. козаковъ, пришедшихъ подъ начальствомъ Олсвченка ³⁾, а позднѣе еще прибавилось. По словамъ од-

¹⁾ Рус. истор. библ. I с. 458 (300 вмѣсто 3000), 459, 464, 466, 475—6.

²⁾ Ibid с. 493, 498.

³⁾ Piśma с. 32; трудно не вѣрить Жолкевскому—а простой опечатки не допускаетъ контекстъ; Маскевичъ въ своихъ запискахъ исчисляетъ козаковъ только въ 12 тыс., а hetman u nich ze Zborowa miasteczka, Zborowskim się zwał, kozak staranny—с. 14. Въ рассказѣ о приступѣ подъ Смоленскъ въ августѣ 1610 г. хроника осады называетъ козацкимъ гетманомъ какого-то Каленика (Kalenik hetman ich—Рус. ист. библ. I с. 656).

ного участника смоленской кампании, собралась тогда (зимой 1609/1610 г.) въ отъѣздъ на приглашеніе короля и по собственному усердію огромная масса украинскаго козачества: „запорожскихъ козаковъ по разнымъ мѣстамъ въ Москвѣ огромное количество, насчитывалось ихъ болѣе 40 тыс., причемъ прибывали все новые, чуть ли не со всѣмъ кошемъ вышли изъ Запорожья, а услугу королю оказывали выдающуюся“ ¹⁾). Кроме козацкаго войска, присоединившагося къ королю послѣ бѣгства царика въ Калугу (въ январѣ 1610 г. ²⁾), является еще какой-то большой отрядъ „изъ Украины“ въ первыхъ числахъ февраля ³⁾); затѣмъ черезъ нѣсколько недѣль новое посольство отъ 7000 козаковъ изъ Украины „наилучшихъ“—онѣ идетъ къ королю подъ его знамена. Въ юнѣ еще 4 тыс. Запорожцевъ, 3 тыс. конныхъ, тысяча пѣшихъ, подъ предводительствомъ кievскаго шляхтича Харлинскаго. Еще нѣсколько недѣль спустя какой-то Кудьбака приводитъ 2500 козаковъ изъ Украины ⁴⁾), и т. д.

Кромѣ того, какъ уже было сказано, козацкій корпусъ занимался завоеваніемъ Сѣверскаго края и козакъ взяли Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Почепъ, Брянскъ, Козельскъ и др. здѣшніе города ⁵⁾). Туда же къ веснѣ (1610 г.) выслалъ король часть вновь прибывшаго войска. Козакъ подъ предводительствомъ своего старшины Искорки взяли Стародубъ, захвативъ неожиданнымъ нападеніемъ. Московскій гарнизонъ укрѣпился въ замкѣ и ни за что не хотѣлъ сдаваться; козакъ подожгли замокъ, но тѣ бросались въ огонь и все же не сдавались: спасли кое-кого силою, взявъ въ плѣнъ. Новгородъ Сѣверскій безъ кровопролитія сдался „старшему полковнику“ Гунченку, съ трехтысячнымъ козацкимъ войскомъ подступившему къ городу. Другой отрядъ взялъ Почепъ; мѣстное населеніе, убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, сдалось козакамъ. ⁶⁾).

Изъ писемъ „старшого полковника“ Андрея Стороженка, писанныхъ весною 1610 г. изъ-подъ Почепъ, узнаемъ, что съ нимъ въ Сѣверскомъ краѣ было въ это время отъ 10 до 15 тыс. козаковъ, причемъ количество ихъ постоянно увеличивалось. Сохранились два его письма одинаковаго со-

¹⁾ Pamiętniki Sam. Maskiewicza с. 15.

²⁾ Рус. ист. библ. I с. 529. ³⁾ Упомянутое *ibid.* с. 541.

⁴⁾ *Ibid.* с. 543, 604, 616, 635. ⁵⁾ Маскевичъ с. 16.

⁶⁾ Рус. ист. библ. I с. 543, 558—61, 566—7, 570—1.

держанія, одно отъ 30 мая, другое отъ 2 июня; въ первомъ количество своихъ козаковъ онъ исчисляетъ въ „десять тысячъ и больше“, во второмъ уже до пятнадцати слишкомъ тысячъ¹⁾. Когда съ наступленіемъ весны 1610 г., послѣ долгой и безплодной осады Смоленска, польскія войска начали готовиться къ рѣшительному приступу, рѣшено было стянуть подъ Смоленскъ и сѣверскіе козацкіе отряды; хотя и на смоленскомъ театрѣ было большое количество козаковъ, но очевидно, считали нужнымъ усилить ихъ составъ. Въ этомъ смыслѣ писалъ имъ Левъ Сапѣга, одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ смоленской кампаніи, и отвѣтомъ были упомянутыя письма „старшаго полковника“ сѣверскихъ полковъ, Андрея Стороженка²⁾. Въ своихъ письмахъ онъ извѣщалъ, что войско готово идти на смоленскую службу, только хотѣло бы знать ея условія: сколько получать на челомѣка, на долго ли берутъ ихъ на службу, „наконецъ—съ кого, изъ какихъ средствъ и гдѣ имѣютъ требовать этой убогой кровавой платы по окончаніи службы оставшіеся въ живыхъ“³⁾.

Но въ этомъ какъ разъ и заключался самый трудный вопросъ, на который не могъ бы отвѣтить не только Сапѣга, но и самъ король. Сигизмундъ самъ пускался въ эту войну по-козацки: „Не на те козак не що е, а на те що буде“. Насобиравъ войска и изъ тушинскаго лагеря и со всевозможныхъ другихъ мѣстностей, онъ полагался на будущіе успѣхи войны. Между тѣмъ его тріумфы не принесли матеріальныхъ средствъ. Дневники отмѣчаютъ все новые и новые козацкіе отряды, приходившіе подъ Смоленскъ, но болѣею частию умалчиваютъ объ ихъ казнѣйшей судьбѣ. Хотя козацкое войско постоянно фигурируетъ въ качествѣ важнаго и виднаго фактора смоленской вой-

¹⁾ Письма въ киевскихъ Чтевіяхъ VII с. 70.

²⁾ Издатель этихъ писемъ, А. Стороженко-junior, предполагаетъ, что этотъ титулъ нужно понимать какъ „старшій“, т. е. козацкій гетманъ, но это не такъ: „гетманомъ“ называлъ себя тогда Тяскиневичъ и этимъ титуломъ подписалъ извѣстное письмо относительно Грековича „за Перегами року 1610 мая 29 дня“. (Акты Ю. З. Р. II с. 66), поэтому А. Стороженко и подписался не просто „старшій“, а „старшій полковникъ“; для гетманства его мѣста въ это время не было, и „длиннаго промежутка“ въ реестрѣ запороженскихъ гетмановъ, усмотрѣннаго Стороженкомъ, въ дѣйствительности не существовало.

³⁾ Чтенія, см. выше.

ны¹⁾, однако большая часть козачества, не получая никакого жалованья, съ теченіемъ времени оставляла королевское войско и пускалась или отдѣльно или вмѣстѣ съ Поляками въ самостоятельныя разбойничьи экскурсіи²⁾. Поэтому и сѣверскіе козаки не спѣшили въ королевскій таборъ, и вѣроятно только часть ихъ перешла туда³⁾.

При ликвидаціи тушинскаго эпизода бояре, находившіеся въ лагерь, рѣшили просить у Сигизмунда его сына королевича Владислава на царство московское. Этотъ планъ былъ принятъ затѣмъ и московскимъ боярствомъ, уже успѣвшимъ свергнуть царя Василія. Но Сигизмундъ находилъ нужнымъ прежде всего обезпечить для Польши спорныя земли (Смоленскъ и Сѣверскую область), да и на прозѣтъ коронаціи Владислава на московское царство долго не могъ рѣшиться. Благодаря этимъ колебаніямъ и разнымъ допущеннымъ имъ тактическимъ промахамъ, Сигизмундъ упустилъ моментъ: занятый осадой Смоленска, онъ безвозвратно потерялъ Москву и виды на царскую корону. Лишь лѣтомъ 1611 г. удалось наконецъ взять Смоленскъ, и Сигизмундъ созвалъ сеймъ, чтобы, импонируя ему своими завоеваніями и триумфами, получить одобреніе своей московской войны (начатой безъ формальнаго согласія сейма) и солидныхъ кредитовъ на ея продолженіе.

Онъ рассчитывалъ, что возвращеніе утраченныхъ столѣтіе тому назадъ восточныхъ провинцій, выборъ на московскій престолъ польскаго королевича и вводъ польскаго гарнизона въ Москву, произведенный на этомъ основаніи—всѣ эти неслыханные триумфы откроютъ ему сердца и карманы шляхты. Въ своихъ предсеймовыхъ инструкціяхъ и сеймовомъ предложеніи⁴⁾ онъ подчеркивалъ, что счастливый ходъ этой войны и ея необычайные успѣхи ясно показываютъ, что война эта была дѣломъ божіимъ—воля божья избрала въ данномъ случаѣ польскаго короля орудіемъ своихъ судъ. Онъ обращаетъ вниманіе поль-

¹⁾ Напр. Рус. ист. библ. I с. 477, 485, 657, 640, 656.

²⁾ См. напр. тамъ же с. 554, 573, 591, 604 и др.

³⁾ Górski с. 100 говорятъ о 15 тыс., но въ дневникѣ Рус. ист. библ. этого нѣтъ, см. с. 635—7.

⁴⁾ Содержаніе ихъ (въ рукописныхъ источникахъ) у Жуковича Сейм. борьба вып. I с. 57—65.

Грушевскій, Козачество т. II.

скаго общества на важность момента, на перспективы, имъ открываемыя и—на тѣ средства, какихъ эти перспективы требуютъ для своего осуществленія, наконецъ призываетъ общество къ жертвамъ на благо государства. Но шляхта, очевидно, разсудила, что если сами суды божьи, какъ увѣрялъ король, противъ Москвы, то ей можно и въ дальнѣйшемъ спокойно положиться на милость божию, не заботясь ни о войнѣ, ни о кредитахъ для ея веденія. Сеймъ съ удовольствіемъ принялъ къ свѣдѣнію усилья короля, предоставилъ ему вести войну по своему благоусмотрѣнію (хотя и сдѣлалъ оговорку на будущее время, что наступательной войны король безъ согласія сейма не въ правѣ вести) и—вотировалъ лишь обычные военные налоги, совершенно недостаточные даже для расплаты съ войскомъ за двухлѣтнюю войну, а затѣмъ—предоставлялъ королю продолжать войну по-казацки: „не на то, что есть, а на то, что будетъ“: на счетъ тѣхъ приобретений и сокровищъ, которыя должны были попасть в руки короля въ Москвѣ. И правительство Сигизмунда послѣ всѣхъ триумфовъ и комплиментовъ очутилось снова съ непоплатеннымъ войскомъ и съ пустою казною передъ перспективою новой упорной войны, требовавшей для осуществленія грандіозныхъ плановъ, начерченныхъ Сигизмундомъ, войскъ и войскъ, денегъ и денегъ.

Это было осенью 1611 г. Обстоятельства сложились такъ, что польскіе планы были уже сильно испорчены и требовали энергичныхъ усилій, если хотѣлось исправить уищенное. Польскій гарнизонъ находился въ Москвѣ, Москвою правилъ боярское правительство именемъ Владислава, но въ разныхъ концахъ Московскаго государства подымалась все болѣе серьезная реакція противъ этого скомпрометированнаго правительства. Москва находилась въ блокадѣ, и только энергическая помощь изъ Польши могла ее спасти. Но отсутствіе денегъ парализовало все, и непоплатенныя роты расходились даже изъ московскаго гарнизона и посланнаго ему на помощь войска, подъ предводительствомъ литовскаго гетмана Ходкевича. При такихъ условіяхъ помощь казаковъ была особенно цѣнна для правительства—они были наименѣе притязательны, готовы были служить въ кредитъ, довольно мало надежны, и наверстывать невыплаченное имъ жалованье реквизиціями, контрибуціями и простыми грабсжами. Подробностей относительно набора казаковъ на королевскую службу въ эти годы у насъ не имѣется, но очевидно, не безъ особаго поощренія правительства продолжали они двигаться въ московскія земли во вре-

мя кампаніи 1611—3 гг.: чѣмъ болѣе истощались ресурсы правительства на содержаніе польскаго войска, тѣмъ важнѣе была для него козацкая помощь. Въ письмахъ того времени встрѣчаются упоминанія о большомъ козацкомъ корпусѣ, въ 15 тысячъ, двигавшемся осенью 1611 г. изъ Украины черезъ Бѣлую Русь, очевидно въ Москву¹⁾. В ноябрѣ этого же года Ходкевичъ исчисляетъ количество всѣхъ козаковъ въ Московіи на королевской службѣ въ 30 тысячъ²⁾; большой козацкій корпусъ находился при немъ, козацкій отрядъ сидѣлъ въ Москвѣ, въ гарнизонѣ. Другіе оперировали въ Сѣверскихъ земляхъ, а кромѣ того болѣе или менѣе значительные отряды козаковъ промышляли на собственный страхъ въ разныхъ концахъ Московскаго государства. Когда въ августѣ 1612 г. походъ Ходкевича подъ Москву не удался, и онъ долженъ былъ отступить, козацкое войско отделилось отъ него и пустилось на сѣверъ, на Вологду, Тотьму, Сольвычегодскъ, хозяйничало здѣсь два года, разоряя край, захватывая города и замки, опустошая все огнемъ и мечемъ³⁾. Другіе козацкіе отряды принимали участіе въ набѣдахъ извѣстнаго предводителя бандъ Лисовскаго (вплоть до 1615 г.).

Въ концѣ 1612 г. польскій гарнизонъ въ Москвѣ вынужденъ былъ сдаться московскимъ войскамъ, собранымъ временнымъ правительствомъ (организованнымъ по инициативѣ Нижегородцевъ въ концѣ 1611 г.). Король не будучи въ состояніи расплатиться со старымъ войскомъ, не могъ собрать никакихъ новыхъ силъ. Даже польскіе солдаты, стоявшіе подъ Смоленскомъ, не получивъ выслуженнаго, не захотѣли идти съ нимъ подъ Москву. Точно на смѣхъ, Сигизмундъ съ сыномъ подошелъ подъ Москву съ горстью войска уже послѣ капитуляціи гарнизона и въ сознаніи своего безсилія и безнадежности положенія тотчасъ же отступилъ и двинулся обратно въ Польшу.

Военныя операціи продолжались затѣмъ только въ Сѣверскихъ земляхъ, и здѣсь главную роль играли казаки. Отъ февраля 1613 г. сохранилась королевская грамота къ Запорожцамъ „въ Путнвлѣ, Запорожьѣ, на Украинѣ и въ другихъ мѣстахъ“: король выражаетъ имъ благодарность за услуги оказанныя въ московской

¹⁾ Письма Радзивилла—Ркп. Публ. библ. Пол. № 202 л. 154.

²⁾ Bibl. ogdyn. Krasnińskich I с. 92.

³⁾ Документальный матеріалъ по этому вопросу собранъ въ статьѣ Н. Ардашева: Изъ исторіи XVII вѣка (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1899, VI).

войнѣ вообще и за ихъ послѣднюю службу въ Сѣверскомъ край, гдѣ они ваяли Путивль. Этотъ городъ вмѣстѣ съ волостью король пожаловалъ Мих. Вишневецкому, положившему большія заслуги въ сѣверской войнѣ, въ роли пограничнаго съ Москвою магната, владѣльца Лубецкихъ лятифундій и старосты пограничной Остерской королевщины; король при этомъ выражаетъ надежду, что казаки помогутъ Вишневецкому удержать въ своихъ рукахъ Путивльскія земли ¹⁾. Въ другомъ, болѣе позднемъ письмѣ король проситъ Запорожцевъ продолжать борьбу съ врагомъ и поддерживать Вишневецкаго ²⁾. Лѣтомъ того же года они вмѣстѣ съ людьми Лисовскаго и литовскимъ войскомъ завладѣли цѣлымъ рядомъ замковъ по южной границѣ московскаго государства и заходили подъ Калугу. На сѣверѣ на протяженіи 1613 и 1614 гг. украинскіе казаки продолжали добычничать, заходя подъ Архангельскъ, Холмогоры, Олонецъ, по временамъ соединяясь для общихъ операций со шведскимъ войскомъ ³⁾. Одновременно несли службу и на южной границѣ: по призыву гетм. Жолкевскаго ходили оберегать ее сначала отъ Татаръ, а потомъ со стороны Молдавіи ⁴⁾.

Польское правительство не могло продолжать операций въ Московскихъ земляхъ и тянуло безконечные переговоры съ московскимъ правительствомъ, не имѣя возможности выступить активнѣе. Сеймъ, созванный въ началѣ 1613 г., подъ впечатліемъ послѣднихъ неудачъ, а еще болѣе—тѣхъ своевольствъ, разореній и грабежей, какіе позволяли себѣ неоплаченные войска, перенеся въ границы Рѣчи Посполитой ту разбойничью энергію, какую они развернули раньше въ Московскомъ государствѣ,—рѣзко и рѣшительно высказался противъ московской авантюры Сигизмунда, и всякія надежды на ея продолженіе на время были похоронены.

Четыре года оказывало украинское козачество непрерывныя услуги польскому правительству въ московской войнѣ. Удовлетворяя свои нужды московскимъ добромъ, мобилизовало и отправляло въ московскія земли десятки за десятками тысячъ украин-

¹⁾ Рукоп. Нубл. библ. Разн. Р. № IV № 85 с. 50. ²⁾ Ibid.

³⁾ Акты Моск. госуд. I № 46—7, 52, 53, 55, 56, 69, 70.

⁴⁾ Объ этомъ казаки доносили королю—рки. № 85 с. 50, ср. реляцію о разгромѣ казаками Татаръ въ сентябрѣ 1612 г. въ рел. Пол. Р. IV № 202 л. 175.

скаго населенія, вырывая его изъ рамокъ „обычнаго подчиненія и повиновенія“ польскому режиму, увеличивало и расширяло до бесконечности свои кадры, становясь силою все болѣе значительной и активной.—и вмѣстѣ съ тѣмъ обязывало польское правительство, какъ своего неоплатнаго должника за неуплаченное жалованье, за службу и кровь, ко всяческой снисходительности по отношенію и къ козацкимъ своевольствамъ и къ козацкимъ притязаніямъ. Козацкое вліяніе, козацкое право, козацкое господство на „украинѣ“, уже ранѣе широко развившеся, находятъ себѣ теперь новыя оперныя точки, новыя оправданія въ козацкой службѣ Рѣчи Посполитой, въ козацкихъ заслугахъ, въ козацкихъ претензіяхъ къ государственной казнѣ, и нельзя было и думать о томъ, чтобы этимъ претензіямъ ставили какія-либо границы или препоны. Мобилизируясь въ походъ, являясь на Украину въ антрактахъ между двумя экспедиціями, отдыхая и ремонтируясь по окончаніи походовъ, и казаки—подъ козацкою фирмою, „подъ заслоною и назвискомъ рыцарства низового козацкого“, и еще неизмѣримо худшіи, гораздо болѣе хищный и разбойничій разный военный сбродъ—не знали удержа въ своихъ требованіяхъ и претензіяхъ по отношенію къ мѣстному населенію и его хозяевамъ—помѣщикамъ и державцамъ.

Привычки войны, хищной и разбойничьей по своему характеру, повсюду, не только у козачества, которое въ концѣ концовъ воевало за свой собственный счетъ, промышляло войною и тѣмъ самымъ осуждено было на мародерство, на обращение населенія,—но также точно и у Поляковъ, и у сосѣднихъ Нѣмцевъ эпохи тридцатилѣтней войны,—переносились въ сферу частной жизни. Люди, особенно изъ мѣстностей близкихъ къ театру войны—Литвы, Бѣлоруссіи, Украины не находятъ словъ для своихъ жалобъ на притѣсненія и насилія, какія имъ приходилось терпѣть отъ всякаго рода войскъ, участвовавшихъ въ московской войнѣ. „Уже языкъ не можетъ описать бѣды и разореній отъ своевольнаго козацкаго войска и частыхъ постоевъ солдатъ въ нашемъ повѣтѣ за все время отъ начала московской войны; погибли семьи и вся природа человѣческая“, пишетъ мозырская шляхта литовскому гетману въ нач. 1614 г. ¹⁾ „Будемъ глядѣть на эту неволю и погибель нашу“, вторитъ ливскій шляхтичъ, донося о козацкихъ полкахъ

¹⁾ Рукон. Публ. библ. Пол. Б. IV 182, выдержка у Жуковича I стр. 182.

пришедшихъ въ концѣ 1613 г. въ Пинскій повѣтъ на постоя: „вѣстину этотъ край уже обращенъ въ живодерню: какъ волки рвутъ бѣдныхъ подданныхъ (крѣпостныхъ), а достается и бѣдной шляхтѣ: приходится давать со своихъ домовъ стацію деньгами, какъ кто съ ними уговорится и согласится, кромѣ того пиво, водку—гдѣ хочешь, долженъ достать, а еще и угрозы разныя Рѣчи Посполитой себѣ позволяютъ“. ¹⁾ Тамъ находились отряды поль. Старжинскаго, Путывльда, Метлы, Топыгы ²⁾.

А вотъ маленькая картинка изъ кievскихъ земель (окрестностей Житомира) ³⁾. На лѣто 1610 г. въ Черняховской и Шершневской волостяхъ Стефана Немирича расположился полковникъ Григорій Пашкевичъ съ другими полковниками (Старжинскій, Магдаленскій, Федоръ Кнышь, Бозичъ и пр.); при нихъ было огромное количество солдатъ и разныхъ своевольныхъ людей (по словамъ Немирича—до восьми тысячъ). Они такъ безнащадно разоряли имѣнiя Немирича и его крестьянъ, что тотъ, не видя другого выхода, принужденъ былъ откупиться, чтобы избавиться отъ нихъ: далъ Пашкевичу двухъ хорошихъ лошадей и 50 червонцевъ; убытки, причиненные этимъ постоемъ, Немиричъ исчисляетъ—разумѣется, преувеличивая,—въ 40 тыс. золотыхъ, кромѣ потерь въ хлѣбѣ, исчисленныхъ въ 7 тыс. Но несмотря на полученный выкупъ, въ началѣ 1611 г. Пашкевичъ снова явился въ имѣнiяхъ Немирича и началъ ихъ „плюндровать“ и издѣваться надъ людьми, какъ рассказываетъ о томъ Немиричъ: „розмайте се надъ подданными моими безъ погамованья по поганску и по содомску явше паствилъ“; „подданныхъ побилъ, помердовалъ, а некоторыхъ позабавивши на смерть не маемъ ведомости где ихъ тела подевалъ“—такихъ убитыхъ Немиричъ насчитываетъ шесть ⁴⁾. Возный (судебный приставъ) подтвердилъ, что видѣлъ въ имѣнiяхъ убитыхъ и раненыхъ до сорока человекъ—старыхъ и молодыхъ, избитыхъ булавами, саблями, съ различными ранами на головахъ, спинахъ, ногахъ, рукахъ: „тые кричали и волали на тогожь Григорія Пашковича и на люди при немъ своволне идучие, ижь были побиты, поручоны, поранены, и дочки ихъ погвалчо-

¹⁾ Жерела VIII № 97.

²⁾ Рук. Публ. библ. Пол. Ф. IV № 202 л. 200, 214, 216, ср. Архивъ Ю. З. Р. III. I № 54.

³⁾ Акты въ Архивѣ Ю. З. Р. III. I № 49—53.

⁴⁾ Ibid. с. 156—8.

ны, повваражны, маестности побраны, полушены¹⁾). Въ концѣ концовъ дошло до вооруженнаго столкновенія между Пашкевичемъ и Пемирничемъ, и Пашкевичъ съ нѣсколькими товарищами сложилъ въ немъ голову.

Изъ актовъ процесса выясняется, что Пашкевичъ и его товарищи были полковниками козацкихъ охотничьихъ полковъ, однимъ изъ тѣхъ ротмистровъ, которые получая „приповѣдныя грамоты“ (право на вербованье для себя роты)²⁾ и королевскія знамена въ знакъ этого собирали подъ эти знамена козаковъ и всякій сбродъ. По словамъ жены Пашкевича, онъ „ѣздилъ въ Москву на королевскую службу, и тамъ, какъ слѣдуетъ рыцарскому человѣку, свои обязанности исполнял и король, принявъ его на свою службу вмѣстѣ съ другимъ рыцарствомъ, далъ ему знамя и поручилъ его власти полку рыцарскихъ людей, и онъ, будучи надъ ними полковникомъ, служилъ отлично въ разныхъ мѣстахъ въ Московіи, а потомъ король и гетманъ (коронный) отправили его со своими грамотами въ здѣшніе края для разныхъ дѣлъ и для вербовки большаго числа людей рыцарскихъ“³⁾. Ближайшими товарищами Пашкевича въ этой аферѣ выступаютъ не козакъ, а разный сбродъ: Поляки, Сербы, Венгры, Молдаване и всякіе „чужоземцы“⁴⁾. А вотъ реестръ имущества, забранаго у Пашкевича, по словамъ его жены—онъ даетъ намъ представленіе о томъ „добрѣ“, какое привозили эти „рыцарскіе люди“ на Украину изъ своей московской службы. Взято у него, послѣ его смерти, „золота, серебра робленого и ламаного (въ издѣляяхъ и ломѣ), клейнотовъ и перель, шатъ коштовныхъ, яко златоглововыхъ, алътембасовыхъ и иныхъ розматыхъ едwabныхъ и штуками розматыхъ акъсамятовъ, адамапокъ, атмасовъ, китаекъ разное масти, и футеръ такъ же яко соболнихъ, рысихъ, мормурковъ, куннихъ, бобровъ, лисихъ и иныхъ розматыхъ“, на сумму 100 тыс. польскихъ злотыхъ, деньгами—двѣ тысячи червонцовъ, „а на возу въ двухъ сундукахъ разною монетою, московскою и

1) Архивъ III. I с. 164.

2) См. объ этомъ въ V т. Історія України с. 306.

3) Архивъ III. I с. 169, стр. 175.

4) Вотъ нѣсколько именъ: Войтехъ Малчинскій, Янушъ Липскій, Оршулъ и Петрашко Рекеты, Блажей, Иштванъ, Янушъ Тхоревскій, Войтехъ Вжезидкій, Мигаль Сербинъ, Марко Сербинъ, Григорій Полицкій, поручилъ „Раквиренць“ Липскій (с. 157 и 177).

польскою, талерами и золотыми червенцами 20 тыс. злотыхъ помь.“, двѣнадцать упряжныхъ лошадей и т. д. ¹⁾).

По сравненію съ насиліями и разбоями этихъ разныхъ „своевольныхъ людей“ изъ московской кампаніи чисто козацкія требованія и претензіи блѣднѣли и должны были казаться очень скромными и лояльными.

На сеймѣ 1611 г., несмотря на его оптимистическое настроеніе и сочувствіе королевскимъ планамъ, высказано было, хотя и въ осторожной формѣ, пожеланіе, чтобы король не принималъ на службу украинскаго козачества, „въ виду того, что украинское своеволие, подъ предлогомъ службы, такъ усиливается и причиняетъ огромные и невыносимые убытки и беззаконія шляхетскому сословію во владѣніяхъ его и нашихъ (королевскихъ)“. Король обѣщалъ не принимать козаковъ ни на какую службу, „за исключеніемъ только внезапной необходимости для Рѣчи Посполитой“, но и въ такомъ случаѣ наборъ козаковъ будетъ производиться такимъ образомъ, что „приновѣдныя грамоты“ будутъ выдаваться только мѣстнымъ шляхтичамъ-помѣщикамъ, имѣнія которыхъ могли бы служить порукой и расплатой за убытки, причиненные ихъ солдатами ²⁾).

Но неотложная нужда въ козацкомъ войскѣ не уменьшалась, а увеличивалась вслѣдствіе отсутствія средствъ на наемъ какого нибудь другого войска, а то обстоительство, что вмѣсто настоящихъ козацкихъ контингентовъ подъ предводительствомъ выбранныхъ козацкихъ полковниковъ, согласно желанію сейма, вводилась вербовка безъ разбора козаковъ и всякого сброды разными, хотя бы и шляхетно-рожденными бандитами-авантюристами, могло не улучшить, а только ухудшить дѣло. Хотя бы это были даже настоящіе шляхтичи-помѣщики, что можна было сдѣлать съ ними, какую управу найти, если правительство не выполнило со своей стороны обязательствъ по отношенію къ нимъ и не заплатило жалованья ихъ людямъ? Но шляхтичей-помѣщиковъ богатыхъ, хорошей репутаціи и не могло быть много среди охотниковъ до этого ремесла, и правительству неизбежно приходилось обращаться къ разнымъ шляхетскимъ пройдохамъ, а какіе изъ этого получались результаты, показываютъ приведенные выше отзывы и рассказы.

¹⁾ Ibid. с. 171—2, см. еще „Матеріалы, относящіяся къ гетманству Сагайдачнаго“, Чтенія кіевскія XV № 5.

²⁾ Volum. Iegum III с. 16, постановленіе O swawoli ukraїncie ukozackiey.

Сеймъ, созванный королемъ въ началѣ 1613 г. для ликвидаціи московской войны, упорно и ожесточенно нападалъ на короля и его совѣтниковъ-иниціаторовъ московской войны; проецировали судомъ требовать съ нихъ возвращенія убытковъ, понесенныхъ Рѣчью Посполитою; королю запретили безъ определеннаго разрѣшенія начинать какую бы то не было войну. Для расплаты съ войскомъ вогировали тройной налогъ, но онъ былъ далеко недостаточенъ и созванный въ концѣ года новый сеймъ принялъ еще ушестеренный налогъ для той же цѣли. Представители восточныхъ провинцій, пострадавшихъ отъ козацкихъ постоевъ, указывали, что, кромѣ солдатъ, приходится думать и о козачествѣ. Виленскій епископъ въ своей рѣчи ¹⁾ просилъ подумать о томъ, что дѣлать вообще съ этой огромной массой воюющаго народа, мобилизованнаго, привыкшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ военному ремеслу и разбойничьей жизни,—даже въ томъ случаѣ, еслибъ съ нимъ расплатились сполна за старое,—и обращалъ особенное вниманіе на козачество: „козацкихъ войскъ полно повсюду, такихъ которыхъ ни Рѣчь Посполитая, ни король, ни гетманъ не созывали—они либо постоянно будутъ насъ беспокоить и разорять, либо поссорять, вопреки договорамъ и трактатамъ, съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей; увидимъ, что устроятъ намъ эти козацкія банды разоряющія в. кн. Литовское и тѣ, что вышли изъ савѣжипокихъ конфедератовъ“ (изъ прежнихъ бандъ „царина“).

„Еслибы мы имѣли благоустроенное государство“, рассуждаетъ далѣе епископъ-сенаторъ, ихъ можно было бы спеціальною закономъ привести въ порядокъ и расквартировать, или вывести за границы на новыя поселенія; но такъ какъ у насъ дѣлается все слишкомъ поздно, а своеволие приняло такіе размѣры, что ни король ни законъ (пес гех нес Іех) не могутъ его сдержать, то для насъ не годятся тѣ средства, какія сами собой разумѣются въ благоустроенныхъ государствахъ,—нужно искать другихъ способовъ“. И онъ совѣтуетъ каинимъ-либо образомъ обратить эти банды опять противъ Москвы.

Но широкіе шляхетскіе круги, натерпѣвшіеся отъ войска, и слышать не хотѣли о воинствующей политикѣ по отношенію къ Москвѣ. Сеймъ принялъ шестерное обложеніе для уплаты долга солдатамъ, чтобы избавиться отъ военныхъ контрибуцій, относительно же козаковъ, вопреки выводамъ епископа, утверждавш-

¹⁾ Жерела VIII № 98.

го, что съ ними можно что-либо предпринять лишь „въ благоустроенномъ государствѣ“ (in republica bene ordinata) — постановили массу законовъ и распоряженій. Всѣмъ свосвольнымъ бандамъ отданъ былъ приказъ разойтись; разрѣшено каждому съ оружіемъ въ рукахъ защищаться отъ ихъ набѣдовъ; объявлены недействительными всякія ссылки на приповѣдныя или рекомендаціонныя королевскія или гетманскія грамоты.

Наконецъ сеймъ не больше ни меньше какъ еще разъ отмѣнилъ всякую козацкую юрисдикцію, словно это не было уже сдѣлано неоднократно. „Такъ какъ эти люди, презирая нашу власть (королевскую) и выходя изъ подъ юрисдикціи своихъ помѣщиковъ и повиновенія власти, подъ которой живутъ, а поставивъ себѣ свои суды и старшихъ, не хотятъ являться ни на какой судъ, кромѣ суда атамановъ, постановленныхъ ими надъ собой, — то мы отмѣняемъ эту ихъ юрисдикцію, какъ противорѣчащую общему праву, и отдаемъ ихъ въ вѣдѣніе мѣстной власти по ихъ мѣстожительству“¹⁾.

Король по требованію „всей Рѣчи Посполитой, единогласно и горячо домогавшейся усмиренія и наказанія своеволія“, отправилъ грамоту козакамъ: требовалъ, чтобы они оставили свое намѣреніе идти на Молдавію (объ этомъ какъ разъ пришло извѣстіе на сеймъ), разошлись и не разоряли волости, не затрагивали сосѣднихъ государствъ, и въ случаѣ неповиновенія грозилъ оружіемъ и карами, которые падутъ на ихъ „имѣнія, женъ и дѣтей“²⁾. Не полагался однако на дѣйствіе этихъ приказовъ и угрозъ, назначилъ комиссію, которая должна была вооруженною силою принудить козачество къ порядку.

Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ польское правительство прекращало свои военныя дѣйствія въ Московскомъ государствѣ, а новое московское правительство, вполне организовавшееся съ выборомъ повало царя въ нач. 1613 г., возстапвляло въ государствѣ порядокъ и спокойствіе и очищало его отъ разбойничьихъ бандъ, скитавшихся въ разныхъ мѣстностяхъ государства (1613—5), — козачество, мобилизованное въ небывалыхъ доселѣ размѣрахъ и выбитое изъ коленъ московскою войною, возвращалось на Украину, гдѣ являлось сильнѣйшею помѣхою шляхетскому режиму, и съ удвоенною силою принималось за наступательныя дѣйствія противъ южныхъ „сосѣдей“ — турецкихъ земель и турецкихъ вас-

¹⁾ Volum. legum I с. 122. ²⁾ Архивъ III. I № 55.

саловъ. Такія столкновенія не прекращались все время—съ Турками, Молдавією, Татарами ¹⁾, но съ прекращеніемъ московской они войны достигаютъ небывалой силы. Это время, 1613—1620 годы — героическая эпоха, главнымъ образомъ морскихъ козацкихъ походовъ на турецкія земли, и всякихъ другихъ столкновеній съ Турцією и ея вассальными землями. А эти стычки чрезвычайно нервировали польское правительство и общество. Польша чувствовала за собой собственную вину—экспедицію Потоцкаго въ Молдавію, совершенную по королевскому приказу; она понимала, что и дальнѣйшія нападенія Турки будутъ относить на счетъ польскаго правительства, не взирая на всё его отрицанія, и со страхомъ думала, что въ концѣ концовъ раздраженіе турецкаго правительства можетъ вылиться въ грозномъ походѣ на Польшу, обезоруженную московскими войнами, солдатскими конфедераціями, лишенную войска и вовсе не способную къ борьбѣ.

Въ то же время козачество не давало покоя и шляхетскому режиму Украины. Немного намъ извѣстно подробностей объ этихъ „невыносимыхъ насиліяхъ“, но и изъ того, что знаемъ, можемъ понять это крайнее раздраженіе официальныхъ хозяевъ украинскіхъ земель. Сеймъ 1613 г. (февральскій) между прочимъ долженъ былъ заняться гор. Хмельникомъ союзеннымъ Татарами и козаками (вѣроятно, у нихъ произошла какая-нибудь новая ссора со Струсемъ, хмельницкимъ старостою) ²⁾. Зимой 1613/4 года, какъ разсказываетъ Жолкевскій, козакъ „выйдя большимъ войскомъ изъ Запорожья на волость, начали тѣснить и учинять всякія неприятности людямъ всякаго званія по всей Украинѣ“, и шляхта Брацлавскаго воеводства черезъ свою депутацію просила гетмана Жолкевскаго освободить ее отъ этой бѣды ³⁾. Осенью 1614 г. слышимъ, что „своевольное козачество, живущее на волости, не хотѣло пустить нѣкоторыхъ ротъ на квартиры“, назначенныя имъ гетманомъ, и Жолкевскій принужденъ былъ распорядиться, чтобы солдаты уступили этимъ претензіямъ—„избѣгали столкновеній, могущихъ привести къ озлобленію или къ пролитію

¹⁾ См. выше с. 20—3, 36. Жуковичъ, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи всего матеріала, въ обзорѣ історіи козачества (Сейм. борьба I с. 128—9) проводитъ мысль, что на время московскихъ походовъ Запорожцы оставили въ покоѣ Молдавію, и вообще ихъ столкновенія съ Турками и Татарами ослабѣли.

²⁾ *Volam. legum* III с. 92.

³⁾ *Pisma Żółkiewskiego* с. 509—10.

крови, и не давали повода къ этому“, пока не выяснятся результаты переговоровъ комисіи съ козаками ¹⁾, и т. д.

И одновременно съ тѣмъ все усиливались опасные конфликты съ Турками, грозившіе навлечь на Польшу страшный турецкій походъ.

Первой причиною, вызвавшей турецкую опасность, была неосторожная экспедиція Потоцкаго въ Молдавію, закончившаяся его разгромомъ (лѣтомъ 1612 г.). „Какъ Іовъ когда-то проклиналъ день своего рожденія, такъ я проклиная этотъ несчастный день“, говорилъ Жолкевскій на сеймѣ 1618 г. ²⁾, представляя исторію нарастанія этой турецкой опасности. „И раньше случались непріятности Туркамъ, но это была наибольшей изъ всѣхъ; бывали счастливые королевскіе походы—но съ этого времени мы какъ съ печи внизъ головой свалились: разсердились бусурмане, разсвирѣпѣли, потеряли уваженіе къ нашему рыцарству; упали мы, какъ камень въ пекло, и горимъ“.

Немедленно, черезъ какія нибудь двѣ недѣли послѣ похода Потоцкаго пришелъ Махметъ-Гирей и опустошилъ подольскія земли. Жолкевскій, занятый переговорами съ солдатскою конфедераціею, едва успѣлъ выйти навстрѣчу, чтобы остановить татарскій походъ, но подъ Бѣлою Церковью настигли орду козаки, разбили и отняли около 5 тысячъ плѣнныхъ ³⁾. Въ томъ же году еще два раза повторились татарскіе набѣги, а Турки между тѣмъ начали готовиться къ войнѣ. Масла въ огонь подлили козаки: въ 1618 г. они два раза ходили на море и причинили большія потери землямъ турецкаго султана, какъ рассказываетъ Жолкевскій ⁴⁾. „Турецкій императоръ выслалъ въ очаковскій портъ не малый флотъ—галеры и чайки, чтобы разгромить здѣсь козаковъ, когда они разграбивъ нѣсколько городовъ въ Крыму будутъ возвращаться обратно, такъ какъ имъ сюда дорога назадъ на Низъ; но вышло наоборотъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы Турки ихъ погромили, они сами ночнымъ дѣломъ подсиѣли неосторожныхъ Турокъ“ ⁵⁾. Это произвело огромное впечатлѣніе и вызвало много разговоровъ на Украинѣ. Козаки поспѣшили порадовать короля донесеніемъ о такой славной побѣдѣ, но она на-

¹⁾ Piśma s. 421. ²⁾ Ibid s. 302.

³⁾ Рукоп. Публич. бібліотеки Пол.; F. IV № 202 л. 175.

⁴⁾ Piśna s. 507. ⁵⁾ Ibid. s. 508.

дѣлала много тревоги въ правительственныхъ и шляхетскихъ кругахъ на зимнемъ сеймѣ, обсуждавшемъ это извѣстіе. Съ разныхъ сторонъ, отъ разныхъ корреспондентовъ приходили вѣсти, что турецкое правительство сильно раздражено козацкими нападеными и готовится къ походу на Польшу. Въ добавокъ на сеймъ пришло извѣстіе, что козаки собираются въ новый походъ въ Молдавію. По требованію сейма король отправилъ къ козакамъ своего секретаря съ упомянутою уже грамотою, рѣшительно запрещаая козакамъ пускаться въ такой походъ. Но королевская грамота не произвела никакого впечатлѣнія и въ началѣ 1614 г. козаки двинулись черезъ Брацлавскія земли въ Молдавію, имѣя съ собою какого-то претендента на молдавское господарство и собираясь посадить его на молдавскій тронъ. Изъ Турціи между тѣмъ приходили все новыя извѣстія о войнѣ: султанъ уже назначилъ главнокомандующимъ въ походъ на Польшу намістника Румелии Ахметъ-пашу¹⁾. Жолкевскій, несмотря на незначительность своихъ силъ (солдатамъ еще не было заплачено и ихъ конфедерация еще продолжалась), рѣшилъ попробовать сдержать козаковъ вооруженною демонстраціею. Пригрозивъ козакамъ, что пойдетъ на нихъ съ войскомъ, и стягивая свои роты, какія можно было, онъ двинулся на Украину. Козаки рѣшили принять вызовъ и отступили сначала къ Днѣпру, потомъ за Днѣпръ подѣ Переяславль и здѣсь стали устраиваться лагеремъ, готовясь къ битвѣ. Жолкевскій, не чувствуя себя въ силахъ идти на нихъ туда и начать дѣйствительную кампанію, рѣшилъ перейти къ переговорамъ: отправилъ двухъ ротмистровъ къ козацкому войску, приглашая козаковъ прекратить свои безчинства въ польскихъ провинціяхъ, не трогать соседей и ждать королевской комиссіи, которая должна дать козацкому войску новую конституцію. Козаки заявили, что они будутъ ждать, и Жолкевскій вернулся во свояси со своимъ войскомъ²⁾.

Въ комиссію нарочно были назначены наиболѣе могущественные магнаты Украины: кн. Янушъ Острожскій, кн. Янушъ Заславскій и другіе³⁾; правительство надѣялось, что они приведутъ съ собою значительныя полки и такимъ образомъ усилить

¹⁾ Різма с. 508—10, Архивъ Ю. З. Р. III. I № 55.

²⁾ Різма с. 510

³⁾ Ркп. Публ. библ. Пол. F. IV № 99 л. 4, 6, 16, 17. Въ комиссіи приняли, очевидно, участіе далеко не всѣ назначенныя.

слабыя силы короннаго гетмана и создадутъ приличную обстановку для комиссiи. Жолковскiй билъ тревогу въ своихъ донесенiяхъ королю и правительству—чтобы побудить комиссiю двгаться какъ можно скорѣе и удержатъ козаковъ отъ дальнѣйшихъ походовъ на Турокъ. Изъ Турцiи давали знать, что на св. Юрiя уже назначенъ походъ и турецкiмъ войскамъ въ балканскихъ земляхъ приказано мобилизоваться. Тѣмъ временемъ магнаты, назначенные въ комиссiю, не очень охотно встрѣтили эту частичную мобилизацiю, назначенную имъ въ формѣ комиссiи. Между прочимъ препятствiемъ служила трибунальская сессiя, гдѣ обыкновенно всѣ эти господа должны были слѣдить за своими безчисленными процессами. Жолковскiй никакъ не могъ добиться, чтобы трибуналь отложилъ дѣла участниковъ комиссiи¹⁾. Между тѣмъ козакъ съ наступленiемъ весны снова двинулись въ походъ на море. Походъ не удался, такъ какъ разразившаяся буря разнесла по морю козацкiя чайки, причѣмъ много войска погибло, а часть его, занесенная бурей на турецкiе берега погибла отъ руки Турокъ или попала въ плѣнъ. Мотивъ, вошедшiй въ извѣстной думѣ:

А по Чорному морю супротивна хвиля встала,
судна козацкi на три части розбивала:
одну часть взяло—в землю Агарську занесло,
кругу часть гiрло Дунайське пожерло,
а третя де ся має—в Чорному морю потонає²⁾.

Однако это несчастье нисколько не ослабило энергiи козаковъ. Лѣтомъ они собрались въ новый походъ, небывалый по смѣлости замысла, и въ концѣ iюля пустились прямо на югъ, впоперекъ черезъ Черное море. Было ихъ около двухъ тысячъ, значить около сорока чаекъ. Перерѣзавъ морѣ напрямикъ педь Трапезундъ, козакъ принялись опустошать побережье, убогаише богатими городами и селами, гдѣ населенiе жило безпечно, не зная страха, „такъ какъ до сихъ поръ ни отъ козаковъ, ни отъ кого другого не было тутъ тревоги и опасности, съ тѣхъ поръ какъ Турки завладѣли Малой Азiей“³⁾. Въ качествѣ проводниковъ, по рассказамъ турецкаго историка того времени Нами

¹⁾ Жерела VIII № 102, 105, Pisma с. 512—3, ср. 223, Рил. № 99 л. 19. ²⁾ Дума про бурю на Чорному морю й Олексiя Попова-Антоновича и Драгоманова І с. 136.

³⁾ Pisma Żółkiewskiego с. 513, Жерела VIII № 105 (письмо Жолковскаго отъ 26/IX).

эффенди, послужили козакамъ бѣглецы изъ Турціи ¹⁾. „Напали на крепость Синопъ, лежащую на Анатолийскомъ берегу и известную, за свои роскошныя окрестности, подъ названіемъ города влюбленныхъ; взявъ мѣстный старинный замокъ, вырѣзали гарнизонъ, разграбили и разорили дома мусульманъ и подъ конецъ такъ выжгли весь городъ, что это роскошное и чудесное мѣсто превратилось въ печальную пустыню“, рассказываетъ тотъ же Найма. При этомъ уничтожили турецкій арсеналъ, сожгли все, что было тамъ — корабли, галіоны и галеры. Убытокъ исчислялся въ 40 милліоновъ ²⁾. И прежде, чѣмъ успѣло собраться противъ нихъ мѣстное населеніе, козакъ забрали свою добычу на чайки и пустились назадъ. Султанъ, услышавъ объ этомъ происшествіи, впалъ въ страшный гнѣвъ и отдалъ было приказъ повѣстѣ великаго визира Насуфы-пашу; едва удалось жонѣ, дочерямъ и другимъ женщинамъ умолить султана даровать ему жизнь: султанъ ограничился тѣмъ только, что сильно избилъ его чекаломъ — о чемъ тотчасъ же разнеслась молва по всему Константинополю. Визирь оправдался, что онъ уже отправилъ войско и флотъ, которые должны уничтожить козаковъ на обратномъ пути.

Ахметъ-паша, двинувшійся тѣмъ временемъ къ Подняпровью, дѣйствительно рѣшилъ было захватить врасплохъ козацкій флотъ въ очаковскомъ портѣ на обратномъ пути и отправилъ туда турецкіе корабли изъ Бѣлгорода (Аккермана). Туда же посланы были и изъ Царьграда корабли подъ начальствомъ Али-пашы. Но козакъ во-время получили объ этомъ предостереженіе и раздѣлились на двѣ партіи. Одни отправились въ обходъ: высадившись къ сѣверу отъ устья Днѣпра, задумали перетянуть своимъ моткомъ сухимъ путемъ и обойти засаду; но здѣсь напали на нихъ Татары и козакъ потеряли много людей и добычи. Другіе пошли на проломъ черезъ Очаковскій лиманъ, и тоже потеряли много добычи, такъ какъ принуждены были для облегченія чаякъ бросать добычу въ лиманъ; порядкомъ потеряли и людей, но въ концѣ концовъ все-таки пробрались на Низъ ³⁾. Туркамъ досталось въ руки всего

¹⁾ Collectanea z dziejopisów tureckich przez Sekowskiego, I c. 126.

²⁾ Pisma c. 513

³⁾ Такъ представляю это козацкое возвращеніе изъ-подъ Синопа на основаніи довольно обстоятельнаго матеріала, имѣющагося у насъ для этой экспедиціи: Найма въ Collectanea-хъ Семеновскаго, какъ

двадцать козаковъ, которые и были отправлены въ Константинополь, чтобы было на комъ сорвать сердце: когда къ султану пришли трапезундскіе депутаты съ жалобами на свое несчастье, имъ выдали этихъ козаковъ невольниковъ, чтобы они могли отплатить имъ за свою бѣду.

О предстоящей посылкѣ на Украину своего войска для усмиренія козаковъ султанъ предупредилъ короля дружескимъ письмомъ. Онъ напомнилъ избитую отговорку Польши по козацкому вопросу—что козачество не подвластно королю, и послѣдній ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Турція или Орда сама расправилась съ нимъ; ввиду этого султанъ и посылаетъ теперь „немного войска“, увѣряя, что этотъ походъ не имѣетъ никакого враждебнаго характера по отношенію къ Польшѣ, и проситъ только не пускать козаковъ въ свои владѣнія въ случаѣ, еслибъ тѣ захотѣли скрываться тамъ отъ Турокъ¹⁾. Однако не смотря на весьма дружественный тонъ этого письма, а быть можетъ именно благодаря этому миролюбивому тону—польское правительство

указано выше, письма и реляціи того времени: Ахметъ-паша королю, въ Жерелахъ т. VIII № 101. (время указано не совсѣмъ вѣрно: не первая половина 1614 г., а осень, вѣроятно конецъ сентября, или начало октября) и Жолкевскому также № 106, реляціи Жолкевскаго—Різна с. 302—3 и 513 и Жерела № 108 и тамъ же письмо № 105 (написанное еще до возвращенія козаковъ домой). Навма знаетъ объ обходномъ движеніи козаковъ, другіе источники (Жолкевскій, Ахметъ-паша) говорятъ только о засадѣ, устроенной подъ Очаковомъ. Но въ то время, какъ турецкіе источники (особенно Навма) говорятъ такъ, какъ будто бы казаки были разбиты совершенно, Жолкевскій черезъ годъ, когда можно было собрать обстоятельныя свѣдѣнія о судьбѣ этого похода, пишетъ, что изъ общаго количества козаковъ—около 2000, убитыхъ и раненыхъ было всего около 200. Позднѣе онъ говоритъ, что 18 козацкихъ лодокъ прорвалось черезъ очаковскую засаду, „а другіе, выскочивъ, бѣжали берегомъ“ (Різна с. 303). Слѣдовательно, возвращеніе козаковъ вовсе не было такимъ плачевнымъ. Впрочемъ и Ахметъ-паша говоритъ, что „вѣкоторые съ нѣсколькими кораблями или лодками убѣжали и пошли въ польскія владѣнія къ Черкасамъ и Корсуню“ (№ 101, стр. 106: оба эти письма писаны приблизительно въ одно время). Возвращались казаки въ послѣднихъ числахъ сентября н. ст.; Жолкевскій въ письмѣ изъ Украины 26 сентября безпокоится, что о возвращеніи козаковъ ничего не слышно, а имъ уже давно пора бы быть.

¹⁾ Жерела VIII № 100—письмо это писано, должно быть, въ концѣ весны.

было сильно встревожено перспективою турецкаго похода на Украину. Король поспѣшилъ отправить къ султану гонца съ увѣреніями, что онъ уже поручилъ Жолковскому вмѣстѣ съ другими наиболее высокопоставленными сенаторами пройти всю Украину и очистить ее отъ козаковъ; нѣсколько козацкихъ бандъ уже разбито и главные виновники отправлены въ Каменецъ, чтобы тамъ ихъ казнить въ присутствіи турецкаго посла (!). Съ другой стороны, король доводилъ до свѣдѣнія султана, что территорія, на которой турецкое войско собирается искать и ловить козаковъ, польская, слѣдовательно, эта экспедиція не можетъ обойтись безъ нарушенія польскихъ границъ, и султану слѣдуетъ отъ нея отказаться ¹⁾.

Тревога въ польскихъ кругахъ тѣмъ болѣе возрастала, что одновременно съ Турками и Татарами двинулись къ Днѣпру, что производило впечатлѣніе согласованнаго нападенія, хотя на самомъ дѣлѣ татарскій набѣгъ не столько былъ связанъ съ турецкимъ походомъ, сколько вызванъ крымскими междоусобіями. Такъ какъ эти междоусобія тянулись долго и сыграли не маловажную роль въ козацкихъ дѣлахъ, слѣдуетъ на нихъ нѣсколько остановиться ²⁾.

Виновниками крымскихъ смуть были братья Магометь и Шагиць, сыновья Сеадатъ-Гирея. Претендуя на ханство, они старались получить его то заискиваніями и подкупами при султанскомъ дворѣ, то вооруженною борьбою противъ тѣхъ родственниковъ, которымъ доставалось ханство. Селяметъ-Гирей (1608 — 1610), свѣлашшійся ханомъ, захотѣлъ покончить съ такими беспокойными родственниками; братья подняли возстаніе въ Ордѣ, но были разбиты и принуждены были покинуть Крымъ. Послѣ смерти Селямета они попытались снова получить ханство отъ султана, но это имъ не удалось и ханомъ сталъ Джанибекъ. Тогда братья, расположившись по сосѣдству, около Бѣлгорода, собрали разбойничьи шайки и съ ними предпринимали нападенія на сосѣднія мѣстности. Эти нападенія очень надоѣдали хану и онъ, съ разрѣшенія султана, отправился походомъ на бунтовщиковъ и разбилъ ихъ подъ Бѣлгородомъ. Послѣ этого Магометь явился въ Константинополь искать счастья при

¹⁾ Жерела № 103, въ томъ же духѣ писалъ польскій канцлеръ турецкому великому визирю *ibid* № 104.

²⁾ Подробнѣе о нихъ у Смирнова „Крымское ханство“ с. 472 и слѣд.

султанскомъ дворѣ; Шагинъ нѣкоторое время еще оставался на Украинѣ и строилъ какіе-то планы совместно съ извѣстнымъ тогдашнимъ украинскимъ пограничникомъ Босымъ, изъ Брацлавскаго воеводства. Ханъ писалъ объ этомъ султану и послѣдній въ упомянутомъ выше письмѣ требовалъ, чтобы король поймалъ и выдалъ бунтовщика. Но не полагаясь на дѣйствіе султанскаго письма, ханъ лѣтомъ 1614 г. двинулся на Украину; разбилъ Босого, отыскалъ и Шагина и уничтожилъ его небольшою отрядъ. Шагинъ скрылся бѣгствомъ въ Добруджу, откуда затѣмъ отправился въ Персію на службу къ шаху, отъявленному врагу султана. А Украина провела лѣто въ 1614 г. въ сильнѣйшей тревогѣ, со дня на день ожидая татарскаго нападенія¹⁾.

Королевскія представленія не предотвратили похода Ахметъ-паша. Онъ прошелъ до Бѣлгорода и, узнавъ здѣсь о козацкомъ набѣгѣ на Синопъ, послалъ турецкій флотъ изъ Бѣлгорода въ Очаковскій лиманъ съ цѣлью перехватить козаковъ. Самъ же, перейдя Днѣстръ, двинулся туда же сухимъ путемъ. Отъ султана онъ имѣлъ порученіе построить замки на козацкихъ путяхъ и загородить имъ такимъ образомъ доступъ къ турецкимъ владѣніямъ. Одинъ такой замокъ заложенъ былъ при Бугскомъ лиманѣ, а другой шестью милями выше, тоже на Бугѣ, при устьи Чичаклеи, гдѣ когда-то стоялъ городокъ Балаклей; кромѣ того имѣли быть возобновлены прежніе замки на нижнемъ Днѣпрѣ: въ Тягинкѣ, на правомъ берегу, и въ Аслангородкѣ—на лѣвомъ. Но былъ ужъ сентябрь мѣсяць, начиналась осенняя непогода, дожди, холода, и начинать постройку въ такую пору, среди безлюдныхъ степей было поздно. Турецкому войску вскорѣ наскучило стоять „на пустомъ мѣстѣ“, въ немъ начались нареканія, безпорядки. Паша увидѣлъ, что ему нужно идти, чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше, на зимовье за Дунай.

Когда изъ Константинополя пришли извѣстія о присланныхъ султанскому правительству королевскихъ увѣреній, что козаки будутъ усмирены польскими войсками, Ахметъ паша рѣшилъ воспользоваться этимъ какъ предлогомъ для своего возвращенія. Онъ отправилъ письма къ королю и Жолковскому, гдѣ писалъ, что отъ взятыхъ въ плѣнъ козаковъ, участниковъ синопской экспедиціи, онъ узналъ, что всѣ козацкіе походы происходятъ съ согласія или самого короля или наиболѣе крупныхъ-пограничныхъ магнатовъ (знаемъ уже эти увѣренія

¹⁾ Реляція Жолкевскаго, Pisma с. 223—4.

жозановъ, что всё свои походы на Турокъ и Татаръ они предпринимаютъ не иначе, какъ для короля, ради службы Рѣчи Посполитой), и добычу захваченную въ турецкихъ земляхъ, они передаютъ „королевскому монастырю и пограничнымъ панамъ“. Узнавъ объ этомъ, папа собирался двинуть турецкія и татарскія войска къ польской границѣ, но султаны остановилъ этотъ походъ, и турецкое войско отправляется обратно. Но польское правительство должно во чтобы то ни стало покончить съ козаками, ибо никакія оправданія больше не будутъ приняты и Польша не миновать разоренія и порабощенія со стороны Турціи ¹⁾).

Эти похвалы звучали довольно неприятно, но и безъ нихъ одна уже прогулка турецкаго войска подъ самыя украинскія востности являлась очень грознымъ симптомомъ. На Украинѣ держались того мнѣнія, что только позднее время да мобилизація короннаго войска и комиссарскихъ полковъ противъ козаковъ, произведенная Жолкевскимъ какъ можно демонстративнѣе, предотвратили турецкій походъ на Украину на этотъ разъ, но весной нужно снова ждать Турокъ: съ разныхъ сторонъ приходили вѣсти о военныхъ планахъ Турціи. Украина переживала очень тревожные моменты—„тревога, страхъ были чрезвычайныя, нѣкоторые хотѣли бѣжать изъ замковъ, еслибъ ихъ не ободряло расквартированіе войска и надежда на скорую помощь“.

Въ виду этой турецкой опасности правительство ещѣ шло какъ можно скорѣе отправить на Украину комиссію, назначенную еще весной для умирненія украинскаго своеволия. Трибуналы отложили дѣла участниковъ комиссіи, и на 10 октября (н. ст., 30 сентября с. с.) удалось собрать въ Житомирѣ хотя кое-кого изъ магнатовъ-комиссаровъ: пріѣхалъ Янушъ Острожскій, Янушъ Заславскій, кампедкій староста Калиновскій и Жолкевскій; главнымъ образомъ постарался собрать значительныя силы Острожскій: онъ показалъ себя и прислалъ „выдающійся настоящій княжескій полкъ“, какъ рекомендовалъ его Жолкевскій. Въ концѣ концовъ хотя комиссія не дала того, что могла бы дать, но всетаки значительно усилила коронное войско. Изъ владѣній кн. Збаражскихъ собрался не малый полкъ изъ его служебниковъ. Шляхта Брацлавскаго воеводства подъ предводительствомъ старосты поголовно двинулась на помощь коронному войску. И изъ другихъ земель прибывало немало шляхты „чувствовавшей опасность, вистѣвную

¹⁾ Жерела № 101 и 105.

надъ ея головою“¹⁾). По мобилизація производилась на два фронта: противъ козачества и противъ турецкаго войска одновременно, и опасность со стороны Турокъ заставляла по возможности не доводить до конфликта съ козаками. Комиссары извѣстили козаковъ, и они тотчасъ же прислали своихъ уполномоченныхъ, которые заявили, что подробныхъ инструкцій для какихъ-нибудь постановленій отъ войска не имѣютъ, но войско во всякомъ случаѣ готово исполнить волю короля. Комиссары передали имъ слѣдующія распоряженія (т. н. ординацію):

Козацкое войско по старому обычаю будетъ нести пограничную службу противъ Татаръ и Турокъ, провѣдывая вѣсти о неприятелѣ и защищая переправы, за известную плату, а именно 10 тыс. золотыхъ ежегодно и 700 штукъ сукна, которые ежегодно должны присылаться имъ въ Кіевъ.

Старшій должникъ назначаться отъ имени короля короннымъ гетманомъ.

Козаки должны жить на своихъ обычныхъ мѣстахъ (т. е. на Низу), выходить въ волость не имѣютъ права, никакихъ эксцессовъ и неприятностей причинять не должны.

Козацкія семьи и козаки, живущіе на земляхъ государственныхъ, духовныхъ и частныхъ, не будутъ претендовать на свою особую юрисдикцію—никогда не существовавшую и отмѣненную многими сеймовыми законами (!), а будутъ повиноваться своимъ помѣщикамъ или ихъ замѣстителямъ, какъ власти, установленной надъ ними Богомъ.

Терехтемировскій монастырь остается при нихъ, но долженъ служить мѣстомъ спокойнаго пребыванія для стариковъ, больныхъ и калѣкъ до ихъ смерти. Собирать или созывать козаковъ польза ни тамъ ни въ другомъ мѣстѣ, ибо въ такомъ случаѣ было бы отмѣнено это пожалованіе.

Запрещается безъ воли короля и Рѣчи Посполитой нападать на сосѣднія государства, нарушать прежніе государственные трактаты съ ними, а также принимать къ себѣ своевольныхъ людей²⁾.

Выслушавъ эту инструкцію, козацкіе делегаты заявили, что отрезутъ ее къ своимъ товарищамъ и ручаются за нихъ, что въ теченіе пяти недѣль на эти предложенія будетъ данъ отвѣтъ. Ординація была такова, что для того, чтобы заставить козаковъ

¹⁾ Pisma с. 516, 530, Жерела № 108.

²⁾ Текстъ въ Жерелахъ VIII № 107.

принять ее серьезно и безпрекословно, нужно было разгромить ихъ такъ, какъ это было сдѣлано восемнадцать лѣтъ тому назадъ на Солоницѣ. Не выходить на волость, не собираться вмѣстѣ, не нападать на сосѣднія земли, во всемъ повиноваться помещикамъ—это было отиѣной всѣхъ правъ, всей козацкой жизни и быта. Но козаки, очевидно, не желали конфликта и не заявляли никакого рѣзкаго протеста, надѣясь, что изъ всего этого точно такъ же ничего не выйдетъ, какъ не выходило и изъ предшествующихъ сеймовыхъ конституцій, упоминавшихся въ этомъ комиссарскомъ рѣшеніи.

Комиссары расположили коронное войско по правому берегу Днѣпра, отъ Кіева до Черкасъ, Ян. Острожскій оставилъ свое войско вмѣстѣ съ короннымъ, разставивъ его въ Вѣлоцерковскомъ и Богуславскомъ староствахъ. Сдѣлано это было „для большей острастки, чтобы козаки, видя, что вопросъ ставится серьезно, повиновались комиссарскимъ постановленіямъ, остерегаясь навлечь на себя бѣду“¹⁾. Послѣ этого комиссія разъѣхалась. Козаки же отправили къ королю депутатовъ съ письмомъ, въ сожалѣнію, неизвѣстнымъ намъ вполнѣ, но въ основныхъ пунктахъ довольно яснымъ: козаки, очевидно, указывали на невозможность исполнять комиссарскія рѣшенія и просили не принуждать ихъ къ этому. Однако король и сеймъ подтвердили постановленія комиссіи и поручили козакамъ держаться ихъ²⁾, хотя впрочемъ сеймъ не могъ предпринять никакихъ правосильныхъ рѣшеній, такъ какъ былъ сорванъ и его голосъ въ этомъ вопросѣ имѣлъ значеніе скорѣе моральное, чѣмъ законно обязательное. Съ такимъ отвѣтомъ козацкіе делегаты были отправлены по окончаніи сейма, уже въ апрѣлѣ 1615 г.

Эти депутаты и переговоры были единственнымъ слѣдствіемъ комиссіи 1614 г. Козаки черезъ своихъ пословъ, хотя въ деликатной формѣ, но вполнѣ опредѣленно объявили неприемлемыми продиктованныя имъ условія. Правительство, въ виду угрожающей войны съ Турками и Татарами, не считало возможнымъ обострять отношенія съ козачествомъ. Еще осенью получались извѣстія, что ханъ готовится къ походу на Украину; вѣсти изъ Константинополя были также тревожны. Война висѣла въ воздухѣ;

¹⁾ Жерела VIII № 108, Ркп. № 99 л. 35—8.

²⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 58.

турецкія увѣршія, что ихъ войско ограничито истребленіемъ козаковъ, считались лишь благовидною маскою, прикрывающею планы оккупациі Украины, и въ Польшѣ смотрѣли на козаковъ, какъ на главный ресурсъ противъ этихъ плановъ: еслибы Туркамъ удалось уничтожить козаковъ, тогда они навѣрное завладѣли бы Украиной¹⁾. Въ случаѣ войны съ Турками—что казалось неминуемымъ—козаки были почти единственною военною силою, какою польское правительство могло располагать, такъ какъ конфедерація короннаго войска все еще не была улажена, а совершенно опустошенная касса и отсутствіе кредитовъ (сеймъ въ началѣ 1615 г. разошелся, не вотировавъ ничего) не позволяли и думать объ организаціи какого-нибудь новаго войска. Въ 1615 г. въ распоряженіи Жолковского было всего 300 солдатъ! Надежды козаковъ, что изъ комиссарскихъ постановленій въ концѣ концовъ ничего не выдетъ, оправдались блестяще, и козаки не обращали на нихъ никакого вниманія.

Уже во время сессіи сейма, въ началѣ 1615 г. пришли извѣстія, что какіе-то своевольные козаки съ полковниками Челядкою и Боробкою вошли въ границы в. кн. Литовскаго, собирая контрибуціи и совершая всяческія насилія. Сеймъ рѣшилъ отправить къ нимъ универсалъ, а въ случаѣ неповиновенія ему, гетманъ долженъ былъ идти съ войскомъ—котораго впрочемъ не было²⁾.

Тотчасъ съ наступленіемъ весны козаки двинулись въ большую экспедицію, на 80 лодкахъ, ни больше ни меньше какъ на самыя окрестности Стамбула. Вышли на берегъ подъ Константинопольскіе порты между Мизевною и Архіокою, константинопольскими портами, и сожгли ихъ; султанъ, находившійся въ это время на охотѣ; самъ изъ своихъ покоевъ видѣлъ дымъ отъ этого козакаго пожара. Страшно разгнѣванный, онъ приказалъ всему флоту прогнать козаковъ. Эти послѣдніе, считая себя въ опасности, въ это время спокойно занимались грабежемъ окрестностей, затѣмъ забрали добычу и отправились обратно. Турецкій флотъ догналъ ихъ лишь у устья Дуная. Козаки не устрашились, бросились на турецкія галеры, на abordажъ, и разбили Турокъ. Самого турецкаго адмирала, раненаго, взяли въ плѣнъ; онъ давалъ за себя 30 тысячъ выкупа, но умеръ, не получивъ свободы.

¹⁾ Королевскія инструкціи и предложенія—Жерела VIII № 110, 116, 117.

²⁾ Рукоп. Публ. библ. Пол. К. IV № 99 л. 48.

Уцѣлѣвшіе обратились въ бѣгство. Козаки захватили нѣсколько турецкихъ галеръ и, приведя ихъ подъ Очаковъ, въ насмѣшку сожгли на глазахъ очаковскаго гарнизона ¹⁾. Послѣ этого съ большими силами напали на окрестности Очакова, увели стада, вели приступы къ замку ²⁾.

Въ польскихъ правительственныхъ кругахъ рѣшено было снарядить новую комиссію противъ козаковъ, но потомъ раздумали: въ письмѣ къ старшиѣ комиссіи, Ян. Острожскому, король поясняетъ, что козаковъ не слѣдуетъ теперь раздражать, поэтому не стоитъ и начинать дѣло съ комиссіей; вмѣсто комиссіи король просилъ Острожскаго отправить свое войско противъ московскихъ вторженій на сѣверной границѣ. Вѣроятно, туда же правительство хотѣло направить и козаковъ. Вмѣсто этого пришли извѣстія о козацкомъ походѣ на Константинополь и на засѣданіи сената всетаки рѣшено выслать комиссію противъ козаковъ, прибавивъ еще новыхъ комиссаровъ. Въ трибуналахъ были пріостановлены („лімитованы“) дѣла комиссаровъ, чтобы дать имъ возможность принять личное участіе въ комиссіи ³⁾. Но имъ не пришлось отправиться, такъ какъ въ это время разразилась новая гроза, заставившая думать о собственной жизни и имуществѣ. Разгнѣванный дерзостью козаковъ, султанъ носился съ планами мести и репрессій. Прежде всего двинулъ Орду. Къ осени 1615 г. орда напала на Подольскія земли, оттуда на Волынь. Гетманъ Жолкевскій не могъ ничего ей противопоставить. Король разослалъ универсалы шляхтѣ, но никто не тронулся. Орда прошла Подольскія земли, „по локоть купая руки въ нашей крови“, „уничтожая все мечемъ и огнемъ, нигдѣ не увидавъ направленного противъ нея оружія“, какъ не безъ ироніи описывала это бѣдствіе королевское предложеніе на сеймѣ 1616 г. ⁴⁾. А ханъ послѣ этой прогулки отправилъ къ королю полное издѣвательствъ письмо, хвастаясь, что во время этого похода орда уничтожила 200 городовъ и другихъ поселеній, каждому Татарину досталось по семи, восьми

¹⁾ Такъ Жолкевскій рассказываетъ объ этомъ въ своей рѣчи—отчетѣ на сеймѣ 1618 г.—*Різма* с. 503. Иначе описываетъ эти событія визирь—ркл. Публ. Библ. Разн. Q IV № 8 л. 132—у него побѣждаютъ Турки.

²⁾ Жерела VIII № 115.

³⁾ Рукоп. Публ. библ. Пол. F. IV № 19 л. 50—8. *Різма* с. 532—3.

⁴⁾ Жерела VIII № 117; Публ. библ. Пол. F. IV № 99 л. 80—1.

и десяти пильныхъ, а счетъ скоту знаетъ только одинъ Господь Богъ. „Завоевывать государства—это наследіе, завѣщанное намъ отцами, гдѣ вамъ братья за войну? это не ваше дѣло; кто хочетъ нападать и воевать—вотъ такъ надо воевать“, издѣвался крымскій разбойникъ, представляя свой набѣгъ отплатою за козацкое нападеніе на Очаковъ. „Не знаемъ, дѣлалось ли это съ вашего вѣдома или замысломъ и дѣломъ кн. Януша (Острожскаго), только знайте, что мы доходили до самаго Каменца, и въ будущемъ, что сможемъ съ божьей помощью, не оставимъ сдѣлать, а вы это благосклонно принимайте“¹⁾).

Король долженъ былъ молча принять эти неслыханныя надругательства на Рѣчью Посполитою, ея государственнымъ значеніемъ и „культурною миссією въ украинскихъ земляхъ“. Долженъ былъ молча смотрѣть на возобновленіе, стараніями новаго румелійскаго намѣстника, замковъ на Днѣпрѣ—Аслангородка и Тягинки, совершенное въ этомъ году²⁾, и еще выслушивать отъ турецкихъ пословъ требованія—прислать продовольствіе для турецкаго войска, строившаго эти замки противъ козаковъ, и приготовить для нихъ строительные матеріалы.³⁾ Приходилось радоваться уже тому, что какія-то препятствія остановили турецкій походъ на Украину, назначенный на этотъ годъ. Но осенью снова „точно масло въ огонь“, какъ выразился Жолкевскій на сеймѣ, собрались въ Молдавію украинскіе магнаты—кн. Михайлъ Вишневецкій и кн. Самуилъ Корецкій чтобы, низвергнуть Томшу и посадить на господство младшаго сына Іереміа, Александра. Польское правительство, незадолго передъ тѣмъ уступившее Томшѣ Хотинъ, чтобы расположить его къ себѣ, теперь поспѣшило увѣрить Томшу, что эта экспедиція произведена безъ воли и вѣдома короля. Но во всякомъ случаѣ реестръ турецкихъ обидъ обогатился еще однимъ новымъ фактомъ.

Къ счастью, война съ Персією сдержала нѣсколько порывы гнѣва турецкаго правительства. Посланъ былъ только турецкій флотъ противъ козаковъ подъ предводительствомъ Али-паша, въ началѣ 1616 г., да нѣсколько мѣсяцевъ спустя десятитысячное войско подъ начальствомъ Искандеръ-паша въ Молдавію, на помощь Томшѣ противъ польскихъ наѣздивковъ. Отъ польскаго правительства потребовали вывода изъ Молдавіи польскихъ партизановъ, и выдачи ихъ единомышленниковъ, румынскихъ бояръ⁴⁾).

¹⁾ Жерела VIII № 115. ²⁾ Цяцекій с. 365. ³⁾ Жерела № 118.

⁴⁾ Жерела VIII № 168, Pisma с. 504.

Однако морская экспедиція противъ козаковъ снова, какъ и въ первый разъ, кончилась совѣсьмъ плачевно. Али-паша отира-вился къ Днѣпровскому лиману, но козаки не испугались, вышли навстрѣчу и, ударивъ на турецкій флотъ, уничтожили его безъ остатка. Взяли около двадцати галеръ и до сотни мелкихъ су-довъ. Самому Али-пашѣ едва удалось спастись бѣгствомъ¹⁾. За-тѣмъ козаки направилась къ крымскому побережью, опустошили его, взяли и сожгли Кафу; захвативъ и выпустивъ на свободу массу плѣнныхъ. Это было громкое дѣло, прославленное въ по-смертномъ панегирикѣ Петру Сагайдачному, изъ котораго узнаемъ, что это онъ былъ козацкимъ гетманомъ въ это время (о пере-менахъ на гетманскомъ урядѣ у насъ нѣтъ сколько нибудь точныхъ извѣстій съ самаго 1610 г.):

За своего гетманства взялъ въ Турцехъ мѣсто Кафу,
ажъ и самъ цесарь турецкій былъ въ великомъ страху,
бо му четырнадцать тысячъ тамъ люду збилъ;
каторги едины падалъ, другіи потопилъ,
много тогда въ неволѣ христіанъ свободилъ,
за што го Богъ зъ воинствомъ его благословилъ²⁾.

Въ Константинополѣ поднялся страшный переполохъ. Посо-бирали находившихся въ плѣну козаковъ, призвали ихъ на во-

¹⁾ Такъ повѣствуетъ Жолкевскій въ томъ же докладѣ на сей-мѣ 1618 г. Різма с. 304.

²⁾ Вѣршѣ на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Коша-шенча Сагайдачнаго, гетмана войска его кор. милости Запорозко-го, зложонли презъ инока Касіана Саковича, Кіевъ, 1622, с. 19. Здѣсь помѣщена картинка козацкаго нападенія на Кафу и при немъ дата: „Кафу воевалъ року 1606.“ Такъ какъ въ единственномъ из-вѣстномъ доселѣ экземплярѣ этой книжки цифра 1 была подведена чернилами, то это дало Максимовичу поводъ считать цифру за приписанную, а истинною датой 1606 годъ (см. замѣчаніе въ Собра-ніи сочиненій Максимовича I с. 350, на основаніи его рукописной замѣтки). На этомъ основаніи и Антоновичъ, принимавшій раньше дату 1616 г. (Истор. пѣсни I с. 203), затѣмъ измѣнилъ ее на 1606 г. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи выяснилось, что цифра 1 не при-писана, а лишь наведена на неясно отпечатанной буквѣ—въ этомъ и я имѣлъ случай лично убѣдиться, и съ датой 1616 г. вполне со-гласуются и другія извѣстія — какъ приведенное выше сообщеніе Жолкевскаго. Но Голубевъ, перепечатывая „Вѣршѣ“ въ своей кни-гѣ Исторія кievской духовной академіи, прил. 5, принялъ 1606 г., и это, вѣроятно, послужило причиною того, что эту дату поддерживаютъ и до сихъ поръ—напр. Камаличъ Очеркъ гетманства Сагайдач-наго с. 6.

енный совѣтъ и допрашивали, какимъ путемъ можно было бы на будущее предотвратить повтореніе подобныхъ случаевъ и выгнать козаковъ изъ ихъ поселеній. Неизвѣстно, что говорили тамъ эти эксперты-невольники, но передавались слухи, что на этомъ совѣщаніи были приняты страшные планы—приведенные въ исполненіе много десятилѣтій спустя, и то лишь отчасти: рѣшено заселить Турками Молдавію, занять Каменецъ и земли на востокъ отъ него до Кіева, размѣстить турецкіе гарнизоны на Днѣстрѣ. Къ польскому правительству обратились съ требованіемъ уступить Турціи пограничныя придѣльпровекіе замки: Черкасы, Капезь, Бѣлую Церковь ¹⁾).

Нѣкоторое удовлетвореніе турецкому правительству доставилъ походъ Искандеръ-паша на Молдавію. Онъ безъ труда разбилъ молдавскихъ наѣздниковъ: Вишневецкій умеръ отъ болѣзни, Корецкаго оставили солдаты, такъ какъ имъ не было заплачено жалованье, и Жолкевскій, съ своей стороны, какъ говорятъ, настаивалъ, чтобы они бросили Корецкаго и не компрометировали Польшу передъ Портою. Корецкій вмѣстѣ съ другими шляхтичами былъ взятъ въ плѣнъ Искандеръ-пашею и отправленъ въ Константинополь; Томша снова возстановленъ на господарствѣ. Въ Польшѣ со страхомъ ожидали турецкаго похода изъ Молдавіи въ подольскіе края. Жолкевскій напрягъ всѣ силы, чтобы продемонстрировать снова свою боевую готовность на молдавскомъ пограничьи—бросился туда со своими небольшими силами, мобилизовалъ мѣстную шляхту и магнатовъ и, какъ думали, дѣйствительно произвелъ на Турокъ впечатлѣніе и предотвратилъ вторженіе ихъ изъ Молдавіи въ подольскія земли ²⁾. Татаръ, вторгнувшись на Покутье, удалось разбить.

Въ результатѣ польско-турецкая кампанія закончилась переговорами подъ Хотиномъ, и „достоинство Рѣчи Посполитой“ было соблюдено ³⁾).

Однако вскорѣ козаки снова разрушили это едва достигнутое примиреніе. Осенью того же (1616) года они двинулись

¹⁾ Pisma с. 305, Жерела VIII № 119.

²⁾ Pisma с. 304, Жерела VIII с. 168—9, 189.

³⁾ Pisma с. 304. Жуковичъ истолковалъ ошибочно это извѣстіе, предполагая, что здѣсь идетъ рѣчь о козацкой кампаніи (с. 47): это именно то, что въ королевскомъ предложеніи 1616 г. названо: przyszło u do jakiegokolwiek z Turczynem zastanowienia pokoju (Жерела с. 189), ср. повѣствованіе Плецкаго с. 357.

въ новый походъ за море, на малозаіатское побережье, и этотъ походъ удался еще эффектнѣе предшествующаго, хотя участниковъ въ немъ было не болѣе 2000. Козаки направились подъ Самсунъ, но вѣтеръ отнесъ ихъ лодки къ Минерамъ. Выйдя на берегъ, они прошли до Трапезунда, взяли его и разграбили. Здѣсь ударилъ на нихъ турецкій флотъ состоявшій изъ 6 большихъ галеръ и множества меньшихъ судовъ, подъ начальствомъ генуэзскаго адмирала Цикали-паша, но козаки разбили его и потопили три галеры. Послѣ этой побѣды они узнали, что султанъ выслалъ подъ Очаковъ другую флотилію подъ начальствомъ Ибрагимъ-паша, чтобъ преградить имъ возвратный путь. Тогда они обратились къ Босфору, произвели здѣсь жестокии опустошенія, а потомъ, минуя Очаковъ, прошли въ Азовское море и оттуда—должно быть черезъ рѣки Молочную и Конку, переправили свои чайки въ Днѣпръ и такимъ образомъ вернулись на Украину.

Ибрагимъ-паша, желая выйти изъ такого глупаго положенія, прошелъ Днѣпромъ до Обчи. Засталъ ее почти пустою. Была уже поздняя осень, козаки не ушедшіе въ море, вышли „на волость“. Оставался только незначительный гарнизонъ, нѣсколько сотенъ козаковъ; они отступили передъ турецкимъ войскомъ, и паша могъ отпраздновать свои триумфы въ пустомъ гнѣздѣ ненавистнаго врага. Захвативъ нѣсколько маленькихъ козацкихъ пушекъ и около двухъ десятковъ лодокъ, онъ съ этими трофеями своего фиктивного триумфа направился въ Константинополь—утѣшить султана этою мимическою побѣдою въ перенесенныхъ увиденіяхъ¹⁾.

Эта сказочная козацкая авантюра пріобрѣтаетъ особенную пикантность, если мы примемъ во вниманіе, что она была осуществлена какъ разъ въ то время, когда польское правительство вело съ козацкими старшинами переговоры объ усмиреніи украинскаго своевольства. Письмомъ отъ 16/IX в. с. король поручилъ Жолкевскому, раздѣлавшись съ Турками принять совместно съ другими комиссарами все мѣры къ тому, „чтобы украинскіе своевольники, соораніе насъ съ повѣрными, были обузданы и приведены въ какой-нибудь порядокъ и повиновеніе“. Однако на этотъ разъ король и самъ уже не имѣлъ никакихъ иллюзій,—онъ прибавляетъ: „если и теперь не удастся достигнуть ничего

¹⁾ Рѣчь Жолкевскаго—Різма с. 305; Писецкій с. 356.

положительнаго, то по крайней мѣрѣ среди невѣрныхъ распространится слухъ, что съ нашей стороны нѣтъ недостатка въ стараніяхъ“¹⁾). Такимъ образомъ порученіе должно было послужить лишь казовой демонстраціей добрыхъ намѣреній польскаго правительства. Кромѣ турецкихъ отношеній могли тутъ дѣйствовать и другіе мотивы. Сеймъ 1616 г. далъ наконецъ разрѣшеніе возобновить московскія предпріятія: позволилъ кор. Владиславу организовать экспедицію на Москву, съ цѣлью добиться осуществленія своихъ правъ на московскую корону. Устанавливая порядокъ въ козацкой службѣ, нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ заручиться согласіемъ козачества на участіе въ московской экспедиціи. Но изъ всего этого все таки ничего не вышло.

Окончивъ переговоры съ Искандеръ-пашею, Жолкевскій пошелъ подъ Паволочъ, гдѣ стояло какое-то козацкое войско, и тутъ снова возобновлены были переговоры: снова дана была инструкция козакамъ относительно поддержанія порядка и козацкой службы и прекращенія нападений на Турцію²⁾). Козаки, очевидно обѣщали дать отвѣтъ на эти предложенія, правительство же, вѣроятно, само не придавало на этотъ разъ никакого значенія этимъ переговорамъ. Рѣшено было выслать новую комиссію, съ болѣе импозантными военными аргументами, уже въ Кіевъ, на 1 марта 1617 г., и объ этомъ въ концѣ года были извѣщены козаки, вся украинская администрація и города: козакамъ воспрещено дѣлать какія-либо приготовленія къ новому морскому походу, допускать какія-либо нападенія на Турцію, изъ городовъ и мѣстечекъ Украины запрещалось пропускать къ козакамъ припасы для морской экспедиціи и т. п.³⁾

Очевидно, до правительственныхъ круговъ дошли слухи, что на весну готовится новый походъ на море. И онъ дѣйствительно состоялся—королевскіе универсалы не оказали никакого вліянія на козацкіе планы. Въместо того, чтобы явиться въ Кіевъ на комиссію, козаки готовились въ походъ на море и двинулись около середины поста⁴⁾). Подробности этого похода неизвѣстны. Но еще передъ нимъ на Украинѣ появилась Орда, подъ предводи-

¹⁾ Pisma с. 537.

²⁾ Рассказываетъ объ этихъ переговорахъ Писецкій, но очень кратко—с. 537—8.

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 39.

⁴⁾ Pisma с. 306.

тельствомъ калги, и напала на Волынь. Выступить противъ нея было не съ чѣмъ. Жолкевскій имѣлъ только 700 солдатъ. Козацкое войско попыталось преградить дорогу Ордѣ, но силы его были недостаточны и оно не могло противостоять ей ¹⁾. Велѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что на Украину надвигается турецкое войско подъ предводительствомъ Алимазоръ-паши, съ цѣлью уничтожить козацкія поселенія и замки; трансильванскій воевода, господари Молдавіи и Валахіи должны были прислать къ нему вспомогательные отряды. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Жолкевскимъ, турецкаго войска было 30 тыс., трансильванскаго 12 тыс., приблизительно столько же молдаво-валахскаго и свыше 20 тыс. Татаръ. Въмѣсто комиссіи противъ козаковъ нужно было думать о мобилизаціи противъ Турокъ. Королевичу Владиславу предложено собранное имъ войско обратить къ южнымъ границамъ; мѣстную шляхту призвали въ походъ; украинскіе магнаты прислали кто что имѣлъ наготовѣ.

Но козаки уклонились; мотивы неизвѣстны—быть можетъ, они недовольны были обращеніемъ съ ними на предшествующихъ комиссарскихъ свѣздахъ и хотѣли принудить правительство къ инымъ отношеніямъ. „Хотя имъ писали и были приказы отъ вашей кор. мил. и королевича е. м., и я нѣсколько разъ напоминалъ имъ, чтобы они прислали помощь войску вашей кор. мил., разъ сами заварили эту кашу,— но они не захотѣли этого исполнить, и не исполнили и вмѣсто того грабать людей тамъ на Украинѣ, мучать своими вымогательствами,— и при этомъ дѣлаютъ видъ, будто бы такъ я имъ велѣлъ“ жаловался на нихъ сильно раздраженный Жолкевскій ²⁾. Королевичу Жолкевскій писалъ, что козаки распустили слухъ, будто бы Жолкевскій пригласилъ королевича на Украину на гибель козаковъ—чтобы ударить на нихъ и перебить, поэтому они не хотятъ идти противъ Турокъ, требуютъ отъ Жолкевскаго заложниковъ. Жолкевскій писалъ кievскому подвоеводѣ, чтобы онъ собралъ кievскихъ мѣщанъ, подлежащихъ военной службѣ, и разныхъ охотниковъ и, выступивъ на татарскій шляхъ подъ Мгнитинъ, тамъ соединился съ козаками ³⁾. Но и этотъ маневръ и посредничество подвоеводы очевидно ни къ чему не привели, и козаковъ такъ и не удалось привлечь къ участію въ турецкой кампаніи.

¹⁾ Ibid. с. 247, 251, 305. ²⁾ Pisma с. 276, ср. с. 284.

³⁾ Жерела VIII с. 188.

Не смотря на это, Жолкевскому удалось стануть довольно значительныя силы и еще разъ достигнуть своей цѣли: демонстраціею военныхъ силъ Польша удержала турецкое войско отъ перехода польской границы. Остановившись на Днѣстромъ, противъ турецкаго лагеря, онъ принудилъ и Искандеръ-пашу остановиться и начать переговоры. Жолкевскаго упрекали даже, что онъ, имѣя такія значительныя силы, самъ не далъ битвы Туркамъ; но это было переоцѣнкою его шансовъ, и Жолкевскій совершенно справедливо указывалъ, что такой шагъ былъ бы очень рискованнымъ, такъ какъ въ случаѣ проигранной битвы онъ отдалъ бы въ руки турецкаго войска совершенно безоружную Гвѣзду Посполитую. Все старанія Турокъ принудить его къ наступленію остались безуспѣшными; Жолкевскій не считалъ возможнымъ отдѣлать отъ своего войска хоть что-нибудь, такъ какъ это ослабило бы его позицію относительно турецкихъ силъ. Даже когда Татары, недовольные тѣмъ, что въ трактатѣ съ Турками Польша не приняла на себя обязательства выплатить имъ „уцѣпки“ за предшествующіе годы (когда они изъ года въ годъ грабили Украину), подъ носомъ у Жолкевскаго бросались грабить Галицію, онъ стойчески смотрѣлъ на зарево татарскихъ пожаровъ и стоялъ надъ Днѣстромъ напротивъ турецкаго войска, не смѣя спастись соотечественниковъ и добиваясь лишь одного: чтобы Искандеръ паша ушелъ.

Это ему удалось. Послѣ долгой стоянки начались переговоры и въ концѣ концовъ былъ принятъ трактатъ, подписанный 23 сентября подъ Яругою. Первымъ пунктомъ его было: „Козацкіе разбойники не должны выходить изъ Днѣпра на море, чинить какія-либо опустошенія въ земляхъ императорскихъ (султанскихъ), вообще какимъ-бы то ни было образомъ они должны быть уничтожены, чтобы ни отъ насъ (Поляковъ), ни отъ козаковъ не было никакого ущерба и императорскому флоту не приходилось больше выходить въ Черное море, и мы обѣщаемъ и обязуемся козаковъ и ихъ край усмирить и подвергнуть наказанію“. Кроме того, Польша обѣщалась не вмѣшиваться въ трансильванскія, молдавскія и валахскія дѣла, не поддерживать тамъ враждебныхъ Турціи движеній, выматить Татарамъ ежегодную контрибуцію, а они за это обязывались не нападать на земли Польши. Искандеръ-паша, которому не давали спать прошлогодніе лавры Ибрагимъ-паши. „перевернувшего Запорожье“, требовалъ еще уничтоженія пограничныхъ замковъ: Вѣлой Церкви, Калева, Корсуна, Черкасъ, Чигирина, но въ

этомъ былъ данъ рѣшительный отказъ, и паша долженъ былъ удовлетвориться тѣмъ, что сжегъ Рашковъ и добился уничтоженія Берпады—гнѣздъ известнаго пограничника Босого, не дававшего покоя Туркамъ и Молдаванамъ. И съ этими результатами двинулся обратно. ¹⁾

Избавившись отъ Турокъ Жолкевскій съ имѣвшимися въ его распоряженіи силами хотѣлъ расправиться за одно и съ козачествомъ. Онъ считалъ это безусловно необходимымъ не только имѣя въ виду Турокъ, грозившихъ разрывомъ соглашенія въ случаѣ перваго же козацкаго нападенія,—Жолкевскій не принималъ этой угрозы за пустыя слова,—но и съ точки зрѣнія интересовъ самой Рѣчи Посполитой. Какъ я уже сказалъ, онъ былъ въ высшей степени раздраженъ неповиновеніемъ козаковъ, тѣмъ что это „озвѣрѣвшее хлопство“, какъ онъ ихъ называлъ,—отказали въ помощи и службѣ въ такой рѣшительный моментъ, послѣ того какъ сами же навлекли на государство эту турецкую опасность, и вообще вышли изъ повиновенія—не хотятъ служить государству, а подъ предлогомъ службы лишь разоряютъ своими поборами населеніе: вмѣсто того, чтобы идти на помощь, когда ихъ призывали король и королевичъ, они „подъ предлогомъ, что идутъ къ намъ, немилосердно ограбили и разорили Украину (якобы собирая припасы на войну), а потомъ вернулись назадъ на Днѣпръ“ ²⁾. Потомъ Жолкевскій отправилъ къ нимъ своего посланца, увѣдомляя, что съ Турками уже достигнуто соглашеніе—чтобы козаки поэтому не разоряли Украины, а шли на Днѣпръ и прислали къ нему нѣсколькихъ почтенныхъ людей, чтобы столковаться съ ними относительно королевской воли“. Но и этого посланца козаки отослали „довольно небрежно“, сказавъ, что къ Жолкевскому не пойдутъ: „если ктонибудь имѣеть до нихъ дѣло, пусть придетъ или пришлетъ къ нимъ“. Очевидно бесплодные комиссарскіе переговоры предшествующихъ лѣтъ, ставившіе передъ козаками невозможныя требованія и домогавшіеся обѣщанія относительно исполненія

¹⁾ Реляція Жолкевскаго, переписка съ Исхандеръ-пашою и трактатъ — Pisma с. 248—284, 422—447; отчетъ о переговорахъ съ Исхандеръ-пашою парламентаря Петра Ожги, терсбовецкаго старосты, у Кулиша II с. 226 и слѣд. Записка объ этомъ походѣ турецкаго историка Намы въ Collectanea-хъ Сенковскаго I с. 128-9. Chronica Пясецкаго с. 359, 361.

²⁾ Pisma с. 215.

этихъ требованій, въ то время какъ съ своей стороны правительство ничего не предпринимало для ихъ осуществленія, — и раздражили козаконъ и уничтожили у нихъ вконецъ всякое уваженіе къ этимъ комиссарскимъ церемоніямъ и къ „достоинству Рѣчи Посполитой“.

Если бы во главѣ козачества стояли тѣ самые „почтенные люди“, державшіеся принципа „обманывать, разъ хотятъ, чтобы ихъ обманывали“ (*mundus vult decipi, ergo decipiatur*, какъ формулируетъ этотъ принципъ иезуитскій афоризмъ) и принимавшіе всѣ предшествующія инструкціи комиссій, откладывая въ долгій ящикъ ихъ исполненіе, — они, вѣроятно, и теперь не отказали бы Жолкевскому въ его довольно невинномъ требованіи „потолковать“ съ козацкими делегатами „относительно воли его кор. милости“. Но въ этомъ году въ козацкой политикѣ, очевидно, произошло нѣкоторое замѣлательство. Кормиле общаго правленія на время выпало изъ рукъ умѣлаго руководителя козацкой политики, гетмана Сагайдачнаго, и очутилось въ рукахъ представителя козацкаго радикализма, въ родѣ позднѣйшаго Бородавки. Былъ имъ Дмитрій Богдановичъ Барабашъ, отецъ извѣстнаго лоялиста времени Хмельницкаго, извѣстный намъ на гетманскомъ посту по универсалу отъ 7 марта 1617 года ¹⁾. Этою переменною нужно объяснить то обстоятельство, что козаки такъ нетактично отказали правительству въ помощи противъ Турокъ и дали такой рѣзкій отвѣтъ на предложеніе Жолкевскаго вступить въ переговоры.

Разгнѣванный и озабоченный всѣмъ этимъ, Жолкевскій рѣшилъ дать козакамъ почувствовать свою силу. Онъ задумалъ захватить ихъ врасплохъ неожиданнымъ военнымъ походомъ: „распустить слухъ, что войско идетъ къ его мил. королевичу, и двинуться съ войскомъ въ кievскіе края, такъ какъ кратчайшій путь въ самомъ дѣлѣ проходить черезъ Кіевъ или въ близкомъ сосѣдствѣ Кіева“, и въ случаѣ еслибы козаки не приняли требованій комиссій, внезапно налечь на нихъ. Поэтому еще до окончанія переговоровъ съ Искандеръ-пашею, онъ просилъ короля прислать порученія комиссарамъ и „суровые мандаты этимъ разбойникамъ и украинскимъ городамъ, особенно предлѣвовскимъ“:

¹⁾ Этотъ универсалъ извѣстенъ въ позднѣйшей копіи конца XVII в., изданной въ Кіевской Старинѣ 1883 кн. V с. 145 съ замѣтной пош. Антоновича. Въ этой редакціи нѣкоторыя мѣста универсала кажутся мнѣ подозрительными, быть можетъ они подиравлены. Но думаю, что изъ-за этого нѣтъ основаній считать фальшивыми имя гетмана и дату документа — они должны восходить къ подлиннику.

чтобы никто, подь страхомъ жесточайшихъ наказаній—смерти, конфискаціи имущества, не смѣлъ посылать на Низъ живности и припасовъ; такъ какъ, если теперь ничего не будетъ сдѣлано, то потомъ снова собирать войско и вестн его черезъ все государство— было бы и долго и трудно, а тѣмъ временемъ эти разбойники и договоръ нашъ съ Турками разорвутъ и будучи въ такой массѣ, Богъ знаетъ сколько зла могутъ причинить“¹⁾).

Такого же взгляда на необходимость усмиренія козачества придерживался и король. Тѣмъ болѣе, что въ виду московской войны, важно было обезпечить козацкую службу и покорность: ни король ни Жолкевскій не могли быть настолько наивными, чтобы думать, что безъ козаковъ можно будетъ обойтись въ этой войнѣ, особенно при тѣхъ скромныхъ кредитахъ, какіе были вотилованы сеймомъ на это предпріятіе. Универсалъ относительно комиссіи противъ козаковъ былъ изданъ королемъ еще въ іюлѣ; приходъ турецкаго войска не далъ комиссіи возможности осуществиться, да и изъ назначенныхъ въ комиссію магнатовъ почти никто не явился. Поэтому былъ изданъ новый универсалъ, 15 сентября н. с., и эти королевскія порученія комиссарамъ и мандаты козакамъ пришли какъ разъ во время, вслѣдъ за тѣмъ, какъ Искандеръ-паша началъ собираться домой. Жолкевскій сталъ готовиться къ походу на козаковъ, хотя здоровье его требовало отдыха послѣ продолжительной кампаніи. „Насколько хватитъ силъ, буду стараться усмирить своеволие, такъ какъ, даже если не имѣть въ виду Турокъ, оно само по себѣ странно для Рѣчи Посполитой“, писалъ онъ королю. „Столько развелось этихъ бродягъ, что трудно найти наемнаго слугу: все, что живо, идетъ къ этой сволочи на своеволие. Правда, не велики мои силы, но придется рискнуть, только бы счастье не измѣнило Рѣчи Посполитой“. Не надѣясь на свои, дѣйствительно незначительныя силы, Жолкевскій предполагалъ „дѣйствовать больше разумомъ, чѣмъ силою“, иначе говоря—интригою и хитростью, какъ и во время кампаніи 1596 г. „Я уже бросилъ въ ихъ среду кое-какія сѣмена раздора: старшина не миритъ съ чернью: старшина рада бы завести иной порядокъ, да при такой смутѣ его не можетъ быть: все покрывается крикомъ и гамомъ черни“²⁾). Вѣроятно, Жолкевскій, зная о внутренней борьбѣ между партіею „старшихъ“, во главѣ которой

1) Pisma с. 276 (письмо изъ Яруги, 16/IX).

2) Pisma с. 285.

Грушевскій, Козачество т. II.

стоялъ очевидно Сагайдачный, и „своєвольцевъ“ Барабаша, вступилъ въ тайныя переговоры съ „старшими“ и рассчитывалъ на ихъ поддержку въ дальнѣйшихъ переговорахъ. И дѣйствительно, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, во время переговоровъ, въ связи съ вооруженною демонстраціею Жолкевскаго, произошли перемѣны у козаковъ: навѣрхъ вышелъ снова Сагайдачный съ „старшими“ и устроилъ соглашеніе съ правительствомъ, — то есть еще разъ далъ согласіе на польскія требованія, желая избѣжать конфликта, какъ давалъ уже нѣсколько разъ, и точно также и теперь, какъ и раньше, не придавая всѣмъ этимъ обѣщаніямъ никакого значенія.

Въ послѣднихъ числахъ сентября н. с. Жолкевскій, окончивъ переговоры съ Турками, остановился на нѣсколько дней въ своемъ Варѣ (Варское староство въ это время находилось въ его владѣніи) и отсюда отправилъ козакамъ письмо, требуя, по примѣру прошлагодняго, чтобы они прислали своихъ делегатовъ въ Паволочь для переговоровъ, а черезъ нѣсколько дней съ четырьмя полками и самъ двинулся туда же. Но вмѣсто делегаціи навстрѣчу ему двинулось въ полномъ составѣ козацкое войско: „старшіе“ удерживали козаковъ, но тѣ все-таки шли, грозя Жолкевскому. Послѣдній, имѣя довольно значительныя силы, но далъ себя запугать. Кромѣ его собственаго войска, прибыли значительныя полки комиссаровъ: кн. Януша Острожскаго, кн. Эбаражскаго, воеводы русскаго, и чигиринскаго старосты Даниловича (послѣдній явился лично). Надѣялся Жолкевскій и на кievскую шляхту, также собранную тогда на смотръ (оказованіе, военный контроль) именно въ эту мѣстность — между Паволочью и Трилисами, быть можетъ, именно въ виду предстоящей встрѣчи съ козаками. Полагаясь, вѣроятно, не столько на свои силы, сколько на психологическое воздѣйствіе своего похода, Жолкевскій въ срединѣ октября н. с. двинулся съ своимъ войскомъ изъ-подъ Паволочи подъ Бѣлую Церковь, навстрѣчу козацкому войску, а одновременно написалъ имъ „очень любезное и мягкое письмо“, желая склонить ихъ къ „справедливымъ дѣйствіямъ справедливыми увѣщаніями“¹⁾. Но въ отвѣтъ на это козаки „написали гордое и надменное письмо, считая обидой для себя, что (Жолкевскій) двинулся изъ Паволочи къ Бѣлой Церкви“, и увѣдомляли его, что они тоже направляются къ нему. Это была не-

¹⁾ Универсалъ Жолкевскаго кievской шляхтѣ изъ Бѣлой Церкви 23/X н. ст. — Матеріалы относятся къ гетм. Сагайдачнаго № 16.

двусмысленная угроза войны, и Жолкевскій считалъ невозможнымъ уклониться отъ нея. Изъ-подъ Вѣлой Церкви онъ двинулся внизъ по Роси, въ то время, какъ козацкое войско двигалось навстрѣчу съ юга и, быть можетъ, тоже было уже въблизи Роси. Такая рѣшительность проявляемая Жолкевскимъ, за которымъ двинулась также и кievская шляхта изъ-подъ Паволочи, произвела известное впечатлѣніе. Съ другой стороны, не могли остаться безъ вліянія и убѣжденія „старшихъ“, партіи Сагайдачнаго, который долженъ былъ выяснять невыгодныя перспективы такого остраго конфликта съ правительствомъ и преимущества политики мирной, оппортунистической. Его партія и поддерживаемая ею политика компромисса одержали верхъ. Въ польскій лагерь, стоявшій на урочищѣ Сухая Ольшанка (недалеко отъ теперешней Таращи) прибыли изъ козацкаго лагеря, стоявшаго тоже на Роси (мѣсто въ точности неизвѣстно), козацкіе делегаты и вступили въ переговоры. „Козаки, особенно старшіе, заявили, что они не хотятъ воевать съ короннымъ гетманомъ, тогда и другіе упали духомъ и начались переговоры“, лаконически упоминаетъ въ своемъ сеймовомъ отчетѣ Жолкевскій. Къ сожалѣнію, онъ не выясняетъ, на сколько въ этой перемѣнѣ сыграли роль тѣ сѣмена раздора, которыя онъ старался посеять среди козачества. Гетманская булава перешла снова въ руки Сагайдачнаго, и онъ повелъ дѣло методомъ предшествующихъ комиссій¹⁾.

Проектъ постановленія комиссары выработали еще передъ походомъ подъ Вѣлую Церковь въ Житомирѣ, на съѣздѣ кievской шляхты. Изъ длиннаго ряда назначенныхъ въ комиссію магнатовъ лично явились только Даниловичъ, Станиславъ Конецпольскій (будущій гетманъ) и родственникъ гетмана, Янъ Жолкевскій. Въмѣстѣ съ гетманомъ они, на основаніи постановленія комиссаровъ 1614 г., составили новую декларацию, въ томъ же духѣ, но еще болѣе требовательную. Число „запорожскихъ козаковъ“ уменьшилось до тысячи, всѣ остальные лишились козацкаго званія и всякихъ претензій на свою козацкую юрисдикцію; для всѣхъ непокорныхъ и своевольниковъ устанавливалась смертная казнь; запрещалось пропускать на Низъ какіе-либо припасы безъ вѣдома кievскаго воеводы и черкаскаго старосты²⁾. Затѣмъ, когда въ польскій лагерь на Старой Ольшанкѣ (какъ рассказываетъ комис-

¹⁾ Pisma с. 285, 288, 311.

²⁾ Pisma с. 313—5.

сарская декларация) явились передъ комиссарами козацкіе делегаты и заявили, что не имѣютъ намѣренія противиться волѣ короля и готовы вести переговоры относительно будущихъ отношеній, съ польской стороны были делегированы парламентары, которые и выѣхали для переговоровъ въ козацкій лагерь, гдѣ предложили козакамъ проектъ, выработанный въ Житомирѣ. Однако, онъ былъ настолько невозможенъ и неосуществимъ, что комиссары не считали умѣстнымъ настаивать на немъ: ограниченіе козацкаго войска одною тысячею было такимъ абсурдомъ, что сами комиссары принуждены были это признать: для защиты границы, порученной козакамъ, „необходимо большее количество людей“. Всѣ вопросы—относительно размѣра ежегоднаго жалованія козацкому войску и подтвержденія за козаками ихъ вольностей, „издавна пожалованныхъ стариннымъ козакамъ прежними королями“, козаки отложили до ближайшаго сейма: козаки предполагали выслать на сеймъ къ королю своихъ делегатовъ, а комиссары, съ своей стороны, обѣщали поддержать эти козацкія ходатайства. И такимъ образомъ было принято постановленіе въ формѣ двухстороннихъ деклараций (комиссарской и козацкой), нѣсколько различныхъ между собою.

Количество козацкаго войска не опредѣлялось, но козачество должно было исключить изъ своей среды разныя сброды, проникшія въ козацкую среду за послѣдніе годы: „ремесленниковъ, купцовъ, шинкарей, войтовъ, бурмистровъ, кафанниковъ, балакзеевъ ¹⁾, рѣзниковъ, портныхъ и другихъ лицъ безъ опредѣленныхъ занятій прогнать отъ себя и исключить изъ реестровъ („выписать“), также точно всѣхъ вновь прибывшихъ мѣщанъ, которые, выйдя изъ-подъ юрисдикціи своихъ законныхъ властей, пристали въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ къ нашему войску,—чтобы больше они не назывались козаками, и въ будущемъ таковыхъ безъ воля его м. короля и п. короннаго гетмана принимать въ войско не будемъ“ ²⁾). Жалованье оставалось прежнее, въ размѣрѣ, установленномъ комиссіей 1614 г., но козаки, какъ уже было

¹⁾ Эти два слова остаются непонятными (можетъ быть перочены).

²⁾ Въ комиссарской декларация говорилось о вновь прибывшихъ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, въ декларация — только двухъ, и притомъ отмѣчено точно, что это мѣщане; возможно, что эта оговорка тоже ограничивала и уменьшала число лицъ подлежащихъ исключенію изъ войска.

сказано, оставили этот вопрос до разрѣшенія его сеймомъ. При выплатѣ этого жалованья комиссары проектировали провести „выписку исключенныхъ и составить реестръ войска, чтобы оставалось только точное число“; но козацкая декларация обошла молчаніемъ это обстоятельство.

Вторымъ пунктомъ, обратившимъ на себя вниманіе при переговорахъ, былъ вопросъ о „старшемъ“. Житомирскій проэктъ, точно также какъ и постановленіе 1614 г., говорилъ только, что ихъ старшій долженъ быть „изъ королевской руки“. Козаки домогались опредѣленнаго указанія, что этотъ старшій долженъ не назначаться правительствомъ, а избираться войскомъ и только утверждаться затѣмъ правительствомъ. Это и подчеркнуто въ козацкой деклараціи, въ то время какъ декларация комиссарская не высказывается такъ опредѣленно и, возможно, дѣлаетъ это умышленно, такъ что въ ея формулировкѣ старшаго слѣдуетъ понимать какъ назначеннаго, а не избраннаго, а формулировка козацкой деклараціи звучитъ какъ опредѣленная поправка неяснаго текста комиссарской деклараціи.

Все остальное оставлено попрежнему, какъ и въ предшествующихъ деклараціяхъ: козаки будутъ находиться на своихъ обычныхъ мѣстахъ, не выходя на волость; не будутъ затрагивать сосѣднихъ государствъ и т. д. ¹⁾

Козацкую декларацію въ качествѣ козацкой старшины подписали: „Петръ Кунашевичъ, на этотъ часъ гетманъ е. к. м. войска Запорожскаго, собственною рукою, Богданъ Балыка, Харликъ Свиридовичъ, Иванъ Мамасовичъ, эсауль е. к. м. войска Запорожскаго, Лаврентій Пашковскій писарь е. к. м. войска Запорожскаго, Станиславъ Костжевскій, Янъ Миrowsкій“. Декларация написана по-польски, — мы имѣемъ ее впрочемъ только въ копіи.

Сеймъ, на который козаки должны были послать своихъ делегатовъ для рѣшенія различныхъ вопросовъ, оговоренныхъ ими, долженъ былъ собраться къ веснѣ 1618 г. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ должны были существовать прежнія отношенія. Но козакамъ не приходилось озабочиваться этимъ

¹⁾ Pisma Zótkiewskiego: с. 311—5 житомирскій проэктъ, с. 315—8 декларация комиссаровъ съ датой 28 октября; с. 316—322 козацкая декларация, съ датой 30 октября. Декларация комиссаровъ также въ Архивѣ Ю. З. Р. III. I № 41.

сеймомъ, какъ и постановленіями комиссін, въ виду условій, при какихъ эти постановленія выработывались. Въ то время, какъ шли переговоры надъ Россію, королевичъ Владиславъ съ небольшимъ войскомъ двигался къ Смоленску, чтобы своимъ появленіемъ поддержать свою кандидатуру на московскій тронъ, пока подошлютъ болѣе сильныя войска. Конфедерація войскъ, не получившихъ жалованья, задержала его на зиму въ Вязьмѣ, и въ виду отсутствія средствъ и слабыхъ надеждъ на вотированіе необходимыхъ кредитовъ сеймомъ, принимаются всяческія мѣры къ тому, чтобы привлечь къ участию въ московской кампаніи въ возможно большихъ размѣрахъ козацкое войско, какъ единственную силу, которая можетъ быть сейчасъ, моментально мобилизована, чтобы спасти кампанію и королевича изъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ онъ очутился такъ печально ¹⁾. Этимъ, между прочимъ, объясняется также та снисходительность, какую на этотъ разъ проявлялъ по отношенію къ козацкимъ капризамъ, ихъ „выдумкамъ и фантазіямъ“ старый ихъ врагъ Жолкевскій, отвѣчая „любезно и мягко“ на ихъ „гордые и надменные письма“ и стараясь всячески обойти конфликтъ. Такую же осторожность по отношенію къ козакамъ выказалъ и сеймъ: не желая уступать ни въ чемъ серьезномъ, онъ старался выиграть время. Неизвѣстно, послали ли козаки своихъ делегатовъ по поводу вопросовъ, отложенныхъ до рѣшенія сейма, или сеймъ имѣлъ передъ собою только акты комиссін, предложенныя Жолкевскимъ, но это, собственно, не мѣняетъ дѣла. Сеймъ во всякомъ случаѣ не хотѣлъ обидѣть козаковъ, съ которыми какъ разъ тогда велись переговоры о походѣ въ Москву, а съ другой стороны — не хотѣлъ дѣлать сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ козачеству; поэтому вопросъ этотъ по возможности затянули.

Резолюція сейма „о низовыхъ козакахъ“, повторивъ стереотипныя жалобы на „козацкое своеволие“ и вредъ, причиняемый ими украинской шляхтѣ и польской иностранной политикѣ, постановила, что для приведенія козацкаго вопроса къ окончанію должна быть выслана новая комиссія, которая вмѣстѣ съ гетманомъ должна рѣшить все—все спорныя вопросы, перешедшіе къ

¹⁾ Недоставало не только денегъ, но и матеріала для войска, какъ пишетъ Жолкевскій: *Aleś u o ludzi słuźebnych nic tak łaćno, lubo by to u pieniądze byli: wygynęło ich niemało przez te wołoskie niepotrzebne wojny, potracili konie y rystunki; patricii zas opuścili służbę cyszczny; ubodzy chocby chcieli, sposobu y dostatku nie mają.*

сейму отъ предшествующей комиссіи ¹⁾. Это было очевиднымъ маневромъ, такъ какъ осенними переговорами вопросъ былъ выясненъ даже слишкомъ и сеймъ лучше чѣмъ какая либо комиссія могъ оцѣнить, какъ далеко можно было пойти въ уступкахъ козацкимъ пожеланіямъ. Но въ данный моментъ онъ не считалъ возможнымъ высказать задушевные свои мысли открыто, наученный опытомъ, который дали козаки своимъ отказомъ во время послѣдней турецкой кампаніи. Правительству же, королю и его приближеннымъ хотѣлось непременно привлечь козаковъ къ участию въ московской войнѣ. Сеймъ, настроенный весьма отрицательно къ московскимъ планамъ короля, далъ годъ времени для улаженія отношеній съ Москвою и—почти никакихъ средствъ на веденіе войны (одни только обычные налоги). Такимъ образомъ приходилось спѣшить, чтобъ попытаться вырвать что-либо у капризной фортуны—и вся надежда была на козаковъ.

Резолюція кончалась угрозами козакамъ, если они снова пойдутъ въ море или инымъ образомъ будутъ беспокоить сосѣднія государства. Но на этотъ разъ были не однѣ угрозы: сеймъ принялъ и нѣчто болѣе реальное—постановилъ добиться отъ козаковъ, чтобъ они сожгли свои лодки, въ которыхъ ходили на море, и за это обѣщаль уплатить имъ убытки—6000 золотыхъ ²⁾. Деньги эти даже были улачены короннымъ подскарбіемъ. Дошли ли они до козаковъ, не знаю,—возможно даже и это. Но назначенное козакамъ ежегодное жалованье—несмотря на его ничтожность—и на этотъ разъ не было выплачено, и на одномъ этомъ основаніи козаки могли считать себя освобожденными отъ всякихъ обязательствъ и ограниченій, возложенныхъ на нихъ послѣднею комиссію—точно такъ же, какъ и предыдущими.

Постановленія комиссій послѣднихъ лѣтъ, сеймовые дебаты и резолюціи обнаруживали съ совершенной ясностью задушевные желанія польскаго правительства и шляхетскихъ круговъ по отношенію къ козакамъ. Свести козачество къ небольшой кучкѣ пограничной стражи, въ числѣ одной тысячи, — какъ проектировала комиссія 1617 года, отдать его въ полное и безконтрольное распоряженіе польской военной администраціи, прогнать изъ „волости“, лишить самостоятельной юрисдикціи, очн-

¹⁾ Volum. legum II с. 157. ²⁾ Pisma с. 314.

стать отъ всѣхъ атрибутовъ соціального фактора, общественной оппозиціи—которымъ, собственно, козачество и было обязано своей стихійной силой и необычайнымъ ростомъ за послѣдніе годы,—такова была эта задушевная мечта польскихъ сферъ. Проектъ комиссарскихъ постановленій 1617 г. (житомирскій) и послѣдующіе дебаты на сеймѣ обнаруживали эти тенденціи съ полною ясностью¹⁾, и Рѣчь Посполитая, занятая разными войнами, не имѣя свободнаго войска для усмиренія козаковъ, наоборотъ—сама нуждалась въ помощи козацкаго войска,—до сихъ поръ не могла лишь на практикѣ осуществить своихъ пожеланій, не могла провести въ жизнь своихъ резолюцій и комиссарскихъ постановленій. Но это осуществленіе являлось, очевидно, только вопросомъ времени и улучшения политической конъюнктуры. И вожди козачества должны были видѣть это съ полною ясностью.

Возникалъ такимъ образомъ тяжелый вопросъ—какой тактики держаться козачеству по отношенію къ правительству и польскому государству вообще?

Стараться ли усыплять его вниманіе, не поднимая никакихъ принципиальныхъ вопросовъ, увѣряя въ готовности со стороны козаковъ принять всѣ его требованія, представляя всѣ конфликты и столкновенія интересовъ явленіемъ преходящимъ, недоразумѣніемъ, не имѣющимъ большого значенія, а тѣмъ временемъ стремиться къ тому, чтобы всевозможными услугами сдѣлать козачество факторомъ необходимымъ съ точки зрѣнія нуждъ государства и по возможности расположить въ свою пользу это послѣднее? Или же всякій разъ ставить вопросъ рѣзко, торговаться за каждую свою услугу и требовать формальныхъ уступокъ въ козацкихъ притязаніяхъ и требованіяхъ—формулировать ихъ ясно и опредѣленно, хотя бы и не во всемъ ихъ объемѣ, не всѣ сразу, и шагъ за шагомъ добиваться для нихъ формальнаго признанія правительства?

Первое было легче: не обострять отношеній, избѣгать всякихъ конфликтовъ, полагая всю надежду на то, что все какъ-нибудь „образуется“, что фактическія условія: отсутствіе у Польши собственныхъ военныхъ силъ и нужда въ козацкомъ войскѣ, общая дезорганизация и слабость исполнительной власти не дадутъ польской администраціи возможности добиться на дѣлѣ исполненія

¹⁾ Сохранившаяся рѣчь литовскаго подканцлера на сеймѣ 1618 г. (Жерела № 130) обрисовываетъ ихъ достаточно опредѣленно.

своихъ требованій, и козаки, не демонстрируя своихъ притязаній, на словахъ соглашаясь на все, фактически останутся и даже господами положенія на Украинѣ, какъ были уже столько времени, несмотря на все конституціи и комиссіи, постановленныя противъ нихъ. Правда, это былъ не достаточно надежный расчетъ, такъ какъ первое улучшение въ общихъ политическихъ условіяхъ могло дать польскому правительству возможность выбить козачество изъ его позицій—хотя бы на нѣкоторое время, и не было сомнѣній, что правительство и шляхта не упустятъ такого случая. Никакое усиленіе вниманія, никакія заявленія лояльности, никакія задабриванья и заслуги не могли предохранить козачество отъ этого, разъ только оно стало выразителемъ соціальной оппозиціи шляхетско-польскому режиму.

Это былъ врагъ непримиримый, смертельный, и польско-шляхетскіе круги не могли властвовать спокойно, пока онъ былъ живъ—пока козачество не было „очищено“ отъ этихъ соціальныхъ притязаній, не было сведено къ роли обыкновеннаго корпуса пограничной стражи. Козачество со всеми своими пріобрѣтеніями и фактическимъ достоинствомъ постоянно жило на вулканѣ.

Но и путь формальныхъ пріобрѣтеній, обеспечения своихъ требованій и притязаній конституціонными, законодательными гарантіями былъ не только гораздо труднѣе, но не имѣлъ передъ собою также болѣе благопріятныхъ перспективъ. Съ тѣхъ поръ, какъ козачество пріобрѣло соціальную окраску и стало представителемъ общественныхъ стремленій народныхъ массъ (и еще болѣе—когда оно присоединило сюда еще религіозно-національныя требованія, сдѣлавшись выразителемъ національныхъ нуждъ и стремленій украинскаго элемента вообще)—его требованія шли слишкомъ далеко, подрывали слишкомъ глубоко весь соціально-политическій строй Рѣчи Посполитой для того, чтобы можно было надѣяться на реализацію его требованій законодательнымъ путемъ—даже если бы оно стало добиваться исполненія своихъ пожеланій частично, разложивъ ихъ осуществленіе на болѣе продолжительные сроки. Даже страшный ударъ, нанесенный Рѣчи Посполитой движеніемъ Хмельницкаго, пошатнувшій самые устои ея, не привелъ польскіе круги къ добровольнымъ уступкамъ козацкимъ требованіямъ даже въ сферѣ политики національной, не говоря уже о соціальной. И можно было заранѣе сказать, что прежде чѣмъ согласиться на какую-либо болѣе серьезную уступку козакамъ, Рѣчь Посполитая употребитъ все свои силы, чтобы разбить козачество,—какъ разбила его въ 1596 г.

Слѣдовательно, оба пути сводились къ одному и тому же результату—къ вооруженной борьбѣ за козацкія требованія, и послѣднимъ критеріемъ могло быть лишь реальное отношеніе силъ. Поэтому для козачества въ его новой формѣ становилось вопросомъ жизни возможное увеличеніе военныхъ силъ, которыя могли бы обезпечить его роль господина положенія на Украинѣ и обезпечить отъ возможнаго разгрома со стороны враждебнаго польско-шляхетскаго режима. Пути, которыми шелъ ростъ козацкихъ силъ, мы уже видѣли—это была, такъ сказать, интенсификація соціального характера козачества и благодаря ей—привлеченіе въ козацкую среду возможно болѣе широкихъ народныхъ массъ, расширеніе козацкой территоріи и развитіе военныхъ силъ, могущихъ стать на стражѣ окозаченныхъ массъ и территорій. Для развитія военныхъ силъ были необходимы удачныя, богатая добычею войны. Для расширенія козацкаго вліянія среди массъ нужно было оберегать козачество отъ разгромовъ, неминуемо вызывавшихъ упадокъ духа и подрывавшихъ притягательную силу козачества. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ пока не было вѣрныхъ шансовъ побѣды въ вооруженной борьбѣ съ государствомъ, слѣдовало вообще избѣгать всякихъ вооруженныхъ конфликтовъ. Шансы же борьбы еще долго должны были оставаться на сторонѣ Рѣчи Посполитой, пока она держала в своихъ рукахъ всѣ замки и укрѣпленные пункты „волости“ и единственною твердынею козачества оставалась Сичь. Слѣдовательно, пока, до времени, нужно было прежде всего избѣгать рѣзкихъ конфликтовъ, по возможности не давать мѣста острымъ репрессіямъ со стороны Рѣчи Посполитой, поменьше настаивать на формальныхъ уступкахъ и охранять фактически пріобрѣтенное.

Въ этомъ направленіи главнымъ образомъ и идетъ тактика козацкихъ политиковъ, тѣхъ „серіозныхъ“ или „старшихъ“ элементовъ, которые держали ее въ своихъ рукахъ, отъ Байбузы и Кишки до Сагайдачнаго и Кулаги. Не доводить до обостренія отношеній, не отказывать Рѣчи Посполитой въ услугахъ, постоянно давать чувствовать, что козацкая сила ей полезна,—однако и не выслуживаться чрезмерно, наоборотъ—по возможности не допускать, чтобы Польша освободилась отъ военныхъ заботъ. Можно думать, что во всѣхъ этихъ агрессивныхъ выступленияхъ козаковъ противъ сосѣднихъ государствъ лежало не одно только своевольное добычиничество, а могъ быть и извѣстный планъ—вовлечь Рѣчь Посполитую въ военныя затруд-

ншія, которыя отвлекали бы ея военныя силы и не давали возможности направить ихъ противъ козачества, а наоборотъ—заставляли бы Рѣчь Посполитую искать помощи у козаковъ; однимъ словомъ — непосредственныя выгоды добычничества могли сочетаться здѣсь съ болѣе глубокою хитрою политикою.

Таковы характерныя черты козацкой тактики за то время, когда мы можемъ видѣть въ ней вліянія Сагайдачнаго.

1616—7 годами открывается историческая дѣятельность этого выдающагося козацкаго вождя, хотя, несомнѣнно, его вліяніе и значеніе въ козацкомъ войскѣ восходятъ къ гораздо болѣе раннему періоду. Однако ни о комъ почти изъ выдающихся украинскихъ дѣятелей этого времени мы не знаемъ такъ мало, какъ о немъ. ¹⁾ Посмертный панегирикъ, написанный по случаю похоронъ Сагайдачнаго ректоромъ братской школы Саковичемъ (Вѣршѣ на жалосный погребъ зацного рыцера Петра Конашевича Сагайдачнаго, гетмана войска е. кор. милости Запорозкого, 1622)—главный источникъ для болѣе ранняго періода его жизни, говоритъ о немъ очень мало:

Уродился онъ въ краяхъ Подгорскихъ Премисскихъ,
Выкованъ въ вѣрѣ церкви восточней зъ лѣтъ дѣтинскихъ.
Шолъ потомъ до Острога, для наукъ уцтивныхъ

Тамъ тебѣ Конашевичъ часъ не малый живши
И наукъ въ письмѣ нашемъ словенскомъ навывши,
Потомъ выдачи ся способнымъ до менѣства,
Шолъ до Запорозкого славного рыцерства.
Межи вторымъ презъ часъ не малый живючи
И рыцерскихъ дѣлностей тамъ доказуючи,
Гетманомъ потомъ собѣ войско го обрало
И зъ нимъ менѣше Татаровъ и Турковъ бивало.

¹⁾ О Сагайдачномъ: Максимовича Исслѣдованіе о гетманѣ Петрѣ Конашевичѣ Сагайдачномъ (1848) и Сказаніе о гетманѣ П. Сагайдачномъ (1850) — перепечатаны въ I т. Собр. сочиненій. Статья въ сборникѣ Антоновича Историческіе дѣятели Юго-Западной Россіи (1885). Лазаревскій Еще извѣстіе о московскомъ походѣ Сагайдачнаго (К. Стар. 1886, I) — маленькая записка изъ курскаго лѣтописца. Каманинъ Очеркъ гетманства Петра Сагайдачнаго (Чтенія кievскія т. XV и отдѣльно, 1901, съ сборникомъ документовъ); ѣлкая рецензія на эту статью Т. Корзона въ Kwart. Histor. 1904. О. Чайківський, Початки гетьманованія П. Сагайдачнаго, 1906 (Науков. Збірникъ присв. М. Грушевському). Наконецъ названная уже статья П. Жуковича Историческія обстоятельства, и т. д. Все эти статьи однаго далска не использовали матеріаль и не дали сколько небудь исчерпывающей характеристики знаменитаго гетмана.

За своего гетманства взял въ Турецкѣ мѣсто Кафу,
Ажъ и самъ цесарь турецкій былъ въ великомъ страху.

.....
Дознавалъ не по единъ кротъ Турчинъ поганинъ
Его мепзства, и прудвовоенный Татаринъ.
Повѣсть и Мултянская земля и Волопинъ,
Ажъ ихъ тотъ гетманъ зъ своимъ рыцерствомъ положишь.
Досвѣдчилъ и Инфлянтчикъ того войсва силы,
Кгды ихъ тамъ рыцеры ажъ траву косилы.
Пулпочныи тыжъ край будутъ памятали
Далго его мужество, бо ся имъ далъ знати,
Велкого звитества тамъ доказуючи,
Мѣста и города ихъ мощныи цесуючи.
И заше онъ дѣльностью своею въ то трафляль,
Ажъ бы безъ шкнды своихъ, неприятелювъ досталь.
А кгды якого мѣста въ христіанствѣ досталь
Тсды церкви въ покою оставляти казалъ.

Изъ помѣщенного въ этомъ панегирикѣ рисунка изображающаго Сагайдачнаго на лошади, съ гербомъ Побогъ (подкова съ крестомъ наверху) ¹⁾ выводимъ заключеніе, что по происхожденію онъ былъ шляхтичъ, изъ какой то украинской православной семьи Черомышльської земли. Такъ и Ерлицъ, кievскій мемуаристъ младшаго поколѣнія, объясняя, откуда взялись такія доблести у какого-то козака, пишетъ о немъ: „онъ былъ не простого происхожденія, а шляхтичъ изъ-подъ Самбора“ ²⁾. (Однако Поляки, авторы хотинскихъ дневниковъ и въ томъ числѣ Собѣсскій, такъ много занимающійся Сагайдачнымъ, не считаютъ его шляхтичемъ—очевидно, Сагайдачный не подчеркивалъ своего дворянства). Если въ Острогѣ онъ учился довольно долго, то въ запорожское войско вступилъ уже не очень молодымъ. Первыми кампаніями, въ которыхъ Сагайдачный принималъ участіе, Саковичъ, какъ видимъ, называетъ молдавскую и ливонскую войны; судя по этому, начало военной карьеры Сагайдачнаго нужно отнести ко времени до 1600 года. Но „историческимъ лицомъ“ онъ становится лишь на склонѣ своей дѣятельности: имя его появляется въ документахъ только начиная съ 1616 г., и даже собственно не годы, а послѣдніе мѣсяцы его жизни и дѣятельности бросаютъ наиболѣе яркій свѣтъ на эту рѣдкую историческую личность, записанную такими похвальными гимнами въ лѣтописяхъ

¹⁾ Рисунки панегирика всѣ воспроизведены въ моей книгѣ: Культурно-національний рух.

²⁾ Latorisies I с. 5.

двухъ враждебныхъ другъ другу сторонъ—православной Руси и католическо-шляхетской Польши. Яв. Собѣсскій, одинъ изъ комиссаровъ во время хотинской войны, имѣвшій и во время этой кампаніи и въ предшествующей московской много дѣла съ Сагайдачнымъ и хорошо знавшій гетмана ¹⁾, даетъ слѣдующую характеристику его личности и дѣятельности въ своей исторіи хотинской войны:

„Этотъ Петръ Конашевичъ настолько возвышался надъ своимъ простымъ происхожденіемъ и образомъ жизни своимъ острымъ умомъ, выдающеюся зрѣлостью мыслей, необычайной находчивостью въ словѣ и дѣлѣ, что съ полною справедливостью можетъ быть включенъ потомствомъ въ число наиболѣе выдающихся людей Польши. Сколько ни предводительствовалъ онъ Запорожскимъ войскомъ, всюду, покрытый славой своихъ подвиговъ на сушѣ и морѣ, пользовался онъ чрезвычайнымъ расположеніемъ фортуны. Разбивъ нѣсколько разъ Татаръ въ Перекопскихъ степяхъ, наводилъ ужасъ на Крымъ. Тамъ онъ захватилъ скотъ въ степи, у самой цѣли отобралъ добычу, захваченную на Руси. Когда Владиславъ съ оружіемъ въ рукахъ возвращалъ себѣ право на московское государство, Конашевичъ необыкновенно находчиво, сильно обезкураживъ врага, соединился съ нимъ подъ самою Москвою, столицею государства, обнесъ свои побѣдныя знамена по безконечнымъ его пространствамъ, опустошивъ огнемъ и мечемъ непріятельскія земли, превративъ въ печальныя руины такія чрезвычайно сильныя своею позиціею и гарнизономъ города, какъ Елецъ, Шацкъ, Ливны, Калуга: Обремененный богатою добычею, онъ сдѣлалъ свое имя грозой для Московіи, и рыдая отъ такихъ бѣдъ и несчастій, смотрѣла она, какъ его руки забирали ея добро, ея богатства, и причитая пересчитывала тѣ толпы плѣнниковъ разныхъ сословій, разнаго возраста, мужчинъ и женщинъ, которые шли за его колесницами, за его обозомъ.

„Не менѣе прославили имя Конашевича его морскіе походы: и въ этомъ сказывалась его пресловутая фортуна, всегда вѣнчавшая счастливыми результатами его пиратскіе походы, и нѣсколько разрушенныхъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Европы и

¹⁾ Нѣкоторыя подробности его характеристика, напр. соображеніе что жизнь Сагайдачнаго сократили его половыя излишества давно уже вызывали извѣстное недоверіе. При всемъ томъ въ характеристикѣ Собѣскаго чувствуется много реального.

Азіи, сожженія окрестности Константинополя и наконецъ рѣдкая изворотливость, проявленная имъ въ этой послѣдней, хотинской войнѣ—все это непрерывно увеличивало его славу среди Турокъ. И вообще это былъ человекъ великаго духа, искавшій опасности, пренебрегавшій жизнью, первый въ битвѣ, послѣдній при отступленіи энергичный, дѣятельный. Въ лагерѣ онъ былъ бдителенъ, мало спалъ и не предавался пьянству, такъ, какъ это бываетъ вообще среди козаковъ. Зато невоздержно служилъ Венерѣ, и это ускорило его смерть. На совѣщаніяхъ, трезвый или выпившій, онъ былъ остороженъ и во всякихъ разговорахъ скупъ на слова. Оставаясь всегда одинаково вѣрнымъ королю и Рѣчи Посполитой, онъ былъ такъ суровъ, сдерживая козацкое своевольство, что по ничтожнѣйшему поводу безъ жалости проливалъ козацкую кровь, и благодаря этому, возненавидивъ его, буйная толпа неоднократно лишала его старшинства надъ Запорожскимъ войскомъ. Греческую религію и обряды окружалъ онъ чрезвычайно горячимъ почитаніемъ, болѣе чѣмъ суевѣрнымъ, и для перешедшихъ въ лоно римской церкви былъ чрезвычайно упорнымъ и заклятымъ врагомъ; поэтому еще передъ самою его смертью въ обществѣ начали распространяться слухи и подозрѣнія о какихъ то его злыхъ замыслахъ по отношенію къ Рѣчи Посполитой“¹⁾.

Когда Сагайдачный выступилъ на первый планъ козацкихъ отношеній, остается неизвѣстнымъ. Гетманомъ Саковичъ называетъ его во время похода на Кафу 1616 г. Былъ ли онъ тогда впервые избранъ гетманомъ, разумѣется, трудно сказать, но судя по тому, что Саковичъ не назвалъ какого-либо болѣе ранняго похода, можно подумать, что выборъ на гетманство имѣлъ дѣй-

¹⁾ Собѣсваго *Commentariolum belli Chotinensis* I. III с. 35—38, польскій и русскій переводы (Мемуары II с. 59) передаютъ эту тираду съ нѣсколькими значительными неточностями. Менѣе интересна, болѣе шаблонна, характеристика у Петриція (с. 119), привожу ее въ сокращенномъ видѣ: „Въ наукахъ не образованный, какъ и большинство козаковъ, зато съ малолѣтства научился онъ натягивать лукъ, не выпускать изъ рукъ оружія и лошади, бороться съ непогодой не покровами, а выносливостью; легко переноситъ всякую тяготу, голодь и трудъ; не боится врага и въ опасности проявляетъ мужество; и поэтому на совѣщаніяхъ, когда его спрашивали о способѣ веденія войны, то тамъ, гдѣ другіе разсуждали болѣе теоретически, онъ удивительно разбирался благодаря прирожденному уму и продолжительному военному опыту“.

ответительно мѣсто не много раньше 1616 г., послѣ долгой и славленной, полной „рыцарскихъ подвиговъ“ военной карьеры¹⁾). Будучи представителемъ партіи „старшихъ“ и „солиднѣйшихъ“, онъ не разъ, даже и въ это „историческое“ время своей дѣятельности, 1616—1622, долженъ былъ уступать мѣсто вождямъ своевольниковъ, на время захватывавшихъ въ свои руки булаву—какъ это имѣло мѣсто въ 1617, а потомъ и въ 1620 году (быть можетъ и чаще). Но своего вліянія и значенія онъ не утрачивалъ и, давъ отшумѣть своевольной бурѣ, онъ снова бралъ въ свои руки общее управленіе. Мѣрою такого неофициальнаго вліянія его служатъ событія 1620 года, когда булава переходитъ въ руки вождя своевольниковъ, но Сагайдачный продолжаетъ оставаться во главѣ городского войска и осуществляетъ дѣло, окружившее его бессмертною славой въ глазахъ украинскаго общества—возобновленіе іерархіи.

Своимъ союзомъ съ духовными и свѣтскими кругами украинской интеллигенціи, покровительствомъ и живымъ участіемъ въ церковно-національныхъ стремленіяхъ ея, Сагайдачный снискалъ ея уваженіе и горячую, необыкновенную признательность. Въ своемъ панегирикѣ Саковичъ прославляетъ Сагайдачнаго въ такихъ выраженіяхъ:

в немъ залечаю

При мензствѣ вѣру его, въ которой статечне
Трвалъ, заставляючи ся за ню досыть сердечне.
И завше зъ своимъ войскомъ короля пана просиялъ
Абы вѣру нашу святую успокоилъ,
Офѣруючи ся му тымъ хентнѣй служити,
Куды бы рачилъ релію нашу успокоити.

Но въ широкихъ массахъ козачества и народа его компромиссная политика, ея цѣль и результаты не могли быть соответственно оцѣнены, и среди нихъ популярнымъ Сагайдачный вѣроятно никогда не былъ, несмотря на то, что козачество во многомъ было обязано ему своимъ могуществомъ и ростомъ своего престижа. Этимъ объясняются частыя движенія, направленные противъ него.

В устахъ народа сохранилось одно имя Сагайдачнаго, утративъ всякую реальность, всѣ индивидуальныя черты, но отъ тѣхъ популярныхъ вождей, которые противопоставлялись ему мас-

¹⁾ Нѣкоторые изслѣдователи, датируя походъ на Кафу 1606 годомъ, относили и начало гетманства Сагайдачнаго къ болѣе раннему времени, 1604—5 гг.

сами, народная память не сохранила до нашего времени даже того имени¹⁾).

Козацко-польскія отношенія послѣ комиссiи 1617 г. носятъ характерныя черты политики Сагайдачнаго.

Принимая требованiя комиссiи, онъ могъ разсчитывать на вѣрное, что все постановленiя ея не будутъ имѣть никакого значенiя въ виду плановъ московской войны, занимавшихъ короля.

Правительственные круги, исполняя королевскую волю, склоняли козаковъ къ участию въ этой кампанiи. Еще до сейма ведутся объ этомъ переговоры. Левъ Сапѣга, одинъ изъ главныхъ вдохновителей московской кампанiи, отправляясь на сеймъ, послалъ къ козацкимъ старшинамъ своего агента—склонить ихъ къ участию въ войнѣ: чтобы они какъ можно скорѣе послали свое войско въ московскія земли на помощь королевичу. Когда Сапѣга возвращался съ сейма, въ Слонимѣ встрѣтилъ его посолъ съ отвѣтомъ: козаки готовы двинуться на войну по первому приказанiю короля. Такой приказъ, разумѣется, имъ былъ данъ, а сеймъ, по инициативѣ Сапѣги, ассигновалъ козакамъ 20 тыс. зл., и эти

¹⁾ Имѣю въ виду извѣстный маршъ: „Ой на горі та женці жнуть“, гдѣ фигурируетъ

Сагайдачний,
що промiняв жiнку
на тютюн на люльку,
необачний!

Въ виду того, что здѣсь онъ фигурируетъ рядомъ съ Дорошенкомъ, въ исторической литературѣ высказывались сомнѣнiя, говорится ли здѣсь о гетманѣ Сагайдачномъ, или о болѣе позднемъ запорожскомъ кошевомъ того же имени. Каманинъ въ своей статьѣ о Сагайдачномъ высказался противъ такого предположенiя, стараясь доказать, что эта пѣсня вполне соответствуетъ реальнымъ фактамъ Хотинской войны и характеру Сагайдачнаго. Новѣйшая полемика по этому вопросу въ киевскихъ Запискахъ (В. Гринченко: Пѣсня про Дорошенка і Сагайдачнаго въ I т., I. Каманин: Ще за пiсню про Петра Сагайдачнаго въ т. II, и резюме въ протоколахъ т. I с. 154—5). Я думаю, что въ пѣснѣ имѣемъ имя гетмана Сагайдачнаго, но только голое имя, оторванное отъ реальныхъ историческихъ условiй и механически связанное съ характеристикою типичнаго забулдыги-Запорожца. Въ текстѣ пѣсни въ сборникѣ 1713 г., изданномъ проф. Перетцомъ (Замѣтки и матеріалы по исторiи пѣсни въ Россiи. Извѣстія петерб. академіи, 1901 вн. II) къ имени Сагайдачнаго еще не приложена эта характеристика, но и тутъ уже (въ формѣ: Сагайдачникъ) оно совершенно оторвано отъ реальной обстановки и анахронически связано съ именемъ Дрозденка, дѣятеля 1660 гг.

денги были имъ отосланы для лучшаго построения ¹⁾). Тѣмъ самымъ данъ былъ новый толчокъ для мобилизаціи всякихъ военныхъ элементовъ. На Украинѣ началась вербовка козацкихъ полковъ; разные авантюристы, призванные и еще больше—непризванные къ этому, „поднесли хоронкевъ и зобравши до себе людей люзныхъ свовольныхъ“, говоря словами современнаго акта, не торопясь въ Москву, занялись набѣгами, собираемъ контрибуцій. Другіе двинулись въ земли в. кн. Литовскаго, и уже въ началѣ января на сеймъ въ Вильну пришло извѣстіе, что „низовые козаки“ вступили немалыми отрядами, чиня всякіе убытки и наслія надъ населеніемъ и расположились лагеремъ гдѣ-то недалеко отъ Полоцка ²⁾). Одинъ изъ ограбленныхъ полѣскихъ помѣщиковъ слѣдующимъ образомъ описываетъ эту новую вспышку украинскаго своеволия — „во время своеволия, когда гулящее козачество, подъ предлогомъ отправленія въ экзекюцію московскую, якобы до королевича его милости, своевольно собирало банды и безъ позволенія его кор. милости гетмана великаго короннаго распуская знамена, только земли е. кор. милости: Украинну, Полѣсье и Литву опустошали“ ³⁾).

Эта вспышка своеволия, несомнѣнно, была однимъ изъ мотивовъ, съ новою силою пробудившихъ отрицательное отношеніе общества къ московскимъ планамъ короля и вызвавшихъ сеймовое постановленіе, дававшее только годъ сроку для ликвидаціи московскаго эпизода. Она же оказала вліяніе и на рѣшительность сеймовыхъ комиссаровъ, вопреки намѣреніямъ короля и королевича въ самомъ разгарѣ прервавшихся кампаній съ Москвою мирнымъ договоромъ. Она же подлила масла въ огонь польско-козацкихъ отношеній—усиливъ раздраженіе шляхты противъ козацкаго своеволия. Волынская шляхта уже весной двинулась поголовно и занялась разгономъ своевольныхъ бандъ ⁴⁾). То же самое рекомендовалъ король и кievской шляхтѣ въ маѣ мѣсяцѣ, когда она обратилась къ нему съ жалобами на набѣги, незаконные поборы и грабежи со стороны разныхъ предводителей своевольныхъ бандъ ⁵⁾).

¹⁾ Kobierzycki Historia Vladislai с. 560—1; нѣсколько записокъ о выдачахъ денегъ посланъ къ козакамъ—рукоп. Цубл. библ. у Жуковича II с. 65.

²⁾ Archiwum Radziwiłłów с. 261.

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. III № 62—66, 68, 71, Матеріалы, относящіяся къ гетманству Сагайдачнаго № 28, 36.

⁴⁾ Архивъ Ю. З. Р. III I с. 25. ⁵⁾ Ibid № 70.

Тѣмъ временемъ низовое козачество накликало на Польшу новые страхи со стороны Татаръ и Турокъ. Кажется, еще осенью 1617 г. имѣлъ мѣсто какой-то козацкій походъ на море: козаки причинили Туркамъ много убытковъ и разбили турецкій флотъ, причѣмъ погибъ и самъ адмиралъ, какой-то большой паша, родственникъ султана¹⁾. Затѣмъ весной имѣемъ извѣстіе о крупной экспедиціи донскихъ козаковъ; враги Польши говорили, что эту экспедицію подстроила Польша и въ ней принимали участіе козаки изъ Польши²⁾—последнее вполне вѣроятно.

Результатомъ прежде всего были набѣги Татаръ, которымъ къ тому еще не была уплачена и общинаная контрибуція. Первый набѣгъ произошелъ въ май, и Жолкевскій, несмотря на свои незначительныя силы, сумѣлъ дать ему отпоръ. Но во второмъ нападѣніи, въ концѣ лѣта, принимали участіе гораздо болѣе значительныя силы, такъ что Жолкевскій не рѣшился выступить противъ орды, и „басурманинъ“, по словамъ королевской инструкціи, „углубившись въ Покутье, огнемъ и мечомъ разорялъ и забиралъ людей въ свою мерзкую неволю, такъ что у этихъ хищниковъ уже, вѣроятно, ни рукъ для грабежа, ни мыкъ для связыванія не хватало, а что всего прискорбнѣе—онъ уже, какъ бы пренебрегая людьми низшаго сословія, немилосердно наполнялъ свои хищническія руки лишь шляхетскою кровью; сколько взято почтенныхъ людей, сколько обезчещено дѣвушекъ, сколько оцѣнено на неслаханныя цѣны (для выкупа)—стыдно вспомнить и сказать“³⁾. А велѣдъ за ордою къ границамъ Польши двинулся снова Искандеръ-паша съ турецкимъ войскомъ; по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у Жолкевскаго, татарскій набѣгъ былъ извѣстнаго рода стратегическимъ маневромъ и имѣлъ цѣлью открыть дорогу турецкому войску и Жолкевскій до поздней осени стойчески оставался подъ Орнинимъ, заграждая дорогу Туркамъ. Разныя постороннія обстоятельства отвлекли Искандеръ-пашу отъ наступленія, и пассивность Жолкевскаго вызвала сильное недовольство въ шляхетскихъ кругахъ⁴⁾.

¹⁾ Pisma с. 342, время этого похода Жолкевскій опредѣляетъ лишь приблизительно: послѣ трактата, заключеннаго подъ Подбильимъ; такъ онъ называетъ соглашеніе подъ Бушею-Яругою имѣвшее мѣсто въ сентябрѣ 1617 г. (ср. тамъ же с. 395).

²⁾ Жерела VIII № 193. ³⁾ Ibid. с. 198.

⁴⁾ Pisma Żółkiewkiego с. 342—347, 493—6, 482—3, Жерела VIII № 133, хроника Пясецкаго с. 370—1.

Изаовое войско, послѣ долгихъ приглашеній, общаній, уговоровъ, наконецъ двинулось въ московскія земли лишь лѣтомъ. Велъ его Сагайдачный, было въ немъ „больше 20 тысячъ козаковъ самого отборнаго войска“¹⁾. Оно двигалось черезъ Сѣверскія земли на Путивль, Елецъ, Лебедянь, Шацкъ, Коломну, завоевывая замки, разрушая города,²⁾ подъ Москву, гдѣ должно было соединиться съ войскомъ королевича, медленно двигавшимся туда же изъ Смоленскихъ земель, въ ожиданіи козаковъ.

Московское войско, высланное для того, чтобы преградить козакамъ дорогу, не сумѣло этого сдѣлать, и Сагайдачный свободно прошелъ подъ Москву. Извѣстіе о приближеніи козацкаго войска, пришедшее въ польскій лагерь въ серединѣ сентября, было встрѣчено тамъ съ особеннымъ удовольствіемъ: „при чрезвычайно тяжелыхъ для войска обстоятельствахъ, эта неожиданная какъ бы съ неба посланная помощь наполнила души всѣхъ необычной радостью“, пишетъ участникъ похода³⁾: послѣ долгихъ ожиданій Поляки потеряли было уже всякую надежду на козаковъ и не имѣли отъ нихъ никакихъ извѣстій. Королевичъ осыпалъ козацкихъ пословъ подарками, а Сагайдачному черезъ своего посла, мстиславскаго войскового Мадалинскаго тоже послалъ богатые подарки, булаву, знамя и бубны. Козацкому войску поручено было пройти подъ Тушино и соединиться тамъ съ польскимъ войскомъ, что Сагайдачный и сдѣлалъ, удачно отбѣнивъ московское войско, и на торжественной аудіенціи передалъ королевичу взятыхъ въ плѣнъ московскихъ комендантовъ Ельца и Ливень и перехваченныхъ по дорогѣ московскихъ пословъ, направлявшихся съ письмами въ Крымъ. Послѣ этого тотчасъ же, на другой день (подъ 1 октября) была произведена ночная атака на Москву. Но

1) Kobierzucki Historia Vladislai s. 558

2) Городу Михайлову, однако, удалось отбиться отъ Сагайдачнаго, какъ повѣствуетъ мѣстная повѣсть: „всепагубный врагъ Сагайдачный съ остальными Запорожскими своими отыде отъ града со страхомъ и скорбію, а жители богохранимаго града Михайлова совершаютъ по вся лѣта торжественныя праздниства въ тѣ дни: въ первый приступный день (день первой атаки) августа въ 17 день чудо архистратига Михаила, а объ отшествіи отъ града Запорожскъ августа въ 27 день празднуютъ великому чудотворцу Николѣ“ (Кіев. Старина 1885, XII с. 689). Это небольшое pendant къ чуду св. Ана въ Дукли, тридцать лѣтъ спустя сохранившаго Львовъ отъ Хмельницкаго.

3) Kobierzucki I. с.

въ Москвѣ узнали о ней заранее, и благодаря этому, а также и некоторымъ неожиданнымъ распоряженіямъ польскихъ вождей приступъ не удался ¹⁾).

Несмотря на это приходъ козаковъ и ихъ приступъ, хотя и неудачный, произвели свое впечатлѣніе въ московскихъ кругахъ, и посланные сеймомъ для выработки трактата комиссары, которые все время вели свои переговоры, постыпились использовать впечатлѣніе, чтобы подвинуть свои торги. Московское правительство стало болѣе уступчивымъ къ польскимъ требованіямъ, и комиссары, стараясь исполнить желаніе сейма—въ теченіе года ликвидировать московскій вопросъ, начали торопиться съ соглашеніемъ вопреки желаніямъ короля. Сигизмундъ, чтобы получить разрѣшеніе на дальнѣйшее веденіе войны, назначилъ новый сеймъ на начало 1619 г. Королевичъ со своими приближенными собирался зимовать въ московскихъ земляхъ, чтобы весной, съ новыми средствами продолжать компанію. За продолженіе войны стоялъ и Сагайдачный, который послѣ неудачнаго приступа подь Москву отправился къ Калугѣ, взялъ и разорилъ ее и теперь прислалъ къ королевичу козакаго полковника Путивльца съ представленіемъ, „чтобъ имъ изъ московской земли не выходить“. И отъ донскихъ козаковъ также приходили послы къ королевичу съ заявленіемъ, что они хотятъ помогать ему въ дальнѣйшей войнѣ. Но комиссары, не взирая на эти планы и желанія, всѣми силами старались довести до перемирія, которое и было заключено черезъ два мѣсяца послѣ приступа подь Москву въ с. Деулинѣ на 14 лѣтъ. Московское правительство уступило польско-литовскому государству его завоеванія, Смоленскую и Сѣверскую области: Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, Почепъ, Трубчевскъ. Путивль, Рыльскъ, Сѣвскъ стали пограничными городами

¹⁾ Kobierzyski с. 559—6. J. Ossolinskiego Autobiografia с. 70-2 (дата невѣрная). Ивановъ Описание разряднаго архива с. 288 (московскія официальные записки). Максимовичъ въ своей біографіи Сагайдачнаго (Собр. сочин. I 362) нарисовалъ картину (правда—въ формѣ догадки); какъ Сагайдачный въ рѣшительный моментъ поколебался въ своемъ намѣреніи—добывать штурмомъ православную Москву для иновѣрныхъ Поляковъ—„когда Москва звономъ колоколовъ своихъ позвала православный народъ къ заутренѣ на праздникъ Покрова, и руки осаждавшихъ ее козаковъ невольно поднялись на крестное знаменіе“. Эту сантиментальность стараго историка ѣдко высмѣялъ потомъ Кулишъ.

Московского государства. На время перемирия кор. Владиславъ обязывался оставить всякія попытки овладѣть московскою короною, Рѣчь Посполитая—не помогать ему ни въ чемъ. Но вывести изъ Московскихъ земель козаковъ—этого польскіе комиссары не хотѣли взять на себя, быть можетъ и не рассчитывали на повиновеніе со стороны козаковъ, а быть можетъ—открывали себѣ возможность козацкаго похода, въ случаѣ надобности.

Этимъ трактатомъ московское предпріятіе, вопреки желаніямъ короля и двора, было похоронено на долгое время. Достигнувъ мира на восточной границѣ, Польша могла подумать о безопасности южной, жившей послѣдніе время изъ года въ годъ такой тревожной и полной опасностей жизнью. Сеймъ, перенесенный съ осени 1618. г. на начало 1619 главнымъ образомъ для рѣшенія московскаго вопроса, обратилъ главное вниманіе уже на опасность съ юга, на которую на цѣломъ рядѣ сеймовъ указывалъ Жолкевскій. Имъ былъ широко начерченный имъ планъ мобилизаціи военныхъ силъ и военныхъ операций для обезпеченія южной границы ¹⁾: Жолкевскій проектировалъ довести численность польскаго войска до 100 тыс., использовать козацкія силы, захватить черноморское побережье и земли по Дунаю—Тягичъ, Бѣлгородъ, Килию, и вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, снова поставить въ вассальныя отношенія Молдавію. Сеймъ не захотѣлъ идти такъ далеко въ помощи государству, но все-таки вотировалъ довольно значительные кредиты, принялъ организацію повѣтового войска и всеобщее ополченіе въ случаѣ нужды ²⁾; цѣль не называлась, чтобы не дразнить врага, но несомнѣнно, что здѣсь имѣлась въ виду опасность со стороны Турціи. Поручено было использовать для этой цѣли и козацкое войско, какое будетъ принято на службу государства. При этомъ сеймъ дипломатично далъ королю и гетману только въ общихъ чертахъ порученіе позаботиться объ усмиреніи своевольства, уменьшеніи козацкаго войска и установленіи для него опредѣленнаго числа, такъ какъ козаки нужны были „для нуждъ текущаго момента“ и было бы не тактично дразнить ихъ какими-либо репрессивными постановленіями ³⁾.

Весною Жолкевскій началъ мобилизацію силъ на южной границѣ съ цѣлью произвести на Турокъ соответствующее впечат-

¹⁾ Жерела VIII № 139.

²⁾ Volum. legum III с. 169, 170, 171.

³⁾ Ibid с. 170.

лѣніе. Вѣроятно, она въ самомъ дѣлѣ предотвратила дальнѣйшія военныя демонстраціи со стороны Искандеръ-пашы, высланнаго снова на границы Польши, а новый молдавскій господарь Каспаръ Граціанъ взялъ на себя роль посредника между Жолкевскимъ и Искандеръ-пашою, и въ результатѣ послѣдніе общими стараніями пришли къ „почетному и выгодному соглашенію“¹⁾.

Козаки, кажется, не принимали участія въ этой мобилизаціи; официально они взяли на себя роль лѣваго крыла—защиты Украинны отъ Татаръ²⁾, неизвѣстно только, по порученію ли польскаго правительства, или по собственной инициативѣ—чтобы уклониться отъ похода на Турокъ. Но въ результатѣ они, кажется, двинулись весною въ морской походъ: Искандеръ-паша въ май сообщалъ объ этомъ Граціану—что козаки пошли въ большомъ числѣ и подходили на чайкахъ подъ Тягине³⁾. Очевидно, походъ этотъ имѣлъ какое-то отношеніе къ Молдавіи, такъ какъ молдавскій и валахскій воеводы, желая обезпечить себя отъ хлопотъ съ козаками, рѣшили откупиться отъ нихъ,—подобно тому, какъ Поляки откупились ежегодною контрибуціей отъ Татаръ. Объ этомъ Граціанъ писалъ Жолкевскому, но послѣдній рѣшительно протестовалъ противъ такой тактики, такъ какъ подобный выкупъ лишь больше раздражитъ козацкіе аппетиты: „противъ этихъ разбойниковъ нужно пустить въ ходъ оружіе“, писалъ онъ. „И прежде, когда число ихъ слишкомъ увеличивалась, также не было другого способа водворить среди нихъ порядокъ, какъ только сила и оружіе, и мы послѣ всѣхъ безплодныхъ усилій пришлось ихъ разбить и разгромить въ нѣсколькихъ кровавыхъ битвахъ“ (рѣчь идетъ о 1596 г.) „И, теперь нѣтъ иного выхода, и еслибъ только не мѣшали турецкіе и татарскіе походы, то обѣщало искренне—мы найдемъ мѣры для обузданія и приведенія къ порядку этихъ злодѣевъ“⁴⁾. Только бы не затянулись переговоры съ Турками, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„будетъ

1) Pisma с. 761—рѣч. Публ. библ. Пол. F. IV л. 182.

2) Pisma с. 351.

3) Pisma с. 402; Жолкевскій не вѣрилъ этому извѣстію; но возможно, что упоминаніе въ раставицкихъ постановленіяхъ о недавнемъ походѣ на море нужно отнести къ этому походу.

4) Pisma с. 404. Жуконичъ ошибается усматривая въ этомъ письмѣ заявленіе Жолкевскаго, что онъ, задаривъ козаковъ, удерживалъ ихъ отъ морского похода (III с. 3).

еще достаточно времени, чтобы закончивъ дѣла между собою ударить на злодѣевъ козаковъ“¹⁾.

Дѣйствительно, полагаясь на то, что при посредствѣ Грациана, все больше склонявшагося на сторону Польши и поддавшаго подъ польскія вліянія, отношенія съ Турками будутъ улажены, Жолкевскій еще лѣтомъ началъ готовиться къ походу на козаковъ. Какъ въ предшествующій разъ онъ задумывалъ застать ихъ врасплохъ неожиданнымъ походомъ,—такой же тактики держалось теперь и правительство. Въ іюнѣ с. с. король отправилъ къ козакамъ посла съ грамотами, точное содержаніе которыхъ неизвестно, кромѣ того что Жолкевскій считалъ эту посылку очень полезною, такъ какъ она должна была отвлечь вниманіе козаковъ и усюкоить ихъ, пока Жолкевскій съ комиссарами двинется на нихъ подъ предлогомъ операцій противъ Турокъ. Съ своей стороны онъ совѣтовалъ козакамъ ити съ днѣпровскихъ перевозовъ на Запорожье, или отправить туда нѣсколько тысячъ войскъ, „такъ какъ и безъ того ихъ очень много“—лишь бы не шли на море²⁾. Съ другой стороны, въ правительственныхъ кругахъ считали нужнымъ оказать вниманіе „болѣе солиднымъ“ козацкимъ кругамъ и ихъ вождю Сагайдачному и дать имъ понять, что правительство дѣлаетъ различіе между козацкимъ своевольствомъ и его лойяльными элементами. Такова была, очевидно, дѣль королевской грамоты, данной 13 (23) іюля на имя Сагайдачнаго³⁾. Въ ней король выражаетъ свое удовольствіе и благодарность Сагайдачному по поводу оказанныхъ имъ и войскомъ Запорожскимъ заслугъ въ послѣдней московской войнѣ, а также стараній его и „его старинныхъ товарищей“ относительно обузданія своевольныхъ козаковъ. „И теперь на волости“, читасмъ здѣсь, „онъ сдерживаетъ и караетъ войско Запорожское, особенно же тѣхъ, которые не принадлежатъ къ Запорожскому войску, лишь носятъ это имя; другимъ—привыкшимъ своевольно пробираться и разстраивать отношенія съ турецкимъ императоромъ—онъ запрещаетъ ходить на Чорное море и оказываетъ вмѣстѣ съ другими своими старинными товарищами всякое расположеніе и предупредительность намъ и Рѣчи Посполитой“. Однако и по отношенію къ этимъ лойяльнымъ элементамъ правительство не рѣшилось на ка-

¹⁾ Pisma с. 401. ²⁾ Ibidem с. 351.

³⁾ Издана въ Кіев. Старинѣ 1902 кн. XI.

кое-либо реальное выражение своей благосклонности и в этой грамоте король обѣщаетъ лишь свою милость и покровительство Сагайдачному, его роднымъ и потомству!

Въ такихъ пересылкахъ прошло лѣто, а уже 24/VIII (3/IX) король издалъ универсалъ, назначая длинный рядъ украинскихъ магнатовъ помѣщиковъ и польскихъ ротмистровъ въ комиссію противъ козаковъ. „Въ виду того, что предшествующія условія не были выполнены, а число козаковъ, чѣмъ дальше, все болѣе возрастаетъ, такъ что эта сила не только можетъ поссорить насъ съ невѣрными, но и вызвать внутреннія междоусобія“—комиссіи поручалось войти съ козаками въ переговоры, „чтобы эти своевольники, которые и своихъ старшихъ часто не слушали, были обузданы и чтобы былъ у нихъ заведенъ порядокъ и повиновеніе“, и т. д. ¹⁾.

Но и на этотъ разъ, даже еще меньше, чѣмъ въ предшествующій, удалось застать козаковъ врасплохъ. Репрессивныя намѣренія правительства не были для нихъ тайною. Въ придворныхъ варшавскихъ кругахъ рассказывали, что козаки перехватили перениску Жолкевскаго съ Искандеръ-пашею и узнали объ обѣщаніяхъ, какія дѣлались турецкому правительству объ усмирении козаковъ; услышавъ о нихъ, козаки тотчасъ двинулись—одни говорили, что они собираются идти съ оружіемъ въ рукахъ на Украину, другіе,—что они задумали соединиться съ Татарами ²⁾. Когда въ концѣ сентября Жолкевскій со своимъ войскомъ и комиссарскими полками пришелъ по прошлогоднему подъ Павлочь, на Раставицу,—козачье войско придвинулось почти къ самой Вѣдой Церкви и расположилось лагеремъ на р. Усени. Но его было не такъ много, немногимъ болѣе десяти тысячъ вмѣстѣ съ артиллеріею. Силы Жолкевскаго и комиссаровъ въ точности неизвѣстны. Изъ огромнаго числа комиссаровъ-магнатовъ на этотъ разъ лично явились русскій воевода Даниловичъ, вновь назначенный кievскій воевода Томашъ Замойскій (сынъ канцлера), Станиславъ Конецпольскій, также вновь назначенный польнымъ гетманомъ, и каменецкій и брацлавскій староста Калыновскій. Послѣ переговоровъ съ прибывшими изъ козацкаго лагеря, по приглашенію комиссаровъ, козацкими делегатами была выработана комис-

¹⁾ Pisma с. 329.

²⁾ Письма Януша Радзивилла—Публ. библ. Пол. Б. IV № 202 с. 349; не совсѣмъ точно у Жукевича III с. 4.

сарская декларация, и съ нею въ козацкій лагерь отправились для дальнѣйшихъ переговоровъ комиссарскіе делегаты.

Въ основу своей деклараціи комиссары положили предшествующую, ольшаницкую декларацію, и послѣ предварительныхъ переговоровъ, въ качествѣ ультиматума, поставили слѣдующія требованія: согласно вышеупомянутой ольшаницкой деклараціи, козаки должны исключить изъ войска всѣхъ не принадлежащихъ людей, приставшихъ къ козацкому войску за послѣднія пять лѣтъ, и принять то число реестрового войска, какое имъ затѣмъ опредѣлитъ король; должны быть прекращены походы на море, уничтожены еще оставшіяся лодки и наказаны участники послѣднихъ морскихъ походовъ; козаки признають старшимъ, кого назначитъ имъ коронный гетманъ. Комиссары, съ своей стороны, дѣлали только одну уступку—увеличивали цифру ежегодной платы козакамъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, принимали и увеличеніе козацкаго реестра): съ 1620 г. козацкое войско должно было получать въ годъ 40 тыс. злотыхъ (вмѣсто прежнихъ 10 тыс. злотыхъ и 700 поставовъ сукна). При этомъ было заплачено войску жалованье за предшествующій и текущій годы, 20 тыс. злотыхъ за московскую службу и отдѣльно еще около 4 тыс. злотыхъ на пушки и для старшинъ „за покорность, проявленную ими“¹⁾.

Эти значительныя суммы денегъ, выплаченныя въ такой моментъ, несомнѣнно имѣли значеніе масла, вылитаго въ бѣшущую волну. Золотой казеюль подсластитъ горькую ниаюлю, которую польское правительство, использовавъ козачество до послѣдней возможности въ послѣдней московской кампаніи, преподнесло ему теперь, въ увѣренности, что больше ему не придется нуждаться въ козакахъ. Помогъ онъ и козацкимъ старшимъ склонить козацкія массы къ уступкамъ правительственнымъ требованіямъ, чтобъ не вызвать дальнѣйшаго обостренія конфликта. Однако, переговоры и торги тянулись долго. „Было не мало тергиверсацій (увертокъ)“, писалъ королю Жолкевскій по окончаніи дѣла: „ставили и хотѣли включить въ свой ‚реверсаль‘ то одно, то другое, а особенно настаивали — и это отняло много времени — на такой оговоркѣ: еслибы имъ за какой-либо годъ не заплатили жалованья, то они имѣютъ право идти для добычи на море; ушло больше недѣли на сношенія съ ними и пересылки, но всетаки дѣло кончилось на томъ, что содержать въ себѣ эти

¹⁾ Pisma c. 362.

постановленія“¹⁾). Имѣя при себѣ большія силы, не пуждалось, какъ въ предшествующемъ году, въ козацкой помощи и расположеніи, комиссары на этотъ разъ держались по отношенію къ козакамъ рѣзче и непримиримѣе и угрожали войною, если козацкое войско не приметъ ихъ условій. „Къ такому сокрушенію въ значительной степени привело ихъ то, что выдѣли передъ собою королевское войско: хоть и тяжела была осенняя непогода, свѣга, дожди и морозы—дня не проходило безъ ненастья,—войско сносило эти невзгоды; слышали они угрозы, что если не захотятъ подчиниться волѣ и наказамъ короля, королевскіе солдаты готовы поступить съ ними, какъ съ врагами, и благодаря этому дѣло приняло такой благоприятный для Рѣчи Посполитой оборотъ“, писалъ Жолкевскій²⁾).

Итакъ, пріятный звонъ золота и самоувѣренное брацанье польскихъ сабель, съ другой стороны, рѣшили дѣло. Козацкіе старшины, не надѣясь выиграть въ вооруженной борьбѣ съ Рѣчью Посполитой, а въ случаѣ неудачи рискуя потерять все то, что оставляли ей комиссарскія предложенія, рѣшили подчиниться и во чтобы то ни стало избѣжать конфликта.

Донесеніе польскихъ делегатозвъ, посланныхъ въ козацкій лагерь для переговоровъ, отъ 5 (15) октября³⁾, даетъ намъ нѣсколько характерныхъ подробностей этихъ переговоровъ и кое-какія бытовья детали, такъ что стоитъ привести изъ него наиболѣе интересныя мѣста. „Мы поѣхали къ нимъ, когда только что разсвѣло, и застали ихъ за снаряженіемъ войска. Остановили насъ, не давъ переѣхать плотину на Узени: просили, чтобъ мы подожидали, пока они построятъ полки. Долго передвигали полки на гору и за гору, долго суетились, и наконецъ прислали къ намъ, чтобъ мы ѣхали переписывать войско. Въ то же время и самъ гетманъ Сагайдачный приближался къ намъ; мы приблизились къ нему и сказали, что намъ важно не то, чтобъ мы войско переписали, а чтобы пришли къ соглашенію и комиссію закончили: намъ передали ее (декларацию комиссаровъ), а отъ васъ взяли реверсаль. Тогда они усиленно просили если не писать, то хотя посмотреть, и съ этой оговоркой мы поѣхали. Поставили они одиннадцать полковъ; почти всѣ были съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, рѣдкіе съ луками: на нашъ взглядъ ихъ могло быть око-

¹⁾ Pisma с. 361. ²⁾ Ibidem с. 362—3.

³⁾ Рукоп. библ. Замойскихъ.

ло 8000. Подали намъ реестръ своей переписи, въ которомъ стояло 10.600. Полки по порядку давали залпы. Потомъ подвели насъ къ артиллеріи; при ней было приблизительно около 200 ч. пѣхоты. Дали выстрѣлы, стрѣляли изъ пушекъ. Потомъ повернули полки къ обозу, показывая ихъ намъ, и такъ каждый шелъ къ своему посту. Сагайдачный сойдя съ коня, просидъ насъ откушать. По просьбѣ нашей вскорѣ потомъ забилъ въ бубны, призывая на раду; потерявъ немного времени на ѣду, отправились мы на совѣщаніе. Тамъ признали, что видѣли у нихъ боевую готовность и похвалили ее; передали благодарность вашей милости (Жолкевскаго). По пунктамъ склоняли мы ихъ къ постановленіямъ комиссіи; доказывали, что здѣсь въ такомъ собраніи, среди шума, въ такой большой массѣ ни до чего нельзя договориться. Тогда они разрѣшили, чтобы Сагайдачный съ нѣсколькими десятками удалился выѣтъ съ нами. Прежде всего они не согласились брать деньги во Львовѣ, а въ Кіевѣ, на св. Илью, праздникъ русскій (по старому календарю), четыре недѣли спустя послѣ св. Ивана. Во-вторыхъ—просятъ, чтобы изъ шляхетскихъ владѣній выходить имъ до того же праздника св. Ильи, и на это мы рѣшили согласиться. Въ третьихъ, когда мы передали имъ волю вашей милости (гетмана Жолкевскаго), чтобы ихъ войска осталось только 3000,—на этомъ никакъ не хотѣли успокоиться. Говорили: „мы уже исключили 5000 не принадлежащихъ къ войску и остались одни, и это ничего не будетъ стоить королю и Рѣчи Посполитой сверхъ назначенныхъ намъ 40 тыс. золотыхъ; распустивъ разъ, уже не соберешь насъ больше въ такой массѣ,—а не дай Богъ, если какая нибудь внезапная опасность постигнетъ Рѣчь Посполитую отъ непріятеля?! а мы ихъ (сверхъ 3000) будемъ содержать на ту же плату, не собирая стацій ни откуда,—хоть бы и по грошу, будемъ дѣлиться съ ними; и такимъ образомъ болѣе сильными будемъ для отпора непріятелю, легко намъ будетъ и своевольныхъ изъ своей среды сдерживать, и походы на море прекратимъ“. Секретно увѣряли насъ: „мы теперь въ нашемъ сборѣ громко говоримъ, что всё такъ и останутся, а распустивъ, потомъ легче, безо всякихъ замѣшательствъ и опасности кровопролитія и междоусобій скоро выйдемъ (излишнихъ),—а еслибы теперь объявили опредѣленное число, никакъ не избѣжали бы (кровопролитія)“. Отъ присяги отказываются, говорятъ: „Если мы хранимъ словесное обѣщанье или подавая руку Татарамъ, то его кор. мил., пану на-

шему милостивому сдержимъ тѣмъ болѣе, давъ согласіе и обязательство наше письменное, съ печатью и приложеніемъ рукъ, и по рыцарски, по принятому у насъ обычаю, какъ было и на Ольшанскѣ, подтвердимъ (сормашеніе), подписавъ реверсалъ комиссіи“. Видя, что имъ хотѣлось уже разойтись, мы, чтобъ задержать ихъ и увеличить надежду на болѣе вѣрное постановленіе, сказали отсчитать на завтра для нихъ деньги“. Тѣмъ временемъ просить комиссары у гетмана инструкцій, какъ быть съ этими пожеланіями козаковъ.

Итакъ видимъ, во-первыхъ, что послѣ того, какъ козацкое войско приняло и исполнило требованіе объ исключеніи всѣхъ „непринадлежащихъ къ войску людей“, вступившихъ за послѣдніа пять лѣтъ, комиссары поставили требованье, чтобы козацкое войско было сведено къ 3 тысячамъ. Это было большою уступкою съ польской стороны, послѣ того какъ житомирская декларация 1617 г. проектировала ограничить козацкое войско одною тысячею; но послѣ того, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Рѣчь Посполитая пользовалась помощью двадцатитысячнаго козацкаго корпуса, это требованіе было совсѣмъ безцеремоннымъ. Козаки не хотѣли принять этой цифры, какъ слишкомъ ничтожной, и не хотѣли произвести сейчасъ „выписки“, говоря, что это привело бы къ волненіямъ. Въ концѣ концовъ рѣшено перепись отложить, провести ее въ городахъ, а точное опредѣленіе цифры козацкаго войска предоставить королю; всеъ выписанные должны были лишиться правъ на козацкія вольности и подлежать власти своихъ помѣщиковъ и державцевъ.

Особенное вниманіе было обращено на этотъ разъ на мѣсто жительства козаковъ. Козаки имѣютъ право жить и пользоваться своими льготами (свободою отъ власти помѣщика и козацкой юрисдикціей) только въ королевскихъ земляхъ „не обременяя собой владѣній духовныхъ и шляхетскихъ“; кто хочетъ состоять въ войскѣ, долженъ уйти изъ этихъ имѣній и переселиться въ одну изъ королевщинъ. Въ комиссарской деклараціи такимъ образомъ ставится дилемма: козаки или не должны жить въ имѣніяхъ духовенства и шляхты, или, если тамъ живутъ—они подчиняются власти владѣльцевъ и не имѣютъ права выходить изъ повиновенія имъ, или признавать надъ собою другую юрисдикцію. Но козацкій реверсалъ не принимаетъ такой альтернативы, не считая очевидно возможнымъ, чтобъ козакъ состоялъ не подъ войсковою юрисдикціей, а подъ помѣщичьей властью: онъ не хо-

четь создавать подобнаго прецедента; кто хочет быть козакомъ, постановляетъ онъ, — долженъ выйти изъ частнаго имѣнія въ королевское. Въ королевскихъ имѣніяхъ козаки должны оказывать державцамъ и ихъ администраціи только „соотвѣтственное уваженіе“, а не повиновеніе, не отказываться пойти на Татаръ, въ случаѣ явной необходимости, напр. при нападеніи ихъ, со старостою, подстаростою либо своимъ атаманомъ, — но не больше. На переселеніе въ королевскія имѣнія войско выторговало собоѣ десять мѣсяцевъ. Но все это постановленіе — это ограниченіе козацкаго мѣстожителства оно называетъ въ своемъ реверсалѣ „огромнымъ ущербомъ нашихъ вольностей, дарованныхъ намъ привилегіями покойныхъ королей“, и оговариваетъ, что они еще обратятся съ прошеніемъ къ королю, чтобы онъ оставилъ ихъ при стародавнихъ вольностяхъ и правахъ.

Въ вопросѣ о назначеніи старшаго козаки уступили въ этотъ разъ настолько, что предоставили этотъ спорный пунктъ рѣшенію короля. „Что вы изволили включить въ комиссію, а именно, чтобы мы имѣли у себя старшаго изъ руки королевской и коронаго гетмана, какъ былъ когда-то покойникъ п. Оришевскій, — мы и этому не противимся; панъ канцлеръ и коронаго гетманъ, не назначая (старшаго) сейчасъ, изволили отложить это до будущаго сейма, и мы пошлемъ туда своихъ пословъ, полагаясь на волю его кор. милости; только просимъ такого, чтобы вмѣстѣ съ нами служилъ во славу Рѣчи Посполитой, грудью становился противъ врага государства, и умѣлъ бы ходатайствовать передъ кор. милостью въ нашихъ нуждахъ“.

Козаки обѣщали уничтожить оставшіяся, еще не уничтоженные (sic) морскія лодки, а тѣ, какія будутъ оставлены для перевозовъ — держать подъ стражей; обѣщали своевольно ходившихъ въ послѣднее время на море наказать, и на будущее время „своимъ рыцарскимъ словомъ“ обѣщаютъ въ морскіе походы „противъ земель императора турецкаго“ самимъ не ходить изъ Днѣпра на море и другимъ не позволять и не допускать. Изъ вышеприведенной реляціи Жолкевскаго знаемъ, что козаки долго не соглашались на такое абсолютное отреченіе и хотѣли оставить за собою право ходить на море за добычею въ случаѣ, если имъ не будетъ выплачиваться жалованье, но комиссары на это не пошли. Однако козацкомъ „реверсалу“ придана быть можетъ умышленно такая стилизація, что получается нѣкоторая условность: „получая выше указанную ежегодную плату отъ его кор. милости постоянно, мы обѣщаемъ“ и т. д.

Этотъ козацкій реверсаль имѣеть дату 17 октября н. ст. (два дня спустя послѣ указаннаго донесенія польскихъ делегатовъ). Подписали его; „Петръ Кунашевичъ, старшій; Григорій Затиркевичъ, вѣздуль Запорожскаго войска; Лаврентій Пашковскій, войсковой писарь и рядъ другихъ лицъ безъ обозначенія ихъ урядовъ¹⁾. Кроме утвержденія его подписями и войсковою печатью, войско должно было принести присягу въ исполненія этихъ обязательствъ: „старшіе полковники и ассесоры (sic) формально, а рядовымъ читалъ ихъ войсковой писарь, и они черезъ акклямацію принесли присягу, что будутъ все это исполнять“. „Не сомнѣвалось, что они будутъ расположены это исполнить“, прибавилъ Жолкевскій²⁾.

Надежда очень смѣлая въ виду глубокаго противорѣчія между пожеланіями и стремленіями козачества и тѣми ограниченными и обязанностями, какія налагала на него комиссія! Но Жолкевскому хотѣлось вѣрить въ прочность достигнутыхъ имъ результатовъ, и онъ вѣрилъ. Уѣзжая изъ-подъ Павлочи въ 20-хъ числахъ октября н. ст., онъ оставилъ „на самомъ краю Украины“ только три роты, „чтобы выписанные, которыхъ козаки отсылаютъ отъ себя, не собиравшись вмѣстѣ“, и для охраны границы отъ Татаръ. Все прочее войско отправлялъ въ прикарпатскіе края, къ венгерской и сilesкой границѣ, гдѣ необходимо было охранять край отъ хищныхъ Лисовчиковъ изъ Венгріи, и гдѣ все большимъ пламенемъ разгоралась страшная тридцатилѣтняя война³⁾. „На Украинѣ глубокій миръ по милости божьей“, писалъ онъ въ концѣ года своему помещику, польскому гетману Концпольскому, и поручалъ отвести остальное войско къ Карпатамъ для охраны границы отъ карпатскихъ „сабатовъ“ (гайдуковъ)⁴⁾.

Однако, миръ вовсе не былъ глубокимъ. Несомнѣнно, козацкіе старшіе, уступая давленію со стороны правительства и его черной неблагодарности по отношенію къ козацкому войску, питали надежду, что и на этотъ разъ обстоятельства вскорѣ устранятъ всѣ ограниченія, наложенныя на козачество послѣднею комиссіею, и вовсе не смотрѣли на нихъ трагически. Сагайдачный, дѣйствительно, вѣздилъ на Низъ и жегъ козацкія чайки—такъ,

¹⁾ Напечатанъ онъ въ Pisma Żółkiewskiego с. 334; декларация комиссаровъ, съ датю 8 октября, тамъ же с. 330, и по другому списку въ Сборникѣ дѣтот. къ ист. Южной и Зап. Россіи с. 246.

²⁾ Pisma с. 362. ³⁾ Ibid. с. 364. ⁴⁾ Ibid. с. 367.

по крайней мѣрѣ, доносили правительственнымъ кругамъ ¹⁾); но не въ первый уже разъ сжигались эти чайки, и тѣмъ не менѣе продолжали оставаться на лицо.

Выписка, несомнѣнно, была скорѣе формальностью. Съ переходомъ въ королевскія имѣнія козаки не сибѣли, справедливо разсчитывая, что до русскаго праздника Иліи могутъ произойти еще очень серьезныя измѣненія въ общемъ положеніи дѣлъ. Вопросъ о старшемъ оставался открытымъ. Старшій, назначенный правительствомъ, очевидно, могъ быть лишь правительственнымъ комиссаромъ при козацкомъ войскѣ, а не дѣйствительнымъ начальникомъ его, еслибы это назначеніе не совпадало съ войсковымъ выборомъ. Что касается запрещенія походовъ на море, то запрещая походы на турецкіе города, одновременно польскіе комиссары давали козакамъ понять, что не имѣютъ ничего противъ участія ихъ въ крымскихъ междоусобіяхъ и походахъ на Крымъ, а также, вѣроятно, открывали имъ перспективу участія въ австрійской войнѣ. Козацкіе послы, посланные нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ Москву съ трофеями крымскаго похода, объясняли, что имъ „на людей турецкаго царя запрещено ходить съ Запорожья, а не изъ малыхъ рѣкъ: изъ рѣкъ имъ, кромѣ Запорожья, трактатомъ ходить не запрещено, и на Крымъ ходить не запрещено“ ²⁾. И очевидно такое толкованіе было не совсѣмъ произвольнымъ; изъ писемъ Януша Радзивилла узнаемъ, что и въ официальныхъ кругахъ было извѣстно о подобной интерпретаціи новой ординаціи: „съ козаками постановлено только, относительно моря, все остальное отложено до сейма, дано имъ однако право ходить на Орду“, писалъ Янушъ ³⁾.

Изъ другого его письма узнаемъ, что къ козакамъ пріѣзжали австрійскіе агенты съ письмами короля и гетмана, приглашая ихъ на императорскую службу. Козаки выражали готовность отправиться туда, въ числѣ тридцати тысячъ, но требовали гарантій, что въ ихъ отсутствіе не будетъ никакихъ репрессій по отношенію къ козачеству, и деньги желали получить впередъ, мотивируя это тѣмъ, что въ противномъ случаѣ они были бы принуждены взимать для мобилизаціи разные поборы, что вызвало

¹⁾ Янушъ Радзивиллъ сообщалъ брату новость, что старшій (козацкій) ѣздилъ на Нилъ, сжегъ и уничтожилъ лодки — ркм. Пуб. библ. Пол. F. IV № 202 с. 395.

²⁾ Матеріалы Кулиша с. 94. ³⁾ I. с. с. 595.

бы нареканія и репрессіи со стороны шляхты ¹⁾). Пока велось эти переговоры, козаки отправились въ Крымъ, очевидно, по приглашенію Шагивъ-гирея, но возвращеніемъ своемъ изъ Переи вступившаго тогда вмѣстѣ съ братомъ въ упорную борьбу съ ханомъ Джанибекъ-гиреемъ. „Ходили съ Запорожья на крымскіе улусы, а было ихъ около 5000 человекъ, имѣли битвы съ крымскими людьми по эту сторону Перекопа, подъ самыми стѣнами; Татаръ въ Перекопѣ было около 7000 человекъ, а передовой стражи 1000, и козаки перебили много Татаръ, и много народу христіанскаго освободили изъ рукъ татарскихъ“ ²⁾). Такъ рассказывали въ Москвѣ козацкіе послы, посланные туда съ татарскими плѣнниками, приведенными изъ этого похода.

Польскіе государственные люди нашли выходъ для козацкой энергіи. Правда, это нѣсколько напоминало „тришкинъ кафтанъ“, но польская политика не въ первый разъ прибѣгала къ такому методу—сейчасъ пужно было успокоить Турка, приходилось за это поплатиться Татарину.

¹⁾ Упомянутое, что козаки собираются въ Орду, даетъ хронологию этому извѣстію—I. с. с. 395—6.

²⁾ Матеріалы Кулища с. 94, Pisma Żółkiewskiego с. 365 (здесь узнаемъ, что въ походъ на Шагивъ-гирея ханъ двинулся въ послѣднихъ числахъ сентября н. с., и козацкій походъ долженъ былъ имѣть мѣсто приблизительно въ декабрѣ н. с.

II.

Козачество на службѣ украинскихъ национальныхъ стремленій. Кіевское просвѣтительное движеніе и возстановленіе православной іерархіи.

Козачество провозглашаетъ свою солидарность съ украинскимъ обществомъ въ вопросѣ о правахъ православной религіи. Участіе его въ церковныхъ дѣлахъ во второмъ десятилѣтіи XVII в. Кіевское культурно-національное движеніе въ второмъ и третьемъ десятилѣтіи XVII в.; Ел. Плетенецкій и печерскій кружокъ; братство и братская школа. Возстановленіе іерархіи. Переговоры съ правительствомъ и хотинская война.

Въ то время, какъ польскіе политики и правители поздравляли себя съ „обузданіемъ украинскаго своевольства“, совершеннымъ комиссією 1619 г., которая тамъ безцеремонно продиктовала козачеству свои условія и угрозою вооруженной борьбы заставила принять ихъ, вопреки козацкимъ стремленіямъ и пожеланіямъ,—козачество готовило себѣ триумфъ, гораздо болѣе важный и дѣйствительный, чѣмъ эти бумажныя комиссарскія побѣды. То, что раньше представлялось болѣе дальновиднымъ политикамъ скорѣе въ видѣ смутной тревоги или предчувствія, готово было проявиться въ фактъ значенія въ тѣхъ условіяхъ необычайнаго. Козачество принимало на себя дѣло, являвшееся на протяжении четверти столѣтія предметомъ неустанныхъ, упорныхъ, но безуспѣшныхъ стремленій украинской интеллигенціи. И то, что не удавалось достигнуть усиліями публицистовъ и богослововъ, политическихъ дѣятелей и религіозныхъ агитаторовъ, лучшихъ духовныхъ и свѣтскихъ силъ современной Украины и Бѣлоруссіи, было осуществлено благодаря тому, что дѣло взяло подъ защиту своей сабли „низовое рыцарство“. Возродилась православная іерархія, осужденная на смерть правительствомъ четверть вѣка тому назадъ, а съ нею и обреченная на медленную, но вѣрную, какъ

казалося, смерть церковно-національна жизнь Украины и Бѣлоруссін, обетавленная хитроумными преградами, о которыхъ столько десятилѣтій разбивались всѣ усилія украинскаго и бѣлорусскаго общества, вырвалась снова на просторъ и обезпечила себѣ новую возможность борьбы и развитія. Національною политикѣ правительства была нанесенъ ударъ, какого оно никогда не ожидало, — тѣми самыми покорными оппортунистами козацкими, которые такъ низко склоняли голову передъ ея величествомъ Рѣчью Посполитою и ея волею на Раставицѣ.

Козачество вступило въ новую фазу своего существованія, оказавъ неизмѣримо важную услугу религіозной, а съ тѣмъ вмѣстѣ и національной тогдашней украинской жизни, и включивъ съ тѣхъ поръ въ свою программу вполне сознательно—служеніе національнымъ украинскимъ интересамъ въ ихъ религіозной формѣ. Въ ряду козацкихъ требованій, въ ряду пожеланій, предъявляемыхъ правительству козачествомъ съ тѣхъ поръ неизмѣнно фигурируетъ требованіе гарантій для православной церкви—этого національнаго украинскаго палладіума того времени,—какъ одна изъ наиболѣе интимныхъ, наиболѣе близкихъ козацкому сердцу нуждъ. Козачество становится всѣми признаннымъ, официальнымъ стражемъ и покровителемъ украинской церковной—а съ нею вмѣстѣ культурной и національной жизни.

Довольно неожиданна была эта роль для буйныхъ добычниковъ, такъ мало связанныхъ съ какою-бы то ни было церковною жизнью, что современникъ Сарницкій, собравшій свѣдѣнія о козакахъ въ 1580 годахъ, считалъ ихъ „большей частью магометанами“¹⁾, а народная украинская поэзія въ цѣломъ рядѣ произведеній высмѣяла полную отчужденность запорожскихъ козаковъ отъ церковной жизни:

Славні хлопці,
Папи Запорожці,
Побачили вони
Скирду сіна въ полі;
Отаман і каже:
„Оце ж, браття, церква“!

¹⁾ Czerkasy—religio apud eos magna ex parte machometana. Mulieres fere ac viri belli munia apud eos obeunt (с. 1894). Возможно впрочемъ, что и заѣсъ не обошлось безъ смѣшенія Черкасцевъ-козаковъ съ кавказскими Черкесами.

А осавул каже:
„Я в їй сповідав ся“,
А кошовий каже:
„А-я й причащав ся“... ¹⁾

Но мы знаемъ эту тенденцію козачества — придѣть свое пограничное добычничество идеальнымъ покровомъ борьбы „съ неприятелемъ св. Хреста“, и можемъ понять, что даже такому одиозному добычнику, который при случаѣ не давалъ спуска одинаково ни басурману, ни своему единовѣрцу Москвитянину или Бѣлоруссу—даже ему пріятно было чувствовать какую то высшую миссію въ этой козацкой жизни, какое то идеологическое содержаніе въ своемъ буйномъ разгулѣ на степномъ пограничьи. Даже въ душѣ такихъ степныхъ волковъ идея защиты религіозныхъ интересовъ своего народа — т. е. того, что въ то время было наиболѣе идеальнымъ, высокимъ, святымъ, съ чѣмъ связаны были окутанныя идиллической дымкой воспомнанія молодости, дѣтскихъ годовъ „на волости“, подѣ сѣнью своей приходской церкви и ея „цвинтаря“ (погоста), освященного семейною памятью—не могла не найти извѣстныхъ созвучныхъ струнъ. Но мы не должны забывать, что въ тогдашней массѣ козачества отчаянные козацкіе сорвиголовы, „мамаи“ были только частью, а пресобладалающее большинство козачества составляли элементы на-

¹⁾ Пѣсню эту привелъ въ своей Исторіи возсоединенія (II с. 81) Кулишъ, гдѣ подвергъ рѣзкой, но справедливой критикѣ традиціонныя взгляды на козаковъ, какъ на какихъ-то подвижниковъ вѣры (главнымъ образомъ Костомарова). Онъ указалъ на полную неосновательность перенесенія некоторыхъ элементовъ религіозной жизни болѣе поздней Сѣчи средины XVIII вѣка въ старое Запорожье XVI—XVII в. Однако и послѣ его критики это дѣлается постоянно: существованіе сѣчевой церкви въ Запорожьи принимаютъ на основаніи упоминанія въ думѣ о Самойлѣ Кишкѣ, въ раздѣлѣ добычи:

первую часть брали—на церкви накладали,
на святого Межигорського Спаса,
на Трехтемирівськый монастир,
на святую січовую Покров давали,
которій дамѣмъ козацкимъ скарбомъ будували,
щобъ за їхъ встанаючи й лягаючи милосердного Бога благали,
(Антоновичъ и Драгомановъ I с. 219) Но само упоминаніе Межигорського монастыря указываетъ на болѣе позднее происхожденіе этого эпизода. Ср. еще примѣчанія ниже на с.100—1.

ственные культурно и общественно—земледельческое и ремесленное сельское и мѣщанское населеніе, всей душой привязанное къ тому, что считалось основами культурной, національной жизни. Во главѣ же козачества вліятельное положеніе занимали люди, бывшіе плотью отъ плоти и костью отъ кости той украинской интеллигенціи, которая на своихъ плечахъ выносила національное дѣло своего народа—представители шляхетскихъ и мѣщанскихъ украинскихъ круговъ, питомцы новыхъ школъ, включительно до разныхъ „рибалтовъ“ (школярей), подмозжавшихъ выписку согласно постановленіямъ комиссіи 1619 г., и наконецъ самъ тогдашній гетманъ, являвшійся, по словамъ его панегириста, воспитанникомъ острожской школы:

выкованъ въ вѣрѣ церкви восточней в лѣтъ дѣтискокихъ,
поль ностомъ до Острога, для наукъ уцтввыхъ,
которые тамъ квітли, за благочестивыхъ
кпяжать, которые ся в наукахъ кохали,
на школы маиствостій много фундавали,
абы ся млодь в наукахъ уцтввыхъ навчила,
церкви й тыжь ойчизнѣ позитечна была—
тамъ тебѣ Канащевычъ часъ немалый живши
и наукъ в писмѣ накомѣ словенскомъ навляши,
поль до Запорозкого славного рыцарства ¹⁾.

Въ виду этого становится вполне понятнымъ и яснымъ, что, когда религиозная борьба и церковно-культурная и национальная украинская жизнь ближе подошла къ козацкимъ кругамъ, она неминуемо должны были захватить въ кругъ своихъ интересовъ и козачество—по крайней мѣрѣ его наиболее интеллигентные и чуткіе къ подобнымъ вопросамъ элементы. И намъ вовсе не нужно ломать голову и доискиваться, *кто* подбилъ козачество, а Сагайдачнаго прежде всего, взять подъ свое покровительство церковный вопросъ и дать возможность, подъ защитою козацкаго оружія, возстановить православную іерархію ²⁾. Вопросы эти для

¹⁾ Вѣршѣ на погребѣ Сагайдачнаго, XIII пл.

²⁾ Пов. Кулишъ въ своихъ Матеріалахъ для исторіи воссоединенія Руси, печатая акты козацкаго посольства 1620 г. въ Москву (с. 91 и слѣд.), такъ далеко зашелъ въ своемъ скептицизмѣ въ отношеніи не только козачества, но и всего тогдашняго украинскаго общества, что въ концѣ концовъ инициативу возобновленія украинской іерархіи искалъ въ московскихъ правительственныхъ и дворянскихъ кругахъ, главнымъ образомъ у патр. Филарета, а козацкія выступленія противъ униі объяснял „наймомъ или договоромъ“.

верхнихъ, наиболѣе интеллигентныхъ словъ козачества были настолько близки и само собой понятны, что они не нуждались ни въ какой специальной проповѣди или агитаціи,—достаточно было того, что козачество могло принять въ нихъ участіе и повліять на развитіе и судьбу этой борьбы. Не было ни преувеличенія, ни фальши въ томъ, что писали новопоставленные владыки въ своей запискѣ, предназначавшейся для правительства (весною 1621 г.)¹⁾, защищаясь отъ обвиненій въ агитаціи среди козаковъ:

„Что касается козаковъ, то объ этихъ рыцарскихъ людяхъ знаемъ, что они — нашъ родъ, наши братья и православные христіане. О нихъ думаютъ, что они—простаки, не обладающіе ни знаніями ни умомъ и были подговорены духовными. Но мы, какъ не отклоняемъ ихъ отъ надлежащаго повинненія и не бунтуемъ, такъ не учимъ ихъ и разуму въ ихъ дѣлахъ и поступкахъ. Они имѣютъ врожденную смелливость и богомъ дарованный разумъ, и ревность и любовь къ вѣрѣ, къ набожности, къ церкви среди нихъ живутъ и процвѣтаютъ, конечно, издавна.

„Вѣдь это племя славнаго русскаго народа, отъ сѣмени Іафетова, воевавшего съ Греческой имперіей и на морѣ Черномъ и на сушѣ. Это войско изъ того поколѣнья, которое во времена Олуга, монарха русскаго, въ своихъ монексилахъ по морю и по сушѣ, придѣлавъ къ лодкамъ колеса, плавало и Константинополь штурмовало. Вѣдь это они опустошали Грецію, Македонію, Иллирикъ при Владимирѣ, святомъ русскаго монархѣ. Вѣдь это ихъ предки крестились вмѣстѣ съ Владимиромъ, принимали вѣру христіанскую отъ константинопольской церкви, до сихъ поръ въ этой вѣрѣ рождаются, крестятся и живутъ. Живутъ не какъ язычники, а какъ христіане; имѣютъ пресвитеровъ, учатся грамотѣ, знаютъ Бога и свой законъ²⁾“. Какъ же думать, что они

¹⁾ Записка издана въ III т. „Статей по славяновѣдѣнію“.

²⁾ По поводу этого мѣста проф. Жуковичъ заявляетъ: „Теперь уже нельзя, напр., повторить утвержденія П. А. Кулиша, что запорожскіе казаки обходились на сушѣ и на морѣ безъ священниковъ“. Но я думаю, что уважаемый ученый немного ошибается. Записка не говоритъ опредѣленно, что священники находились въ козацкомъ войскѣ, а ниже достаточно ясно указываетъ, что лишь на водости казаки имѣютъ подъ рукою священниковъ. Положеніе Кулиша, что въ Сѣчи и козацкомъ войскѣ не было священниковъ, остается не поколебленнымъ и настоящей запиской. Что

сами по себѣ, по милости божіей, не могли заботиться о вѣрѣ и спасеніи своемъ? Стоитъ только обратить вниманіе на ихъ набожность: когда они идутъ на море, прежде всего молятся, заявляя, что идутъ за вѣру христіанскую на невѣрныхъ. Другою своею задачею ставятъ освобожденіе невольниковъ. При этомъ даютъ благочестивыя обѣщанія, что своею добычею надѣляютъ прежде всего церкви, монастыри, госпитали и духовенство. Ради спасенія души своей выкупаютъ невольниковъ; воздвигаютъ каменные и деревянные храмы и богато надѣляютъ ихъ. И если въ безлюдныхъ мѣстахъ не забываютъ о вѣрѣ и благочестіи и свидѣлствуютъ ихъ, то тѣмъ болѣе интересуются и пекутся о нихъ на волости, возвращаясь домой, гдѣ имѣютъ отцовъ, братьевъ и родственниковъ среди духовенства. Несомнѣнно, во всемъ мѣрѣ никто послѣ Бога не оказываетъ такихъ великихъ благодарній угнетенному христіанству, какъ Греки своими оплатами, испанскій король сильнымъ флотомъ; а войско Запорожское своею смѣлостью и побѣдами: чего другіе народы достигаютъ словомъ и преніями, то казаки доказываютъ самымъ дѣломъ. И что же, духовенство ли учить ихъ этому? Кто учить ихъ этому умѣнію воевать на сушѣ? кто—на морѣ, гдѣ они гарцуютъ на своихъ моноксилахъ, которыя, по сравненію съ кораблями и каторгами—не больше какъ корыта. Кто бунтуетъ ихъ, когда они, стоя обозомъ, вооруженные, по нѣскольку мѣсяцевъ ведутъ переговоры въ своихъ дѣлахъ противъ всевозможныхъ тонкихъ хитростей? ¹⁾ Еще прежде чѣмъ мы стали владыками и явились въ Кіевѣ и на Украинѣ, прежде чѣмъ преосвященный епископъ Мелетій Смотрицкій побывалъ въ Кіевѣ — они уже свидѣлствовали свою вѣру, писали, посольства посылали и присягу приносили [по вопросамъ вѣры]. Дѣло это явное и широко извѣстно. И къ этому не только духовенство не могло ихъ понуждать, но они [казаки] еще сами слѣдятъ за нимъ и мѣщанами, напоминаютъ и даже грозятъ имъ, чтобъ въ вѣрѣ не было никакого сообщества съ аностатами униатами. Достаточно вспомнить недавнее—спросить, что было и что едва не случилось въ Печерскомъ монастырѣ изъ-за того только, что преосвященный его мит. бискупъ кiev-

они сильно опровергаютъ доводы Кулиша относительно равнодушія козачества къ религіознымъ вопросамъ, въ этомъ, конечно проф. Жуковичъ совершенно правъ.

¹⁾ Очевидный намекъ на послѣдніе комиссарскіе переговоры.

о́мій вошелъ въ алтарь — узнать, какакія нареканія были, кака́я ярость! Едва успокоили ихъ. А всегатаи зашесли они жалобу на монаховъ Печерскаго монастыря на Запорожьи, въ генеральной радѣ¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, если они имѣють свѣдѣнія и о гоненіяхъ униатовъ на православныхъ: изъ разныхъ повѣтовъ, городовъ и селъ приходятъ къ нимъ ‚въ козацтво‘ люди, одни по своей волѣ; другіе по причинѣ притѣсненій и вымогательствъ. Среди нихъ и духовные и свѣтскіе. Ничто не вызываетъ на Украинѣ столько волненій, какъ униа и притѣсненіе Руси благодаря ей, а также безправность и притѣсненія убогихъ людей. По истинѣ, сами униаты разжигаютъ гнѣвъ козаковъ, гоня къ нимъ нашу обиженную братію и наполняя ею Украину. Итъкъ несправедлива и неосновательна эта молва и клевета на насъ, будто мы бунтуемъ козаковъ. Сердцами и помыслами козацкими не управляемъ. Богъ править ими, и только онъ знаетъ, зачѣмъ онъ сохраняетъ эти остатки старой Руси, широко и далеко распростирая десницу и силу ихъ на морѣ и сушѣ. Богъ содержитъ ихъ и ими управляетъ: какъ нѣкто писалъ, что онъ Татаръ положилъ на землѣ, какъ перуны и громы, и ими навѣщаетъ и караетъ христіанъ,—такъ и козаковъ низовыхъ, запорожскихъ и донскихъ, положилъ онъ, какъ вторые перуны и громы живые на морѣ и на сушѣ, чтобы ими страшить и громить невѣрныхъ Турокъ и Татаръ“²⁾).

Конечно, мы хотѣли бы имѣть больше матеріалу, больше подробностей для болѣе полной картины этой чрезвычайно интересной популяризаціи среди вооруженнаго украинскаго демоса тѣхъ религіозно-національныхъ и культурныхъ интересовъ, какими жили верхи современнаго украинскаго общества. Нужно пожалѣть, что и тутъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, мы по большей части располагаемъ одними отрывочными фактами, безъ ихъ внутренней мотивировки. Но само явленіе для насъ вполне ясно,—яснѣе, чѣмъ многія другія явленія въ сферѣ козацкой жизни, такъ какъ изъ этой области имѣемъ все таки козацкіе манифесты, какиихъ напрасно искали бы по другимъ вопросамъ. Возьмъ хоть бы это заявленіе, сдѣланное въ кiev-

¹⁾ Тутъ слѣдуетъ неудачное повтореніе уже сказаннаго, нектати разрывающее ходъ мыслей: *Wiadome są y inne ich besprezeczstwa smiałości y przewagi bez wszelkiej pobudki duchownych. Na moze ze chodza, uzali duchowni ich na to pobudzaja?*

²⁾ С. 149—150.

скомъ гродѣ козацкою депутаціею въ 1610 г.¹⁾, которое я, въ виду его тяжеловѣснаго канцелярскаго стиля, которымъ щегольнулъ здѣсь его милость гродскій писарь²⁾, считаю за лучшее передать въ переводѣ, нѣсколько смягченномъ:

„Узнали мы о протестаціи какого-то разстриги Антонія, выстунника изъ чернецкаго, монашескаго чина, который, называя себя какимъ-то официаломъ или протопопомъ кіевскимъ, смѣлъ и отважился, непристойное измысливъ, внести въ кіевскія гродскія книги протестацію на поповъ здѣшнихъ кіевскихъ и на насъ и товарищей нашихъ, якобы они по побужденію или наговору поповъ здѣшнихъ кіевскихъ отзывались съ угрозами на митрополита кіевскаго, безъ уваженія сана его, и на этого Антонія. Противъ этой вымышленной протестаціи, въ отсутствіи помянутыхъ товарищей нашихъ, находящихся въ войскѣ на службѣ Рѣчи Посполитой въ землѣ Московской при его кор. милости, принимая мѣры къ тому, чтобы подобныя вымышленныя протестаціи не имѣли мѣста, протестуемъ именовъ товарищей, находящихся при его кор. милости, и именовъ всего войска Запорожскаго, которое съ давнихъ временъ противустомтъ народамъ басурманскимъ въ защиту вѣры христіанской, жертвуя здоровьемъ и головою своею все время, и много освобождаетъ народа христіанскаго изъ неволи непріятельской, отъ басурманъ Турокъ и Татаръ, также для защиты его кор. мил. и Рѣчи Посполитой добывается плѣнныхъ, языки отъ всякихъ непріятелей Турокъ и Татаръ достаетъ (такихъ плѣнныхъ и языковъ и при его кор. мил. и при ихъ мил. господахъ сенторахъ полно въ коронныхъ земляхъ, во многихъ мѣстахъ) и для усиленія народа христіанскаго православной вѣрѣ своей при всякомъ случаѣ оказывало услугу, и постоянно оказываетъ, не жалѣя здоровья и жизни своей. Когда же въ настоящее время тотъ бывший чернецъ выдаетъ себя за официала или протопопа (неизвѣстно, отъ митрополита ли кіевскаго, или самъ вымысливши это) и нашей религіи — православной соборной апостольской церкви, святыми отцами на соборѣ узаконенной, причиняетъ затрудненія, препятствія, вопреки постановленію королевскому, сеймовою зарукою³⁾ обес-

¹⁾ Акты Юж. и Зап. Россіи II № 36.

²⁾ Въ оригиналѣ все заявленіе составляетъ одинъ, очень несладкій періодъ.

³⁾ Денежнымъ штрафомъ въ случаѣ нарушенія.

печениному, — то какъ ихъ милости княжата, панята, дигитари, рыцарство, шляхта, народъ христіанскій, изъ разныхъ ¹⁾ земель и повѣтовъ и изъ воеводства Кіевскаго непоколебимо охраняютъ старожитную православную религію и духовныхъ лицъ, той религіи вѣрныхъ, и согласно съ общею любовью торжественно обѣщаютъ стоять, — такъ и мы. Будучи сыновьями той же соборной апостольской восточной церкви, именемъ всего войска козаковъ запорожскихъ, изъ любви своей къ размноженію славы божіей и народа христіанскаго, и къ храмамъ божимъ, церквамъ господнимъ, всякими прикрасами ихъ надѣляющихъ, украшающихъ и помощь оказывающихъ, — именемъ всѣхъ товарищей, находящихся на службѣ Рѣчи Посполитой при его кор. милости, — мы вмѣстѣ съ ихъ милостями панами, съ народомъ той же православной вѣры, религіи старожитной, хотимъ стоять при духовныхъ особахъ, которыя не отступили и не отреклись отъ нея, и противъ злобы напастниковъ на нашу старожитную православную религію головами своими защищать ее“.

А что эти идеи, вложенныя въ протестацію, не были дѣломъ самаго пана гродскаго писаря, заносившаго ее въ акты, въ подтвержденіе этого приведемъ изъ собственнаго письма козацкаго гетмана Григорія Тискиневича къ кіевскому подвоеводѣ то, что относится къ этому вопросу ²⁾. Въ болѣе краткой формѣ мы почувствуемъ тѣ же самыя ноты, тѣ же идеи:

„Дана намъ справа, же вѣякійсь именемъ Антоній Грековичъ, рострыга и преступникъ вѣры нашое, именует се быти нѣякимъ офицяломъ албо ли протополою тамошнимъ киевскимъ, который забороняетъ и не допускаетъ собору въ церкви божей у святое Софии збирать и моцорацій (?) ведлѣ стародавнего звичаю справовати. Што намъ жалосно есть и слышетъ и не вѣмы и сами, што се въ тымъ дѣеть: ежели зъ раменя короля его милости албо ли нѣ. А такъ мы унижоне а покорне просимы абы ваша милость, як намъ милостивый панъ, того оному рострыгѣ и преступнику допускать не рачилъ и въ тымъ помочымаъ быть, якож мы того боронитъ хочемъ, паветь и нерсей своихъ наставлятъ и литовать ³⁾ до конца хочемъ. И за церковь нашу во-

¹⁾ Здѣсь что-то пропущено, и я дополняю этимъ словомъ: „разныхъ“.

²⁾ Акты Ю. З. Р. II № 41.

³⁾ Должно быть: „нелитовать“ (не жалѣть).

сточную и за вѣру греческую головы быхими мѣли вси положить. Напродѣ Богу милостивому оловѣдами ее, и вашей милости, нашему милостивому пану. И естли бы умыслу своего отмѣнити не мѣлъ оный роострыга, а мѣлъ бы збороняти,—дозволили есмо его гдѣж колвскѣ здыбавши, яко пса убити. А мы такого... (пропускъ) и боронить словомъ нашим рыцерскимъ обѣцуемъ“.

Такимъ образомъ уже весною 1610 года козацкая делегация провозгласила открыто свою полную солидарность съ украинскою интеллигенціею—„народомъ шляхетскимъ“ и духовенствомъ въ дѣлѣ защиты своей религіи и готовность сложить за нее свои головы. И въ самомъ дѣлѣ, начиная съ этого заявленія на протяженіи всего второго десятилѣтія XVII в. козачество въ цѣломъ рядѣ случаевъ оказывало разные услуги православному духовенству и мѣщанству Кіева въ ихъ борьбѣ противъ митрополитовъ-уніатовъ и ихъ претензій на власть надъ духовенствомъ, церквями и монастырями кіевской епархіи.

Остановлюсь на этомъ нѣсколько подробнѣе.

Первымъ извѣстнымъ намъ случаемъ вмѣшательства козаковъ въ церковныя кіевскія дѣла былъ именно тотъ, которымъ вызванъ вышеуказанный протестъ кіевского митрополитчьяго намѣстника Грековича. Лѣтомъ 1609 г. Потій, опираясь на помощь правительства, подавилъ оппозицію православнаго духовенства и насильно, военною силою, забралъ въ свои руки православныя церкви въ своей бѣлорусской резиденціи Вильнѣ. Увлеченный этими успѣхами онъ задумалъ такимъ же путемъ задавить оппозицію и въ Кіевѣ. Присланный имъ намѣстникъ Грековичъ началъ принуждать мѣстное духовенство къ послушанію и грозилъ имъ: „имать и везать буду пѣты, пока отцу митрополиту послушество отдасте“. Однако кіевское духовенство не хотѣло признавать власти митрополита и его намѣстника и не соглашалось служить вмѣстѣ съ нимъ. Когда Грековичъ пригласилъ кіевскихъ священниковъ явиться въ недѣлю православія въ кафедральную церковь св. Софіи, чтобы отслужить въ ней соборную службу, священники заявили, что они туда не пойдутъ, и людямъ не велѣли итти—„напугали и взбунтовали простыхъ людей и козаковъ, говоря, что кто поидеть къ св. Софіи, тѣхъ будутъ крестить въ лядекую вѣру“, какъ жаловался Грековичъ. А „направленные ими“ „кіевскіе козаки“ подъ предводительствомъ „нѣкоего козака Петра“, имѣвшаго съ собою „товариство свое“, убѣждали людей не итти въ кафедральную церковь, угрожая всѣмъ

непослушнымъ ¹⁾). Грековичъ, какъ мы видѣли, заиссъ протестъ въ судѣ, указывая, что кievское духовенство подговорило противъ него козаковъ; духовенство отрицало это обвиненіе, якобы оно возбуждало народъ или козаковъ „направляло“— „што никогда не тылко въ учинку ани въ помышленню нашомъ не было ани исть, абысмо тое чинити мили“. Козаки тоже протестовали, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъявляли свою готовность сложить головы противъ всякаго покушенія на православную церковь. Кievская шляхта, собравшаяся на „рочки“ земскаго суда, „услышавъ такую скаргу священниковъ и немалую уѣму у церкви божой хвалы божое и знищенье ее,“ заявила, что будетъ дѣйствовать судомъ противъ митрополита ²⁾. Кievское мѣщанство заняло также очень враждебную позицію. И въ то время, какъ тѣ и другіе грозилн больше „водле права“, козацество выгородивъ духовенство, какъ мы видѣли, весьма недвусмысленно пригрозило Грековичу болѣе реальными способами воздѣйствія, а для болѣе сильнаго впечатлѣнія какой-то козакъ, придя къ Выдубецкому монастырю, гдѣ проживалъ Грековичъ, и увидѣвъ его тамъ, тотчасъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья—хотѣлъ стрѣлять и вторично, но Грековичъ черезъ заднія двери убѣжалъ на Днѣпръ ³⁾.

Это сильно расколодило пылъ Грековича, а вмѣстѣ и Потія. Грековичъ заявилъ, что его удовлетворили объясненія кievскихъ священниковъ относительно этого эпизода— „что то учинили по своей старой натурѣ сами козаки, у которыхъ тутъ „безудержное своеволие“, и поэтому онъ отказывается отъ своей протестація противъ священниковъ. И хотя для порядка годъ спустя они съ Потіемъ все таки привлекли въ сеймовый судъ кievское православное духовенство и кievскій магистратъ ⁴⁾, изъ этого процесса ничего не вышло, и этимъ исчерпалась вся энергія Потія въ отношеніи его кievской резиденціи. И хотя король не переставалъ и потомъ надѣлать Потія все новыми и новыми пожало-

¹⁾ Акты Ю. З. Р. № 37, 41, Архивъ зап. рус. митрополитовъ № 316 док. 5. Потій и Грековичъ говорятъ, что кievскіе священники не хотѣли идти и служить вмѣстѣ съ Грековичемъ въ кафедральной церкви въ первую недѣлю, когда онъ приглашалъ ихъ; священники говорили, что онъ не позволилъ имъ служить въ кафедральной церкви и запечаталъ ее. ²⁾ Акты Ю. З. Р. II № 37.

³⁾ Ibid. № 41. ⁴⁾ Архивъ Ю. З. Р. I. VI № 156, и ненапечатанные акты синодальн. архива.

вайнми и между прочимъ осенью 1612 г. пожаловалъ ему кievскій монастырь св. Михаила ¹⁾, но Потій съ Грековичемъ и не пробовали даже, кажется, завладѣть этимъ цѣннымъ подаркомъ.

Даже когда въ Киевъ пріѣхалъ софійскій митрополитъ Неофитъ (весною 1612 г.) и, поселившись въ Печерскомъ монастырѣ, подъ защитою мѣщанской общины и козацкаго войска, сталъ конкурентомъ владычнымъ правамъ митрополита: освящалъ церкви, поставлялъ священниковъ и діаконовъ, — Грековичъ не рѣшился выступить противъ этого „изъ-за угрозы разнаго народа, духовнаго и свѣтскаго, а такоже козаковъ“: даже жаловаться въ судъ не рѣшился ²⁾ Лишь годъ спустя самъ Потій уже поднялъ это дѣло, обжаловавъ въ люблинскомъ трибуналѣ (его духовномъ департаментѣ) кievское духовенство за то, что оно ввело въ Печерскій монастырь Неофита и позволило ему, „какому-то чуждому монаху“ посвящать въ духовный санъ и освящать церкви, а своему законному митрополиту не повинуется ³⁾. Дѣло окончилось ничѣмъ, такъ какъ трибуналъ рѣшилъ потребовать отъ обвиняемыхъ присяги въ томъ, что они этого Неофита въ монастырь не вводили и не поручали ему посвящать духовныхъ лицъ или освящать церкви; между тѣмъ привлеченныя къ суду духовныя особы, хотя и явились предъ судомъ, но лишь съ тѣмъ, чтобы заявить, что юрисдикціи этого суда они не признаютъ и рѣшенія его не принимаютъ ⁴⁾. Неофитъ же, очевидно, продолжалъ жить въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ его видимъ потомъ еще и въ 1620-хъ годахъ ⁵⁾, и подъ охраною козачества не прекращалъ епископскихъ функций на глазахъ митрополичьяго намѣстника.

Печерскій же архимандритъ, знаменитый Елисей Плетенецкій не только не проникся послѣ этого процесса большимъ уваженіемъ къ униатскому митрополиту, „какъ верховному своему пастырю“, а наоборотъ, — тотчасъ же, послѣ смерти Потія († 18 Іюля 1613) пользуясь тѣмъ, что козачество заполонило тогда литовскія провинціи, онъ, главнымъ образомъ при помощи „козаковъ украинскихъ, людей своевольныхъ“ захватилъ силою огромныя имѣнія въ земляхъ в. кн. Литовскаго, принадлежавшія Печер-

1) Акты Зап. Рос. IV № 186.

2) Архивъ Югозап. Россіи VI № 161 (осень 1612).

3) Голубевъ П. Могила I приб. 27.

4) Содержаніе актовъ процесса сообщено въ Архивѣ западно-рус. митроп. I № 343.

5) Архивъ Ю. З. Р. II № 166.

скому монастырю, а послѣ уніи отобранныя королемъ у Печерскаго монастыря и пожалованныя митр. Рогозъ, и послѣ его смерти перешедшія къ Потію. Преемникъ Потія, митрополитъ Рутскій, подалъ жалобу на Плетенецкаго и выигралъ дѣло, но имѣніями фактически продолжалъ владѣть Плетенецкій, очевидно также при помощи козаковъ, такъ что въ концѣ концовъ Рутскій вынужденъ былъ за известную денежную сумму согласиться на отказъ отъ этихъ владѣній, и король подтвердилъ ихъ за Печерскимъ монастыремъ (1616) ¹⁾.

Все это въ то время общаго разгрома православной церкви было совершенно исключительнымъ успѣхомъ, который могъ лишь еще болѣе поднять духъ среди кievскихъ православныхъ и позволить имъ еще лучше оцѣнить то богоданное оружіе, какое у нихъ оказалось въ лицѣ козацкаго войска. Между кievскимъ духовенствомъ и православнымъ обществомъ, съ одной стороны, и намѣстникомъ уніатскаго митрополита, съ другой, завязывается новая борьба. Она мало известна намъ въ подробностяхъ ²⁾, кромѣ громкаго, кроваваго финала ея—исполненія надъ Грековичемъ прежняго козацкаго приговора. Уніатскій митрополитъ въ это время располагалъ рядомъ церковей и монастырей въ Кіевѣ (въ томъ числѣ и старымъ соборомъ св. Софійи) и многочисленными имѣніями въ его окрестностяхъ, и его намѣстникъ старался расширить и пріумножить это владѣніе. Это вызвало конфликтъ. Мѣстный кievскій лѣтописецъ говоритъ, что ближайшимъ поводомъ послужили притязанія Грековича на Михайловскій монастырь. Монастырь этотъ, какъ намъ уже известно, еще раньше былъ пожалованъ митрополиту, теперь Грековичъ хотѣлъ фактически завладѣть имъ и накликалъ на себя бѣду: его „поймавши козаки тамже противъ Выдубицкаго подъ людъ (ледъ) посадили воды пити“, въ февралѣ 1618 г. ³⁾.

¹⁾ Архивъ зап. рус. митрополитовъ № 362 л. 9. Прибавленіи къ I т. „Петра Могилы“ С. Голубева, № 30. И позже въ подобныхъ дѣлахъ Плетенецкій не переставалъ пользоваться козацкою помощью, см. напр. жалобу администраціи вв. Острожскихъ 1625 г. на Плетенецкаго, что онъ захватилъ имѣніе вв. Острожскихъ с. Ставомъ „съ немалымъ количествомъ людей украинскихъ и козаковъ, умышленно для того собранныхъ“—Синод. архивъ, неописанные акты зап.-рус. митрополитовъ № 1025.

²⁾ Нѣсколько судебныхъ актовъ изъ этой борьбы за имѣнія—Архивъ западно-рус. митрополитовъ I № 408.

³⁾ Сборникъ лѣтоп. Юж. и Зап. Рос. с. 85.

Убийца не пашли и убійство осталось ненаказаннымъ. Митрополитъ Рутскій подалъ жалобу въ кіевскій трибуналъ на кіевское духовенство, мѣщанъ и православную шляхту, обвиняя ихъ въ томъ, что они возмущаютъ противъ него народъ и козаковъ, подобно тому какъ возмущали противъ его предшественниковъ; они замышляютъ убить его и не будучи въ состояніи добратся до него самого убили его намѣстника¹⁾. Но дѣло это заглохло безслѣдно: правительство, старавшееся тогда всевозможными способами привлечь козачество къ участию въ московской войнѣ, очевидно, не рѣшилось принять какиа-либо репрессивныя мѣры по отношенію къ козацкимъ или какима-либо инымъ подозрѣваемымъ инициаторамъ убійства. Точно такъ же заглохло и менѣе замѣтное, нѣсколько болѣе позднее убійство агента митрополита, Оклинскаго, посланнаго въ Кіевъ для сбора даней съ митрополитскихъ крестьянъ: по словамъ его брата, убили его кіевскіе „козачки“—могло ихъ быть человекъ тридцать, и поступали они „з ведомости войта киевского Федора Ходыки и всихъ радаецъ тогоже Кіева, посполства того места Кіевского“, извѣя злобу на митрополита кіевского, а митр. Рутскій подозрѣвалъ въ этихъ убійствахъ инициативу только что основаннаго передъ тѣмъ кіевского братства²⁾.

Таковы были извѣстные намъ наиболѣе ранніе факты участія козаковъ въ церковной борьбѣ, предшествовавшіе громкому факту, создавшему эпоху—возстановленію православной іерархіи подъ козацкой протекціей. Они въ общемъ мелки, могутъ быть сведены въ категоріи простыхъ козацкихъ безчинствъ, такихъ же, какима было участіе козацкихъ вождей въ разныхъ сосѣдскихъ спорахъ и набѣгахъ мѣстныхъ шляхтичей, каково участіе отрядовъ Наливайка въ счетахъ православныхъ волынскихъ помѣщиковъ. Но за этими фактами стоитъ козацкая декларация 1610 г.—провозглашеніе полной солидарности козаковъ съ украинскою интеллигенціею въ вопросахъ религіозной (или собственно религіозно-національной) борьбы и готовности со стороны козачества послужить ей всѣми своими силами. Эта декларация придаетъ болѣе глубокое значеніе всѣмъ этимъ разрозненнымъ фак-

¹⁾ Жалоба эта въ русскомъ переводѣ напечатана въ журналѣ Вѣстникъ Запад. Россіи г. 1864/5 кн. 6, № 4.

²⁾ Матеріалы относящіяся къ гетм. Сагайдачнаго № 30, Вѣстникъ Зап. Россіи годъ 1864/5 кн. 4, с. 68.

тамъ и превращаетъ ихъ въ прологъ къ событіямъ 1621 года. Козачество стало сознательнымъ союзникомъ православнаго духовенства и общества, не замедлившихъ воспользоваться его помощью. Рѣзкія выступленія, подобныя убійству Грековича или Оклинскаго, въ этотъ счетъ не идутъ; они по всей вѣроятности не были продиктованы ни кievскимъ братствомъ, ни магистратомъ, ни высшимъ кievскимъ духовенствомъ. Но пользованіе козачьими силами въ церковныхъ дѣлахъ тѣмъ не менѣе стало фактомъ (таковы вооруженныя набѣды на захваченныя посторонними печерскія владѣнія, быть можетъ и нѣкоторые другіе факты). Бличка „Наливайковъ“, брошенная на православныхъ десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ злобной инсинуаціи, находила теперь реальное оправданіе. Козачество за это время неизмѣримо выросло не только матеріально, но и морально. Стало силою, не только несравненно большею, прочною, но и почетною, съ которою серьезно считались въ политической жизни и къ желаніямъ и настроеніямъ которой уже прислушивались при обсужденіяхъ религіозно-національныхъ вопросовъ на сеймахъ. Особенно подъ предводительствомъ такого крупнаго политика и администратора, какъ Сагайдачный, козачество стало настолько серьезнымъ и солиднымъ политическимъ факторомъ, что съ нимъ и его старшиною, вообще его верхами не было страшно ни стыдно пойти рука объ руку—стать подъ его защиту и заявить объ известной связи съ нимъ. Это открыто признали кievскіе духовные круги своимъ актомъ 1620/1 г. и выше приведеннымъ манифестомъ, гдѣ они не стѣсняются провозгласить козачество представителемъ государственныхъ, національныхъ и культурныхъ традицій „русскихъ“, т. е. украинскихъ по теперешней терминологіи, русской славы и силы, — остаткомъ „старой Руси“ сражавшейся съ Олегомъ подъ Царьградомъ, добывавшей для св. Владимира императорскія регаліи¹⁾ и вмѣстѣ съ нимъ принимавшей отъ царьградской церкви христіанскую вѣру и культуру.

Съ другой стороны, къ такому союзу вели козачество не только моральныя, идеологическіе мотивы—религіозность или чувство своей солидарности съ украинскимъ обществомъ, но даже и чисто тактическія соображенія.

¹⁾ Полагаю, что упомянутые въ протестаціи походы Владимира Великаго „на Грецію, Македонію и Иллирію“—это отзвуки легенды о Владимировыхъ регаліяхъ.

Если козачество хотѣло обѣсть „на волости“, овладѣть Восточной Украиной, утвердиться на ней,—ему необходимо было позаботиться о томъ, чтобы съ различными элементами мѣстного общества у него оказались известные точки соприкосновенія, известные связи, общіе интересы. Конечно, они могли найтись для него лишь у украинскихъ элементовъ. Съ сельскою массою уже существовала надежная и крѣпкая связь, хотя и не сведенная къ какой-либо ясной программѣ. Съ того времени, какъ вступленіе въ козачество стало освобожденіемъ отъ крѣпостного права и живымъ протестомъ противъ него, уже козачество имѣло за собой сельскія и низшія мѣщанскія массы и могло черпать изъ нихъ столько силы и помощи, сколько само могло проявить экстенсивной силы и энергіи. Оставъ на почву защиты религіозныхъ и національныхъ правъ украинской народности, оно провозгласило свою солидарность съ остатками украинской шляхты—еще довольно значительными тогда въ Восточной Украинѣ, съ могущественнымъ духовнымъ сословіемъ и высшими слоями мѣщанства. Это были круги, не имѣвшіе ничего общаго съ козачествомъ въ социально-экономическомъ отношеніи и даже прямо враждебные ему въ этой сферѣ, такъ какъ они стояли на почвѣ крупной земельной собственности, привилегированнаго землевладѣнія, крѣпостного права. Ихъ козачество могло привлечь на свою сторону лишь защитою религіозно-національныхъ интересовъ. Историческія условія украинской жизни привели къ тому, что въ этотъ моментъ національные интересы, національныя стремленія, национальная борьба объединились въ вопросѣ поддержанія православной церкви¹⁾. Охраняя ея интересы, ея достояніе, козачество привлекало къ себѣ все слои, отстаивавшіе національные и религіозные интересы украинскаго народа.

Такой союзъ на двѣ стороны былъ очень выгоднымъ для козачества. И съ обще-національной точки зрѣнія можно было считать благоприятнымъ тотъ фактъ, что между двумя полюсами украинскаго населенія, разобщенными социально-экономическими интересами—этой пропастью польско-шляхетскаго права, оказывалось посредствующее звено въ видѣ козачества и связывало

¹⁾ Подробнѣе см. въ VI т. гл. IV; болѣе популярное изложеніе причинъ и обстоятельствъ, повліявшихъ на замѣну національнаго мотива религіознымъ, въ моей книгѣ: Культурно-національный рухъ на Украинѣ в XVI—XVII в.), 1912.

новыми узами размыланную украинскую народность. Правда, можно было побаиваться, что, ища союза и соглашения съ высшими духовными, дворянскими и мѣщанскими кругами, козачество ослабитъ свое тѣготѣніе въ сторону крестьянскихъ, крѣпостныхъ круговъ: будетъ слабѣе подчеркивать свои общіе съ союзниками съ лѣвой стороны моменты, слишкомъ считаясь съ союзниками съ правой стороны—собственниками, владѣльцами земель и крѣпостныхъ. Дѣйствительно мы видимъ, что въ то время, какъ защита православной вѣры проявилась у вождей козачины во исполнѣ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ и требованіяхъ, включенныхъ въ козацкія обращенія къ правительству,—охрана интересовъ крестьянскихъ массъ не вышла за все время изъ первоначальныхъ, очень примитивныхъ стадій козацкой демагогіи среди крестьянства и стихійнаго уничтоженія всего, связаннаго съ крѣпостнымъ правомъ—въ періоды возстаній. До опредѣленнаго, исполнѣ сознательнаго протеста противъ шляхетскаго права вообще, до какой-либо программы защиты правъ сельской крестьянской массы или подданной вообще козачество не дошло: не вышло за предѣлы требованія извѣстныхъ исключеній изъ польскаго права для себя и не пришло къ принципиальному отрицанію польско-шляхетскаго режима вообще или, еще опредѣлениѣ говоря—козацкое отрицаніе крѣпостнаго права не вышло изъ стихійныхъ формъ разгромовъ въ моменты возстаній и не сложилось въ форму какихъ-либо программныхъ дѣйствій.

Конечно, трудно сказать опредѣленно, что въ этомъ направленіи повліялъ союзъ козачества съ привилегированными украинскими элементами, заключенный на почвѣ защиты религіозныхъ и національных интересовъ. Возможно, что здѣсь сыграла главную роль тотъ фактъ, что задачи въ сферѣ религіозной были уже и безъ того продуманы и выяснены, имѣли характеръ исполнѣ ясный, конкретный, удобный для формулировки, а пожеланія народныхъ массъ—не вылились въ такомъ продуманномъ и сформулированномъ видѣ. У самихъ крестьянскихъ массъ они остались въ стадіи неясныхъ пожеланій и грезъ. Мечты о жизни „безъ холопа і безъ пана“ самимъ сторонникамъ ея казались, въ извѣстной мѣрѣ, утопической грезой, а практическое осуществленіе ихъ требовало чрезвычайно смѣлой и сильной творческой мысли и глубоко продуманной илапомѣрной творческой работы. Также и чисто національныя требованія, хотя и были, несомнѣнно, близки и указаннымъ выше привилегированнымъ элементамъ и козаече-

ству, тоже не нашли своего выраженія въ его программѣ, за исключеніемъ сферы церковныхъ отношеній и дѣсколькихъ конкретныхъ вопросовъ (какъ-то: школы, допущеніе къ высшимъ должностямъ православныхъ и т. п.)—потому что тоже не были конкретизованы и выражены въ какой-либо ясной программѣ.

При томъ въ социальномъ отношеніи само козачество, и въ особенности его высшіе, руководящіе круги не представляли чего либо единого. Какъ раньше, такъ и теперь въ составъ этихъ круговъ входили въ значительномъ количествѣ представители шляхетскихъ родовъ, шляхетскаго мелкаго (и даже средняго) землевладѣнія и отношеніе ихъ къ идеаламъ безпанскаго существованія было неизбѣжно иное, чѣмъ представителей крестьянскаго козачества или подлиннаго пролетаріата.

Важное значеніе имѣло также и то обстоятельство, что церковные и религіозные вопросы не стояли въ такомъ рѣшительномъ и непримиромъ противорѣчьи со всеѣмъ общественнымъ укладомъ Рѣчи Посполитой и могли быть разрѣшены въ его предѣлахъ, въ то время какъ пожеланія безпанскаго существованія были вопросомъ жизни и смерти для всего этого уклада и могли быть осуществлены не иначе, какъ путемъ полного разгрома Рѣчи Посполитой или полного разрыва съ нею. Общественная мысль и общественная энергія шли въ направленіи меньшаго сопротивленія.

Такъ или иначе, остается фактомъ, что свои отношенія къ религіозно-національнымъ вопросамъ козачество выяснило и въ видѣ извѣстныхъ конкретныхъ требованій включило въ свою программу по отношенію къ правительству. Отношенія же къ социально-экономическимъ требованіямъ массъ не вышли изъ стадіи извѣстнаго созвучія, извѣстной симпатіи или общности интересовъ, и порвать совершенно и безвозвратно съ социальнымъ міровозрѣніемъ шляхетскихъ дворянскихъ круговъ и вообще всего общества Рѣчи Посполитой козачество такъ и не надумало,—или не рѣшилось.

Провозгласивъ въ началѣ втораго десятилѣтія XVIII в. религіозные украинскіе интересы своими интересами, заявилъ о своей солидарности съ православнымъ духовенствомъ и тѣми общественными элементами, которые выступали въ защиту этихъ интересовъ, козачество, а въ особенности его верхніе слои, съ теченіемъ времени должны были все глубже входить въ ту культурно-религіозную и національную жизнь, которая какъ разъ на

протяженіи второго десятилѣтіи XVIII в. все ярче разгоралась въ ближайшемъ, восточно-украинскомъ центрѣ, Кіевѣ.

Эти два явленія шли рядомъ, тѣсно переплетаясь своими вліяніями.

Кіевъ издавна стоялъ въ довольно тѣсной связи съ козацествомъ. Еще въ 1580 г. Кіевляне въ своихъ жалобахъ на воеводское управленіе обращаются къ козацкой старшинѣ („къ пану Оришовскому, гетману запорожскому“) ¹⁾. Теперь, по мѣрѣ того, какъ окозачивались ближайшія окрестности Кіева, какъ козацкія гнѣзда все болѣе густою и тѣсною сѣтью охватывали его со всѣхъ сторонъ, связь козачества съ Кіевомъ становилась еще тѣснѣе. По одному этому не могла оставаться безъ извѣстнаго впечатлѣнія и вліянія на козацкіе круги національная культурно-религіозная жизнь, начинавшая развиваться въ Кіевѣ. Съ другой стороны, имѣя подъ рукою, наготовѣ козацкую силу, утѣренныя въ ея помощи и солидарности, кіевскіе духовные круги находили въ ней поощреніе для новыхъ, все болѣе смѣлыхъ и важныхъ шаговъ въ развитіи національной культурно-религіозной жизни, въ ея защитѣ, въ обезпеченіи ей крѣпкихъ основъ для дальнѣйшаго существованія ²⁾.

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. VII I с. 255.

²⁾ Кіевское религіозно-національное и просвѣтительное движеніе первыхъ десятилѣтій XVII в. до сихъ поръ еще очень мало изслѣдовано. То, что сдѣлано до сихъ поръ, заключается прежде всего въ двухъ работахъ проф. Голубева: Исторія кіевской духовной академіи т. I (единственный) 1886, и Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники. т. I, 1888; здѣсь собраны нѣкоторыя свѣдѣнія и о печерскомъ братствѣ, обслѣдовано начало братства и братской школы. Къ исторіи этой школы кое что цѣнное прибавляетъ еще работа проф. Харламповича: Западнорусскія православныя школы, въ меньшей мѣрѣ—книга польскаго историка Ал. Яблоновскаго Akademia Kijowo-Mohilanska, 1899 (болѣе компилятивная). Полемики со взглядами Голубева на начало кіевского братства посвящены статьи Н. Оглоблина „Къ вопросу о началѣ кіевской академіи“ (К. Стар. 1886, III) и Каманіана „Еще о древности братства и школы въ Кіевѣ“ (Чтенія кіевскія, IX, 1895)—они пытались защищать существованіе братства въ Кіевѣ уже въ концѣ XVI в. Изъ общахъ курсовъ церковной исторіи сравнительно больше занимался этимъ періодомъ митр. Макарій (т. X, с. 467—479), но все ж ограничился довольно поверхностнымъ обзоромъ главнѣйшихъ фактовъ; еще менѣе Пелешъ и Чистовичъ. Изъ историковъ придавалъ большое значеніе этой эпохѣ Булишъ, чрезвычайно высоко ставя дѣятельность Сагайдачнаго и въ особенности Борецкаго (последняго онъ представлялъ идеаломъ христіанскаго культурнаго дѣятеля); но онъ также останавливается главнымъ об-

Старый Терехтемировскій монастырь на половинѣ дороги между Кіевомъ и Черкасами (крайнимъ сторожевымъ пунктомъ волости, за которымъ начиналось уже полное и неограниченное господство козачества) являлся своего рода посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ. Здѣсь была полуофіціальная козацкая резиденція на волости, гдѣ происходили козацкія рады, гдѣ находился козацкій арсеналь и вмѣстѣ съ тѣмъ монастырь, возобновленный Запорожцами, ихъ единственная патрональная святыня въ продолженіи долгаго времени. Такимъ образомъ Терехтемировъ объединялъ чисто козацкіе политическіе интересы съ религіозно-національными вопросами, которые считались теперь козачествомъ своимъ дѣломъ. Во главѣ Терехтемировскаго монастыря стоялъ тогда (въ 1616—1620 гг.) человекъ, прошедшій мало замѣченнымъ въ нашихъ источникахъ, но несомнѣнно сыгравшій въ тогдашнихъ отношеніяхъ очень видную роль. Это былъ архимандритъ Іезекіаль Курцевичъ-Булыга, изъ рода волинскихъ князей Курцевичей-Булыгъ, слѣдовательно свой человекъ въ средѣ украинскихъ помѣщиковъ и магнатовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ просвѣщенный, образованный, бывалый—воспитанникъ падуанскаго университета, въ каталогахъ котораго онъ одинъ изъ всѣхъ записалъ подъ 1600 г. по-украински свое имя. Подъ его рукою Терехтемировскій монастырь занимаетъ важную и интересную политическую позицію. Сюда набѣжало кіевское духовенство, даже самъ митрополитъ, чтобы присутствовать на козацкой радѣ, вліять на ея совѣщанія и быть въ курсѣ козацкой политики. Терехтемировскіе

разомъ на фактахъ внѣшнихъ, начиная съ возобновленія іерархіи, и все болѣе выпадаетъ въ своемъ изложеніи въ беллетристически-риторическую манеру (т. II и III Исторіи воссодикенія). Не изучено ближе даже печатное наслѣдіе кіевского кружка этихъ временъ—кіевскія изданія, весьма цѣнные для исторіи кіевской культурной жизни этого времени; о нихъ Баратаевъ Описание славяно-рус. книгъ, Голубевъ II. Могила I с. 392—401; о граверахъ единственная работа: Ровиаскій Словарь русскихъ граверовъ (многочисленные снимки). Наиболѣе вниманія привлекало къ себѣ возобновленіе православной іерархіи и борьба за ея признаніе; литература и источники указаны ниже. Наконецъ, есть нѣсколько біографическихъ статей, посвященныхъ главнѣйшимъ дѣятелямъ этой эпохи: П. Викуль Кіевскій митрополитъ Іовъ Борскій (Подол. епарх. вѣдом. 1894), К. Харламповичъ Іосифъ Курцевичъ, архіепископъ суздальскій, б. владимирскій и брестскій (1621—4) (Волинскія Епарх. Вѣдомости, 1900); о Плетенскомъ и Бериндѣ см. ниже, с. 119 и 125. Болѣе раннія работы о Смотрницкомъ указаны въ т. VI Исторіи Украины прим. 10.

монахи являлись представителями киевских круговъ въ самомъ сердцѣ козачества. Замѣтное въ это время движеніе въ окрестностяхъ Терехтемирова было однимъ изъ симптомовъ роста козачества на волости. Лѣтомъ 1618 г. киевскій земскій писарь Суцанскій-Проскура заносилъ жалобу на „игумена и всѣхъ чернецовъ монастыря Терехтемировскаго и всѣхъ фундаторовъ albo надавцовъ того-жъ монастыря то есть гетмана, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ и всѣхъ козаковъ (войска) Запорозскаго“, что они захватили въ сосѣднихъ имѣніяхъ Проскуръ село Григоровъ, наславъ козаковъ и терехтемировскихъ мѣщанъ, и присоединили его къ Терехтемировскому монастырю. Точно также и около того же времени козакъ захватили и отдали Терехтемировскому монастырю другое сосѣднее имѣніе Олизара—село Подсуче. Козацкая резиденція и козацкій монастырь ширились и росли и играли важную роль въ качествѣ посредниковъ между новымъ возрожденнымъ Кіевомъ и козачествомъ съ его новымъ курсомъ національной политики.

Въ теченіе перваго и втораго десятилѣтій XVII в. Кіевъ становится все болѣе замѣтнымъ центромъ украинской религіозной національной жизни и пульсъ великой религіозно-национальной борьбы чувствуется въ немъ все сильнѣе и ярче. Благодаря козацкому реваншу, благодаря росту колонизаціи съ концомъ XVI в. онъ переставалъ быть—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, уединеннымъ замкомъ на украинскомъ пограничьи, военнымъ форпостомъ, открытымъ для всякой тревоги и опасности, каковымъ былъ раньше. Въ немъ развивалась общественная и культурная жизнь, а съ нею все сильнѣе устремлялись сюда представители тогдашней официальной польской культуры и по реакціи—вызывали тѣ явленія и формы, въ какихъ выливалась тогдашняя національная украинская оппозиція противъ посягательствъ государственной культуры. Бискупъ киевскій Христофоръ Казимирскій, получивъ въ 1598 г. киевскую католическую кафедру, заботится объ устройствѣ своей резиденціи въ Кіевѣ (его предшественникъ Верещинскій, первымъ послѣ долгихъ вѣковъ лично явившійся въ своей киевской діоцезіи, избѣлъ свою резиденцію въ Фастовѣ). Казимирскій строитъ себѣ палату, предпринимаетъ мѣры къ постройкѣ католической кафедральной церкви, собираетъ для этой цѣли пожертвованія среди благочестивыхъ католиковъ¹⁾. Старая домини-

¹⁾ Стороженко О существовавшихъ въ г. Кіевѣ римско-католическихъ храмахъ (сборникъ Еранос).

канская миссія, разросшись, строитъ себѣ въ началѣ XVII в. костель изъ остатковъ вышгородской церкви Бориса и Глѣба, а позднѣе каменный же конвентъ (монастырь). Почитатель іезуитовъ Жолковскій, будучи кѣвскимъ воеводою, носитъ съ планами основанія іезуитской коллегіи, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его ухода съ воеводства, этотъ планъ приводится въ исполненіе кѣвскимъ бискупомъ Радшовскимъ: въ 1620 г. онъ, въ самомъ дѣлѣ, устроилъ въ Кіевѣ первую іезуитскую миссію; но въ Кіевѣ іезуитамъ не понравилось, они поселились въ Фастовѣ, и только въ 1640-хъ годахъ воевода Тышкевичъ положилъ основаніе іезуитской коллегіи въ Кіевѣ. Менѣе зыскательные бернардины поселились здѣсь еще съ 1620-хъ гг. ¹⁾.

Но одновременно появляются и украинскія просвѣтительныя учрежденія. Печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, преемникъ въ игуменствѣ славнаго Никифора Тура, вооруженной силой отстоявшаго отъ уніи Печерскій монастырь, — умѣлъ использовать козацкую силу не только для возвращенія печерскихъ имѣній, конфискованныхъ королями, но и развилъ подъ покровомъ козацкой опеки чрезвычайно живую и плодотворную культурную работу. Огромныя средства, собранныя и старательно сбереженные поколѣніями печерскихъ старцевъ и игуменовъ, нашли себѣ, послѣ долгихъ вѣковъ застоя, благородное примѣненіе въ нуждахъ культурныхъ и національных запросахъ своего народа.

Подчасъ правѣ утисковъ, подчасъ бѣдъ церковныхъ,

Подчасъ ей турбацій и невчасу полныхъ,

какъ выражается его панегиристъ, Плетенецкій открылъ новую эпоху въ жизни этой твердыни украинскаго аскетизма и превратилъ Печерскій монастырь въ первостепенную культурную силу. Его сотрудникъ, позже преемникъ на посту игумена, Зах. Копыстенскій, съ особою силою отмѣчаетъ, что Плетенецкій „былъ отцомъ не только для лавры, но и для всего народа русскаго“, „и такъ ся тому святому заслужилъ мѣсту, ижъ штокоявекъ по немъ за помощью божію въ томъ пречистой Богородицы монастыру дѣветъ и дѣяти будетъ, все на его основѣ, на его фундаментѣ, на его будовли починати будовати и кончити будетъ“ ²⁾. Этимъ

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ о Кіевѣ с. 103—4, Лебединцевъ Истор. замѣтки о Кіевѣ—Кіев. Старина 1884, X с. 233, Петровъ Истор. топогр. очеркъ Кіева с. 218—9, Załęski Jezici w Polsce IV с. 1440—2, Стороженко ор. с.

²⁾ „Омилія на роковую память о. Елисея Плетенецкого“ с. 50.

онъ заслужилъ себѣ вѣчную память въ исторіи украинской жизни, и приходится сильно пожалѣть, что намъ такъ мало извѣстны подробности о немъ и его культурной работѣ въ Кіевѣ.

Изъ двухъ сочиненій, посвященныхъ печерскому архимандриту—панегирика, издавнаго въ 1618 г. подъ варварскимъ заглавіемъ: „Вззерункъ цнотъ превелебного въ Бозѣ его милости господина отца Елисея Плетенецкого архимандрита кіевского монастыря печарского“¹⁾, и надгробнаго слова его преемника Захарія Копистенскаго²⁾ мы получаемъ лишь скудныя и отрывочныя свѣденія, которыя лишь въ очень немногомъ можемъ пополнить изъ другихъ источниковъ³⁾. Знаемъ, что Елисей Михайловичъ Плетенецкій былъ шляхетскаго рода („зацныхъ и побояныхъ родичовъ былъ уроженый“), изъ мелкопомѣстной шляхетской семьи, получившей фамилію отъ своего родового гнѣзда Плетеничь, недалеко отъ Золочева, въ окрестностяхъ Львова⁴⁾. Родъ этотъ ничѣмъ не выдавался и исчезъ въ началѣ XVII в. Будущій архимандритъ родился около 1550 г. Онъ выбралъ себѣ духовную дѣятельность. Въ началѣ 1590-хъ годовъ, сорока лѣтъ отъ роду, онъ сдѣлался архимандритомъ пинскаго лещинскаго монастыря и въ этомъ званіи принималъ участіе въ православномъ берестейскомъ соборѣ. Вѣроятно, здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе рѣшительною оппозиціею уніи, и благодаря этому три года спустя (1599) получилъ печерскую архимандрию—важнѣйшую православную позицію того времени, и на сеймѣ 1605 г. православнымъ удалось добиться отъ правительства утвержденія его на этомъ посту⁵⁾.

¹⁾ Перепечатано въ кіевскихъ Запискахъ т. V, проф. Петерцомъ.

²⁾ Казанье на честномъ погребѣ блаженнаго мужа и превелебнаго отца Куръ Елисея въ іеромонасѣхъ Евфимія Плетенецкого, архимандрита монастыря печерскаго кіевского, преставленнаго въ року 1624, въ октобру дни 29 презъ іеромонаха Захарію Копистенскаго тогда нареченнаго, а тепер милостію божіею архимандрита того же монастыря печерскаго кіевского творелое и проновѣданое, Кіевъ, 1625.

³⁾ Краткія біографіи Плетенецкаго у Голубева Исторія кіев. Академіи с. 100, также въ его книгѣ П. Могила т. I с. 165 и слѣд., и при указанной перепечаткѣ „Вззерунка“.

⁴⁾ Въ львовскихъ актахъ XV в. (Akta gr. i ziem. т. XIV и XV): Иванко, Федько, Андрей, Филишко, Иванъ, Стахно, Василій аѣнас Васько, Евфимія Плетенецкая. Въ 1578 г. Иванъ Плетенецкій, сынъ его Каспаръ (ки. галицкаго града № 95). Въ переписи 1651 г. Плетенецкихъ въ Плетеничахъ уже нѣтъ.

⁵⁾ Акты Ю. З. Р. II № 17, ср. т. VI Исторія Украины, с. 573—4.

На позиціи печерскаго архимандрита Плетенецкій пробыль пошнихъ двадцать пять лѣтъ, до своей смерти въ 1624 г.

Однако и здѣсь мы довольно долго не слышимъ ничего выдающагося объ его дѣятельности—кромѣ процессовъ за монастырскія имѣнія и жалобъ, принесенныхъ на него и на другихъ монастырскихъ старшихъ частью монастырской братіи: монахи эти жаловались, что архимандритъ и „старшіе полатники и застолпники монастырскіе“ неизвѣстно куда дѣлають значительный излишекъ монастырскихъ доходовъ, „который слѣдовало бы скорѣе обращать на нужды монастырскія и монашескія“¹⁾. Можно думать, что уже тогда архимандритъ сталъ откладывать кое-что изъ расходовъ на сытую и пьяную монастырскую жизнь, предназначая ихъ на нныя, культурныя потребности и началъ привлекать въ монастырь людей съ литературными и научными интересами. Но все то, что изъ сферы дѣятельности Плетенецкаго извѣстно намъ подробнѣе, относится уже къ срединѣ второго десятилѣтія XVII в., когда въ Кіевѣ сразу обозначается сильное культурное и просвѣтительное движеніе, подъ вліяніемъ той поддержки, какую оказало и обѣщало оказывать впредь въ релігіозно-національныхъ вопросахъ козачество.

Печерскій архимандритъ покупаетъ типографію, основанную въ Стрятинѣ Гедеономъ Балабаномъ въ разгаръ его борьбы съ львовскимъ братствомъ, и потомъ заброшенную; перевозитъ ее въ Кіевъ, расширяетъ и увеличиваетъ—быть можетъ воспользовавшись стрятинскимъ инвентаремъ лишь какъ моделью для гораздо большаго новаго инвентаря. Упомянутый панегирикъ такъ описываетъ это памятное въ кіевской жизни событіе:

Бось воскресилъ друкарню припалую пыломъ
Балабана цють веляхъ речю и тежь дѣломъ:
Онъ за благословенствомъ отца намъ святого
Удалъ ся до ремесла (могу речи) цного,
Ты зась яко милостные церкви збыть ревнивий,
Хотѣлъ и допалесь то яко не лѣвий:
По зестю его зъ свѣта друкарню воскресити
И презъ выдаванье книгъ церковь украсити.

По всей вѣроятности, это имѣло мѣсто около 1615 г.²⁾.

¹⁾ Акты Ю. З. Р. II № 28.

²⁾ По этому вопросу неоднократно велась оживленная полемика: была ли печерская типографія въ это время основана впервые или существовала и раньше и лишь была расширена и возобновлена черезъ присоединеніе къ ней стрятинской. Оба взгляда ведутъ

Въ концѣ 1616 или въ 1617 г. вышла уже первая книга изъ новой печерской типографіи—Часословъ¹⁾. Еще ранѣе ея начато монументальное для того времени изданіе „Анеологіонъ“ (16+1048 стр. въ листъ), но оно вышло только въ 1619 г., и передъ выходомъ его наскоро былъ отпечатанъ и выпущенъ въ свѣтъ упомянутый Часословъ, между прочимъ—чтобы удовлетворить спросъ на него кіевскихъ школъ какъ на первую школьную книжку. Огромные доходы Печерскаго монастыря нашли теперь себѣ приложеніе. Книга выходила за книгою. За пятнадцать лѣтъ со времени появленія Часослова (1617—1631) печерская типографія выпустила нѣсколько десятковъ книгъ: намъ извѣстно свыше 30 печатныхъ произведеній, среди нихъ цѣлый рядъ изданій монументальныхъ для того времени размѣровъ, а также такихъ, которыя являлись результатомъ трудовъ собранныхъ здѣсь литературныхъ силъ. Въ суммѣ это превосходило все

свое начало еще изъ XVIII ст., обзоръ этой старой литературы въ статьѣ Голубева О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ (К. Старица 1882 кн. VI). Строевъ, м. Евгеній, потомъ Максимовичъ и Закровскій выяснили достаточно обстоятельно начатки кіевского книгопечатанія и печерской типографіи, приурочивая ихъ приблизительно къ 1615 г. Троцкий, Малевичъ, Гильдебрандтъ въ своихъ статьяхъ, печатавшихся въ 1860—1870 годахъ, пробовали отодвинуть его начало назадъ, перенося даже въ XVI в., но для этого до сихъ поръ нѣтъ никакихъ прочныхъ основаній. Цитированный панегирикъ Плетенцкому (Візерункъ цють) и типографскія статьи при изданіяхъ Часослова 1617 г. и Анеологіона 1619 выясняютъ начало печерской типографіи очень обстоятельно. Аргументы, выдвинутые защитниками гипотезы о болѣе раннемъ началѣ типографіи, не существенны. Критика ихъ въ указанной статьѣ Голубева и въ его же книгѣ II. Могилы, т. I, экскурсъ на с. 386—412. Новѣйшая полемика Голубева и Титова (Голубевъ Объяснительные параграфы по исторіи западнорусской церкви (Труды кіев. акад. 1906, XII), Титовъ Разъяснительные параграфы по исторіи западнорусской церкви (ib. 1907 VI) и Голубевъ Нѣсколько страницъ изъ новѣйшей исторіи Кіевской Духовной Академіи, 1907), въ общемъ мало интересна и выдвигаетъ снова позднѣйшія упоминанія печерскихъ актовъ о лаврскихъ изданіяхъ до 1616 г. (особенное значеніе придается здѣсь акадесту успенію 1606 г., упомянутому въ официальной перепискѣ лавры съ синодомъ конца XVIII в.). Безъ ближайшаго обследованія лаврскаго архива трудно придавать этимъ позднѣйшимъ упоминаніямъ значеніе въ виду категорическихъ современныхъ извѣстій 1617—1619 гг.

¹⁾ Заглавный листъ не сохранился, предисловіе датировано 20 декабря 1616 г. (Каратаевъ с. 340).

то, что дали все остальные типографии Украины за все время, начиная от их основания и до указанного времени (1631 года). Для удовлетворения нужд типографии Плетенецкой основали бумажную фабрику в монастырском имении в Радомыслах, на р. Тетереве „коштомъ немалымъ не подивене в томъ краю якъ речъ небывалую“¹⁾. Должна была существовать своя словолитня. Появляются свои граверы и живописцы; — уже Анологодъ 1617 г. украшенъ 18 изображениями святыхъ, въкоторыя изъ нихъ очень интересны какъ отзвуки старыхъ мѣстныхъ художественныхъ традицій. На этомъ поприщѣ—гравюры, иллюстраціи, Печерскій монастырь надолго занялъ единственную въ своемъ родѣ позицію не только въ цѣломъ украинскомъ, но и во всемъ восточно-славянскомъ мѣрѣ въ качествѣ наиболѣе крупнаго расадника церковной живописи, гравюры, иллюстраціи. По сравнению съ чрезвычайно скудными въ этомъ отношеніи острожскими изданиями, почти лишенными какихъ-бы то ни было печатныхъ украшеній, печерская типографія открываетъ новую эпоху въ украинскомъ искусствѣ.

Собирается и цѣлый рядъ литературныхъ и научныхъ силъ, превращающихъ Печерскую лавру въ своего рода богословскую академію. Копыстенскій, одинъ изъ членовъ этого кружка, избранный потомъ Плетенецкимъ своимъ „сукцессоромъ“ на архимандритъ, въ своемъ надгробномъ словѣ Плетенецкому подчеркиваетъ какъ особенную заслугу это собраніе печерскаго ученаго кружка („людей ученыхъ, от негож на тоє мѣсце зведенныхъ“)²⁾ и въ своемъ словѣ, произнесенномъ въ годовщину его смерти, называетъ его „учоныхъ людей прибѣжище, науки любящихъ промотора и школъ на разныхъ мѣстахъ зычливого фундатора“³⁾. Онъ „намъ науки познанія разныхъ діалектовъ и пониманія божественнаго писанія желалъ и дидакаловъ искусныхъ разыскивалъ, іерокириковъ, то есть проповѣдниковъ слова божьяго церковнаго приспособлялъ, пристраивалъ и содержаніе ихъ положенію и обязанности пристойное и достаточное доставлялъ“⁴⁾.

Въ качествѣ первостепенныхъ силъ этого печерскаго кружка намъ извѣстны прежде всего самъ Копыстенскій, затѣмъ Тарасій Земка, Памва Беринда, Лаврентій Визаній, а въ близкомъ отношеніи къ нему стоялъ и первый ректоръ кievской братской

¹⁾ Казанье на погребѣ, с. 56.

²⁾ Казанье с. 26.

³⁾ Омилія с. 49.

⁴⁾ Казанье с. 31.

школы (позже игуменъ Михайловскаго монастыря в митрополитѣ) Іовъ Борецкій, вѣроятно, тоже не безъ посредничества Плетенецкаго очутившійся въ Кіевѣ.

Копыстенскаго, родственника извѣстнаго перемышльскаго владыки, впервые встрѣчаемъ въ Кіевѣ въ нач. 1616 г., когда онъ вписывается въ новое кіевское братство вмѣстѣ съ Тарасіемъ Левковичемъ Земкою. Надъ издавіемъ печерскаго Анеологиона онъ работаетъ въ это время вмѣстѣ съ Борецкимъ и Памвою Бериндою. Кромѣ своихъ заслугъ, положенныхъ имъ въ качествѣ преемника Плетенецкаго въ печерской архимандріи и достойнаго продолжателя его культурной работы, Копыстенскій прославился какъ выдающійся богословъ, полемистъ, церковный историкъ и проповѣдникъ. Его монументальная „Палинодія или книга обороны православно-восточной, святой апостольской восточной церкви и святыхъ патріарховъ“, написанная по поводу книжки Льва Кривы *Obrota jedności cerkiewnej* (1618), законченная и одобренная къ печати въ 1621 г., но ненапечатанная, осталась верхомъ богословской эрудиціи того времени¹⁾. Огромный трактатъ (868 столбцовъ тесерешней печати) распадается на двѣ половины, въ первой (часть первая и вторая) авторъ полемизируетъ съ католическою доктриною о главенствѣ папы, вторая посвящена исторіи уній (въ третьей части разбираются доказательства того, будто бы кіевская митрополія находилась въ унії съ Римомъ до флорентійской унии, часть четвертая посвящена исторіи берестейской унии). Почему эта капитальная и для своего времени чрезвычайно цѣнная работа осталась неизданной, остается неяснымъ (довольно вѣроятно предположеніе, что въ то вре-

¹⁾ О ней монографія Завитневича: Палинодія Зах. Копыстенскаго (Варш. 1883), кое-что также въ статьѣ Ал. Сушца: Причинки до студій надъ текстомъ Палинодіи (Заниски львовскія т. LIV, —здѣсь же и объ одной позднѣйшей компиляціи, опиравшейся на Палинодію), и въ той же книжкѣ Записокъ замѣтка Ив. Франка о значеніи названія трактата: значеніе это не ясно, есть слово *palinodia* (отъ *palin*) отвѣтное пѣніе, отповѣдь и *palinodia* (*odnos*) обратный путь; очевидно, должно быть принято первое толкованіе. Текстъ Палинодіи издавъ въ т. IV Рус. истор. библ. по двумъ, не очень исправнымъ копіямъ, въ 1878 г. Въ нѣкоторыхъ копіяхъ вмѣстѣ съ Палинодіею помѣщается еще „Книга о правдивой еднѣности православныхъ христіанъ церкви восточной... черезъ іером. Захарія Копыстенскаго написано“, но въ очень плачевномъ состояніи (см. у Завитневича ор. с.).

мя, 1622—1627, сочли не тактичнымъ продолжать религиозную полемикѣ и дразнить противную сторону, добиваясь легализаціи возобновленной православной іерархіи). Произведеніемъ того же Копыстенскаго считается напечатанная безъ имени автора „Книга о вѣрѣ единой св. соборной апостольской церкви“¹⁾—дополненная передѣлка болѣе ранняго виленскаго изданія, чрезвычайно популярная позже особенно въ московскихъ кругахъ. Съ именемъ Копыстенскаго были напечатаны только двѣ вышеупомянутыя проповѣди—на похоронахъ и въ годовщину смерти Плетенецкаго, характеризующія его какъ дѣйствительно выдающагося проповѣдника, и кромѣ того нѣсколько предисловіи при печерскихъ изданіяхъ этого времени. Копыстенскій, какъ показываетъ содержаніе этихъ предисловіи, принималъ очень дѣятельное участіе въ печерскихъ изданіяхъ въ качествѣ переводчика, редактора, издателя.

Памва Берында прославилъ свое имя своимъ словаремъ—„Лексиконъ славяноросскій и именъ тълкованіе, тщеніемъ, вѣденіемъ же и иждивеніемъ малѣйшаго въ іеромонасѣхъ Памвы Берынды, протосуггела ерону іерусалимскаго“, изд. въ 1627 г. О происхожденіи его и образованіи не имѣемъ сколько нибудь надежныхъ свѣдѣній. О своихъ филологическихъ занятіяхъ самъ Берында въ посвященіи своего лексикона панамъ Балабанамъ рассказываетъ, что живя въ домѣ Федора Балабана, основателя стрѣтинской типографіи, онъ уже тогда, по его указанію, началъ собирать „реченія и имена словенскія“, „аки по у суцѣ тогда лексикону развѣлюбомуудра кѣр Лаврентіа Зізанин“. Этимъ послѣднимъ пользовался вначалѣ и самъ Берында и въ продолженіи нѣлаго ряда лѣтъ не переставалъ пополнять свое собраніе словъ, пока наконецъ, перейдя въ Кіевъ—призванный въ печерскую типографію для редакціи бесѣдъ на апостольскія посланія, надъ которыми онъ работалъ два года „нощеденствуя“, онъ рѣшилъ издать извлеченіе изъ своего собранія „въ пользу спудемъ (учащимся)“²⁾. Словарь этотъ надолго остался самымъ большимъ

¹⁾ О ней у Голубева Библиограф. замѣчанія о старопечатныхъ книгахъ—Труды кіевск. акад. 1876, II и арх. Леопида Замѣтка объ одной старопечатной книгѣ—Чтенія московскія 1880, I, Завитневичъ ор. с., Рус. ист. библ. IV прим. 29, Каратаевъ с. 348.

²⁾ О словарѣ Берынды въ общихъ обзорахъ: Житецкій, Очеркъ литерат. исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. 1889; Булицъ, Очеркъ исторіи языковѣданія въ Россіи, 1904; Гринченко, Огляд української лексикографіи (Записки львов. т. 66), Огієпко, Огляд україн-

и наиболее полнымъ толкованіемъ словъ, и послѣ смерти автора былъ перепечатанъ еще въ 1653 г. Независимо отъ того, переселившись въ Кіевъ (вѣроятно, одновременно съ перевозкою въ Печерскій монастырь типографіи Балабана, хотя окончательно онъ устроился здѣсь около 1620 г.) и принявъ здѣсь на себя обязанности завѣдующаго типографіей („архитипографа“), Беринда все время, до самой смерти (1632) принималъ очень дѣятельное участіе въ литературныхъ трудахъ печерскаго кружка, исправляя рукописи, просматривая изданія, предпосылая имъ свои предисловія, и т. п.

Третьимъ, тоже весьма дѣятельнымъ, хотя и менѣе замѣтнымъ членомъ печерской издательской компаніи былъ Тарасій Левковичъ Земка, игуменъ братскаго богоявленскаго монастыря и печерскій проповѣдникъ, какъ онъ расписался въ предисловіи къ лексикону Беринды, справщикъ книгъ и начальникъ типографіи, мужъ ученый въ языкѣ греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и русскомъ, какъ величаетъ его въ позднѣйшей эпитафіи Кальнофойскій¹⁾. Начиная съ первыхъ шаговъ печерскаго издательства (подпись его вмѣстѣ съ Копыстенскимъ читается на братскомъ уписѣ 1616 г. какъ іеромонаха—вѣроятно печерскаго) и до своей смерти въ 1632 г. онъ оставался дѣятельнымъ участникомъ печерскихъ изданій и Кальнофойскій въ указанной эпитафіи напоминаетъ типографамъ: „жили вы имъ, пока онъ жилъ, и онъ жилъ вами“. Въ печерскихъ изданіяхъ встрѣчаемъ его стихи, предисловія, переводы „на малороссійскую бесѣду общую“, и т. п.

Нѣсколько далѣе, хотя тоже въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ этому кружку, стояли два другихъ выдающихся литературныхъ дѣятеля:

Лаврентій Визаній, бывшій дидакаль (преподаватель) львовской братской школы, одинъ изъ наиболее энергичныхъ и разностороннихъ людей своего времени, авторъ букваря, грамматики, словаря, катехизиса,—педагогъ, полемистъ, проповѣдникъ, пере-

скаго языковѣдства (ib. т. 79); наиболее новая работа о Бериндѣ: А. Сычевская, Пам'ятка Беринда и его Вирши на Рождество Христова, 1912 (Чтенія общ. Нестора XXIII). Сводъ болѣе старой литературы о немъ—въ рецензіи М. Возняка въ „Запискахъ“ львовскихъ т. CXIII.

¹⁾ Teraturgema, 1638 (выдержки въ Сборникѣ матеріаловъ для ист. Кіева).

водчикъ и редакторъ, онъ появляется въ Кіевѣ около 1620 г., прибывъ изъ сосѣдняго Корца, гдѣ былъ священникомъ съ 1612 г. Въ Кіевѣ онъ переводитъ Бесѣды Златоуста, толкованія Андрея Кесарійскаго на Апокалипсисъ; предисловія этихъ изданій прославляютъ его, какъ „благоговѣйна мужа, словеснѣйша дѣдаскала и вѣтію, художнаго еллиногреческаго языка умѣніе и искусство стяжавша“, и поясняютъ, что переводъ Бесѣдъ онъ сдѣлалъ по просьбѣ Плетенецкаго.

Иванъ, въ монашествѣ Іовъ Борецкій, тоже бывший львовскій дѣдаскаль, въ Кіевѣ появляется первымъ изъ этого кружка; возможно, что уже въ 1611—2 г. онъ былъ здѣсь священникомъ Воскресенской церкви ¹⁾, а съ основаніемъ братской школы сталъ ея первымъ ректоромъ, потомъ михайловскимъ игуменомъ и митрополитомъ, и въ силу своего положенія лишь отчасти могъ принимать участіе въ трудахъ печерскаго кружка. Кальнофойскій въ своей эпитафій прославляетъ его за христіанскія и аскетическія добродѣтели, но Косовъ въ „Патерикѣ“ отмѣчаетъ и другія характерныя черты знаменитаго митрополита: что онъ „въ наукахъ свободныхъ, въ знаніи языка греческаго, латинскаго, русскаго едва-ли имѣлъ равныхъ“ ²⁾. Съ значительною вѣроятностью можно видѣть его произведенія въ интересной протестаціи 1621 г., изъ которой выше мы привели выдержку о козакахъ, и „Юстификаціи“ 1622 г.

Наряду съ этими виднѣйшими дѣятелями встрѣчаемъ цѣлый рядъ второстепенныхъ литераторовъ, каковы—Александръ Митуря, авторъ вышеупомянутаго панегирика Плетенецкому (Вѣзерункъ цнотъ, 1618), сынъ Памвы Беринды Лукашъ и родственникъ Стефанъ (авторъ стиховъ въ честь Плетенецкаго), Филосей Кизаревичъ, Іосифъ Кирилловичъ и др. Въ большинствѣ это были Галичане—навѣрное знаемъ какъ галицкихъ эмигрантовъ Борецкаго, Копыстенскаго, Зизинія, Беринду ³⁾; сюда пужно прибавить еще Кас. Самовича, ректора братской школы въ

¹⁾ „Пресвитеромъ храма воскресенія Христова“ называетъ онъ себя еще въ 1617 г.—былъ имъ, очевидно, до перехода въ игумены Михайловскаго монастыря, и Иванъ священникъ воскресенскій, цвѣстный намъ съ 1611—2 гг., вѣроятно былъ тотъ же Борецкій.

²⁾ Patetikon, с. 180.

³⁾ Къ нимъ причисляютъ еще львовскаго клерика Гавріила Дорофеевича, но былъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Кіевѣ,—неизвѣстно.

1620—4 гг., и нѣсколько болѣе поздняго Кальнофойскаго. Это было первое „нашествіе Галичанъ“ на Кіевъ, которые подъ покровомъ и протекціею козацкаго гетмана, также Галичанина, старались культурными средствами Западной Украины возродить на кіевской территоріи заглохшую культурно-національную жизнь и вернуть старой столицѣ Украины ея давнюю національную и культурную роль и значеніе.

Новое движеніе не ограничивалось однимъ Печерскимъ монастыремъ, а расширяясь, создавало все новые очаги его. Плетенецкій съ товарищами, по приведенному выше свидѣтельству Копыстенскаго, желалъ наукъ разныхъ діалектовъ и изученія св. писанія и основывалъ „школы въ разныхъ мѣстахъ“. Одновременно съ основаніемъ типографіи при печерскомъ монастырѣ возникаетъ фундація Гальшки, жены мозырскаго маршала Стефана Лозки. Дарственною своею отъ 14/X 1615 г. отказываетъ она на всенародныя нужды—„правовѣрнымъ и благочестивымъ христіанамъ народа російскаго въ повѣтахъ воеводствъ Кіевскаго, Волинскаго и Брацлавскаго, сословіямъ духовнымъ и свѣтскимъ, всякаго званія и положенія людямъ російскимъ, однако лишь тѣмъ, которые въ православной благочестивой восточной церкви, въ послушаніи и благословеніи св. патріарха константинопольскаго неотмѣнно пребываютъ и пребывать будутъ“ свой дворъ въ Кіевѣ, „свое собственное наследственное имѣніе съ правами и вольностями шляхетскими“. Подробность для того времени очень важная, такъ какъ лишь на шляхетскихъ земляхъ основанныя церкви и монастыри не попадали правительственнымъ репрессіямъ, какъ показали тогдашніе процессы. На этихъ отказанныхъ Гальшкою „добрахъ“ имѣли основаться различныя религіозныя и просвѣтительныя учрежденія: она отдаются на монастырь ставропигіальный, также на школу для дѣтей шляхетскихъ и мѣщанскихъ и на иные способы богоугодной жизни, а также на гостиницу странникамъ духовнымъ. А для болѣе надежнаго осуществленія этихъ плановъ,—заявляетъ основательница—она уже сейчасъ ввела и вводитъ въ это мѣсто „благовѣрнаго священноиннока (печерскаго священника) отца Исаію Купинскаго и другихъ монаховъ, точно также и школу“¹⁾.

¹⁾ Дарственная напечатана въ Памятникахъ кіев. комисіи II № 1 и по другой копіи у Голубева Исторія кіев. акад. приб. 2.

Это были временные владѣльцы, но вольѣдъ за тѣмъ явился на сцену и настоящій хозяинъ, для котораго предназначалось это имѣніе „съ вольностями и правами шляхетскими“. Было имѣ братство, задуманное еще раньше, но не организованное формально—вѣроятно въ ожиданіи для него благословенія отъ константинопольскаго патріарха, за которымъ послали инициаторы братства. Въ послѣднихъ числахъ 1615 года братство уже основалось: имѣемъ его „упись“ (учредительный актъ), но въ болѣе поздней копіи, безъ даты и лишь съ нѣкоторыми подписями; одинъ изъ меньшей братіи „во иноцехъ Захарія Копыстенскій неповѣдникъ“ подписался подъ нимъ съ датою 4 янв. 1616 г.—это даетъ дату „упису“¹⁾.

Братство учреждалось на основаніи „порядка правъ, пожалованныхъ св. патріархами“ братствамъ львовскому, виленскому, могилевскому и другимъ. Своею цѣлью оно ставило „утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи нашему російскому роду—сыномъ восточнаго православія, обывателемъ воеводства Кіевскаго, такъ духовнаго вишелякого яко и свѣтскаго, шляхетскаго стану и всея речи-посполитое местское²⁾ и всѣмъ христоименитымъ людямъ, на выконанье христіанскихъ милосердныхъ учинковъ такъ духовныхъ (въ размноженіи и выкорененіи христіанскихъ добродѣтелей, честнаго иноческаго житія, въ подаваніи наукъ учтивыхъ и въ цвѣченіи дѣтей народу христіанскаго—отколя хвала всемогущаго Бога на земли множитя, потѣха родичамъ изъ сыновъ наказанныхъ рости, речи посполитой оборона и оздоба предивная фундуется и цвѣтеть)—яко и тѣлесныхъ (въ обороненіи вдовъ и сиротъ и въ поратованіи всякихъ людей упавшихъ)“.

Въ братство записалось „безчисленно“ всякаго народа изъ мѣстнаго духовенства—прежде всего изъ того печерскаго кружка, который несомнѣнно былъ настоящимъ и главнымъ инициаторомъ основанія братства, и свѣтскихъ людей—мѣщанства и шляхты. А самымъ знаменательнымъ было то, что записался и гетманъ

¹⁾ Напечатанъ въ Памятн. Кіев. ком. II № 2 и по другой копіи у Голубева Ист. Кіев. ак. приб. № 1. Первыя подписи подъ „Уписомъ“ относятся къ позднѣйшему времени—вплоть до подписи Копыстенскаго.

²⁾ Кіевской городской „рѣчвпосполитой, т. е. кіевской мѣщанской общины.

Сагайдачный со всімъ козацкимъ войскомъ, принимая такимъ образомъ братство подъ свое специальное покровительство и присваивая себѣ формальное право всюду и всегда выступать въ качествѣ его официального заступника и покровителя. Къ сожалѣнію, неизвѣстна болѣе точная дата этого важнаго факта; упоминаетъ о немъ Саковичъ въ своихъ виршахъ на погребеніе Сагайдачнаго, что онъ

При церкви братской честно въ Кіевѣ похованъ,
Въ которое ся братство зо всімъ войскомъ вписанъ
И на него ялмужду значную одказалъ ¹⁾.

Но что это случилось не во время предсмертныхъ распоряженій гетьмана, а много раньше, до акта 1620 г.—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

Братство объединилось съ фундаціей Гулевичевны и основаннымъ на ея землѣ монастыремъ Богоявленія, превращеннымъ въ патрональный монастырь братства. При немъ тотчасъ же была основана братская школа. Ея первымъ ректоромъ былъ Борецкій. Отъ іюня 1617 г. имѣется его расписка, выдавшая имъ во Львовѣ львовскимъ братчикамъ за взятія у нихъ „книжки грамматики грецкіе друка лвовскаго“, то есть за братскій „Адельфотесъ“ ²⁾. Борецкій, называющій здѣсь себя „ректоромъ братской школы въ Кіевѣ“, вѣроятно нарочно ѣздилъ въ Львовъ во время ваканцій, чтобы сдѣлать запасъ всего необходимаго для новой школы. Послѣ него эту должность занималъ, кажется, Мелетій Смотрицкій, до своего посвященія въ полоцкіе архіепископы ³⁾, а въ 1620—4 гг. Каликстъ (въ монашествѣ Кассіанъ) Саковичъ, сынъ протопопа изъ Потылича, воспитанникъ замошской академіи и краковского университета, человекъ способный, остроумный, но слабохарак-

¹⁾ Ср. реляцію Рутскаго у Гарасевича с. 250.

²⁾ П. Могилы I приб. 34.

³⁾ Смотрицкаго и Саковича называетъ своими предшественниками по ректорству братской школы Сильвестръ Косъ (Коссовъ) въ своемъ *Exegesis*-ѣ (выдержки у Голубева *Исторія кiev. акад.* I прил. с. 83). Голубевъ полагаетъ, что Смотрицкій былъ ея ректоромъ въ 1626—8 гг. по возвращеніи съ Востока, а въ 1618—1620 гг. ректорствовалъ Борецкій (с. 216), но это менѣе вѣроятно, особенно въ виду того, что по возвращеніи Смотрицкаго съ Востока братства стояли въ довольно натянутыхъ отношеніяхъ къ нему, въ виду того что онъ выхлопоталъ у патриарховъ грамоты лишившія ихъ ставропигиальныхъ правъ, и вскорѣ его стали подозревать въ уніатскихъ замыслахъ.

Грушевскій, Козачество т. II.

терный (перейдя потомъ въ люблинскую школу, онъ перешелъ въ унию, позднѣе въ латинство и сталъ однимъ изъ наиболѣе ярыхъ обличителей и унии и православія) ¹⁾.

Отъ его времени сохранилось первое свидѣтельство успѣховъ братской школы, извѣстныхъ уже намъ „Вѣршѣ на жалосный погребъ задного рыцера Петра Копашевича Сагайдачного“, читанныя учениками братской школы, но составленныя не ими, а самимъ Саковичемъ ²⁾. Имена учениковъ, указанныя при читанныхъ ими строфахъ, характеризуютъ составъ братской школы—все это главнымъ образомъ представители мѣщанскихъ и духовныхъ семей, родственники извѣстныхъ намъ кievскихъ и другихъ литераторовъ—Беринды, Саковичи, Ставровецкіе, дѣти священниковъ, но есть здѣсь также и шляхтичи—Вороничи, Козаринъ, Скаржевскій и др.

Стихи служатъ иллюстраціею того направленія, въ которомъ шло школьное обученіе въ литературной сферѣ. Они носятъ характеръ вполне схоластическій, испещрены псевдо-классической премудростью, и по стилю и по языку стоятъ подъ вліяніями польско-латинской школы, воспитанникомъ которой былъ Саковичъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты очень сильнымъ козацкимъ патриотизмомъ, не только благодаря своей темѣ и войску Запорожскому, которому эти стихи посвящены, но и отражая тѣмъ тѣсныя связи, соединявшія кievское братство съ козацкими кругами. Тутъ, напримѣръ, читаемъ:

О запорожскомъ войску кто писма читаетъ,
Тотъ имъ мензство и славу хоть не радъ признаетъ,
Бо завше въ немъ такіе рыцери бывали,
Што мензне неуріателей ойчистыхъ бивали.
И жадное рыцерство въ насъ не есть такъ славно,
Якъ Запорожское, и неуріателюхъ страшно.

За время ректорства Борецкаго школа имѣла, должно быть, сильнѣе выраженный „греко-славянекій“ характеръ, въ духѣ львовской братской школы. Вообще кievская школа, вѣроятно, организовалась по образцу львовской и шла по ея слѣдамъ: мы видѣли, что во главѣ этого просвѣтительнаго движенія стояли главнымъ образомъ галицкія, львовскія силы, и само братство организовано

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія о немъ собраны у Голубева Ист. кiev. акад. с. 214—6 и Харламповича с. 402—4.

²⁾ Заключительная строфа „до чительника“ проситъ: „автора вѣршевѣ тыхъ ласкаве спомынай“.

лось по образу львовскаго прежде всего. Общій характеръ братской науки характеризуетъ патр. Теофанъ, называя ее въ своей ставропольской грамотѣ „школою наукъ еллинско-словенскаго и латинско-польскаго письма“, а цѣлью ея ставить, въ духѣ того времени, воспитаніе въ благочестивой жизни и сообщеніе соотвѣствующихъ наукъ, „гдѣ желающимъ учиться, а особенно младенческому уму, познашіе вѣры и догматы, установленныя св. вселенскими соборами восточной церкви, должны быть искренне предлагаемы и внушаемы учителями той же церкви“.

Однако дѣятельность и вліяніе братства не ограничивались тѣсными рамками однихъ братскихъ учрежденій. Очень скоро послѣ своего основанія братство, чувствуя за собой покровительство православной шляхты, мѣстнаго магистрата, а главное—козацкой силы, и имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя культурныя средства, которыми обладало кievское общество 1615—1620-хъ гг., заставило своихъ противниковъ почувствовать свое значеніе. Митрополитъ Рутскій въ своей запискѣ о мѣрахъ къ утверженію униі въ Кіевѣ наибольшимъ препятствіемъ для распространенія униі считаетъ это „новое братство, основанное схизматиками три года тому назадъ, безъ королевской привилегіи,—тамъ они имѣютъ свои собранія и совѣщанія, а слѣдствіемъ ихъ было сейчасъ же то, что вопервыхъ—уточили митрополитскаго оффиціала, потомъ слугу его, собиравшаго подати, поймали съ деньгами, вывели въ дикія степи и приковали къ пушкѣ, а теперь схваченъ также и униатскій священникъ—а онъ только одинъ и былъ здѣсь, и неизвѣстно, куда его дѣвали; трудно думать о чемъ-нибудь хорошемъ, если не будетъ уничтожено это братство, а уничтожить его можно или властью воеводы, или привлеченіемъ къ надворному королевскому суду“¹⁾.

Но ни кievскій воевода, ни самъ митрополитъ не рѣшились поднять на него руки, и братство, а за нимъ и кievское православное общество все выше поднимали голову. Посвященіе патр. Теофана въ 1620 г. и посвященіе православныхъ владыкъ еще болѣе усилили значеніе братства. Не зная, чѣмъ закончится это предпріятіе, кievскіе монастыри и вообще духовные круги старались по возможности меньше связываться съ этимъ смѣлымъ дерзновеніемъ. Его взяло на себя братство, съ одной стороны и

¹⁾ Налечатана въ Основѣ, 1861, кн. VIII с. 75 (съ ошибочнымъ 1626 г.).

покровители братства—козаки, съ другой. Патріархъ пріютился въ братскомъ „странно-пріимномъ дворѣ“ и жилъ здѣсь все время; въ братской монастырской церкви былъ посвященъ въ митрополиты бывшій братскій ректоръ Іовъ Борещкій, а другой, тогдашній ректоръ—Мелетій Омотрицкій—въ слѣдующую іерархическую позицію, въ полоцкіе архіепископы.

При этомъ братство получило отъ патр. Теофана (уполномоченнаго на это константинопольскимъ патріархомъ) права ставропигіи для своего монастыря и для другихъ своихъ институтій,—какъ онъ выражается въ своей грамотѣ: „въ ознаменованіе бытности нашей въ городѣ Кіевѣ, на землѣ братской при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія крестъ водружаемъ и за достойное судивши бытъ ему ставропигіею патріаршею, на то благословляемъ, никакой духовной власти—митрополичей, архіепископской епископской и никакой иной въ духовныхъ дѣлахъ, судѣ и благословеніи оно никогда не будетъ подлежать и не будетъ повинно на вѣчныя времена, кромѣ патріаршей константинопольской вселенской столицы“¹⁾). Рядомъ грамотъ Теофанъ утвердилъ и благословилъ братство, основавъ при немъ кромѣ „братства старшаго“ еще „братство младенческое“, которое должно было состояться изъ молодежи, вѣроятно, изъ учениковъ братской школы по образцу ученическихъ „содалицій“ въ католическихъ, особенно іезуитскихъ школахъ. Утвердилъ и благословилъ братскую школу и другія учрежденія—„страннопріимный дворъ“, гдѣ онъ самъ проживалъ „по силѣ дарованія божьяго обывателями города принятый страннолюбно“. Похвалилъ ихъ организацію и пожелалъ на будущее „пребывать въ немъ богобоязненно со всякимъ усердіемъ, въ любви и согласіи“²⁾).

Кіевъ, послѣ долгаго упадка своей церковной жизни, снова сталъ церковной столицей, резиденціей митрополита, больше того—резиденціей почти всего православнаго епископата для всѣхъ украинскіхъ и (бѣлорусскіхъ) земель, на долгое время, пока православные владыки, неувѣренные въ своей безопасности, считали за лучшее не показываться въ свои епархіи, оставаясь подъ покровомъ козацкой протекціи въ кіевскіхъ и сосѣднихъ монастыряхъ. Становился главнѣйшимъ и важнѣйшимъ культурнымъ

¹⁾ Грамота у Голубева приб. 4.

²⁾ Грамоты напечатаны въ Памятникахъ кіев. ком. III № 3—5 и у Голубева приб. 3—5.

центромъ для всѣхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ земель, куда съ разныхъ концовъ и сторонъ ссылались и стекались культурныя, научныя, просвѣтительныя силы, борцы за возрожденіе своего народа, увѣренные здѣсь въ безопасности своего убѣжища и въ хорошемъ пріемѣ, даже въ достаткѣ, если не въ карьерѣ. Изъ глухой пограничной берлоги, непривѣтливаго и тревожнаго форпоста превращался онъ въ національную столицу, вмѣстѣ съ тѣмъ—въ боевой лагерь возрожденной украинской Руси, готовой къ борьбѣ, реваншу, завоеванію утраченныхъ позицій.

Такимъ боевымъ настроеніемъ прежде всего было проникнуто это кievское братство. „Что есть еже въ нашей землѣ братство православныхъ?—писали въ 1625 г. кievскіе братчики московскому думному дяку Грамотину, прося помощи на постройку братской церкви, и такъ поясняли значеніе и задачи своей организаціи: „Братство нарицается, егда христіане православныя живуще посредѣ иновѣрныхъ, посредѣ Ляховъ, унѣятовъ и проклятихъ еретиковъ и хотяще отъ нихъ отлучитися и съ ними ничтоже смѣстно имѣти, сами со собою любовно совокупляются ся, имена свои во единомъ списуютъ и братіями нарицають ся,—се же да твердѣе и скорѣе противовѣрныхъ отразити возмогутъ“¹⁾).

Различныя пожертвованія въ пользу братства и покупки земель за значительныя цѣны, совершенныя имъ 1620-хъ годахъ²⁾, указываютъ на ростъ его матеріальныхъ средствъ. Въ 1625 г. оно закончило постройку новой братской церкви³⁾. А три года спустя король Сигизмундъ, несомнѣнно, хорошо понимавшій роль и значеніе этого гнѣзда схизматиковъ, принужденъ былъ въ виду ходатайства кievской православной шляхты издать грамоту, гдѣ заднимъ числомъ разрѣшалось основать въ земляхъ Гулевичевны „братство милосердія водле рекгулы св. Василя“, то есть монастырь, при немъ церковь и госпиталь „для людей убогихъ, старыхъ и уломныхъ, такъ духовныхъ, яко и свѣцкихъ, и людей рыцарскихъ, на послугахъ нашихъ и рѣчиносполнтое отъ неприятелей нашихъ въ разныхъ битвахъ покарѣчюныхъ“⁴⁾. О школѣ пока умалчивалось, но это не мѣшало ей продолжать существовать и функционировать.

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. I. VI 221.

²⁾ Онѣ перечислены у Годубева Ист. кiev. акад. с. 167—9.

³⁾ Ibid. ⁴⁾ Памятники кiev. ком. II № 7.

Во второй половинѣ 1620-хъ годовъ можно замѣтить между различными группами этого возрожденнаго православнаго Кіева извѣстную конкуренцію, нѣкоторую натянутость, которая впрочемъ скоро сглаживается подъ давленіемъ общества, и снова прежде всего—козачества. Возрожденная православная іерархія не сразу сумѣла найти свое мѣсто въ тѣхъ отношеніяхъ, какія сложились въ православной церкви за предшествующіе годы при отсутствіи іерархіи, съ широкою автономіею монастырей и братствъ, выработавшейся вслѣдствіе отступничества владыкъ и санкціонированной патриаршими ставропигиальными грамотами. Рѣзкимъ проявленіемъ этого отсутствія ориентаціи была миссія Смотрицкаго на Востокъ (1624—5), увѣнчанная патриаршею грамотою, которая уничтожала автономію ставропигиальныхъ церквей, братствъ и монастырей и отдавала ихъ во власть епископа. Я вернусь еще къ этому эпизоду ниже¹⁾, здѣсь отмѣчу лишь, что эти попытки, равно какъ и извѣстная тенденція къ компромиссу съ католическо-уніатскими кругами, проявленная возрожденною іерархіею въ интересахъ своей легализаціи,—поставили православный епископатъ, собравшійся въ Кіевѣ, въ довольно натянутыя отношенія и къ братству и къ печерскому кружку. Съ другой стороны, новый печерскій архимандритъ, преемникъ Копыстенскаго (съ 1627 г.), энергичный и самолюбивый молодой „воеводичъ земель молдавскихъ“, Петръ Могила, также проявилъ извѣстную склонность къ конкуренціи съ братскими кругами.

Недовольный ли характеромъ и направленіемъ братской школы или просто желая имѣть свою собственную школу, Могила дѣлаетъ попытки къ основанію собственной коллегіи при Печерскомъ монастырѣ и не взирая на неудовольствіе и оппозицію, вызванную этими планами въ кіевскихъ кругахъ и даже среди братіи самого Печерскаго монастыря, осуществляетъ этотъ планъ.

По словамъ позднѣйшаго воспитанника могилинской коллегіи, П. Могила вскоре послѣ своего посвященія въ печерскіе архимандриты, „послалъ отъ имени всѣхъ духовныхъ кіевскихъ съ патриарху въ Константинополь и получилъ отъ него благословеніе на то, чтобъ завести въ Кіевѣ латинскія и польскія школы и, выбравъ прежде всего подходящихъ монаховъ, отпра-

¹⁾ См. въ главѣ IV-ой.

вилъ ихъ въ разныя страны для науки“¹⁾). Оппозиція печерскихъ монаховъ, которымъ мало удовольствія доставляло это новое обремененіе печерскаго бюджета, была сломлена суровыми репрессіями: современникъ, кіевскій шляхтичъ Ерличъ, рассказываетъ, что когда монахи госпитальнаго монастыря св. Троицы, предназначеннаго Могилою для помѣщенія новой коллегіи, воспротивились планамъ архимандрита, Могила удалилъ игумена, отнялъ у него деньги, посадилъ въ тюрьму и велѣлъ бить, такъ что тотъ вскорѣ умеръ²⁾). Митрополитъ Борецкій, также, кажется, до известной степени отдавшій дань этому соперничеству, поддерживая своими средствами и протекціею частную типографію, находившуюся подъ управленіемъ Спиридона Соболя³⁾ и вынужденную въ 1628—9 гг. рядъ изданій, конкурируя съ печерскою типографіей⁴⁾,—тщетно стараясь повліять на Могилу и отклонить его отъ конкурированія съ братствомъ. Въ своемъ завѣщаніи, назначая Могилу своимъ душеприказчикомъ и оставляя ему свою коллекцію греческихъ и латинскихъ книгъ, Борецкій убѣждалъ и ставилъ ему „за наперный и червѣе божой и всему православному народови російскому потребнѣйшій пунктъ“, „абы школы въ братствѣ кіевскомъ для цвѣченія дѣтокъ хрестіянскихъ, а не гдѣ индей фундованы были,—подъ неблагословеніемъ приказую“⁵⁾). Но Могила стоялъ на своемъ.

За научными и просвѣтительными средствами для своей коллегіи онъ обратился туда же, откуда черпали культурныя силы организаторы печерскаго кружка и братской школы. Лѣтомъ 1631 г. Могила появляется во Львовѣ и 15 іюня даетъ слѣдующую декларацию: „Я, Петръ Могила, божіею милостію ар-

¹⁾ Письмо Гавріила Доменскаго въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ 1846, V с. 37.

²⁾ Latopisiec I s. 58—9. Костомаровъ сомнѣвался въ справедливости этого извѣстія (Рус. исторія въ жизнеописаніяхъ II³ с. 79), но другія, документальныя извѣстія подтверждаютъ, что въ основѣ его лежитъ дѣйствительный фактъ (Евгенія Описание Кіево-печ. лапры приб. 5—7, ср. Голубева П. Могила I с. 332—4). Ерличъ самъ жилъ въ Печерскомъ монастырѣ и очевидно передаетъ печерскую традицію о суровомъ архимандритѣ.

³⁾ „Во дворѣ Іова Борецкаго митрополита“—значится на Лимонарѣ 1628 г. изданномъ въ типографіи Соболя.

⁴⁾ См. у Каратаева подл. 1628—9 г.г.

⁵⁾ Завѣщаніе въ Пам. кіев. ком. II № 8.

химандритъ кievскій печерскій, видя въ православной церкви великую утрату въ душахъ человѣческихъ вслѣдствіе необразованности духовныхъ и недостатка обученія молодежи, по милости и съ помощью божіей и по собственной волѣ моей желая предотвратить такую великую утрату и вернуть заблудшихъ отъ православія, умыслилъ основать школу для того, чтобы молодежь во всякомъ благочестіи, въ обычаяхъ добрыхъ, въ наукахъ свободныхъ была обучаема,—и то не для какой-либо выгоды или славы моей, а только во славу и честь живоначальной Троицы, на пользу и утѣшеніе правотѣрнаго рода. Для этого дѣла божія собралъ я у себе братію, желая, чтобы она, на извѣстныхъ правилахъ, участвовала въ этомъ святомъ дѣлѣ. Ей я буду выдавать подобающее содержаніе, какъ на прожитокъ и одежду, такъ и на иныя потребности, изъ своихъ собственныя средствъ на вѣчныя времена, на извѣстное число лицъ, соответственно фундаціи, чтобы они беспрепятственно отправляли дѣло божье. Однако, пока меня благодать божія держитъ на этомъ свѣтѣ, я всячески и во всемъ буду ихъ опекунъ и споспѣшникомъ, насколько будутъ позволять мнѣ мои способности и занятія архимандричьи и насколько будутъ требовать этого ихъ надобности при служеніи душамъ людскимъ. А чтобы осуществленіе этого дѣла божія не терпѣло замедленія, и чтобы братія призванная къ этому, собиралась безъ всякой отговорки, я теперь тѣмъ при мнѣ пребывающимъ честнымъ отцамъ и братіи: іеромонаху Исая Трофиміусу и монаху Симлвестру Косову и впрелѣ къ нимъ собирающимся обѣщаю отъ всего сердца моего передъ Господомъ Богомъ, что я все, написанное въ моей фундаціи, данной имъ мною, безъ промедленія буду проводить въ исполненіе въ Кіевѣ, въ монастырѣ Печерскомъ, или гдѣ я и они найдемъ нужнымъ. А эту фундацію въ формѣ записной и вполне надежной представлю имъ какъ можно скорѣе, не долѣе во всякомъ случаѣ, какъ двѣнадцать мѣсяцевъ будутъ они ждать исполненія этого моего обѣщанія. А все это, чтобы было надежнѣе, я добровольно обѣщаю въ храмѣ Успенія во Львовѣ, передъ престоломъ господнимъ. А еслибъ я изъ міра взятъ былъ не закончивъ этого божьяго дѣла, долженъ обезпечить это завѣщаніемъ и въ качествѣ блюстителей исполненія его безъ всякаго нарушенія моей воли имѣю взять людей честныхъ и сильныхъ“¹⁾).

¹⁾ Пам. кiev. ком. II № 9.

Съ осени того же года собранныя Могилею профессорскія силы начали преподаваніе въ организованной имъ лаврской школѣ. Во главѣ стояли упомянутые въ приведенной деклараціи львовскіе профессора, Исаія Трофимовичъ Козловскій и Сильвестръ Косъ, воспитанники люблинской коллегии и замойской академіи; первый сталъ ректоромъ, второй—префектомъ лаврской школы. Изъ другихъ профессоровъ намъ извѣстны еще Софроній Почасскій, „риторики профессоръ“, воспитанникъ кievской братской школы. Въ противоположность братской, эта лаврская школа подходила скорѣе къ типу іезуитскихъ коллегій, съ преобладающимъ латинскимъ характеромъ, и очевидно, это была руководящая идея Могилы, что въ виду практическихъ потребностей современной украинской жизни школа должна отдавать предпочтеніе элементу латино-польскому предъ греческо-славянскимъ ¹⁾.

Но забывали и „ручины“. Доказательствомъ этого долженъ быть послужить изданный въ первый же годъ, какъ свидѣтельство успѣховъ новой школы, панегирикъ основателю школы Петру Могилѣ. Онъ носитъ довольно длинный титулъ: „Еухристичовъ албо вдячність, яснє превелєбнѣйшему въ Христѣ его милости господину отцу буръ Петру Могилѣ, вєєводичу земель молдавскихъ, великому архимандритови святой великой лавры чудотворной печерской кievской, вѣры православной въ церкви святой восточной промоторови побожному и немертельной славы годному оборонци одъ сцудеовъ гимназіумъ его милости зъ школы реторіки за гойныи добродѣйства себѣ и церкви православной въ фундованю школъ показанныи при вѣншованю святы хвалебныхъ воскресенія Христа Спасителя міру повинне а упрейме отданая (з друкарни того монастира Печерск. Кіевск. року 1632 мѣсяца марта 29 дня)“. Содержитъ онъ кромѣ предисловія—посвященія профессора С. Почаскаго, рядъ стихотвореній, въ которыхъ описываются отдѣльные предметы новой школы (обычное *trivium* и *quadrivium*) подъ общимъ заглавіемъ: „Геликонъ“, а потомъ, во второй части (Шарнасеъ) характеризуются отдѣльныя музы и посвященныя имъ науки; все это съ

¹⁾ Коссовъ въ своемъ „Эксегезисѣ“ — апологіи новой школы, въ качествѣ ея характерной черты отмѣчаетъ, что новые профессора *palladyiskie kunszly, w akademiach katolickich idacowane, na dowcipach ruskich solidius anizeli przed nami bedacy latina lingua floriszowac zaczelu* (Ист. кiev. ак. приб. 12).

палеографическими отступленіями по адресу основателя ¹⁾. При каждомъ стихотвореніи находимъ фамиліи учителей, декламировавшихъ, а быть можетъ и сочинявшихъ, подъ руководствомъ своего профессора, эти стихи. Видимъ здѣсь имена и родовитой мѣстной шляхты, которую, очевидно, умѣлъ привлечь своимъ престижемъ печерскій воеводичъ.

Но этотъ рѣшимъ *punicus Minervae* (первый даръ Минервы), говоря стилемъ ея профессоровъ, былъ и послѣднею памятью о новой школѣ. Надъ нею уже собиралась гроза, и упорный воеводичъ, не побоявшійся отказа въ благословеніи со стороны своего пріятели митрополита, долженъ былъ сложить оружіе передъ недовольствомъ, которое поднималось противъ его учрежденія среди кievскаго населенія, и особенно—среди всемогущаго козачества. „Отъ неученыхъ поповъ и козаковъ великое было негодованіе“, пишетъ цитированный уже воспитанникъ братской школы—„на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ догуду не бывало, и спасались!“ „Хотѣли было самого Петра Могилу и учителей на смерть убить: насилу ихъ уговорили“ ²⁾. Приблизительно то же рассказываетъ въ своемъ хитросплетенномъ *Exegesis*’ѣ префектъ лаврской школы Коссовъ. Упомянувъ о планахъ, съ которыми основывалась эта школа, — „чтобы мы преславному царюду нашему, выросши среди него, могли дать свѣтъ Аполлона“, онъ говоритъ затѣмъ: „Но какъ только мы съ его м. отцомъ Петромъ Могилою заглянули къ тебѣ, вѣчнонамятний Кіеве, и пожирая глазами твои сотни святыхъ и твои необозримые валы, стали готовить первый даръ Минервы,—точасъ начали про насъ въ ушахъ людскихъ разсѣвать такіе слухи, что мы уніаты, что мы неправославные. Какіе изъ этого перуны, какіе громы и молніи начали сыпаться на насъ, того языка чернильный не сможетъ анатомировать! Было уже время, когда мы, исповѣдавшись, только того и ждали, когда нами захотятъ начинять животы дѣшпровскихъ островъ, или пока одного огнемъ, другого мечомъ не пошлютъ на тотъ свѣтъ“ ³⁾.

Не трудно догадаться, что этими злобными агитаторами были не только „неученыя попы“ и печерскіе или братскіе монахи, но въ агитаціи повинны были и нѣкоторые болѣе интеллигент-

¹⁾ Перепечатанъ въ прибавленіяхъ къ *Ист. кiev. акад. Голубева* № 8. ²⁾ Г. Домецкій, см. выше.

³⁾ *Ист. кiev. ак. I* приб. с. 8-а.

ные элементы. Коссовъ скромно не доискивается ихъ, повѣствуя объ этомъ уже послѣ состоявшагося компромисса. Какъ бы то ни было, какъ только удакъ двинуть противъ печерскихъ новшества козачество, вопросъ былъ рѣшенъ: печерскій воеводичъ принужденъ былъ пойти на капитуляцію. Зимой 1631/2 г. достигнуто было соглашеніе по этому вопросу между нимъ и братствомъ. Отъ 30 декабря имѣемъ уже формальный договоръ по этому вопросу. Кіевскіе шляхтичи и другіе братчики кіевского братства заявляютъ, что они желая имѣть школу при своемъ братствѣ, упростили П. Могилу перенести основанную имъ школу въ братство и здѣсь ее организовать, а братство, взаимѣнь этого признаетъ его пожизненнымъ старшимъ братчикомъ, попечителемъ и блюстителемъ своего братства, съ тѣмъ, что выборные „старосты“ братства въ вопросахъ завѣдыванія имъ ни въ чемъ не будутъ противиться совѣту и волѣ Могилы, а во всемъ будутъ его слушать ¹⁾). Подъ этимъ актомъ подписалось тридцать кіевскихъ шляхтичей—интересный реестръ православныхъ дворянскихъ родовъ, еще державшихся своей національности—хотя большинство подписывались уже по-польски. Кроме того, это соглашеніе подтвердили отдѣльными грамотами кіевскіе владыки (митрополитъ съ двумя епископами именемъ всего духовенства) и козацкое войско ²⁾).

Изъ этихъ грамотъ узнаемъ, что объединить учрежденіе Могилы съ братствомъ просило не только братство и духовенство, но точно также и войско Запорожское—гетманъ и все рыцарство, считая это „речь быти святоблвную и всей церкви православной велице потребную и пожитечную“. Какъ члены братства, „гетманъ, асауловъ, и все войско с. к. м. Запорожское“ дало свое согласіе на призваніе за Могилою правъ „доживотного дозорцы, олекуна и оборонцы братства“ и поручили кіевскому атаману и всемъ товарищамъ имѣть его во всякомъ попеченіи „яко завше зъ предковъ своихъ войско Запорожское зыкло чинити стараніе о добрымъ и пожитечнымъ церкви божьей, не мней и теперь въ томъ не устававчи, звлнца видячи знать зеволовнѣ Духа святаго, тудежъ згодное застановеннѣ всего народу нашего роесійского, духовного и свѣцкаго—ихъ милости пановъ шляхты яко и посполитства, абы науки або цвнченя въ

¹⁾ Пам. кіев. ком. II № 10.

²⁾ Памятники кіев. ком. № 11 и 12.

письмѣ святомѣ ку подпоре благочестія нашего при церкви брацкой св. Богоявленій были за старанемъ, коштомъ и накладомъ въ Возѣ превелебного отца е. м. П. Могилы,—теды и мы видечи барзо речь слушную и церквомъ божиимъ пожитечную,—тосюжь милостю братерскою обовязанные будучи, зезволяемъ и на то припадаемъ, и при той церкви братской яко и при школѣ новозаложенной и при шпиталѣ до пей належачомъ обовязуемъ стоять и опоновать до горлъ своихъ“¹⁾).

Несомнѣнно, позиція, занятая въ этомъ вопросѣ войскомъ Запорожскимъ, главнымъ образомъ и рѣшила его для Могилы. Козачество чувствовало за собою не только обязанности, но и права по отношенію къ церковной и національной жизни, взятой имъ подъ свое вѣдѣтельство и защиту, и не жалѣя своихъ услугъ—когда нужно было нагнать надлежащій страхъ на какого-нибудь „непріятеля вѣры святой“, диктовало свои желанья также и самому православному обществу и православной іерархіи, обовязанной ему своимъ существованіемъ. Такъ поступало оно въ вопросахъ церковной политики, въ щекотливой сферѣ компромиссовъ православныхъ съ уніатами, занимавшихъ въ то время украинское общество и особенно кіевскіе круги,—и точно также, какъ видимъ, поднимало свой голосъ въ вопросахъ просвѣщенія, въ организаціи школы, въ характерѣ школьнаго преподаванія. Козаки вовсе не хотѣли оставаться пассивными и индифферентными зрителями этихъ споровъ и разногласій, занимавшихъ современное кіевское общество.

Но характеръ, энергія, способности, проявленные молодымъ печерскимъ архимандритомъ въ этомъ школьномъ инцидентѣ, очевидно были надлежащимъ образомъ оцѣнены и въ кіевскихъ интеллигентскихъ сферахъ и въ козацкихъ кругахъ. Калитуляція была проведена съ честью для него: за цѣну перенесенія фундаціи въ братство онъ приобрѣталъ роль его старѣйшины и энергичный, полный инициативы и честолюбія характеръ Могилы давалъ гарантію, что въ его рукахъ эти права старшего братчика не будутъ простымъ почетнымъ титуломъ. А когда годъ спустя Могилѣ, при живомъ еще митрополитѣ Исаямъ Кокинскомъ, досталась митрополичья митра, эта комбинація не вызвала никакого сколько нибудь рѣшительнаго протеста со стороны козачества, точно такъ же, какъ и со стороны кіевскихъ интеллигентскихъ круговъ, хотя

¹⁾ Памятн. кіев ком. II № 13.

Исаія, какъ человекъ направленія консервативнаго, старовѣрцаго, болѣе подходилъ подъ симпатіи козацкихъ круговъ, враждебно настроенныхъ ко всему, что отзывалось религіознымъ компромиссомъ. И несмотря на это обстоятельство, неканоническое назане- ніе Могилы было принято молчаливымъ согласіемъ, очевидно не столько изъ оппортунистическихъ мотивовъ, сколько въ виду лич- ныхъ качествъ этого офіціального кандидата.

Комбинація эта открывала очень важныя перспективы осо- бенно для кievскихъ круговъ, заинтересованныхъ успѣхами куль- турнаго, національнаго движенія. Всѣ три центра, всѣ три наи- важнѣйшія позиціи—Печерская лавра, братство, митрополія, меж- ду которыми возникли было извѣстныя тренія, нѣкоторая неже- лательная дисгармонія, соперничество, теперь объединились въ однѣхъ рукахъ—энергичнаго и талантливаго печерскаго архиман- дрита, и онъ имѣлъ возможность всѣ тѣ матеріальныя и мораль- ныя средства и силы, какія давало ему довѣріе общества, и простыжъ главы церкви, и литературно-научныя дарованія кiev- скихъ литераторовъ, и услуги типографскаго станка сконцентри- ровать и планомѣрно использовать въ цѣляхъ осуществленія своихъ просвѣтительныхъ и религіозно-національныхъ плановъ. Кievскія церковныя и культурно-просвѣтительныя институціи сли- нлись на нѣкоторое время въ одну мощную, могучую институцію, направляемую сильною рукою Могилы, налагающую глубокіе слѣ- ды своей индивидуальности на весь характеръ культурно-религіозной кievской жизни того времени и даже на культурную жизнь всей Украины, благодаря тому центральному, выдающемуся значенію, какое пріобрѣтаетъ Кievъ для всей Украины (а отчасти и Бѣло- руссіи) въ второе и третье десятилѣтіе XVII в.

Полный упадокъ Острожской академіи, начавшійся уже во второмъ десятилѣтіи, доходить до крайности со смертью Януша Острожскаго († 1620). Ослабленіе культурной жизни замѣтно въ это время и во Львовѣ, гдѣ братчики, занятые постройкой и украшеніемъ церкви, меньше заботились о школѣ, такъ что на- влекали на себя даже упреки партіарха. Виленское брат- ство также переживало черныя дни; о другихъ менѣе значительныхъ центрахъ, нечего и говорить. Враги украинскаго національнаго движенія злорадно указывали на упадокъ старѣйшихъ рассадниковъ очаговъ національной культуры. „Всѣ ваши заботы о просвѣще- нии не приводятъ ни къ чему“, писалъ православнымъ Смот- рицкій послѣ своего перехода въ унию, въ концѣ 1620-хъ го-

довъ: „плохи были ваши школы раньше, а теперь еще хуже. Гдѣ школа острожская, львовская, берестейская и другія? А виленская? Много на нее потрачено денегъ, а пользы немного: вотъ уже сколько лѣтъ изъ нея, какъ изъ камня—ни огня ни воды! Дѣти въ вашихъ школахъ только ту пользу и получаютъ, что изъ теллятъ превращаются въ воловъ“¹⁾).

Вслѣдствіе этого Кіевъ становится несомнѣннымъ центромъ для всего православнаго міра Польши и Литвы, стягиваетъ къ себѣ силы со всѣхъ его концовъ, и его культурно-національная жизнь съ ея свѣтлыми и темными сторонами, въ третьемъ, четвертомъ, пятомъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка пріобрѣтаетъ необычайное значеніе для всей Украины и Бѣлоруссін.

Отгнѣтивъ тѣ условія, какія сдѣлали изъ Кіева—наиболѣе оживленнаго изъ всѣхъ большихъ городовъ Украины, центральнѣйшій очагъ церковной, культурной и національной жизни Украины (и Бѣлоруссін), и тѣ моменты, которые привели козачество къ роли покровителя и защитника этого движенія, разсмотримъ теперь въ подробностяхъ важнѣйшія явленія общественно-политической и національной украинской жизни и участіе въ нихъ козачества, какъ наиболѣе активнаго національнаго украинскаго фактора этого времени. Изучая исторію роста козачества, его политической и соціальной энергій, мы параллельно съ этимъ будемъ слѣдить за исторією современныхъ общественно-политическихъ и національныхъ украинскихъ стремленій, такъ тѣсно сплетавшихся въ это время съ ростомъ и колебаніями козацкихъ силъ. Полныя значенія событія 1620—1 гг., къ которымъ мы подошли при обзорѣ исторіи козачества, послужатъ намъ теперь исходнымъ пунктомъ.

Мы оставили козачество зимою 1619/20 года, въ тотъ моментъ, когда польское правительство, уладивъ, какъ казалось, достаточно прочно свои отношенія съ Турціей и „принудивъ“ военною силою козачество къ калитуляціи, считало возможнымъ перенести свое вниманіе на западъ, на борьбу протестантскихъ и католическихъ партій и государей, представляющую огромный интересъ для католически настроеннаго короля Польши и его ближайшихъ совѣтниковъ. Козацкая старшина во главѣ съ Сагайдачнымъ вздохнула легче, освободившись отъ угрозы конфликта съ

¹⁾ Paraphrasis с. 32.

шляхотскими оферами, и приложила все старания, чтобы по возможности деликатно свести на нить ограничения, которыми стѣсняла козачество комиссія 1619 г. Какъ намъ уже извѣстно, въ цѣломъ рядѣ пунктовъ старшина оставила за собой право переговоровъ и петицій къ центральному правительству и, вѣроятно, имѣла намѣреніе не спѣша, по-немножку и по-тихоньку тянуть эти переговоры. А чтобы занять тѣмъ временемъ козацкія массы, Сагайдачный обратился къ крымскимъ междоусобіямъ, и какъ мы уже знаемъ—въ концѣ года казаки ходили на Перекопъ подъ его предводительствомъ, счастливо и успѣшно, безъ ущерба для достоинства рѣчиносполитой ¹⁾).

Для козацкой политики обстоятельства складывались тѣмъ благоприятнѣе, что отношенія съ Портою въ дѣйствительности не были вполне улажены и уже въ началѣ 1620 г. начали приходить изъ Турціи тревожными вѣстями, вопреки недавнимъ ожиданіямъ, предсказывавшія близкую и очень серьезную войну съ Турціею. Съ Персіею осенью заключенъ былъ миръ, у турецкаго правительства были развязаны руки и воинственные совѣты увлекали молодого султана Османа къ новымъ предпріятіямъ. Самой легкой добычей казалась Польша и ей грозила война въ первую очередь. Козачеству пужно было лишь выждать, и такую политику выжиданія велъ Сагайдачный. Но привить ее козацкимъ массамъ было не такъ легко, и еще разъ козацкая стихія (какъ и въ 1617 г.) взрывалась изъ его суровыхъ рукъ. Недовольно поднималась она подягикѣ его и старшинамъ, не мирилась съ уступками, сдѣланными польскому правительству, ограниченіями реестра, запрещеніями походовъ на море. Когда Сагайдачный со старшиною и реестровиками отправился на Перекопъ, среди недовольныхъ, особенно выписанныхъ изъ реестра, поднялось движеніе противъ него. Въ результатѣ это своевольное козачество смѣстило Сагайдачнаго съ гетманства и выбрало гетманомъ Яцка Неродича Бородавку, „изъ всѣхъ самаго недостойнаго и непокорнаго“, какъ аттестовалъ его Жолкевскій ²⁾. „Онъ заявилъ имъ, что не только на море, а хоть бы и въ пекло готовъ идти съ ними“. Грандіозный походъ на море—было первое, чего требовало отъ своего

¹⁾ Z kilkimi tysięcy wojska przebranego chodzil pod Perekop, i dobrze mu tam było szczęście posłużyło, dostał kilkunastu więźniów Tatar, съ сочувствіемъ упоминаетъ Жолкевскій, которому Сагайдачный, вѣроятно, также послалъ татарскихъ „дѣтчиковъ“ изъ этого похода (Listy № 111). ²⁾ I. c.

избранника это своевольное козачество, и тотчасъ начались къ нему приготовления. Уже въ февралѣ распространились извѣстія не только по Польшѣ, но и по Турціи, что козаки собираются огромнымъ походомъ, готовить триста лодокъ¹⁾. Запорожье перешло въ руки этихъ своевольниковъ²⁾.

Но на волости—въ Кіевѣ, въ Терехтемировѣ, этомъ центрѣ городского козачества, продолжалъ править козачествомъ Сагайдачный, котораго избраніе Бородавки, очевидно, вовсе не лишило вліяній и власти среди городского козачества (я уже указывалъ, что въ этомъ эпизодѣ впервые замѣтася извѣстное раздѣленіе между козачествомъ городovýmъ, осѣвшимъ на волости, и тѣми своевольными элементами, которые собирались на Низу). Официально Сагайдачный числился полковникомъ Запорожскаго войска, подъ regimentомъ гетмана Бородавки³⁾, неофициально былъ полнымъ хозяиномъ на волости, совершенно независимо отъ Бородавки. И въ то время, какъ своевольное козачество Бородавки занялось приготовлениями къ морскому походу, вопреки категорическому запрещенію послѣдней комиссіи и вгоняло тѣмъ въ крайнюю тревогу польскихъ полетниковъ,—Сагайдачный со своею старшиною спокойно занялся осуществленіемъ плава, возникшаго въ кіевскихъ кругахъ, быть можетъ, еще въ 1619 г., если не раньше, и теперь находившаго очень удобныя условія для своего осуществленія въ политической конъюнктурѣ, когда польскіе политики, въ виду турецкой опасности и козацкаго своеволія должны

¹⁾ Жерела VIII № 138.

²⁾ Иное, совершенно фантастическое освѣщеніе придала этому перевороту Исторія Руссовъ, представивъ Бородавку креатурой польскаго правительства, противопоставленнаго Сагайдачному: „Поляки въ опроверженіе гетмана Сагайдачнаго, а болѣе чтобы всѣять вражду и междоусобіе въ войскахъ Малороссійскихъ“, назначили гетманомъ сначала Кушку, а потомъ Бородавку, но Сагайдачный схватилъ его и разстрѣлялъ. Этотъ фантастическій взглядъ нашель отзывкъ не только въ старинной польской исторіографіи (L. Rowdań Kozacy Zaporozcy na Ukrainie, 1862, с. 45), но и въ украинской: по старой традиціи онъ былъ принятъ даже проф. Антоновичемъ и фигурируетъ въ его Восіахъ про козацькі часи (с. 44), ср. біографію Сагайдачнаго въ Историч. дѣятеляхъ Югозап. Россіи с. 7.

³⁾ Въ протестаціи Борецкаго, писанной въ февралѣ 1621 г., передъ паденіемъ Бородавья (свергнутого въ августѣ 1621 г.) читаемъ (с. 142): *W tym czasie sławnu y zasny rycerski maż pan Piotr Konaszewicz Sahajdaczny, przedtym hetman, a na ten czas*

были бросать умильные взгляды въ сторону болѣе умѣреннаго геродового козачества и его низвергнутаго гетмана ¹⁾).

Еще до начала кампаніи 1618 года проѣхалъ черезъ Орду и украинское пограничье по дорогѣ въ Москву іерусалимскій патріархъ Теофанъ, приглашенный туда, чтобы принять участіе въ посвященіи отца царя, митр. Филарета въ московскіе патріархи. Во время кампаніи 1618 г. онъ проживалъ въ Тулѣ, по сосѣдству съ театромъ военныхъ дѣйствій, принималъ участіе въ московско-польскихъ переговорахъ и, по всей вѣроятности, имѣлъ случай познакомиться и съ Сагайдачнымъ и съ другими выдающимися старшинами. Передъ этимъ онъ еще долгое время былъ задержанъ въ Крыму (цѣлый годъ, по словамъ Борецкаго), такъ что на Украинѣ заблаговременно были подготовлены къ его при-

pułkownik, któremu to u inszym pułkownikom od hetmana sławnego rana Jakuba Nierodycza Borodawki u od wszego woyska zaporożkiego było zlesono, upatrzywszy czas bezpieczny od Tatar u od rozbojnikow, z Terechtemirowa s. oycsa patryarche... odprowadził do Soroki. Но царская грамота 21/IV 1620 писана на имя „гетмана Петра Конашевича“, хотя въ Москвѣ должны были бы тогда знать о гетманствѣ Бородавки. Гетманство его, вѣроятно, не было признано вездѣ и сразу.

¹⁾ Въ старой традиціи и въ новѣйшей историографіи главная заслуга въ обновленіи іерархіи среди козацкихъ дѣятелей признавалась за Сагайдачнымъ. Въ послѣднее время П. Я. Жукевичъ сдѣлалъ попытку выдвинуть на первое мѣсто Бородавку—быть можетъ подъ влияніемъ вновь найденной протестаціи м. Іова, писанной во времена гетманства Бородавки, гдѣ онъ и фигурируетъ въ качествѣ гетмана. По мнѣнію проф. Жукевича, высказанному, правда, довольно сдержанно,—Сагайдачный съ его лояльною политикою не рѣшился бы на такой смѣлый шагъ: „Для этого дѣла рѣзкій и дерзкій, дѣйствовавшій безъ оглядки, козацкій вождь годился больше, чѣмъ вождь осторожный и корректный“. Но ни въ какихъ источникахъ, отъ польскихъ мемуаристовъ до нелицепріятнаго Густинскаго лѣтописца вклучительно, Бородавкѣ не приписывается никакой активной роли въ этомъ дѣлѣ. Во всѣхъ моментахъ, связанныхъ съ обновленіемъ іерархіи—отъ встрѣчи патріарха до посольства къ королю передъ Хотинскою войною выступаетъ постоянно лишь Сагайдачный. И полагаю, что Бородавкѣ, вождю буйной голытьбы, избранному подъ знаменемъ своевольства, походовъ „хоть въ пекло“, нечего и павязывать роль покровителя церковныхъ интересовъ въ виду того, что они имѣли своего покровителя, известнаго и документально засвидѣтельствованнаго, въ лицѣ Сагайдачнаго.

ваду ¹⁾. Лѣтомъ 1619 г. онъ окончилъ свои дѣла въ Москвѣ, Филаретъ былъ посвященъ, на Украинѣ ждали возвращенія Феофана, и этимъ его пробавомъ рѣшено было воспользоваться въ цѣляхъ воссозданія православной іерархіи ²⁾.

Условія украинской жизни сообщили этому вопросу чрезвычайную остроту за послѣднія десятилѣтія. Послѣ того, какъ почти весь украинскій и бѣлорусскій епископатъ съ провозглашеніемъ уніи покинулъ православную церковь, православные прежде всего хотѣли добиться того, чтобы этихъ владыкъ отступниковъ отрѣшили отъ ихъ должностей, лишили ихъ сана и епископскія кафедры были замѣщены православными кандидатами. Однако этотъ планъ разбился о желѣзное упорство правительства Сигизмунда III, — рѣшившаго не дѣлать никакихъ уступокъ православнымъ и считать архіереевъ-уніатовъ законными главами „русской“ или „греческой вѣры“ Польско-литовскаго государства, присоединеніе которыхъ къ католической церкви нисколько не повредило ихъ полномочіямъ. Послѣ десятилѣтнихъ усилій въ

¹⁾ Протестація Борецкаго с. 142—3, ср. Облога verificaciey— Архивъ I. VII с. 330.

²⁾ Впервые довольно подробно изложилъ исторію возстановленія украинской іерархіи м. Макарій (въ т. XI, гл. IV), много мѣста отвелъ ему также Кулишъ (Ист. возсоед. т. III). Затѣмъ въ недавнее время рядъ отдѣльныхъ статей посвятилъ ему Жукевичъ: кромѣ цитированнаго выше (с. 8) еще: „Первый польскій сеймъ послѣ возстановленія патр. Феофаномъ западно-русской церковной іерархіи“ (Христ. Чтеніе 1905, XI—XII), „Архіепископъ Малетій Смотрицкій въ Вильнѣ въ первые мѣсяцы послѣ своей хиротоніи“ (ibid. 1906, IV—VI), „Запорожскіе гетманы Вородавка и Сагайдачный въ своихъ послѣднихъ церковныхъ и политическихъ дѣлахъ“ (ibid. 1906, VIII и IX)—они собраны затѣмъ въ его книгѣ „Сеймовая борьба“ вып. III. Самымъ фактомъ возобновленія іерархіи Жукевичъ однако не занимается спеціально, а главнымъ образомъ посвящаетъ свое вниманіе различнымъ политическимъ и религіознымъ усложненіямъ, вызваннымъ этимъ эпизодомъ; современнаго культурнаго и національнаго движенія не затрагиваетъ вовсе. Статейка П. Орловскаго Участіе запорожскихъ козаковъ въ возстановленіи православной южно-русской іерархіи въ 1620 г. (Кіев. Старина 1905) не даетъ почти ничего, кромѣ извлеченія изъ цитированной выше протестація м. Іова, изданной въ III т. академическаго сборника: „Статьи по славяновѣдѣнію“ и з „Протестація митроп. Іова Борецкаго и другихъ западно русскихъ іерарховъ, составленная 28 апрѣля 1621 года“, съ предисловіемъ проф. Жукевича. Какъ источники для изученія этого эпизода, изъ литературныхъ памятниковъ

этомъ направленіи православные убѣдились, что это—петеринское дѣло; на рекошенихъ съѣздахъ 1607 г. они въ послѣдній разъ поставили требованіе лишенія сана владыкъ-уніатовъ, но при компромиссѣ съ правительствомъ отступили отъ него ¹⁾.

Начиная съ этого времени православные добиваются лишь, чтобы на будущее время правительство раздавало бенефиціи принадлежавшія православной церкви лицамъ православнымъ, и правительство какъ будто согласилось на это, въ сеймовыхъ постановленіяхъ 1607 г. Но замѣнивъ болѣе опредѣленную формулировку этого постулата, предложеннаго православными, своею формулою, менѣе ясною, правительство истолковало по своему это постановленіе о раздачахъ православныхъ бенефицій „людямъ истинной греческой вѣры“ и систематически продолжало заполнять всѣ духовныя мѣста, имѣвшіяся въ его распоряженіи, уніатскими кандидатами. Всѣ протесты православныхъ по этому поводу оставались безуспѣшными. Непосредственно послѣ постановленія 1607 г. король пожаловалъ луцкое владычество уніату Еловичу-Малинскому, и всѣ протесты волынской шляхты по этому поводу остались безуспѣшными ²⁾. Точно также и всѣ представленія перемышльскаго шляхты и даже формальная война, какую повела она противъ навязаннаго ей королевскаго ставленника уніата Крупецкаго (1610) ³⁾, не произвели никакого впечатлѣнія на правительственные круги и не повлияли на его политику.

Тѣмъ менѣе могли подѣйствовать бумажные протесты, которыми православное шляхетское общество встрѣтило назначеніе кородемъ въ митрополиты по смерти Потія Веніамина Рутскаго,

важны въ особености: полемическія брошюры 1621—2 г.г. (часть ихъ издана въ Архивѣ Ю.-З. Р. часть I, VII, нѣкоторыя вѣроятно выйдутъ въ т. VIII), записки изготовленныя православными для правительства (тамже, въ Статьяхъ по славяновѣдѣнію т. III и въ Документахъ объясн. исторію Зап. рус. края), современныя киевскія записки въ Сборникѣ лѣтописей относ. къ исторіи Ю. и Зап. Россіи, лѣтопись Густинскаго монастыря (Лѣтописецъ о первомъ зачатіи и созданіи святаго обители монастыря Густинскаго), описывающая эти событія очевидно на основаніи разсказовъ Исаи Кошинскаго, одного изъ ставленниковъ 1620 г., изд. въ Читеніяхъ москов. 1848 г. и отдѣльно. Документальный матеріалъ для событій 1620-хъ г.г. главнымъ образомъ—въ добавленіяхъ къ „Петру Могила“ С. Голубева т. I.

¹⁾ Подробнѣе обо всемъ этомъ въ Исторіи України-Руси т. VI гл. VI, с. 575 и сл.

²⁾ См. въ т. VI с. 581. ³⁾ Ibid. с. 244 и 589—90.

вѣрнаго уніата, римскаго воспитанника (московскаго эмигранта, по происхожденію) ¹⁾. Это не была серьезная оппозиція, и такъ она и оцѣнивалась правительствомъ. На владимирскую кафедру Потія король назначилъ Илью Мороховскаго, секретаря Потія, и протестъ волынской шляхты, заявленный на сеймѣ 1616 г., и требованіе, чтобы на эту кафедру былъ назначенъ волынской шляхтичъ ²⁾, остались тоже безъ всякихъ послѣдствій. Между тѣмъ все это грозило уже полнымъ исчезновеніемъ православной іерархіи, такъ какъ уже съ 1610 г. (со смерти Копыстенскаго), единственнымъ епископомъ на всѣ украинскія и бѣлорусскія земли оставался львовскій владыка Тисаровскій, да и онъ получалъ эту кафедру, лишь обѣщавъ подъ присягою держаться уніи, хотя этой присяги не сдержалъ. И еслибы въ будущемъ не нашлось другого охотника пройтись такимъ контрабанднымъ способомъ, православные очень легко могли оказаться безъ владыкъ вовсе.

Между тѣмъ правительство, размѣстивъ на православныхъ кафедрахъ уніатовъ, твердо стояло на томъ, что эти владыки являются единственно законными властями для православныхъ и должны имѣть подъ своею властью и послушаніемъ всѣ церковныя институціи своихъ епархій. Измѣнивъ въ свою пользу текстъ конституціи 1609 г. и передавъ всѣ споры между православными и уніатами юрисдикціи духовнаго департамента трибунала, гдѣ большинствомъ располагало католическое духовенство, правительство поставило православныхъ просто въ безвыходное положеніе. Всѣ процессы съ уніатскими владыками, съ ихъ притязаніями на православныя церкви, монастыри, братства, имѣнія и т. д., на власть и юрисдикцію надъ православными, неизмѣнно прорывались православною стороною. Всѣ протесты православныхъ, ихъ усилія на всѣхъ сеймахъ во второмъ десятилѣтіи XVII в., оставались безъ сколько-нибудь замѣтнаго успѣха.

Оппозиціонное движеніе среди шляхты ослабѣло, и всѣ требованія и протесты православныхъ депутатовъ не находили сколько-нибудь энергичной поддержки даже въ посольской палатѣ. Законопроектъ въ интересахъ православныхъ, принятый ею на сеймѣ 1613 г., не былъ утвержденъ правительствомъ ³⁾. На сеймѣ

¹⁾ Архивъ Ю. З. Р. II. I с. 104.

²⁾ О нихъ Synopsis—Архивъ Ю. З. Р. I. VII с. 569.

³⁾ См. т. VI с. 585.

1615 г. требованія православныхъ были поддержаны лишь оппозиціонною группою пословъ, которая и сорвала сеймъ, не будучи въ состояннн добиться удовлетворенія православныхъ и диссидентовъ ¹⁾. Безрезультатно прошелъ и новый сеймъ (1616) ²⁾. Въ 1618 г. правительство, нуждаясь въ козакахъ для московской войны, дало православнымъ обѣщаніе, въ видѣ сеймового постановленія „о греческой религіи“, гдѣ вопросъ о „полномъ успокоеніи греческой религіи“, не разрѣшенный на настоящемъ сеймѣ вслѣдствіе скопленія разныхъ дѣлъ, откладывается до ближайшаго сейма, а тѣмъ временемъ людямъ греческой вѣры гарантируется спокойствіе, свободное богослуженіе и исключается всякое принужденіе судебное или иное въ религіозныхъ дѣлахъ ³⁾. Но эта „довольно мягкая“, какъ ее называли православные, конституція, тотчасъ же была опротестована клерикально настроенными сенаторами и депутатами, какъ несправосильная ⁴⁾, а обѣщаніе „полнаго успокоенія“, сдѣланное новымъ сеймомъ (1619), совершенно не было исполнено, несмотря на настоящія украинскіихъ депутатовъ ⁵⁾ и всѣ „аккламаціи и голоса“ въ этомъ вопросѣ ⁶⁾. Религіозный миръ вовсе не соблюдался, когда на карту

¹⁾ Протестъ оппозиціи изъ украинскихъ пословъ подписанъ Лаврентіемъ Древинскимъ (волинскимъ депутатомъ) и Михаиломъ Кропивницкимъ (брацлавскимъ депутатомъ)—см. Ркп. Публ. библ. Пол. № 33, с. 89. Они заявляютъ здѣсь: *persuadowaliśmy, że pokoy domowu wewnętrznuy, który acz zawsze, ale osobliwie podczas postronnych niebezpieczeństw potrzeba aby był obwarowany, ale perswasie w tym nasze nie szły w posłuch, a zatym wszystkie o contentowaniu ludzi religey greckiey y inszych rozroznionych w wierze, a po wielkiey części a poczesci (sic) privatim odprawowano starania y tractaty, gdyz publice koła naszego tym trudnic sie nie zdało—zadnego zgoła skutku nie wzięli.*

²⁾ Требования православныхъ, предложенныя на этомъ сеймѣ, иллюстрируетъ волинская инструкция въ Архивѣ Ю. Э. Р. П. I с. 104. ³⁾ Volum. legum III с. 158.

⁴⁾ Протестація уніатскихъ владыкъ, сенаторовъ и пословъ (среди нихъ епископъ краковскій и каменецкій, воеводы серадзскій и дерптскій, канцлеръ Салѣга и др.), внесенная въ книги варшавскаго „града“, въ синодальномъ архивѣ (не описанные акты западнорус. митроп. № 120). Протестанты заявляютъ, что на эту конституцію не было ихъ согласія; король, въ виду оппозиціи, обѣщаль вычеркнуть ее.

⁵⁾ Ср. инструкцію кievской шляхты (Архивъ Ю. Э. Р. П. I с. 117).

⁶⁾ Synopsis подъ 1619 г.—здѣсь упомянута протестація, внесенная православными депутатами въ книги брянскаго града.

ставились интересы унії. Новый уніатскій архієпископъ полоцкій, Йосафатъ Кунцевичъ какъ разъ въ это время принялся подчинять своей власти православныя церкви, и королевскій судъ всецѣло сталъ на его сторону, присудивъ всѣ моголевскія церкви и монастыри полоцкому архієпископу, а за вооруженное сопротивленіе, оказанное моголевскими мѣщанами, зачинщики были приговорены къ смертной казни.

Такимъ образомъ десятилѣтнія усилія православной шляхты на парламентской аренѣ не привели ни къ чему. Дѣло православной церкви оставалось въ такомъ же безвыходномъ положеніи, и даже надежды на какой либо выходъ изъ него слабѣли и исчезали, по мѣрѣ того, какъ рѣдѣли ряды украинскихъ и бѣлорусскихъ православныхъ шляхтичей. „Ваше духовенство вело свое дѣло только при помощи свѣтскихъ людей, но эти вліятельные помощники ваши замѣтно убываютъ, а новыхъ не прибываетъ“, писалъ въ 1617 г. уніатскій полемистъ арх. Кривза ¹⁾, и православные съ болью должны были чувствовать справедливость этихъ словъ.

Въ виду всего этого, когда въ кievскихъ кругахъ узнали о предстоящемъ проѣздѣ Ософана, здѣсь сама собою должна была возникнуть мысль—при помощи іерусалимскаго патріарха обновить православную іерархію, самовольно, на собственный рискъ, пользуясь опекой и протекціей козачества, которая здѣсь „какъ на Украинѣ“ дѣлала православныхъ неприкосновенными для правительственныхъ и уніатскихъ факторовъ.

Переговоры и совѣщанія, веденныя по этому дѣлу, разумѣется, погибли для насъ безвозвратно, какъ погибло почти все изъ неофициальной, интимной жизни этихъ круговъ. Видимъ только, что кievское духовенство, въ виду возможныхъ репрессій со стороны правительства, рѣшило явно не выступать въ осуществленіи этого плана, и все взяло на себя козачество, отчасти—кievское братство.

Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что упомянутое козачье посольство въ Москву, отправленное подъ левый годъ (1620), имѣло цѣлью не одни переговоры съ московскимъ правительствомъ и даже не столько эти переговоры, сколько соглашеніе съ патріархомъ, находившимся тогда еще въ Москвѣ (московскому пра-

¹⁾ Рус. Ист. Библ. IV с. 290.

вительству, къ которому якобы были посланы эти козацкіе послы, они, собственно не имѣли ничего передать—развѣ только разузнать, не захочетъ ли Москва давать козакамъ „жалованье“, для дальнѣйшихъ походовъ на Крымъ. Настоящая цѣль посольства была, вѣроятно, иная. Въ цитированной протестаціи м. Борецкаго можно видѣть довольно опредѣленный намекъ на то, что козацкіе послы въ Москвѣ имѣли сношенія съ патриархомъ¹⁾, и я думаю, что соглашеніе съ патриархомъ было уже тогда достигнуто. Когда онъ, выѣхавъ изъ Москвы въ мартѣ 1620 г., прибылъ на Украину, его встрѣтило козацкое войско подъ предводительствомъ самого Сагайдачнаго и подъ этимъ военнымъ эскортомъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ остановился въ братскомъ домѣ чуть ли не на цѣлый годъ. „Провождажу же его множество воинъ козаковъ, гетманъ Сагайдачный Петръ (мужъ вѣло воинственъ бѣше и страшень бѣ врагомъ всѣмъ) и поставиша святѣйшаго отца патриарху во братствѣ, средѣ града киевского, и обточиша его стражбою аки пчелы матицу свою, тако святѣйшаго отца и пастыря овцы словесными отъ волковъ противныхъ стекаху“, пишетъ современный украинскій лѣтописецъ²⁾. Охрана была дѣйствительно необходима, такъ какъ въ польскихъ кругахъ относились къ патриарху очень подозрительно, предполагая въ его путешествіи въ Москву политическую миссію противъ Польши: подозрѣвали, что турецкое правительство послало его возбуждать Москву противъ Польши, и потому онъ ѣхалъ такою „необычною дорогою“, черезъ Орду. Теперь узнавъ о его пріѣздѣ въ Кіевъ, въ польскихъ кругахъ предположили, что патриархъ имѣетъ порученіе изъ Москвы вести интригу противъ Польши среди козаковъ³⁾. Жолковскій, прослышавъ, что патриархъ долженъ возвращаться изъ Москвы черезъ Львовъ, намѣревался безцеремонно арестовать его. Въ Кіевѣ сдѣлать это было трудно и, узнавъ о пріѣздѣ патриарха въ Кіевъ, Жолковскій отправилъ туда своего агента Начановскаго, поручивъ ему скло-

¹⁾ Jednego czasu jednego roku w Moskwie u patriarcha u kozacy byli, takze u w Kiiowie u w Terechtemirowie rok bez kilka niedziel mieszkał, a zadne praktyki u szpicgowanie nie pokazały się (с. 148) Это сопоставленіе Москвы, Кіева и Терехтемира, очевидно, исходитъ изъ убѣжденія, что въ Москвѣ патриархъ долженъ былъ видѣться съ козаками.

²⁾ Лѣтопись Густынскаго монастыря с. 11—2.

³⁾ Письмо Жолковскаго, гетмана и кіевскаго воеводы—
Listy № 111.

нить патриарха для безопасности возвращаться через Подольскія земли, на Каменецъ. Для отвѣда гласъ этому порученію приданъ былъ возможно невинный характеръ; упомянутый агентъ якобы выслался ради почета и удобства патриарха. Жолкевскій переслалъ съ нимъ письма къ кіевскому магистрату и украинскимъ „обывателямъ“, вызванныя якобы извѣстіями, полученными отъ патриарха, и поручалъ имъ принимать патриарха съ „достойнымъ уваженіемъ, какъ великаго человека и уважаемаго гостя“, особенно ввиду натянутыхъ отношеній съ Турціею, и оказать ему возможность свободнаго и удобнаго перѣзда до Хотина черезъ Каменецъ ¹⁾). Въ дѣйствительности, патриарха ожидала, очевидно, участь несчастнаго экзарха Никифора, еслибы онъ положился на эти приглашенія ²⁾).

Но патриархъ это понималъ, какъ понимали и его окружающіе; современникъ, упомянувъ о выѣздѣ его изъ Кіева въ Терехтемировъ, говоритъ, что патриархъ опасался „абы од Ляхов не былъ посланный в заточение“ ³⁾). Поэтому на уговоры Пачаповскаго онъ не поддавался и крѣпко держался Кіева, гдѣ его не рѣшались тронуть—„чтобы изъ этого не выросло еще большихъ бунтовъ и мятежей среди козаковъ“. При этомъ о дѣйствительной цѣли патриаршаго прѣзда въ польскихъ кругахъ не имѣли, очевидно, никакого представленія: польскіе политики XVII в. были такими же невѣждами въ вопросахъ украинской жизни, какъ и ихъ позднѣйшіе преемники.

Тѣмъ временемъ патриархъ объѣзжалъ церкви и монастыри Кіева и его окрестностей; былъ въ Межигорѣ, Бѣлой Церкви, Терехтемировѣ—всюду, гдѣ чувствовалъ себя въ безопасности подъ козацкимъ покровительствомъ; посѣщалъ дома православныхъ помѣщиковъ, „принймаючи человекѣлюбіе и достойную честь“ и своимъ присутвіемъ, похвалами и благословеніями поддер-

¹⁾ Грамоты эти, отъ 5 мая н. с. были напечатаны въ *Verificati-i niewinności*—Архивъ Ю. З. Р. I, VII с. 289—90, также *Pisma Żółkiewskiego* с. 369—370, ср. Протестацію с. 140.

²⁾ Въ упомянутомъ письмѣ къ Замойскому Жолкевскій высказываетъ опасенія, какъ бы патриархъ изъ Кіева не поѣхалъ въ Терехтемировъ, такъ какъ тамъ изъ-за козаковъ его нельзя было бы арестовать.

³⁾ Записка очевидца, 1621 г., въ концѣ сборника лѣтописей, переписаннаго въ Животовѣ—Пол. собраніе лѣтописей т. II, изд. 2, пред. с. XIII.

живая духъ православныхъ¹⁾). Съ разныхъ сторонъ Украины и Бѣлорусіи прибывали къ нему депутаціи православныхъ, проси подтвержденій и благословеній для братствъ, монастырей, церквей и получая отъ него грамоты и ставропигіальныя права. Теофанъ зацѣлся отъ константинопольскаго патріарха полномочіями на всякія церковныя функціи въ его кievской діоцезіи; кромѣ того, при немъ былъ и экзархъ константинопольской церкви Арсеній, скрѣплявшій своею подписью нѣкоторыя грамоты. Такъ напр. получили отъ нихъ грамоты съ благословеніемъ и утвержденіемъ (или подтвержденіемъ) въ правахъ ставропигіальнаго братства кievское, луцкое, слуцкое, львовское и др.²⁾. Въ виду тревожныхъ слуховъ, ходившихъ о немъ, патріархъ отправилъ къ королю своихъ пословъ, увѣряя его въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и прося безпреткновеннаго пропуска черезъ земли Короны, и король отвѣтилъ письмомъ, въ которомъ выражалъ свое довѣріе патріарху и гарантировалъ ему свободный проѣздъ—черезъ Каменецъ³⁾.

Тѣмъ временемъ шли переговоры и приготовленія къ посвященію владыкъ. По словамъ лѣтописца, происходило это „по совѣту многихъ благочестивыхъ людей пановъ шляхетскаго рода и всѣхъ посполитыхъ христіанъ, а главное, гетмана войска Запорожскаго, Петра Сагайдачнаго и множества изъ всѣхъ областей: Волинскихъ, Подольскихъ, Подгорскихъ, Покутскихъ, Подляшскихъ, княжества Литовскаго и Украинскихъ—благочестивыхъ (православныхъ), духовныхъ и свѣтскихъ; много было тогда дивныхъ и неисповѣдимыхъ гаданій и совѣтовъ, не токмо въ духовныхъ, но и свѣтскихъ“⁴⁾. Образовался въ нѣкоторомъ родѣ національный конгрессъ, гдѣ рѣшающую роль играла новая національно-политическая сила — козачество. Смотрицкій указываетъ точнѣе время этого съѣзда—праздникъ Успенія, храмъ печерской церкви⁵⁾. Этотъ съѣздъ выступилъ передъ патріархомъ съ формальнымъ ходатайствомъ—поставить имъ новую іерархію. Теофанъ долго отказывался, боясь бѣды „отъ короля и Ляховъ“,

¹⁾ Грамота его отъ 26/V въ Памят. кiev. ком. II № 4.

²⁾ Пам. кiev. ком. I № 4, II № 4 и др.

³⁾ Письма въ *Verificatia niewinności* Архивъ I, VII с. 292—3, Протестація I. с.

⁴⁾ Лѣтопись Густин. мон. с. 13. Эти слова: „не токмо в духовныхъ, но и в свѣдскихъ“, можно понимать двояко: о духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, или о духовныхъ и свѣтскихъ лицахъ.

⁵⁾ Архивъ Ю. З. Р. I, VII с. 296, ср. 287.

и только увѣренія козаковъ, что они защитятъ его отъ всякой бѣды, придали ему смѣлости: „Святѣйшаго патріарха взяли на рамена и опеку свою благочестивое войско и гетманъ, Петро Сагайдачный“, и патріархъ рѣшился ¹⁾). Подобнымъ образомъ передаетъ объ этомъ въ своей протестаціи м. Іовъ: „Правда, находились и такіе, которые отговаривали патріарха ввиду тѣхъ опасностей, которыя, въ самомъ дѣлѣ, намъ угрожаютъ теперь; но люди рыцарскіе, духомъ пылающіе, сказали святѣйшему: „не былъ бы ты патріархомъ, не былъ бы добрымъ пастыремъ, не былъ бы намѣстникомъ христовымъ и апостольскимъ, еслибы ты, святость твою, не посвятилъ и не оставилъ народу русскому митрополита и епископовъ, заставъ насъ здѣсь безъ пастырей среди голеней“ ²⁾).

Тонъ всему задавало козачество, а его поддерживала, выражая свою полную солидарность, мѣстная православная шляхта. Кіевскіе депутаты на осеннемъ сеймѣ 1620 г., домогаясь гарантій для православной религіи, мотивировали свои требованія тѣмъ, что „козаки и многіе вліятельные люди взяли ее („греческую религію“) подъ свою защиту и поклялись другъ другу не отступать отъ нея, такъ что легко можетъ дойти до волненій и возстанія, если они этихъ гарантій не получаютъ“ ³⁾). Главное значеніе въ этомъ дѣлѣ, какъ въ православныхъ, такъ и униатскихъ кругахъ, приписывается козачеству, а среди послѣдняго центральная роль отводится Сагайдачному. Саковичъ въ своемъ паногрипкѣ такъ описываетъ это:

Тымъ часомъ патріарха вчасне къ намъ завиталъ
Зъ землѣ святой мѣста Іерусалима,
Отколы вышла на вѣвесь свѣтъ правдивая вѣра.
Которого тотъ гетманъ зъ войскомъ наведевши
Въ Кіевѣ и поклонъ му достойный отмавши
Съ православными, почалъ раду въ томъ чинити
Жебы могли пастырей православныхъ мѣти
Въ держави своей, на мѣстцахъ владыковъ уцѣтовъ,
Которыхъ маетъ народъ нашъ за езуитовъ,
Кдыжъ униаты зъ ними единомудревують,
Всѣхъ побити подъ владзу папы усилюють.
Обравши теды згодне всѣ зъ людсѣи духовныхъ
Честныхъ мужей и въ писмѣ бѣглыхъ, особъ годныхъ,
Патріарсѣ святому ихъ презентовали,
О посвяченя ихъ ва владыцтва жадали.

¹⁾ Иѣтонисъ Густинскаго мѣн. с. 13. ²⁾ Статьи с. 146, у Жуковича III с. 71. ³⁾ Извлеченіе у Жуковича III с. 71.

А когда свѣтѣйшій отецъ въ еписархомъ обачилъ
Слушность въ жадаю, особъ тыхъ посвятити рачиль:
Юва Борецкого на митрополюю
И владыкъ на каждого ихъ епископою.

Гарантѣи, данныя козачествомъ и православною шляхтою рѣшили вопросъ. Отъ 13 августа имѣется окружное посланіе патріарха къ православнымъ Польши и Литвы, въ которой оны, между прочимъ, въ довольно глухихъ выраженіяхъ, поручаетъ имъ назначить кандидатовъ для посвященія—выбрать себѣ епископа, согласно съ апостольскими правилами, „повелѣній и запрещеній міра не боящихся“¹⁾. Въ виду таинственности, съ которой велось все это дѣло, грамота эта имѣла чисто формальное значеніе; рѣшающее значеніе имѣли совѣщанія собранныхъ въ Кіевѣ делегатовъ изъ разныхъ мѣстностей, или тайныя сношенія съ православными общинами епископскихъ резиденцій. Считали необходимымъ избавиться отъ королевскаго комиссара, остававшагося въ Кіевѣ для наблюденія за патріархомъ, подъ предлогомъ сопровожденія его до границы. Патріархъ заявилъ, что оны уже поѣдетъ, и двинулся въ путь. Ѣхать черезъ Подольскіе края оны не пожелалъ, и Пачановскій проводилъ его только лишь до Бѣлой Церкви, передавъ тамъ на руки козацкаго полковника Богдана Кизима, который долженъ былъ доставить патріарха до границы, самъ же Пачановскій послѣ этого отправился къ королю. Тогда патріархъ вернулся въ Кіевъ, мотивируя это опасностью дальнѣйшаго пути, и здѣсь, не имѣя уже надъ собою королевскаго ока, приступилъ къ посвященію владыкъ²⁾.

Первымъ былъ посвященъ извѣстный намъ игуменъ мѣвскаго братскаго монастыря Исаія Копинскій—въ перемышльскіе епископы, черезъ нѣсколько дней Ювъ Борецкій въ митрополиты, а затѣмъ

¹⁾ П. Могила I приб. 37.

²⁾ Такъ объясняю я этотъ эпизодъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ только недавно, изъ протестаціи м. Юва (с. 141). Жуковичъ, игнорируя очевидную грамоту отъ 13/VIII и извѣстія Смотрицкаго объ успѣскомъ сѣззѣ, думалъ сначала, что, въ самомъ дѣлѣ, только лишь цецорская катастрофа рѣшила дѣло посвященія владыкъ: патріархъ вернулся съ дороги и подъ впечатлѣніемъ катастрофы оны и православные рѣшились на этотъ смѣлый шагъ (вып. III, с. 43). Но затѣмъ оны самъ принялъ во вниманіе заявленіе Смотрицкаго (во второмъ изданіи Verificati-и, л. 28 об.), что посвященіе произошло до цецорской катастрофы, и на этомъ основаніи усумнился въ традиціонныхъ датахъ посвященій у Густинскаго лѣтописца (III с. 47—8). Слова протестаціи, что Пачановскій оставилъ митро-

Мелетій Смотрицкій въ полоцкіе архієпископы¹⁾. Совершалось это съ большой тайнственностью, въ братской церкви, ночью, при чемъ окна церкви были заколочены досками и завѣшены, чтобы свѣтъ въ церкви не привлекъ чьего-либо вниманія. Пѣлъ тихо одинъ лишь пѣвчій патриарха²⁾. Кромѣ патриарха, какъ два другихъ епископа, принимали участіе въ посвященіи извѣстный намъ митр. Неофитъ, издавна проживавшій въ Кіевѣ, и епископъ Авраамій, пріѣхавшій съ Теофаномъ.

Потомъ, выѣхавъ въ концѣ года изъ Кіева, подъ охраною козацкаго полка и самого Сагайдачнаго, въ сопровожденіи духовенства, шляхты и другихъ лицъ, патриархъ въ разныхъ мѣстахъ своего пути посвятилъ еще трехъ владыкъ. Въ Терехтемировѣ посвятилъ онъ мѣстнаго игумена Іезокиля Курцовича во владимирскіе епископы (на эту кафедру предназначался виленскій игумень Леонтій Карповичъ, но онъ захворалъ и умеръ въ это время). Въ Бѣлой-Церкви посвященъ былъ игумень чернычскаго монастыря Исаакій Борисковичъ въ луцкіе епископы. Наконецъ, заѣхавъ въ имѣніе кн. Стеф. Четвертинскаго, м. Животовъ, въ Брацлавскомъ воеводствѣ, въ первыхъ числахъ февраля с.с., патриархъ посвятилъ здѣсь еще мелєцкаго игумена Пансія Ипполитовича въ холмскіе епископы³⁾. Производились ли эти посвя-

полита въ Бѣлой Церкви, *posłyszawszy o niebezpiecznym obrocie wojny w Wołoszech*, не противорѣчатъ данному въ текстѣ толкованію, такъ какъ несчастный оборотъ война приняла еще за три недѣли до послѣдней катастрофы, и дѣйствительно, первыи посвященія могли происходить по возвращеніи патриарха, передъ ценорскою катастрофою.

¹⁾ Густинскій лѣтописецъ говоритъ, что Копинскаго посвятили 6 окт., а Борєцкаго въ „в недѣлю по немъ“ 9 окт. с. ст. и черезъ восемь недѣль Смотрицкаго (с. 14); эти даты обычно принимаются. Но Смотрицкій, какъ мы видѣли, рѣшительно заявляетъ, что посвященія эти состоялись передъ молдавскою катастрофою, закончившейся 7 окт. и. ст., а Борєцкій въ протестанціи пишетъ, что патриархъ послѣ посвященія пробылъ на Украйнѣ почти еще полгода. Приходится думать, что посвященія состоялись раньше, но возможно, что разница здѣсь не велика.

²⁾ Лѣтоп. Густин. мон. 14; *Eranothosis* Саковича с. 33 (выдержка въ книгѣ Голубева П. Могила I с. 259); Ляосъ с. 101 (Архивъ Ю. З. Р. I. X.).

³⁾ Лѣтоп. Густин. мон. с. 15—17. Грамота Борисковичу съ датой 30 янв. въ Моск. архивѣ иностранныхъ дѣлъ (у Маварія XI с. 263). Вновь изданная животовская записъ (Пол. собр. лѣтоп. II², с. XIII) даетъ болѣе точную дату пребыванія патриарха въ Животовѣ, 3—5 февраля с.с.

щенія въ дорогѣ для сохраненія тайны, такъ какъ дѣло нача-
ло уже принимать широкую огласку, или кандидаты, не успѣвъ
во-время въ Киевъ, догнали патриарха уже въ дорогѣ, трудно
сказать.

Въ концѣ концовъ были посвящены митрополитъ и пять
епископовъ, шестой же пріѣзжій епископъ Авраамій назначенъ
былъ пинскимъ владыкою. Такимъ образомъ православный епископатъ
Украины и Бѣлоруси былъ обновленъ во всемъ составѣ.

Но теперь возникалъ гораздо болѣе сложный вопросъ—какъ
добиться у правительства признанія и легализаціи этой іерархіи,
поставленной самовольно, съ нарушеніемъ вѣками освященнаго
королевскаго „права подаванія“ православныхъ бенефицій. За-
труднительное положеніе польскаго правительства подавало на это
надежды, и даже возможно, что съ правительственной стороны
были даны нѣкоторыя основанія для этихъ надеждъ. Но отсюда
до формальной легализаціи было еще далеко.

Польскіе правительственные круги прожили весь 1620 г.
въ большой тревогѣ, все возрастающей на протяженіи цѣлаго
года. Сверхъ ожиданія, соглашеніе достигнутое въ прошломъ
году съ Турками, оказалось не только не прочнымъ, а наоборотъ—
стало предлюдіемъ къ грознымъ планамъ полнаго завоеванія Польши,
принятыхъ въ султанскихъ кругахъ. Ближайшимъ поводомъ къ
разрыву послужилъ фактъ, что во время войны трансильванскаго
воеводы Бетленъ-Габора, члена протестантской лиги, съ гла-
вою католической партіи, имп. Фердинандомъ польское правитель-
ство поддерживало своего союзника Фердинанда, и польскія свое-
вольныя банды т. наз. Лисовчиковъ напали осенью (1619) на
Венгрію и разбили войско Габора. Бетленъ-Габоръ былъ турец-
кій вассаль, стоялъ подъ особымъ покровительствомъ Порты и
это полуофициальное участіе Польши въ его разгромѣ записано
было въ турецкихъ сферахъ въ счетъ Польши. Къ этому Искан-
деръ-наша присоединялъ еще слухи о планахъ козаковъ пред-
принять грандіозный морской походъ на турецкія земли.

Подъ вліяніемъ всего этого уже къ веснѣ 1620 г. въ ту-
рецкихъ кругахъ была рѣшена и объявлена война съ Польшею.
Султанъ рѣшилъ самолично двинуться въ походъ зимою, чтобы
съ весною ударить на Польшу и завоевать ее, а пока—выслать
Искандеръ-нашу въ Молдавію, чтобы свергнуть воеводу Градіана,
скомпрометировавшаго себя въ глазахъ турецкаго правительства

въ качествѣ союзника Польши. Всѣ представленія польскаго посла въ Константинополь нисколько не помогали, съ нимъ обращались съ полнымъ пренебреженіемъ.

Единственно, что могло бы, по мнѣнію визира, предотвратить войну—это, если бы польское правительство разрушило пограничные украинскія города и въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ уничтожило козаковъ. Впрочемъ турецкое правительство, не полагаясь на увѣренія Поляковъ, само рѣшило обезпечить себя отъ козацкихъ нападений и еще въ мартѣ отправило пашу на устье Днѣпра съ порученіемъ выстроить тамъ замки противъ козаковъ¹⁾. Когда же, не взирая на всѣ принятія мѣры въ іюль этого же года своевольные козаки дѣйствительно двинулись на море, дѣло было рѣшено безповоротно: польскій посолъ поспѣшилъ бѣжать изъ Константинополя²⁾. Козаки проникли въ окрестности Стамбула и грабили ихъ съ неслыханною отвагою, а страхъ передъ ними былъ настолько великъ, что приходилось палками согнать турецкихъ матросовъ на тѣ нѣсколько галеръ, какія снарядили, чтобы выслать противъ козаковъ³⁾. Конечно, въ такихъ условіяхъ эта импровизирован-

¹⁾ Депеши французскаго посла де-Сези въ *Historica Russiae monumenta* II с. 412.

²⁾ Третьякъ, разбирая въ своей монографіи о хотинской войнѣ козако-польскія отношенія 1620 г. (с. 29—34), не совсѣмъ вѣрно освѣщаетъ ихъ. Прежде всего онъ думаетъ, что въ 1620 г. было два козацкихъ похода на море, одинъ—весною, другой въ іюль; но весенній походъ явился у него лишь по недоразумѣнію: письмо Жолкевскаго отъ 30 іюня, на основаніи котораго онъ констатируетъ походъ, говоритъ о прежнихъ походахъ на море, за которые козаки должны были понести наказаніе по постановленію комиссіи 1619 г. Іюльскій козацкій походъ Третьякъ объясняетъ тѣмъ, что козаки, въ виду объявленной Турками войны считали такой походъ на Турокъ дозволеннымъ и не предполагали нарушать этимъ постановленій комиссіи (ор. с. с. 29). Но намъ извѣстно, что это было дѣломъ козаковъ своевольныхъ, не хотѣвшихъ знать комиссіи и рѣшившихъ походъ заранѣе. Соображенія о томъ, что Жолкевскій самъ не зналъ, желать ли ему морскихъ козацкихъ походовъ или нѣтъ, также не находятъ себѣ никакой опоры въ письмахъ Жолкевскаго, на которыхъ Третьякъ основывается.

³⁾ *Les Cosaques sont à toute heure près d'ici sur la mer Noire, ou ils font des prises incroyables veu leur faiblesse et sont en telle reputation, qu'il faut des coups de baston pour faire résoudre les soldats turcs à aller à la guerre contre eux sur quelques galées que le Grand-Seign y envoie avec la grande peine*—Депеши де-Сези с. 412.

ная эскадра не могла несколько сдержать козаковъ, и послѣдніе, разоривъ окрестности Царьграда, отправились въ другіе края. Взяли и сожгли до основанія Варну, гдѣ было не менѣе 15 тыс. населенія. Бушевали свободно по всему побережью, какъ доносилъ французскій посолъ¹⁾.

Война была рѣшена. Съ началомъ лѣта Искандеръ-паша съ огромными силами двинулся на Молдавію; одновременно изъ Крыма выступила Орда, а Бетленъ-Габоръ выслалъ свое войско. Воевода Граціанъ умолялъ Польшу о помощи. Но Жолковскій располагалъ очень небольшимъ войскомъ—всего около 5 тыс.; отъ козаковъ тоже не могъ ожидать сколько-нибудь значительной помощи. Однако рѣшилъ на этотъ разъ оставить оборонительную тактику, какой благоразумно держался во время предшествовавшихъ кампаній, а перенести войну въ Молдавію. Онъ рассчитывалъ, что на молдавской территоріи Поляки будутъ имѣть поддержку со стороны Граціана, а давъ возможность Туркамъ уничтожить его, должны будутъ принять все удары на себя.

Но еще больше чѣмъ холоднаго расчета было здѣсь нервовъ: старый гетманъ, наслушавшись нареканій и подозрѣній за свою пассивность въ предшествующія кампаніи, на этотъ разъ хотѣлъ закрыть ротъ своимъ критикамъ, и рѣшился рискнуть послѣднимъ. Въ своемъ письмѣ королю, выступая въ походъ, онъ высказалъ еще разъ свое глубокое убѣжденіе, что съ турецко-татарскими силами возможна только наступательная открытая борьба: напоминать подобныя планы Баторія и указывать, что выполнить эти планы теперь, имѣя большую козацкую силу легче, чѣмъ при Баторіи, когда козаковъ „не было и сотой части“²⁾.

Но въ этомъ козацкомъ вопросѣ шефъ польскихъ военныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—офіціальный начальникъ козацкаго войска никогда не умѣлъ разобраться. Кровавая солоницкая рѣзня, полная безпощаднаго звѣрства и коварства, легла между нимъ и козачествомъ непроходимую пропасть на все послѣдующіе годы. Козаки не вѣрили Жолковскому, какъ онъ самъ признавался³⁾; для него они оставались „озвѣрѣвшимъ холопствомъ“, „сволочью“⁴⁾, „разбойниками“ (его любимое выраженіе о козакахъ). Единственнымъ раз-

¹⁾ Cependant les Cosaques avec les 150 barques ravagent toute la mer Noire—I. c. c. 412. ²⁾ Pisma c. 377.

³⁾ Жерела VIII с. № 125.

⁴⁾ Chłopotstwo zbestwione, sentyna—Жерела VIII с. 138, Pisma c. 285.

рѣшеніемъ козацкаго вопроса онъ считалъ—уничтожать ихъ, рубить, топить въ потокахъ крови, какъ писалъ воеводѣ Граціану¹⁾. Между тѣмъ самъ отлично зналъ, насколько трудною стала всякая вооруженная расправа съ козаками. При всякихъ военно-политическихъ выкладкахъ ему приходилось рассчитывать на участіе и помощь козаковъ; какъ государственному человеку ему нужно было въ виду этого думать объ установленіи *modus vivendi* съ козачествомъ. Но его козацкая политика оставалась политикою нервовъ шляхтича, который инстинктивно чувствовалъ, „что это холоцтво по природѣ своей народу шляхетскому непріязнено“, какъ писалъ онъ кievской шляхтѣ. Въ отношеніяхъ къ козачеству онъ зналъ одно лишь—не спускать, ничего не позволить, пока можно было страхомъ оружія сдерживать ихъ. И жертвою этой ведальновидной политики, которая въ концѣ концовъ погубила Рѣчь Посполитую, теперь суждено было пасть ему самому прежде всего.

Жолкевскій зналъ о расколѣ, происшедшемъ въ козачествѣ, зналъ и о намѣреніяхъ своевольниковъ. Политическій расчетъ указывалъ на необходимость сближенія съ партіей Сагайдачнаго, „которая держится прошлогоднихъ постановленій, установленныхъ комиссарами его кор. мил.“,—поддержать ее всѣми силами противъ своевольниковъ и расположить къ себѣ всякими возможными уступками. Безусловно, Сагайдачный настолько еще имѣлъ значенія на Украинѣ, что могъ съ своей стороны доставить очень значительные контингенты для турецкой войны. Но Жолкевскій безпомощно стоялъ передъ этимъ козацкимъ расколомъ, передъ козацкимъ своевольствомъ и не дѣлалъ никакихъ серьезныхъ попытокъ, чтобы привлечь козачество къ себѣ. „Что касается козаковъ, не знаю, какой оборотъ примутъ у нихъ отношенія: если возьметъ верхъ та сторона, которая держится прошлогоднихъ постановленій, принятыхъ комиссарами вашей кор. милости,—нужно имѣть наготовѣ, что имъ обѣщано дать“, писалъ онъ въ письмѣ къ королю отъ 30 іюня. Правда развивая тамъ же планъ христіанской лиги противъ Турокъ и наступательной войны съ ними, онъ обращалъ вниманіе короля на то, что еслибы Рѣчь Посполитая приняла этотъ планъ, то нужно оставить мысль о наказаніи виновныхъ въ прежнихъ морскихъ походахъ и привлечь козаковъ, давъ имъ „чего они хотятъ, чтобы Туркамъ причини-

¹⁾ См. выше с 86.

ли побольше потерь и жестокостей“¹⁾). Но это былъ планъ, далекий отъ осуществленія: видѣть его принятымъ не надѣялся, навѣрное, и самъ Жолкевскій. А пока онъ представлялъ козацкимъ отношеніямъ складываться самостоятельно, какъ имъ Богъ дастъ, быть можетъ не безъ той задушевной мысли, какую искренно высказывали шляхетскіе политики 20 лѣтъ тому назадъ: „лучше, если они между собой будутъ грызться“.

Въ іюль, когда проходилъ срокъ выплаты козацкаго жалованья, Жолкевскій съ короннымъ подскарбіемъ послали къ козакамъ своихъ агентовъ съ запросомъ, будутъ ли они держаться постановленій комиссіи—въ такомъ случаѣ имъ будетъ выдано жалованіе. Эти агенты были посланы, очевидно, на Запорожье, къ козакамъ своевольнымъ, и самъ Жолкевскій, конечно, понималъ, что никакою платою не удержишь ихъ отъ своевольствъ и отъ похода на море, для котораго, какъ доносили Жолкевскому, они снарядили уже двѣсти лодокъ²⁾). Съ этой стороны дѣло стояло безнадежно. Но и съ Сагайдачнымъ сблизиться Жолкевскій не старался, хотя тотъ, съ своей стороны, самъ дѣлалъ первые шаги, разославъ какой-то универсалъ, въ которомъ предостерегалъ населеніе отъ турецко-татарскаго похода... Наоборотъ, какъ разъ въ это время Жолкевскій раздумывалъ надъ тѣмъ, какъ ему поймать въ свои руки патріарха, выманивъ изъ козацкой территоріи, „чтобы не произошло большихъ волненій среди козаковъ“. Въ результатѣ и партія Сагайдачнаго осталась въ стороне, и если даже считать „козаковъ наемныхъ“, значащихся въ войскѣ Жолкевскаго³⁾, за козацкій полкъ, посланный въ помощь Жолкевскому Сагайдачнымъ согласно съ его лояльной политикой, то этотъ маленький отрядъ (1600) являлся скорѣе пропойей, чѣмъ дѣйствительнымъ содѣйствіемъ.

¹⁾ Письмо приведено въ статьѣ Лиске, прил. V.

²⁾ Listy № 111.

³⁾ Среди контингентовъ Жолкевскаго значатся: Ukraińcow z p. Chmielewskim (sic) 800, z Tyskiewiczem 400, barskich 300, kozaków pieniężnych 1600 (Wojcicki Biblioteka starożyt. pisarzów IV с. 207) это единственный слѣдъ козацкаго участія въ экспедиціи—на основаніи его говорится объ участіи Запорожцевъ въ кампаніи 1620 г. болѣе или менѣе рѣшительно (напр. у Третьяка с. 31). Позднѣйшіе рассказы объ участіи въ Хотинской войнѣ Хмельницкаго отца въ качествѣ козацкаго сотника, являются легендою (о ней буду имѣть случай говорить при разборѣ другихъ легендъ о Хмельницкомъ).

Грушевскій, Козачество, т. III.

Для Сагайдачнаго не было интереса навязываться польскому правительству: въ данный моментъ ему было нужно, чтобы польское правительство просило его и онъ могъ продиктовать ему козацкія требованія (особенно въ церковномъ вопросѣ). И въ этотъ моментъ, когда Жолкевскій двигался на Молдавію, въ пасть турецкаго льва, Сагайдачный со своею партіею занимался возстановленіемъ іерархіи, увѣренный, что рано или поздно Рѣчь Посполитая всетаки обратится къ нему за помощью, и тогда настанетъ время продиктовать ей кое-что.

Жолкевскій въ первыхъ числахъ сентября н. с. перешелъ Днѣстръ и двинулся со своимъ войскомъ въ глубь Молдавіи, подѣ Иссы, чтобы соединиться съ войскомъ господаря¹⁾. Не появленіе такого небольшого польскаго войска вызвало лишь панику среди Молдаванъ; они теперь сочли дѣло окончательно проиграннымъ и начали покидать господаря и переходить къ Туркамъ. Градіанъ, увидѣвъ это, хотѣлъ бѣжать въ Польшу съ чѣмъ попало, и только Жолкевскій удержалъ его. Но когда вмѣсто ожидаемаго молдавскаго войска присоединилась къ нему лишь

¹⁾ Исторія турецкихъ войнъ 1620 и 1621 г. разработана главнымъ образомъ въ польской историографіи; перечисляю только важнѣйшую литературу: X. Liske *Der türkisch-polnische Feldzug im Jahre 1620* (*Archiv für österr. Geschichte* XLI) и его же: *Stanisława Zółkiewskiego księska i zgon na polach Cecorskich* (*Tygodn. literacki* 1869, т. 1—16), съ собраніемъ документовъ изъ библиот. Рачинскихъ. *Szujski Cecora i Chocim* (*Przeegl. polski* 1871, I и затѣмъ въ *Dziela-xъ seria II т. VI*). *Górski O wyprawie i księsce cecorskiej* (*Bibl. Warsz.* 1866 III). *Darowski Wojna Chocimska, 1622*. *Tretiak Historia wojny chocimskiej 1620* (старательно и научно написанная книга). Кроме этого: *Kondratowicz Samuel Korecki, 1858*. *Bartoszewicz Stanislaw Koniecpolski* (*Tygodn. ilustr.* 1863). *Chometowski Książę Krzysztof Zbaraski koniuszy koronny* (*Bibl. Warsz.* 1865). Богатая литература мемуаровъ для Хотинской войны собрана отчасти въ сборникѣ Ж. Паули *Pamiętniki o wyprawie chocimskiej, 1622*. Одинъ дневникъ въ *Starożytnosci Грабовскаго I*, одинъ въ добавленіяхъ у Третяка. Кроме того, *J. Собѣскаго Commentarium Clotiniensis belli libri tres, 1646* (это роскошное современное изданіе не было повторено, и въ литературѣ пользуются чаще его переводами—польскимъ въ сборникѣ *Dziejopisowie krajowi* 1854, или русскимъ въ II кн. Мемуаровъ Мельникъ—Антоновичъ, но переводы эти довольно свободны, ср. рецензію въ *Запискахъ Львов. т. XXIV*). *Petrici Rerum in Polonia ac praecipue belli cum Osmano gesti historia, 1637*. *W. Potocki* (подъ псевд. А. Липскаго) *Wojna Chocimska* (1850). Прочая менѣе значительная литература указана у Третяка.

небольшая свита Граціана, стало дѣйствительно ясно, что дѣло проиграно: переходъ за Днѣстръ былъ роковою ошибкою, и Жолкевскому нужно было какъ можно скорѣе возвращаться назадъ. Однако гордость стараго бойца была плохимъ совѣтникомъ; Жолкевскій не хотѣлъ возвращаться, расположился лагеремъ подъ Ясами, на Цсдорскихъ поляхъ и сталъ ожидать Турокъ.

Во второй половинѣ сентября (п. ст.) подошелъ Искандеръ-паша съ крымскою ордою и съ Ногайскими Татарами мурзы Кантемира; Жолкевскій исчислялъ это войско въ 60 тыс., другіе насчитывали больше. Двѣ битвы, данныя имъ, прошли не особенно удачно для польскаго войска и въ ночь послѣ второй битвы въ лагерѣ началась паника. Граціанъ обратился въ бѣгство; многіе изъ польскаго войска тоже. Послѣ этого Жолкевскій не считалъ возможнымъ держаться и началъ отступление съ оружіемъ въ рукахъ. Такимъ образомъ ему удалось дойти до Днѣстра, но въ ночь передъ послѣднимъ переходомъ, въ двухъ миляхъ отъ Могилева, снова повторилось бѣгство въ его лагерѣ. На этотъ разъ гетманы уже ничего не могли поцѣловать и турецко-татарское войско, ударивъ на Поляковъ, безъ труда разсѣяло ихъ остатки (7 октября п. с.). Жолкевскій остался на полѣ битвы, польскій гетманъ Конецпольскій и цѣлый рядъ другихъ видныхъ лицъ попали въ плѣнъ. Немного больше тысячи человекъ успѣло спастись. Польша осталась безъ войска и вождей, и большимъ счастьемъ было для нея, что только Татары распустили свои загоны по Подольскимъ и Волынскимъ землямъ и Галиціи. Турецкое войско не перешло черезъ Днѣстръ—хотя въ этомъ переполохѣ могло бы взять безъ труда все, что хотѣло.

Но это еще не былъ конецъ. Походъ Искандеръ-паша былъ лишь развѣдкою, а главный походъ, подъ предводительствомъ самого султана, долженъ былъ начаться послѣ этого. Сейму, созванному еще до катастрофы, въ началѣ ноября п. с., правительство поручало не заниматься ничѣмъ инымъ, какъ только изысканіемъ способовъ защиты. Посольская палата, правда, не разъ обращалась къ вопросу, какия собственно причины вызвали войну, и кто виноватъ въ ней; но эти вопросы были неприятны правительству, которое своею австрофильскою политикою не мало провинилось въ этомъ инцидентѣ, и оно рекомендовало лучше думать о мѣрахъ обороны. Посольская палата приняла въ восемь разъ увеличенный налогъ—вещь неслыханную; но то, что можна было сдѣлать съ этими кредитами, было не Богъ знаетъ

что—можно было нанять около тридцати пяти тысяч войска на одинъ годъ. Рѣшено было обратиться къ „христіанскимъ государямъ“ Европы, чтобы привлечь ихъ къ участию въ борьбѣ съ Турками.

Но люди хотя бы немного освѣдомленные въ европейской политикѣ могли напередъ предугадать, что изъ этихъ посольствъ и предложеній ничего не выйдетъ. Близкайшій союзникъ, апостолическій императоръ, занимался христіаннѣйшею борьбою съ протестантами и ни за что не хотѣлъ нарушать перемирія съ императоромъ „языческимъ“, и въ результатѣ мысли всѣхъ сами собою обращались къ „прирожденному“ врагу магометанскаго міра—козачеству.

Молдавскую катастрофу считали слѣдствіемъ пренебреженія козацкой помощью. Современный украинскій лѣтописецъ записываетъ ходившую въ то время поговорку: „канцлѣра Жолковскаго у Волосѣхъ забито и Корецкого взято, бо безъ козаковъ войну почаль, мовилъ такъ: не хочу и зъ Гривцями воевати, нехай идуть до ролѣ або свинѣ пасти“¹⁾. Подобное говорилось, вѣроятно, не въ однихъ лишь украинскыхъ кругахъ. И среди Поляковъ не было недостатка въ политикахъ, которые готовы были даже во главу угла положить вопросъ объ участіи козачества въ защитѣ Польши. Имѣется довольно популярная записка о мѣрахъ защиты Рѣчи Посполитой отъ Турокъ и Татаръ, относящаяся къ этому времени²⁾, она придаетъ особое значеніе участию козацкаго войска, какъ въ виду его количества такъ и „имени ихъ, у басурманъ весьма славнаго и уважаемаго“. Главнымъ средствомъ для привлеченія козаковъ авторъ считаетъ „успокоеніе религіи“, а за посредничествомъ совѣтуетъ обратиться къ патриарху (Феофану), — пробовать даже подкупить его; на освобождающуюся тогда луцкую кафедру рекомендуетъ поставить православнымъ владыку, какого они пожелаютъ; увеличить жалованье козакамъ; „старшаго и порядковъ ихъ не трогать“; раздать имѣнія и старства вліятельнѣйшимъ козацкимъ старшинамъ, „но сдѣлать это умѣло“; для переговоровъ съ козацкимъ войскомъ послать „не коморника или дворянина, а сенатора, на котораго могли бы они положиться“.

Несомнѣнно, въ подобныхъ соображеніяхъ не было недостатка.

¹⁾ Рус. истор. сборникъ III с. 237. ²⁾ Жерела VIII № 142.

и на сеймѣ. Проектъ организаціи обороны, внесенный въ началѣ сейма (открытаго 3 ноября н. с.) и очень энергично поддерживаемый посольскою палатою, настаивалъ особенно на принятіи въ государственную службу 20 тысячъ козаковъ, съ платою 100 тыс. злотыхъ въ годъ. Это было дешево и сердито, такъ какъ регулярнаго войска на эти 100 тыс. злотыхъ нельзя было бы имѣть и тысячи челоуѣкъ. Сенатъ пояснилъ посольской палатѣ, что король еще до сейма послалъ своего агента къ козакамъ, „чтобы съ ними обо всемъ условиться“, а теперь предполагаетъ отправить еще нарочнаго гонца ¹⁾). Для того чтобы склонить козаковъ къ службѣ Польши, считали весьма желательнымъ посредничество патріарха. Мысль эта была принята королемъ еще въ началѣ сейма, и отъ 10 ноября н. с. имѣется королевское письмо, отправленное патр. Теофану съ дворяниномъ Варт. Обалковскимъ. Король просилъ патріарха повліять на Запорожское войско, чтобы оно исполнило королевскій приказъ и приняло участіе въ войнѣ съ Турками; подробнѣе по этому вопросу долженъ былъ переговорить съ патріархомъ Обалковскій ²⁾). О содержаніи этихъ устныхъ переговоровъ нѣкоторое представленіе можетъ дать грамота патріарха къ козакамъ, явившаяся результатомъ переговоровъ, и въ такой же мѣрѣ предназначавшаяся для козаковъ, какъ и для польскаго правительства, желанія котораго патріархъ исполнялъ этой грамотой.

Въ этомъ письмѣ (на слѣдующій день послѣ посвященія Курцевича въ Терехтемировѣ) патріархъ убѣждалъ козаковъ явиться со своими силами на службу Рѣчи Посполитой, такъ какъ этимъ они пріобрѣтутъ милость королевскую, славу войску своему, молитвы патріарха для себя и всего войска, послужать своему отечеству и т. д., и наконецъ—„и то тоже вашею искреннею и выдающеюся услугою отъ найяснѣйшаго короля и господина вашего достигнете, что обновленную нами въ св. церкви украинской іерархію: митрополита и епископовъ, нами посвященныхъ на мѣсто отпавшихъ отъ св. апостольскаго константинопольскаго престола, онъ подтвердитъ и обезпечитъ своимъ королевскимъ разрѣшеніемъ и грамотами—этого усердно-усердно должны вы

¹⁾ Выдержки изъ дневника сейма, изъ вилянковской бібліотеки, у Жудовича I. с.

²⁾ Грамота издана въ *Verificatia niewinności*, изд. 2 л. 28, и въ старинномъ украин. переводѣ—изъ кіевскихъ записокъ въ Сборникѣ Мѣтоп. Юж. и Зап. Рос. с. 87.

добиваться у найясн. короля, господина вашего, вашими усердными прошениями“¹⁾):

Несомненно, что свое убѣжденіе относительно предстоящаго подтвержденія королемъ вновь поставленной іерархіи за козацкую службу патріархъ высказывалъ на основаніи своихъ переговоровъ съ Обалковскимъ. Король, очевидно, поручилъ своему посланцу подать всяческую надежду на исполненіе тѣхъ требованій, какія будутъ выставлены патріархомъ и козаками. Въ этомъ убѣжденіи ихъ должны были поддержать также и письма разныхъ сенаторовъ, даже духовныхъ: имѣется письмо отъ браковскаго епископа къ патріарху, посланное съ того же сейма и подобнаго же содержанія какъ королевское²⁾.

Но внушая такіа надежды, даже увѣренность въ исполненіи главнаго требованія православныхъ, и король и католическіе круги не хотѣли, однако, дать какихъ-либо надежныхъ гарантій по этому вопросу. Старанія въ этомъ направленіи, предпріятыя на сеймѣ со стороны православныхъ, остались безуспѣшными, несмотря на всю настойчивость, съ которою они подчеркивали связь этого религіознаго вопроса съ вопросами обороны. По словамъ сеймового дневника, въ такомъ духѣ говорили кievскіе послы, выставляя „успокоеніе греческой религіи“ условіемъ своего участія въ оборонѣ, иначе грозили волненіями и возстаніями. Въ такомъ же духѣ держалъ свою знаменитую рѣчь волинскій депутатъ Лаврентій Древинскій³⁾.

¹⁾ Грамота была написана по-гречески, имѣется въ переводахъ—украинскомъ (неполномъ) въ тѣхъ же кievскихъ запискахъ, въ Сборникѣ лѣтоп. Юж. и Зап. Рос. с. 89, и въ польскомъ—*Verificatia niewinności*, изд. 2.

²⁾ *Verificatia niewinności*, изд. 2.

³⁾ Пустилъ ее въ обращеніе Бантышъ Каменскій *сеціог* въ своей книгѣ Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи (1795, въ изд. 1864 г. с. 66) въ русскомъ переводѣ, съ ссылкой на „записную книгу кiev. митр. П. Могилы“. До послѣдняго времени это былъ единственный извѣстный текстъ; за исключеніемъ нѣкоторыхъ ошибокъ или неточностей перевода, содержаніе его не возбуждало подозрѣній, и исследователи, какъ съ православной стороны, кончая м. Макаріемъ (XI с. 257) и Жуковичемъ (III с. 72), такъ и съ католической, до Третьяка (ор. с. 55) и Ликовскаго (изд. 1907 г. с. 207) включительно, принимали эту рѣчь за подлинную. Дѣйствительно, поддѣланной въ такомъ видѣ она не могла быть, и содержаніе рѣчей волинскихъ депутатовъ, приведенное сеймовымъ дневникомъ, вполне соотвѣтствуетъ содержанію

Онъ указывалъ королю и посольской палатѣ, что въ предстоящей войнѣ Польша будетъ оперировать православными силами, а между тѣмъ православнымъ нѣтъ никакого смысла жертвовать собою въ интересахъ государства, которое трактуетъ ихъ такъ непріязненно: „Въ этой войнѣ противъ главнаго врага креста святого, смѣло могу сказать, ваша кор. милость едва ли не большую часть контингента будетъ требовать отъ народа нашего русскаго, а народъ этотъ, если и впредь не будетъ удовлетворенъ въ своихъ требованіяхъ и прошніяхъ, какъ можетъ защищать, вмѣсто окоповъ, грудьми своими государство ваше? Какъ можно прилагать стараніе къ спокойствію отъ сосѣдей, не имѣя внутренняго спокойствія у себя дома? съ какимъ сердцемъ, съ какимъ чувствомъ, будетъ онъ гасить своею кровью зажженные пылающія стѣны своего отечества, не видя уташаемымъ внутренняго огня пылающихъ стѣнъ домашнихъ? Кто же, о Боже живой, не видитъ этого своими глазами, какія великія тяготы, притѣсненія и невозможныя обиды терпитъ этотъ исконный народъ русскій?

И ораторъ сильно, въ чрезвычайно рѣзкихъ чертахъ рисуетъ картину униженія русской вѣры и православнаго населенія:

„Начиная отъ Кракова въ Коронѣ какъ умножается слава божія съ помощью этой вновь выдуманной уніи? Уже по большимъ городамъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя разорены, по монастырямъ скотину вмѣсто монаховъ запираютъ. Перейдемъ въ в. кн. Литовское—тамъ творится тоже самое, даже въ городахъ пограничныхъ съ московскимъ государствомъ¹⁾. Въ Могилевѣ и Оршѣ церкви запечатаны, священники разогнаны²⁾. Въ Пинскѣ то же самое; монастырь Лещинскій обращенъ въ корчму. Благодаря этому дѣти умираютъ некрещенными, тѣла мертвыхъ вывозятся изъ городовъ безъ церковнаго обряда, какъ падаль; люди безъ браковъ живутъ въ нечистотѣ, не исповѣдываясь, не

рѣчи Древинскаго въ этомъ текстѣ. Теперь, когда въ нашсмъ распоряженіи имѣется еще болѣе надежный оригинальный польскій текстъ, въ сборникѣ печерской лавры (прил. № 20, по описанію проф. Петрова № 74 л. 90), подлинность этой рѣчи стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній.

¹⁾ Московская пограничная область указана тутъ съ умысломъ, въ виду давняго употребленія, какое московская политика дѣлала изъ вопроса о положеніи православныхъ въ польско-литовскомъ государствѣ—ср. въ т. VI ст. 596.

²⁾ Это были эпизоды борьбы полоцкаго униатскаго владыки Курцевича съ православными.

причащаясь расстаются съ жизнью. Развѣ это не обида самому Богу? развѣ не будетъ Богъ мстить за это?..

„Перейдемъ къ другимъ неправдамъ и притѣсненіямъ неслыханнымъ. Развѣ не обида нашему русскому народу то, что, не говоря о другихъ городахъ, дѣлается во Львовѣ? Кто греческаго закона, не уніатъ, тотъ не можетъ жить въ городѣ, торговать на локти и кварталы, и въ цехи не можетъ быть принятъ ¹⁾. Если кто умретъ, живя въ городѣ, его мертвое тѣло нельзя провести черезъ городъ съ церковною церемоніей и къ больному съ тайнами господними итти не не допускаютъ. А въ Вильнѣ развѣ это не притѣсненія? слыханное ли дѣло? Если мертвое тѣло изъ-подъ замка хотятъ провести черезъ замковыя ворота (черезъ которыя ходятъ и ѣздятъ всѣ, даже Евреи и Татары), то эти ворота запираютъ, такъ что православные должны мертвеца своего выносить черезъ другія ворота, черезъ которыя только городскіе отбросы вывозятъ. Даже воды не могутъ добиться (православные) и большую въ томъ видятъ неправду; какой нибудь избенкѣ позволяютъ имѣть трубу съ водой, а на такую большую усадьбу, на столько построекъ, одной трубы не даютъ, хоть знаютъ, что была прежде, и теперь есть слѣды. Монаховъ, которые къ уніи не пристаи, въ Новгородкѣ и другихъ городахъ уніаты грабятъ, бьютъ на публичной дорогѣ и сажаютъ въ тюрьму. Въ городской совѣтъ людей способныхъ и ученыхъ, потому только что уніи не держатся, не допускаютъ, а замѣщаютъ мѣста въ поруганье русскому мѣщанству—хлопами простыми (такъ что иной не умѣетъ даже опредѣлить, что такое справедливость). Денежныя штрафы тянутъ съ невинныхъ безъ справедливой причины. Однимъ словомъ—давно уже огромныя, неслыханныя неправды терпитъ Народъ нашъ русскій какъ въ Коронѣ, такъ и въ в. кн. аитовскомъ.

„А эти неправды и это внутреннее междоусобіе“,—заявляетъ затѣмъ ораторъ, выражая шляхетскіе взгляды своего сословія ²⁾, „не отъ чего другого происходятъ, какъ отъ того, что ваша кор. мил. вопреки справедливости, вопреки праву и вольностямъ шляхетскимъ на престолы епископскіе и на прочія духовныя должности назначаетъ людей, не обращая вниманіе

¹⁾ Объ этихъ львовскихъ ограниченіяхъ см. т. V с. 240 и сл.

²⁾ Съ этой точки зрѣнія его выводы вовсе не такъ странны, какими находятъ ихъ проф. Жуковичъ (III с. 73).

на ихъ происхожденіе. Кто не знаетъ того, что нынѣшній— какъ онъ себя называетъ—архіепископъ полоцкій родомъ изъ Владимира, сынъ Кунца сапожника, и передѣлавъ изъ того шляхетскую фамилію, называетъ себя Куницевичемъ. Кто не видитъ этого собственными глазами, что нынѣшній перемышльскій владыка, по прозванію Шишка ¹⁾, сынъ свинопаса, и родной братъ его отца и теперь сидитъ на волокъ въ Хлопушахъ крѣпостнымъ кіевскаго воеводы? Кто не знаетъ, что владимирскій владыка ²⁾ сынъ львовской мѣщанки Стецковой Маримушиной, который родился черезъ полтора года послѣ смерти Стецка, а нѣкій Михайловскій и Никопольскій отдали его въ ученіе? Кому неизвѣстно—свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ—что владыка холмскій сынъ виленскаго кунца, по прозванію Павость ³⁾, укравшій у одного виленскаго бурмистра кармазинъ, такъ что еслибъ не спасъ его монашескій клобукъ, давно бы пошелъ на висѣлицу ⁴⁾. Кто не знаетъ и того, что, нынѣшній владыка пинскій родомъ изъ мѣстечка Заблудова? Только и пользы вашей кор. милости отъ уніи, что за двадцать лѣтъ искусственнаго подерживанія этой уніи не могутъ уніаты предложить прирожденныхъ шляхтичей, которые были бы достойны засѣдать на этихъ высокихъ должностяхъ. Вотъ и теперь дали намъ въ Луцкъ, вопреки нашимъ правамъ и вольностямъ, Почаповскаго—его шляхетскаго происхожденія не отрицаемъ, но что касается лѣтъ, то онъ не только такой должности не достоинъ, но и діаконской, не то что священнической потому и отцомъ его называть не можемъ, такъ какъ имѣть ему еще и двадцати лѣтъ“.

¹⁾ Съ этимъ Шишкою не все въ порядкѣ; не говори уже, что Хлопецкій-Шишка былъ шляхтичемъ, а не крѣпостнымъ (вообще и въ другихъ подробностяхъ, рассказанныхъ Древинскимъ, многое нужно принимать cum grano salis), остается сомнительнымъ, былъ ли даже еще живъ этотъ Шишка осенью 1620 г. Добрянскій (Исторія епископовъ еп. Перемышльской, с. 26), опираясь на рукописной хроникѣ перемышльской капитулы, думаетъ что онъ умеръ гораздо раньше 1620 г., приблизительно въ 1611. Но опредѣленныхъ извѣстій объ этомъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ не уніатъ, а православный, и осенью 1620 г., когда на перемышльскую кафедру назначили Копянскаго, возможно, что Шишка-Хлопецкаго не было уже въ живыхъ.

²⁾ Илья (въ монашествѣ Іоаннъ) Мороховскій, секретарь и близкій человекъ Потія. ³⁾ Аеадасій Павоста.

⁴⁾ Въ оригиналѣ фраза речевана: у by nie ratowała go karica, pewnie że by go nie mięła szubienica.

А весь этот непорядокъ, продолжастъ ораторъ, больше всего происходитъ „отъ того, что самъ приобрѣтается неправильно — не отъ настоящаго своего пастыря принимается посвященіе— отступили отъ царьградскаго патріарха, которому эта власть принадлежала въ государствѣ вашей кор. мил.“ И онъ кончаетъ пожеланіемъ, чтобы по крайней мѣрѣ на будущее время епископатъ былъ приведенъ въ послушаніе патріарху, а имѣнія церковныя, если не сейчасъ, то по крайней мѣрѣ со смертию тогда перешшихъ владѣльцевъ были возвращены законнымъ (православнымъ) хозяевамъ.

„Въ противномъ случаѣ, если и на этомъ сеймѣ—сохрани Боже—не дойдетъ до полного успокоенія и изцѣленія этихъ тяжелыхъ ранъ,—придется намъ возопить вмѣстѣ съ пророкомъ: суди мя, Боже, и рассуди прю мою“!

Какъ видимъ, даже и въ этой, наиболее смѣлой и рѣзкой рѣчи, не говоря объ остальныхъ, не упоминалось о требованіи, высъвшемъ въ воздухъ—утвержденіи королемъ православной іерархіи и допущеніи ея къ пользованію ея функциями и бенефіціямъ. Какъ Древинскій, такъ и другіе представители православныхъ (кроме депутатовъ кievскихъ и волынскихъ сеймовый дневникъ упоминаетъ требованія успокоенія греческой религіи въ рѣчахъ литовскихъ, и специально брестскихъ депутатовъ)—всѣ по примѣру прежнихъ сеймовъ добивались лишь возвращенія церковныхъ отношеній къ прежнему состоянію. Считали ли они слишкомъ рискованнымъ выдвигать вопросъ о возобновленной іерархіи въ виду нарушенія королевскаго права патроната, или просто изъ техническихъ соображеній не дѣлали этого—такъ какъ на совѣщаніи сеймиковъ этотъ вопросъ не успѣлъ попасть—трудно сказать. Остается фактомъ, что лишь виленское братство подняло этотъ вопросъ—въ письмѣ, адресованномъ къ королю и прочитанномъ на сеймѣ. Въ этомъ письмѣ именемъ всего православнаго населенія оно „презентовало“ королю новопосвященныхъ владыкъ и просило „передать имъ бенефіціи, принадлежащія имъ согласно ихъ званію“¹⁾. Но это обращеніе имѣло чисто теоретическое значеніе—что фактъ возстановленія православной іерархіи былъ доведенъ до свѣдѣнія правительства²⁾; никакихъ совѣщаній по

¹⁾ Verificatia — Архивъ I. VII с. 307.

²⁾ Это академическое значеніе заявленія отмѣчаетъ Смотрицкій; во второмъ изданіи „Верификація“: „благодаря этому письму, представленному въ посольскую палату, духовная инвентатура была оглашена на сеймѣ“ (л. 40, 56).

этому поводу не было, тѣмъ болѣе—не принято никакихъ резолюцій.

Сеймовый дневникъ, разсказывая о рѣчахъ волынскихъ депутатовъ, говоритъ, что другіе послы прерывали ихъ своими разговорами и даже смѣхомъ; рѣчь Древинскаго своими анекдотическими подробностями, дѣйствительно, могла дать къ этому поводъ. Но независимо отъ этого, настроеніе польской палаты въ общемъ не было неблагоприятно для православныхъ. Уніатская сторона, ища поддержки панскихъ и правительственныхъ сферъ, даже въ очень трагическихъ краскахъ представляла свое положеніе. Ища опоры на клерикальныхъ, должно быть уніатскихъ реляціяхъ, въ своей инструкціи нунцію упоминалъ, что на сеймѣ православные чуть не добивались возвращенія бенефцій, розданныхъ уніатамъ. „Козаки, придерживающіеся схизмы, усиленно требовали этого, и Поляки, нуждаясь въ ихъ помощи противъ Турокъ, уже готовы были исполнить ихъ желаніе; но настойчивость нунція и благочестіе короля сдѣлали то, что они ничего не добились“¹⁾. Несомнѣнно, посольская палата оцѣнивала унію, какъ источникъ очень неприятныхъ политическихъ затрудненій, и настроеніе было довольно неблагоприятное для послѣдней.

По словамъ Рутскаго уніаты представлены были самимъ собой и только папскій нунцій поддерживалъ въ нихъ отвагу. „Кромѣ ихъ двухъ (короля и нунція) не было никого, кто бы не то, что помогать намъ, но хотя бы ласково заговорилъ; въ одинъ голосъ насъ называли причиною смуты, унію называли несчастной; пальцами показывали на насъ: вотъ кто сѣетъ смуту въ государствѣ! Было намъ очень горько, но Богъ не попустилъ искусить насъ свыше силъ!..“ Нунцій, по его словамъ, по ночамъ обходилъ сенаторовъ, настраивая ихъ противъ требованій православныхъ. Король держался также выше всякихъ похвалъ; по словамъ позднѣйшаго іезуитскаго историка, онъ говорилъ, что лучше отречется отъ короны и пойдетъ въ изгнаніе, чѣмъ позво-

¹⁾ *Relacye nunciuszów II* с. 124. Инструкція эта, данная 30 мая 1621 г., передъ сеймомъ 1621 г., говоритъ опредѣленно о сеймѣ 1620, а не 1621 г., происходившемъ не зимою (письмо Рутскаго говоритъ о „зимнихъ почтахъ“—*Umla bizeska* изд. 1907 г. с. 253), а лѣтомъ: Ликовскій ошибочно представляетъ себя какой-то сеймъ въ началѣ 1621 г.

лить схизматичному митрополиту засѣсть въ Кіевѣ¹⁾, и дѣйствительно даже подѣ угрозой гибели польскаго государства не допустилъ никакихъ серьезныхъ уступокъ православнымъ. Сеймъ повторилъ только старую конституцію 1607 г., обезцѣненную и дискредитированную позднѣйшими дѣйствіями короля (назначеніями, вопреки ей, уніатовъ на православныя кафедры). Постановление это гласило:

„Успокаивая греческую религію, возобновляемъ конституцію 1607 г. и будемъ держаться ея и въ будущемъ при раздаваніи церковныхъ бенефіцій“²⁾.

Правительство рѣшило держаться и впредь по отношенію къ православнымъ своей лукавой политики, какую вело послѣ конституцій 1607 и 1609 гг. и теперь подавъ различныя надежды православнымъ черезъ Обалковскаго, оставляло себѣ открытымъ путь къ дальнѣйшему угнетенію православныхъ.

Въ козацкомъ вопросѣ, приглашая козачество на службу государству со всѣми его силами, оно также не хотѣло платить за это какими нибудь реальными уступками. Сеймовая конституція призвала козаковъ къ участию въ войнѣ какъ наемное войско, и назначила плату, „съ тѣмъ условіемъ, что они будутъ подѣ regimentомъ и властью гетьмана нашего“³⁾. Юридическое *status quo* оставалось неизмѣненнымъ, правительство оставляло за собой право, по мнѣнію надобности, снова вгонять козацкое войско угрозой вооруженной расправы въ ягальное ухо комиссарскихъ постановленій 1619 г.

Если-бъ правительство хотѣло дать понять украинскимъ, специально козацкимъ кругамъ, что имъ невозможно притти съ нимъ къ какому-нибудь соглашенію, то не могло бы этого сдѣлать лучше, чѣмъ сдѣлало это своей политикой 1620 г.

Патріархъ уѣхалъ. Подѣ козачьимъ эскортомъ, въ сопровожденіи Сагайдачнаго и новопоставленныхъ владыкъ, проѣхавъ черезъ Кіевщину и Браสลавщину и посвятивъ по дорогѣ оставшихъ епископовъ, въ концѣ февраля с. ст. прибылъ онъ на молдавскую границу къ Бушѣ, обойдя Подолію, куда его приглашали Поляки. Въ Бушѣ распрощался онъ съ украинскими спутниками

1) Kojalowicz *Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in M. D. Lithuaniae* с. 55.

2) *Volam. legum.* III с. 184.

3) *Ibid.* с. 181.

своими, среди которых пробылъ почти цѣлый годъ. Передъ выѣздомъ издалъ грамоту, гдѣ указывалъ на нѣкоторые безпорядки въ церковной украинской практикѣ (между прочимъ напомнилъ, что на Оминой недѣлѣ поминали мертвецовъ на могилахъ древней тризной, пирами и музыкой)¹⁾. Наконецъ наступило прощанье. Патриархъ ставъ на рынкѣ среди мѣстечка, среди собраннаго народа, преподавъ ему послѣднія наставленія, затѣмъ прочелъ молитвы „прощательныя и разрѣшительныя“. Присутствующіе припавъ къ землѣ, набожно выслушали эти молитвы. Специально къ козакамъ патриархъ обратился съ увѣщаніемъ, чтобы они на будущее время не ходили на войну на московскія земли, въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ за это гнѣвомъ Божиимъ. „Если не исполните моей просьбы, васъ уничтожитъ Богъ! Не смѣйте озлоблять такъ православныхъ христіанъ“. Это было, вѣроятно, единственное порученіе, данное патриарху московскимъ правительствомъ относительно Украинцевъ и патриархъ исполнялъ его, выйдя за предѣлы досягаемости польскаго правительства²⁾. Козаки обѣщали—„но не сохраниша сего якоже обѣщали бяху“, замѣчаетъ лѣтописецъ³⁾. 12 марта патр. Теофанъ увѣдомилъ уже изъ Молдавіи московскаго патриарха Филарета, что по милости Божіей и молитвами вѣрныхъ, онъ „освободился отъ людей, противныхъ вашей вѣрѣ“ и благополучно проживаетъ въ Молдавіи⁴⁾.

Тѣмъ временемъ надъ посвященной имъ іерархіей собирались темныя тучи. Уніатскіе епископы еще въ концѣ 1620 г. забили тревогу по поводу посвященія новыхъ владыкъ, въ особен-

1) Архивъ Ю. З. Р. I. V ч. I.; грамота датирована 1620 г., но среди епископовъ упомянутъ и Павсій Ипполитовичъ, посвященный патриархомъ при выѣздѣ изъ Украины.

2) Съ польской точки зрѣнія, эти наставленія не были очень дояльными и въ польско-уніатскихъ сферахъ усиленно распространялись слухи о томъ, что патриархъ бранилъ козаковъ за походы на Москву и запрещалъ ихъ (Sowita wiina—Архивъ I. VII с. 485). Чтобы обѣднить патриарха, Verificatia niewinności (Архивъ с. 340) рассказываетъ, что когда козаки съ Сагайдачнымъ сами по своей инициативѣ просили патриарха дать имъ отпущеніе за ихъ московскій походъ, то патриархъ разъяснилъ имъ, что козаки, исполняя приказаніе своего правительства, не творятъ грѣха и несутъ вину только за ту жестокость, какую проявили по собственному влеченію, и эту вину онъ имъ отпустилъ.

3) Лѣтоп. Густин. мон. с. 16.

4) Извлеченіе у Макарія XI с. 265.

ности изъ-за Мел. Смотрицкаго, прїѣхавшаго послѣ своего посвященія въ Вильно, въ Братскій монастырь и здѣсь начавшаго, хотя со всякими осторожностями, отправлять епископскія функціи. Это произвело сильное впечатлѣніе на Вѣлоруссію. Въ своей брошюрѣ *Sowita wina* (1622) униаты рассказываютъ, что въ Вильнѣ православные объявляли публично въ церквяхъ, что возобновленіе іерархіи произошло на основаніи формальнаго разрѣшенія короля; что бенефиціи будутъ возвращены православнымъ, а униатамъ будутъ предоставлены различныя мѣста въ церкви католической. Униаты были чрезвычайно обезпокоены этими слухами, опасались полной отмыны унии и собирались переходить въ латинство¹⁾. Въ этомъ было, вѣроятно, много преувеличеннаго (православные большею частію отрицали существованіе подобныхъ заявленій и утверждали, что Смотрицкій не исполняетъ никакихъ епископскихъ функцій въ своей епархіи). Но во всякомъ случаѣ униатская іерархія почувала грозную опасность и бросилась къ правительственнымъ сферамъ съ просьбами о покровительствѣ и защитѣ. Она представляла весь инцидентъ въ такомъ видѣ, что патріархъ дескать былъ самозванцемъ, политическимъ агентомъ турецкаго правительства, прїѣзжалъ бунтовать козаковъ, и тѣмъ же занимался Борецкій со своими товарищами. Вновь посвященныхъ епископовъ униаты считали незаконно посвященными; рассказывали, что они собираютъ своевольныя банды и съ ними готовятся отобрать силою помѣстья и бенефиціи у униатовъ, и т. п.

Правительственныя сферы очутились въ очень затруднительномъ положеніи; съ одной стороны они воѣмъ сердцемъ желали прійти на помощь униатамъ и уничтожить возобновленную іерархію. Съ другой стороны, неудобно было раздражать православныя сферы въ такое время, имѣя въ виду козачество. Но въ концѣ концовъ католическая ревность одержала верхъ надъ политическими соображеніями. По ходатайству митроп. Рутскаго, король издалъ въ началѣ февраля н. с. универсалы, приказывая арестовать Борецкаго и Смотрицкаго, какъ людей подозрительныхъ, посвященныхъ самозваннымъ патріархомъ по соглашенію съ турецкимъ султаномъ²⁾. Но Борецкій благоразумно оставался со своими сотоварищами владыками въ кievской области, и тамъ,

¹⁾ *Sowita wina*—Архивъ Ю. З. Р. I VII с. 495—497.

²⁾ Археограф. сборникъ вилен. I ч. 142, II ч. 29.

конечно, трогать его не имѣли никакого намѣренія. Хотѣли спасти для униатовъ Бѣлую Русь, лишенную козацкой опеки. Но и здѣсь, считаясь съ настроеніями козачества, въ правительственныхъ сферахъ не хотѣли подымать громкой исторіи; канцлеръ литовскій Сапѣга очень неохотно контрасигнировалъ королевскій универсалъ, замѣтивъ, что „нужно имѣть въ виду запорожскихъ козаковъ, чтобы не надѣлать бѣды, такъ какъ этотъ самозванецъ (пат. Теофанъ) среди нихъ, и они его очень уважаютъ“¹⁾. Совѣтовалъ во всякомъ случаѣ не торопиться съ опубликованіемъ универсала и этотъ совѣтъ былъ принятъ во вниманіе. Прежде всего отпращена была въ Вильно комиссія, признавшая дѣятельность Смотрицкаго незаконной; затѣмъ Смотрицкаго призвали къ суду униатскаго митрополита, осудили и проклами, — и только тогда опубликованъ былъ универсалъ противъ вновь поставленныхъ епископовъ, какъ самозванцевъ, шпіоновъ и изменниковъ²⁾. Вильно, Полоцкъ, Витебскъ сдѣлались ареной новой упорной борьбы между униатами и православными. Въ Вильнѣ передъ самой Пасхой магистратъ по королевскому приказу началъ слѣдствіе и судъ надъ православными мѣщанами, признававшими Смотрицкаго, оказавшими ему какое-либо содѣйствіе, устранявшими складчину на епископскія облаченія для него и т. п. Ихъ арестовывали, держали въ тюрьмахъ, а король собирался ни болѣе ни менѣе какъ подвести ихъ подъ смертную казнь; до этого, правда, не дошло, но православное населеніе лишено было права занимать выборныя городскія должности, исключено изъ цеховъ, отобраны у нихъ всѣ привилегіи³⁾. Въ полоцкой епархіи администрація со всей энергіей поддерживала епископа Кундевича, силой принуждая православныхъ къ повиновенію, арестовывая непокорныхъ, отбирая церкви и т. п.⁴⁾.

¹⁾ Арх. Сборникъ II ч. 29 (переводъ).

²⁾ Sowita wiła—Архивъ Ю. З. Р. I. VII с. 487. Грамота отъ 15 марта противъ Борецкаго и Смотрицкаго, адресованная въ Вильно, въ извлеченіи у Жукевича III с. 107. Универсалъ, помѣщенный 22 марта, въ переводѣ напечатанъ въ Вѣстникѣ Зап. Россіи 1864/5 кн. XII № 5. Очевидно въ различные города высланы были грамоты противъ различныхъ епископовъ—такъ на Волынь высланы были грамоты противъ Курцевича, епископа владимирскаго, Архивъ I. VI ч. 197. ³⁾ Verifikatia I. с. с. 282.

⁴⁾ Анонимная замѣтка по этому вопросу въ „Кіев. Старинѣ“ (1905, X. с. 140) (не покойнаго ли В. Б. Антоновича?) представляетъ дѣло такъ, что всѣ гоненія на православныхъ производились пра-

Вмѣстѣ съ тѣмъ шла оживленная литературная полемика, между виленскимъ православнымъ братствомъ съ одной стороны, и мѣстнымъ униатскимъ монастыремъ св. Троицы, съ другой, разумѣется, на польскомъ языкѣ, имѣя въ виду правительственныя сферы, для которыхъ эти изданія предназначались. Въ апрѣлѣ вышла съ православной стороны брошюра *Verificatia niewinności* (Оправданіе невинности), написанная Смотрицкимъ¹⁾. Здѣсь опровергались обвиненія, возведенныя на православныхъ епископовъ: припоминалось, что правительство само признало Теофана законнымъ патріархомъ, сносило съ нимъ и т. п., доказывалась законность произведеннаго имъ посвященія епископовъ, перечислялось притѣсненія отъ униатовъ. Униаты отвѣтили книжкою *Sowita wiina* (Двойная война²⁾), гдѣ поддерживали свои обвиненія, и такимъ образомъ разгорѣлась полемика, постепенно отъ академическаго тона первыхъ публикацій переходившая къ формамъ все болѣе и болѣе острымъ и не совсѣмъ парламентарнымъ³⁾, а на ряду съ ней шла борьба уличная, вооруженная, кровавая.

вительствомъ для виду: король дать напередъ свое согласіе на посвященіе православныхъ епископовъ, и позднѣйше грозные универсалы его были „не болѣе какъ дипломатическая уступка со стороны короля всемогущей въ тогдашней Польшѣ клерикальной партіи“, и поэтому эти универсалы не имѣли неприятныхъ послѣдствій для епископовъ. Но правительственныя репрессіи, хотя не затрагивали личностей епископовъ, выходили далеко за границы дипломатіи и принесли православнымъ много бѣдъ, а изъ корреспонденціи короля съ Савѣгой (державшимся болѣе умѣренной тактики), видимъ, что король былъ очень враждебно настроенъ по отношенію къ новой іерархіи (см. у Когновидкаго *Życia Sapiehów* I с. 341—4).

1) Полное заглавіе: *Verificatia niewinności y omylnych po wszystkiey Litwie i Bialey Rusi rozszianych żywot y uczciwe snego narodu Ruskiego o upad przuzprawic zrzadzonych powin pod miłosciwą raińską y oycowską nauwyszey y pierwszey po Panu Bogu narodu tego zasnego zwierzchności obronę... poddane chrześcianskie uprzatnienie*. Было два изданія: первое помѣчено 5 апрѣля (перепечатанное въ Архивѣ Ю. З. Р. VII. 1), второе вышло съ помѣтою 16 іюля, значительно разширенное и дополненное новымъ документальнымъ матеріаломъ.

2) Перепечатана въ Архивѣ Ю. З. Р. I. VII.

3) На брошюру *Sowita Wiina* православные отвѣтили книгой *Oborona verificacii od obrazu maiestatu krola i. m. czystey* (перепечатано тамже). Униаты въ отвѣтъ на это выпустили двѣ брошюры: *List do zakonników monastera Sw. Duchu* и *Examen Obrony*. Пра-

Правительственныя репрессіи противъ возобновленной іерархіи и противъ православныхъ вообще должны были въ высшей степени взволновать украинскія сферы. Какъ нужно было понимать поведеніе правительства и короля? Онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы привлечь козачество къ самому энергичному участию въ новой кампаніи, и надежды, подавшыя его агентомъ Обалковскимъ, которому поручено было во чтобы то ни стало привлечь къ участию въ войнѣ козачество и воспользоваться для этого влияніемъ патріарха, должны были внушить козацкимъ и вообще украинскимъ кругамъ убѣжденіе, что въ награду за козацкую помощь будутъ сдѣланы существенныя уступки въ области церковно-національной жизни, а прежде всего—будетъ признана и санкціонирована правительствомъ новая православная іерархія. Такъ объявлялъ объ этомъ вслѣдствіи категорически, на основаніи переговоровъ съ Обалковскимъ, патріархъ въ вышеприведенной своей грамотѣ¹⁾. Принимая во вниманіе столь благочестивые аргументы и мотивы козачество со всей энергіей припало за приготовленія къ войнѣ. Зимой козакъ собрались въ походъ на окрестности Бѣлграда, взяли городъ, захватили плѣнниковъ—христіанскихъ невольниковъ три тысячи освободили, какъ рассказывали на Украинѣ²⁾. Это должно было послужить прелюдіей войны. Къ веснѣ 1621 г. козачество начало уже мобилизоваться въ сухопутный походъ на Турокъ, слѣдуя настояніямъ Обалковского, имѣвшаго порученіе присмотрѣть за этой мобилизаціей и находившагося для этого при козацкомъ войсцѣ.

Въ апрѣлѣ козакъ уже „выгреблись“ изъ Запорожья на волость и обѣщали королю всяческое содѣйствіе³⁾. Изъ польскихъ сферъ ихъ склоняли къ новому большому походу на море, но козакъ считали очень рискованнымъ такой большой походъ въ

вославное братство выпустило въ нач. 1622 г. тоже два изданія: *Biensius pism uszczurliwusch i Appendix na Examen obrony*. Съ униатской стороны вышелъ *Antelencbus* тровицкаго игумена Ант. Селяны. ¹⁾ См. выше с. 165—6

²⁾ Объ этомъ пишетъ въ началѣ февраля 1621 г. (н. ст.) на основаніи извѣстія, полученнаго отъ какого то владыки (вѣб. украинскаго) Евст. Тышкевичъ: „козакъ запорожскіе, взявъ Бѣлгородъ, отобрали три тысячи нашихъ невольниковъ“—у Жуковича III с. 150.

³⁾ Жерела VIII № 143, письмо Ходкевича писанное въ апрѣлѣ; протестація м. Іова, 28/IV, также упоминаетъ, что козакъ по приказу короля идутъ на войну съ Турками, и изъ Запорожья ихъ вывелъ Обалковскій (с. 144).

виду принятыхъ Турками мѣръ защиты. Дѣйствительно, въ Константинополѣ оченъ опасались козаковъ: отчасти подѣ впечатлѣніемъ ихъ послѣдняго нападенія, отчасти подѣ вліяніемъ предостереженій партіи мира, смущавшей султана перспективами козацкаго нападенія на Стамбуль, могущаго вызвать здѣсь возстаніе христіанъ. Главному адмиралу, капитанъ-нашѣ, поручено было выйти въ море съ 40 галерами для охраны береговъ — онъ тщетно старался всячески избѣжать такой опасной миссіи— „едва не умеръ отъ огорченія“ (или страха). Населеніе Константинополя находилось въ сильнѣйшей тревогѣ, не полагаясь на эту защиту. „Никогда еще не было такого страха, какой вижу я въ Константинополѣ—доносилъ французскій посолъ своему правительству: много людей приготовилось выѣхать отсюда, какъ только уѣдетъ султанъ, опасаясь, что придутъ козаки и все разрушатъ“¹⁾. Козаки, въ виду такого напряженнаго вниманія и страха, считали нецѣлесообразнымъ идти на море и готовились къ сухопутному походу. На польскія уговариванья съ чисто украинской пропіей они напомнили польскому правительству, что годъ тому назадъ они вынуждены были по требованію самого правительства сжечь морскія лодки, и теперь имъ не въ чемъ ѣхать. Польское правительство пропію поняло („что они упоминаютъ о потопленіи лодокъ, этому не слѣдуетъ вѣрить“, писалъ король), но принуждено было принять къ свѣдѣнію эту перомѣну плана. Въ виду ея проектировалось диверсію противъ Татаръ, чтобы не дать имъ соединиться съ турецкими войсками²⁾. Козаки тѣмъ временемъ, въ виду проектированнаго похода, принялись собирать всякіе припасы въ украинскіхъ волостяхъ: забирали лошадей подѣ артиллерію, порохъ, свинець, по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ разослали респекты, кто сколько и чего долженъ имъ дать. На вопросы встревоженныхъ такими контрибуціями магнатовъ козаки отвѣчали, что иначе и быть не можетъ: вѣдь они же обязались службой королю, и Обалковскій, выводя ихъ изъ Запорожья, призналъ за ними право брать все, сколько имъ нужно, въ имѣніяхъ королевскихъ и панскихъ³⁾.

1) Hist. Russiae мол. II с. 413.

2) Королевскія письма 1621 г. въ ркп. краков. унив. № 2 (одинъ изъ нихъ въ Жерелахъ VIII, № 157, ошибочно подѣ 1622 г.)

3) Listy ks. Jerzego Zbaraskiego № 12. Эти козацкія контрибуціи изслѣдователи относятъ ко времени послѣ рады въ Сухой Дубровѣ (Третьякъ, Жубовичъ); но изъ содержанія письма Збарашкаго видно ясно, что онъ начался еще съ весенней мобилизаціи.

И вотъ какъ разъ въ это самое время на Украину стали доходить первыя извѣстія о жестокихъ гоненіяхъ на православныхъ въ Вильнѣ со стороны того самого правительства, которому какъ разъ приготовлялась послужить православная Украина за первую серіозную уступку въ церковно-національномъ вопросѣ.

Украинскіе круги и м. Іовъ во главѣ ихъ вскинулись гнѣвомъ въ виду этого новаго проявленія іезуитскаго двосуднаго правительства. Въ самомъ дѣлѣ это не была чистая работа. Приглашали украинское населеніе, украинское козачество послужить государству и привлекали обѣщаніями признанія новой іерархіи и возстановленія церковной православной жизни—а въ то же время подвергали жестокимъ наказаніямъ и незаконнымъ репрессіямъ людей, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они принимали представителей этой новой іерархіи. Обращались къ помощи и посредничеству патріарха, чтобы онъ расположилъ козачество къ возможно энергичной борьбѣ противъ Турокъ—и объявляли этого же самого патріарха турецкимъ шпиономъ, а поставленныхъ имъ епископовъ—султанскими агентами, мятежниками и измѣнниками. Призывали православныхъ проявить свою лояльность и вѣрность Рѣчи Посполитой—и оскорбляли въ самыхъ священныхъ чувствахъ, грубо касались ихъ самыхъ больныхъ мѣстъ.

28 апрѣля, черезъ мѣсяць послѣ вилецкаго погрома православныхъ м. Іовъ приготовилъ извѣстный уже намъ протестъ отъ имени всѣхъ вновь назначенныхъ епископовъ, противъ образа дѣйствій правительства ¹⁾. Онъ протестуетъ здѣсь противъ объявленія патр. Теофана шпиономъ и мятежникомъ и въ подтвержденіе своихъ положеній рассказываетъ о путешествіи патріарха въ Москву и на Украину, припоминаетъ отношенія къ нему польскаго правительства и открываетъ истинную причину вражды къ нему правительственныхъ и клерикальных сферъ—поставленіе православныхъ епископовъ, оправдывая этотъ поступокъ церковными канонами, многовѣковой практикой православной украинской церкви и обѣщаніями самого короля (сеймовыми конституціями)—хранить неприкосновенность православной церкви и давать ей іерархію православную. Отсутствіе у патріарха формальнаго права посвященія (въ виду королевскаго права патроната) митрополитъ возмѣщаетъ принципиальными, нравственными мотивами: долъ передъ Богомъ и спасеніемъ своей души обязывалъ право-

¹⁾ Статьи по славяновѣдѣнію, изд. петербургской академіей, III.

слабыхъ воспользоваться случаемъ, посланнымъ имъ Богомъ для
возстановленія православной іерархіи,—„ревность о славіи божьей
і состраданіе къ народу нашему принудили насъ къ этому свя-
тому дѣлу“, попустили слѣдовать примѣру первыхъ христіанъ во
времена гоненій на нихъ. Въ особенности подчеркиваетъ митро-
политъ полную невинность Виленцевъ и ихъ пастыря Смотриц-
каго: что они даже не просили себѣ епископа и только „чудомъ“
получили себѣ его. Подробно останавливается на характеристикѣ
козачества ¹⁾, сыгравшаго такую важную роль въ дѣлѣ возстано-
вленія іерархіи, и доказываетъ, что дѣйствовало оно при этомъ
не благодаря какой-либо интригѣ, а вслѣдствіе искренней и го-
рличей привязанности къ своей церкви, какую козаки всегда про-
являли. Оправдываетъ себя и своихъ товарищей въ виду бро-
шенныхъ на нихъ инсинуаций: „Мы не шпионы и не укрываемъ
шпионовъ. Мы обыватели этой земли, благородно и честно рож-
денные въ домахъ шляхетскихъ, здѣсь живущіе, живемъ открыто
и хорошо извѣстны людямъ всѣхъ состояній... Боремся за то,
что оставлено намъ нашими предшественниками,—за что намъ
даютъ права божескія и человѣческіе законы, обычая и болѣе
чѣмъ 600-лѣтняя практика. Проповѣдуемъ ту же вѣру, что и
предшественники наши. Поучаемъ о вещахъ душеполезныхъ, о
царствіи небесномъ. Ни на чью жизнь и ни на чье имущество
не посягаемъ. Волостями, городами, замками не владѣемъ. Обидъ
преступлений, насилій не учимъ. На войну на христіанъ
не зовемъ, убивать не учимъ. Наоборотъ, научаемъ давать себя
убивать, имущество свое терять и не жалѣть о немъ, памятуя о
лучшемъ и вѣчномъ сокровищѣ на небѣ... Не бунтовщики мы и
не мятежники, а люди обреченные на мученичество. Пусть о ла-
тинской церкви и объ униатахъ идетъ злая слава по всему свѣту,
что они преслѣдуютъ и мучатъ русскій народъ. О насъ же пусть
во всѣ стороны свѣта расходится добрая слава мученичества—
пусть знаетъ каждый, что прежде чѣмъ взять на себя это свя-
тое служеніе, мы возложили на себя вѣнецъ мученическій... Не
на господство и роскошь пошла мы, и никакой страхъ, при по-
мощи божьей, ни наказанія, ни муки не отвратятъ насъ отъ
истинной вѣры и служенія Богу“.

И въ такихъ же тонахъ—призыва къ подвижничеству и
готовности претерпѣть и пострадать до конца, обращалось это по-

¹⁾ Приведена выше с. 101—103.

славіе ко всімъ православнымъ съ заключительнымъ кличемъ:

„Стойте твердо, не колеблясь и не тревожась! Веселыми ногами спѣшите къ блаженному мученичеству! Возвращаются для насъ тѣ годы и дни, какіе были отъ часовъ апостольскихъ до Константина Великаго... Радуйтеся преслѣдованіямъ, мукамъ, смерти братія налей—ибо велика награда наша на небѣсахъ“.

Но обращаясь къ наиболее идеальнымъ мотивамъ въ душахъ своихъ земляковъ и вѣрныхъ, какъ къ послѣднимъ ресурсамъ— вплоть до готовности жертвовать всѣмъ для вѣры митрополитъ не оставлялъ безъ вниманія и болѣе реальныхъ путей въ интересахъ своего дѣла ¹⁾).

Спустя двѣ недѣли онъ внесъ въ книги кіевскаго града заявленіе, какъ отъ себя, такъ и отъ всѣхъ епископовъ, всего духовенства и всего православнаго общества, обвиняя уніатскій епископатъ въ томъ, что онъ незаконно претендуя на епископскія права среди русскаго народа, побуждѣлъ короля и правительство къ репрессіямъ противъ православныхъ и законно (канонически) поставленной православной іерархіи ²⁾).

Не выступая прямо противъ правительства, митрополитъ недвусмысленно даетъ понять, что послѣдніе королевскіе універсалы и репрессіи онъ считаетъ незаконными—ввиду актовъ и конституцій, на которыя ссылается. И причисливъ затѣмъ всяческія наслѣдія, несправедливости и беззаконія, испытываемыя въ послѣднее время православными въ Вильнѣ, Могилевѣ, Минскѣ, Оршѣ, а также по различнымъ ководамъ въ различныхъ мѣстахъ Украины (въ Чернышевѣ, Ярославѣ, Соколѣ, Вужскѣ, Белзѣ, Красноставѣ, Брестѣ, Пинскѣ, Кременцѣ и пр.) ³⁾, онъ возла-

¹⁾ Проф. Жуконичъ, въ предисловіи къ своему изданію протестаціи, высказываетъ мысль, что послѣдней не было дано оффиціального хода“; на эту мысль навела его приписка: *taka protestacja zgotowal byl Borzecki z Smotrzyskim przeciwko krolowi u greszy rospolitey*. Но въ курсъ она должна была все таки пойти судя по тому, что и въ руки уніатскія попала и на ея апологію козачества можно замѣтить нѣкоторые намеки въ уніатской полемикѣ (*List do Zakonnikow*).

²⁾ Копія этого заявленія въ польскомъ переводѣ, въ архивѣ уніат. митроп.—№ 458 л. 44—6 (въ печатномъ описаніи I ч. 458 упомянута очень коротко); краткое изложеніе по рукописи Кишки у Петрушевича, Сводная лѣтопись с. 58.

³⁾ Въ Чернышевѣ (во время борьбы православныхъ съ поставленнымъ противъ ихъ воли уніатскимъ епископомъ Крупецкимъ) всѣхъ священниковъ п 24 мѣщанъ мучать, держать въ смрадной

гасть на уніатскихъ епископовъ отвѣтственность за послѣдствія, могущія возникнуть изъ этого. „Еслибъ въслѣдствіе такихъ дѣйствій народъ русскій, не дай Богъ, въ виду такихъ значительныхъ и очевидныхъ несправедливостей и беззаконій пришелъ и вынужденъ былъ прійти къ какому нибудь движенію — обвинитель заявляетъ настоящимъ, что это произошло не почему либо иному и не по какой иной причинѣ, а отъ самыхъ этихъ уніатовъ — благодаря тому, что они такъ насильственно попираютъ свободу, религію, личность и имущество“.

Эти слова являлись недвусмысленной угрозой, и такъ не переминули ихъ истолковать уніатскіе публицисты, хотя православные и поясняли, что въ этихъ словахъ не было ничего болѣе, кромѣ предостереженія и свидѣтельства собственной невинности въ могущихъ явиться послѣдствіяхъ¹⁾. Позиція кievскихъ митрополитическихъ сферъ неизбѣжно являлась угрожающею; они должны были понимать, что теперь или никогда они выиграютъ свое дѣло. А для этого имъ необходимо было на дѣлѣ убѣдить правительственные и клерикальныя сферы въ небезопасности начатыхъ ими репрессій. Въ Киевской землѣ объ этомъ ходили достаточно грозные слухи. Королевскій агентъ кс. Оборницкій, рассказывая о козацкой радѣ 15 іюня н. с. (эту реляцію его сейчасъ приведу), говоритъ, что козаки грозили, еслибы король не утверждалъ вновь назначенныхъ епископовъ, „хватать въ плѣнъ шляхту, какъ имъ это совѣтовалъ Березкій“. Извѣстіе во всякомъ случаѣ схваченное на мѣстѣ, въ разгарѣ событій, а не изъ отдаленныхъ слуховъ виленскихъ или варшавскихъ. Оно не правдоподобно: религіозная борьба все еще опиралась въ значительной мѣрѣ на православные шляхетскіе элементы, какъ разъ именно въ Киевской землѣ и на Волыни, между тѣмъ на эти элементы должна была обратиться козацкая жакерія, которой инициатива при-

тюрмы, подвергаютъ пыткамъ. Въ Берестѣ нѣсколькихъ человекъ: Дороша съ братьями и сыновьями бросили въ глубокую, смрадную яму и мучатъ уже долгое время. Въ Красновѣ вошли въ каменную церковь не черезъ двери, а черезъ проломанную въ стѣнѣ дыру, взяли церковъ и многихъ невинныхъ людей изувѣчили. Въ Сокалѣ церкви отобрали, священниковъ подвергли истязаніямъ. Въ Белзѣ и Бужскѣ также чинятъ противозаконныя насилія. Въ Ярославѣ, въ Давидъ-Городкѣ, въ Кременцѣ и описать трудно все насилія приключенныя православнымъ. Въ Цимленѣ все церкви отобрали, а людей томятъ въ тюрьмахъ.

¹⁾ List do zakonników с. 17, Elenchus л. 12.

писывалась митрополиту. Последний, какъ разъ теперь прилага-етъ всё усилія къ тому, чтобы принудить ихъ въ возможно энергическимъ выступленіямъ въ религіозномъ вопросѣ и онъ, ко-нечно, не могъ одновременно подымать противъ нихъ козачество. Но какъ отголосокъ того, что говорилось въ кіевскихъ офиціоз-ныхъ кругахъ, извѣстіе это имѣеть свою цѣнность. Кіевскія пра-вославныя сферы далеки были отъ пассивной покорности и при-зывая населеніе къ готовности претерпѣть муки и гоненія, менѣе всего склонны были къ пассивному непротивленію злу¹⁾. Но прежде чѣмъ думать о какой-нибудь активной оппозиціи, они имѣли еще передъ собою средства оппозиціи пассивной. Правда, не они сами непосредственно, а козачество играло здѣсь роль. Но они могли воздействовать на него въ этомъ направленіи.

Выступая съ протестами противъ репрессій отъ имени не только новой іерархіи, а всего православнаго общества, митр. Іовъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ этому обществу съ призы-вомъ прибыть на общій соборъ въ Кіевъ, чтобы вмѣстѣ съ ду-ховенствомъ обсудить свое положеніе и дальнѣйшіе способы борь-бы. Этотъ соборъ состоялся „на святкахъ“, очевидно на пра-вославную Троицу, въ двадцатыхъ числахъ мая ст. ст. Тогда былъ большой съѣздъ „духовенства и людей религіи греческой“, пишетъ о немъ кн. Збаржскій, не сообщая ничего о предметѣ совѣщаній, кромѣ намека, что продолженіе этихъ совѣщаній должно было происходить на козацкой радѣ въ Сухой Дубровѣ²⁾. Уніатскіе полемисты кромѣ этого собора для „поповъ“, знаютъ еще какой то съѣздъ, собранный митрополитомъ въ Житомирѣ съ участіемъ шляхты³⁾. Вѣроятно, онъ имѣлъ мѣсто во время сей-мика Кіевского воеводства, собиравшася въ Житомирѣ передъ сеймомъ, созваннымъ на августъ этого года. Въ промежуткѣ меж-ду этими двумя съѣздами состоялась козацкая рада, назначен-

¹⁾ Для контраста съ губителями культуры козаками пок. Куляшъ въ своей Исторіи воссоединенія обрисовалъ Борецкаго какъ человѣка не отъ мира сего, какъ воплощеніе незлобивости и милосердія. Но какъ современное козачество не было такимъ во-площеніемъ зла, такъ и Борецкій не былъ безплотнымъ духомъ, а человѣкомъ съ костями и плотью, умѣвшимъ энергично бороться за то, что считалъ своимъ дѣломъ. Его участіе въ козацкихъ совѣ-щаніяхъ не оставляетъ сомнѣній въ этомъ.

²⁾ Listy ч. 15 (изъ Кракова, 9 іюля н. ст.).

³⁾ Sowita wiwa—Архивъ с. 497.

ная въ Оухой Дубровѣ, о которой, къ счастью, имѣемъ болѣе подробныя извѣстія отъ королевскаго агента кс. Оборницкаго бывшаго на ней лично. Позволю себѣ привести поименно его разсказъ, такъ какъ онъ выяснитъ намъ многое въ этихъ обстоятельствахъ и событіяхъ ¹⁾.

„Рада или собраніе козаковъ было 15 іюня. Продолжалось три дня. Были и духовные: нп. митрополитъ Борецкій (онъ пригласилъ меня къ своему двору снустя двѣ недѣли) ²⁾, Курцевичъ, избранный козаками епископомъ, 300 священниковъ съ 50 монахами. Въ первый день говорилъ Борецкій, съ большимъ воодушевленіемъ, очень сильно, жалуясь на Рѣчь Посполитую и короля, угнетающихъ, уничтожающихъ, попирающихъ ихъ старую, святую вѣру. Онъ вынулъ письмо, присланное Виленцами, и прочиталъ; прочелъ перечень, сколько тамъ убито за вѣру, сколько взято въ тюрьму, сколько брошено въ ямы ³⁾. Затѣмъ Сагайдачный досталъ письмо мжспатріарха; сперва его поцѣловалъ, затѣмъ, прочитавъ, положилъ себѣ на голову. Тогда сразу поднялся крикъ: все присягали, что будутъ защищать свою старую вѣру „до горла“.

„На слѣдующій день привели въ средину круга королевскаго посла. Поставили для него двѣ деревянныя кадни или бочки на землѣ ⁴⁾ и заслали коврами. Послѣ того какъ онъ сказалъ краткую рѣчь, гетманъ Бородавка велѣлъ стрѣлать изъ ружей и пушекъ, и эта стрѣльба продолжалась цѣлыхъ два часа. По окончаніи ея принесли присягу на вѣрность королю и въ томъ, что въ настоящей нуждѣ Рѣчи Посполитой они готовы ко всякой службѣ—если исполнены будутъ ихъ просьбы.

„На третій день назначили сотниковъ, полковниковъ, атамановъ, эсауловъ, и пословъ къ королю: Сагайдачнаго, п. Курцевича и еще двоихъ. Главная задача посольства—чтобы король утвердилъ на митрополіи и епископствахъ лицъ посвященныхъ патріархомъ; иначе будутъ хватать въ плѣнь шляхту, какъ имъ посоветовалъ Борецкій. Послѣ этого производили между собой выборъ, кому дать королевскія деньги, и рѣшили дать только тѣмъ, кто имѣетъ хорошее вооруженіе и кто былъ по нѣскольку

¹⁾ Знаемъ его въ издеченіи, напечатанномъ Луканевичемъ въ его книгѣ *Dzieje kościołów wuznania helweckiego w Litwie*, I с. 165.

²⁾ Письмо писано 28 іюня, изъ „Фаустянова“ (Фастана).

³⁾ Ср. выше с. 181—2. ⁴⁾ Въмѣсто возвышенія.

разъ въ морскихъ походахъ противъ Турокъ. Такъ пришлось по одному золотому на двухъ: было отборнаго козачества, на коняхъ, съ ружьями сорокъ тысячъ. И наконецъ, назначивъ города и волости подъ квартиры, установивъ наказанія и законы разошлись спокойно и къ ночи пришли въ Бѣлую Церковь, сдѣлавъ три мили“.

Разказавъ затѣмъ происшествіе, случившееся въ Бѣлой Церкви (у одного Еврея въ кладовой нашли поруганную икону, и это дало поводъ Бородавкѣ предоставить козакамъ грабить Евреевъ на всей Украинѣ, — „что они и выполняютъ добровольно“), кс. Оборницкій присоединилъ еще нѣсколько замѣтокъ о настроеніи среди козачества:

„Нужно очень опасаться, чтобы козаки не произвели какого-нибудь большого возстанія и чтобъ не вышло крестьянской („хлопской“) войны. Очень они здѣсь разошлись, и все болѣе растетъ ихъ смѣлость и своеволие, когда увидѣли они себя въ такомъ числѣ и силѣ. Бородавка въ своей рѣчи на этой радѣ сказалъ между прочимъ: „Передъ войскомъ Запорожскимъ дрожить земля польская, турецкая и весь свѣтъ“. Сохрани, Боже, здѣланныхъ католиковъ, малочисленныхъ и слабыхъ! Некуда бѣжать; всѣ насъ покинули. Города, волости опустошены козаками. Людей нѣтъ: что только живо, пошло въ козачество. Самъ султанъ турецкій и ханъ не принесли бы болѣе вреда“.

Этотъ разказъ бросаетъ немного свѣта на тогдашнее положеніе.

Очевидно въ козачьихъ отношеніяхъ произошла какая то заминка. Хотя козачество выгреблось изъ Запорожья еще подъ весну, въ сопровожденіи королевскаго дворянина, и начало мобилизацію, — мобилизація эта затѣмъ затормозилась. Для участія козаковъ въ кампаніи необходимо еще было принципиальное рѣшеніе. Не было ли это результатомъ вліяній кіевскихъ круговъ? Возможно, даже очень. Но въ массѣ козачество не настолько еще находилось подъ ихъ вліяніемъ, чтобы взять на себя ихъ дѣло, и кіевскій соборъ рѣшилъ поддержать свои планы на самой радѣ.

Правительство уже отказалось отъ морскаго похода и желало воспользоваться козачествомъ для диверсій противъ Татаръ. Дѣло не терпѣло отлагательства, такъ какъ уже въ концѣ апрѣля турецкое войско двинулось изъ Константинополя. Чтобы поспѣть къ скорѣйшей мобилизаціи, къ козакамъ былъ отправленъ

посланецъ съ деньгами—съ незаплатеннымъ жалованьемъ за прошлый годъ, 20 тыс. золотыхъ. Съ украинской стороны на раду, которой должна была формально рѣшить это дѣло, отправилось въ большомъ количествѣ духовенство съ епископами, и ихъ козацкіе сторонники, съ Сагайдачнымъ во главѣ—участники кievскаго собора. Своими рѣчами и вліяніемъ имъ удалось достигнуть, что козачество все цѣликомъ приняло церковный вопросъ, какъ свое дѣло, и первымъ условіемъ своего участія въ войнѣ поставило правительственное утвержденіе возобновленной іерархіи.

Было ли это именно то, чего могли желать кievскія сферы? Не совсѣмъ. Послѣ того, какъ правительство въ этомъ вопросѣ успѣло уже такъ безцеремонно провести православныхъ: поощрять всѣхъ благъ патриарху, подняло такіа гоненія на православныхъ, а его самого провозгласило шпіономъ, мятежникомъ, и т. д.,—трудно было полагаться на добрую волю короля. Въ моментъ совѣщанія, въ срединѣ іюня н. ст. уже съ полной очевидностью выяснилось, какъ неизмѣримо важно для правительства участіе козаковъ въ войнѣ. Тучи турецкаго войска уже двигались къ Дунаю, а польское войско едва начало собираться, и было его мало, и было оно плохо—плохо снаряжено и еще хуже дисциплинировано¹⁾. Въ суммѣ козацкое войско, принявшее участіе въ кампаніи, было также велико, какъ польское и не хуже его—хуже вооружено, но не хуже дисциплинировано, и гораздо лучше вышколено въ войнѣ съ Татарами и Турками, а при томъ по сравненію съ польскимъ войскомъ почти ничего не стоило. На козачествѣ лежала половина дѣла, и всякая дальнѣйшая проволочка, всякое промедленіе со стороны козачества могло послужить несравненнымъ давленіемъ на правительство. Еслибы козачество въ этотъ моментъ поставило вопросъ остро, — либо правительство сейчасъ дастъ гарантіи въ исполненіи требованій, либо козаки снова пойдутъ на Нѣзъ ловить рыбу—это могло бы въ данныхъ условіяхъ рѣшить многое. И такая рѣшительная постановка нужна была кievскимъ сферамъ. Но козачество не поставило дѣло такъ рѣшительно. Какъ часто передъ тѣмъ и послѣ того, оно остановилось на полдорогѣ: требованія поставило, а обезпечить ихъ выполненіе не постаралось.

¹⁾ См. напр., письмо Ходкевича въ Жерелахъ VIII ч. 143 или замѣтки Любомирскаго въ его дневникѣ—Pauli с. 68.

Была ли эта психологія порабощенныхъ, которые даже держа въ рукахъ своихъ властелиновъ такъ часто не отваживаются выступить противъ нихъ рѣзко, открыто, безцеремонно? Въ украинскіихъ выступленіяхъ болѣе раннихъ и послѣ позднихъ видимъ неразъ эту психологію—увидимъ и сейчасъ же, нѣсколько недѣль спустя въ Варшавѣ. Не надоѣдать, не настаивать чересмѣрно, чтобы не испортить отношеній, не создать непріятной репутаціи своею надоѣдливостью.

Или, можетъ быть, кievскія сфeры сами не имѣли мужества сказать козачеству открыто: постоите до конца?

Однако все-таки легче было совѣтовать, чѣмъ самому такъ поступать.

Можетъ быть обнаружилось здѣсь и отсутствіе отзывчивости на кievскія требованія у партіи Бородавки. Козачество Сагайдачного давно смотрѣло на церковно-національное дѣло, какъ на свое; оно могло уже раньше вести среди козачества агитацію въ пользу демонстраціи. Но козацкіе говорѣлы Бородавки можетъ быть и не принимали такъ близко къ сердцу этихъ вопросовъ, и званъ червонцевъ съ перспективою большой кампаніи на королевской службѣ, добычничества и полной свободы и своеволія „на волости“ подъ предлогомъ этой королевской службы взяли верхъ надъ огненными словами митрополита, картинами виленискихъ истязаній и пытокъ и послушаніемъ увѣщаніямъ свѣтѣйшаго патріарха? И свою христіанскую ревность они предпочли засвидѣтельствовать погромомъ украинскіихъ Евреевъ по поводу еврейскаго концунства (фактивнаго вѣроятно), вмѣсто того чтобы входить изъ религіозныхъ причинъ въ конфликтъ съ „христіанѣйшимъ королемъ“.

Не въ интересахъ козачества было доводить до полного разрыва съ правительствомъ. Но, можетъ быть, этотъ расколъ, эта недостаточная отзывчивость Бородавки и его сторонниковъ отозвались затѣмъ на его надежды, судѣ, смерти?—такъ какъ церковно-національные интересы украинскіе въ этотъ моментъ требовали отъ козачества службы болѣе усердной, болѣе теплой, болѣе ревностной...

Все это возможно, хотя и остается въ области предположеній.

Козачество начало готовиться къ войнѣ, обирая Евреевъ и такъ усердно пополняя свои козацкія прорѣхи въ имѣніяхъ коро-

левскихъ и панскихъ, что смятеніе охватило шляхетскіи сферы. „И такъ терплю уже слишкомъ много несправедливостей отъ солдатъ и всякихъ прочихъ гулящихъ бродягъ, такъ что уже почти все у меня опустошено, а если еще и эту послѣднюю жестокость я долженъ претерпѣть отъ этого своеволія (козацкаго), то уже для моего сердца это было бы равно смерти“, писалъ королю одинъ изъ богатѣйшихъ магнатовъ Украины кн. Ю. Збаржскій и требовалъ суроваго наказанія Обалковскому за то, что онъ далъ козакамъ позволеніе собирать припасы. Но время для репрессій было не подходящее. Король въ отвѣтномъ рескриптѣ призналъ фактъ козацкаго своеволія, но указалъ только, что самъ Обалковскій занесъ уже протестацію на нихъ въ кievскій градъ. „Дѣйствительно, это сильное средство противъ такихъ честныхъ людей“, пронизировалъ на это магнатъ, первый сенаторъ государства, и самъ конечно, не придавшій бы никакого значенія такой протестаціи, поданной на него ¹⁾).

Часть козаковъ пошла все-таки на море. Выйдя изъ Запорожья и обойдя турецкій флотъ, расположившійся около устья Дуная, чтобы стеречь отъ козаковъ турецкія владѣнія, козацкія чайки шныряли по морю. Было ихъ, кажется, не много, но переполоха онѣ надѣлали достаточно и въ беззащитномъ Стамбулѣ и на остальномъ побережьи. „Нельзя и описать, какой былъ здѣсь страхъ“, сообщалъ въ срединѣ іюля п. с. французскій посолъ изъ Константинополя. „Шестнадцать кораблей козацкихъ прошли этими днями, достигнувъ до Помксевой колонны на устьи черноморскаго пролива (Босфора), разворили Карамусокъ, сожгли и разграбили здѣшнія селенія, и такой былъ отъ этого переполохъ, что множество людей начиная отъ Перы и Касомбани до Арсенала уже начали перевозить свое имущество въ Константинополь“. Въ столицѣ не было никакой охраны, никакого порядка; только три галеры стояли на стражѣ Босфора, и каймаканъ, замѣститель визиря, съ начальникомъ султанскихъ дворцовъ собирали на улицахъ разную гольтыбу и посямали различные орудія съ чужихъ кораблей, стоявшихъ въ портѣ, кое-какъ снарядили кромѣ этихъ галеръ еще сорокъ разныхъ суденъ и послали ихъ противъ козаковъ. Но эти импровизированные моряки чувствовали такое почтеніе къ козачеству, что подѣхавъ къ козацкой флотиліи и увидя, что козаки грабятъ какое-то селеніе, не отважились напасть на эти

¹⁾ Listy Zbaraskiego № 12 и 15.

шестнадцать чаякъ—изъ которыхъ половина людей ушла на берегъ и не могла ихъ защищать. Посмотрѣли на разведенный козаками пожаръ и тихонько, подъ покровомъ ночи вернулись къ себѣ обратно въ Константинополь, а предводитель этой удивительной экспедиціи успѣвшиль выслать 20 тысячъ цехиновъ въ султанскій лагерь—15 тыс. для самаго султана, а 5 тыс. для визира, чтобы отвратить султанскій гнѣвъ отъ своего малодушія¹⁾.

Больше посчастливилось кануданъ-башѣ, при возвращеніи козацкой флотиліи задавшему ей битву, и не смотря на значительныя потери, нанесенныя ему козаками, успѣвшему захватить нѣсколько чаякъ съ людьми. Онъ успѣвшиль препроводить ихъ къ султану, стоявшему съ войсками неподалеку, уже надъ Дунаемъ, и падишахъ сорвалъ теперь своей гнѣвъ на уцѣлѣвшихъ плѣнникахъ, а виновниковъ столь знаменитаго триумфа щедро одарилъ. „За такую славную побѣду“ (громаднаго турецкаго флота надъ горстью чаякъ!), повѣствуетъ турецкій историкъ, онъ былъ дважды одаренъ великолѣпной шубой, а также получилъ награду для 18 янычарскихъ старшинъ флота, а войско употребило взятыхъ негодяевъ (козацкихъ плѣнниковъ) для своей забавы: часть ихъ обратило въ цѣль для стрѣльбы изъ луковъ, и изъ нихъ самъ султанъ пробилъ нѣсколькихъ собственными стрѣлами, прочіе разорваны были слонами, нѣкоторыхъ присудили разорвать крѣчьями, разрубить и прочимъ лютымъ мукамъ предать, а одинъ изъ нихъ, отступившій отъ вѣры исламской, былъ изрубленъ на мелкіе куски“²⁾.

Въ концѣ концовъ среди шума слуховъ и преувеличенныхъ вѣстей, объ этомъ козацкомъ походѣ (пускавшихся даже умышленно, по разнымъ соображеніямъ) не легко судить о его размѣрахъ и конечныхъ результатахъ (напр. польскому гонцу, бывшему въ Кишин, по соседству этой битвы турецкаго флота съ козаками, рассказывали, что козаки, пустивъ 16 чаякъ фальшивыхъ, сдѣланныхъ изъ камыша, завлекли турецкій флотъ въ за-

¹⁾ Депенш de Cesi—Historica Russiae Mon. II с. 414.

²⁾ Нанима у Сепковскаго, Collectanea с. 150—1, ср. извѣстія Histor. Russiae Mon. с. 415, Жерела VIII № 144—здѣсь рассказывается, что султанъ самъ порывался рубить головы плѣнникамъ, сажалъ на колъ, закапывалъ живьемъ и т. п. Современный проповѣдникъ польскій Бирловскій рассказываетъ, что сорочъ плѣнниковъ козацкихъ султанъ велѣлъ посадить въ лодку и обливъ смолой зажечь и пустить такъ по Дунаю.

падно и тамъ разгромили его такъ, что мало кто спасся)¹⁾. Въ конечномъ результатѣ экспедиція интересна болѣе тѣмъ громаднымъ резонансомъ, какой она произвела, чѣмъ своими размерами или результатами.

Вниманіе польскихъ круговъ было тѣмъ временемъ сосредоточено около приготовленій къ кампаніи, подвигавшихся однако очень медленно и нескладно, и около тревожныхъ вѣстей, приходившихъ съ Дуная о движеніяхъ турецкаго войска, его громадныхъ размѣрахъ и сильномъ раздраженіи противъ Польши, проявляемомъ при каждомъ удобномъ случаѣ султаномъ. Украинскія же сферы съ напряженнымъ вниманіемъ и тревогой ждали результатовъ посольства, высланнаго къ королю съ козацкой рады. Давно еще не было такого рѣшительнаго момента въ борьбѣ украинской жизни съ враждебнымъ ей режимомъ и заинтересованные съ нетерпѣніемъ ожидали, что возьметъ теперь такой сильный козырь, какимъ было въ этой игрѣ участіе козацкаго войска въ турецкой кампаніи.

Посольство прибыло въ Варшаву въ іюль—Сагайдачный, Курцевичъ и еще двое. Эти послѣдніе намъ не извѣстны, но тѣ два были выбраны очень удачно. Сагайдачный, покрытый славой столькихъ походовъ, съ репутаціей высокой лояльности по отношенію къ Рѣчи Посполитой и королю, съ незабвенными заслугами для нихъ, увѣнчанными недавней московской экспедиціей, когда онъ вывелъ изъ такого невозможнаго положенія королевича и далъ возможность закончить съ честью эту безконечную московскую авантюру. И Курцевичъ князь-владыка, воспитанникъ италіанскаго университета, аристократъ по происхожденію и европеецъ по воспитанію подъ рысой игумена козацкаго монастыря и митрой возобновленной іерархіи, отражавшій какъ въ фокусѣ въ себѣ разнообразныя теченія, перекрещивавшіяся въ украинской жизни этого знаменательнаго момента. Уніатскій публицистъ берегъ для насъ вѣрнѣе содержаніе записки, предложенной этими послами королю; судя по сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ, она повторила мысли, изложенныя въ протестаціи м. Іова и вѣроятно

¹⁾ Жерела VIII с. 228. Во всякомъ случаѣ нѣтъ основанія думать, что въ концѣ концовъ концовъ козаки истреблены были поголовно, какъ принимаетъ напр. Третякъ (на основаніи депеша де Сези).

вышла изъ подъ его же пера¹⁾. Въ ней много говорилось о патриархѣ Ософайѣ, его пребываніи въ Москвѣ и на Украинѣ; высказывались огорченія по поводу худыхъ слуховъ, пущенныхъ о немъ и обо всемъ народѣ украинскомъ; кратко, но достаточно опредѣленно и недоброжелательно упоминалось объ униатскихъ владыкахъ. Козаки просили уладить религиозный вопросъ, отмѣнить универсалы, изданные за послѣднее время противъ православныхъ, и утвердить королевскими грамотами новозбранныхъ іерарховъ въ ихъ должностяхъ. Обѣщали за то послужить, если король исполнитъ эти просьбы²⁾.

Первая аудіенція имѣла мѣсто 20 іюля и. ст. Отпущено было посольство 31 іюля³⁾. О содержаніи переговоровъ, о королевскихъ отвѣтахъ мы имѣемъ только отрывочныя и случайныя извѣстія общаго характера. Въ запискѣ православныхъ владыкъ, приготовленной для зимняго сейма 1622—3 г., королю приводится на память приемъ, сдѣланный имъ Курцевичу: „Послѣ того, какъ онъ надлежащимъ образомъ выяснилъ свою и нашу невиновность, ваша кор. мнл. прижали его въ милость свою, доуветили къ своей рукѣ и отпустили его отъ своего королевскаго величества съ такими словами: „Получилъ ты милость нашу! Скажи и другимъ, чтобы поступили также—заслужать нашу милость“! А изъ

¹⁾ Униаты называли авторами ея виленскихъ монаховъ (*List do zakonników* л. 14), но тѣ опровергали это (*Elencus* л. 16) и очевидно это не была вѣрная догадка. Къ ней долго прилагалось упоминаніе Сагайдачнаго въ позднѣйшемъ письмѣ къ Курцевичу о „декларациі Сагайдачнаго“: *O deklaracyi Sahajdasznego moze rzec: Verba sunt, Pamphile* (такъ въ текстѣ рукописнаго оригинальнаго *Processus canonisationis* въ библи. Петерб. Академіи у Ликонскаго *Historia unii kosciola ruskiego z kosciolem rzymskim*, приб. 8, немного ниже: *Verba sunt pamphila*). До послѣдняго времени этотъ текстъ ходилъ въ болѣе чѣмъ свободномъ перефразированіи Бантышъ-Каменскаго: „Въ разсужденіи объявленія Сагайдачнаго можно сказать, что сочиненіе его предрагоцѣнно“ (*Ист. извѣстія объ униі, изд. 1864 г с. 73*) и на этомъ основаніи говорилось о литературномъ творествѣ Сагайдачнаго (еще у м. Макарія и Каманина). Въ дѣйствительности эти слова совершенно не касаются Сагайдачнаго: Сагайдакъ говоритъ Курцевичу, что его слова по поводу декларациі Сагайдачнаго, какими Курцевичъ хотѣлъ лишить значенія эту декларацию—пустые слова („Пустыя твои слова, Памфилъ“—свободная цитата изъ Терещія). ²⁾ *List do zakonników* и. 14—5.

³⁾ Современныя записки королевскаго дворянина у Кулиша *Ист. воссоед. II с. 403*.

королевского отвѣта, даннаго Запорожскому войску письменно, та же записка приводит такія слова: „Но его кор. милость по своей врожденной добротѣ допускаетъ это—не слѣпить исполненіемъ своихъ мандатовъ, ждать, что они сами признаютъ свою вину противъ его величества,—какъ это уже призналъ одинъ изъ нихъ предъ его королевскою милостью“¹⁾).

Судя по этимъ сообщеніямъ, король отвѣчалъ довольно сдержанно и уклончиво на предложенныя ему требованія. Онъ обѣщаль только задержать пока исполненіе мандатовъ (и то, быть можетъ, лишь по отношенію къ владыкамъ лично); обѣщаль простить имъ вину самовольнаго поставленія, если они явятся къ нему и покаются въ своемъ проступкѣ. Но отсюда было еще очень далеко до признанія за ними ихъ званій и утвержденія на ихъ духовныхъ должностяхъ и, очевидно, въ письменныхъ королевскихъ отвѣтахъ ничего подобнаго не было. Но въ устномъ отвѣтѣ должны были подаваться извѣстныя надежды на благоприятное разрѣшеніе религіознаго вопроса, хотя бы въ выраженіяхъ и формахъ по возможности неопредѣленныхъ—такъ чтобы затѣмъ можно было безъ большого затрудненія отречься отъ всего этого, какъ уже разъ правительство отреклось отъ надеждъ и обѣщаній, данныхъ партіарху. По крайней мѣрѣ козацкіе депутаты услышали въ этихъ отвѣтахъ очень много пріятнаго, и по словамъ современника Сагайдачный, возвращаясь изъ посольства, были вполне довольны его результатами — „съ большимъ удовлетвореніемъ получили утѣшительный для войска отвѣтъ“²⁾. Это впрочемъ человѣкъ, видѣвшійся и имѣвшій случай не разъ говорить съ Сагайдачнымъ непосредственно послѣ его посольства, и трудно допустить, чтобы старый козакъ считалъ нужнымъ „принимать довольный видъ при неудачной игрѣ“. И въ украинскихъ кругахъ считалось фактомъ, что король обѣщаль „успокоить“ религіозный вопросъ³⁾. А въ католическихъ кругахъ ходила фраза записанная позднѣйшимъ іезуитскимъ историкомъ—что король обѣщаль скорѣе позволить отобрать у себя корону чѣмъ разрѣшить схизматику занять кіевскую митрополию⁴⁾. Каждый имѣлъ чѣмъ себя утѣшить.

¹⁾ Justificacia niewinności—Архивъ I. VII с. 525—6.

²⁾ Такъ записываетъ Ян. Собѣскій; — дневникъ с. 117 ср. Commentarii (с. 35): redibat ille Varsovia, ubi legatione apud regem tinctus, optatum suis ferebat responsum.

³⁾ Матеріалы къ гет. Сагайдачнаго № 40. ⁴⁾ См. выше с. 171—2.

Въ виду данныхъ королевъ обѣщаній, православные считали не деликатнымъ выступать съ какими либо требованіями по этому вопросу на сеймѣ, созванномъ тогда, въ августѣ мѣсяцѣ, для обсужденія (слишкомъ поздно, конечно) военныхъ вопросовъ. Въ позднѣйшей своей запискѣ владыки пояснили, что исполняя желаніе короля, они дѣйствительно явились было на сеймъ, готовые представить всякаго рода объясненія, но слѣдуя совѣту компетентныхъ людей и сами разсудивъ, что теперь для этого не время, они отложили свое дѣло, чтобы не казалось, что они своими частными дѣлами хотятъ причинить затрудненія Рѣчи Посполитой, находившейся тогда въ такомъ трудномъ и тяжеломъ положеніи¹⁾. Въ такомъ случаѣ, конечно, нечего было и стараться и ѣздить на сеймъ. Вѣроятно, обѣщанія данными королевъ козацкой депутациі въ послѣдній моментъ обезоружили православныхъ. Король обѣщалъ—лояльнымъ подданнымъ слѣдовало съ полнымъ довѣріемъ и спокойствіемъ ждать исполненія его обѣщанія. Было бы не деликатно торопить его или надобѣдать упорнымъ повтореніемъ требованій, разъ уже ему предложенныхъ, и лояльныя подданные скромно развѣхались.

Козачество не ожидало для своего похода результатовъ посольства. Въ августѣ, когда въ Варшавѣ еще только собирался сеймъ для обсужденія способовъ борьбы, армія Османа уже перерешла Дунай и праздновала байрамъ, въ срединѣ августа н. ст., подъ Вѣлгородомъ, а польская армія, которая должна была встрѣтить Османа на Дунаѣ, еще только собиралась надъ Днѣстромъ и послѣ долгихъ совѣщаній рѣшила перейти его. Паника, тревога, во все стороны летѣли требованія скорѣйшаго прибытія—въ томъ числѣ и къ козакамъ. Нужно было спѣшить, не ожидая королевскаго отвѣта на козацкія петиціи.

Правда, моментъ былъ таковъ, что именно теперь можно было принудить правительство къ уступкамъ, поставивъ ему определенное *conditio sine qua non*. Но козаки не были безстыдными политиками, подстерегающими корону, чтобы предъявить ей свои требованія, когда она очутится въ затруднительномъ положеніи. Это были добрые подданные, преисполненные лояльности къ коронѣ всегда нынѣ и присно.

Въ послѣднихъ числахъ августа н. ст., когда польская ар-

¹⁾ Justificacia, Архивъ с. 526.

мія, ставъ противъ Хотина, собиралась переходить на молдавскій берегъ Днѣстра, козацкое войско подъ предводительствомъ Бородавки стояло уже на вѣжнемъ Днѣстрѣ и занималось опустошеніемъ молдавской стороны. Опустошили околицы Сорокъ и Орѣва, захватили гдѣ-то стражу господаря, и этимъ такъ напугали его, что онъ бѣжалъ изъ Яссы въ турецкій лагерь. Присоединяться къ польскому войску казаки не хотѣли, пока оно не перейдетъ за Днѣстръ: такъ заявили они черезъ свое посольство въ отвѣтъ на призывы польскихъ гетмановъ; въ польскомъ лагерѣ объяснялось это тѣмъ, что казаки не вѣрятъ Полякамъ и боятся съ ихъ стороны какой-либо измѣны—выдачи Туркамъ, какъ главныхъ виновниковъ турецкаго похода¹⁾. Это было одной изъ причинъ, принудившихъ Поляковъ въ концѣ концовъ принять рѣшеніе перейти за Днѣстръ—и польское войско стало готовиться къ переходу. Долго не могли устроить переговоровъ, пока какой-то „человѣкъ на видъ простой и незамѣтный“, вѣроятно мѣстный крестьянинъ, — „одни говорили, что Русинъ, другіе—что Литвинъ“²⁾ не взялся за 100 за. устроить мостъ черезъ Днѣстръ, и сдѣлалъ это очень остроумно и смѣло, вызвавъ всеобщее удивленіе и радость въ польскомъ войскѣ. Къ 20 августа н. с. польское войско перешло и ставъ лагеремъ подъ Хотиномъ, съ нетерпѣніемъ ожидало козаковъ, посылая къ нимъ гонца за гонцомъ.

Вмѣсто нихъ неожиданно пріѣхалъ Сагайдачный, на возвратномъ пути изъ Варшавы (21 августа н. с.). Онъ думалъ, что козацкое войско уже соединилось съ польскимъ, и поэтому направился къ польскому лагерю. Его приняли съ большой радостью. Гетманы одарили его и придавъ для безопасности двѣ козацкія хоругви и нѣсколько десятковъ польскихъ солдатъ, просили какъ можно скорѣе отправиться къ козацкому войску и повліять на козаковъ, чтобы они успѣли прибыть къ польскому войску. Передъ лицомъ турецкихъ и татарскихъ ордъ польское войско чувствовало себя очень сиротливо, и боясь или не довѣряя Бородавкѣ, всѣ надежды возлагало на Сагайдачнаго и его вліяніе, какъ искренняго сторонника Рѣчи Посполитой.

Однако оказалось, что Сагайдачный былъ посланъ напрасно. Черезъ два дня прибыло посольство Бородавки—„Дорошенко, полковникъ, пользовавшійся хорошей репутаціей у молодцевъ за свою храбрость и всегда благожелательный къ королю и Рѣчи Посполи-

¹⁾ Дневникъ Собѣскаго с. 111 и 119, его же Commentarii с. 26 и 41, Петрицій с. 88. ²⁾ Петрицій с. 90.

той“ (поддѣйный гетманъ) съ товарищами. Эти послы сообщили польскимъ вождямъ о произведенныхъ ими въ Молдавіи опустошеніяхъ и прося распоряженій, куда имъ двинуться, обѣщали ихъ съ точностью исполнить. Гетманъ Ходковичъ передалъ Бородавкѣ порученіе спѣшить въ польскій лагерь¹⁾.

Но вслѣдъ за тѣмъ разошлись тревожныя вѣсти, что турецко-татарскія войска задумали предупредить соединеніе козацкаго войска съ польскимъ, и пользуясь тѣмъ, что значительная часть козацкаго войска была разбросана по Молдавіи въ подѣздахъ („чатахъ“), рѣшили задержать козацкое войско и тѣмъ временемъ ударить на польскій лагерь. Въ польскомъ лагерѣ поднялась тревога: „каждый и самый незначительный зналъ, какъ намъ нужны козаки“, занисываетъ очевидецъ. Ходковичъ послалъ своихъ солдатъ на развѣдки, но имъ не удалось пробиться. Затѣмъ пришли болѣе утѣшительныя вѣсти. Татарамъ и Туркамъ дѣйствительно случилось разгромить нѣкоторыя козацкія „чаты“, зашедшія въ глубину Молдавіи, но задержать козацкое войско не удалось. Часть ихъ, тысячи три, изъ бывшихъ „въ подѣздахъ“, въ тотъ же день прибѣла къ польскому войску; главныя козацкія силы двинулись въ слѣдъ. При этомъ рассказы о неслыханной отвагѣ и энергіи, обнаруженныхъ козаками въ происшедшихъ битвахъ, чрезвычайно обрадовали и ободрили польское войско.

Особенно большую извѣстность среди Турокъ и Полюковъ получили одинъ эпизодъ²⁾. Татарское войско встрѣтило козацкій подѣздъ, около 300 чел., возвращавшихся изъ подѣ самой Сучавы. Не будучи въ состояніи захватить ихъ, Татары дали знать султану, и тотъ двинулся противъ этой горсти козаковъ со всей

¹⁾ *Abu z wojskiem swem u Stepanowice stanął*—Дневники с. 120. Подѣ Степановцы отправился в Сагайдачній, надѣясь найти тамъ козацкій лагерь. Это мѣсто намъ неизвѣстно. Комментарь Собѣскаго (Мемуары II с. 64) видитъ здѣсь Стефанешти на Ругѣ (на границѣ уѣзд. Сорокскаго и Оргѣвскаго), Жуковскій Стефанешти на Ругѣ (III с. 172). Но никому бы не пришло въ голову выдвигать козацкое войско такъ далеко на югъ; кромѣ того, если Сагайдачній, направляясь въ Степановцамъ, очутился не очень далеко отъ Днѣстра и Могилева, то, очевидно, указанное селеніе находилось гдѣ-то между Могилевомъ и Хотиномъ, недалеко отъ Днѣстра.

²⁾ О немъ: Нанма у Сенковскаго I с. 155—6, дневникъ т. наз. Любомирскаго с. 74 (здѣсь дано описаніе на основаніи письма Шемберга, находившагося въ турецкомъ войскѣ и бывшаго свидѣтелемъ эпизода) и дневникъ Собѣскаго с. 120—1, ср. *Commentarii* с. 45—7; Грабовскаго I с. 136.

арміей. Меньшая часть козаковъ, около 1000 чел., засѣли въ скалистой пещерѣ подѣ Прутомъ, и тамъ защищались нѣсколько дней, отстрѣливаясь и отбиваясь отъ турецкихъ войскъ, пока наконецъ султанъ не прекратилъ атакъ, приказавъ взять козаковъ дымомъ. Разложили огни, зажгли порохъ, и дѣйствительно выкурили козаковъ. Одинъ за другимъ они выходили изъ пещеры и попадали подѣ сабли янычаръ. Остальная, большая часть, оконалась въ лѣсу на другомъ берегу Прута. Пали съ большимъ войскомъ и артиллеріей напрасно атакывали ихъ лагерь цѣлый день. Напрасно султанъ, сидя въ шатрѣ на высокомъ берегу, ободрялъ войско, раздавалъ богатые дары каждому, кто приносилъ ему козацкую голову. Турки понесли громадныя потери въ людяхъ. Въ польскомъ лагерѣ рассказывали, что въ битвѣ съ этимъ ничтожнымъ козацкимъ отрядомъ погибло нѣсколько тысячъ янычаръ. Но козацкаго лагеря все-таки взять не могли. Ночью козаки потихоньку вышли изъ табора и, раздѣлившись на двѣ части, начали отступать лѣсомъ. Когда наступилъ день, они снова стали таборомъ, выкопали себѣ саблями траншеи и засыпавъ землей разставленные вокругъ возы образовали изъ нихъ импровизированный валъ. Снова цѣлый день турецкое войско штурмовало ихъ, и наконецъ подѣ вечеръ, „послѣ росы“ взяло эти небольшіе остатки козацкаго отряда—всего тридцать человекъ, остальные погибли за эти два дня, пѣкоторые успѣли убѣжать.

Всего было поймано изъ козацкихъ подѣѣздовъ больше двухсотъ плѣнниковъ, и султанъ устроилъ себѣ изъ нихъ кровавую потѣху: козаковъ рубили на куски, разстрѣливали изъ мушкетовъ и ружей; нѣсколькихъ султанъ застрѣлилъ собственноручно. Два остались въ живыхъ: одного султанъ подобно античному тирану, воспѣтому Шиллеромъ, оставилъ въ качествѣ заложника, а другого послалъ къ козакамъ, подговаривать ихъ покинуть Поляковъ и пристать къ Туркамъ—общалъ имъ за это всяческую милость и покровительство, предоставляя въ качествѣ козацкой столицы любой городъ,—Бѣзъ или Каменецъ ¹⁾).

¹⁾ Это была не первая попытка со стороны Турокъ возмутить козаковъ. Одинъ агентъ рассказывалъ, что изъ Адрианополя были посланы на Украину 12 плѣнниковъ съ патриаршими письмами къ Украинцамъ схизматикамъ—Теки Нарушевича № 111, № 145, и въ дневникѣ т. наз. Любомірскаго читаемъ, что султанъ передѣ своимъ прибытіемъ разослалъ къ козакамъ плѣнниковъ и монаховъ съ патриаршими письмами, подговаривая противъ Польши (с. 68).

Среди этихъ движеній турецко-татарскихъ войскъ, имѣвшихъ цѣлью отрѣзать козакамъ нуть къ польскому лагерю, едва не погибъ самъ Сагайдачный, такъ неосторожно посланный польскими гетманами черезъ наполненную непріятелемъ территорію. Гдѣ стояло козацкое войско, въ польскомъ лагерѣ не знали; отправившись наугадъ, Сагайдачный съ спутниками попали на широкій слѣдъ войска и полагая, что это слѣдъ козацкій, двинулись по этому слѣду. Была уже почь; издали видѣлся дымъ и огни какого-то большого лагеря; увѣренный, что передъ нимъ козацкій лагерь, Сагайдачный смѣло направился туда, торопясь скорѣе прибыть. Но когда стало свѣтать, Сагайдачный присмотрѣвшись къ лагерю замѣтилъ свою ошибку: передъ нимъ видѣлись турецкіе шатры. Нужно было убѣгать какъ можно скорѣе. Но турецкая стража успѣла замѣтить непріятеля и бросилась за ними. Видя, что на своихъ измученныхъ лошадяхъ онъ все равно не убѣжитъ, Сагайдачный смѣло ударилъ на поговю. Но въ это время въ турецкомъ лагерѣ разошлась уже вѣсть о непріятелѣ и всѣ полетѣли на помощь. Сагайдачный получилъ въ этой битвѣ опасную рану—ему прострѣлили руку. Увидѣвъ, что Турокъ прибываетъ все больше и силы становятся неравными, онъ бросился въ кустарники, и оставивъ лошадей, нѣшкомъ пробирался по лѣсу. Ироблудивъ цѣлыя сутки въ лѣсу, безъ проводниковъ, не зная дороги, измученный тяжелой раной—такъ и не замѣтившей и сведшей его потомъ въ могилу—Сагайдачный все таки избѣжалъ погони. Добравшись до берега Днѣстра и переправившись, онъ въ концѣ концовъ добрался все таки до козацкаго лагеря, стоявшаго въ это время около Могилева ¹⁾.

Пріѣздъ Сагайдачнаго произвелъ перемѣну въ козацкихъ отношеніяхъ. Среди козаковъ было большое недовольство Бородавкой. Или онъ не доросъ до роли вождя въ большемъ стилѣ или ему не повезло—но во всякомъ случаѣ подъ его предводительствомъ дѣла шли плохо. Неудачно разбросавъ подѣзды, онъ далъ возможность Туркамъ и Татарамъ переловить и избить много козаковъ, кромѣ того не успѣлъ сдѣлать достаточныхъ запасовъ для лошадей, а теперь этого уже нельзя было поправить, когда турецко-татарскія войска подошли подъ самый фронтъ. Не легко даже было соединиться съ польскимъ войскомъ,

¹⁾ Этотъ эпизодъ рассказываетъ Собѣсскій—дневникъ с. 123, Commentarii с. 48 (пер. с. 64)).

Турки могли отрѣзать козаковъ отъ него. Враждебныя Бородавкѣ теченія и круги брали верхъ. Когда Сагайдачный явился въ козацкій лагерь, его встрѣтили оваціями. Съ одобреніемъ приняли его отчетъ о результатахъ посольства къ королю, о встрѣчѣ съ королевичемъ, спѣшившимъ со своимъ отрядомъ въ хотинскій лагерь, о переговорахъ съ польскими гетманами въ хотинскомъ лагерѣ. Тактика Сагайдачнаго, рекомендовавшая возможную лойяльность и предупредительность по отношенію къ Рѣчи Посполитой, чтобы достигнуть реализаціи обѣщаній данныхъ королемъ (вѣроятно, также и королевичемъ)—была одобрена. Бородавка оказавшійся не на высотѣ положенія, по независѣвшимъ ли отъ него прештствіямъ, или потому что не имѣлъ вообще желанія принаравливаться къ польскимъ интересамъ и ставилъ интересы козацкаго добычничества выше интересовъ кампаниі—долженъ былъ заплатить за неблагоприятное положеніе дѣлъ. Рада лишила его гетманства и избрала гетманомъ Сагайдачнаго.

Противъ Бородавки выставлены были разные обвиненія; его заковали въ кандалы и нѣсколько дней спустя, уже подъ Хотиномъ, судили, осудили на смерть и казнили въ козацкомъ кругу, 8-го сентября н. с. Обвиненія возведенныя на него, современникъ передаетъ такъ: „онъ неблагоуразумно, а правду говоря неудачно разослалъ отряды по молдавской землѣ, направляясь къ лагерю, и благодаря этому погибло нѣсколько сотъ козаковъ“; другой современникъ, исходя больше изъ польской точки зрѣнія, прибавляетъ еще другую вину—опозданіе въ польскій лагерь¹⁾. Вѣроятно, недостатокъ принасовъ для лошадей, обнаружившійся сейчасъ же по приходѣ въ польскій лагерь и вызвавшій волненіе среди козаковъ, былъ едвали не главнѣйшей причиною трагическаго конца несчастливаго гетмана: на него, на его неудачныя распоряженія сложили вину всѣхъ этихъ злоключеній, вслѣдствіе которыхъ козаки понесли большія потери и боялись окончательно остаться безъ лошадей въ виду позднего прихода фуража²⁾. Но, конечно, совершенно фантастическими были слухи, ходившіе въ польскомъ лагерѣ—будто на Бородав-

¹⁾ Дневникъ с. 23, 83, 123 и письмо Собѣскаго у Третьяка с. 207. Грабовскій I. с. 140, Петричій с. 118.

²⁾ Дневникъ с. 144.

ку пали подозрѣніи, что онъ хотѣлъ измѣнить, передаться Туркамъ и т. п. ¹⁾.

Такимъ образомъ булава еще разъ— послѣдній ужѣ, перешла въ израненную руку Сагайдачнаго, столько разъ носившую ее. Неизвѣстно, на сколько онъ самъ добивался этого. Въ извѣстіяхъ современниковъ Поляковъ о казни Бородавки никакимъ намекомъ не подчеркивается личное участие Сагайдачнаго въ переворотѣ, но эти извѣстія кратки и отрывочны ²⁾. Такъ или иначе онъ получилъ возможность повести дѣло соответственно своимъ взглядамъ и своей тактикѣ.

Его тактику мы знаемъ— „заслужить“ у короля и этимъ путемъ обезпечить осуществленіе данныхъ имъ обѣщаній. И ведомые жадной энергіей Сагайдачнаго, казаки съ своей стороны выполнили эту задачу и сдѣлали изъ исторіи хотинской кампаніи

¹⁾ Дневники с. 18, 23 и еще одинъ аналогическій рассказъ въ петерб. публ. библ. Разнояз. № 17. Третякъ допускаетъ, что Бородавку дѣйствительно подозрѣвали въ сношеніяхъ съ Турками и намѣреніи передаться имъ, а Сагайдачный опасался, что Бородавга находясь въ лагерѣ, можетъ поднять противъ него возмущеніе, а потому для обезпеченія своей власти „обжаловалъ Бородавку передъ козацкимъ кругомъ“ (с. 151). Но въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, обвиненіе въ измѣнѣ было бы опредѣленно указано въ современныхъ дневникахъ. Иное освѣщеніе дается этому эпизоду у некоторыхъ украинскихъ историковъ. Въ „Весѣдахъ про козацькі часи“ пок. Антоновича Сагайдачный, согласно съ „Исторіей Руссовъ“ (см. выше с. 144), требуетъ у Поляковъ выдачи Бородавки, обвиняетъ его въ измѣнѣ козацкому дѣлу, какъ вѣрнаго слугу Поляковъ, велитъ разстрѣлять передъ польскимъ лагеремъ, и послѣ этого присоединяется къ польскому войску (с. 44). У Каманина казаки избираютъ Бородавку на время, пока Сагайдачный фактиче въ польскій лагерь и блуждалъ затѣмъ въ поискахъ козаковъ: они думали, что Сагайдачный погибъ и выбрали Бородавку (авторъ упускаетъ изъ виду, что Бородавка былъ гетманомъ полтора года) Вернувшись въ козацкій лагерь, Сагайдачный „для возвращенія себѣ власти, нашелъ кавія то вины за Бородавкой и казнилъ его“. Такимъ образомъ его смерть осталась на „совѣсти Сагайдачнаго: „совѣсть свою умирая Сагайдачный облегчаетъ тѣмъ, что поручаетъ записать Бородавку въ свой помянникъ“ (ст. 27).

²⁾ Наоборотъ одинъ изъ дневниковъ припоминаетъ Бородавкѣ, что онъ годъ тому *perversis factionibus ac machinationibus* отнялъ булаву у Сагайдачнаго (дневникъ Публ. библ., тоже въ дневникѣ Остророга с. 23). Симпатіи Поляковъ были на сторонѣ Сагайдачнаго— этого также не слѣдуетъ упускать изъ виду.

исторію несравненныхъ подвиговъ отваги и самоотреченія на пользу и честь республики-мачехи, — подвиговъ, преисполнившихъ удивленія и признательности очевидцевъ Поляковъ, а въ потомкахъ этихъ героевъ вызывающихъ смѣшанные чувства гордости, сожалѣнія и—стыда за эти рабскія геройства ради врага-господина, непримиримо-враждебнаго режима, каждая услуга которому въ концѣ концовъ была преступленіемъ передъ собственными національными интересами ¹⁾).

Прежде всего передъ Сагайдачнымъ лежала трудная задача—провести козацкое войско для соединенія съ польскимъ. Татарская орда и передовыя турецкіе полки уже врѣзывались между ними и грозили разорвать сообщенія. Но Сагайдачный удачными движеніями сумѣлъ проложить дорогу своимъ войскамъ со всѣмъ обозомъ. Это потянулось цѣлую недѣлю, но благодаря неумѣству Сагайдачнаго обошлось безъ большихъ потерь, хотя все время приходилось идти съ оружіемъ въ рукахъ, отбиваясь отъ враговъ,—однимъ изъ польскихъ дневниковъ записывается, что Турки захватили только одного козака и привели къ султану, а тотъ, узнавъ, что это козакъ, велѣлъ разстрѣлять его. И перваго сентября п. с., вечеромъ, имѣя позади татарскую орду, козацкое войско подошло къ польскому лагерю и стало отъ него „на выстрѣлъ изъ лука“, на лѣвомъ флангѣ ²⁾). Было козацкаго войска, по польскимъ извѣстіямъ, до сорока тысячъ ³⁾, его составъ описывается такимъ образомъ: полкъ Сагайдачнаго 3000 коннаго войска, полкъ Ивана Зыскаря (?) 2.320, Богдана Курюши 1800, Тимоша Федоровича 1400, Мойсеха (?) Писарка 2500,

¹⁾ Съ этой стороны исторія Хотинской кампаніи, не особенно интересной для непосредственной нашей задачи, цѣнна и для насъ—подробностями козацкаго участія въ ней, характерными для исторіи быта и для оцѣнки отношеній польскаго правительства къ козачеству.

²⁾ Дневники с. 18, 44, 125, Жерела VIII с. 249, Грабовскій I с. 130.

³⁾ Третьимъ въ своемъ изслѣдованіи принимаетъ цифру козацкаго войска въ 30 тыс.—какъ у Собѣскаго, Писецкаго и въ неизданномъ реестрѣ Такъ Нарушевича III с. 403 (здѣсь замѣчаніе, что посчитаны только тѣ, кто имѣлъ по крайней мѣрѣ ружье). Реестръ, изданный у Паули считаетъ 40 тыс., какъ и Вассенбергъ. Детальный подсчетъ, наданный въ Жерелахъ VIII № 151 приведенный въ текстѣ имѣетъ больше значенія, чѣмъ эти общія цифры; онъ даетъ общее число козаковъ 41520.

Федора Виллбородька 3200, Данила Деркала 3000, Адама Подгурскаго 3700, Сидора Семаковича 3500, Василя Лудкевича 4100, Яцка Гордиенка 2700, Цецюры Севрука 3200, Ивана Гордія 2000¹⁾. Артиллерія козацкая состояла изъ 20 мѣдныхъ пушекъ и 2 желѣзныхъ съ запасомъ пороха и пуль. Польскаго войска было 35 тысячъ, вмѣстѣ съ полкомъ королевича Владислава, пришедшимъ вслѣдъ за козаками. Въ этомъ числѣ было около 8—10 тыс. регулярныхъ козацкихъ хоругвей. Артиллерія польская была въ очень плохомъ состояніи, многія пушки были не годны, не имѣли ядеръ. Также плохо была поставлена доставка провіанта. Нерегулярное, почти бесплатное, убогое козацкое войско²⁾ во многихъ отношеніяхъ стояло выше государственнаго войска, особенно подъ желѣзною рукою Сагайдачнаго. Турецкаго войска, годнаго къ бою, насчитывали 150 тысячъ (а со всякой прислугой до 300 т.), кромѣ того при немъ была огромная орда Татаръ, нѣсколько десятковъ тысячъ³⁾.

Сагайдачный какъ разъ во время привелъ свое войско, такъ какъ вслѣдъ за нимъ на другой день подъ Хотинъ подошли турецкія войска. И первымъ дѣломъ онѣ ударили на козацкій лагерь, выдвинутый впередъ и еще не вполне укрѣпленный—противъ козаковъ Турки и Татары были особенно раздражены, и могли рассчитывать, что уничтоживъ козаковъ, легко покончатъ и съ польскимъ войскомъ. Но козацкое войско не смотря на то, что было утомлено труднымъ маршемъ и не успѣло еще какъ слѣдуетъ расположиться, держалось хорошо и поддерживалось польскими вспомогательными отрядами, дало неприятелямъ дружный отпоръ. На другой день нападеніе повторилось, снова Турки „всю фурію свою обратили на запорожскихъ козаковъ“ и козаки снова „очень мужественно выдержали весь этотъ натискъ“, по словамъ очевидца, и даже сами перешли въ атаку. Еще болѣе значительная битва имѣла мѣсто на третій день (4 сентября),

¹⁾ Жерела VIII № 151, с. 250, имена полковниковъ сильно испорчены; исправляю ихъ по возможности.

²⁾ О вооруженіи козацкаго войска замѣчаетъ цитированный дневникъ Тевъ Нарушевича: запорожскихъ козаковъ было 30.000 по крайней мѣрѣ имѣвшихъ ружья и годившихся для нѣшей службы, а сабли имѣли не всѣ—с. 403.

³⁾ Сводъ разныхъ извѣстій о числѣ турецко-татарскаго войска у Третьяка с. 151—4, гдѣ также указано, какъ въ польскихъ источникахъ постоянно увеличивалось количество этого войска для вящаго возвеличенія хотинскаго триумфа.

когда турецкое войско ударило всеми силами, и снова главнымъ образомъ на козаковъ. Самъ султанъ выѣхалъ посмотреть на турецкіе триумфы. Но на этотъ разъ козаки не только отбились ¹⁾, но, выйдя изъ лагеря, при поддержкѣ Поляковъ сбили Турокъ съ позицій, уничтожили ихъ пушки, ворвались въ турецкій лагерь и только благодаря своей несдержанности—бросившись грабить обозъ—дали возможность турецкому войску оправиться и вытѣснить ихъ изъ лагеря. Все-таки козаки захватили нѣсколько знатныхъ лицъ и одного пацу Сагайдачный прислалъ въ подарокъ Ходкевичу. Все это навело на Турокъ такой страхъ, что они собирались бѣжать, а султанъ, какъ рассказывали, просто плакалъ отъ злости ²⁾.

Затѣмъ было нѣсколько дней болѣе спокойныхъ. Турки время отъ времени возобновляли свои атаки, нападая главнымъ образомъ на козацкій лагерь ³⁾. Обстрѣливали его изъ пушекъ. Ногайская орда Кантемира передвинулась за Днѣстръ и разорвала сообщеніе съ Каменцемъ. Все это предвѣщало долгую, затяжную войну и тревожило польское и козацкое войско. Подвозъ запасовъ прерывался, доставало многого, даже пороху; лошадямъ не хватало овса и корма, они болѣли и погибали въ большомъ количествѣ. Въ польскомъ лагерѣ болѣло много людей. Въ немъ началось дезертирство, и Ходкевичъ нарочно не велѣлъ исправлять мостъ черезъ Днѣстръ, чтобы меньше народу убѣгло. Много шляхтичей изъ знатныхъ фамилій, какъ передаетъ польскій мемуаристъ, пряталось въ возахъ, которые должны были идти за провіантомъ, чтобы такимъ образомъ выбраться изъ лагеря; но разъ ихъ вытаскивали оттуда и съ позоромъ водили по лагерю ⁴⁾.

Въ виду описанныхъ симптомовъ упадка духа и деморализаціи польскіе и козацкіе вожди считали необходимымъ приложить все усилія, чтобы рѣшительнымъ ударомъ окончить кампанію. Смѣлая козацкая атака на турецкій лагерь дала мысль произвести на Турокъ ночное нападеніе. Этотъ планъ,

¹⁾ „Защитались удивительно храбро“, замѣчаетъ о нихъ въ разсказѣ объ этой битвѣ Собѣскій.

²⁾ Дневники с. 126—7, 129, 130—1, письмо Собѣскаго у Третьяка с. 204.

³⁾ См. дневники с. 134—137, 139; пишетъ это лицо, находившееся не въ козацкомъ лагерѣ, а въ польскомъ и съ точки зрѣнія польской. ⁴⁾ Commentarii с. 99—100.

вѣроятно поданный козаками и горячо поддержанный Сагайдачникомъ на польскомъ военномъ совѣтѣ, рѣшено было осуществить въ ночь подъ 12 сентября. Главную роль должны были играть козаки: они должны были подползти подъ турецкій обозъ въ количествѣ 20 тысячъ, и съ ними венгерская пѣхота. Конные регулярные козаки должны были напасть первыми, за ними имѣли ворваться въ турецкій лагерь пѣшие запорожскіе козаки съ венгерской пѣхотой, а польская конница, съ большимъ шумомъ для выцѣлаго эффекта, съ музыкой, трубами и бубнами тоже должна была двинуться противъ Турокъ. Ночью былъ данъ знакъ и войско стало готовиться; но сборы потянулись довольно долго и когда войска вышли изъ лагерей, уже стало свѣтать. Однако Запорожцы пошли ползкомъ, успѣли приблизиться къ самому лагерю, пока еще разсвѣло; они были уже у турецкихъ шатровъ, не замѣченные Турками. Но въ это время пошелъ дождь. Козаки опасались, что у нихъ замокнутъ ружья и нельзя будетъ стрѣлять. Дали знать Ходкевичу, что изъ нападенія, вѣроятно, ничего не выйдетъ и войску былъ данъ приказъ возвратиться, а планъ сохраненъ въ тайнѣ¹⁾.

Эта неудача, отодвигая конецъ войны на неопредѣленное время, послужила причиной волненій въ козацкомъ лагерѣ. Какъ было указано выше, козацкіе полки, опоздавъ, не успѣли приготовить записовъ, и въ козацкомъ лагерѣ приходилось терпѣть большія лишения. Лошади гибли безъ корма, и козаки боялись остаться пѣшими. Спитались по польскому лагерю, выпрашивая сѣна, и польскіе воины, какъ милостыню, бросали имъ вязки фуражу, кто сколько могъ, и дѣлились сухарями. Но такъ выпрошеннымъ припасомъ трудно было существовать, тѣмъ болѣе, что польское войско и само не роскошествовало: за отсутствіемъ сѣна кормили лошадей дубовыми листьями, да и ихъ трудно было достать. Недовольство среди козаковъ все увеличивалось. Жертвой его палъ Вородавка, казненный 8 сентября. Послѣ неудачной экспедиціи 12 сентября снова начались волненія въ козацкомъ лагерѣ. Козаки приставали къ Сагайдачному, требуя, чтобы онъ бросилъ Поляковъ и возвращался на Украину. Другіе обращались къ польскимъ вождямъ, указывая, что изъ-за ничтожной платы 40 тыс. зл., которые они имѣли получать за службу (и то это было еще журавль въ небѣ), они не могутъ рисковать погибнуть здѣсь безъ хлѣба и фуража.

¹⁾ Дневники с. 85, 142, Commentarii 86—7.

Конашевичъ далъ знать объ этомъ Ходкевичу и королевичу Владиславу. Владиславъ, очень популярный среди козаковъ, былъ въ это время боленъ и не могъ лично служить посредникомъ. Рѣшено было, что онъ пошлетъ отъ себя комиссаровъ—воеводу познанскаго Опалинскаго, Стан. Любомірскаго, замѣщавшаго тогда гетмана польнаго, и Як. Собѣскаго (автора наиболѣе цѣнныхъ мемуаровъ объ этой кампаніи). Они были приглашены на козацкую раду и здѣсь Собѣскій, хорошо знакомый съ козаками еще по московской войнѣ, держалъ рѣчь, восхваляя ихъ заслуги передъ Рѣчью Посполитой, старья и новья, и просилъ ради кор. Владислава выдержать до конца эту кампанію; обѣщавъ именемъ польскихъ комиссаровъ прибавку 10 т. зл. при томъ условіи, что возвращаясь козаки не будутъ производить никакихъ насилій и спокойно будутъ ожидать уплаты, гдѣ имъ будетъ указано. Прибавка была жалкая, и при томъ еще въ далекой перспективѣ, поэтому рада козацкая неохотно приняла сладкія рѣчи Собѣскаго, жалуясь, что деньги все таки малыя, и неизвѣстно еще, когда ихъ уплатятъ. Но Сагайдачный и остальная козацкая старшина пустила въ ходъ все свое вліяніе, и благодаря ихъ авторитету и популярности королевича, для котораго якобы все это дѣлалось, козаковъ удалось успокоить и уговорить остаться до конца кампаніи. Козаки потребовали только, чтобы имъ все обѣщанное было подтверждено письменно комиссарами и сенаторами, бывшими въ польскомъ войскѣ, и это было исполнено¹⁾. И когда гетманъ Ходкевичъ нѣсколько дней спустя созвалъ военный совѣтъ съ участіемъ Сагайдачнаго и козацкихъ полковниковъ и чтобы узнать настроеніе войска, поставилъ вопросъ, не лучше ли своевременно отступить, въ виду отсутствія запасовъ и деморализаціи войска—козацкая старшина рѣшительно воспротивилась этому и поддержала настроеніе польскихъ вождей. „Не будучи шляхтичемъ, онъ доказалъ, что отвагой можетъ помѣряться съ самими выдающимися рыцарями“, наивно замѣчаетъ при этомъ польскій мемуаристъ о Сагайдачномъ²⁾. А среди наступившаго затѣмъ затишья козаки для развлеченія осуществили собственными силами планъ ночного нападенія, только въ меньшихъ размѣрахъ, одинъ разъ и другой, съ большимъ эффектомъ: побили Турокъ, разграбили и настрашили пашей; едва не поймали

¹⁾ Дневники с. 144, Commentarii с. 116—8—92—3 пер.

²⁾ Commentarii 126—7—97 пер.

самаго Гуссейна-пашу, бывшаго визира—онъ скрылся въ лѣсу и тамъ пролежалъ въ какой то ямѣ, до утра, едва живой отъ страха, а козаки съ триумфомъ принесли въ лагерь его дорогую соболью шубу, крытую парчей, и другія вещи. Разохощенные этимъ успѣхомъ козаки два дня спустя снова ударили на турецкій лагерь, расположенный за Днѣстромъ, около моста и разгромили его; однако снова „вопреки запрещенію своего гетмана“ соблазнились грабежомъ и дали Туркамъ время оправиться¹⁾).

Среди такихъ непріятныхъ сюрпризовъ и неудачныхъ атакъ на польскій и козацкій лагери, успѣлъ остыть военный пылъ султана, сначала ничего не хотѣвшаго слышать о какомъ либо соглашеніи. Переговоры, начатыя еще послѣ упомянутой неудачной ночной атаки при посредствѣ молдавскаго господара, но не поддержанныя тогда Турками, теперь были приняты ими гораздо болѣе охотно. Еще разъ, получивъ извѣстіе о смерти старика Ходкевича (24 сентября), они сдѣлали попытку использовать этотъ моментъ. Хотя смерть Ходкевича скрывали, но Турки узнали о ней немедленно и на другой же день, надѣясь воспользоваться замѣшательствомъ, ударили всѣми силами на польскія и козацкія войска. Но когда и эта битва не удалась, они на другой день предложили прислать пословъ для рѣшительныхъ переговоровъ. Правда, попробовали, не будетъ ли польско-козацкое войско мѣшѣ осторожно, полагаясь на эти переговоры, и еще разъ завязали битву со всѣми своими силами—болѣе жестокую, чѣмъ всѣ предыдущія (28 сентября), но она была и послѣдней. Польское и козацкое войско, которому Турки „давали себя знать всею своею силой“²⁾, отбило ихъ и причинило большія потери, и этимъ военныя дѣйствія закончились. Несмотря на одержанную побѣду польская старшина тоже горячо жаждала конца войны въ виду отчаяннаго своего положенія: совсѣмъ уже не хватало ни пороху, ни пуль, сообщеніе было прервано, татарскія отряды шатались въ тылу арміи, а о вспомогательныхъ полкахъ изъ Польши, о всеобщемъ шляхетскомъ ополченіи, давно созванномъ, все еще ничего не было слышно, не смотря на всѣ напомнанія изъ подъ Хотина. Поэтому на другой же день были высланы послы для переговоровъ; въ инструкціи поручалось имъ заключить миръ на старыхъ условіяхъ³⁾, а для того, чтобы сдѣлать турецкія

¹⁾ Дневникъ Собѣскаго с. 147, 149, 150. ²⁾ Дневникъ с. 154.

³⁾ Инструкція въ дневникахъ с. 157.

сферы болѣе уступчивыми, посламъ разрѣшено дать подарки наиболѣе вліятельнымъ турецкимъ вельможамъ.

Но хотя султанъ уже сильно остылъ и отъ прежней его горячности не осталось ничего, — всетаки на предложенныхъ ему условіяхъ онъ мириться не хотѣлъ. Турецкіе уполномоченные требовали для Порты ежегоднаго „харача“ (дани) и наказанія козаковъ за ихъ нападенія. Польскіе послы не соглашались на эти требованія. Относительно козаковъ они лишь на будущее время обѣщали, что козацкіе наѣзды не будутъ повторяться; при этомъ повторяли старые рассказы, что козацество возрастаетъ влѣдствіе татарскихъ нападений, а морскіе походы по большей части исходятъ отъ донскихъ козаковъ — они именно были въ послѣднемъ походѣ; валили все на муртаво Бородавку — что онъ былъ главнымъ зачинщикомъ, за что уже заплатилъ жизнью: сами козакъ его казнили. Теперь же, заявляли послы, о наказаніи козаковъ не можетъ быть и рѣчи, послѣ того какъ они провели эту кампанію совместно съ Поляками, и Поляки ручались имъ, что не выдадутъ ихъ. „Не пристало намъ отступаться и наказывать тѣхъ, кто несетъ такую службу нашей отчизнѣ, какую и Турки сами видѣли: теперь они уже не своевольники, а товарищи наши принятыя Рѣчью Посполитой на службу и жалованіе какъ и мы“¹⁾.

Кромѣ такихъ благородныхъ мотивовъ, которыми Поляки очень гордились, въ этомъ случаѣ принимался въ расчетъ и болѣе практическія соображенія: дать возможность Туркамъ отдѣлать Поляковъ отъ козаковъ было очень опасно, такъ какъ прежде всего сами же Турки могли воспользоваться такимъ раздѣленіемъ. Поэтому послы не приняли совѣта одного изъ посредниковъ обмануть Турокъ, выдавъ имъ какихъ нибудь арестантовъ изъ каменецкой или иной тюрьмы подъ видомъ запорожскихъ предводителей: послы сообразили, что это оттолкнуло бы козаковъ отъ нихъ и „лишило бы польскій лагерь отличныхъ воиновъ“²⁾. Но подобную фикцію относительно харача они допустили: обязать Рѣчь Посполитую ежегодною данью султану послы рѣшительно отказались, но согласились дать дары султану и хотя понимали, что эти дары въизиръ предложить султану въ качествѣ харача, дани — все таки не протестовали противъ этого³⁾.

¹⁾ Дневники с. 165—6, Commentarii с. 166—7=112—3 пер.

²⁾ Commentarii 171 с. 115 пер.

³⁾ Срал. у Третьяка оп. с. 187.

Щедрые подарки, обѣщанные главнѣйшимъ совѣтникамъ султана, устранили все затрудненія, и въ 3—5 числа октября соглашеніе было установлено, а 9 октября заключено формально и о немъ извѣстили козацкую раду. „Еще при жизни пок. великаго гетмана (Ходкевича) было имъ обѣщано честию и совѣстью, что отъ нихъ не отступимъ, Туркамъ не выдадимъ и безъ сношенія съ ними не приступимъ къ трактатамъ, тѣмъ болѣе—не заключимъ; и все время гетманъ Сагайдачный со старшинами и важнѣйшими полковниками бывали на самыхъ тайныхъ совѣщаніяхъ, поэтому и теперь я въ ихъ колѣ далъ подробный отчетъ о всѣхъ переговорахъ и заключеніи трактата, а одновременно именемъ королевича и п. гетмана спросилъ объ ихъ намѣреніяхъ относительно порядка передвиженія войска подъ Каменецъ; они выразили удовольствіе по поводу условій мира и обѣщали исполнить все касавшееся ихъ въ той покорности, какой они обязаны по отношенію къ Рѣчи Посполитой*—записываетъ одинъ изъ пословъ Ян. Собѣскій¹⁾. Здѣсь имѣется въ виду первое условіе договора—что козаки не будутъ выходить на море. Старшина должна была понимать, что безъ этого соглашенія съ Турками не можетъ состояться, и должна была дать согласіе, очевидно полагаясь на то, что какъ нибудь все это еще образуется.

Что касается порядка отступленія, Сагайдачный изъявилъ готовность согласоваться съ распоряженіями королевича. Но затѣмъ не придерживаясь этихъ распоряженій козаки спѣшно ночью двинулись за Днѣстръ, не ожидая польскаго войска: вѣроятно, они боялись, какъ бы несмотря на все благородныя увѣренія Поляковъ, имъ не пришлось плохо. Перейдя Днѣстръ, они расположились лагеремъ подъ Брагою и продолжительной стрѣльбой привѣтствовали королевича, когда онъ проѣзжалъ мимо ихъ лагеря²⁾.

¹⁾ Дневники с. 179, Commentarii 162—с. 124 пер.

²⁾ Дневники с. 181. Никакихъ подробностей прощанія королевича съ козацкимъ войскомъ или Сагайдачнымъ дневники не даютъ; для этого и не было мѣста, такъ какъ козацкое войско поспѣшило какъ можно скорѣе, украдкою уйти изъ польскаго лагеря. Въ виду этого обильныя подробности о всѣхъ знакахъ вниманія кор. Владислава къ Сагайдачному, разныхъ подаркахъ, данныхъ ему при прощаніи, съ такими соблазнительными деталями сообщаемыя въ сборникѣ Величка, должны считаться фантазіями точно также какъ и приведенная тамъ якобы подлинная корреспонденція Сагайдачнаго съ кор. Ягигимонтомъ. Эти письма—фальсификаты, вѣроятно, самого Величка; рассказы его—фантазіи въ

Уходя изъ-подъ Хотина, козаки послали также посольство къ королю. Обѣщали въ будущемъ свою службу и послушаніе, обѣщали не нарушать договора съ Турками, на море не выходить, а за то, въ виду оказанныхъ услугъ и безчисленныхъ жертвъ кровью и жизнью, понесенныхъ для Рѣчи Посполитой, просили разныхъ льготъ, и между прочимъ— „успокоенія вѣры нашей старинной греческой“¹⁾.

Въ этомъ смыслѣ просили ходатайствъ передъ королемъ у королевича, гетмана и комиссаровъ—свидѣтелей ихъ „кровавыхъ заслугъ и вѣрности“.

тому же духѣ. Третьякъ, признавъ эти письма апокрифами „созданными вѣроятно во времена Хмельницкаго“ (въ дѣйствительности— въ эпоху Мазепы, какъ показываетъ ихъ языкъ), все таки хотѣлъ видѣть въ рассказѣ Величка образецъ того, какъ „въ преданіяхъ козацкихъ отразился образъ королевича и его отношенія къ козацкѣ“, и кое-что востаяи ввелъ въ свое изложеніе (с. 194—онъ ссылается при этомъ на предсмертное письмо Сагайдачнаго, напечатанное въ Актахъ Юж. и Зап. Рос. II № 47, но это письмо взято у Величка же, I прил. с. 47, также какъ и рассказъ Лукомскаго *ibid.* IV с. 175). Каманинъ также воспользовался этими величковскими документами и извѣстіями, и вызвалъ этимъ бѣдкія замѣтки Корзона (см. выше с. 75). Жуковичъ въ виду замѣчаній Корзона былъ осторожнѣе, хотя въ его словахъ и звучитъ нѣкоторое недовѣріе къ такой гиперкритикѣ и кое-что онъ заимствовалъ изъ этихъ апокрифовъ, хотя и съ оговоркой (III с. 190—1). Но, конечно, ихъ разъ на всегда слѣдуетъ выбросить изъ историческаго обихода, какъ и всякую другую величковщину: она имѣетъ интересъ для изученія эпохи Величка, а не описываемыхъ имъ событій.

¹⁾ Жерела VIII ч. 152.

III.

Отъ Хотина до Курукова.

Конецъ турецкой грозы. Разочарованія православныхъ. Церковно-національныя требованія и козачество. Польско-козацкая война 1625 г.

Хотинская война была апогеемъ козацкой славы въ польской Рѣчи Посполитой. Поляки участники и современники войны не находили выраженій признательности за услуги, оказанныя козаками общей отчизнѣ, словъ похвалы за ихъ военные подвиги, отвагу и мужество. Ихъ сравнивали съ классическими образцами отваги и патриотизма, ставили даже выше античныхъ героев—больше уже нельзя было сказать въ эти псевдоклассическія времена¹⁾. Ихъ считали главными спасителями Польши отъ страшной турецкой опасности—современный украинскій мемуаристъ, шляхтичъ Ерличъ, далеко не сторонникъ козачества, передавая взгляды своихъ круговъ, признаетъ главную заслугу въ этой войнѣ за Сагайдачнымъ; „онъ несъ на себѣ всю тяжесть войны, и руководилъ ею, и что совѣтывалъ, то принимали гетманы и королевиць е. милость“²⁾. Правда, онъ при этомъ не упускаетъ пояснить, что этотъ Сагайдачный былъ человекъ не простого происхожденія, а шляхтичъ изъ Самбора. Но Поляки, не подозревая этого шляхетскаго происхожденія Сагайдачнаго, великодушно признавали, что онъ и прочіе его товарищи, не будучи

¹⁾ Современный біографъ кор. Владислава Вассенбергъ, рассказывалъ приведенный выше эпизодъ, какъ Турки бились съ небольшимъ козацкимъ отрядомъ (выше с. 195) пишетъ: *Macte beatissimos meo iudicio viros et Lacedaemoniorum gloriam longe superantes. Illi quippe trecenti et ad Thermopylas; hi nonnisi sexaginta numero et in aperto campo parem Xerxis exercitus multitudinem fatigavere* (Gestorum Vladislai, с. 100). ²⁾ *Latopisiec* с. 5.

шляхетскаго званія, равнялись своими доблестями съ прирожденными шляхтичами.

Но подвиги были совершены, славословія прошумѣли и на сцену выступила обыкновенная исторія: „Мавръ сдѣлалъ свое дѣло,—Мавръ можетъ уйти“. Козацкое честное воинство громко турецкія орды на свою голову. Стоя грудью за Рѣчь Посполитую, обезпечивая ее отъ военной опасности, оно дѣлало ненужными свои услуги въ ближайшемъ будущемъ. Оно подрывало ту почву, на какой зиждилось *raison d'état* козачества, съ точки зрѣнія польскихъ государственныхъ интересовъ.

Король Жигимонтъ, недоступный никакимъ благороднымъ движеніямъ благодарности, признательности, и несомнѣнно раздраженный противъ козачества за его вмѣшательства въ церковную полеміку и нарушенія его королевскихъ религіозныхъ плановъ, посдѣшилъ не оставить у хотинскихъ героевъ ни на минуту какихъ-нибудь иллюзій, какихъ-нибудь надеждъ на то, что ихъ геройство, ихъ безграничное самопожертвованіе, ихъ всѣми признанныя заслуги предъ Рѣчью Посполитой принесутъ имъ какія нибудь реальныя приобрѣтенія, какое-нибудь улучшеніе ихъ убогаго быта, укрѣпленіе ихъ полубезправнаго положенія. На козацкую петицію, высланную съ залитыхъ козацкой кровью хотинскихъ равнинъ, на эти чрезвычайно безпретенціозныя просьбы скромныхъ героевъ, онъ готовитъ грубый, холодный, безсердечный отвѣтъ.

Козацкая петиція гласила:

„Посольство запорожскихъ козаковъ къ королю е. м. и Рѣчи Посполитой—просьбы за кровавыя, всему міру христіанскому извѣстныя и всему язычеству наглядныя заслуги.

„Послы наши должны подтвердить готовность къ службамъ королю и Рѣчи Посполитой—никогда не были мы непокорными, и въ теперешней войнѣ съ императоромъ турецкимъ всюду, гдѣ надо было, не жалѣя своего здоровья и имущества, ставали мы нашей грудью, сколько силъ нашихъ хватало, за вѣру христіанскую, за честь королевскую, за цѣлость отечества нашего будучи готовыми сложить головы свои безъ сожалѣнія. И впредь, теперь и всегда, мы желаемъ какъ можно болѣе полно согласоваться съ ихъ волей (короля и правительства). Не будемъ папалать на земли императора турецкаго ни сухимъ путемъ, ни Чернымъ моремъ, не хотимъ нарушать священнаго мира, освященнаго старинной—и рѣшительно желаемъ отказаться отъ Чернаго моря.

„Только хотѣли бы мы знать, съ чѣмъ намъ находится на службѣ Рѣчи Посполитой на своихъ обычныхъ мѣстахъ и съ какой платой. На предыдущихъ комиссіяхъ назначено намъ было годичное жалованіе по 40 тыс. золотыхъ, но исполнено не было и теперь намъ, очевидно, приходится, отложивъ въ сторону эти постановленія комиссій, просить короля и ихъ милостей, чтобы намъ назначена была эта годичная плата 100 тыс., и чтобы она ежегодно получалась въ опредѣленное время.

„А такъ какъ теперь война турецкая окончилась, послы должны просить, чтобы король е. м. соизволилъ учинить въ скоромъ времени справедливое вознагражденіе за кровавыя заслуги наши и убытки, понесенные нами въ коняхъ и во всемъ прочемъ въ этой экспедиціи, какъ то и паны комиссары обѣщали намъ письмомъ своимъ.

„Имѣютъ просить е. м. королевича, ясновельможнаго п. гетмана и п. комиссаровъ, чтобы они потрудились похлопотать передъ королемъ, чтобы е. м. король, нашъ милостивый панъ, принимая во вниманіе кровавыя заслуги и вѣрность нашу, соизволилъ успокоить древнюю нашу греческую религію, а болѣзности, пожалованныя намъ его предками и самимъ королемъ за кровавыя заслуги наши въ войнахъ—изволилъ въ цѣлости и неприкосновенности сохранить и привилегіями своими подтвердить.

„Е. м. королевичъ, п. гетманъ и прочіе видѣли собственными глазами, сколько изъ нашего товариства сложило свои головы при нихъ, защищая ихъ передъ лицомъ непріятеля; у другихъ изурядчены члены такъ, что они уже не пригодны болѣе къ войнѣ, не могутъ и заработать своего пропитанія до конца дней своихъ. Итакъ п. послы должны просить короля, чтобы онъ на прожитыя калѣкамъ изволилъ назначить какой-нибудь городъ на Украинѣ въ дополненіе къ шпиталю, возобновленному на Украинѣ по королевской милости, а въ особенности велѣлъ возвратитъ помѣстья, пожалованныя имъ нашимъ предкамъ—Борисполь съ окрестностями.

„Чтобы наши товарищи имѣли свободное пребываніе въ помѣстьяхъ королевскихъ, княжескихъ, шляхетскихъ и духовныхъ, гдѣ кто жилъ или гдѣ кому понравится, оставаясь при вольностяхъ своихъ безъ всякаго притѣвленія отъ властей.

„Еслибы насъ пригласилъ къ себѣ какой-нибудь государь христіанскій при какой-нибудь надобности, чтобы можна было намъ отправиться на службу къ нему, увѣдомивъ короля.

„Нѣкоторые изъ товарищей не имѣютъ жилищъ и средствъ и не могутъ пропитаться—да будетъ позволено имъ промышлять ловлей звѣря или рыбы, еслибы кто могъ и хотѣлъ этимъ заняться.

„Даже и тѣ, которые имѣютъ свою осѣдность, занятые королевской службой, находясь въ отсутствіи, не приготовили закупа для себя, своихъ женъ и дѣтей, а тѣмъ болѣе неизмѣющіе своихъ жилищъ—поэтому просить, чтобы для отдыха и поправки лошадей, еще уцѣлѣвшихъ, были намъ назначены стоянки и приставства въ городахъ по полкамъ.

„И въ городахъ, гдѣ мы имѣли свое мѣстопребываніе, а въ особенности въ воеводствѣ Киевскомъ, чтобы никакіе солдаты не имѣли своихъ лежъ и стоянокъ“¹⁾.

Таковы были требованія козачества въ моментъ его наибольшаго триумфа, его неопцѣненныхъ, общепризнанныхъ заслугъ для Рѣчи Посполитой. Несомнѣнно очень, даже слишкомъ скромныя. Не подчеркивая этого опредѣленно, козаки домогались фактической отмѣны наиболѣе непріятныхъ постановленій послѣдней комиссіи (1619 г.). Добивались отмѣны запрещенія жить и пользоваться козацкими правами въ помѣстьяхъ шляхетскихъ и духовныхъ, и уничтоженія ограниченій реестра (это обозначено вопросомъ объ увеличеніи платы, не касаясь числа реестровыхъ). Въ деликатной формѣ повторяются старыя пожеланія по вопросу о приставствахъ и лежахъ, съ исключеніемъ коронныхъ войскъ отъ расквартировокъ въ козацкихъ мѣстностяхъ. Выказывается желаніе, чтобы не воспрещалась старая практика козацкой службы постороннимъ государствамъ. Припоминается давняя свобода звѣриной и рыбной ловли, подпадавшая все болѣшимъ ограниченіямъ съ заселеніемъ Украины, съ расширеніемъ привилегированнаго землевладѣнія. Возбуждается вопросъ о козацкихъ владѣніяхъ не возвращенныхъ при реституціи 1601 г. Наконецъ, въ очень скромной формѣ „успокоенія“ напоминаетъ недавняя петиція по религіозному вопросу. За все это козачество обѣщаетъ полную покорность, неприкосновенность трактатовъ, отказъ отъ моря, — уступки весьма значительныя, тяжолыя, полныя самопожертвованія для козачества.

¹⁾ Жерела VIII № 152, другой вариантъ этихъ петицій у Третьяка приб. VII—онъ часто буквально сходенъ съ первымъ, мѣстами исправляетъ его ошибки или дополняетъ этотъ текстъ. Въ своемъ переводѣ я сводилъ оба варианта.

Козацкіе предводители знали чрезвычайную щекотливость „шляхетскаго народа“ и его правительства въ вопросѣ о козацкихъ претензіяхъ и стилизировали свои требованія по обыквенію возможно скромно и непритязательно, не намекая ничѣмъ на какія-нибудь коренныя измѣненія въ положеніи козачества, въ его отношеніяхъ къ государству, на какія-нибудь спеціальныя права, пріобрѣтенныя послѣдней службой. Конечно, изъявленіе королевскаго согласія на предложенныя пожеланія имѣло бы большое значеніе въ смыслѣ легализаціи фактическихъ пріобрѣтеній козачества и ихъ дальнѣйшаго расширенія. Но эти пожеланія во всякомъ случаѣ были поставлены очень скромно, безъ оскорбленія шляхетскаго величества. Козачество очень считалось съ этими сферами и ихъ настроеніями и не напрасно опасалось ихъ щекотливости—такъ какъ и въ отвѣтъ на свои скромныя пожеланія получило все-таки очень неблагоприятный отвѣтъ.

Вмѣсто королевскаго отвѣта непосредственно козацкимъ посламъ, мы имѣемъ королевскую инструкцію комиссарамъ, высылаемымъ для устройства козачества ¹⁾. Вѣроятно, король заявилъ посламъ, что его отвѣтъ и волю сообщать козакамъ его послы-комиссары. Эти послы-комиссары должны были объявить благодарность и милость королевскую за козацкую службу. Король, — должны были заявить они—со своей стороны соглашается на обѣщанную хотинскими комиссарами прибавку къ жалованью за это войну—и только. Деньги эти должны быть уплачены немедленно, и послѣ этого козацкое войско (вѣроятно находившееся гдѣ-нибудь на Подоліи, въ ожиданіи результатовъ своихъ петицій) должно было сейчасъ же разойтись „на обычные мѣста“, не чиня населенію притѣсненій, и для этого двигаться не полками, а небольшими отрядами и не оставаться на волости. Это было отвѣтомъ на козацкія просьбы по вопросу о расквартированіи. Король пояснялъ, что неурожай и запустѣніе не позволяютъ расквартировать войска по волостямъ, и поэтому польское войско также возможно скорѣе распускается ²⁾, и будетъ расхо-

¹⁾ Инструкція эта (въ Жерелахъ VIII ч. 153) въ различныхъ копіяхъ помѣчена разными числами—въ одной 18/X, въ другой 28/X. Число 18/X менѣе вѣроятно, такъ какъ не легко предположить, чтобы комиссія такъ скоро была организована, если только 11/X козацкой старшинѣ было сообщено о заключеніи договора и окончаніи кампаніи.

²⁾ Дѣйствительно, былъ недородъ и скудость была крайняя—ср. письма Збаражскаго, с. 43.

дѣться не полками, а небольшими отрядами, не оставаясь на волости.

На другія просьбы поручено было дать такой отвѣтъ, „еслибы козаки добивались его“. Въ вопросахъ религіи король не чинить никому несправедливости или насилія, козаки въ этихъ вопросахъ какъ ранѣе не терпѣли никакой несправедливости, такъ и впредь не будутъ. Касательно пожалованія на шпиталь и вступленія въ службу заграничнымъ владѣтелямъ король отсылалъ козаковъ къ союму. По вопросу о правѣ охоты обѣщалъ снестись съ мѣстными старостами и городами.

Относительно права проживанія козаковъ въ частныхъ помѣстьяхъ отвѣтъ былъ довольно неопредѣленный, но въ концѣ концовъ частная юрисдикція признавалась неприкосновенной и постановленія комиссін 1619 г. должны были остаться въ силѣ. Вообще комиссарамъ поручено было возобновить и подтвердить комиссарскія постановленія 1619 г. Въ этихъ постановленіяхъ число козаковъ не было обозначено, и такимъ образомъ комиссарамъ предоставлялось торговаться съ козачествомъ и по возможности свести козацкое войско до минимума, „имѣя въ виду, чтобы большая масса не была обременительна для тамошнихъ обывателей и не послужила бы поводомъ къ дальнѣйшему своеволію и увеличенію числа“; во всякомъ случаѣ козацкаго войска никакъ не должно было быть болѣе трехъ тысячъ. Платы до 100 тыс. увеличить нельзя—пусть комиссары стараются сохранить прежнюю цифру 40 тыс., а еслибы это было невозможно, то могутъ увеличить ее до 60 тыс. Реестръ этого войска долженъ быть составленъ немедленно, при комиссарахъ же; реестровые будутъ пользоваться „полной свободой въ своихъ юрисдикціяхъ“, выписанные должны подлежать „обычной юрисдикціи пановъ и старостъ своихъ“. Гетманъ, предложенный войску отъ имени короля, долженъ принести присягу въ послушаніи, точно также полковники и всѣ козаки. Всѣ лодки должны быть выданы комиссарамъ, и впредь никто не смѣетъ подъ угрозой смерти строить лодокъ; известное количество ихъ можетъ быть оставлено только для подвоза припасовъ козацкой заставѣ „на Нязу“.

Какъ видимъ, инструкція поручала комиссарамъ привести козацкія отношенія къ нормамъ *ante bellum*. Свести козацкій реестръ по возможности къ 1—2 тыс., всѣхъ остальныхъ изъ 40 тысячнаго козацкаго войска, участвовавшаго въ хотинской войнѣ, возвратить въ первобытное подданство; старшину назна-

чить. Что касается церковнаго вопроса, то король прежде всего, какъ видимъ, ставилъ вопросъ такъ, какъ будто адѣсь шла рѣчь только о свободномъ отиравленіи своей религіи козаками, да и тутъ не обѣщаль имъ ничего больше сверхъ прежнихъ благодарей—„такъ было—такъ будетъ“, будутъ пользоваться той же религіозной свободой, какую имѣли до сихъ поръ. Иначе говоря, король хотѣлъ игнорировать всѣ свои обѣщанія, всѣ надежды послѣдняго года, хотѣлъ вычеркнуть всѣ факты и событія послѣдняго времени, этого тяжелаго года: „рабъ сдѣлалъ свое дѣло“— и долженъ былъ снова возвратиться въ свое рабское состояніе.

Такъ! Но это должно было быть сказано не по адресу покорнаго, безоружнаго, безпомощнаго раба, а войска, съ оружіемъ въ рукахъ ожидавшаго отвѣта правительства, арміи, равной по силѣ съ войсками, какія могла выставить польская королева, и прославленной до небесъ польскими очевидцами за свои высокія качества и доблести и великодушно поставленной польскими шляхтичами наравнѣ съ самой польской шляхтой.

Въ королевскихъ инструкціяхъ, писанныхъ черезъ двѣ недѣли послѣ хотинской войны, уже заключался въ полномъ видѣ вызовъ вооруженнаго конфликта съ козачествомъ, вооруженнаго усмиренія спасителей польской Рѣчи Посполитой, и только благодаря разнымъ обстоятельствамъ этотъ вооруженный конфликтъ произошелъ не сейчасъ, а четырьмя годами позже ¹⁾.

¹⁾ Общія работы по исторіи козачества и отношеній украинско-польскихъ, турецко-татарскихъ и московскихъ въ этихъ годахъ тѣ же, а какія указаны были выше, на с. 7, для предыдущаго десятилѣтія. Специальная литература по исторіи самаго козачества не велика: кромѣ перечисленной выше (с. 75) литературы о Сагайдачномъ исторіи козачества въ 1621—5 гг. и участію его въ церковныхъ дѣлахъ посвящены статьи проф. Жукевича: „Первое внимательство западно-русскихъ козаковъ въ сеймовую борьбу съ церковной уніей (Христ. Чтеніе 1907)“, „Первый польскій сеймъ послѣ убійства Юсафата Кунцевича“ (ib. 1908), „Передъ козацкимъ разгромомъ (варшавскій сеймъ 1625 года) (ib.),— онѣ собраны въ IV вып. „Сеймовой борьбы“ автора. Вторую группу статей имѣемъ для кампаніи 1625 г.: Никифоровъ Куруковскій договоръ козаковъ съ Поляками 1625 г. (Н. Стар. 1885, IV), Николайчикъ Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Куруковского договора (ib. 1889, X), Гудницкій Повацько-польська війна р. 1625 (Записки львовскія т. XVII). На этихъ годахъ подробнѣе останавливается также послѣдній (неоконченная) работа Кудлиша Украинскіе козаки и цаны въ

Нельзя сказать, чтобы король не давалъ себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, отвѣчая такъ рѣзко на требованія хотинскихъ героевъ. Инструкція оканчивалась такимъ характернымъ порученіемъ:

Комиссары должны передать Запорожскому войску отвѣты короля и своими уговорами и обѣщаніями королевскихъ милостей повліять, чтобы она повиновались королевской волѣ. Для этого они должны завязать тайныя сношенія съ Сагайдачнымъ и войсковой старшиной и обѣщать имъ отъ короля особыя пожалованія. Пункты комиссіи, (подтверждавшіе постановленія 1619 г.) пусть остаются въ тайнѣ, чтобы преждевременно не дошли до свѣдѣнія козаковъ.

И такъ рассчитывали на угодливість старшины, на подкупы, деморализацію. Но эти расчеты едва ли оправдались бы...

Добрые духи на время отвратили опасность кроваваго междоусобія, которое неизбежно должно было возникнуть, еслибы королевскіе комиссары задумали выполнить данную имъ инструкцію— возобновить постановленія 1619 г. Исполненію королевскихъ плановъ помѣшало нѣсколько обычныхъ, но непреоборимыхъ для польской политики препятствій. Нельзя было выполнить перваго пункта королевской инструкціи—уплатить козакамъ признаннаго вознагражденія, значить нельзя было и потребовать, чтобы они ра-

двадцатилѣтіе передъ бунтомъ В. Хмельницкаго (Рус. Обзоріе 1895). Кроме того для дипломатическихъ отношеній этихъ годовъ: A. Golebiowski Szahin giraj i kozacy (ibid. 1852). Объ Александрѣ Яхія: Макушевъ Восточный вопросъ въ XVI и XVII в. (Славян. сб III) и его же статья въ Ж. М. Н. П. 1872, X; V. Catualdi (Гассекъ) Sultan Sahja dell'imperial casa ottomana, Триестъ, 1889 (скорѣе беллетристическое чѣмъ научное произведеніе), выдержки отсюда напечаталъ А. Гирсъ и. загл. Графъ Александръ Черногорскій—султанъ Яхія. Страница изъ исторіи Запорожья (Рус. Старина 1890, III). Изъ матеріаловъ для украинско-польскихъ отношеній 1622—1625 гг. много цѣннаго даетъ корреспонденція яв. Юр. Збаржскаго, она собрана А. Соколовскимъ и издана п. 3. Listy ks. Jerzego Zbaraskiego kaszt. krakow. z lat. 1621—1631 въ Scriptores rerum polonicarum, т. V и отдѣльно (объ этомъ изданіи замѣтка Лазаревскаго Украинскіе козачи въ двадцатыхъ годахъ XVII в., Чтенія кіевскія т. XV); собраніе однако неполное, есть нѣсколько писемъ въ другихъ изданіяхъ (Сборникъ лѣтоп., Жерела VIII) и немало неизданныхъ писемъ въ рукописяхъ (петерб. Публичн. библ. и др.). Цѣнную коллекцію матеріаловъ изъ браковскихъ бібліотекъ для этихъ лѣтъ даетъ т. VIII Жерель. О козацкихъ по-

зошлись, и вообще поступить съ ними по всей строгости королевскихъ инструкцій. Во-вторыхъ — для того, чтобъ приступить ко второй части программы — возобновлять и осуществить комиссарскія постановленія 1619 г., необходимы были соответственныя военныя силы, чтобъ звономъ польскаго оружія поддерживать вліянія дойяльной старшины. Противъ тогдашнихъ козацкихъ силъ нужно было выставить значителныя силы, а между тѣмъ хотинская война окончилась, разумѣется, солдатскою конфедераціей—въ виду неуплаченнаго жалованія. Поэтому не только большого, а и никакого войска противъ козаковъ нельзя было сейчасъ собрать.

Поэтому проведеніе комиссарскихъ постановленій 1619 г. пришлось отложить. Комиссія не состоялась. Не уплативъ денегъ козакамъ, нельзя было предъявлять къ нимъ никакихъ серьезныхъ требованій.

Однако на требованія козачества долженъ былъ послѣдовать отвѣтъ въ духѣ королевскихъ инструкцій, неблагоприятный для козацкихъ требованій. Специально по религіозному вопросу намъ извѣстно, что козакамъ данъ былъ отвѣтъ въ духѣ королевской инструкціи—такъ какъ дѣло шло только о свободномъ отправленіи религіи для козаковъ¹⁾. И эти уклончивые, мало обещающіе отвѣты правительства теперь, когда настало время исполненія обѣщаній, давали полное понятіе о неблагоприятномъ курсѣ правительства и должны были глубоко задѣть козаковъ. Въ оплату за кровь, за раны, за голодъ и смерть снова іезуитское политиканство, холодное *non possumus*. Массы должны были негодовать,

ходахъ на море—собранія константинопольскихъ денегъ: англійскія въ *Zbiór pamiećników o dawnej Polsce* Нѣмцевича, т. V, 1830 (1620—1626 г.), французскія въ *Historica Russiae Monumenta* (1620—1627 г.). Для событій 1624—5 гг. много цѣннаго въ московскихъ актахъ о пріѣздѣ Яхія, изданныхъ Кулишемъ (Материалы, I); зато въ Актахъ Московскаго госуд. для этихъ временъ еще нѣтъ ничего интереснаго. Для кампаніи 1625 г. имѣемъ старую рукописную выборку, очень популярную (напр. въ петерб. Публичной библиотекѣ есть нѣсколько копій ея), она заключаетъ дневникъ похода и акты комиссін, издана цѣликомъ въ VI т. *Zbiór-a* Нѣмцевича, дневникъ кромѣ того въ другой редакціи въ Сборникѣ лѣтописей, акты въ *Zgrybka-kę* Грабовскаго. Кромѣ того пространно и подробно описываетъ этотъ періодъ *Żywot* Tomaszа Zamojskiego, написанный его дворяниномъ Станиславомъ Журковскимъ (изданъ во Львовѣ въ 1860 г.).

¹⁾ Знаемъ это изъ писемъ Лесковича, см. ниже.

умѣренные элементы — скандализироваться такой грубой безтактностью, поставившей въ невозможное положеніе и ихъ и всякую лояльную политику. Какъ можна было располагать къ умѣренности, къ лояльности по отношенію къ правительству, не постаравшемуся уплатить даже этой жалкой суммы за кровавую службу и отказывавшему козачеству во всѣхъ его пожеланіяхъ? Специально Сагайдачный, и безъ того едва живой отъ турецкой раны, отъ понесенныхъ трудовъ и тревогъ, былъ оскорбленъ въ своихъ самыхъ святыхъ чувствахъ, въ самыхъ дорогихъ надеждахъ.

На томъ же пляцѣ тотъ нашъ гетманъ пострѣленный
Пріихахъ до Кіева наполю умерлый,
Где rozmaityхъ лѣкарствъ долгій часъ заживалъ
На докторы отъ кроля самого конить мѣвалъ¹⁾.

Знаки королевскаго расположенія къ нему лично не могли радовать Сагайдачнаго въ виду полного компрометированія его политики — въ виду того, что король отрекся отъ всѣхъ тѣхъ обѣщаній, которыя побудили войско отправиться въ послѣднюю войну, уступая увѣреніямъ Сагайдачнаго, что его пожеланія приняты королемъ.

Войско, получивъ королевскій отвѣтъ на свои петиціи, выслало зимой новыхъ пословъ. До сихъ поръ объ этомъ посольствѣ имѣемъ только коротенькое упоминаніе, отъ февраля 1622 г., когда эти новые послы направлялись въ Варшаву. „Много объ удовольствованіи (религіознаго вопроса) и отмѣнѣ уніи тамъ написано, и если не будутъ удовлетворены, грозятъ конфедераціей, еще несслыханной; первое посольство отправлено съ обѣщаніемъ, что ихъ удовлетворять, и на это въ другомъ письмѣ они такъ написали: если король е. мил. хочетъ только насъ (козаковъ) удовлетворить, то въ такомъ случаѣ вся Русь захочетъ быть удовлетворенной въ вѣрѣ; кромѣ того просили заслуженныхъ денегъ, согласно обѣщанію королевича“. Такъ передаетъ содержаніе этой новой петиціи нашъ случайный корреспондентъ²⁾.

Митр. Іовъ въ это же время разослалъ свое окружное посланіе ко всѣмъ православнымъ, призывая ихъ держаться своей православной іерархіи, оказывать ей всяческое содѣйствіе, а уніатовъ не признавать и свои духовныя нужды удовлетворять, если невозможно на мѣстѣ, то въ Кіевѣ у своихъ епископовъ, пребы-

¹⁾ „Вѣршѣ“ Саковича, с. 82.

²⁾ Письмо Теоф. Леоповича — Матеріалы къ гетм. Сагайдачнаго, ч. 40.

вавшихъ въ этой недоступной для польскихъ репрессій твердынь¹⁾.

Тѣмъ временемъ козацкое войско, игнорируя королевскій приказъ не оставаться на волости, расположилось здѣсь на зиму, главнымъ образомъ въ Кіевскомъ воеводствѣ. Правительство, не исполнивъ своего обѣщанія—уплаты денегъ, должно было смотрѣть на это сквозь пальцы, и не вводило туда своихъ войскъ, чтобы не дать повода для кровавыхъ столкновеній. Съ своей стороны и козачество, повидимому, вело себя по возможности сдержанно—не только уступая вліяніямъ старшины, но и въ сознаниіи собственныхъ интересовъ—чтобы не дать правительству повода отказать ему въ заслуженныхъ деньгахъ и во всѣхъ прочихъ обѣщаніяхъ. И хотя кіевская шляхта роптала и жаловалась королю на козацкія „тяжкости“, какъ волынская на коронныхъ солдатъ, расквартированныхъ тамъ также безъ уплаты жалованія, и король всячески долженъ былъ успокаивать ее, но войско козацкое сильно подчеркивало впоследствии, что оно, возвращаясь съ войны, никакихъ запасовъ не добивалось и получивъ условленную плату, расходилось домой“, и король не считалъ возможнымъ отчитать такую козацкую корректность²⁾.

Козацкая депутація имѣла аудіенцію у него 21 фѣвр. н. с.³⁾. Содержанія королевскаго отвѣта не знаемъ. Король, очевидно, по вопросу объ уплатѣ жалованія принужденъ былъ повторить то, что передъ тѣмъ уже писалъ къ утѣшенію всѣхъ заинтересованныхъ: что деньги лежатъ „отчитанныя“ во Львовѣ, что его дворянинъ Обалковскій въ самомъ ближайшемъ будущемъ отправится съ ними къ козакамъ, а королевскіе комиссары, явившись вмѣстѣ съ нимъ, при уплатѣ жалованія уладятъ всѣ прочія козацкія дѣла⁴⁾. И кромѣ этого, вѣроятно, были увѣренія, ссылки на сеймъ и т. п.

¹⁾ „Знаючи каждый о своемъ власномъ спасителі до богоспасаемого града Кіева, второго руского Іерусалима, припавшей душовныхъ пилныхъ, коли трафятся, потребахъ, минаючи унитскую безбожную яму, если мило спасеніе, або ся не лѣвилъ приходити и прислати“ — П. Могила I приб. 38. Жуковичъ, мнѣ кажется, не исполнилъ правильно истолковывать этотъ документъ, III с. 194.

²⁾ См. Жерела VIII ч. 155, 156, 162, ср. письма Збаражскаго, ч. 25.

³⁾ Публ. библ. Пол. F. IV № 138 л. 5: 21 februarі Kozacy zarogowscy od wojska swego posolstwo odprawowali.

⁴⁾ Ср. Жерела VIII ч. 155, 158.

По двумъ вопросамъ правительству нужно было стовориться съ козаками: чтобы поля ихъ вышли изъ волости и разошлись, и чтобы они не задирали Турокъ и не портили дипломатическихъ отношеній. Хотинскіе прелиминаріи требовали еще окончательной ратификаціи; для этого должно было отправиться въ Турцію польское посольство, и нужно было въ особенности теперь избѣгать всего, что могло бы раздражить Турокъ и помѣшать ратификаціи трактата. Была мысль привлечь козаковъ въ войнѣ со Швеціею, чтобы отвлечь ихъ отъ походовъ на Турокъ. Козаки приняли это предложеніе очень охотно: зимою 1621/2 г. двадцати-тысячное козацкое войско двинулось въ Литву и въ февралѣ у гетмана литовскаго Кур. Радзивила явились козацкіе послы, полковники Осипъ Путивлецъ, Адамъ Подгоройй и Донецъ, заявляя свою готовность, въ исполненіе королевскаго приказа, двинуться въ Ливонію и нести службу даже бесплатно. Радзивиль готовъ былъ принять ихъ предложеніе, надѣясь такимъ образомъ предупредить ихъ походъ на море, но очень боялся козацкихъ своеволій и грабежей, а литовская шляхта рѣшительно возстала противъ этого проекта, опасаясь новыхъ опустошеній, и настаивала, чтобы гетманъ не принималъ козаковъ къ себѣ на службу ¹⁾. Радзивиль послѣ долгихъ колебаній принялъ на службу въ Ливонію только небольшой козацкій полкъ, самыхъ „старинныхъ и комонныхъ“ козаковъ, а остальныхъ отправилъ обратно ²⁾, такъ что этотъ маневръ не могъ оказать сколько нибудь значительнаго вліянія на козацкія отношенія на Украинѣ; и надежда на нѣкоторое смягченіе украинскыхъ треній благодаря этому ливонскому походу должна была окончательно исчезнуть ³⁾.

Оставалось возложить всю надежду на вліяніе старшины и известное удовлетвореніе, какое могла вызвать уплата денегъ. Но

¹⁾ Въ дневникѣ читаемъ: „едва только гетманъ отправилъ козацкихъ пословъ, какъ уже по всей Литвѣ загремѣли слухи, что гетманъ принимаетъ нѣсколько тысячъ Запорожцевъ на погибель в. кн. Литовскаго. Напуганные примѣромъ предшествующей экспедиціи, когда гетманъ Замойскій привелъ въ Литву 15 тыс. козаковъ, всѣ единодушно начали его умолять въ письмахъ, чтобы онъ отвелъ эту саранчу“—*ibid.* с. 174.

²⁾ *Ibid.* с. 167, 172—4, 187; Радзивиль предполагалъ взять тысячу, а сколько взялъ въ дѣйствительности, неизвѣстно.

³⁾ Срав. еще отсылъ о козакахъ Воловича—Публ. библ., автографы 119, № 55.

хотя эти деньги, какъ писалъ король, еще съ января лежали „отсчитанныя“ во Львовѣ, все таки никакъ не могли оттуда попасть на Украину. А нужно было торопиться, такъ какъ приходили уже тревожныя извѣстія, что козаки собираются идти на море, если не съ Днѣпра, то съ Дона — чтобы не компрометировать польское правительство и не вызывать столкновѣнїя съ нимъ ¹⁾. Но участіе украинскихъ козаковъ въ такомъ донскомъ походѣ навѣрно осталось бы для Турокъ секретомъ полишинеля, и доказывая тогда турецкому правительству, что это были не польскіе, а московскіе козаки! Слишкомъ ужъ старая это была пѣсня!

Во всему этому, еще и Сагайдачный умеръ къ тому времени—10 апрѣля ст. ст. 1622 г. „По многихъ знаменитыхъ воинныхъ заслугахъ и звѣствахъ на ложе своемъ простеръ ноги свои, приложился къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостивъ“, какъ отмѣчаетъ его кончину синодикъ тогдашней митрополичьей резиденціи, монастыря св. Михаила въ Кіевѣ ²⁾. Огорченный и удрученный нарушеніемъ королевскихъ обѣщаній, крахомъ своихъ плановъ и надеждъ, онъ посвятилъ послѣднія минуты своей жизни распоряженіямъ своимъ имуществомъ, въ духѣ стремленій и плановъ, одушевлявшихъ его въ послѣдніе годы многотрудной жизни. За пять дней до смерти (5 апрѣля) онъ распорядился въ завѣщаніи своимъ имуществомъ, назначивъ „шафарами и вѣрными депозитарами“ послѣдняго митрополита Іова и своего преемника на гетьманствѣ Олифера Голуба.

Магнотность свою роздалъ одну на шпиталѣ
Другую zase на церкви, школы, монастырѣ,

Какъ отмѣчаетъ его панегиристъ. „Ялмужу значную“ записалъ на кіевское братство — „тысячій килка“ ³⁾. Изъ остальныхъ пожертвованій ближе извѣстенъ фондъ, учрежденный его „духовницею“ при львовскомъ братствѣ, культурно національномъ центрѣ его ближайшей родины. Полторы тысячи золотыхъ назначилъ онъ на цѣлкомисловенный капиталъ при Успенскомъ львовскомъ братствѣ „на науку и цвѣчене дѣтокъ христіянскихъ, на вихованье бакаларовъ учоныхъ, вѣчными лѣты“: доходъ съ этого ка-

¹⁾ Жереза VIII ч. 158.

²⁾ Приведено у Максимовича, Собр. сочиненій I с. 376—7.

³⁾ Вѣршѣ с. 33 і 36.

шпитала доженъ былъ расходоваться „на каждый рокъ на вихованье ученого майетра въ греческомъ языку бѣглого, церкви бо-
жой и дѣткамъ христіанскимъ народу російскому потребного“, и ни на что другое эти доходы не должны были обращаться, кромѣ обученія³⁾. Если это была вполнѣ самостоятельная идея стараго гетмана, то старый воспитанникъ „острожекихъ школъ“ остался вѣренъ ей греческо-русскимъ традиціямъ до конца. Панагиристу же своему онъ далъ поводъ поставить Сагайдачнаго „каждому рыцарю“ козацкаго сословія въ примѣръ того, какъ слѣдуетъ „шафовать свою маетностью“:

С того гетмана каждый рыцерь нехъ ся учить,
Якъ бы тыжъ мѣль на свѣтѣ тотъ животъ свой кончить:
Ото онъ въ вѣрѣ своей святой трвалъ статечне,
И ойчизны своей бранилъ тыжъ менжене.
И маетностю добре свою шафоваль,
Не на костки и карты и збытки оберталь,
Але яка есь слышаль, на речи добрыи,
Души его по смерти барзо потребныи.

Смерть эта была тяжелымъ ударомъ для православныхъ, вообще для Украинцевъ, имѣвшихъ всякія основанія возлагать большія надежды на ходатайства Сагайдачнаго передъ королемъ въ релігіозныхъ и національныхъ украинскихъ нуждахъ, на значеніе его личности, его вліянія и заслугъ въ правительственныхъ сферахъ. Глубокою печалью вѣять отъ эпитафіи, поставленнаго на панагирикѣ братской школы на его „жалостный погребъ“:

Не вѣсте ли, яко властелинъ великъ паде въ сій день въ
Ізраили.

Погребеніе было въ самомъ дѣлѣ „жалобное“, и эта утрата еще болѣе уменьшила шансы осуществленія королевскихъ обѣщаній 1621 г. Но очень чувствительна была она также и правительству: оставивъ стараго гетмана съ его старомодными надеждами на королевское слово при довольно печальномъ интересѣ, оно все же продолжало полагаться на его лояльность и вліяніе среди козачества. Кн. Юрій Збаражскій, первый сенаторъ Короны, въ качествѣ украинскаго магната считавшійся специалистомъ по украинскимъ дѣламъ, забилъ тревогу при первомъ извѣстии о

³⁾ Письмо митрополита къ львовскому братству, устанавливающее порядокъ пользованія доходомъ съ этого фонда—Архивъ Ю. З. Р. III, I № 74. Этотъ фондъ существовалъ еще въ концѣ XVII в. и доходъ съ него, по 8¹/₆ шель на vivende szkoły ruskiej, szpitala, iako i siołuch w tejże szkole—Архивъ I, XII, с. 346. Тамже I—XI с. 365 кое-что о вещахъ, пожертвованныхъ братству Сагайдачнымъ.

смерти стараго гетмана: „Какъ бы намъ снова не попасть въ турецкую войну! Съ козаками до сего дня не покончено, хотя времени для переговоровъ съ ними у насъ было достаточно, даже слишкомъ. Паякъ Обалковскій, не отправленный своевременно съ деньгами, не могъ поспѣть во время, а тѣмъ временемъ, какъ вчера я получалъ извѣстiе—умеръ Сагайдачный, такой вѣрный и преданный в. корол. милости и Рѣчи-посполитой гетманъ запорожскій: легко сообразить, насколько было легче уговариваться съ козаками при его начальствѣ. Теперь Богъ знаетъ, какого они гетмана выберутъ себѣ: очень вѣроятно, что наиболѣе своевольнаго, ибо и натура ихъ того требуетъ и дисциплина предшествующаго была для нихъ слишкомъ тяжела. Очень легко могутъ выйти вещи совсѣмъ неожиданными. Кажется, немало ихъ провралось къ Денцамъ и ушло съ ними на море—значить Турки сейчасъ будутъ сердиться. Въ Орду посоль королевскій не отправленъ, ни Джанъ-Антонъ не отпущенъ, и этимъ царь (т. е. ханъ) очень обиженъ; есть извѣстiя отъ плѣнниковъ изъ Перекопа и Бѣлгорода (Аккермана)—пишутъ родственникамъ, что и царь и калга собираются на войну, раздраженные тѣмъ, что ихъ пословъ такъ долго задерживаютъ“.

Князь-референтъ по украинскимъ дѣламъ совѣтовалъ поторопиться съ высылкой чрезвычайнаго посольства въ Турцiю, для ратификации трактата (въ посольство назначенъ былъ его братъ, кн. Криштофъ). Рекомендовалъ написать сейчасъ письмо визирю, что козаки, отправившіеся въ море, это Денцы, высланные Москвой, чтобы повредить Польшѣ: пусть Турки не вѣрятъ, если ихъ будутъ увѣрять, что это украинскiе, запорожскiе козаки. Вместе съ тѣмъ совѣтовалъ пожаловаться за набѣгъ на Украину мурзы Кантемира. Слѣшио выслать посольство къ хану и уладить козацкiя отношенiя. „Козакамъ обязательно изволь ваша корол. милость назначить теперь отъ себя какъ можно скорѣе гетмана—козака тамошняго запорожскаго, потому что кого-нибудь другого они не примутъ, и былъ бы онъ ни къ чему. Только трудно угадать, кого именно назначить, не зная ни его вѣрности, ни характера. Я думалъ бы такъ: пусть бы ваша кор. милость изволила послать письмо съ пробѣломъ, а тамъ Обалковскій, совѣтовавшiйся съ тѣми, какiе вашей кор. мил. и рѣчи-посполитой наиболѣе вѣрные (онъ же тамъ не разъ бывалъ между ними!), пусть бы назначилъ—лишь бы былъ человекъ популярный среди нихъ и заслуженный, потому что шной не имѣлъ бы на нихъ ни-

какого влияния и не смогъ бы удержать ихъ въ повиновеніи. Только все это нужно устроить сейчасъ, скоро, такъ какъ слишкомъ непродолжителенъ этотъ удобный моментъ, и если только промедлить, дѣло будетъ потеряно“¹⁾).

Правительство встревожилось и тоже засуетилось. Ускорено было отправленіе посольства въ Константинополь, а козакамъ, чтобы море ихъ не соблазняло, „приказано выйти на волость и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока посоль не возвратится или не получитъ какое-нибудь извѣстіе“²⁾). Интересы украинской шляхты были принесены въ жертву политическимъ интересамъ. Обалковскій съ деньгами былъ высланъ еще раньше. Въ догонку за нимъ (въ маѣ) была снаряжена комиссія для установленія соглашенія съ козаками; ей же поручено было заняться избраніемъ новаго гетмана, послѣ того какъ получено было извѣстіе о смерти Сагайдачнаго.

Обѣщаніями и деньгами удалось сдержать козачество въ этотъ критическій моментъ отъ морскихъ походовъ. Козацкое войско вышло изъ Запорожья на волость, чтобы заняться избраніемъ новаго гетмана и переговорами съ правительствомъ. Только небольшая партія, на пяти чайкахъ, прокралась въ море, вмѣстѣ съ Донцами вѣроятно, и за ними вдогонку посылали на Днѣпръ, чтобы ихъ вернули назадъ³⁾). Но комиссарамъ не удалось взять въ свои руки избранія гетмана. Рада для избранія была назначена на р. Русавѣ, за двѣ недѣли послѣ св. Юрія, и козаки избрали гетмана сами, не сжидая королевскаго предложенія.

Впрочемъ всетаки выборъ выпалъ для правительства благоприятно. Не смотря на то, что лойяльная политика Сагайдачнаго такъ жестоко была скомпрометирована самимъ правительствомъ, влияние Сагайдачнаго и его сторонниковъ было настолько еще сильно, что въ гетманы вышелъ ихъ человѣкъ—близкій къ Сагайдачному, назначенный имъ душеприказчикомъ по распоряженію его имуществомъ—Олиферъ Остаповичъ Голубъ, и онъ сколько могъ, продолжалъ политику покойнаго гетмана, то-есть по возможности избѣгалъ конфликта съ правительствомъ. Но все таки въ правительственныхъ сферахъ были недовольны этимъ выборомъ; по крайней мѣрѣ кн. Збаражскій сильно жаловался и предвѣ-

1) Listy № 27 (изъ Кракова, 8 мая н. с.).

2) Письмо изъ Умани, отъ 6 мая, въ библ. Замойскихъ.

3) Цитированное письмо отъ 3 мая, и Listy Збаражскаго.

щаль всевозможная бѣдствія. „Это народъ буйный, заносчивый и такъ возгордился послѣдней турецкой войной, что мало обращаетъ вниманія на всякіе приказы, а теперь тѣмъ болѣе, имѣя гетмана изъ самыхъ подонковъ¹⁾, устроивъ это избраніе вопреки королевскому постановленію, обидивъ свою старшину, — какъ станутъ ихъ науськивать поны, нечего и думать, чтобы они обратились къ послушанію, пока не испугаются своей собственной крови“, писалъ онъ королю²⁾. А въ письмѣ къ одному изъ товарищей — сенаторовъ прибавлялъ къ этимъ грознымъ предсказаніямъ: „Я это предчувствовалъ, и писалъ королю еще при жизни Сагайдачнаго, такъ какъ зналъ, что онъ уже умираетъ, да и самъ онъ, бѣдняга, человекъ честный, серьезный и отважный, и къ Рѣчи-Посполитой весьма расположенный, какого козаки никогда не имѣли въ своей средѣ, — предостерегалъ, что такъ оно будетъ послѣ его смерти“³⁾.

Въ концѣ концовъ гетманъ съ точки зрѣнія правительства былъ выбранъ не плохой, и пострадалъ только принципъ — что козаки не приняли гетмана изъ рукъ короля, а выбрали сами. Но козачество вообще совершенно не было расположено слушать, что ему будетъ диктовать правительство, и миссія комиссаровъ потерпѣла полнѣйшее фiasco. „Побѣдила сильная партія черни“, писалъ король на основаніи реляцій комиссаровъ, „избрала себѣ гетмана по своему вкусу, такого, что и старшинѣ ихъ не будетъ на руку“⁴⁾. Возможно, что окончательное провозглашеніе гетмана отложено было до пріѣзда комиссаровъ, но Голубъ былъ избранъ независимо отъ ихъ воли,

О возобновленіи постановленій 1619 г. не могло быть и рѣчи. Козаки напомнили, что деньги имъ привезены прошлогднія, а пора получить и новыя — по давнему постановленію онѣ должны раздаваться въ день св. Иліи, а эти переговоры съ комиссарами происходили въ концѣ мая ст. ст. или въ началѣ іюня. За свое отреченіе отъ морскихъ походовъ козаки добивались увеличенія платы, а также права постоя на волости и сборовъ на содержаніе (лежъ и приставствъ) — разъ Рѣчь Посполитая не пускаетъ ихъ на море и на какую нибудь другую войну не по-

¹⁾ Бх fese — изъ подонковъ, въ другомъ письмѣ (№ 34) авторъ замѣняетъ это словами z szekni.

²⁾ Listy № 32. ³⁾ Ibid. № 34.

⁴⁾ Жерела VІІІ № 159, 167.

сыласть. Въ противномъ случаѣ грозили уйти на Запорожье и оттуда на море, на Турокъ, ссылаясь на то, что съ покойнымъ гетманомъ (Жолковскимъ) у нихъ было такое условіе: если деньги не приходятъ во время, то они могутъ идти на море ¹⁾ (въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ ²⁾, такое условіе комиссіей 1619 г. не было принято, но козачество настаивало на немъ, и комиссія 1622 г. принимаетъ за фактъ существованіе такого условія ³⁾. Вѣроятно, предъявляли и другія требованія — напр. много говорилось о необеспеченности раненыхъ и старыхъ козаковъ; но въ современной корреспонденціи рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ этихъ двухъ вопросахъ: уплатѣ на св. Іллію увеличеннаго жалованія и правѣ приставствъ на Украинѣ ⁴⁾. О выпискѣ и уменьшеніи войска до указаннаго предыдущими сеймами числа козаки не хотѣли и слышать.

Такой ультиматумъ козацкое войско поставило на радѣ „на полѣ подъ Кагарлыкомъ“ въ послѣднихъ числахъ мая. Комиссары выпросили только отсрочку — чтобы войско подождало еще пять недѣль королевскаго отвѣта, а отъ себя пообѣщали, что плата имъ будетъ увеличена до 50 тысячъ и уплачена на св. Іллію. Комиссары опирались при этомъ на писемъ присланномъ имъ съ Обалковскимъ, что въ случаѣ надобности они могутъ прибавить козакамъ десять или даже двадцать тысячъ. А обстоятельства въ самомъ дѣлѣ были таковы, что козаки совершенно не обращали вниманія на королевскія требованія; комиссары не привели съ собою никакихъ болѣе значительныхъ силъ, войска въ распоряженіи правительства вообще не было благодаря конфедерации. Но король не былъ расположенъ принять этого въ расчетъ: онъ не только не хотѣлъ разрѣшить приставствъ — такъ какъ эта перспектива наводила панику на украинскую шляхту, — но и на увеличеніе платы не соглашался. Жестоко упрекали комиссаровъ въ томъ, что они преступили свои полномочія, пообѣщавъ козакамъ прибавку жалованія, и велѣлъ имъ снова ѣхать къ козакамъ, къ тому времени, когда имъ будутъ высланы деньги (то есть на св. Іллію, но конечно, съ нѣкоторымъ опозданіемъ) ⁵⁾.

¹⁾ Wo contract z p. hetmanem nieboszczykiem był taki: gdzieby na s. Jlię pieniędzy nie dano, na morze isc będzie wolno.

²⁾ См. выше с. 93.

³⁾ Реляція комиссаровъ въ библ. Замойскихъ.

⁴⁾ Жерела VIII № 159, 167, 168, 170, рун. библ. Замойскихъ ср. инструкцію на сеймики — Zbiór Нѣмцевича VI с. 332.

⁵⁾ Это опозданіе предвидѣлъ самъ король — Жер. № 170.

Комиссары на этотъ разъ должны были выторговать у козаковъ, чтобы они отказались отъ увеличенія жалованія и разошлись, „оставивъ только три тысячи или немного болѣе“ (три или четыре тысячи — въ другомъ письмѣ). „Никогда войско, возвращаясь изъ другихъ военныхъ экспедицій, не требовало этого (расквартированія): получивъ условленную плату, разѣзжалось по домамъ и жилищамъ своимъ, не надѣдая короннымъ обывателямъ; надо, чтобы и теперь сохраненъ былъ прежній порядокъ: пусть сами сообразятъ, что такая масса въ конецъ все уничтожила бы, куда бы не обратилась“, убѣждалъ король комиссаровъ. Въ томъ же духѣ, очень мягко, писалъ онъ и козацкому войску ¹⁾. Но и самъ не возлагалъ большихъ надеждъ на успѣхъ новой комиссіи и поручилъ подскарбію приготовить все-таки, но секрету отъ самихъ комиссаровъ, эти добавочныя 10 тыс. зл., чтобы имѣлъ при себѣ довѣренный писарь на случай, еслибы комиссарамъ все таки не удалось уговорить козаковъ. А въ вопросѣ о постояхъ поручено комиссарамъ просить въ крайности козаковъ, чтобы они оставались въ послушаніи и ждали новой комиссіи „изъ великихъ и знатныхъ особъ“.

Король очевидно сознавалъ, что эта комиссія — какъ ни старался онъ привлечь къ ней значительныхъ участниковъ, не была достаточно авторитетна. Главное, нельзя было совершенно снабдить ее войскомъ. Войска не было совсѣмъ. Солдатская конфедерация все еще продолжалась, и кн. Збаражскій не ошибался, думая, что примѣръ этой солдатской конфедерации можетъ настроить козачество еще болѣе рѣшительно ²⁾. „Все на конфедератовъ и лисовчиковъ ссылаются — берутъ съ нихъ примѣръ, — что имъ милліоны платятъ и сквозь пальцы смотрятъ вездѣ на ихъ разбои, и они не только припасы, но и „лановыя деньги“ на волости собираютъ безъ всякой пощады, да еще и полное жалованіе получаютъ“, писали о козакахъ комиссары, и справедливо прибавляли: „трудную задачу возлагаютъ на насъ — словами опровергать то, въ чемъ они самими фактами убѣждаются“. На пожеланіе, чтобы козаки вышли изъ волости и стали на татарскихъ шляхахъ, преграждать Ордѣ путь на Украину, козаки „отвѣтили вопросомъ — что они тамъ будутъ дѣлать, если тѣхъ трехъ или четырехъ злотыхъ, какіе получаютъ на саблю, не хватитъ и на прожитые (pro victu et amictu), такъ какъ они

¹⁾ Жерела VIII № 170, стр. 162.

²⁾ Listy № 32.

обносилась и изголодалась¹⁾. „Все время спрашивают, гдѣ дѣваться калѣкамъ, не могущимъ заработать себѣ на хлѣбъ на соль, или тѣмъ, кто домовъ не имѣетъ, ни конатъ не умѣетъ, а просить стыдится? Если имъ столько же достанется, какъ и тѣмъ, что много съ непріятелемъ не воевали, то не за что имъ будетъ и жилищемъ и усадьбою обзавестись—такъ какъ этого за нѣсколько золотыхъ не прибрѣсти“¹⁾).

Приходилось всячески лавировать не доводя до разрыва, чтобы не допустить до похода на море. И такъ вырывались небольшие отряды на море: какъ было упомянуто, какая то небольшая экскурсія имѣла мѣсто въ маѣ (кн. Збаражскій писалъ, что ходили пять чаекъ козацкихъ и захватили турецкій корабль)²⁾. Затѣмъ, въ іюлѣ французскій посоль писалъ изъ Константинополя, что тридцать козацкихъ чаекъ появились недалеко отъ столицы, въ 15 дн. разоряли побережье Анатоли, взяли много турецкихъ кораблей на морѣ; въ большой опасности была также Кафа. Въ Стамбулѣ былъ большой переполохъ, „ибо слухъ о четырехъ козацкихъ чайкахъ на Черномъ морѣ пугаетъ Турокъ сильнѣе, чѣмъ чума въ Морей или Берберин—такъ они перепуганы въ этомъ отношеніи“, поясняетъ тотъ же посоль³⁾).

Къ тому же еще своевольныя банды изъ Браславщины и Подолья—люди старосты браславскаго и каменецкаго произвели набѣгъ на окрестности Бѣлгорода и разграбили молдавскія земли. Мирза Кантемиръ отвѣтилъ на это походомъ на Покутье⁴⁾. Все это чрезвычайно занутивало отношенія съ Турціей, и безъ того полныя влѣдствіе перемены на султанскомъ тронѣ: Османъ погибъ въ маѣ отъ войсковой революціи, и на тронъ вступилъ новый султанъ Мустафа. А тутъ какъ разъ собирался въ Турцію этотъ „великій посоль“, кн. Кр. Збаражскій, для заключенія трактата.

Въ виду этого комиссія прежде всего должна была озаботиться прекращеніемъ морскихъ походовъ. Комиссары рѣшительно отказались отъ королевскаго порученія—ѣхать на козацкую раду на св. Ілію и уговаривать козаковъ согласиться на прежнюю

1) Рувон. библ. Замойскихъ.

2) Listy № 28 (письмо отъ 8/VI н. с. изъ Кракова).

3) Hist. Russ. пош. II с. 420—1, ср. реляціи англійскаго посла Zbiór V с. 427—8.

4) Listy Zbaraskiego № 28. Жерела VII № 163—5.

плату (40 тыс. злотыхъ): отвѣтили королю, что это не только имъ самимъ „смертью нахлестъ“, — а хотя, конечно, имъ „сладка смерть за отчизну“, они все таки считаютъ за лучшее сохранить себя для дальнѣйшей службы королю и Рѣчипосполитой, — но кромѣ того такой шагъ скомпрометировалъ бы въ глазахъ козаковъ и короля и государство, навлекъ бы всяческія бѣдствія на Украину (въ видѣ козацкихъ лежъ) и турецкую грозу на рѣчь посполитую — въ результатѣ походовъ на море. „Трудно и толковать даже съ болѣе разсудительной старшиной, а что будетъ, если нахлынетъ безыменная чернь — тамъ разума и Духа Святаго и не спрашивай“. Войско козацкое и такъ, не рассчитывая на своевременную присылку денегъ, назначило было походъ черезъ недѣлю послѣ св. Илліи, и приказало готовить припасы, а для полученія платы оставляло своихъ делегатовъ. Новой комиссіи, задуманной королемъ, ждать не хотять — говорятъ, что на Запорожьѣ будутъ вести съ ней переговоры ¹⁾).

Въ концѣ концовъ новая комиссія вынуждена была уплатить войску прибавку, 10 тыс., а за то Запорожцы обѣщали, что пока не будутъ закончены переговоры съ Турками — не будетъ обезпеченъ миръ и посолъ изъ Константинополя не возвратится, они не будутъ ходить на море. Вопросъ о лежахъ и приставствахъ остался открытымъ: прибавку къ платѣ войско считало только компенсаціей за то, чтобы не идти на море. Пообѣщало, что на волости людямъ надоѣдать не будутъ, пойдутъ на Запорожьѣ, на свои обычныя мѣста и „тамъ, въ степи будутъ заботиться о своемъ пропитаніи“. Такъ написали и королю. Но о выпискѣ и уменьшеніи войска и о прочихъ постановленіяхъ и слышать не хотѣли. Говорили, что войска будетъ еще больше, до ста тысячъ, и если имъ не найдется на весну другой службы, то они все таки пойдутъ на море. Объ уничтоженіи лодокъ, значить, нечего было и говорить ²⁾).

¹⁾ Рукоп. библ. Замойскихъ (іюльскія реляціи комиссаровъ).

²⁾ Жерела VIII № 172. Zbiór pamiętników VI с. 331. Реляція въ библ. Замойскихъ. Король серіозно задумывался надъ тѣмъ, куда бы направить козачество, но не было куда: въ Литвѣ козаковъ не хотѣли, „со Шведами въ августѣ былъ заключено на годъ перемиріе, съ Москвою отношенія также улаживались (Жерела VIII № 159). Хотѣлъ обратить козаковъ противъ Кантемира (№ 157), но вѣроятно, козаки не поладились на это предпріятіе. Ложный слухъ о походѣ Олифера съ 15 тыс. козаковъ подъ Бѣлгородъ въ письмѣ Кр. Збаражскаго, Публ. библ. Разн. Р. IV № 67 с. 273.

Такое козацкое „самоми́внiє“ очень сердило правительственной сферы и развивало убѣжденіе, что нужно возможно скорѣе устроить козачеству новую кровавую баню. Эту мысль напр. не перестаетъ на всѣ лады повторять въ своихъ письмахъ и рѣчахъ кн. Збаражскій. Но пока, скрѣпя сердце, приходилось уступать, отложивъ расплату до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ.

Въ этихъ переговорахъ, или собственно ихъ отраженіяхъ въ королевской перепискѣ, такъ какъ декларацийъ козацкихъ ни отъ первой (майской), ни отъ второй (августовской) комиссіи, ни содержанія ихъ петицій, высланныхъ послѣ второй комиссіи къ королю съ козацкимъ посольствомъ (въ концѣ августа с. с.) мы не имѣемъ и можемъ судить о нихъ только по этимъ отголоскамъ въ правительственныхъ сферахъ, — выступаютъ все желудочные вопросы козачества: вопросъ о прибавкѣ жалованья, о правѣ приставствъ и лежъ. Если здѣсь имѣть односторонности самыхъ рефлексій (правительство могло напр. специально интересоваться только „реальными“ вопросами, игнорируя прочую „идеологию“), то такое специальное вниманіе къ нимъ козачества можно бы пояснить двумя причинами. Во первыхъ перевѣсъ взяла чернь, козацкая масса, отодвинувъ старшину на второй планъ (этотъ мотивъ о перевѣсѣ черни надъ старшиной постоянно повторяется въ правительственныхъ сферахъ во второй половинѣ 1622 г.)¹⁾, а масса могла дѣйствительно интересоваться вопросами пропитанія больше, чѣмъ національными интересами. Во вторыхъ, вопросы церковно-національные король вѣроятно, съ самаго начала со всею рѣшительностью отложилъ на сеймъ — что тамъ ихъ нужно будетъ разрѣшить, и козачеству и всѣмъ заинтересованнымъ приходилось ожидать сейма по этимъ вопросамъ.

Сеймъ былъ назначенъ въ началѣ 1623 г. и въ украинскихъ крутахъ задолго началась агитація и приготовленія къ соответствующимъ выступленіямъ на сеймѣ. Руководилъ этимъ митрополитъ Іовъ, послѣ смерти Сагайдачнаго ставшій главою религіозно-національнаго украинскаго движенія, единымъ и безраздѣльнымъ. Новый гетманъ не имѣлъ соответственнаго авторитета и стоялъ на второмъ планѣ, но старый дидакаль львовскій съ достоинствомъ держался на митрополичьемъ престолѣ „второго

¹⁾ Кроме цитированнаго уже см. еще рѣчь Збаражскаго — Listy. с. 76.

Іерусалима“ и опираясь на сочувствіе козацкой старшины, смѣло принялъ на себя роль духовнаго влады Украины.

Выше было упомянуто его окружное посланіе конца 1621 г., гдѣ онъ призывалъ православныхъ держаться своихъ православныхъ владыкъ и ни въ чемъ не уступать уніатской іерархіи¹⁾. Въ концѣ 1622 года онъ напечаталъ меморіаль, назначенный для правительственныхъ сферъ и. з. *Iustificatia*. Меморіаль адресованъ королю и носитъ подпись: „Іовъ Борецкій, митрополитъ со всѣми епископами низко челомъ бьетъ“. Записка эта написана, конечно, по польски, главнымъ образомъ повторяетъ мысли и аргументы прежней „Протестаціи“, только въ формѣ болѣе сдержанной. Подробно выясняетъ лояльность украинскаго народа; защищаетъ его отъ подозрѣній и обвиненій въ шпіонствѣ и мятежѣ, брошенныхъ въ послѣднее время на украинское общество, духовенство и патр. Теофана. Оправдываетъ посвященіе епископовъ; увѣряетъ, что они не искали никакихъ личныхъ выгодъ, и охотно откажутся отъ своихъ правъ на епархіи, если король захочетъ осуществить свое право презентациі и назначить на эти епископства лицъ православныхъ: Теофаново посвященіе было вынуждено необходимостью, такъ какъ король пересталъ презентовать епископовъ патріарху²⁾.

Эта печатная записка должна была замѣнить личныя оправданія митрополита и епископовъ передъ королемъ. Митрополитъ упоминаетъ о желаніи короля, высказанномъ въ прошломъ году Курцовичу—чтобы епископы лично явились къ нему. Онъ признаетъ, что ему съ арх. Смотрицкимъ дѣйствительно слѣдовало бы явиться къ королю, поблагодарить за милость, за присланныя охранныя грамоты („глейты“) — „но и убожество наше и крайняя слабость моего здоровья не дали къ тому возможности“. Очевидно митрополитъ и архіепископъ считали за лучшее основаться въ своихъ резиденціяхъ, чѣмъ отдаваться на милость королевскую, хотя бы и подъ покровительствомъ охранныхъ грамотъ.

Одновременно съ адресованной королю епископской „юстификаціей“ была приготовлена и отпечатана, также по польски „Суппликація къ сенату Короны и в. кн. Литовскаго отъ обы-

¹⁾ См. выше с. 219

²⁾ Записка переиздана въ Архивѣ Ю. З. Р. I. VII (заглавная страница этой брошюры не сохранилась).

вателей коронныхъ и в. кн. Литовскаго, шляхетскаго сословія, религіи старинной греческой, послушанія восточнаго ¹⁾). Она служила дополненіемъ къ запискѣ епископовъ. Написанная сильно, мѣстами даже рѣзко, безъ смиренной (впрочемъ тоже не унижавшей своего достоинства) покорности „Юстификаціи“, она впадала въ тонъ козацкаго меморіала 1621 г. или сеймовой рѣчи Древинскаго ²⁾). Смѣло вскрывая противозаконныя нарушенія правительствомъ правъ, гарантированныхъ православнымъ, она рѣзко нападала на руководителей этихъ притѣсненій и незаконній, униатскихъ епископовъ—„этихъ Пакость, Шисекъ, Стецекъ, Душехватовъ, Палисвѣтовъ, Почаповскихъ и Рутскихъ, изображающихъ въ данную минуту русскихъ епископовъ“ ³⁾).

Она характеризуетъ эти тенденціи, какъ стремленіе къ тому, чтобы на „Руси не было Русей“. „Стараться измѣнить вѣру русскую значить стремиться уничтожить русскій народъ, а стремиться уничтожить русскій народъ не значить ли замыслить уничтоженіе значительной части самого отечества“ ⁴⁾), замѣчаетъ она, и поясняетъ, что—„восточная вѣра не можетъ быть уничтожена иначе какъ съ уничтоженіемъ народа русскаго“. Давъ нѣсколько примѣровъ этихъ обидъ и притѣсненій, претерпѣваемыхъ православными, и безконечный перечень городовъ и мѣстечекъ, гдѣ православные „устранены отъ должностей лавицы городской ратушной, ремесленники изъ цеховъ вытѣснены, лишены церковей, предками ихъ той же вѣры изъ камня и дерева построенныхъ, а при томъ терпятъ невыносимыя издѣвательства, тюремныя заключенія, банниціи, устраненіе отъ должностей, наказанія, секвестры и т. п.“ ⁵⁾),—меморіаль переноситъ вопросъ на политическую почву, въ духъ сеймовой рѣчи Древинскаго: „унія нашихъ отступниковъ (церковная) очевиднымъ образомъ

¹⁾ Supplicatio do przeoswieconego i iasnie wielmożnego przezasney korony Polskiej i w х. Litewskiego oboiego stanu duchownego i swieckiego senatu—перепечатана въ сборникѣ „Документы объясняющіе исторію западно-русскаго края, 1865 г. Брошюра датирована 1623 г., безъ означенія мѣста печатанія.

²⁾ Нѣкоторое сходство въ идеяхъ и мотивахъ подсказываетъ предположеніе, что Древинскій могъ быть авторомъ этой брошюры.

³⁾ См. 294.

⁴⁾ Противъ этого церковно-національнаго сгедо въ оригиналѣ помѣщена указующая рука, подчеркивающая особую важность этого положенія. ⁵⁾ См. 292.

колеблеть, разрывать, уничтожаетъ унию русскаго народа съ польскимъ королевствомъ“ (связь политическую). „Народъ русскій, долженствующій служить для королевства не преодолимой стѣной отъ враговъ, наполняетъ унию своимъ плачемъ и жалобами въ городахъ и мѣстечкахъ, а наконецъ и въ селахъ королевскихъ, и едва уже Низъ и Украина могутъ вмѣстѣ людей, вытѣсненныхъ изъ домовъ и имѣній своихъ, благодаря униі“¹⁾. „Пока еще стоитъ въ неприкосновенности политическая униа, обезпечивающая цѣлость отчизны, свободу, права и вольности всѣмъ тремъ народамъ—надо выбросить это яблоко раздора, эту фальшивую унию церковную“²⁾. Выбросить совсѣмъ, а не стараться уладить дѣло какими либо компромиссами. Потому что, оканчиваетъ авторъ — „русскій народъ не удовлетворится разсѣченіемъ ребенка на двѣ половины (мать не позволитъ этого!), т. е. не раздѣломъ епископій и раздвиганіемъ митрополіи,—ибо это значило бы не успокоить насъ, народъ русскій, въ религіи и оставить насъ при нашихъ правахъ, а обезпокоить и подавить въ безправіи“³⁾.

Эта записка украинской шляхты давала тонъ православнымъ участникамъ сейма. Среди нихъ былъ снова и самъ Древинскій, въ качествѣ волинскаго депутата, и инструкція волинской шляхты поручила своимъ депутатамъ добиваться обезпеченія религіозной свободы диссидентамъ и полного удовлетворенія греческой религіи⁴⁾. Особенное вниманіе было обращено на Запорожское войско. Митр. Рутскій пишетъ, что передъ сеймомъ состоялось большое собраніе козаковъ „на киевскихъ поляхъ“, и тамъ рѣшено было добиваться полной отмѣны униі во всемъ государствѣ, а еслибъ это было невозможно, то по крайней мѣрѣ чтобы униатскіе епископы были устранены съ ихъ должностей, помѣстья отъ нихъ отобраны и отданы православнымъ⁵⁾. Въ козацкой петиціи, высланной на сеймъ и повторявшей въ основныхъ чертахъ хотинскую петицію,—такъ какъ король по этимъ вопросамъ самъ отослалъ войско къ сейму, церковный вопросъ былъ выдвинутъ теперь на первый планъ. Въ первомъ пунктѣ козацкимъ посланцамъ поручалось просить, чтобы его милость ко-

¹⁾ Интересно сравнить это одностороннее представленіе о религіозной борьбѣ, какъ причинѣ всѣхъ бѣдъ у публициста 1-ой пол. ХУІІ в. съ аналогичными взглядами историковъ ХІХ в.

²⁾ См. 302, 304. ³⁾ С. 310. ⁴⁾ Архивъ Ю. Э. Р. П. І. с. 134.

⁵⁾ Цисъмо отъ 24 февр. 1623, напечатанное у Гелена П с. 531, ср. реляцію Рутскаго у Гарасевича с. 260.

роль, согласно своему обещанію, положили конецъ религіозной борьбѣ въ Коронѣ и въ в. вл. Литовскомъ, изволивъ приказать основательно удовлетворить старинную греческую религію, устранить уніатовъ отъ церкви и помѣстій, а епископамъ, посвященнымъ іерусалимскимъ патріархомъ предоставить церкви и помѣстья, издавна принадлежавшія имъ, и отмѣнить изданные противъ нихъ универсалы. Кромѣ этого, въ петицію включены еще пунктъ относительно кіевскаго братства, къ которому принадлежало войско: „просить привилегій для братства при церкви Богородицы въ Кіевѣ и для школы, основанной для наукъ и обученія различнымъ языкамъ“.

Изъ другихъ дополненій этой петиціи по сравненію съ хотинской, укажемъ еще требованіе подтвержденія козацкой юрисдикціи и смѣшаннаго суда въ процессахъ съ мѣщанами, права наследованія безъ отумерщины—поводъ къ этому подали, вѣроятно, грамоты, испрошенныя королевскимъ секретаремъ Еловицкимъ на выморочныя козацкія имѣнія. Просили также возмѣщенія потери, понесенной при полученіи жалованія вслѣдствіе разницы въ курсѣ ¹⁾).

Какъ иллюстрація религіозныхъ притѣсненій, вызвавшихъ требованіе полнаго уничтоженія уніи для успокоенія греческой религіи, сейму предложень былъ,—вѣроятно, тѣми же козацкими делегатами—реестръ противозаконныхъ поступковъ и несправедливостей, какія пришлось въ послѣднее время претерпѣть православнымъ ²⁾. На первомъ планѣ, какъ во всѣхъ тогдашнихъ жалобахъ, фигурируютъ притѣсненія и несправедливости, причиненныя православнымъ въ Вильнѣ и въ епархіи фанатическаго владыки полоцкаго. Затѣмъ слѣдуютъ украинскіе города. Во Львовѣ Русины устранены изъ всѣхъ цеховъ; магистратъ не позволяетъ звонить въ церквяхъ въ колокола, ходитъ съ тайнами къ

¹⁾ Петиція въ полномъ текстѣ не извѣстна, имѣется только содержащееся въ сеймовыхъ дневникахъ содержаніе (нѣсколько копій этого дневника въ рукоп. Публ. библ. — Пол. IV F. № 29, № 76, № 96 и поздн. копія № 174). Первый обратилъ вниманіе на нее Костомаровъ, но ошибочно отнесъ ее къ сейму 1625 г. (Б. Хмѣльницкій I⁴ с. 74). Истинную дату указалъ Жуковичъ IV с. 25.

²⁾ Образы ktore sobie pretendują miеc w religii greckiey—въ сеймовыхъ дневникахъ (тамже) они слѣдуютъ непосредственно за козацкой петиціей и потому исследователи считали ихъ поданными козаками. Это вполне правдоподобно.

больнымъ, сопровождать съ процессією похороны въ городѣ и отправлять публично прочіе обряды. Въ Перемышлѣ Крупецкій уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ заперъ все церкви; невинныхъ мѣщанъ томилъ полгода въ смрадной темницѣ, подвергалъ пыткамъ и нѣсколькихъ замучилъ на смерть. Въ Соли томилъ заключеніемъ игумена добромилскаго. Въ Ярославѣ по требованію апостата Крупецкаго отобрали у православныхъ церковь; Русь сажаютъ въ тюрьму и мучаютъ изъ-за уніи. Въ Бужскѣ, Белзѣ, Сокалѣ и Красноставѣ холмскій апостатъ Пакоста забралъ все церкви и мучить священниковъ. Въ Кременцѣ, Берестыи, Кобри-нѣ и другихъ городахъ владимірской епархіи апостатъ Мороховскій отнялъ церкви, томитъ священниковъ и людей. Въ Луцкѣ, Ровно и другихъ городахъ луцкой епархіи апостатъ Почаповскій отобралъ церкви; священ. Ивана Немильскаго схватили изъ-за уніи и въ кандалахъ привезли въ Замостье. Въ Пинскѣ и по всей пинской епархіи апостатъ Сакновскій захватилъ церкви и мучилъ людей. Кіевскій апостатъ Рутскій учинилъ много беззаконій и издѣвательствъ надъ людьми старой греческой вѣры и привелъ до полного упадка кіевскую церковь (св. Софіи).

Все эти приготовленія православныхъ заранее тревожили католическіе, а главнымъ образомъ уніатскіе круги. Особенно беспокоило ихъ враждебное настроеніе по отношенію къ уніи (въ виду политическихъ затрудненій ею вызываемыхъ), проявлявшееся въ польскихъ политическихъ кругахъ уже на предыдущихъ сеймахъ и все усиливавшееся въ послѣднее время. Свое выраженіе оно нашло въ извѣстномъ письмѣ старѣйшаго сенатора в. кн. Литовскаго Льва Сапѣги къ архіеписк. Кунцевичу, написанномъ дѣйствительно въ очень раздраженномъ и рѣзкомъ тонѣ ¹⁾. Уніатскіе владыки и особенно митрополитъ Рутскій въ чрезвычайно мрачныхъ краскахъ рисовали свое положеніе и передъ королемъ и передъ папской куріей, желая понудить послѣднюю употребить свое вліяніе на польское правительство. Папа нарочно выслалъ

¹⁾ Его опубликовалъ Туманскій въ русскомъ переводѣ въ 1793 г. (Россійскій магазинъ ч. II, кн. 6), а широкую популярность сообщили Бантышъ-Каменскій, приведя выдержки изъ него въ своемъ трудѣ объ уніи—отсюда онѣ были переведены снова на польскій языкъ. Оригинальный польскій текстъ издалъ Шиманскій въ 1862 г. (Przegląd Północy), отсюда у Ликовскаго *Historya Unii* 1875, доб. 3. Другой, болѣе исправный текстъ въ рукоп. петер. академіи наукъ въ коллекціи П. Доброхотова.

пунція въ концѣ 1622 г. для присутствованія на сеймѣ, и вслѣдствіемъ убѣждалъ его потвориться, чтобы захватить еще сеймъ и своимъ влияніемъ помочь отстоять унію ¹⁾ Писалъ также непосредственно королю и примаэу, прося оказать митрополиту и уніи покровительство и защиту противъ враговъ, на которыхъ такъ горько жаловались уніаты ²⁾.

Со своей стороны они постарались настроить правительственные круги противъ тѣхъ насилій, какія приходится терпѣть уніатамъ отъ православныхъ и козаковъ. Особенно раздуть былъ случай, происшедшій въ томъ году въ Кіевѣ: на Рождество Богородицы козакки поймали четырехъ уніатскихъ монаховъ, служившихъ въ соборѣ св. Софій, отвезли въ Терехтемировъ и держали тамъ. Митр. Рутскій изъ-за этого поднялъ большой шумъ. Король и разные сановники писали козакамъ, требуя освобожденія этихъ монаховъ и даже обѣщая взамѣнъ исполнить на сеймѣ всякія козацкія желанія. Митр. Іовъ съ своей стороны постарался, чтобы эти монахи были выпущены (однако козаки объявили ихъ, чтобы они впредь не смѣли оставаться ни въ Кіевѣ, ни въ Кіевщинѣ, и чтобы въ Кіевѣ никто явно не отправлялъ уніатскихъ обрядовъ). Теперь этотъ эпизодъ былъ использованъ вмѣстѣ съ другими болѣе давними случаями, чтобы обвиненіе въ насиліяхъ и притѣсненіяхъ перенести съ уніатской іерархіи на православныхъ ³⁾.

Вообще предвидѣлась рѣшительная схватка уніи съ православіемъ, и съ обѣихъ сторонъ владыки прибыли въ Варшаву, чтобы быть на мѣстѣ: „Со всѣхъ мѣстъ пріѣхали предводители схизматиковъ, духовные и свѣтскіе“—писалъ съ сейма Рутскій.

Главное значеніе опять таки придавали козакамъ. Но на благодарность за ихъ заслуги рассчитывать было трудно послѣ того, какъ король отнесся такъ холодно къ козакамъ послѣ хотинской кампаніи. Королевская инструкція не оставляла никакихъ иллюзій въ этомъ отношеніи: она трактовала козаковъ не какъ спа-

¹⁾ Relacye punciuszów П. с. с. 167, ср. характеристику тогдашнихъ обстоятельствъ также с. 164—5 и позднѣйшую (писанную уже послѣ сейма) реляцію Рутскаго у Гарасевича с. 258 и сл.

²⁾ Theiner Monumenta Poloniae III ч. 298, 301.

³⁾ Объ этомъ эпизодѣ въ письмѣ Рутскаго (Guérin I. с.) и въ позднѣйшей реляціи 1628 г. (напечатана въ Rocznik towarz. hist-liter. w Paryżu, 1868 с. 54). Supplementum Synopsis—Архивъ Ю. З. Р. I. VII с. 588.

сигелей польскаго отечества, а какъ опаснаго врага спокойствія и мира, — просила подумать не надъ способами вознагражденія за козацкія заслуги, а надъ способомъ умиренія этого опаснаго элемента ¹⁾.

И дѣйствительно, на сеймѣ ни разу не зазвучала нота благодарности за козацкія заслуги—начиная съ вступительной рѣчи маршалка Ян. Собѣскаго ²⁾, участника хотинской компаніи. Въ своихъ запискахъ о хотинской войнѣ онъ такъ высоко ставитъ заслуги и доблести козаковъ, но въ этой вступительной рѣчи, восхваляя польскій триумфъ надъ Османомъ, и словомъ не упомянулъ о заслугахъ козацкихъ, — зато не пропустилъ козацкой опасности. И вопросъ объ умиреніи козачества, охранѣ отъ козаковъ спокойствія и порядка государства поднимался безпрестанно. Съ своей стороны козаки, потерявъ надежду на благодарность польскихъ хозяевъ государства — грозили. Грозили уже зимой 1621/2 г. послѣ перваго отказа въ ихъ требованіяхъ. И съ новой силой грозили теперь.

„Королю, сенату и посламъ земскимъ козаки, присланные въ посольствѣ на сеймъ, заявляли, что если не будутъ исполнены ихъ требованія, то они поднимутъ возстаніе и причинятъ государству большую бѣду. Присланы на сеймъ письма бискупа кievскаго, что они уже выбрали 100 полковниковъ и 100 тыс. козаковъ вписали въ войско—число страшное для государства; это подтверждаетъ и мой Саковскій“ — писалъ съ сейма Рутскій. Какъ человекъ, интересующійся церковными дѣлами, онъ подъ козацкими требованіями подразумѣваетъ только церковныя—чтобы униаты были лишены должностей и послѣднія были переданы православному. Но между козацкими требованіями были и другія, чрезвычайна важныя для козаковъ. Увеличеніе жалованія (и заключавшееся въ этомъ требованіи увеличеніе „законнаго“ контингента войска), исключеніе изъ Кіевскаго воеводства солдатскихъ квартиръ и фактическое превращеніе его въ козацкую территорию (право козаковъ жить здѣсь повсемѣстно и повсюду пользоваться своими правами и юрисдикціею)—вотъ что содержалось въ нихъ.

Король Жигимонтъ въ своемъ ультрамонтантскомъ упорствѣ былъ, однако, недоступенъ никакимъ мольбамъ, ни угрозамъ, ни напоминаніямъ объ его обѣщаніяхъ, когда дѣло касалось интере-

¹⁾ Zbiór pamiętników VI s. 351.—3 (Жерела VIII ч. 172).

²⁾ Напечатана тамже с. 385 и сл.; см. с. 388.

совь святой католической вѣры. Тѣмъ болѣе, что въ данный моментъ козацкія угрозы не были такъ страшны, какъ могли быть въ другое время. На политическомъ горизонтѣ было спокойно, польское правительство не нуждалось въ козацкой службѣ и не особенно боялось козацкаго возстанія, имѣя свободныя руки и надѣясь послѣ сейма покончить съ солдатской конфедераціей и имѣть свободное войско въ своемъ распоряженіи. То обстоятельство, что козаки вмѣшивались въ его церковную политику, хотѣли оказывать давленіе въ этой сферѣ своими военными силами, должно было только неприязненно настраивать короля вообще по отношенію къ козацкимъ требованіямъ.

Но сенатъ и посольская палата не были такъ односторонне настроены по отношенію къ католическимъ интересамъ и не могли такъ стончески выслушивать козацкія угрозы и предостереженія шляхетскихъ православныхъ депутатовъ относительно того, что данный курсъ церковной политики можетъ привести къ домашней войнѣ.

„Козацкіе депутаты сильно взяли за земскихъ пословъ, представляя имъ различныя опасности, могущія произойти въ случаѣ, если не будутъ исполнены ихъ просьбы“¹⁾, и шляхта не была глуха къ ихъ словамъ, въ особенности послы южныхъ воеводствъ, которыя могли сдѣлаться ареной козацкой жакеріи, или быть отданными „на зарѣзъ“ Татарамъ. Въ „эксорбитанціяхъ“ (реестрахъ замѣченныхъ безпорядковъ), предложенныхъ королю посольской палатой, рядомъ съ неособенно пріятнымъ для козаковъ вопросомъ — „почему козаки не приведены въ порядокъ согласно съ конституціей 1619 г. о наемномъ войскѣ“, былъ поставленъ также и такой запросъ: „почему нарушаются права людей греческой вѣры, противъ конституціи 1607 и 1620 г. о греческой вѣрѣ?“²⁾.

Запросъ этотъ заключалъ упрекъ королю, что онъ не назначалъ на православныя бенефиціи православныхъ кандидатовъ. Но король, воспользовавшись не совсѣмъ удачной стилизаціей, отвѣтилъ на этотъ вопросъ „хитро“, какъ выражается Рутскій. Людямъ греческой вѣры не чинится никакой несправедливости отъ короля, гласилъ этотъ отвѣтъ; король не приказываетъ ни-

¹⁾ Рутскій (Guérin II с. 533).

²⁾ Болѣе вѣрный текстъ эксорбитанцій изданъ у Нѣмцевича VI, см. с. 424, пространный въ упомянутыхъ дневникахъ. Публ. библ. (№ 29 л. 16, № 76 л. 24, № 96 л. 15).

кого принуждать или приневоливать къ уни, ни ограничивать кого-нибудь въ правахъ или притѣснять изъ-за религiи; согласно съ законами и старыми обычаями онъ раздаетъ духовныя бенефиціи людямъ шляхетскаго званiя греческой вѣры.

„Наоборотъ, вопреки этимъ законамъ, давней практикѣ и обычаямъ безразсудные люди ¹⁾ плебейскаго званiя—Борецкiй и Смотрицкiй и прочiе отважились безъ назначенiя и вѣдома короля принять посвященiе на митрополию и епископства при живыхъ епископахъ отъ подозрительнаго чужестранца, турецкаго подданнаго, не имѣвшаго въ здѣшнихъ краяхъ никакой юрисдикціи и для того, очевидно только и посланнаго, чтобы бунтовать королевскихъ подданныхъ во время турецкой войны. Это crimen laesae maiestatis, оскорбленiе достоинства и власти королевской, данной ему Богомъ, ибо никто въ королевскомъ государствѣ не можетъ быть архіепископомъ, епископомъ, митрополитомъ, владыкою иначе какъ назначенный и предложенный королемъ. А къ тому еще изъ-за нихъ происходятъ большiе эксцессы и безпорядки. Въ Кіевѣ четырехъ монаховъ, взявъ силой отъ алтаря, заключили въ тюрьму, мучили и только недавно выпустили; нѣсколько лѣтъ тому назадъ схватили и утопили кiевскаго оффиціала, замѣстителя митрополита. Въ Минскѣ и другихъ городахъ силой отбираютъ церкви королевскаго пожалованiя, бьютъ и убиваютъ священниковъ, монаховъ и другiя крайнiя насилiя чинятъ. „Такимъ образомъ именно жалобщики нарушаютъ законы и права королевской власти, а отъ короля и униатовъ никакого нарушенiя ихъ правъ не происходитъ, и никакой вины указать они не могутъ“.

Быль это, какъ видимъ, отвѣтъ просто несравненный по своей беззащитности, принимая во вниманiе все происшедшее. Легко понять энтузіазмъ Рутскаго, когда ему заранѣе сообщили набросокъ отвѣта: „Дай Боже, многiя лѣты найяснѣйшему! чуть ли не одинъ борется онъ за насъ“ ²⁾. Но настроенiе посольской палаты и сената было таково, что такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ нельзя было ограничиться и въ концѣ своего отвѣта король прибавляетъ кое что:

„Король его м. желаетъ, чтобы для устраненiя этихъ пререканiй между людьми греческой вѣры, духовныя особы съ обѣ-

¹⁾ Ludzie lekcy, ошибочно въ копiи № 174 lekkiey (plebeiae conditionis). ²⁾ У Гелена II с. 552.

ихъ сторонѣ назначили время и мѣсто и собравшись тамъ по взаимному соглашенію безъ лишняго количества свѣтскихъ людей (непримчастныхъ этимъ дѣламъ) въ присутствіи назначенныхъ для этого королевскихъ комиссаровъ, обсудили и обмѣнялись мыслями объ установленіи взаимнаго прочнаго согласія. А еслибы не могли прійти къ соглашенію, то на будущее время съ обѣихъ сторонъ долженъ былъ бы сохраняться миръ, согласно съ постановленіями 1607, 1609 и 1620 г. и одна сторона не должна чинить другой никакихъ правонарушеній и несправедливостей" ¹⁾).

Такой проектъ не могъ нисколько понравиться православной сторонѣ, такъ какъ послѣдней желательно было не установленіе какого-нибудь компромисса съ унией, а полная отмена униі. Но король хотѣлъ засвидѣтельствовать передъ сенаторскими и посольскими сферами свое желаніе что-нибудь сдѣлать для успокоенія этой религіозной борьбы, уже успѣвшей имъ надоесть. А при этомъ могъ быть увѣренъ, что отъ предложенныхъ имъ совѣщаній православныхъ съ униатами, безъ участія свѣтскихъ круговъ, но при участіи и подѣ контролемъ королевскихъ комиссаровъ, униі никакого ущерба не можетъ произойти.

Дѣйствительно посольская палата и сенатъ уже слишкомъ наслушались этихъ „преслѣдованій греческой религіи“, и хотѣли какъ-нибудь успокоить эти жалобы. Рутскій въ цитированныхъ письмахъ говоритъ, что изъ сената никто не выступалъ въ защиту униі, король самъ выносилъ ее на своихъ плечахъ, а настроеніе земскихъ пословъ было настолько ненадежно, „что пришлось ходить къ земскимъ посламъ и выяснять имъ наше дѣло, чего до сихъ поръ мы никогда не дѣлали“. Но отъ такого настроенія (все таки, вѣроятно, слишкомъ пессимистически представленнаго Рутскимъ) далеко было до опредѣленнаго сочувствія православнымъ. Хотѣли только обязательно какого-нибудь выхода изъ этого непріятнаго положенія, какого-нибудь компромисса, *modus vivendi*.

На королевскій отвѣтъ по религіозному вопросу посольская палата заявила, что послы „ждутъ и просятъ покорно удовлетворенія греческой вѣры основательнаго и дѣйствительнаго съ обѣихъ сторонъ“, — для этого они уже назначили изъ своего круга депутатовъ къ панамъ сенаторамъ ²⁾). На жалая отклады-

¹⁾ Ркп. № 29 л. 18—9 и др.

²⁾ Ркп. № 29 л. 22 об. и проч.

вать компромисса до общаго кородемъ духовнаго собора, палата хотѣла сейчасъ собственными средствами попытаться достигнуть соглашения. Король не противился этому, и такъ при окончаніи сейма составлена была коммиссія изъ девяти депутатовъ посольской палаты и пяти назначенныхъ кородемъ сенаторовъ, подъ предѣдательствомъ примака Гембицкаго. Она пригласила на совѣщаніе епископовъ—уніатскихъ и православныхъ. Но православные, конечно, приняли этотъ экспериментъ достаточно холодно и дѣйствительно изъ этой сеймовой коммиссіи не вышло ничего.

Православные представили свои аргументы, выяснили свои права и претензіи, уніаты на это отвѣтили своимъ объясненіемъ, и этимъ дѣло кончилось. Коммиссія въ концѣ концовъ ничего новаго не придумала, какъ со своей стороны повторить предложеніе созвать соборъ. Православные епископы заявили на это, что соборъ собственно не пужень, такъ какъ никакихъ религіозныхъ споровъ не можетъ быть, притомъ же соборъ долженъ былъ бы состояться подъ предѣдательствомъ константинопольскаго патріарха ¹⁾. Съ точки зрѣнія православныхъ это было логично, но сейму не могло показаться ничѣмъ инымъ какъ непріятнымъ упрямствомъ. По его убѣжденію, необходимъ былъ компромиссъ, а компромиссъ не могъ быть достигнутъ безъ обоюдныхъ уступокъ.

Въ концѣ концовъ сеймъ по религіозному вопросу ограничился временнымъ постановленіемъ: все приговоры и процессы по религіознымъ дѣламъ отмѣнилъ, провозгласилъ религіозный миръ, и рѣшеніе религіознаго вопроса отложилъ до будущаго сейма „изъ-за иныхъ государственныхъ дѣлъ“ (какъ разъ теперь именно ихъ не было) ²⁾.

Такъ отдѣлялось польское общество отъ національнаго вопроса — заключавшагося въ этой религіозной оболочкѣ. Еще болѣе отрицательно отнеслось оно къ требованіямъ специально козацкимъ. Ростъ козацкихъ силъ и претензій грозилъ господству шляхетскаго народа. Блѣпательство козаковъ въ церковныя отношенія и ихъ угрозы оставили очень непріятное впечатлѣніе не только у короля, но и у сейма. Сеніоръ сената кн. Збаражскій

¹⁾ Рѣш. № 29 л. 28 об., № 76 л. 60 об., № 96 с. 35—6. Реляція Рутскаго у Гарасевича с. 252—3 и письмо I. с.

²⁾ *Voluntaria legum* III с. 217.

Грушевскій, Козачество т. II.

въ своей рѣчи указалъ на необходимость уладить козацкій вопросъ „не только въ виду опасности турецкой войны, тяжелѣе которой нѣтъ ничего на свѣтѣ, но и въ виду нашей собственной домашней опасности и неволи, которую терпимъ отъ своихъ собственныхъ хлопотъ, и грозить намъ съ этой стороны буря, благодаря религиозному вопросу и крайнему самомнѣнью этихъ людей“. И въ виду этого онъ уговаривалъ сеймъ обратиться къ радикальнымъ мѣрамъ. „Не успокаивать, но освободиться отъ этой бѣды слѣдуетъ намъ“ ¹⁾.

Безъ сомнѣнн, этотъ голосъ находилъ сочувствующихъ слушателей. Даже православные депутаты, въ національныхъ (церковныхъ) вопросахъ охотно искавшіе поддержки у козаковъ, относительно борьбы съ ростомъ козацкой силы и претензій были солидарны съ польской шляхтою ²⁾. Проектъ Збаражскаго, предлагавшаго выслать отъ всего сейма: отъ короля, сената и посольской палаты спеціальныхъ делегатовъ и поставить козачеству ультиматумъ—былъ принятъ сеймомъ: Козаки должны были покориться—распустить войско до указанного числа, это указанное войско вывести на Запорожье, подъ присягою, что на море ходить и затрагивать Турокъ они не будутъ, и сейчасъ съ королевскимъ дворяниномъ на Запорожьѣ учинить судъ и расправу надъ своевольниками. Въ такомъ случаѣ правительство пошлетъ къ козакамъ своихъ комиссаровъ и установитъ дальнѣйшій порядокъ относительно реестра и жалованья. Если же козаки не примутъ этихъ условий, то противъ нихъ будетъ послано войско, чтобы уничтожить ихъ совершенно ³⁾.

Это было только однимъ изъ трехъ средствъ, какія князь имѣлъ въ виду для усмиренія козачества; о другихъ средствахъ онъ не хотѣлъ говорить публично. Король также не хотѣлъ высказываться относительно его плановъ усмиренія козачества въ отвѣтъ на запросъ посольской палаты ⁴⁾. Правительство и шляхта, оче-

¹⁾ *Listy Zbaraskiego* с. 77—8.

²⁾ Ср. инструкцію вольнской шляхты, гдѣ она поручаетъ своимъ депутатамъ по соглашенію съ другими искать *gruntownych* у *wczesnych* *wrosobów* *dla zatrzymania* *w* *posluszenstwie* *у* *w* *gładzie* *козаковъ* (*Архивъ II*, 1 с. 186).

³⁾ *Listy* с. 552, ср. *Volun. legum III* с. 216 и письмо Рутскаго 1. с. с. 552.

⁴⁾ Поэтому я не могу согласиться съ Зіумовичемъ (1. с. IV с. 65), что сеймъ не хотѣлъ доводить до рѣшительнаго разрыва съ козачествомъ. Именно, теперь онъ особенно остро ставитъ этотъ вопросъ.

видно, были готовы къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ козаковъ и въ отвѣтъ на козацкія угрозы посмѣлись съ мыслью о кровавой расправѣ, вродѣ Солоницкой.

Число козаковъ желали свести къ двумъ тысячамъ ¹⁾; но въ секретной инструкціи для комиссаровъ шахинши козацкаго войска опредѣлялось въ 5 т., и плату имъ разрѣшалось увеличить до 60 тыс. ²⁾. Удивительная тактика—шахинши уступокъ держать въ строгомъ секретѣ и испытывать уступчивость противной стороны такимъ низкимъ иніишю³⁾омъ, звучавшимъ какъ иронія!

Въ комиссію назначены были самые вліятельные магнаты, въ надеждѣ на ихъ авторитетъ и на ихъ помки. Збаражскій особенно налегаль, чтобы комиссія явилась на Украину своевременно, „прежде чѣмъ начнетъ падать ледъ“, иначе будетъ поздно. И необходимо расквартировать на Украину войска; количество ихъ въ секретной запискѣ было опредѣлено въ три съ половиной тысячи, кромѣ козацкихъ хоругвей.

Таковъ былъ отвѣтъ на козацкія требованія. Не уступать!

Какъ въ вопросахъ общенациональныхъ, такъ и специально козацкихъ заинтересованные очутились передъ непроницаемой стѣной католическо- шляхетскаго „*poj rossynus*“.

Кампанія была проиграна. Въ ту же ночь, когда окончился сеймъ, православные владыки „спасались какъ можно болѣе быстрымъ бѣгствомъ“— пишетъ Рутскій ³⁾.

Онъ, по его словамъ, былъ осведомленъ заранее о такомъ финалѣ сеймовыхъ совѣщаній, благодаря сношеніямъ съ королемъ и разными вліятельными лицами. „Насколько по началу можемъ судить о концѣ сейма, схизматики ничего не получаютъ. Они уже начали чувствовать это и нѣсколько разъ выпускали крики отчаянія и гнѣва, и говорили объ этомъ — не только мовимъ священникамъ, но и мнѣ самому сказалъ Древинскій: „Видимъ, что ничего мы не получимъ противъ васъ, пока живъ этотъ король, но во время безкоролья мы всѣми силами возстанемъ противъ васъ“. Мы посмѣялись надъ этимъ, потому что дѣйствительно, надъ этимъ можно только смѣяться. Королю Вотъ дастъ долго жить; возрастетъ и число нашихъ сторонниковъ; не будетъ недостатка и въ милостяхъ апостольскаго престола, который своимъ

¹⁾ Письмо Рутскаго, см. выше.

²⁾ Жерела VIII № 175. ³⁾ I. с. с. 553.

вліянієм побудить руководителей нашего государства, и въ томъ, что отъ Бога—его святой помощи“.

Какъ мы видѣли, натискъ православныхъ разбивался на пунктѣ интересовъ социальныхъ, классовыхъ: солидарные между собой въ религіозно-національныхъ вопросахъ союзники—шляхта и козачество — сталкивались на этой социальной почвѣ, какъ враждебныя стороны.

И все таки достопочтенные отцы смѣялись преждевременно, забывая французскую поговорку, гласящую, что всего лучше смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ.

Довольно легко проходили постановленія противъ козаковъ—гораздо затруднительнѣе было осуществленіе этихъ хитроумныхъ постановленій.

Повидимому, посылку ультиматума въ концѣ концовъ было рѣшено соединить съ посылкой комиссаровъ, чтобы они, соответственно тому положенію, какое займутъ козакн, или вступили въ переговоры съ ними, или „поступали съ ними сурово“, какъ деликатно выражалась тайная инструкция ¹⁾. Для этого комиссарамъ нужно было привести съ собой готовое войско, и въ виду этого въ комиссію назначены были самые богатые и могущественные магнаты.

Но шли мѣсяцы, а эта комиссія все еще не могла никакъ собраться, „отчасти изъ-за моровой язвы, отчасти изъ-за постоянныхъ тревогъ и частыхъ нападений Татаръ — изъ-за нихъ ни комиссары не могли съѣхаться, ни цанъ гетманъ не могъ двинуть войско въ тѣ края“ ²⁾. А если король, быть можетъ, и пробовалъ повліять на козаковъ съ своей стороны, черезъ своихъ пословъ ³⁾, то это посредничество не могло произвести никакого впечатлѣнія послѣ всего предшествовавшего.

¹⁾ Жерела VIII № 175.

²⁾ Королевская инструкция на сеймаки (конецъ 1628 г.)—Жерела VIII № 176.

³⁾ Въ упомянутой инструкціи король такъ описываетъ свои мѣропріятія противъ козацкихъ своеволій: „не оставлялъ король черезъ своихъ комиссаровъ и посланцевъ удерживать этихъ людей въ послушаніи, стеречь чрезъ посредство приставовъ берега Днѣпра, откуда они обычно ходятъ на море, жечь и отбирать челны и уплачивать своевременно жалованіе, назначенное имъ отъ рѣчи посполитой“. Но это общая картина, не спеціальная для происшествій этого года, такъ какъ затѣмъ добавлено: „хотя въ этомъ году (жалованіе) имъ не уплачено, за то что пошли на море“.

Однако настроеніе козачества не было особенно угрожающимъ. И козацьи угрозы на сеймѣ—поднять возстаніе въ виду неисполненія ихъ требованій, хотя и приняты были очень серьезно ¹⁾, въ дѣйствительности такими серьезными не были. И это не особенно солидно рекомендовало козацьи заявленія и угрозы. Но умѣренная часть козачества, очевидно, продолжала старательно избѣгать конфликта съ Рѣчью Посполитой, направляя козацьку энергию въ сторону наиболее безопасную въ этомъ отношеніи, и ожиданія неизбежной козацько-польской войны въ защиту вѣры, подѣ влияніемъ духовенства, пока не оправдались.

Можетъ быть, здѣсь сыграла свою роль и смѣна гетмана. Возвусмѣшность козацькихъ требованій на сеймѣ лишила булавы Олифера Голуба. Но его мѣсто занялъ представитель той же „статочной“ политики, Михаилъ Дорошенко. Человѣкъ несомнѣнно очень способный, возждь и политикъ, пользовавшійся авторитетомъ у своихъ, онъ былъ уважаемъ и въ польскихъ кругахъ и имѣлъ тутъ репутацію человѣка расположеннаго къ Рѣчипосполитой („Дорошенко, полковникъ хорошей репутаціи у молодцовъ за свою отвагу, и къ королю и Рѣчипосполитой всегда расположенный“, какъ рекомендовалъ его въ своемъ дневникѣ Хотинской войны Як. Собѣскій) ²⁾.

Онъ несомнѣнно не былъ сторонникомъ конфликта и своимъ влияніемъ могъ только смягчить напряженныя отношенія, въ которыхъ козачество находилось съ правительствомъ, въ особенности съ послѣдняго сейма ³⁾. Возможно, что онъ даже подавалъ какія то надежды правительству въ этомъ направленіи ⁴⁾. Но су-

1) Въ константинопольскихъ кругахъ этого возстанія ожидали совершенно серьезно еще весной 1628 г., см. депешу французскаго посла о раздраженіи козаковъ противъ польскаго правительства на религиозной почвѣ. Эти слухи подтвердилъ и польскій агентъ, пріѣхавшій тогда въ Константинополь и сообщившій о козацьихъ вооруженіяхъ; закрытіемъ православныхъ церквей, по его словамъ, козаки взволнованы чрезвычайно, они собрали тридцать тысячъ вейска, и вся надежда на королевскихъ комиссаровъ, что имъ быть можетъ удастся предотвратить войну (I. c. c. 425).

2) Дневникъ с. 119.

3) Не вижу однако въ этомъ избраніи Дорошенка какого нибудь шага со стороны козачества на встрѣчу правительству,—въ угоду которому оно замѣнило Голуба болѣе пріятнымъ для правительства Дорошенкою, какъ думаетъ Жуковичъ IV с. 108.

4) Намекъ вижу въ письмѣ Збаражскаго, Сборникъ лѣтоп. къ вст. Ю. З. Р. с. 252.

дествующее напряженіе, разумѣется, не могло исчезнуть такъ легко, и самъ Дорошенко не могъ имѣть какихъ нибудь иллюзій въ этомъ отношеніи.

Къ веснѣ 1623 г. козаки, какъ заявляли еще въ прошломъ году, собрались въ походъ на Черное море. Экспедиція не отличалась значительными размѣрами, но турецкій флотъ стоялъ тогда въ Кафѣ, занятый водвореніемъ на ханствѣ Махметъ-гирея, и казакія чайки, появившись вблизи беззащитнаго Стамбула, нагнали здѣсь большого страху. Наскоро начали снаряжать противъ нихъ галеры, набирая всякій сбродъ, занявшійся грабежемъ предмѣстій вмѣсто экспедиціи на козаковъ. Пока эти галеры вышли въ море, козаковъ и слѣдъ прослылъ¹⁾. Едва успѣвъ возвратиться изъ этой экспедиціи, козаки къ концу лѣта снова собрались на море. „Оставивъ одну добычу, пошли за другою“. На этотъ разъ турецкому флоту удалось поймать нѣкоторое количество козаковъ: привезли въ Константинополь нѣсколько живыхъ плѣнниковъ и нѣсколько козацкихъ головъ и поднесли ихъ новому султану, а тотъ велѣлъ положить эти головы около себя въ рядъ передъ народомъ, и это произвело на турокъ очень пріятное впечатлѣніе²⁾. Збаражскому писали, что въ этомъ походѣ было 30 часекъ. Подробностей никакихъ у насъ нѣтъ. Въ промежуткахъ между этими двумя морскими походами Дорошенко, выѣзжавшій на Запорожье—для поддержанія надеждъ на усноженіе своевольства, собрался походомъ на Черекопъ. Это носило характеръ отместки ордѣ за походъ на Украину, устроенный подъ весну. Козаки забрали много добычи, массу скота³⁾.

Эти козацкіе походы не причинили особыхъ хлопотъ правительству. Турецкое правительство приняло поясненіе польскихъ пословъ, что эти походы были вызваны татарскимъ набѣгомъ⁴⁾, и только на будущее время ставило требованіе, чтобы козацкихъ

1) Донесенія англійскаго посла—Zbióí rap. s. 434—5, письмо Збаражскаго въ Сборникѣ лѣт. I. с. Збаражскій имѣлъ свидѣнія, что это была совсѣмъ небольшая экспедиція: сперва доносили ему о 22 чайкахъ, затѣмъ только о 13; но хотя ихъ ходило только 13, однако натворили столько, словно было ихъ гораздо больше, замѣчаетъ онъ.

2) Донесенія англійскія с. 438 и письмо Збаражскаго с. 253; ср. Азны меск. госуд. I. 173. 3) Сборн. лѣт. I. с.

4) См. письмо короля въ ркп. публ. библиот. Разн. F. IV № 67 л. 320 и 323.

нападеній больше не было. Они не помѣшали ратификаціи трактовъ, наоборотъ вынуждали Турокъ желать мира съ Польшей, чтобы обезпечить себя отъ подобныхъ козацкихъ нападеній. Съ другой стороны последнее нападеніе Татаръ вызвало въ Польшѣ нѣкоторое сожалѣніе о разрывѣ съ козаками, не считавшими теперь нужнымъ выслуживаться передъ Польшей.

Въ позднѣйшихъ козацкихъ отвѣтахъ на обвиненія польскаго правительства (послѣ погрома 1625 г.) старшина упоминала, что она арестовала предводителей весенняго похода на море и представила ихъ въ кievскій гродъ, желая съ своей стороны предупредить морскіе походы, но такъ какъ затѣмъ правительство не уплатило условленнаго жалованья, — они „принуждены были сами о себѣ промышлять“.

За своевольные походы на море правительство считало нужнымъ наказывать козакковъ лишеніемъ жалованья. Выходъ пріятный для королевской казны, но тактика сомнительнаго качества. Напряженіе только увеличивалось, и козаки считали себя тѣмъ менѣе обязанными чѣмъ нибудь по отношенію къ правительству.

„Козацкое войско страшно волнуется“, доносилъ осенью Ю. Збаражскій, „хотятъ идти на волость, говорятъ, что терпятъ притѣсненія въ вѣрѣ; хотятъ смѣтнуть Дорошенка, а гетманомъ поставить снова Олифера¹⁾“.

Осень принесла событіе, еще больше обострившее это напряженіе. 12 ноября въ Витебскѣ разъяренная толпа убила архіепископа Кунцевича, наиболѣе агрессивнаго представителя униі. Своей острой, непримиримой борьбой съ православіемъ — отбращеніемъ православныхъ церквей, арестами духовныхъ лицъ, всяческими административными репрессіями онъ вызвалъ чрезвычайное раздраженіе среди православныхъ своей епархіи и пріобрелъ репутацію жесточайшаго преслѣдователя православной вѣры, такъ что навлекъ на себя рѣзкіе упреки даже такого испытаннаго покровителя униі какъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга. Расположенные къ Кунцевичу люди давно уже предостерегали его, что это можетъ плохо окончиться для него, но онъ сознательно пренебрегалъ предостереженіями, даже желалъ для себя „мученической смерти“, какъ чело-
вѣкъ экзальтированный и фанатически преданный католической идеѣ. Арестъ одного православнаго священника въ Витебскѣ, произведенный по его распоряженію въ день катастрофы, вы-

¹⁾ Сборникъ лѣтоп. с. 253.

звать уличное скопище, раздраженная толпа бросилась на архиепископскую палату, и при этомъ нападеніи былъ убитъ самъ Кунцевичъ ¹⁾.

Такое неслыханное событіе дало поводъ королю излить свой гнѣвъ на православныхъ. Присланная имъ на мѣсто судебная комиссія присудила къ смертной казни десятки людей; у г. Витебска было отобрано право самоуправленія, запрещено на будущее время звонить въ городскихъ церквяхъ и т. п. И въ другихъ городахъ униатская сторона воспользовалась этимъ случаемъ для новаго натиска на православныхъ.

Рутскій началъ новый процессъ съ виленскимъ братствомъ, обвиняя его между прочимъ и въ томъ, что грамоты Смотрницкаго, принятаго братствомъ въ себѣ, побудили къ убійству Кунцевича. Смотрницкій стелъ за лучшее удалиться не только изъ Вильны, но и вообще изъ предѣловъ государства, и отправился путешествовать по востоку—и оттуда возвратился уже униатомъ. Митр. Іовъ, полгода спустя характеризуетъ положеніе православныхъ, называя это время особенно тяжелымъ, „когда всё сговорилось было совершенно уничтожить православный родъ“ ²⁾. Даже въ Кіевѣ униатская партія отважилась на нѣкоторыя агрессив-

¹⁾ Этотъ громкій эпизодъ имѣетъ значительную литературу, въ особенности канонизація Іосафата Кунцевича въ 1865 г., какъ манифестація противъ мѣропріятій противъ уніи въ Россіи, превративъ его въ символъ уніи, вызвала большую полемику, болѣе церковно-политическую впрочемъ, чѣмъ научнаго характера. Изъ болѣе раннихъ сочиненій упомяну: Сущи Cursus vitae et certamen martyrii b. J. Kuncewicii, перенеч. Мартыновымъ въ Парижѣ 1865 г., того же Мартынова Saint Iosaphat et ses detracteurs, Лионъ, 1875; A. Guérin S. Iosaphat archevêque de Polock, I—II, Пуатье 1874 г. (переведено по польски Калинкой, Львовъ 1885 г.). новое изданіе 1897—8 гг. п. з. Un apôtre de l'union des églises au XVII s. Saint Iosaphat et église greco-slave en Pologne et en Russie, Парижъ. Съ православной стороны: Кояловича І. Кунцевичъ (1570—1623), изъ исторіи литовской церковной уніи (Правосл. обозрѣніе 1861); Говорскаго І. Кунцевичъ полоцкій униатск. архіем., канонизированный папой Піемъ IX, Вильно, 1865 г.; Сихорскаго Реликвія І. Кунцевича—Журналъ министерства нар. просв. 1870 г. Совершенно особнякомъ стоятъ новѣйшія статьи Жуковича, посвященныя Кунцевичу и написанныя вполне объективно: Убійство Іосафата Кунцевича (Христ. чтеніе, 1907, IX, перенеч. въ IV вып. Сеймовой борьбы), О неизданныхъ сочиненіяхъ Іосафата Кунцевича (Изв. отд. рус. яз. 1909).

²⁾ Письмо къ Хр. Радзивиллу 24 дек. 1624 въ Археогр. сборн. вилен. VІІ ч. 55.

ныя выступленія: запорожскіе посланные упоминали, что митр. Іовъ жаловался козакамъ на нарушение христіанской вѣры, опечатываніе церковей и т. п. ¹⁾).

Сеймъ, назначенный на февраль 1624 г. прошелъ среди такого глухого напряженія. Ничего не слышно о козацкихъ петиціяхъ, депутаціяхъ, ни о какихъ либо спеціальныхъ стараніяхъ православныхъ. Не затрогивало этихъ вопросовъ и правительство ²⁾). Обѣ стороны стояли одна противъ другой вплоть непримиримо, не видя и не ища никакихъ возможностей сближенія.

Возобновлено было прежнее постановленіе относительно высылки комиссаровъ; назначены суровыя наказанія тѣмъ, кто оказывалъ бы какое-нибудь содѣйствіе козакамъ или покупалъ бы отъ нихъ добычу. Рѣшено выполнять прошлогоднія постановленія относительно распределенія войскъ на Украинѣ, для обузданія своеволія. Указано держателямъ украинскихъ староствъ, „начиная отъ Бара и до московскихъ границъ“, что ихъ абсентеизмъ содѣйствуетъ возрастанію козацкаго своеволія, и предложено имъ изъ своихъ доходовъ содержать нѣкоторое количество войска для усиленія государственнаго контингента, какой будетъ отправленъ на Украинну ³⁾).

Религіозный вопросъ, снова поднятый шляхетскими экзорбиціями, былъ отложенъ вмѣстѣ со всѣми другими до будущаго сейма ⁴⁾).

Вниманіе козачества было отчасти отвлечено отъ этихъ вопросовъ тѣми интересными комбинаціями, какія начали возникать съ возвращеніемъ на ханство нашего стараго знакомаго Махметъ-тирея. Возвратившись обратно на ханство и пригласивъ къ себѣ своего неукротимаго брата Шагина, Махметъ повелъ съ нимъ въ Крыму расправу съ старыми своими врагами и вызвалъ этимъ жалобы и нареканія передъ султанскимъ диваномъ. По отношенію къ своему повелителю-султану братья также вели себя очень непокорно, не исполняли его распоряженій, между прочимъ не хотѣли заняться постройкой замковъ на нижнемъ Днѣпрѣ, порученной имъ султаномъ совмѣстно съ намѣстникомъ Кафы, чтобы воспрепятствовать козацкимъ походамъ на море. А въ до-

¹⁾ Кулиша Матеріалы с. 159 (объ этомъ еще ниже).

²⁾ Ср. инструкціи на сеймики, Жерела VІІ № 176.

³⁾ Volumina legum III с. 222—3.

⁴⁾ Supplementum—Архивъ I. VІІ с. 571.

вершение всего пришли въ Константинополь извѣстія, что братья замышляютъ походъ на самую Турцію, хотѣть взять Адрианополь и завладѣть султанскимъ трономъ. Въ виду всего этого султанское правительство рѣшило Махметъ-гирея возвратить въ первобытное состояніе, а на ханствѣ водворить снова Джанибекъ-гирея ¹⁾.

Но братья не желали повиноваться волѣ султана, и противъ Порты обратились за помощью къ козакамъ, которыхъ еще такъ недавно вполне лояльно, какъ надлежитъ султанскимъ вассаламъ, поручали польскому королю уничтожить, а чайки ихъ сжечь ²⁾.

Это произошло весной 1624 г., но подготовлялось вѣроятно значительно раньше. Такъ французскій посоль доносилъ о козацкомъ походѣ на Кафу, и этотъ походъ могъ имѣть характеръ первой экскурсіи въ интересахъ Махметъ-гирея. Правда, козаки пояснили впоследствии королевскимъ комиссарамъ, что соглашения съ Гиреями у нихъ не было, и въ войскѣ Шагина они смутились потомъ случайно. Говорили, что ихъ въ Крымъ занесла буря, когда они отправлялись на море съ Донцами, а случилось это во время войны Махметъ-гирея съ Турками. Тогда Шагинъ-гирей пригласилъ ихъ на службу, и они находясь въ бѣдственномъ состояніи, не видя другого выхода, охотно поступили на службу къ братьямъ, служили имъ вѣрно, и изъ этого вышла ихъ воздвигшая дружба съ Шагинъ-гиреемъ: по окончаніи войны онъ съ честью отправилъ ихъ на Запорожье и съ ними христіанскихъ плѣнниковъ бывшихъ въ Крыму ³⁾. Но мы этой благовидной исторіи не обязаны принимать очень серьезно.

¹⁾ См. объ этихъ событіяхъ у Смирнова Крымское Ханство с. 481 и далѣе. Hammer Geschichte des Osman. Reiches V с. 35 и далѣе, Zinkeisen op. с. IV с. 487 и сл. (турецкіе источники).

²⁾ Рян. Публ. библ. Разн. F. IV 67 л. 302.

³⁾ Zbiór pamięci. VI с. 190. Нѣсколько отлично, хотя въ томъ же духѣ рассказываетъ эту исторію нашъ анонимный корреспондентъ (осень 1624 г.): Шагинъ-герой „подъ самую тую его з Турками у Кафу събѣдицкою самыхъ невольниковъ козаковъ семсотъ вызволенныхъ маючи при собѣ, всю справу свою ратовалъ и знамените Турковъ поразивши, татарскіе орды подѣ свою юридыку побралъ, и все товариство казацкое свободою даровавши з добычею турецкою червонными по пятидесять кожного и на десятковъ по два бойволы з тѣлегами обдаровавши, до своее землѣ за Пороги ввипроводити казаль. И тепер послы его за Порогами очекивають посланныхъ до короля его милости; если ласка его к. млти будетъ

Лѣтомъ 1624 г., когда турецкій флотъ подь предводительствомъ капитана-пашы (адмирала) Реджебъ-пашы двинулся изъ Константинополя къ Кафѣ, чтобы свергнуть непокорныхъ вассаловъ, козацкій флотъ, пользуясь этимъ случаемъ, двинулся къ Константинополю. Не смотря на то, что угрожающіе слухи о козацкомъ походѣ, даже въ преувеличенныхъ размѣрахъ, заранѣе ходили въ Стамбулъ, капитанъ-паша оставилъ столицу безо всякой защиты, и козацкія чайки беспрепятственно появились у Босфора. 9-го іюля н. ст. на разсвѣтѣ приплыли они туда въ количествѣ 70—80 чаекъ, на каждой по 50 человекъ. Высадившись по обоимъ берегамъ пролива, они начали беспрепятственно жечь и грабить окрестности. Сожгли Буюкъ-дере и Еникіой на европейскомъ побережьи, Стенію на азіатскомъ. Уничтоживъ цѣлый рядъ роскошныхъ виллъ и богатыхъ усадебъ въ теченіе шести часовъ, и забравъ массу добычи, около 9 часовъ ушли на море.

Въ Константинополѣ поднялась страшная тревога. Султанъ выѣхалъ самъ на море и занялся организаціей обороны. Выслано было пѣшее и конное войско; за отсутствіемъ галеръ собраны были разные суда, посадили на нихъ всякій сбродъ и выслали нѣсколько сотъ такихъ лодокъ противъ козаковъ. Предполагали, что они обратятся въ бѣгство. Но козаки, увидя эту импровизированную армаду, расположились среди пролива, разставивъ полукругомъ свои чайки и спокойно ожидали нападенія. Противный вѣтеръ не давалъ имъ возможности идти самими противъ Турокъ. Турки издали дали огонь. Козаки не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ и не двигались съ мѣста. Увидя такую непоколебимую отвагу, Халиль-паша, руководившій этимъ импровизированнымъ флотомъ, не осмѣлился напасть на козаковъ. Онъ соображалъ, что въ случаѣ, еслибы атака не удалась и козаки его разгромили, они могли бы напасть на самый Стамбулъ. И козаки, простоявъ спокойно до вечера передъ глазами встревоженной „столицы міра“, безъ препятствій отправились со своей добычей домой.

дати ему козаковъ на помоч, офѣруется и окомо Константинополя на лѣто помыслити, гдыжъ и с Персомъ южъ взялъ лигу и оженился повинную перского взявши, и королеви пану нашему добре собѣ тушити кажетъ в необлудной приязни и послугахъ своихъ, якъ самъ его к. мст. везволети будетъ хотѣлъ. Зачимъ разумѣемъ жебы и комысыя ихъ задержатися скажетъ, едно намъ безмолствовати и жатіе исправляти погреба” — Лавр. библ. доп. № 20 л. 83 об.

Черезъ двѣ недѣли ихъ флотъ снова явился у Константинополя, еще въ большихъ разгѣрахъ—чаекъ было самое меньшее 150, и за ними слѣдовали резервы, какъ рассказываютъ константинопольскіе очевидцы. М. Говъ вѣроятно объ этой второй экспедиціи рассказываетъ, что козаки, имѣя 102 чайки, у устья Днѣпра встрѣтили турецкій флотъ изъ 25 большихъ галеръ и около 300 меньшихъ судовъ, такъ наз. ушкаловъ, вмѣщающихъ отъ 25 до 50 челов. Это была, очевидно, эскадра капитанъ-паши; нѣсколько дней Турки бились съ козаками, усиливаясь не пропустить ихъ на море, но козаки разгромили ихъ и пошли на Константинополь. О дальнѣйшемъ рассказываютъ константинопольскіе корреспонденты. Козаки простояли у береговъ Босфора три дня, какъ бы насмѣхался надъ безнліемъ падишаха. Сожгли Фаросъ, нѣсколько селеній. Угрожали нападеніемъ на арсеналь, и это наполнило страхомъ весь Стамбуль. Городъ стерегли непрерывно патрули. Наконецъ снарядили двѣ галеры и около 20 лодокъ и послали ихъ на море, чтобы предотвратить нападеніе козаковъ. Козаки, постоявъ тамъ, отплыли съ большой добычей.

Обезпеченный диванъ послалъ курьера къ капитанъ-пашѣ, призывая его какъ можно скорѣе, оставивъ крымскія дѣла, возвратиться въ Константинополь, тѣмъ болѣе, что нѣсколько козаковъ, пойманныхъ во время этого нападенія, сказали, что козаки предприняли это нападеніе въ союзъ съ ханомъ: это еще усилило тревогу въ Стамбуль. Козацкія нападенія такимъ образомъ, кромѣ собственнаго добычничества послужили диверсією въ интересахъ союзниковъ—Гиреевъ. Можетъ быть они и имѣли такую цѣль ¹⁾.

Ободренные этими успѣхами козаки 16 августа н. с. собрались въ третью экспедицію на Константинополь. Такое количество большихъ экспедицій въ одинъ сезонъ было вещью неслыханной. На этотъ разъ было также около 150 чаекъ. Но противные вѣтры задержали ихъ подъ Очаковымъ болѣе мѣсяца: козаки

¹⁾ Наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ двухъ морскихъ походахъ содержатся въ англійскихъ донесеніяхъ: о первомъ нападеніи подъ 9/ул, о другомъ въ депешѣ отъ 24/ул (Zbiór с. 440 и 442). Второе нападеніе имѣло мѣсто около 20/ул: въ депешѣ французскаго посла отъ 21/ул говорится о „вчерашнемъ“ нападеніи (Hist. R. томъ с. 427). Ср. Zinkeisen IV с. 495—5, Назва у Сенковского I с. 178. Письмо Борецкаго въ Археограф. сборникъ VП № 55.

исстратили здѣсь много припасовъ и нѣсколько десятковъ чаекъ, поэтому возвратилось обратно, а это съ лишнимъ все таки двинулось дальше, но никакихъ подробностей объ этомъ походѣ не знаемъ¹⁾.

Другая часть козаковъ тѣмъ временемъ помогала Гиреямъ въ Крыму, гдѣ миссія капитанъ-паша окончилась также полною неудачею. Прибывъ въ Кафу, онъ выслалъ къ Махмету и Шагину письма, увѣдомляя ихъ о назначеніи нового хана и требуя, чтобы они сложили свои должности, но тѣ не повиновались. Послѣ нѣсколькихъ недѣль мелкой войны Реджебъ-паша, послужавъ совѣта Джанибекъ-гирея, съ войскомъ и артиллеріей пустился въ глубину страны противъ непокорныхъ братьевъ. Но на третій день похода они увидѣли передъ собой вдалекѣ большое войско Махметъ-гирея; при немъ находился также козацкій отрядъ (800 козаковъ, по турецкимъ источникамъ). Турки, чтобы выйти изъ такого опаснаго положенія, рѣшили капитулировать и отказаться отъ своей миссіи. Джанибекъ-гирей, услышавъ объ этомъ, обратился въ бѣгство по направленію къ Кафѣ. Тогда Татары Махмета напали на турецкое войско и разгромили его. Татары и козаки взяли вслѣдъ за этимъ Кафу. Реджебъ-паша, укрывшись на галерахъ, не видѣлъ другого исхода, какъ утвердить на ханствѣ Махмета. Такъ онъ и поступилъ. Махметъ послѣ этого выдалъ орудіи и плѣнниковъ, захваченныхъ въ этой войнѣ, и возвратился во svoюсн²⁾.

Но Махметъ и Шагинъ понимали, что вынужденное соглашеніе ничего не значитъ и Порты не проститъ имъ такого дерзкаго бунта. Поэтому, разгромивъ Турокъ, Шагинъ, являющійся въ этой исторіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, хотѣлъ обезпечить собѣ и на будущее время помощь со стороны Украины. Кромѣ непосредственныхъ сношеній съ козаками, онъ обратился также и къ польскому правительству, не столько, очевидно, рассчитывая получить активную помощь съ его стороны, сколько желая до-

¹⁾ Объ этомъ третьемъ походѣ—въ письмѣ Борецкаго Архепр. Сб. VII с. 82 и въ неизданномъ письмѣ отъ 3 октября 1624 г. въ цитированномъ лаврскомъ сборникѣ с. 83 об., также Кос у Цинкайзена с. 495. Жуковичъ въ третьей экспедиціи прилагаетъ извѣстіе Наимы о сожженіи окрестностей Константинополя, но у Сехновскаго дата невѣрная, 4—X вмѣсто 21.—VII, какъ это уже указалъ въ свое время Рудницкій.

²⁾ Смирновъ, Гаммеръ—см. выше, французскія депеши с. 427.

биться, чтобы оно не препятствовало козакамъ въ ихъ новомъ союзѣ съ Крымомъ. Имѣемъ интересное письмо Шагина къ кор. Сигизмунду отъ 19 августа н. ст. того же года¹⁾. Онъ въ очень индивидуальномъ тонѣ вспоминаетъ добрыя старыя времена, когда Гирей поддерживалъ пріятельскія отношенія съ Ягайловичами: „Были мы братьями и пріятелями, мы вамъ и вы намъ также помогали всегда, войска наши при предкахъ нашихъ ходили со-обща и вмѣстѣ, люди наши къ вамъ, а ваши къ намъ прѣзжали, и никто не спрашивалъ, куда или откуда идемъ; ни малому ребенку, ни убогой вдовицѣ не было никакой обиды“. Только Османы разъединили этихъ друзей, возстановивъ однихъ на другихъ. Теперь Османы сдѣлались общимъ врагомъ Крыма и Польши, и Шагинъ приглашаетъ короля къ содѣлательной борьбѣ съ этимъ врагомъ. Проситъ помощи противъ Турокъ, пороха и свинца (такъ какъ эти припасы обычно покупались у Турокъ, а теперь они могутъ прекратить ихъ подвозъ), но самое главное—отпустить къ нему козаковъ.

Нѣсколько разъ онъ повторяетъ въ своемъ письмѣ эту просьбу о козакахъ. Во время послѣдней войны онъ имѣлъ у себя, по его словамъ, только 300 козаковъ, но они оказали ему большую услугу. „Козаковъ дѣйпрowychъ вашихъ... въ компанію пришло триста козаковъ.—Дай Богъ много здоровья этимъ тремъстамъ козакамъ, пришедшимъ на помощь и въ компанію и дѣйствуя тамъ, насъ защищавшимъ какъ того хотѣло сердце наше!“ „Дайте намъ дѣйпрowychъ козаковъ, а мы съ ними легко управимся съ Турками“. „Велите дѣйпрowychъ козакамъ, чтобы пришли къ намъ—заждемъ ихъ имѣть не потому, чтобы мало у насъ было войска: имѣемъ его, благодареніе Богу, достаточно, но такъ какъ у Османовъ немало янычаръ съ ружьями, то и намъ надо противъ ружей ружейнаго войска“. Шагинъ проситъ прислать тысячу козаковъ зимой, а другое войско—послѣ Пасхи; только, чтобы козаки не трогали татарскихъ стадъ, которыя Татары хотятъ на зиму выгнать за Дѣйпръ—а козаки „падки на добычу“. Шагинъ обѣщаетъ за это удержатъ крымскихъ и ногайскихъ Татаръ, „тамъ что и курица не пропадетъ въ вашихъ земляхъ“. Намѣревается возобновить старыя границы съ литовско-польскими

¹⁾ Напечатано Реломбіевскимъ (Bibl. Warsz 1852 II с. 18), но не особенно точно. Другая копія въ Публич. Библ. F. IV № 67 с. 303. Ср. Матеріалы Кулиша с. 159.

государствомъ: по Днѣпръ, Овечью воду, рѣку „Бузукъ“ и до Дона, что за Днѣпромъ и за этими рѣками—пусть будетъ королево. Обѣщаетъ королю возвратитъ Бѣлгородъ, Тегиню, Кимю и вывести Бѣлгородскую орду на крымскую сторону.

Въ этихъ предложеніяхъ, оставляя къ сторонѣ восточныя гиперболы и хвастовство, лежала совершенно реальная мысль: Шагинъ и Польна имѣли общаго врага, въ лицѣ мирзы Кантемира, повелителя Бѣлгородской орды. Онъ главнымъ образомъ беспокоилъ своими нападеніями коренныя земли (въ этомъ году ему однако не посчастливилось, и Конецпольскій дважды разгромилъ его, въ началѣ года у Скалы, и лѣтомъ подъ Мартыновымъ, около Галпча)¹⁾. Одновременно онъ былъ также заклятымъ и опаснымъ врагомъ Шагина, будучи непосредственно подчиненъ Пертѣ. Зимой 1624—5 г. Шагинъ неосторожно предпринялъ противъ него походъ, но Кантемиръ жестоко разгромилъ его.

Польское правительство очутилось въ довольно затруднительномъ положеніи. Оно не рѣшалось нарушить соглашеніе съ Турціей, оказывая помощь Шагину, но и не рѣшалось отклонить его предложенія. Поэтому до времени старалось сохранить по отношенію къ послѣднему сочувственный нейтралитетъ. Зато съ козаками Шагинъ, отправляясь въ походъ на Кантемира, по пути въ Запорожье въ ур. Карайтѣбень, 24 декабря, заключилъ формальное соглашеніе:

„Я, Шагинъ-гирей, царь крымскій, даюъ этотъ нашъ присяжный листъ козакамъ запорожскимъ: пану гетману, асауламъ, атаманамъ и всему войску, объявляемъ этимъ письмомъ нашимъ и присягами, что отъ меня и отъ людей нашихъ Крымскаго государства никакихъ несправедливостей и вреда не будетъ, а еслибы кто какой вредъ своевольно причинилъ, я ихъ съ женами, дѣтьми и родственниками, учинивъ судъ, долженъ десять за одного выдать. И отъ нихъ (козаковъ) того же требую, чтобы такъ было. Пока отъ нихъ не будетъ какогонибудь вреда,—пока я живъ, отъ насъ не будетъ, въ этомъ присягаю Аллахомъ и пророкомъ нашимъ Магометомъ—пусть буду я устраниенъ отъ сонма его, если поступлю иначе. Пока не будетъ отъ нихъ, и отъ насъ не будетъ никакой неприяности—даюъ въ этомъ пространное присяжное письмо п. гетману, асауламъ и всему войску, чтобы

¹⁾ Ср. французскія депеши с. 428. Kwart. Hist. 1892 с. 97

всѣ всему этому вѣрили, и даемъ это наше пространное присяжное письмо Богу и Пророку. Если бы явился у пана гетмана эсауловъ, атамановъ и всего войска Запорожскаго какой нибудь непріятель, я Шагинъ-гирей, какъ только меня извѣстятъ, со всѣми бейми и мурзами долженъ имъ помогать. А еслибы явился непріятель у меня, они должны, за моимъ увѣдомленіемъ, помогать мнѣ согласно съ присяжными письмами“¹⁾).

Такъ гласить этотъ первый извѣстный намъ трактатъ козачества съ ордой, предшественникъ позднѣйшихъ трактатовъ, сыгравшихъ такую важную роль въ исторіи украинскаго народа.

Этотъ союзный трактатъ съ ордой, какъ казалось, давалъ новую точку опоры козацкой политикѣ—въ томъ положеніи, какое козачество занимало по отношенію къ Польшѣ. Правда, вскорѣ выяснилась непрочность и ненадежность этого союза на случай польско-козацкаго конфликта: этикъ грѣшили и всѣ послѣдующіе козацкіе союзы съ ордой. Но пока его реальная цѣнность не могла быть соответственно оцѣнена, эта новая комбинація открывала передъ козачествомъ новыя, весьма утѣшительныя перспективы. Въ козацкихъ кругахъ чувствовался чрезвычайный подъемъ энергій и инициативы. „Самъ Христосъ вѣдаетъ, якимъ духомъ войско запорозкое што часу в силу збирается, а якъ не слыхано было досѣль такъ много чолновъ морскихъ готовятъ и готовити збираются, ижъ и сами старинные дивуются, на што бы тую силу тыхъ лѣтъ повернути хочет, едножъ видно, же всѣ къ Чорному мору берутся: только бы Богъ голову имъ даровалъ, мужа по сердцу своему, певне бы снадне и врага креста Христова и христіанскаго покуситися важни!“ пишетъ кievскій корреспондентъ въ октябрѣ 1624 г. И вотъ въ этотъ моментъ, наряду съ такимъ многосообщающимъ союзомъ съ Крымомъ передъ глазами козачества открылись новыя, еще болѣе широкія политическія перспективы.

Ихъ принесъ съ собой извѣстный авантюристъ, претендентъ

¹⁾ Сборникъ Петер. лавры доп. № 20 л. 71 об. Ср. также письмо митрополита напеч. у Голубева I с. 275 и сообщеніе запорожскихъ пословъ у Кулиша Матеріалы с. 159: приѣзжалъ Шагинъ-гирей на Запорожье за недѣлю до Рождества, „въ запорожскими козаками перемирья взялъ же, что имъ мечь себя нѣ восватце, а итти съ нимъ Шинъ-гирѣемъ Турского земли воевать за одно“, и пошелъ ватѣмъ на Бѣлгородскую орду.

на тронъ турецкаго султана Александръ Яхія, прїѣхавшій во время этихъ переговоровъ съ Шагиномъ на Запорожье.

Это была интересная и загадочная фигура. Называлъ себя онъ сыномъ султана Магомета IV, умершаго въ 1603 г., внукомъ султана Мурада ¹⁾.

Мать его происходила не болѣе не менѣе какъ отъ императорскаго рода Комненовъ; Гречанка, по происхожденію, она втайнѣ исповѣдывала христіанство. Яхія жилъ сперва съ отцомъ въ Малой Азіи; когда по смерти Мурада Магометъ отправился въ Константинополь, чтобы занять султанскій тронъ (въ 1595 г.) мать Яхія, вмѣсто того, чтобы утѣшаться блестящими перспективами, которыя раскрывались передъ нею, какъ султаншей, воспользовалась будто бы этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы скрыться изъ гарема, и убѣжавъ съ сыномъ въ Македонію, возвратилась къ религіи отцовъ и окрестила сына Яхію въ православной вѣрѣ, съ именемъ Александра. Когда ему исполнилось 15 лѣтъ, въ 1604 году, она выслала его ко двору императора Рудольфа, и съ этого времени начинается безконечная одиссея этого авантюриста. Онъ ежигался по разнымъ странамъ, рекомендуя себя какъ законнаго наследника султанскаго престола и ища покровительства у различныхъ непріятелей Турціи, принималъ участіе въ различныхъ планахъ, во всяческихъ предпріятіяхъ противъ Турціи, стараясь приспособиться къ какой нибудь политической комбинаціи, которая дала бы ему возможность выплыть на верхъ и сдѣлать карьеру.

Въ Вѣнѣ онъ встрѣтился съ т. наз. Лисовчиками, наемными авантюристами изъ польскихъ земель, странствовавшими на службѣ императора Фердинанда по различнымъ средне-европейскимъ странамъ. Они посовѣтовали ему обратиться къ Запорожцамъ, а одинъ изъ Лисовчиковъ, кн. Масальскій вызвался быть посредникомъ и началъ съ митр. Іова Борецкаго. Разказалъ ему фантастическую исторію этого „Александра Оттомануса“, наследника греческой имперіи и оттоманскаго престола, котораго якобы съ нетерпѣніемъ ожидаетъ весь христіанскій міръ Турціи. „Множество много воинства православныхъ Болгаръ, Сербовъ, Албанитовъ и Грековъ“, присягнувшихъ ему какъ своему законному государю, ожидаютъ его съ войскомъ въ 130 тысячъ. Для

¹⁾ Ср. автобіографію Яхія, написанную для митр. Іова, и разказы передъ царскими людьми — Матеріалы Кулиша с. 193 и 165.

полноты православнаго міра не доставало только еще Украины и Московіи, чтобы съ ними разрушить магометанскую Порту и на ея мѣстѣ основать великое православное царство.

Трудно сказать, насколько м. Говъ повѣрилъ всему этому и этой возможности разрушить Порту, но планы Яхіи — организовать коалицію противъ Турціи съ участіемъ козаковъ, Москвы, Крыма и различныхъ европейскихъ государей показались ему очень подходящими для даннаго времени. Онъ принялъ къ себѣ Яхію и тотъ въ двадцатыхъ числахъ октября 1624 г. пробылъ съ недѣлю въ митрополитанскомъ монастырѣ св. Михаила ¹⁾. Затѣмъ митрополитъ повезъ его къ козакамъ и встрѣти въ дорогѣ своего довѣреннаго человѣка священника Филиппа, возвращавшагося изъ Запорожья, отправилъ его съ Яхіей въ Крыловъ, откуда Яхія съ козаками поѣхалъ на Запорожье. Здѣсь онъ развилъ свои планы передъ козачествомъ, и войско заявило свою полную готовность помогать въ его намѣреніяхъ добиваться константинопольскаго трона. Рѣшено было, что съ нимъ на войну пойдетъ 18 тысячъ козаковъ, и онъ будетъ платить имъ — коннымъ по 6 ефимковъ въ мѣсяць, а пѣшимъ по 4, да кромѣ того на войско дастъ 30 зл. польскихъ.

Было устроено ему также свиданіе съ Шагиномъ, пріѣзжавшимъ въ то время на Запорожье. Яхія однако держалъ себя съ этимъ союзникомъ очень осторожно, и когда Шагинъ пригласилъ его къ себѣ, не поѣхалъ къ нему, отговариваясь тѣмъ, что козаки его не пускаютъ: онъ подозревалъ, что Шагинъ, поймавъ его, можетъ за хорошее вознагражденіе выдать Туркамъ. И свиданіе у нихъ происходило на деликатномъ разстояніи: оба союзника стояли на противоположныхъ берегахъ Днѣпра, и около Яхіи стояли съ ружьями козаки „въ четыре круга“. Однако, рѣшено было, что Шагинъ - гирей съ братомъ будутъ поддерживать Яхію ²⁾.

Послѣ этого Яхія послалъ за деньгами для войска во Флоренцію, а украинскіе благопріятели его начали раздумывать надъ тѣмъ, какъ бы еще заручиться помощью со стороны Москвы. Въ то время, какъ козачество могло прельщаться перспективой богатой платы, для кіевскихъ митрополитанскихъ круговъ особен-

¹⁾ О пріѣздѣ Яхіи въ Кіевъ (24 окт.) современное письмо въ цитир. сборникѣ Лавр. библ.

²⁾ Кулиша Матер. с. 160, 169, 213—5.

ную привлекательность имѣла именно эта сторона — организація широкой православной коалиціи, при участіи московскаго царя — въ виду того желѣзнаго католическаго кольца, съ такой неутомимой рѣшительностью тѣснившаго православную украинскую стихію (и бѣлорусскую съ нею). Еще передъ появленіемъ Яхія на кіевскихъ горизонтахъ въ кіевскихъ митрополитанскихъ кругахъ пришли къ мысли искать поддержки у московскаго правительства въ томъ безвыходномъ, какъ казалось, положеніи, въ какомъ православная іерархія, говоря словами писемъ епископовъ къ царю, — „тѣснилась въ маленькомъ уголкѣ Украины, въ землѣ Кіевской, подъ крыломъ христілюбиваго воинства запорожскихъ козаковъ“¹⁾.

Эти тяготѣнія къ московской претенціи по причинѣ (или подѣ предложемъ) религіозныхъ преслѣдованій — имѣли свою давнюю традицію въ кн. Литовскомъ. Такой ирредентизмъ отбилъ было въ началѣ XVI в. у польско-литовскаго правительства всякую охоту къ какимъ бы то ни было религіознымъ давленіямъ на своихъ православныхъ подданныхъ почти на цѣлое столѣтіе²⁾. Только съ ослабленіемъ Московскаго государства въ концѣ XVI в. оно снова набралось смѣлости, а московское „смутное время“

¹⁾ Въ письмѣ Исаи Копинскаго (1622): „де имамы въ кому прибѣгнути: царей и князей и бояръ благочестивыхъ не имамы — всѣ отступники отъ благочестивыхъ вѣры нашей: едины ляхи, вторыи унѣты, третии сынове еретичестіи. Отовсюду обстоятъ ны скорби и гоненіе на благочестіе наше и церковь сионскую восточную, матку нашу, хотяще ны растерзати... И нигдѣ не имамы отъ нихъ утѣхою, только всѣ мы благочестивыи въ маленькомъ кутку теснимся на Убранне въ землѣ Кіевской, колько насъ особъ святительскихъ благочестивыхъ, которыхъ посвятить на степень святительства всесвятѣйшии патріархъ ерусалимскіи куръ Теофанъ“.

Въ письмѣ м. Іова (1624): „всячески гоненіе на православныхъ, не хотящихъ послѣдовати нечестотамъ ихъ, воздвигоша, начнаше же насъ, православныхъ епископовъ, отъ престоль, отъ мѣстъ и отъ обителей нашихъ изгнаша и до крове на святую православную вѣру въоружахася, олтари Господни оскверниша, церкви православныи въ латинскую предель пресвратна, и престо рѣщи — всесилнѣ и королевскою державою мечъ на православныхъ обостриша. Тѣмже мы, помняще реченное: укройте ся въ малѣ, дондеже мимо идетъ гнѣвъ, се здѣ криющесь подъ криль христілюбиваго воинства черкасскихъ молодцовъ, восхотѣхомъ посещати и великодержавное владычество ти“... Матеріалы Кулиша с. 130—1, 136.

²⁾ См. въ т. IV изд. 2 с. 265 и сл., въ т. V с. 539—541.

уничтожило всякія опасенія въ польско-католическихъ кругахъ. Но Москва поднималась отъ своего паденія, и у польско-литовскихъ политиковъ начала возникать тревожная мысль, что въ концѣ утѣсняемые православные могутъ снова обратиться къ покровительству Москвы, и та снова начнетъ свои происки на религиозной почвѣ. Въ упомянутомъ выше письмѣ Льва Сапѣги къ Кунцевичу шефъ литовской политики, указывая на политическую безтактность уніатскихъ гоненій на православныхъ, напоминаетъ старыя утраты, понесенныя благодаря православной ирредентѣ польско-литовскимъ государствомъ: „Новгородъ Великій, Ёсковъ, Стародубъ, Черниговъ, Козельскъ и много другихъ замковъ отторгла отъ насъ эта унія и теперь эта же унія сильно способствовала отчужденію народа московскаго отъ королевича“ (Владислава) ¹⁾. А съ дальнѣйшимъ ростомъ московскихъ силъ неизбежно возникала опасность новой православной ирреденты въ московскую сторону въ земляхъ бѣлорусскихъ и украинскихъ.

Съ точки зрѣнія православныхъ владыкъ и прочихъ ревнителей національной и церковной идеи, укрывавшихся отъ польско-католическихъ гоненій въ этомъ кievскомъ „кутку“, искать опеки и покровительства, помощи и защиты въ московскихъ кругахъ было мыслью вполне естественною. Въдь это было пограничье, стоявшее въ сферѣ московскихъ династическихъ и политическихъ интересовъ (вспомнить только разговоры московскихъ политиковъ нач. XVI в. о Кіевѣ, какъ отчинѣ московскихъ царей) ²⁾. До московской смуты, въ кievскаго „города“ хорошимъ глазомъ можно было видѣть московскую границу. Она отодвинулась за послѣднія годы, но теперь, когда эта смута могла казаться случайнымъ, проходящимъ эпизодомъ, можно было ожидать новыхъ проявленій московской экстенсивной энергіи. Независимо отъ этихъ расчетовъ, просто вслѣдствіе совпаденія интересовъ, украинское населеніе, какъ мы видѣли, и такъ не разъ, игнорируя политическіе рубежи, дѣйствовало силами обѣихъ „украинъ“, польско-литовской и московской. Планы Дм. Вишневецкаго были наиболѣе блестящимъ проявленіемъ такой тактики, и украинское воеводство, начиная съ его времени, не разъ довольно ловко умѣло служить „на двѣ стороны“, черная средства по очереди или даже одновременно изъ одной казны и изъ другой, московской и польско-литовской, и играло роль посредствующаго подли-

¹⁾ I. с. ²⁾ См. т. IV² с. 280.

гическаго фактора между двумя государственными организациями. Последнія сношенія козачества съ московскимъ правительствомъ мы знаемъ зимой 1620 г. ¹⁾. На ряду съ ними извѣстны посланки различныхъ духовныхъ особъ въ московскую столицу за „милостыней“ на различныя благочестивыя, церковныя цѣли.

Такъ въ 1622 г. послалъ къ царю слезное письмо Исаія Копинскій, номинальный перемышльскій епископъ, прося пожертвованій для своихъ монастырей, основанныхъ имъ въ дубенскихъ и прилудскихъ мѣстахъ. Крімъ писанной грамоты посланные имъ монахи должны были устно сообщить пограничнымъ московскимъ воеводамъ (въ Путивлѣ), чтобы они запросили царя, не позволить ли онъ Исаіи съ монахами перейти за московскую границу отъ польскаго гоненія. „Да и всё де, государь, православные крестьяне и запорожскіе козакн, какъ имъ отъ Поляковъ утѣшенія будетъ, многія хотять ѣхать къ тебѣ, государю“, прибавляли отъ себя воеводы, на основаніи того, что рассказывали имъ посланцы Исаія ²⁾.

Лѣтомъ 1624 г., подъ влияніемъ тогдашняго обостренія католическо-уніатскаго натиска на православныхъ, съ аналогичными заявленіями высылаетъ своего посла непосредственно къ самому царю самъ митрополитъ Іовъ. Отъ того самого дня, 24 августа 1624 г., когда писались его грамоты къ царю, имѣемъ письмо самого митрополита же къ главѣ литовскихъ протестантовъ Кришт. Радзивиллу; оно хорошо иллюстрируетъ намъ то психологическое состояніе, въ какомъ предпринимали этотъ знаменательный шагъ кіевскіе духовные круги. Прося содѣйствія литовскаго магната для ближайшей сеймовой кампаніи, митрополитъ такъ характеризировалъ горестное положеніе православныхъ: „Такъ насъ стѣснили со всѣхъ сторонъ, что хуже измѣнниковъ и уличенныхъ преступниковъ, хуже, чѣмъ отъ враговъ Креста и самихъ язычниковъ, терпять преслѣдованія отъ вавилонской, опьянѣвшей отъ крови блудницы нашъ народъ вѣрный, государямъ своимъ благожелательный, народъ невинный, народъ древній христіанскій. Каждый день и каждый часъ какъ вошь обуха ждемъ мы, бѣдѣлки, выѣсть съ нашими святынями, священниками, народомъ, рыцарствомъ, шляхтой“. А козачество своими своевольными выходками — морскими походами, предпринимаемыми даже вопреки волѣ своей собственной старшины,

¹⁾ См. выше с. 95—6.

²⁾ Кулиша Матеріалы с. 126—7.

прибавляетъ митрополитъ, — еще болѣе обостряетъ неудовольствіе противъ православныхъ епископовъ, такъ какъ ихъ подозреваютъ въ союзѣ съ козаками ¹⁾. Передъ магнатомъ, хотя и союзникомъ, хотѣлось митрополиту очиститься отъ этихъ подозрѣній.

Въ этотъ же самый день митрополитъ писалъ письмо къ царю, къ его отцу патриарху и вершителю московской дипломатіи дьяку Грамотину, рекомендуя имъ своего посла епископа луцкаго Исаакія Борисковича. Въ письмахъ, адресованныхъ къ нимъ, онъ и Исаакій описывали горестное положеніе православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ, умоляли царя помнить объ этихъ своихъ единовѣрцахъ и не оставлять своей милостью, а въ особенности просили допустить Исаакія до личной аудіенціи, какъ „мужа во всёмъ вѣрна и тайну царскую могуща сохранить“ ²⁾. Допущенный, благодаря этой рекомендаціи, послѣ продолжительныхъ московскихъ церемоній, къ царю въ январѣ 1625 г. Борисковичъ 14 января с. с. имѣлъ секретное совѣщаніе съ боярами кн. Черкасскимъ и дьякомъ Ив. Грамотинымъ и сообщилъ имъ секретное порученіе, данное ему митрополитомъ. Къ сожалѣнію имѣемъ только отрывокъ изъ протокола этого совѣщанія ³⁾, и въ немъ нѣтъ текста митрополичьяго письма. Изъ отвѣтовъ бояръ видно, что митрополитъ указывалъ на притѣсненія, причиняемыя православной вѣрѣ со стороны Поляковъ, на перспективу польскаго похода на Украину; высказывалъ опасенія, что козаки сами не въ силахъ будутъ отстоять Украину отъ польскихъ войскъ, поэтому просилъ царя принять Украину и войско козацкое подъ свою руку, и простивъ козакамъ ихъ прежнія опустошенія Московскихъ земель, защитить ихъ отъ Поляковъ. Бояре, разспросивъ подробнѣе, убѣдились, что въ этихъ предложеніяхъ еще нѣтъ ничего положительнаго, рѣшеннаго и такъ отвѣтили Борисковичу: „И по тому письму и по твоимъ рѣчамъ

¹⁾ Археограф. сборникъ VII № 55.

²⁾ Грамоты у Кулиша Матеріалы с. 132—6.

³⁾ Моск. архивъ мин. иностранныхъ дѣлъ, дѣла малороссійскія 1625, февраль № 1: „Пріѣздъ въ Москву изъ Кіева Луцкаго епископа, присланнаго отъ кіевскаго митрополита Іова Борецкаго с представленіемъ государю царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу о принятіи Малороссіи и Запорожскихъ козаковъ в дозровительство, и о прощеніи имъ вины противу его государя учиненной“.

та мысль и въ самыхъ васъ еще не утверждена и о томъ укрѣпленія межъ васъ еще нѣтъ. А про козаковъ еси сказала, что козаковъ столько не будетъ, чтобъ имъ стоять проти Поляковъ собою безъ помочи, а въ вѣстяхъ сказываешь, что нынѣ Запорожское войско идетъ на весну на Турского морем. И нынѣ царскому величеству того дѣла всчати нельзя потому, что еще у васъ о томъ укрѣпленія нѣтъ и казаки идутъ всѣ на море на Турского войною“. Вины козаковъ „противъ царскаго величества и всего Россійскаго государства“ прощаются съ тѣмъ, чтобы на будущее козаки „царскому величеству служили“. „А если будутъ вамъ въ будущемъ притѣсненія въ вѣрѣ отъ Поляковъ, а у васъ противъ нихъ будетъ твердое рѣшеніе (соединенье и укрѣпленье)—сказала въ заключеніе дьякъ—„дайте знать царскому величеству и святѣйшему патриарху, а они это обсудятъ, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ видѣть въ избавленіи“¹⁾.

Митрополиту Іову поручено засвидѣтельствовать милость царскую и патриаршее благословеніе да передать икону въ серебряной ризѣ и пять сороковъ соболей, цѣною въ сто рублей; довольно щедрые дары даны самому Борисковичу и „протосинкелу“ Памвѣ Бериндѣ, бывшему съ нимъ, и поднесшему патриарху четыре книги. Борисковичъ, благодаря за милость, просилъ передать царю и патриарху, что у нихъ эта мысль тверда, всѣ они царской милости рады и хотятъ быть подъ царской рукой—будутъ стовариваться объ этомъ между собой, только боится, если тѣмъ временемъ Поляки внезапно на нихъ нападутъ, то имъ, кромѣ царской милости дѣваться некуда: тогда всѣ они — митрополитъ, епископы и войско Запорожское обратятся къ царской милости и поѣдутъ на царское имя (явятся къ пограничнымъ воеводамъ съ просьбой принять ихъ въ подданство) — пусть же царь ихъ пожалуетъ, не велитъ отговяты, ибо имъ кромѣ царя некуда дѣваться²⁾.

¹⁾ „И вы о томъ вперед царскому величеству и святѣйшему патриарху вѣдомо утините и царское величество и святѣйшій патриархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ во избавленье видѣти“.

²⁾ „И епископъ на государево и святѣйшаго патриарха на жалованье билъ челомъ а говорилъ, что онъ государскую милость Іеву митрополиту кievскому скажетъ, и образъ и соболи довезет, да билъ челомъ чтобъ его челобите до государя и до святѣйшаго

Таково было это первое предложеніе принятія Украины подъ царскую власть—интересное какъ первая реконструкция совершившагося позднѣе переворота. Что въ этихъ предложеніяхъ, какъ они дѣлались московскому правительству въ этотъ разъ, еще очень мало было конкретнаго, это должны были понимать въ самыхъ митрополитанскихъ кругахъ. Но прежде, чѣмъ распространять мысль о подданствѣ подъ московскую протекцію въ широкихъ украинскихъ кругахъ и приводить ея въ „твердую мысль и постановленіе“, инициаторамъ необходимо было знать, насколько склонно вообще московское правительство заняться ближе украинскимъ вопросомъ, и тогда уже соображать, что можно сдѣлать съ этимъ московскимъ внимательствомъ и насколько можно рисковать изъ-за него. Таково болѣе глубокое содержаніе этихъ сношеній, проглядывающее изъ за козацкихъ прошеній „жалованья“ и монашескихъ моленій о „милостыні“, составляющихъ вгнѣшнее содержаніе этихъ сношеній съ Москвой и послѣ первыхъ удачныхъ результатовъ 1622—1625 гг. начинающихъ принимать все большіе размѣры ¹⁾). Но чтобы вывѣдать московскія намѣренія основательнѣе, нужно было затронуть московское правительство

патріарха довели—что у нихъ та мысль крѣпка, что они всѣ государственной милости ради и под государственною рукою быть хотятъ, и о томъ совѣтоватъ межъ собою будутъ, а нынѣ болятца того, любо на нихъ Поляки наступятъ вскорѣ и имъ кромѣ государевой милости нѣгдѣ дѣтца: всѣ в то время—митрополитъ и епископы и войско Запорожское—прибѣгнуть ко государственной милости и пойдутъ на государственное имя и государь бы ихъ пожаловалъ, отринуть не велѣлъ, а имъ кромѣ государя дѣтца негдѣ. И бояринъ и думной дякъ говорили, что они о томъ государя и святѣйшаго патріарха извѣстятъ, а онъ бы нынѣшней государевъ указъ митрополиту сказалъ, а что у нихъ учнетъ дѣлатца и они б о томъ государю вѣдомо учинили и государь смотря по дѣлу и мыслить о томъ будетъ“.

¹⁾ Такъ, въ нач. 1625 г. возобновилъ посольство Копинскій, благодаря за полученное и ходатайствуя о новомъ пожалованіи. Осенью того же года эмигрировалъ въ Москву епископъ Курцевичъ и остался здѣсь, получивъ епархію. Прибыли монахи отъ епископа львовскаго Тисаровскаго за милостыней. Въ 1626 г. снова приходили монахи изъ монастырей Копинскаго и изъ Почаева; въ 1627 г. изъ монастыря чигиринскаго, каневскаго и терехтемировскаго; въ 1628 г. изъ манявскаго скита и изъ владенскаго монастыря, и т. д., см. матеріалъ собранный у Маварія Ист. рус. церкви XI с. 319—320.

чѣмъ-нибудь болѣе сенсаціоннымъ, чѣмъ плачи митрополита и епископовъ о притѣсненіяхъ и убожествѣ. И такой удобный случай представляло появленіе Яхіи съ его фантастическими планами, безчисленными протекторами, таинственными союзами на западѣ и востокѣ и т. п.

Въ январѣ 1625 г. митр. Іовъ выѣхалъ изъ Кіева въ козацкія стороны, въ Кореунь, а оттуда въ Терехтемировъ. При этомъ, очевидно, онъ намѣревался войти въ болѣе близкое соглашеніе съ козацкой старшиной и приготовить новое посольство въ Москву, по дѣлу Яхіи. Посольство это было отправлено изъ Запорожья второго января с. с., сейчасъ послѣ отъѣзда Шагинъ-гирея; оно состояло изъ запорожскаго посольства съ Иваномъ Гирею во главѣ, изъ посланнаго Яхіи, каковаго то Марка Федоровича Македонянина и козака Ивашка Мартыновича. Митропол. Іовъ отъ себя далъ имъ рекомендацiонныя письма къ путивльскому воеводѣ и автобіографію Яхіи, записанную у него, и поручалъ особому вниманію воеводы все это дѣло. „Прочитавъ эту повѣсть, писалъ онъ ему, увидишь ты, что благодатью божьей приближается уже конецъ нечестиваго, вавилонскаго турецкаго царства, и если исповѣдники православія прійдутъ къ соглашенію, то и сейчасъ будетъ положено начало этому. Молимъ объ этомъ всесильную десницу Христову, чтобы разбивъ тяжелыя оковы православныхъ, далъ своей церкви и православному множеству единовѣрныхъ Грековъ получить желанную, дорогую свободу. Просимъ, чтобы и вы съ благочестивымъ царемъ вашимъ подали руку помощи единовѣрнымъ братьямъ, дабы и сами въ день суда отъ вѣчной избавились неволи“¹⁾. Яхіа въ своемъ письмѣ къ царю увѣдомлялъ, что къ веснѣ собирается походомъ, морскимъ и сухопутнымъ, съ козаками, въ Грецію, а тамъ ожидаютъ его Болгары, Сербы, Албанцы и Греки, присягнувшіе уже Яхіи, какъ своему законному государю—это долженъ былъ засвидѣтельствовать въ Москвѣ посоль Яхіи, „Марко Македонянинъ изъ земли Сербской“. Этотъ Марко устно пояснялъ, что кромѣ упомянутыхъ присяжниковъ помощь Яхіи обѣщаль король испанскій: онъ долженъ предоставить ему 60 галеръ съ войскомъ, герцогъ флорентійскій обѣщаль прислать 20 тыс. ружей, пушекъ и различнаго другого оружія, другія-страны также обѣщали помощь людьми и деньгами. На Шагинъ-гирея надѣются, что онъ пришлетъ орды

¹⁾ Кулиша Матеріалы с. 162, ср. 161.

до 100 тыс., и со всеми этими силами Яхія отправится весной на Константинополь. У царя же просить помощи людьми или деньгами—какъ царь соизволитъ¹⁾.

Московскіе политики не остались равнодушны къ такимъ обширнымъ и привлекательнымъ—хоть и фантастическимъ планамъ. Посолъ Яхія былъ представленъ царю, хотя и incognito: во время аудіенціи запорожскихъ пословъ былъ допущенъ къ царской рукѣ, но безъ провозглашенія имени Яхія, какъ это было принято. Яхія были посланы подарки очень богатые, щедрые, особенно принимая во вниманіе тогдашнія тяжелыя для московской государственной казны обстоятельства. Но активно вмѣшаться въ планы Яхія и козаковъ московское правительство не рѣшилось—боялось разрыва съ Польшей. Царь пожелалъ „царевичу Александру“ вѣнческаго успѣха—добиться своего отцовскаго царства, но помочь ему царь не можетъ, такъ какъ „царевичъ“ находится въ Литовской землѣ, у запорожскихъ Черкасъ, подданныхъ польскаго короля, а польскій король непріятель царю и не позволилъ бы послать войска черезъ свою землю, и даже будучи теперь въ союзѣ съ султаномъ, причинилъ бы, пожалуй, еще какое нибудь затрудненіе царевичу; поэтому и грамоты царевичу царь не посылаетъ, а только устно шлетъ ему привѣтъ.

Таковъ былъ отвѣтъ, данный посламъ Яхія 10 августа с. с.²⁾. Онъ категорически показалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что и въ козацкія дѣла вообще московское правительство въ этотъ моментъ не считаетъ возможнымъ вмѣшаться, чтобы не вызвать новаго разрыва съ Польшей.

Широкія политическія перспективы, начавшія было раскрываться передъ козачествомъ въ 1624 г., подымая духъ и отвагу козацкихъ массъ, должны были вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать сильное движеніе среди нихъ и борьбу съ направленіями болѣе умѣренными, болѣе склонными учитывать весь рискъ этихъ выступленій. Жизнь козачества въ это время, зимой 1624—5 г. должна была отличаться особымъ напряженіемъ и намъ было бы интересно приглядѣться къ внутреннимъ отношеніямъ козацкой старшины и козацкихъ массъ—гораздо интереснѣе, чѣмъ напр. заниматься отношеніями польскаго правительства къ козачеству. Но къ великому сожалѣнію мы и сейчасъ не имѣемъ матеріаловъ, кото-

¹⁾ Булиша Матеріалы с. 169—172. ²⁾ Ibid с. 173.

рые могли бы глубже ввести насъ въ козацкую жизнь и отношеія, и только частая смѣна старшины свидѣтельствуесть намъ о разныхъ внутреннихъ теченіяхъ среди козачества, на ряду съ тѣмъ размахомъ экстенсивной козацкой энергіи, какой проявляется въ тогдашнихъ походахъ.

Морскіе походы козацкіе 1624 г., какъ увѣряетъ Іовъ Борецкій Кр. Радзивилла, произошли противъ желанія старшины—это ходили новички (*lygones*)¹⁾. Это вполне возможно, митрополитъ могъ писать это не только изъ тактическихъ соображеній. И въ связи съ этимъ могла стоять и смѣна гетмана. Осенью 1624 г. гетманомъ на Запорожьи былъ Каленикъ Андріевичъ („Каленикъ Андреевъ“ въ московскихъ матеріалахъ, считавшихъ своимъ долгомъ передѣлывать украинскія имена на чистый московскій ладъ): возможно, что это извѣстный уже намъ „гетманъ Каленикъ“ Смоленской войны 1610 г.²⁾ А въ августовскомъ морскомъ походѣ предводителемъ былъ еще Грицько Чорный, позднѣйшій гетманъ по королевскому назначенію (видно остепенился впоследствии)³⁾. Каленика Андріевича видимъ на гетманствѣ отъ октября до января 1625 г.⁴⁾, затѣмъ вообще не имѣемъ свѣдѣній о гетманѣ, а только отъ іюня мѣсяца имѣемъ гетманское письмо, писанное на Запорожьи—былъ гетманомъ снова Дорошенко⁵⁾. Затѣмъ на первый планъ выступаетъ Цирскій, „бывшій у нихъ гетманомъ на Запорожьи“, и Жмайло, выступающій во главѣ козацкаго войска во время осенней войны 1625 г., чтобы послѣ капитуляціи снова дать мѣсто Дорошенку. Эти перемены и вся эта борьба за гетманство не имѣли впрочемъ особенно обостреннаго характера, судя по тому, что всѣ эти лица, бывшіе и будущіе гетманы, начиная съ Олифера Голуба и оканчивая Жмайломъ и Дорошенкою—всѣ выступаютъ во главѣ козацкаго войска въ войнѣ его съ Конецпольскимъ въ качествѣ наиболее выдающихся старшинъ⁶⁾. Судя по этому, партія такъ сказать оппортунистская и радикальная—не стояли въ какомъ либо непримѣримомъ противорѣчій по отношенію другъ къ другу, и смѣны лицъ до нѣкоторой степени должны быть скорѣе результатомъ затруднительныхъ и сложныхъ обстоятельствъ козацкой жизни, чѣмъ рѣзкой, взаимно исключавшей борьбы двухъ политическихъ теченій.

1) Археограф. сб. VII с. 82. 2) См. выше с. 30.

3) Сборникъ Лавр. библ. доб. 20 л. 83 об.

4) Булища Матеріалы с. 158, 228. 5) Ibid с. 234.

6) Ibid с. 181.

Зима 1624—5 г. прошла у козачества въ широкихъ военныхъ планахъ на будущій годъ. Походъ Шагинъ-гирея противъ Кантемира, на Дунай, предпринятый въ нач. 1625 г., долженъ былъ служить прелюдией. Шагинъ велъ съ собой претендента на молдавское воеводство, якобы сына Іереміа, чтобы посадить его подъ своей властью¹⁾. За этимъ долженъ былъ послѣдовать походъ Яхія на Турцію. Яхія уговаривалъ итти въ походъ еще зимой, чтобы пройти по льду до моря, а весной моремъ и Дунаемъ черезъ Молдавію и Валахію проникнуть къ своимъ союзникамъ, отдавшимъ подъ его власть. Онъ принялъ къ себѣ на службу 18 тыс. козаковъ, а кромѣ того по собственному желанію, въ качествѣ волонтеровъ, записались къ нимъ въ походъ козаки изъ городовъ: „изъ Переяслова, Канева и другихъ городовъ“. Но козаки, вѣроятно, не положились на простое обѣщаніе платы и походъ былъ отложенъ, пока придуть Яхія деньги изъ Флоренціи: онъ писалъ герцогу тосканскому, и тотъ долженъ былъ прислать ему 60 тыс. золотыхъ. А тѣмъ временемъ отправлено было извѣстное намъ посольство къ московскому царю, чтобы заручиться его помощью, если не военной, то денежной. Обѣщали также итти въ походъ съ Яхией донскіе козаки. А на Запорожьи тогда, зимой, находилось 6 тыс. войска²⁾.

Эти политическія комбинаціи козацкая старшина пыталась использовать также для того, чтобы ослабить напряженіе, грозившее все время острымъ конфликтомъ съ польскимъ правительствомъ. Союзъ козачества съ Шагинъ-гиреемъ и старанія Шагинъ-гирея заключить союзъ съ польскимъ правительствомъ, не отвергнутыя польской стороной и возобновленныя Шагиномъ слова во время пребывания на Запорожьи въ концѣ 1624 г.³⁾, подавали козацкой старшинѣ нѣкоторую надежду на устройство своихъ отношеній къ правительству. *Les amis de nos amis sont nos amis*; много разъ цитированный нами кіевскій корреспондентъ, имѣя въ виду предложенія Шагина, высказывалъ надежду, что и комиссія на козаковъ теперь не состоится⁴⁾. Козачество могло ожидать, что крымская комбинація, давая до нѣкоторой степени созвучное содержаніе козацкой и правительственной политикѣ, ослабитъ старыя тренія, и это дало козакамъ поводъ обратиться съ меморіаломъ къ созванному тогда сейму.

¹⁾ Письмо Борецкаго (П. Могила I с. 275).

²⁾ Кулиша Матеріалы с. 158—9, 214, 215—6, 225, 228—9.

³⁾ Письмо Борецкаго—П. Могила I приб. с. 276. Кулиша Мат. с. 268. ⁴⁾ См. выше с. 251, прим.

Уже послѣ того, какъ выслано было это козацкое посольство на сеймъ, прибылъ въ войско королевскій дворянинъ, въ обществѣ бывшаго войскового писаря Волка, съ какими то инструкціями. Несомнѣнно, эти инструкціи стояли въ связи съ извѣстными уже намъ крымско-турецкими авантюрами, но содержанія ихъ не знаемъ. Козацкіе послы, отправленные въ Москву и встрѣтившіеся въ дорогѣ съ этимъ посольствомъ, говорили со словъ Волка, что эти послы везли на Запорожье „королевскій приказъ всѣмъ козакамъ—весной итти на турецкаго (султана), воевать его землю, моремъ и сухопутью“¹⁾. Но такой инструкціи не могло быть, самое большее, если польское правительство, по поводу предложеній Шагина, давало понять козакамъ, что ихъ помощь Шагину не будетъ нежелательной съ точки зрѣнія намѣреній правительства, а козаки сдѣлали изъ этого дальнѣйшій выводъ, что въ такомъ случаѣ можна и имъ на Турка итти въ союзѣ съ Шагиномъ, и съ правительствомъ можно будетъ столковаться.

Козацкая инструкція на сеймъ намъ извѣстна. Въ качествѣ пословъ были отправлены Яцко Острянинъ²⁾, Иляшъ Федоровичъ и Дацио Гордіенко. Имъ поручено было просить, „аби е. корол. милость з милостивое ласки своее, малючы на памяти заслуги войска своего Запорозкого, за тые шкоди, што тепер за смиреннѣмъ орды поносимо и поносити мусимо, чымъ знаменитымъ войско з скарбу своего королевского контентовати што рокъ ухвалити рачилъ; чымъ бы уконтентовани охотни до дальнихъ поволностей и риперскихъ дѣльностей сердца не тратили, и овнемъ завше ставитися охотне могли“. Во вторыхъ—„просити о причину, абы вѣру нашу рускую ведлугъ старыхъ прав и волностей нашихъ, и нашихъ духовныхъ старшихъ—митрополита Йова Борецкого и владыковъ пры послушенствѣ и благословенствѣ церкви востоднее въ покою заховати и листомъ своимъ ствердити и добрами церковными осмотрети велети рачилъ; а унитомъ, которые братаю нашу мучать, больше мучити и церковей преслѣдовати з милостивое ласки заказати и з церковей уступати розказати рачилъ“. Наконецъ, третье—чтобы король изволилъ подтвердити избраннаго незадолго передъ этимъ на освободившуюся

¹⁾ Кулиша Матеріалы с. 158.

²⁾ Онъ называется въ этой копіи и въ письмѣ пословъ „Яцкомъ Острожаниномъ“; я думаю, что это Острянинъ (Ostrzanin, отсюда Острожанинъ).

архимандрію печерскую Захарію Попыстенскаго, „человѣка въ животѣ чернеческомъ и в писмѣ божомъ добре ученаго“¹⁾). Къ посланію сеймовымъ (а также, вѣроятно, и къ благожелательнымъ сенаторамъ) съ депутатами было отправлено письмо, гдѣ войско, увѣдомляя о своемъ посольствѣ, просило еще отъ себя поддержать ихъ требованія по обоимъ вопросамъ—увеличенію козацкаго жалованія и успокоенію православной религіи²⁾).

Какъ я уже отмѣтилъ, вѣроятно, именно это „смирненіе“ съ Крымской ордой, положенное во главу угла петиціей, послужило настоящимъ поводомъ для посольства—для новаго нащупыванія возможныхъ отношеній съ польскимъ правительствомъ. Церковный вопросъ былъ включенъ уже позже. Мит. Іовъ въ своемъ письмѣ изъ Корсуна отъ 12 января 1625 г. с. с. рассказываетъ, что онъ встрѣтился съ этимъ козацкимъ посольствомъ и не зная, упомянули ли козаки о церковныхъ дѣлахъ, послалъ за нѣскольکو миль вернуть пословъ, и вернувши „птомъ на прудце разумѣль, онымъ написавши“ и добавивъ на случай нѣскольکو бланковъ со своимъ именемъ, отправилъ дальше³⁾. Инструкція въ выше приведенной формѣ вышла вѣроятно уже изъ рукъ митрополита. На сеймъ этотъ, созванный въ началѣ 1625 г., вообще не возлагали никакихъ надеждъ въ православныхъ кругахъ и не дѣлали никакихъ приготовленій для выступленій на немъ (митр. Іовъ въ упомянутомъ письмѣ называетъ его „отчаяннымъ отъ христолюбивыхъ“, а изъ одного письма писаннаго въ октябрѣ 1624 г., изъ духовныхъ киевскихъ круговъ, узнаемъ, что всякія выступленія въ эту сессию рѣшено было оставить, „такъ приватне як и сеймовне“, „бо тож и скучилося великое презорство ихъ“⁴⁾). Поэтому посланка козацкой депутациі была довольно неожиданнымъ событіемъ, и самая мысль объ

¹⁾ Отрывокъ напечатанъ у Голубева П. Могилы I с. 276, изъ старой копии сборника киевской лаврской бібліотеки доп. кат. 20 л. 72: я пользовался этимъ сборникомъ; инструкція имѣетъ здѣсь подпись Andrzej Krzywobłcki pisarz woyska iego kro. m. Zarogozkiego, печать описана: chlор z samoprałem na gamieniu.

²⁾ Лавр. бібл. доп. № 20 л. 72 об. (письмо подписалъ Каленикъ Андріевичъ съ войскомъ Запорожскимъ 1 января 1625 г.); цитата въ украин. изданіи.

³⁾ Письмо м. Іова у Голубева, П. Могилы I с. 273.

⁴⁾ Лавр. бібл. доп. № 20 л. 72 об. (такъ читаю я этотъ довольно неразборчивый,—потому вѣроятно и неопубликованный досихъ поръ текстъ).

этомъ, вѣроятно, возникла на Запорожьѣ подѣ непосредственнымъ впечатлѣніемъ событій въ послѣднихъ дняхъ 1624 г. Но мы благодаря этому обстоятельству получаемъ характерную для тогдашнихъ отношеній картину—какъ смѣло и свободно распоряжается митр. Іовъ среди козаковъ: призываетъ пословъ, самъ безъ войскового рѣшенія измѣняетъ ихъ инструкціи на сеймѣ, включаетъ совершенно новые пункты. Чрезвычайно интересны эти близкія отношенія и вліяніе митрополита среди этого самаго козачества, отъ котораго въ своихъ сношеніяхъ съ болѣе официальными кругами онъ считалъ за лучшее всячески отграничиваться, трактуя козацкое войско какъ что-то очень далекое и чуждое.

Но сеймъ былъ дѣйствительно безнадежный. Кромѣ общаго положенія, настроеніе его по отношенію къ православнымъ было испорчено еще извѣстіями о козацкой расправѣ съ униатами въ Кіевѣ, случившейся какъ разъ въ первыхъ дняхъ января. Я уже приводилъ извѣстіе запорожскихъ посланцевъ о томъ, какъ м. Іовъ жаловался козакамъ на враждебныя выступленія противъ православныхъ тогдашняго кіевского войта Федора Ходьки. „Въ Филипповѣ постѣ писалъ кіевскій митрополитъ Іовъ Боредкій на Запорожьѣ гетману и войску, что Поляки хотѣли посягнуть на вѣру христіанскую и запечатали церкви, по замыслу и приглашенію кіевского войта Федора Ходьки и кіевского мѣщанина Оозона. Въ виду этого гетманъ запорожскій прислалъ въ Кіевъ двухъ полковниковъ — Якима Чигринца и Антона Лазоренка, и велѣлъ имъ собрать въ окрестностяхъ Кіева здѣшнихъ козаковъ и итти въ Кіевъ для защиты христіанской вѣры“¹⁾. На упреки послѣднейшей комиссіи по поводу кіевскихъ эксцессовъ козаки, не упоминая объ участіи въ этомъ дѣлѣ митрополита, оправдывались тѣмъ, что они, видя какія несправедливости чинятся православнымъ изъ-за уніи на Бѣлой Руси, на Волыни и Галиціи, слѣдили за тѣмъ, чтобы и у нихъ, въ восточной Украинѣ, не началось что-либо подобное. „Когда мы увидѣли, что за подстрекательствомъ этого попа (Юзефовича, убитаго въ кіевскихъ волненіяхъ) войтъ тутъ же у насъ въ Кіевѣ запечатываетъ церкви, отбираетъ доходы, издавна принадлежавшіе приходу, осмѣливается произносить самыя обидныя слова, противныя доброй славѣ, на нашего митрополита и на насъ, тогда не только

¹⁾ Кулиша Матеріалы с. 159—60.

мы, но и человекъ самаго послѣдняго званія не выдержалъ бы¹⁾. Другое заявленіе, сдѣланное непосредственно послѣ инцидента, хотя и безъ всякой связи съ нимъ и тѣмъ еще болѣе цѣнное, — указываетъ намъ еще одно обстоятельство, настроившее тревожно кievскіе круги и заставившее ихъ прислушиваться ко всякимъ слухамъ о замыслахъ противъ православной церкви, ко всякимъ симптомамъ какихъ-либо выступленій противъ нея. Какъ разъ подъ Филипповъ день умеръ печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій и въ православныхъ кругахъ боялись какихъ либо покушеній на эту освободившуюся позицію — важнѣйшую твердыню православной Украины. Прошелъ слухъ, что король, минуя избраннаго на архимандрію Зах. Копыстенскаго, пожаловалъ ее кн. Юрію Чарторыйскому, и уже двигаются войска, чтобы силой ввести его въ монастырь²⁾.

Среди такихъ тревожныхъ обстоятельствъ получены были на Запорожьи извѣстія о направленныхъ противъ православныхъ приготовленіяхъ въ Кіевѣ. Дѣйствительно ли митрополитъ самъ непосредственно обратился къ гетману, или только съ его именемъ ходили эти тревожные слухи — трудно сказать; могло быть и то и другое. Во всякомъ случаѣ Запорожское войско приняло сообщеніе близко къ сердцу, и въ Кіевъ явился большой отрядъ запорожскаго войска — „рыцарство с посродку себе килка тысячей войска до Кіева прислали“.

¹⁾ Zbiór praw. IV с. 101.

²⁾ П. Могила II доб. с. 298—9. Жуковичъ въ своемъ трудѣ (IV с. 145) обсуждая этотъ инцидентъ, считаетъ преувеличенными извѣстія о какихъ то враждебныхъ выступленіяхъ Ходьки, и исходной точкой кievскаго движенія принимаетъ слухи о пожалованіи печерской архимандріи и присылкѣ въ Кіевъ солдатъ. Это уже другая крайность. Во-первыхъ, изъ даннаго документа явствуетъ, что въ моментъ, когда подъ Кіевъ двинулись двѣ роты солдатъ, вызвавъ подозрѣніе, что они идутъ силой захватить Печерскій монастырь, — козацкое войско уже находилось въ Кіевѣ и выслано было туда еще раньше. Во-вторыхъ, козацкіе послы, проѣзжавшіе чрезъ Кіевъ, ничего не знаютъ о печерской архимандріи какъ причинѣ кievской исторіи, а говорятъ только о поступкахъ Ходьки. Также поясняютъ кievскій инцидентъ козакъ передъ слѣдственной комиссіей. Движеніе польскихъ солдатъ подъ Кіевъ могло послужить непосредственной причиною смерти Ходьки, но дѣло началось все-таки изъ-за какой-то перзвы—вѣроятно, той же воскресенской.

Тогда въ Кіевѣ началась расправа съ сторонниками и защитниками униі. Былъ убитъ Иванъ Юзефовичъ, священникъ церкви св. Василія (теп. Трехъ-Святителей). Какъ мы видѣли, на слѣдствіи его называли инициаторомъ войтовскихъ распоряженій. Послѣ перехода своего на унию, получивъ отъ митрополита Рутскаго церковь св. Василія, стоявшую на софійскихъ земляхъ, онъ затѣмъ выпросилъ себѣ у короля грамоту на воскресенскую церковь на Подолѣ, гдѣ былъ священникомъ раньше; еще будучи православнымъ. Однако мѣщане не хотѣли отдать ему эту церковь, и вѣроятно, это и была та церковь, которую войтъ на основѣ королевскаго или митрополичьяго (Рутскаго) рѣшенія запечаталъ и тѣмъ надѣлалъ бѣды. Церковь была распечатана. Ходыка былъ схваченъ, ему отрубили голову; то же сдѣлали и съ Юзефовичемъ. Какіе то солдаты, показавшіеся на Печерскѣ, были заподозрѣны, что они подосланы королевскимъ кандидатомъ на печерскую архимандрію, ихъ тоже схватили. Воеводскому намѣстнику нанесли оскорбленія. „Отколѣ была великая тривога не только mezi людомъ посполитымъ, але теж и mezi шляхтою уросла“¹⁾.

Этотъ кіевскій инцидентъ, происшедшій какъ разъ въ началѣ сеймовой сессіи (кіевскія событія произошли „послѣ крещенія“, а сеймъ начался 10 января с. с.), не могъ не ухудшить еще больше настроеніе придворныхъ и правительственныхъ круговъ, такъ раздражавшихся при всякомъ вмѣшательствѣ въ церковныя отношенія. „Отчаянный“ сеймъ прошелъ безъ всякихъ положительныхъ результатовъ для церковно-національнаго вопроса — кромѣ утвержденія Кобыстенскаго королема на печерской архимандріи, послѣдовавшаго во время сейма (7 февр.)²⁾. По словамъ православнаго „Синописа“ посольская палата, занятая своей борьбой съ королемъ, сама просила „пословъ греческой вѣры“ отложить релігіозный вопросъ до дальнѣйшаго сейма, и онъ былъ дѣйствительно отложенъ³⁾.

Подъ конецъ сейма (1 марта н. с.), королемъ дана была

1) П. Могила I с Матеріалы Кулиша I с. Zbiór pam. VI с. 180; записка Рутскаго — переводъ въ Rocznik towarz. hist.-liter. w Paryżu за г. 1868 с. 55. Нѣсколько документовъ въ Матеріалахъ для исторіи кіев. митроп. Лебединцева (Кіев. епарх. вѣдом. 1873 № 17).

2) П. Могила I доб 42.

3) Архивъ Ю. З. Р. I, VII с. 571.

аудіенція козацкому посольству¹⁾. Содержаніе переговоровъ не извѣстно, но въ виду послѣдняго проявленія козацкаго своеволія въ Києві козацкая депутація не могла услышать ничего пріятнаго²⁾. Могло имѣть мѣсто только повтореніе старыхъ требованій, чтобы козаки оставили свои своевольства, вышли изъ волости, прекратили походы на море, распустили войско—тогда можно будетъ говорить о жалованьи, а иначе коронное войско двинется противъ козаковъ какъ враговъ государства.

Козачество, столько разъ слышавъ эти приказанія, конечно, не имѣло охоты повиноваться имъ и на этотъ разъ. Но между тѣмъ и его широкіе планы, обѣщавшіе выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, распадались одинъ за другимъ.

Первой неприятностью была неудача, встрѣтившая походъ Шагиня Гирея на Кантемира и Молдавію. Этимъ походомъ долженъ былъ открыться рядъ операцій противъ Турціи, между тѣмъ онъ окончился полнымъ фіаско;—Кантемиръ разбилъ Шагина подъ Бабадагомъ. Затѣмъ, деньги для Яхіи все не приходили изъ Флоренціи, и изъ Москвы его послы возвратились безъ всякаго существеннаго успѣха. Въ концѣ концовъ вмѣсто проэктированнаго грандіознаго похода на Константинополь все окончилось морской экспедиціей, только, быть можетъ, въ нѣсколько увеличенныхъ размѣрахъ: константинопольскіе источники говорятъ о 300—380 козацкихъ чаетъ, что указывало бы на очень большіе размѣры предпріятій, 15—20 тыс. козаковъ (тамъ ихъ и считаетъ французскій посоль—20 тыс.)³⁾.

По полученіи извѣстій объ этомъ походѣ на море, королевскій дворянинъ, извѣстный намъ Пачаяовскій, былъ посланъ на Запорожье съ приказаніемъ, чтобы козаки воздержались отъ всякихъ походовъ противъ Турокъ, но получили рѣзкій и чрезвычайно характерный отвѣтъ: козаки знаютъ, что король черезъ своего посла заключилъ миръ съ императоромъ турецкимъ—но это козаковъ не касается⁴⁾.

¹⁾ Публ. библ. Пол. Е. IV, 138, л. 5.

²⁾ Предшествующее неблагопріятное для козачества настроеніе правительства отражаетъ инструкция на сеймики—Жерела VIII №. 176, и королевскія письма къ сенаторамъ—см. напр. письмо къ Сопѣрѣ, Публ. библ. автографы 177 л. 30.

³⁾ L. c. c. 430.

⁴⁾ Isz wiedzą, że w. k. m. raczył wziąć przymierze z cesarzem tureckim przez posła swego, ale nie oni.—Жерела VIII №. 119. Объ этомъ отвѣтѣ кн. Збаражскій имѣлъ извѣстіе уже 20 іюля

Извѣстный намъ митрополитій повѣренный пошъ Филиппъ рассказывалъ, что Пачановскій передалъ кромѣ того королевскій ультиматумъ: чтобы козаки произвели сами выписку, въ противномъ случаѣ, если выписка не будетъ произведена и походы не прекратятся, то королевское войско двинется противъ козаковъ. Онъ прибавляетъ, что этотъ ультиматумъ произвелъ сильное впечатлѣнiе на козаковъ („козаки услыхавъ, испугались“), они заявили Пачановскому, что пошлютъ къ королю своихъ старшихъ съ челобитьемъ, но тотъ отвѣтилъ, что это посольство ни къ чему не приведетъ—король своего рѣшенiя не измѣнитъ¹⁾. Но изъ козацкаго отвѣта даннаго Пачановскому и извѣстнаго намъ изъ польскихъ правительственныхъ круговъ, наоборотъ, видно, что козаки совсѣмъ не обнаруживали охоты слѣдовать указанiямъ польскаго правительства. Хотѣли дѣйствовать по своему усмотрѣнiю, не обращая вниманiя на желанiя польскаго правительства, разъ оно перестало исполнять свою первую обязанность—платить жалованье козакамъ.

О самихъ морскихъ походахъ этого года мы не имѣемъ вполне точныхъ извѣстiй. Морская кампанiя наполнила собой весну, лѣто и начало осени 1625 г., и очевидно, состояла изъ трехъ походовъ, какъ это опредѣленно говоритъ король въ своей инструкци²⁾—хотя въ ходячихъ извѣстiяхъ все это сливается обыкновенно въ одинъ походъ. Кн. Збаражскiй, писавшiй объ этой кампанiи въ сентябрѣ 1625 г., тоже разбиваетъ ее на нѣсколько походовъ. О первомъ походѣ онъ не сообщаетъ никакихъ подробностей, только намекаетъ, что онъ былъ неудаченъ. Затѣмъ „во второй разъ, когда они были за Очаковымъ, сначала побили немало Турокъ и чаякъ ихъ уничтожили, набрали пушекъ, только потомъ, безразсудно пустившись на штурмъ оча-

н. с. Слѣдовательно Пачановскiй на Запорожьи былъ, вѣроятно, не позже середины iюня н. ст., а посланъ онъ былъ по полученiи извѣстiя о первомъ походѣ козаковъ на море.

¹⁾ Матерiалы Кулиша с. 299. Рассказы Филиппа вообще имѣютъ часто слѣды влiянiя позднѣйшихъ событiй—напр. когда онъ говоритъ, что Пачановскiй велѣлъ козакамъ уменьшить войско до 6 тыс. Неумѣстно также запрещенiе походовъ на крымскаго хана, считавшагося лѣтомъ еще союзникомъ козаковъ. Въ виду этого нельзя особенно полагаться на точность рассказа Филиппа и онъ нѣкоторымъ образомъ не можетъ стоять наравнѣ съ писаннымъ по самымъ горячимъ слѣдамъ извѣстiемъ Збаражскаго.

²⁾ Жерела VIII с. 285.

ковскаго замка, потеряли больше тысячи своихъ людей; отступивъ затѣмъ изъ подъ Очакова—хотя имъ тоже не везло, такъ какъ ихъ разбросала буря и турецкіе выстрѣлы потопили нѣсколько лодокъ—они все-таки сожгли городъ Кицію“¹⁾.

Вѣроятно, то, что рассказываютъ константинопольскія депешы, относится къ первому походу. Первая извѣстія о козацкомъ флотѣ пришли въ Константинополь еще въ мартѣ. Ходили слухи, что козаки идутъ на Кафу, подговоренные татарскимъ ханомъ, но вмѣсто того они неожиданно явились недалеко отъ Босфора²⁾. Турецкій флотъ получилъ приказъ подъ начальствомъ самаго капитанъ-паши своевременно занять позицію между Варной и Стамбуломъ, чтобы преградить козакамъ дорогу³⁾, но пока капитанъ-паша туда собрался—пока снарядилъ корабли, пока усмирить возстаніе янычаръ на своихъ корабляхъ—было уже поздно. Козаки уже вышли въ море и явились вблизи Константинополя; навели такой страхъ, что все населеніе столицы искало спасенія въ бѣгствѣ. Но на этотъ разъ козаки плы на востокъ, въ окрестности Трапезунта, и начали грабить тамошнее побережье. Уничтожили въ этой окрестности 250 городовъ и мѣстечекъ, только не могли взять самого трапезунтскаго замка; такія извѣстія были получены въ Константинополѣ въ первыхъ числахъ іюня н. ст.⁴⁾. Судя по этому, эти козацкіе подвиги относятся къ апрѣлю или маю. Капитанъ-паша, лишь теперь собравшійся въ походъ, не зналъ куда ему обратиться, и въ концѣ концовъ рѣшилъ ждать возвращенія козаковъ у лимана Дибра. Здѣсь онъ простоялъ очень долго, полтора мѣсяца, какъ говоритъ турецкій хронистъ—пока пришелъ козацкій флотъ. Встрѣтилъ его подъ Кара-Керманомъ, и здѣсь въ послѣднихъ дняхъ іюня или въ началѣ іюля н. ст.⁵⁾ произошла битва, описанная самимъ капитанъ-пашей въ его реляціяхъ, а за нимъ и въ турецкихъ источникахъ, какъ огромный триумфъ турецкаго оружія надъ коза-

¹⁾ Сборникъ лѣтописей с. 253, Listy с. 97 (въ обѣихъ копіяхъ вставленная фраза разбиваетъ рассказъ).

²⁾ Депешы Кое у Цинкавзена с. 496.

³⁾ Французскія депешы—Hist. Russiae mon. I с. 429.

⁴⁾ Ibid с. 430.

⁵⁾ Дата опредѣляется тѣмъ, что объ этой битвѣ читаемъ въ депешѣ отъ 13 іюля, какъ о событіи послѣднихъ дней, I с. с. 430.

чествомъ, тоже, дескать, показавшимъ чудеса отваги, по все-таки разбитымъ Турками.

По словамъ этихъ реляцій, изъ турецкаго флота, состоявшаго изъ 48 галеръ, только половина—21, принимала участіе въ битвѣ, остальные отстали, такъ какъ не было вѣтра, а гребцы были утомлены. На одну турецкую галеру приходилось почти 20 чоекъ; на каждой было по 50 вооруженныхъ козаковъ съ ружьями, а у Турокъ только на девяти галерахъ былъ хорошій янычарскій экипажъ. Положеніе ихъ было тѣмъ болѣе опасно, что при штилѣ даже одна чайка можетъ помѣриться силами съ галерой, а при хорошемъ вѣтрѣ мало ихъ и двадцати—поисняетъ турецкій авторъ. „Началась страшная битва; мусульмане бились съ неописуемой отвагой и съ крайнимъ отчаяніемъ. Корабль капитанъ-паша находился въ крайней опасности и едва не сталъ добычей разъяренной сволочи. Эти злодѣи, узнавъ его по тремъ фонарямъ, украшавшимъ его заднюю стѣну, какъ бѣшеные бросились на него съ боковъ и съ фронта, ибо сзади его защищали пушки и частая ручная стрѣльба. Не обращая вниманія на массу своихъ труповъ, двѣсти негодяевъ взобралось на корабль и завязало на палубѣ горячую битву. Все пространство отъ носа корабля до мачты было завалено трупами невѣрныхъ, такъ что нельзя было пройти. Гребцы галеры, состоявшіе поголовно изъ козацкихъ невольниковъ, перестали работать веслами и навѣрно напали бы вмѣстѣ съ врагами на мусульманъ, если бы не были заблаговременно закованы въ кандалы. Но вотъ, когда на остальныхъ корабляхъ думали, что адмиральскій корабль уже тонетъ, уничтоженный козаками, какъ разъ нечеловѣческая отвага его геройскаго экипажа одержала найвысшую побѣду: какъ только освободили палубу отъ этихъ злодѣевъ, былъ данъ выстрѣлъ съ одной и другой стороны и массу чоекъ съ обѣихъ сторонъ поглотила морская пучина. Галера адмиральскаго намѣстника была также въ меньшей опасности и съ такой же отвагой побѣдила своихъ враговъ. Но много другихъ кораблей уже дѣлались жертвой разъяренныхъ невѣрныхъ; уже мусульмане, видя неминуемую гибель, падали на землю, моля помощи у Бога—какъ вдругъ эту страшную тишину, представлявшую каждую галеру ея судьбѣ, не позволяя помогать другъ другу, — счастливо развѣялъ палетѣвшій шквалъ. Налуваются паруса, жизнь и надежды возвращаются къ отчаявшимся воинамъ и черезъ нѣсколько минутъ множество опрокинутыхъ и разбитыхъ челновъ наполняютъ море тысячами непріятельскихъ труповъ, изъ 350 чоекъ едва

тридцать доплыло до берега, и горсть этих злодѣевъ спасла себя бѣгствомъ“¹⁾).

Такъ рассказываетъ турецкая хроника. Но болѣе точныя извѣстія значительно ослабляютъ картину этой побѣды. Оказывается, что турецкій флотъ дѣйствительно былъ на краю гибели, такъ какъ козаки взяли его на абордажъ, въ томъ числѣ также и адмиральскую галеру: разбили каюты, рули, и только поднявшійся въ это время сильный вѣтеръ спасъ Турокъ, такъ какъ вода стала заливать чайки. Но потери козаковъ совсѣмъ не были велики—погибло лишь нѣсколько сотъ человекъ и когда къ вечеру вѣтеръ немного утихъ, они даже гнались за турецкимъ флотомъ, убѣгавшимъ отъ нихъ. Канитанъ-паша послалъ въ Стамбуль просьбу о скорѣйшей присылкѣ подкрѣпленія, и тамъ собрали всѣхъ, кто только могъ носить оружіе, и послали къ нему. Однако все это не помѣшало канитанъ-пашѣ, возвратившись осенью съ 270 козацкими плѣнниками, попавшими въ его руки, устроить триумфальное шествіе, превознося до небесъ свою побѣду и сравнивая ее съ триумфомъ Помпея и т. п.²⁾

О дальнѣйшихъ стадіяхъ морской кампаніи не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній сверхъ того, что рассказываетъ Эбаражскій. Изъ его словъ выходитъ, что козацкія операціи концентрировались около Очакова и дунайскаго устья. Козаки громили Турокъ, но и сами потерпѣли въ какой-то неудачной битвѣ: полкъ Филиппъ въ своихъ сообщеніяхъ упоминаетъ, что Турки козаковъ „били въ двухъ мѣстахъ да на морѣ потопили 22 или 23 чайки“, и вообще кампанія считалась для козаковъ неудачной, т. е. ея результаты не соответствовали ея размѣрамъ.

Морская война затянулась такъ, что наступила уже осень, и когда коронное войско осенью двинулось на козаковъ, послѣдніе еще не возвратились изъ похода. Это было однимъ изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя обусловили неудачу ихъ войны съ Поляками.

¹⁾ Collectanea I с. 179—181. Реляцію Магметъ-Дива, сердаря (начальника) войскъ черноморскихъ, въ письмѣ къ Консцпольскому см. въ украин. изд. Скоромнѣ описываетъ эту битву нѣсколько болѣе позднее письмо каймакана Махметъ-Джурджи (рки. Пуб. библ. 241 с. 598). Чаекъ козацкихъ, запорожскихъ и донскихъ, по его словамъ было около 205; подъ Синопомъ погибло козаковъ больше тысячи. „Затѣмъ встрѣтились съ дунайскими чайками, захватившими семь лодокъ и старшину—отослали ихъ къ царю“.

²⁾ Французскія депешы с. 430, Росе у Цинкайзена с. 497.

Какъ мы знаемъ, уже сейчасъ же послѣ Хотинской кампаніи, когда козачество, исполнивъ все, чего требовала отъ него шляхетская Рѣчь Посполитая, не пожелало покориться и исчезнуть, какъ того требовала послѣдняя по окончаніи войны,—уже тогда въ правительственныхъ кругахъ принято было рѣшеніе усмирить козачество новымъ кровопусканіемъ. Напѣвъ землячокъ кн. Збаражскій въ своихъ письмахъ и рѣчахъ даетъ характерную иллюстрацію того, какъ этотъ мотивъ—необходимости козацкаго кровопусканія звучалъ во всѣ эти годы неизмѣннымъ руководящимъ тономъ, шляхетскимъ *praeterea sensu*. „Не успокаивать ихъ, но совершенно освободиться отъ этого бѣдствія“. „Не черезъ комиссаровъ вести дѣло съ ними — ибо благодаря этому они только больше важничали и проникались фальшивымъ самоуваженіемъ, что съ ними какъ съ какой нибудь иностранной націей, черезъ выдающихся людей Польши вели дѣло переговоровъ, а не военной силой“¹⁾. Такъ пишетъ этотъ украинскій магнатъ, высказывая, безъ сомнѣнія, настроеніе всего своего сословія.

Но бѣда была въ томъ, что и оцъ и все это сословіе не спѣшили собственными своими руками способствовать „освобожденію отъ этого бѣдствія“, и когда король приглашаетъ его къ участию въ вооруженной комиссіи, имѣющей цѣлью покончить съ этимъ козацкимъ бѣдствіемъ—этотъ господинъ находитъ уже безконечный рядъ „консидерацій“ на ту тему, что козачество стало большой силой, къ войнѣ съ нимъ слѣдуетъ хорошо приготовиться, а не спѣшить, съ чѣмъ попало. „Сохрани Богъ, чтобы не произошло какой катастрофы съ войскомъ, если выступить легкомысленно! Побѣда не надежна, наигоршая бестія, какъ говорится. Сколько въ рукахъ этихъ людей (козаковъ)? Всѣ эти русскіе края, отчасти считающіе себя утѣтвенными панскимъ правомъ, отчасти въ своемъ глупомъ рвеніи жалующіеся изза уни и религій — всѣ они безъ сомнѣнія подыались бы и разомъ съ ними (козаками) захотѣли бы мщенія. И здѣсь въ Коронѣ сдвинутыя своевольныя банды (солдатскія) и всѣ, кто до такого хлѣба охочъ, сейчасъ бы поднялись и бросились... Ваша королевская милость не располагаешь въ этомъ государствѣ никакими силами, которыя могъ бы двинуть для защиты достоинства и чѣлости своего государства: универсалами конечно не могъ бы ни

¹⁾ Listy с. 78, 96.

успокоить, ни побудить никого на защиту—остались бы только плачь, стонъ и ужасъ... И не дай Богъ быть пророкомъ—потомъ и заграничные и внутренніе противники вашей кор. милости, какіе существуютъ—захотѣли бы вмѣшаться и ловить рыбу въ мутной водѣ“¹⁾).

Отсюда выводъ—не выступать противъ козачества съ случайными отрядами. Лучше ввести коронное войско въ центръ вост. Украины и „не дразня эту гадину, а придобываясь“, расположить войско на зимнія квартиры, навести на козаковъ спасительный страхъ и затѣмъ при удобномъ случаѣ выступить противъ нихъ съ свѣжими силами²⁾).

Такія благоразумныя „консидераціи“, безъ сомнѣнія повторюсныя на разные лады разными господами въ отвѣтъ на королевскія приглашенія къ участию въ вооруженной комиссіи, служили главнымъ препятствіемъ для осуществленія принятаго рѣшенія. Голь за големъ проходилъ среди пустыхъ угрозъ со стороны Рѣчи Посполитой, непослушанія и отговорокъ со стороны козачества. Военныя силы короля были сначала парализованы конфедераціей. Затѣмъ ихъ отвлекала охрана границъ отъ Татаръ. Да и мало было этого коронного войска, и слишкомъ рискованно было выступить съ нѣсколькими тысячами противъ козацкаго войска, котораго теперь считалось 40—80 тыс. Опасно было вызывать его на борьбу на жизнь и смерть. А послѣдняя зима принесла еще новыя осложненія въ видѣ формальнаго союза козачества съ Крымомъ, сношеній его съ Москвой. Въ официальныхъ кругахъ съ тревогой обсуждали то обстоятельство, что во время послѣдней морской компаніи (1625) козаки находили помощь и поддержку въ крымскихъ городахъ³⁾. Можно было опасаться, чтобы выступивъ съ войскомъ противъ козаковъ, не наткнуться на козацко-татарскій союзъ⁴⁾).

Но съ другой стороны, „самоуниженіе“ и „дерзость“ козацкая достигли уже такихъ размѣровъ, что дальше никакъ нельзя было терпѣть—ни государственному престижу, ни мѣстному „шля-

1) Какъ видимъ наше землетъ не худо обрисовали перспективы, какія ожидали Рѣчь Посполитую при первой катастрофѣ въ борьбѣ съ козаками. Въ эпоху Хмельниччины все это осуществилось вполнѣ.

2) Жерель VIII N. 179.

3) Listy с. 97, ср. французскія депешы с. 430.

4) Ср. соображенія Збаражскаго I. с.

хетскому народу“. Козацкіе походы на море серіозно грозили навлечь на Польшу новую турецкую войну. Козачество начинало выступать какъ вполне самостоятельная политическая сила. Его союзъ съ Крымомъ, сношенія съ Москвой, проекты открытой войны съ Портой въ интересахъ Яхіи (неизвѣстными польскому правительству эти планы не могли остаться)—все это обозначало новый курсъ козацкой политики—самостоятельной государственной политики. Въ своемъ отвѣтѣ на ультиматумъ, привезенный Пачановскимъ, козачество заявило это открыто: „король заключилъ съ султаномъ трактатъ, а мы—нѣтъ“...

Съ другой стороны козачество стало хозяиномъ восточной Украины и рядомъ съ нимъ становилось тѣсно панскому праву. Кіевскій эпизодъ произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на шляхетскія и правительственныя сферы. На ряду съ кіевскими комисиіа упоминаетъ еще какія-то „убійства богусловскія, корсунскія и много другихъ, набѣды на дома шляхетскіе“¹⁾. Королевская инструкція на сеймики 1625 г. даетъ такую картину (уже отчасти цитированную нами) этого невыносимаго для шляхты положенія:

„Домашнее своеволие беретъ верхъ и такъ усилилось, что намъ самимъ отяготительно и съ сильными сосѣдями насъ ссорить. Забывъ совершенно вѣрность и подданство, они (козаки) устроили свое удѣльное государство. Грозятъ жизни и имуществу невинныхъ людей. Вся Украина имъ подвластна. Шляхтичъ не свободенъ въ своемъ домѣ. По королевскимъ городамъ и мѣстечкамъ все управленіе, вся власть у козаковъ; захватываютъ юрисдикцію, издаютъ законы. Не упоминая уже о другихъ эксцессахъ, въ прошломъ году они, напавъ на Кіевъ, убили войта и съ нимъ нѣсколько другихъ невинныхъ урядниковъ; прочимъ велѣли заплатить большой выкупъ. Не одинъ домъ шляхетскій опозоренъ, обезчещенъ, окровавленъ собственными подданными подъ именемъ козаковъ. Годъ тому назадъ осмѣлились они отъ своего собственного имени заключить перемиріе съ султанъ-калгой, устанавливать договоры, принимать обязанности службы по отношенію къ нему. Въ этомъ году обмѣнявались посольствами и подарками съ Москвой. По своей волѣ рѣшаютъ войну и миръ, нарушаютъ заключенныя Рѣчью Посполитою перемирія. Въ этомъ году, пренебрегая королевскимъ запрещеніемъ, три раза ходили на море, и

¹⁾ Zbiór pamiętn. VI s. 181.

хотя получили значительный отпоръ со стороны турецкаго флота, однако причинили большія потери въ отдаленныхъ краяхъ Турецкаго государства“¹⁾).

Союзъ козачества съ Ордой сталъ важнымъ препятствіемъ для усмиренія козаковъ. Но съ другой стороны, дальше его никакъ нельзя было откладывать, имѣя въ виду Турцію. Съ каждымъ днемъ все ближе надвигался новый разрывъ и война на сѣверѣ, со Швеціей—немыслимо было оставлять въ такой опасности южную границу, въ виду возможности разрыва съ Турціей. И наконецъ позиція занятая козачествомъ во внутреннихъ отношеніяхъ, ея рѣшительное заявленіе, что для нея необязательны воля и трактаты Польши, ея полное и безусловное господство на Украинѣ! *Nanibal ante portas* шляхетской Рѣчи-Посполитой, шляхетской жизни и права! Прежде чѣмъ двинуть коронное войско на Шведовъ, нужно было непременно положить конецъ этому „своеволію“.

Конецпольскій, тогдашній шефъ короннаго войска, годъ передъ этимъ назначенный великимъ гетманомъ, рѣшилъ во чтобы то ни стало разорвать союзъ Орды съ козаками. И это ему удалось лѣтомъ 1625 г. Объ этомъ имѣемъ лишь довольно случайныя извѣстія, но фактъ самъ по себѣ ясенъ. Шагинъ продалъ своихъ союзниковъ и Конецпольскій могъ приняться за козаковъ. Въ августѣ въ Каменцѣ были уплачены хану и колѣвъ „ушоминки“ за два года²⁾).

Кромѣ этого золотого аргумента Конецпольскій постарался въ этомъ направленіи использовать также турецкія вліянія. Отвѣчая турецкому коменданту пограничныхъ земель и войска Махметъ-Дьяку на его письмо, въ которомъ онъ укорялъ Польшу за козацкіе походы на море и хвалился послѣднимъ разгромомъ козаковъ, Конецпольскій старался обезпечить себѣ не только турецкій нейтралитетъ, но и вліяніе на Крымъ, чтобы козакамъ не нашлось тамъ помощи. Онъ поручаетъ своему послу напомнить лояльность польскаго правительства по отношенію къ Цорть—вплоть до недавняго ареста претендента на молдавское государство Константина Антоновича. Выражая „несказанное удо-

¹⁾ Жерела VIII N. 178.

²⁾ Поль Филлинъ рассказывалъ въ Москвѣ: „с Турками и Крымскимъ польской король перемирье взялъ для того, чтобы съ козаки запорожскими справитца“—с. 244, объ упоминкахъ с. 269.

вольствіе“ свое по поводу разгрома козаковъ, напоминаетъ сеймовныя постановленія объ уничтоженіи козацкаго самоуправія и поясняетъ, что только неопредѣленная позиція Турціи не позволяла ему до сихъ поръ приняться за уничтоженіе козаковъ. Увѣдомляя о своемъ намѣреніи идти противъ нихъ, „какъ только казаки съ моря и Днѣпра возвратятся по своимъ домамъ“¹⁾, требуетъ дружественнаго нейтралитета со стороны Турціи, грозя, что Польша въ противномъ случаѣ примирится съ казаками и съ ними вмѣстѣ обратится противъ Турціи.

„Я увѣренъ“, передавалъ черезъ своего посла Копецпольскій, — „что когда я направляюсь съ войскомъ туда, здѣшнія границы и все государство королевское будутъ спокойны; ибо въ противномъ случаѣ, хотя мы съ казаками и разошлись, примирились бы легко, если бы слышали о чемъ либо враждебномъ съ этой (турецкой) стороны, а затѣмъ и тѣсный союзъ у насъ съ ними (козаками) наступилъ бы. Да и то пусть наша своимъ мудрымъ разумомъ устроитъ, чтобы казаки не имѣли никакого содѣйствія отъ Татаръ, ихъ пріятелей и союзниковъ. Вѣдь навѣрное, эти разбойники (козаки), услыхавъ о сильномъ королевскомъ войскѣ, и въ глаза ему не посмѣютъ глянуть, или убѣгутъ въ московскую сторону на Донъ, или на Днѣпръ въ своихъ убѣжищахъ засядутъ, а если бы имъ туда отъ ихъ пріятелей Татаръ стали доставлять какіе либо припасы, то они легко перезимовали бы тамъ, удовлетворяясь даже скуднымъ пропитаніемъ, а весной двинулись бы на Черное море“²⁾.

Королевское письмо къ комиссарамъ датировано 20 іюля н. стилия³⁾. Вѣроятво, дѣло съ Шагиномъ было уже налажено и нужно было подумать лишь о томъ, чтобы собрать соответственныя силы для вооруженнаго усмиренія козачества. Король въ общихъ выраженіяхъ упоминаетъ о непріятностяхъ, какія имѣла

¹⁾ Однако на всякій случай предостерегалъ отъ слишкомъ оптимистическихъ надеждъ. Такъ какъ это предпріятіе серьезное и не легко осуществимое въ виду многочисленности козацкаго войска, Турци не должны удивляться, если исполненіе его займетъ больше времени, чѣмъ можно было бы желать.

²⁾ Instructia od i. m. p. Stanisława Koniecpolskiego woiewody sandomirskiego, hetmana polnego koronnego i. m. panu Marcinowi Wolinskiemu do Mehmet-Diak bezzy posłanemu w Barze 28 augusti roku 1625 dan.—Публ. библ. Пол. F. IV № 241 с. 595.

³⁾ Ibid. с. 695.

Рѣчь Посполитая, благодаря козачеству, напоминаетъ сеймовое постановленіе 1623 г., назначившее комиссію противъ козаковъ, но неисполненное „изъ-за непрерывныхъ почти татарскихъ нападений“, и въ такихъ же общихъ выраженіяхъ поручаетъ комиссарамъ привести въ порядокъ козацкое войско, способами, какіе укажутъ обстоятельства. „Чтобы вся эта своевольная чернь была выписана, подданные возвращены ихъ панамъ, всѣмъ потерпѣвшимъ людямъ всѣхъ сословій была оказана справедливость, а преступленія были наказаны. Чтобы козакъ на будущее время пребывали на опредѣленныхъ кочевьяхъ (sic!), назначенныхъ имъ Рѣчью Посполитой и гетьманомъ, лѣтомъ и зимой, готовые какъ слѣдуетъ къ службѣ королю и Рѣчи Посполитой, въ опредѣленномъ для нихъ числѣ, вписанные въ реестръ, подъ управленіемъ старшихъ указанныхъ и назначенныхъ королемъ. Чтобы они никакой юрисдикціи не присваивали себѣ въ городахъ и королевскихъ, духовныхъ и шляхетскихъ, имѣніяхъ, но жили подъ правомъ и властью каждой мѣстности. Чтобы въ духовныя дѣла не вмѣшивались, не брали подъ свою опеку людей, подъ покровомъ духовныхъ дѣлъ занимающихся политическими интригами съ иностранными государствами и присваивающихъ себѣ епископскіе титулы безъ воли и утвержденія короля. Чтобы не принимали къ себѣ заграничныхъ бѣглецовъ, обманомъ выдающихъ себя за царевичей и господаричей, и выдали этого Исая (sic), явнаго обманщика, находящагося теперь у нихъ и называющаго себя сыномъ турецкаго султана“. Послѣ приведенія козацкаго войска въ такой порядокъ, поручалось принять его на государственное жалованіе, при чемъ однако въ инструкціи не указывалось ни размѣра платы, ни высоты реестра: очевидно, ихъ предоставлялось установить примѣнительно къ фактическимъ обстоятельствамъ.

Къ участию въ проведеніи этого порученія король призвалъ длинный рядъ украинскихъ магнатовъ и пановъ (около тридцати), которые должны были своими частными отрядами дать возможность гетьману исполнить это не легкое предпріятіе. По обыкновенію и на этотъ разъ многіе изъ нихъ поспѣшили отказаться подъ разными предлогами отъ этого порученія. Нашъ добрый знакомый кн. Юрій Збаражскій въ отвѣтъ на приглашеніе извѣщая гетмана, что они съ братомъ вышлютъ въ походъ своихъ людей, слова щедрой рукой рассыпалъ скептическія замѣчанія о рациональности этой комиссіи и вообще всякихъ переговоровъ съ козаками:

„Я увѣренъ, что козаки сдѣлаютъ одно изъ двухъ: или не выйдутъ изъ Запорожья, узнавъ, что ваша милость выступилъ съ войскомъ, и зная давно, что ихъ ожидаетъ. А тѣмъ изъ своихъ, кто остался въ дальнихъ украинскихъ городахъ, велѣтъ или велѣли уже укрыться на Запорожье. Теперь они не пойдутъ противъ вашей милости и перезимуютъ хотя бы въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, надѣясь, что польское войско будетъ распущено или послано на зимнія квартиры, и тогда для нихъ наступятъ условія болѣе благоприятныя. Или пришлютъ нѣсколько десятковъ козаковъ, заявятъ, что подчиняются волѣ короля и Рѣчи Посполитой и готовы исполнить наказы комиссіи—войско дескать само не могло явиться изъ-за своего убожества и потому что не было готово къ походу, но черезъ пословъ заявляютъ свою покорность и это имѣетъ такую же силу, какъ если-бы они всѣ присутствовали. Я знаю, что в. м. легко оцѣнить, сколько въ этомъ будетъ искренности, но что же тогда, спрашиваю, придется предпринять, по принципу комиссіи? Поставить имъ условія—они все примутъ очень охотно—вѣдь покоряются: хотя бы кровью писались эти условія, они всему подчинятся на время по своей привычкѣ, лишь бы избавиться отъ этого похода и избѣжать опасности. Перебить присланныхъ и на этомъ успокоиться—значило бы испортить все дѣло; это и не въ характерѣ вам. милости, да и не могло бы быть искупленіемъ тѣхъ бѣдъ, какія неустанно грозятъ отъ нихъ, и не умирало бы ихъ. А затѣмъ комиссары по давнему обычаю разтѣхались бы по домамъ, пригрозивъ имъ письменно, а положеніе еще больше ухудшилось бы“.

„А здѣсь не словами и не переговорами, какъ ваша милость хорошо знаешь, нужно успокаивать и обезпечивать себя отъ ту рецкой войны, а оружіемъ воздать справедливость за прежнее и теперешнее непослушаніе“, повторяетъ свою обычную пѣсню нашихъ землякъ. „Мести столь нужной и справедливой надъ этими людьми“ жаждетъ его шляхтское сердце. Онъ увѣренъ, что и Конецпольскій жаждетъ того же, но считаетъ, что нынѣшняя комиссія не приведетъ къ этому, и поэтому напрасно стягиваютъ панскіе полки, тратятъ панскія деньги на этотъ походъ. „Если бы козаки явились всей массой или ихъ захватить гдѣ нибудь, въ то время какъ они будутъ идти на Украину,—было бы не плохо“, разсуждаетъ онъ, но меланхолически добавляетъ: „Но я увѣренъ, что они теперь не покажутся изъ Запорожья, такъ

какъ уже самыя неудачи на морѣ не допустить ихъ до такой дерзости: не будутъ рассчитывать на успѣхъ и не посмѣютъ пасть на в. милость, пустятъ въ дѣло волчьи слова и ухватки и будутъ ожидать, пока войско будетъ распущено“. И боясь, что комиссія, не выкупавъ козачество въ крови, только раздражитъ его противъ участниковъ экспедиціи, онъ умоляетъ Конецпольскаго взять подъ свое покровительство его украинскія имѣнія и для устныхъ переговоровъ по этому вопросу посылаетъ къ Конецпольскому кн. Четвертинскаго, прося имѣть къ нему полное довѣріе какъ бы къ самому Збаражскому. „Хотя онъ греческой вѣры, но нравъ у него не козацкій, знаю, что радъ онъ былъ бы видѣть ихъ всѣхъ утопленныхъ въ одной ложкѣ“, — рекомендуетъ его и себя украинскій магнатъ“¹⁾.

Со своихъ стоянокъ на Подолии коронное войско двинулось на Украину въ срединѣ сентября н. ст. Всего насчитывало оно около 8 тыс.²⁾. Шло оно на Поросье, на Павлочь — дня 25 сентября туда прибылъ самъ гетманъ, отправивъ разныя посольства. Оттуда онъ медленно двигался Поросьемъ мимо Бѣлой Церкви, ожидая комиссарскихъ полковъ, одинъ за другимъ прибывавшихъ къ нему. Въ козакамъ выслалъ онъ впередъ Хмѣлецкаго, известнаго пограничника, запрашивая ихъ, гдѣ они желаютъ сойтись съ нимъ, чтобы комиссія могла исполнить свое порученіе: сообщить имъ волю короля и прийти къ соглашенію относительно организаціи войска. Не получивъ на это никакого отвѣта, Конецпольскій выслалъ съ Раставицы въ послѣдній день сентября второго посла, укоряя козаковъ за такое неуваженіе и увѣряя, что идетъ не со злымъ умысломъ, но съ любовью и уваженіемъ къ Запорожскому войску — „такъ какъ самъ нося саблю у бока, умѣю чтить людей рыцарскихъ“. Лишь въ случаѣ, если бы они не захотѣли повиноваться королю и Рѣчи Посполитой, — грозилъ онъ, — вынужденъ былъ бы, „хотя и съ сожалѣніемъ, исполнить свой долгъ“³⁾.

Козачество было захвачено этимъ походомъ и посольствами совершенно врасплохъ. Какъ разъ передъ походомъ Конецполь-

1) Письмо Збаражскаго въ Публ. библ. Под. F. IV. 241 с. 605. Выдержки въ украин. изд.

2) Къ нему, очевидно, относится сообщенная Збаражскимъ цифра войска, съ которымъ приходится идти Конецпольскому на козаковъ — Жерела VIII с. 288. Ср. соображенія Рудницкаго о количествѣ войска въ его изслѣдованіи, с. 21. ³⁾ Zbiór pamiętn. с. 167—8.

скаго козацкое войско отправилось въ морской походъ, третій сряду, а козацкая старшина съ главными силами была еще на Запорожьѣ, когда Конецпольскій приближался уже къ Днѣпру—обстоятельства небывалыя при прежнихъ комиссіяхъ. Вѣроятно, козачество полагалось на свой союзъ съ Шагиномъ, и такое продолжительное промедленіе на Запорожьѣ по всей вѣроятности объясняется тѣмъ, что старшина всячески старалась разорвать союзъ Шагина съ Польшей и возобновить его союзъ съ козачествомъ. Однако все это закрыто для насъ, точно также какъ и та внутренняя борьба и перемѣны, которыя должны были происходить одновременно со всѣмъ этимъ и въ послѣдній моментъ во главѣ козачества Гетманомъ и вождемъ поставили новаго человека, Жмайла, предводительствующаго козачествомъ въ этой войнѣ.

11 октября коронное войско подошло къ Каневу. Въ городѣ было около 3 тыс. козаковъ. Они послали къ Конецпольскому пословъ, извѣщая, что ихъ гетманъ Жмайло находится еще на Запорожьѣ и они не знаютъ, какъ имъ быть—просить, чтобы польскія войска не нападали на нихъ и дали возможность снестись и посовѣтоваться. Конецпольскій послалъ имъ увѣщаніе писанное отъ имени комиссаровъ, гдѣ они, перечисливъ всякіе козацкіе грѣхи и пригрозивъ вооруженной расправой за непослушаніе, обращались къ „людямъ рыцарскимъ, честнымъ, заслужившимъ себѣ своею кровью добрую славу въ чужихъ краяхъ“—успокаивали ихъ, что имъ не грозитъ никакая опасность—ни ихъ правамъ, ни имуществу, ни религіи¹⁾. Очевидно, по Украинѣ распространились слухи, что польскія войска отправлены для уничтоженія православной вѣры²⁾, и комиссары считали особенно нужнымъ уничтожить эти подозрѣнія. Но ихъ увѣщанія не имѣли никакого успѣха.

Козацкая „рада“, состоявшаяся въ Каневѣ, кончилась тѣмъ, что козаки не сдались, а вышли изъ города, чтобы присоединиться къ главному войску. Тогда Конецпольскій, „видя грубое и упорное непослушаніе этихъ людей“, отправилъ противъ нихъ

¹⁾ Zbiór с 169 (въ заглавіи ошибочно стоитъ 20—X, такъ и въ рукн Публ. библ.).

²⁾ Такъ пояснял въ Москвѣ цѣль похода митрополичій повѣренный воевъ Филиппъ: „чтобъ козаковъ уменьшить, а уменьша козаковъ и вѣру рямскую въ Кіевѣ и во всѣхъ литовскихъ городахъ учинити“ (Кулиша Матер. с. 181).

передовой отрядъ, 10 хоругвей, подъ начальствомъ Одрживольскаго. Козацкое войско шло быстро. Поляки догнали его уже подъ Мошнами и ударили на козаковъ. Но козаки защищались упорно, не смотря на понесенныя потери („не мало ихъ подъ саблю пошло“, доносилъ королю объ этой битвѣ Конецпольскій). Пришлось отправить Одрживольскому подкрѣпленія изъ главного войска, но козаки, отбиваясь, въ порядкѣ отступали передъ нимъ обозомъ, не позволяя разбить его. Такъ дошли до Черкассы, гдѣ стоялъ козацкій гарнизонъ изъ 2 тыс. Онъ присоединился къ каневскому полку и разомъ съ нимъ сталъ отступать къ козацкому войску, начавшему, съ приближеніемъ польскаго войска, отступленіе подъ Крыловъ.

Главные польскія силы подходили уже къ Черкассамъ, а гетманъ Жмайло только лишь двигался со своей артиллеріей. Положеніе козаковъ было чрезвычайно неблагопріятно. Очевидно, козаки были убѣждены, что съ Поляками имъ придется биться, а не мириться. Городовое войско, не чувствуя себя въ силахъ вступить въ битву съ главнымъ польскимъ войскомъ, отступало, чтобы соединиться съ Запорожцами, и старалось при этомъ задержать Конецпольскаго переговорами. Выслало подъ Черкассы посла, увѣдомляя Конецпольскаго, что Жмайло уже выступилъ изъ Запорожья; черезъ два дня явилось новое посольство съ просьбою, чтобы польское войско не наступало на нихъ, пока не явится Жмайло съ артиллеріей. Такъ шли посольства за посольствомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Имѣемъ одно изъ такихъ писемъ, отъ 18 октября, посланное съ послами Иваномъ Манастырскимъ и Григоріемъ Тропаномъ съ товарищами. Письмо написано „Яремою Михайловичемъ присланнымъ съ Запорожья“, отъ имени всего товариства, находящагося на устьѣ Тясмина“, въ очень покорномъ, даже униженномъ тонѣ: козаки просятъ гетьмана „соизволить немного обождать, пока прибудетъ старшій изъ Запорожья, и мы съ нимъ будемъ имѣть возможность все какъ слѣдуетъ установить, чтобы исполнить волю и приказъ королевскій и вашъ, нашихъ милостивыхъ пановъ“— „такъ какъ мы безъ старшаго ничего, никакого порядка не можемъ устанавливать“. Просить также, чтобы польское войско не производило никакихъ насилій надъ козацкими семьями—женами, дѣтьми и убогимъ имуществомъ нашимъ, какое гдѣ нибудь осталось ¹⁾).

¹⁾ Zbiór pam. VI s. 171—3.

Полецпольскій съ комиссарами отвѣтили на это посольство новыми увѣреніями, что козакамъ нечего бояться какой-нибудь бѣды отъ нихъ, если захотятъ быть послушными королю. Но польскія войска опустошали козацкіе края для внушенія спасительнаго страха, вѣроятно не безъ согласія комиссіи—„города разорили, поплѣнили и выжгли“—какъ рассказывалъ въ Москвѣ попъ Филиппъ ¹⁾).

Комиссары рѣшили подождать для переговоровъ Жмайла, и медленно подвигались къ козацкому лагерю, стоявшему за Крыловымъ надъ р. Цибульникомъ, на старомъ городищѣ, „гдѣ и теперь еще есть остатки турецкой мечети“, какъ отмѣчаетъ современная записка ²⁾). Это теп. ур. Табурище, гдѣ еще недавно были видны слѣды палисада. Въ концѣ концовъ польское войско подошло къ козакамъ такъ близко, что изъ польскаго лагеря былъ хорошо виденъ козацкій обозъ.

Польское войско было въ полномъ сборѣ—послѣдніе комиссарскіе полки прибыли подъ Черкасы. Главными участниками комиссіи были: Том. Замойскій воевода кievскій (привелъ съ собою 300 чел. и 5 пушекъ), Янъ Даниловичъ воевода русскій (550 чел.), Гавріиль Гойскій каштелянъ кievскій съ братомъ и сыномъ (200), Матвій Лесневскій каштелянъ белзскій, Мартынъ Казановскій каштелянъ галицкій; затѣмъ: Стан. Потоцкій подкоморій подольскій, Стефанъ Немиричъ подкоморій кievскій, Якубъ Собѣскій староста красноставскій, Александръ Балабанъ теребовльскій, Адамъ Калиновскій брацлавскій, кн. Вишневецкій, кн. Заславскій, Елецъ, Стрыбиль—Поляки и Украинцы почти поровну—то, что въ московскихъ извѣстіяхъ называлось „Ляхи и Поляки“, (Поляки—ополяченная Русь). Всего комиссары привели войска около 8 тыс. ³⁾). Поэтому все польское войско должно было за-

¹⁾ Матеріалы Буляша с. 229.

²⁾ Публ. библ. Пол. Г. IV № 96 л. 48.

³⁾ Перечень комиссарскихъ полковъ (Zbiór с. 161—2) даетъ общее число 7336 и 16 пушекъ, но здѣсь пропущены нѣкоторые полки, и есть очевидныя ошибки. Перечень въ ркн. Публ. библ. Пол. Г. IV № 241 заключаетъ такія отличія: Даниловичъ привелъ не 8000 Украинцевъ, а 800 „выбранцевъ“ (и въ другихъ мѣстахъ не Украинсовъ, а wуbranсовъ, только при Калиновскомъ Украинсовъ, но можетъ быть тоже по ошибкѣ); между присланными полками: кн. Корещкаго 300 коней, Яна Фирлея гусаровъ 12 и рѣшихъ 20. Въ суммѣ этотъ реестръ даетъ меньше печатнаго на 2000 слишкомъ.

ключать до 18 тыс., а съ прислугой можно считать свыше 30 тыс. Эту послѣднюю цифру и даютъ намъ украинскіе источники ¹⁾). Козацкаго войска насчитываютъ они 20 тыс., а старшими называютъ полковниковъ Дорошенка, Жмайла, Олифера и Пырсаго ²⁾). Поляки очевидцы насчитываютъ козацкаго войска до 30 тысячъ ³⁾).

Такимъ образомъ козацкое войско было по численности или равно польскому или слабѣе его, но польское войско было лучше вооружено и снаряжено. Уже это одно ставило козаковъ въ очень невыгодное положеніе. Вѣроятно, козацкое войско, бывшее на морѣ, не все успѣло возвратиться изъ похода и кромѣ того не было времени произвести полную мобилизацію козацкихъ кадровъ на Украинѣ, и этимъ объясняется такое сравнительно небольшое число козаковъ ⁴⁾).

Дня 25 октября н. с. гетманъ Жмайло извѣстилъ наконецъ польскую комиссію и гетмана о своемъ прибытіи къ войску, и на другой день комиссары выслали для переговоровъ съ козацкимъ войскомъ двухъ своихъ представителей—Украинцевъ Немирнча и Острыбля, передавъ черезъ нихъ свою декларацію.

Декларація эта начиналась съ напоминанія, какими милостями и щедротами пользовалось козацкое войско за свои заслуги. „Не будучи по большей части людьми шляхетскаго сословія, они не только въ отношеніи личной свободы, но и имущественными правами своими были сравнены съ этимъ первымъ сословіемъ государства. Весь міръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на

¹⁾ Попа Филиппъ въ Москвѣ: „было Поляковъ тысячъ съ тридцать, а Нѣмецъ цысарскихъ три тысячи“—Кулиша Матер. с. 181. ²⁾ Ibid. ³⁾ см. ниже с. 302—3.

⁴⁾ Изъ словъ попа Филиппа въ Москвѣ можно заключить, что козаки не все успѣли съ моря на войну: „въ тѣ же поры безъ нихъ (т. е. бывшихъ на морѣ) пришелъ на нихъ гетманъ Конецпольской съ Поляки и съ Ляхи съ многими людьми и города Черкасомъ и Крыловъ и иные и мѣста разорили инопленили и выжгли. А какъ они съ моря пришли и котѣли съ Конецпольскимъ бой учинить, и онъ имъ собратна не далъ и пришелъ на станъ ночью и былъ бой великой“—Матеріалы с. 229—30. Дѣйствительно капитанъ-паша возвратился съ моря въ Стамбуль въ первыхъ дняхъ октября (француз. депеша с. 480); въ виду этого едвали козаки съ артиллеріей могли успѣть съ послѣдней экспедиціи подъ Крыловъ на 25 октября н. с.

столь долгое списхождение къ ихъ безчинствамъ и частое извиненіе того, за что публичное право наказало бы даже людей самыхъ выдающихся, самыхъ старонныхъ родовъ“. Затѣмъ перечислялись всѣ извѣстные уже намъ грѣхи и прегрѣшенія козацкіе: походы на море, самостоятельныя дипломатическія сношенія, вмѣшательства въ церковныя дѣла, нарушенія помѣщичьяго права, городской и королевской юрисдикціи (спеціально подчеркивался послѣдній кievскій инцидентъ). Въ концѣ концовъ ставились требованія: войско выдастъ предводителей морскихъ походовъ и другихъ эксцессовъ, сожжетъ лодки при комиссарскихъ делегатахъ и на будущее время никто изъ нихъ не будетъ ходить на море ни изъ Днѣпра ни изъ Дона. Оно представитъ пословъ, вѣдущихъ въ Москву, чтобы получить отъ нихъ показанія, выдастъ корреспонденцію съ „московскимъ княземъ“ и „царька Яхію“. Сократитъ козацкое войско до „числа ранѣе указанного рѣчью посполитой“, исключитъ всѣхъ имѣющихся сверхъ этого числа и пропишетъ всѣхъ оставленныхъ въ реестрѣ съ подробнымъ означеніемъ ихъ мѣстожительствъ—а проживать и пользоваться своими правами они могутъ только въ королевскихъ городахъ, „такъ какъ имѣнія шляхетскія и духовныя подлежатъ этому не должны и не могутъ“. Возвратитъ земли, захваченныя козаками въ королевскихъ имѣніяхъ безъ старостинскаго пожалованія. Дастъ удовлетвореніе по всѣмъ жалобамъ на нихъ. Прекратитъ сношенія съ иностранными государствами, принесетъ присягу на вѣрную службу, не будетъ держать войска на волости, на низу будетъ содержать определенное число козаковъ и лишь столько лодокъ, сколько нужно для подвоза припасовъ. При исполненіи этихъ условій, Рѣчь Посполитая будетъ выплачивать козакамъ ежегодное жалованіе, установленное подъ Хотиномъ ¹⁾).

Въ главнѣйшихъ чертахъ это было не что иное какъ повтореніе мыслей королевской деклараціи, составленной послѣ Хотинской войны—возвращеніе козачества къ отношеніямъ, какія были указаны ему передъ Хотинской войной.

Получивъ комиссарскую декларацію, козацкая старшина признала ея условія „тяжелыми“, но передала на разсмотрѣніе рады. Рада эта происходила на другой день съ утра до полуд-

¹⁾ Zbiór pam. s. 177—8, съ другой копіи въ Źródła do dziejów pol. Грабовскаго и Пшездзецкаго.

ны и принадлежало условія невозможными. Отвѣтъ былъ данъ письменно, въ духѣ вѣжливомъ, но полномъ достоинствѣ ¹⁾).

Мы достаточно цѣнимъ то, — начинался отвѣтъ — что отъ предковъ нашихъ получили за вѣрную службу нашего войска, какую неслю оно на многихъ мѣстахъ противъ каждаго не-пріятели государства, не жалѣя своего здоровья и имущества и не ища за какой-либо награды. Въ этомъ оно не руководилось иными побужденіями, какъ только желаніемъ списать себѣ милость покойныхъ королей и его кор. милости милостиваго государя нашего, счастливо нами правящаго. И за то предки наши и мы сами были награждены предшественниками его кор. милости имѣя самими свободами въ личной жизни, въ вопросахъ имущественныхъ и въ судахъ, какъ приличествовало людямъ рыцарскимъ. Пользуясь этими свободами, мы заботились всегда о томъ, чтобы, какъ получили отъ нашихъ предковъ эти права и вольности, такъ ихъ и передать нашимъ потомкамъ въ цѣлости и ненарушимости, приумноживъ лишь славу — чтобы и они такимъ образомъ преимущественно принимая, передавали въ послѣдующія времена, какъ слѣдуетъ подданнымъ, вѣрнымъ и м. королямъ, государямъ нашимъ. И никогда мы не заслужили какой-либо немилости короля, нашего милостиваго государя или какихъ-нибудь наказаній за непослушаніе — вѣдь всегда были мы вѣрны этому подданству и теперь остаемся вѣрными“.

Переходя затѣмъ къ отдѣльнымъ обвиненіямъ и требованіямъ, поставленнымъ козацкому войску комиссарами, козацкая декларация объясняетъ, что зачинщики первыхъ морскихъ походовъ были войскомъ выданы для наказанія, а позднѣйшіе походы были вызваны тѣмъ, что правительство перестало выдавать козацкому войску (его жалованье, и козакъ, не имѣя чѣмъ жить, „вынуждены были сами о себѣ промышлять“. Сношенія съ Шагинь-гиреемъ объясняются случайностью (мы уже знаемъ это объясненіе), — при этомъ козачество дескать полагалось на то, что Шагинь одновре-

¹⁾ Изданъ въ двухъ редакціяхъ — Zbiór VI с. 188 и Zbiór VI с. 174, стилистически онѣ нѣсколько отличаются и это указываетъ, что тексты передаютъ оригиналь довольно свободно. Копія въ сборникахъ петер. публ. библ. (№ 19. 96 и др.) имѣютъ подъ этой козацкой декларацией подпись: Laurenty Paszkowski pi-sarz na ten czas wojskowy и помятку „войсевой печати“. Въ обоихъ редакціяхъ встрѣчаются несправности, по ихъ можно исправить, сопоставляя обѣ версіи.

менно хотѣлъ быть союзникомъ Польши. Сношенія съ Мѣсковой имѣли цѣлью не какіе либо союзы, а поддерживались по „древнему обычаю“ только для того, чтобы московское правительство „не переставало присылать казну“: „издвна московскіе князья имѣли обычай присылать нашему войску, контентацію“, и не желая терять того, что передали намъ наши предшественники, мы посылали, напоминая объ этомъ; но чтобы это соединено было съ какимъ либо оскорбленіемъ королевскаго величества ¹⁾ или противъ Рѣчи Посполитой, того и въ мысли у насъ не было и не дай того Боже“. Но выдать правительству своихъ пословъ, въздившихъ въ Москву, войско все таки не хотѣло. Также и относительно Яхін завѣло, что какъ пришелъ онъ неизвѣстно откуда, такъ и ушелъ неизвѣстно куда. Въ дѣйствительности, когда Конецпольскій двинулся съ войскомъ на козаковъ, козацкая старшина выслала Яхію съ Запорожья въ Черкасы, откуда онъ пробрался въ Кіевъ, и здѣсь митрополитъ Іовъ держалъ его у себя въ монашеской одеждѣ, а когда Поляки стали усиленно разыскивать его, отослалъ со своимъ довѣреннымъ попомъ Филиппомъ на московскую границу, а изъ Москвы его, продержавъ довольно долго, выпустили потомъ черезъ Архангельскъ ²⁾.

1) Оскорбленіе величества усматривалось въ томъ, что козаки признавали за московскимъ царемъ царскій титулъ, а на этотъ титулъ все еще претендовали королевичъ и потому польское правительство не признавало царскаго титула за царемъ Михаиломъ Федоровичемъ.

2) Кудина Матеріалы с. 216—7, 229—30. Въ Москвѣ Яхія рассказывалъ фантастическія исторіи, которыя могли быть пріятны московскому правительству: когда польскія войска двинулись на козаковъ, козаки говорили Яхін, что объявятъ его своимъ царемъ и подъ его предводительствомъ будутъ биться съ Поляками или пользуясь его походомъ перейдутъ черезъ коронныя земли въ балканскіе края, признавшіе Яхію царемъ. Но Яхія сталъ ихъ отговаривать, доказывая невозможность этихъ плановъ, и совѣтывалъ послать къ московскому царю, проси принять ихъ въ подданство и занять Подѣпровье своимъ войскомъ: „Будетъ они хотѣть даря христіансково (очевидно, польскій король, какъ католикъ, не считался христіаниномъ), и они бѣ послали бить челомъ государю царю и вел. князю Михаилу Осодоровичу вси Русін, чтобъ ихъ принялъ подъ свою державу и послалъ въ Кіеву ратныхъ людей, чтобъ Кіевъ со всѣми городами и землями и Запороги привести подъ ево государеву руку, и тамъ имъ будетъ лутче“. И козаки дескать собирались выслать такое посольство въ Москву, но въ это время пришло польское войско, „Поляки и Ляхи, и учали ихъ побивать безъ пощады“, и это помѣшало отправленію посольства.

Такимъ образомъ по этимъ политическимъ вопросамъ козакъ отвѣтили довольно уклончиво. Но въ вопросѣ религіозномъ заняли позицію вполне рѣшительную, очевидно считая вопросомъ чести не отвѣливать дипломатическими отговорками, а постоять за религію. „О святѣйшемъ патріархѣ и прочихъ духовныхъ“ они не желали входить въ дальнѣйшія разсужденія, считая что свое положеніе тѣ сами достаточно выяснили королю,—подчеркивали только титулъ святѣйшаго патріарха, въ виду того что комиссары въ своей деклараціи выразили сомнѣніе относительно законности этого титула. Зато кіевскій инцидентъ рѣшительно приняли подъ свою защиту, заявляя, что и „самаго низкаго положенія человѣкъ“ не могъ бы выдержать тѣхъ оскорбленій вѣры, какія совершались въ Кіевѣ. А на будущее время усиленно просили „успокоенія нашей старинной греческой вѣры, которой и король е. м. своей присягой обѣщаль миръ—чтобы она была сохранена во всемъ,—чтобы мы, узнавъ милость королевскую, Рѣчи Посполитой и п. комиссаровъ, тѣмъ охотнѣе боролись за цѣлость отчины противъ врага Короны, гдѣ будетъ въ этомъ нужда“.

Упреки въ разныхъ эксцессахъ войско признавало отчасти неосновательными, отчасти обѣщало наказать виновныхъ, если бы за ними оказались какія-либо провинности— „справедливость за убытки, причиненныя людямъ какого бы то ни было сословія всегда оказывалась, и теперь готовы они оказать ее каждому по заслугамъ“. Отъ сношеній съ иностранными государствами войско готово отказаться на будущее время, если такова воля короля; но за то просить подтвержденія своихъ правъ и вознагражденія за потери, какія потерпѣли козакъ. Что же касается принятія разныхъ претендентовъ—„царьковъ турецкихъ, московскихъ, господарчиковъ валахскихъ“, то войско рѣшительно отвѣчало, что оно должно соблюдать прежнюю свободу: „издревле за Порогами пріѣздъ и отъѣздъ воленъ всѣмъ людямъ, какъ бы они ни титулировались“.

Походы на море войско готово прекратить, если ему будетъ увеличено жалованье настолько, чтобы съ нимъ войско могло просуществовать. И лодки готово сжечь, если за нихъ будетъ дано соотвѣтствующее вознагражденіе. Должны быть также изысканы для козачества какіе либо источники пропитанія, если воспрещается добычничество на морѣ, „которымъ мы привыкли до-

бывать себѣ кусокъ хлѣба“: должна быть предоставлена свободная ловля звѣрей, рыбы, „и съ честной торговли имѣть пропитаніе“.

На жалованье, увеличенное подъ Хотиномъ до 50 тыс. зол., козаки не только не могутъ прожить, если кто не имѣетъ собственнаго жилища („а такихъ между нами много“), или пріобрѣсти оружіе для службы, но даже едва на порохъ и свинець хватитъ его на цѣлый годъ; поэтому козацкіе послы должны просить комиссаровъ, чтобы они похлопотали объ этомъ передъ королемъ и Рѣчью Посполитой. Для козацкой артиллеріи также нужны разные предметы; если комиссары вмѣняютъ въ вину имъ, что козаки, идя на службу королевскую, собираютъ съ украинскихъ городовъ всякіе припасы для службы, порохъ, свинець, лошадей, упряжь, одежду и обувь для ногошниковъ — слѣдуетъ доставлять эти припасы козацкому войску изъ государственныхъ средствъ.

Произвести выписку „ненужныхъ и къ войнѣ не способныхъ людей“ войско соглашалось, но съ тѣмъ чтобы выписанные не подвергались наказанію или инымъ неспрiятностямъ со стороны своихъ пановъ. При этомъ войско оправдывалось, что оно и не вербовало подданныхъ изъ королевщинъ, духовныхъ и шляхетскихъ имѣній, но сами урядники, принимая отъ людей подарки, позволяли имъ приставать къ козакамъ, — благодаря этому среди козаковъ оказалось много и ремесленниковъ. О числѣ войска, которое должно было остаться на службѣ, козаки не упоминали. Также не считали возможнымъ опредѣлить того контингента, который долженъ былъ стоять гарнизономъ на Низу: „Малый отрядъ не устоитъ противъ басурманъ, большій — не утерпитъ, чтобы не ударить на непріятеля, хотя бы лишь ради пропитанія, — нужно было бы его достаточно снабдить припасами, одеждой, деньгами“. И снова запросъ комиссарамъ — откуда будетъ получаться содержаніе тѣми козаками, которые будутъ находиться на Запорожьи и нести сторожевую службу?

Ограниченія козацкаго мѣстожителства только королевскими имѣніями войско рѣшительно не хотѣло принять. „Чтобъ вольно было намъ жить какъ въ имѣніяхъ королевскихъ, такъ и духовныхъ и шляхетскихъ, и если бы кто хотѣлъ перейти (изъ частнаго имѣнія) въ королевскіе города, то чтобы имѣлъ право продать свою хату и пашни“. Не такъ рѣзко, но всетаки достаточно рѣшительно отказывалось войско принять требованіе, чтобы козацкаго гетмана назначалъ король или коронный гетманъ.

„Каждый человек подвержен разным случайностям, а в военное время в особенности может его постигнуть смерть: если бы в случае смерти старшего пришлось за новым старшим посылать к королю или к п. гетману, то от этого могли бы произойти в войске большія волненія и непорядки; по этимъ причинамъ хотимъ остаться при давнемъ обычаѣ—самимъ избирать себѣ гетмана“. Не считали нужнымъ также приносить на ново присягу, какъ того домогались комиссары, потому что принесли присягу уже раньше.

Просили еще, чтобы комиссары и гетманъ позаботились о возвращеніи козацкихъ имѣній и семей захваченныхъ во время этого похода на Украину—„ибо мы не заслужили такого притѣсненія“.

Такимъ образомъ при всемъ своемъ вѣжливомъ тонѣ, отвѣтъ являлся довольно рѣшительнымъ отказомъ. Козаки не хотѣли принять ограниченія войска реестромъ и уничтоженія своихъ старыхъ правъ и свободъ (свободы жительствова, выбора гетмана). Заявляли готовность подчиниться нуждамъ польской политики—не искать добычи и заработка въ сосѣднихъ государствахъ, но подъ условіемъ если Рѣчь Посполитая дастъ имъ соответственныя средства содержанія. Рѣшительно стояли при своихъ церковно-національныхъ требованіяхъ.

Въ польскомъ лагерѣ этотъ отвѣтъ былъ принятъ, какъ разрывъ переговоровъ и *sans merci*. Конецпольскій задержалъ пословъ у себя на ночь, чтобы захватить козацкое войско врасплохъ. Своему войску велѣлъ приготовиться за ночь къ походу. Утромъ, призвавъ пословъ, заявилъ имъ, что если козаки не хотятъ оказать покорности, то онъ дастъ имъ почувствовать польскія сабли на своихъ шеяхъ, и кровь ихъ упадетъ на ихъ души. Послѣ такой патетической и гордой рѣчи, онъ отправилъ пословъ и сейчасъ же по ихъ слѣдамъ двинулъ войско на козацкій лагерь, расположенный такъ близко, что его было видно съ польскаго лагеря. Началась война.

Это было 19(29) октября. Перейдя болотистую рѣчку Цыбульницъ, Конецпольскій съ трехъ сторонъ ударилъ на козацкій лагерь и оттѣснивъ козацкіе полки съ поля въ обозъ, началъ канонаду. Біографъ воев. Замойскаго съ умиленіемъ рассказываетъ о послѣднемъ, какъ онъ самъ заряжалъ пушки и стрѣлялъ въ козаковъ „на здоровье пану гетману (Конецпольскому), а тотъ

пріѣхалъ къ его крылу, помогалъ ему самъ и отплачивалъ такими пушечными „виватами“, „по очереди одинъ другому свидѣтельствуя свое расположеніе, а непріятелю причиняя уронъ“. Козаки пробовали прекратить эту милую панскую забаву, выславъ вылазку—впереді немцаго конницы, за которою ползли по землѣ въ прикрытіи пѣшіе козаки. Но Поляки замѣтили ихъ и выбили козаковъ изъ засады. Также не удалась вылазка подъ батареи лѣваго крыла¹⁾.

Вечеромъ польское войско сошло съ позицій, и на другой день не возобновляло своихъ атакъ. Конецпольскій отдалъ приказъ готовиться къ приступу, готовить туры, гуляй города и прочіи принадлежности. Когда объ этомъ узнали козаки—говоритъ польскій дневникъ—ими овладѣлъ сильный страхъ. Думали переправиться за Дибирь, но въ этотъ день погода была бурная, и пробовавшіе переплыть утонули. Тогда Жмайло рѣшилъ отступить дальше на югъ, на старое городище на ур. Медвежьи Лозы надъ Куруковымъ озеромъ (теп. пос. Брюковъ противъ Кременчуга), въ двухъ миляхъ отъ Табурища. Вечеромъ козаки разложили огни въ своемъ лагерѣ, чтобы обмануть Поляковъ, а сами двинулись къ Курукову. Однако въ польскомъ лагерѣ скоро узнали объ ихъ отступленіи: ночью былъ посланъ отрядъ нѣмецкой пѣхоты на развѣдки, и онъ подойдя подъ самыя козацкіе окопы и не найдя тамъ никого, убѣдился, что козаки ушли, и извѣстилъ объ этомъ Конецпольскаго. Тотъ сейчасъ же ночью созвалъ совѣтъ, и на немъ рѣшено было не упускать козаковъ и слѣпить по ихъ слѣдамъ. Немедленно отправленъ былъ извѣстный уже намъ (прославленный позже) Хмѣлецкій—догнать и занять козаковъ, пока подойдутъ главныя польскія силы, а вслѣдъ за нимъ на слѣдующій день выступилъ и Конецпольскій.

Такъ повѣствуетъ польскій дневникъ. Не имѣемъ другихъ источниковъ, которые бы поясняли намъ причины этого неожиданнаго козацкаго марша. Вѣроятно, обнаружались какія нибудь неудобства занятой позиціи на случай польскаго приступа, и было рѣшено перемѣнить ее.

Олидая польской погоды, козаки не пользовались вѣтческіе способами, чтобы задержать Поляковъ—какъ Поляки въ свою очередь хотѣли „занять“ ихъ.

Былъ уже день, когда Хмѣлецкій со своимъ коннымъ пол-

¹⁾ Дневникъ—Zbiór с. 149—152, Журковскій с. 97—8.

номъ догналъ козацкое войско, въ милѣ отъ стараго лагеря. Козаки перейдя рѣку, оставили въ густыхъ лозахъ ея береговъ полторы тысячи человекъ, чтобы они защищали переправу и „заняли“ польскую погоню. Такимъ же образомъ пройдя еще полмили, до слѣдующей переправы, они поставили здѣсь вторую засаду, двѣ тысячи коннаго войска. И наконецъ третью засаду помѣстили надъ Куруковымъ озеромъ, съ сѣверной стороны, со стороны Поляковъ—двѣ тысячи войска въ укрѣпленномъ лагерѣ изъ возовъ, разставленныхъ въ видѣ полумѣсяца. Главнымъ же лагеремъ стали на другой сторонѣ озера, на старомъ городищѣ, и разставивъ возы вокругъ въ нѣсколько рядовъ, стали укрѣплять лагерь.

Козацкія засады были выставлены на гибель почти неизбежную—онѣ должны были пожертвовать собой, чтобы дать возможность главному войску укрѣпить лагерь до прихода польскаго войска. Свою задачу онѣ исполнили вполнѣ.

Не только посланный впередъ Хмѣлецкій¹⁾, но и полки Потоцкаго и Тышкевича, отравленные велѣдъ за ними, не могли ничего подѣлать съ первой козацкой засадой, и вмѣсто битвы, начали съ ней переговоры²⁾. И только когда подошла нѣмецкая пѣхота и начала обстрѣливать козаковъ, а по ея примѣру и конница, слѣзшившись и перейдя рѣку съ мушкетами въ рукахъ, ударила на засаду,—козаки отступили передъ превосходными польскими силами и разбѣжались, спасаясь отъ польской кавалеріи.

Такъ Поляки дошли до второй засады и здѣсь повторилось тоже самое: стрѣльба по козацкимъ позиціямъ, затѣмъ штурмъ, и новое отступленіе козаковъ. Польскій дневникъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ, что польская конница вошла въ такой азартъ, что била козаковъ „не щадя ни лошадей ни рукъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не убѣжалъ, чтобы подать вѣсть на Куруково“. Но здѣсь также пришлось подождать пѣшаго войска и лишь съ нимъ кавалерія прогнала козаковъ съ передовой позиціи, и затѣмъ на-

¹⁾ Журновскій восхваляя подвиги своего сослуживца Хмѣлецкаго, несомнѣнно, слишкомъ преувеличиваетъ его успѣхи.

²⁾ Дневникъ говоритъ, что войско нашло Потоцкаго и Тышкевича *ubiezpieczonych nieco kozackimi tractatami*: эти слова изслѣдователи переводили въ томъ смыслѣ, что эти польскіе полки укрѣпили свои позиціи по козацкому способу. Но такой переводъ совершенно невозможенъ.

чался обстрѣль другого берега озера. Въ это время стали подходить и полки главнаго польскаго войска. Съ ними передовые польскіе полки пошли приступомъ за рѣку и оттѣснили козаковъ къ ихъ главному лагерю, и при томъ много побили ихъ. Такъ какъ козаки не успѣли еще окончить фортификацій для укрѣпленія лагеря, то Поляки надѣялись воспользоваться этимъ и разбить его, и съ сильнымъ натискомъ устремились на лагерь. Но этотъ азартъ стоилъ имъ дорого. Козаки приняли ихъ изъ лагеря меткими выстрѣлами, другіе ударили изъ своихъ засадъ, гдѣ успѣли залечь. Много польскаго войска погибло, много было ранено— между прочимъ пуля попала въ мальтійскій крестъ одного изъ выдающихся участниковъ, мальтійскаго рыцаря Юдицкаго, едва не погибъ и Замойскій, вонувшій въ трясину, гдѣ его окружили козаки и едва не убили.

Польское войско бросилось въ безпорядкѣ назадъ, но подоспѣлъ Конецпольскій съ остальнымъ войскомъ, привелъ все въ порядокъ, раздалъ позиціи и всѣми силами, подъ пушечную стрѣльбу возобновилъ приступъ. Но результаты и этого болѣе планомѣрнаго приступа были тоже не блестящи. Козацкаго лагеря разорвать не удалось. Поляки понесли большія потери въ людяхъ¹⁾; самъ Конецпольскій спасся лишь чудомъ. Поэтому когда изъ козацкаго лагеря слышались какіе-то крики—какъ передаетъ это польскій дневникъ, спасая честь своего войска—козаки „громко кричали, прося милосердія“, Конецпольскій счелъ это благопріятнымъ предлогомъ для окончанія неудачной битвы. велѣлъ снять батареи съ позицій, отвелъ войско и расположился лагеремъ надъ берегомъ озера²⁾.

Что эта козацкая паника и покорность были не больше какъ выдумкой комиссаровъ, чтобы скрыть печальные результаты битвы,—обнаружилось сейчасъ же. Изъ козацкаго лагеря никто не думалъ пріѣзжать съ челобитной. Въ польскомъ лагерѣ, дѣлая воице міпе, говорили, что козаки боятся присылать пословъ къ разгнѣванному гетману. Конецпольскій, спасая положеніе, заявилъ, что онъ въ такомъ случаѣ больше не будетъ миловать козаковъ, и снова велѣлъ „уже серьезно“ приготовить туры и все нужное

1) См. современную записку въ публ. библ. F. IV. 96 л. 43 и Pamiętniki do rąpow. Zygmunta III т. I с. 124.

2) Дневникъ—Zbiór с. 152—6, тамже письма Мясковскаго и Конецпольскаго с. 164—5, 228—9, Журковскій с. 99—100.

для штурма. Но комиссары, какъ поясняетъ дневникъ, уговорили его послать пословъ въ козацкое войско, и онъ согласился на это—послалъ Хмѣлецкаго съ другимъ ротмистромъ, чтобы склонить козаковъ къ мирному окончанію дѣла.

Это вполне соответствовало афоризму—„не идетъ гора къ Магомету, идетъ Магометъ къ горѣ“. Пришлось отложить гордый тонъ по отношенію къ козакамъ. Перспективы дальнейшихъ битвъ послѣ неудачнаго штурма 31 октября, а еще болѣе—перспективы долгой затяжной осады—страшили Поляковъ. Уже начинались утренники, шель снѣгъ; трудно было въ эту пору прокормить войско и лошадей въ такой далекой глухой мѣстности. Велики были потери въ лошадяхъ и людяхъ. Много было раненыхъ, требовавшихъ нѣкоторыхъ удобствъ и приюта, а всего этого имъ нельзя было здѣсь доставить. При томъ, зная о сношеніяхъ козаковъ съ Шагинъ-гиреемъ, объ ихъ попыткахъ получить отъ него помощь противъ Польши, Поляки должны были опасаться всякаго затягиванія войны: въ концѣ концовъ Шагинъ могъ нарушить договоръ съ Польшею и притти на помощь козакамъ. Да нельзя было затягивать ее еще и въ виду возможной шведской войны. Поэтому обязательно необходимо было какъ нибудь покончить дѣло.

Въ письмѣ, переданномъ черезъ пословъ, Конецпольскій выражалъ готовность простить козакамъ ихъ непокорность—что они „осмѣлились поднять свои хоругви противъ хоругвей и оружіе противъ королевскаго войска“ (защищая себя отъ Поляковъ, напавшихъ на козаковъ). Пусть только они теперь опомнятся и покорятся. Въ противномъ случаѣ грозилъ, что „не уйдетъ изъ здѣшнихъ краевъ“, и будетъ „до конца проявлять свою суровость“ надъ козацкими женами, дѣтьми и имѣніями¹⁾. Это звучало грозно—хотя не особенно рыцарственно и культурно.

Но изъ-за этихъ грозныхъ фразъ слышалась настоящая нота: „przysyłaucie do nas zagazem posłów“! И то, что неловко было писать, поддерживая честь польскаго войска, должны были, очевидно, договорить усно посланные. Въ результатѣ козаки дѣйствительно выслали своихъ посланныхъ съ письмомъ, „прося трактатовъ“, какъ выражается дневникъ²⁾. Выслушавъ ихъ, комиссары послали отъ себя письмо, требуя, чтобы козаки выслали пословъ съ полномочіями для переговоровъ. Этого письма

¹⁾ Zbiór s. 175—7. ²⁾ Ibid. s. 157.

мы не имѣемъ и о содержаніи его можемъ судить только по козацкому отвѣту ¹⁾). Очевидно, главное содержаніе его составляли оправданія въ томъ, что польское войско послѣ предшествовавшихъ увѣреній въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ такъ хищнически и безцеремонно напало на козаковъ. Они оправдывались тѣмъ, что козаки некали помощи Шагинъ-героя, сожгли капевскій замокъ и т. п.

На другой день (3 ноября н. с.) козаки прислали посольство изъ десяти лицъ. Они привезли новую козацкую декларацию, адресованную комиссарамъ, и отдѣльныя письма къ Коняцпольскому какъ гетману и Замойскому какъ воеводѣ кievскому. Какъ въ этой декларациі, такъ и въ инструкціи, данной посламъ, за подписью писаря Савы Бурчевскаго, и также предложенной комиссіи, козаки въ сущности повторили мысли и желанія, высказанныя въ первой декларациі, лишь въ выраженіяхъ болѣе сдержанныхъ. Дѣлали только незначительныя уступки, напр. въ вопросѣ о принесеніи новой присяги, но объ опредѣленіи реестра точной цифрой умолчали („собственно не о чемъ уже говорить, такъ какъ во время похода войска на Украину одни убиты, другіе боясь этой выписки, отступили отъ насъ и добровольно поддались панамъ—урядамъ украиннымъ,—но исполняя волю п. комиссаровъ, мы не противъ того, чтобы послѣ нашего возвращенія домой люди чуждые рыцарскому дѣлу не укрощались нашими вольностями“). Добавили кое-что новое—напр. чтобы старшинѣ было назначено особое жалованье ²⁾).

Переговоры на основаніи этихъ деклараций тянулись цѣлый день, но при значительномъ расхожденіи требованій комиссаровъ и козацкаго войска не могли привести къ соглашенію. Комиссары согласились только увеличить реестръ до 5 тысячъ, а къ козацкому жалованію 50 тыс. прибавить отдѣльное жалованье старшинѣ. Согласились, чтобы на случай, если бы козацкій гетманъ умеръ на своей должности, войско могло выбрать себѣ временнаго гетмана, пока назначить гетмана правительство, но самовольно войско не можетъ ни лишать гетманства ни выбирать новое лицо на гетманство. Рѣшительно признавали невозможнымъ на будущее время, чтобы козаки имѣли право проживать въ частныхъ имѣніяхъ, и отклоняли козацкія ходатайства

¹⁾ Zbiór c. 199.

²⁾ Ibid c. 199—207, Źródła, II c. 180, Zurkowski c. 101.

объ успокоеніи религиозныхъ отношеній такими соображеніями, что въ религиозныхъ дѣлахъ никакой несправедливости не чинится никому и заниматься ими должно духовенство, а не войско. Кромѣ этого официального отвѣта были посланы особыя письма съ увѣреніями въ расположеніи отъ тѣхъ лицъ, которыми козаки писали отдѣльно; были они написаны въ благожелательномъ тонѣ, но съ панской высоты, снисходящей къ людямъ „простой кондиціи“¹⁾).

Переговоры, веденныя въ польскомъ лагерѣ 3 ноября, все таки значительно подвинули дѣло впередъ. Вѣроятно, комиссары выяснили козацкимъ посланцѣмъ, что они никакъ не могутъ отступить отъ нѣкоторыхъ пунктовъ и иначе ихъ соглашеніе съ козачествомъ не можетъ состояться. Но не дали ли они тайнѣ, одновременно съ тѣмъ, какихъ либо надеждъ, не указали ли перспективъ, что въ дѣйствительности, на практикѣ эти постановленія могутъ быть кое въ чемъ смягчены, ослаблены? Или козацкая старшина вывела это сама изъ переговоровъ, изъ общаго положенія дѣлъ? Трактаты съ козачествомъ всегда заключались больше для вида и никогда не осуществлялись ригористически. И на этотъ разъ не было основанія предполагать иначе. Новыя постановленія, проэктированныя комиссіей, должны были возобновить поставленія ольшаницкой комиссіи 1619 года. Не согласилась ли тогда на нихъ козаки? А въ дѣйствительности они остались на бумагѣ. Правда, послѣ такихъ заслугъ, какія были оказаны козачествомъ въ Хотинской войнѣ, послѣ дальнѣйшаго роста и силы, энергіи и престижа козацкаго войска возвращаться назадъ къ постановленіямъ 1619 г., перечеркнуть все надежды и претензіи, основанныя на хотинскихъ заслугахъ, для козачества было, безъ сомнѣнія, тяжело. Но что-же дѣлать! Вѣдь и постановленія 1619 г. вѣнчали крупныя козацкія заслуги въ московской компаніи. Очевидно, иной благодарности нельзя было ожидать отъ шляхетской Рѣчи Посполитой.

Все это должно было принять въ соображеніе козацкое войско, выслушавъ извѣстія и письма, привезенныя его посольствомъ. Цѣлый день 4 ноября прошелъ въ совѣщаніяхъ. Не смотря на значительныя потери въ прежнихъ сраженіяхъ (какъ говоритъ польскій дневникъ, сами козаки признавались послѣ окончанія переговоровъ, что ихъ погибло въ битвахъ этой кампаніи 8 тыс.),

¹⁾ Zbiór s. 208—216, Żurkowski s. 102.

козацкое войско было еще велико. Полякъ, участникъ похода, говоритъ, что было его въ лагерѣ, послѣ всего это „самое меньшее 20 тыс.“¹⁾).

Но и козакамъ не улыбалась перспектива дальнейшей войны. Во время спѣшнаго отступленія изъ подъ Крымова Поляки „урвали“ у нихъ значительную часть обоза съ припасами и провіантомъ; затѣмъ ставя спѣшно лагерь на новомъ мѣстѣ, они не могли укрѣпить его какъ слѣдуетъ. Въ виду всего этого было рѣшено пойти на уступки.

Вечеромъ въ польскій лагерь пріѣхали козацкіе послы съ заявленіемъ, что главнымъ препятствіемъ являются два пункта: козаки не могутъ согласиться на выдачу главныхъ предводителей прежнихъ своевольствъ и на цифру реестра, такъ какъ внѣ реестра оцутится до 45 тыс. козаковъ и выписку такого множества нельзя будетъ произвести. Такъ записываетъ дневникъ²⁾).

Козацкая декларація (третья ериду), сохранныя въ полномъ текстѣ³⁾—заявляла также, что козаки „никимъ образомъ и по разнымъ причинамъ“ не могутъ выдать предводителей, „такъ какъ старшій, какъ посолъ, избирается для каждаго дѣла единодушно всѣмъ войскомъ и долженъ то исполнять, что ему прикажетъ войско—поэтому не они, а мы, все войско виновато передъ королемъ и Рѣчью Посполитой“, и войско проситъ простить ему эту вину. Относительно реестра „трудно намъ согласиться на ограниченія войска всего пятью тысячами, такъ между нами найдется больше десяти тысячъ такихъ, которые по 10, 20 и 30 лѣтъ занимались рыцарскимъ дѣломъ на службѣ Рѣчи Посполитой, добывали себѣ саблей кусокъ хлѣба и бывали тяжело ранены. Какъ же такой человекъ, бывъ свободнымъ, могъ бы теперь подчиниться панской юрисдикціи? Предоставляемъ это милостивому разсмотрѣнію пановъ комиссаровъ и покорно просимъ ихъ не требовать отъ насъ того, что могло бы вызвать между нами возмущеніе. Тѣмъ болѣе, что въ эту же зиму все равно трудно устанавливать между нами порядокъ (составить реестръ): въ полѣ трудно, а собрать все войско въ какомъ либо городѣ—вышло бы большое отягощеніе людямъ и опустошеніе; а если дастъ Богъ,

¹⁾ Zbiór s. 159, 229. ²⁾ Ibid. s. 158.

³⁾ Однако съ датой 5 ноября—трудно сказать, означаетъ ли это, что декларація была послана на другой день, или здѣсь неточность въ цифрѣ.

вскою, когда намъ легче обратиться въ полѣ, не причиняя тѣхъ-стей людямъ,—тогда можно будетъ это сдѣлать, хотя бы и при н. комиссарахъ—кого они изъ своей среды для этого назначать“.

Въ другихъ вопросахъ козацкое войско выражало готовность подчиниться старымъ комиссарскимъ постановленіямъ. Соглашалось выйти изъ шляхетскихъ имѣній, лишь бы имъ было уплачено за оставленные строснія и „разробки“ (воздѣланныя земли). Пыталось выпросить, чтобы за нимъ было оставлено право выбора старшаго—„только когда мы были бы призваны куда-нибудь на королевскую службу, могъ-бы быть отъ короля при насъ кто-нибудь, какъ нѣкогда бывалъ Орицковскій“ (собственно въ роли королевскаго комиссара, а не козацкаго гетмана). Просило особаго жалованья для старшины, ассигновки на артиллерию. Ходатайствовало, чтобы на наступающую зиму были отведены квартиры въ какихъ либо городахъ для козаковъ и артиллеріи, въ виду опустошенія Украины польскимъ войскомъ. Было повторено желаніе, чтобы были возмѣщены убытки, причиненныя польскимъ войскомъ, возвращены жены, дѣти, имущество—„гдѣ бы кто опозналъ свое или нашелъ въ лагерѣ“¹⁾.

Въ концѣ концовъ комиссары рѣшили сдѣлать такія уступки: Не требовать выдачи виновныхъ, дать амнистію всѣмъ за прошлое. Увеличить реестръ до 6 тыс. и прибавить жалованья на все войско 10 тыс. (всего 60 тыс. зол.), и отдѣльно для старшины²⁾. Что касается назначенія старшаго, тоже былъ установленъ компромиссъ: рѣшено, что козаки будутъ выбирать кандидата на гетманство, а польскій гетманъ, именемъ короля будетъ его „подавать“ (собственно утверждать)³⁾; соответственно этому

¹⁾ Zbiór s. 218—222.

²⁾ Старшинѣ жалованье установлено такое: старшему 600 зл., двумъ эсауламъ по 150, обозному, писарю и судѣ войсковому по 100, 6 полковникамъ по 100, полковничьимъ эсауламъ по 50 зл., 60 сотникамъ по 50 зл. Роспись очень интересна, такъ какъ указываетъ на дальнѣйшіе факты въ развитіи козацкаго устройства: переходъ полка отъ пятисотеннаго къ тысячному контингенту, дальнѣйшее развитіе генеральной старшины, очень близкой уже во временахъ Хмельницкаго (должность войскового судьи, увеличеніе значенія писаря, отдѣленіе генеральныхъ эсауловъ отъ полковых); отаманы уже не фигурируютъ среди старшины.

³⁾ Такъ, очевидно, нужно понимать довольно неясную стилизацію комиссарскихъ постановленій: Starszemu, ktorego k ms. przez hetmanów koczowniczych z pośredka ich samych obranego podawać będą, особенно если сравнить это съ предыдущими словами объ утвержденіи Дорошенка.

сейчасъ же „послѣ выбора ими изъ нихъ самихъ“ Мих. Дорошенка, гетманъ „подавъ“ имъ его въ качествѣ старшого. Только въ случаѣ если бы козацкій старшій умеръ въ дальнемъ разстояніи отъ короля и гетмана, козаки могутъ временно избрать себѣ гетмана самостоятельно¹⁾.

На этихъ основаніяхъ сейчасъ же были составлены комиссарскія постановленія²⁾. За прошлое козакамъ даровалась амнистія, на будущее время они обязывались прекратить всякія сношенія съ сосѣдними государствами, не ходить на нихъ походами своеволью, не выходить на море, лодки съечь и на будущее время ихъ не строить, оставаться въ послушаніи и „не вмѣшиваться въ юрисдикцію замковую, духовную и городскую“, оказывать „должное уваженіе и послушаніе“ старостамъ и прочимъ властямъ.

Въ исполненіи всего этого новый гетманъ принесъ присягу—что безъ воли правительства онъ не поведетъ своего войска въ Турцію ни моремъ ни сушей, не будетъ собирать „ни отрядовъ, ни охотниковъ, ни выписчиковъ“ и будетъ наказывать своевольниковъ. Въ томъ же смыслѣ послушанія и воздержанія отъ самовольныхъ походовъ принесли присягу „атаманы, вся чернь, войско Запорожское его кор. милости“ согласно данной имъ формулѣ присяги.

Шеститысячный реестръ войска долженъ былъ быть составленъ въ теченіи шести недѣль, до 18 декабря, и переданъ властямъ. Въ теченіи двѣнадцати недѣль козаки обязаны были выйти изъ шляхетскихъ имѣній, продавъ земли и строенія людямъ, которые согласились бы нести „повинности и поданство“ мѣстному помѣщику; въ пацскихъ имѣніяхъ могли остаться только тѣ изъ войска, „которые будутъ своимъ панамъ послушны и которыхъ захотятъ держать паны“. Козакамъ разрѣшается всякое *przystojne* рожденіе торговлею, ловлею рыбы и звѣря, однако безъ ущерба старостанскимъ доходамъ.

Тысяча козаковъ—или сколько укажетъ коронный гетманъ—должна находиться въ качествѣ гарнизона на Запорожьи. Прочее козацкое войско будетъ стоять „за волостью“ и оттуда будетъ отправляться на помощь польскому войску, куда укажутъ гетманы, съ тѣмъ, чтобы при этихъ переходахъ имъ чѣмъ не отягощать населеніе. За это войско будетъ получать плату—

¹⁾ Zbiór с. 232—3.

²⁾ Zbiór с. 23.—241, тоже въ Архивѣ III, 1 ч. 78.

60 тыс. злотыхъ ежегодно, каковая будетъ уплачиваться имъ на св. Ілію въ Кіевѣ.

Этотъ протоколъ, составленный отъ имени комиссаровъ въ триумфальномъ, хотя и довольно сдержанномъ тонѣ¹⁾, скрѣпленъ былъ подписями козацкихъ старшинъ. За Дорошенко, „такъ какъ самъ писать не умѣетъ“, подписался одинъ шляхтичъ; именемъ прочихъ и всего войска—новый войсковый писарь, Савва Бурчевскій²⁾. Отправленные въ козацкій лагерь Собѣвскій и Балабашъ выслушали козацкую присягу и разныя пріятныя вещи, какія „хитрые Малороссы“ считали нужнымъ наговорить „панамъ“, „упрекали себя въ глупости и непокорности, приведшей ихъ къ такому кровопролитію, и признавали, что нѣтъ лучше войска чѣмъ польское,—а послѣ него запорожское“, заимеваетъ польскій дневникъ. На другой день новый гетманъ со старшиной пріѣзжали въ польскій лагерь и Конецпольскій принималъ ихъ и угощалъ. А на слѣдующій день польское войско послѣ богослуженія двинулось обратно по той же дорогѣ. Перейдя Рось, Конецпольскій распредѣлилъ между своими полками стоянки на зиму, и уѣхалъ домой въ Варъ. Комиссары тоже разѣхались³⁾.

Съ триумфомъ былъ посланъ королю бумажный трофей этой долго проектировавшейся комиссіи—протоколъ комиссіи. Оружіемъ принудила она козачество перечеркнуть свой счетъ за хотинскія услуги и подвиги, за которые оно такъ много ожидало, за которые ей такъ много обѣщали.

Принудила его замолчать о своихъ наисущественнѣйшихъ требованіяхъ, отказаться отъ того, что считало оно элементарными условіями своего существованія.

Физически невозможно было втиснуть въ рамки реестра всѣхъ старыхъ, долгодѣтныхъ козаковъ, принимавшихъ участіе

¹⁾ Непріятно все-таки звучали для козаковъ эти фразы: „такъ какъ они, благодаря походу короннаго войска, понесли уже значительную кару отъ его сабли, мы тѣмъ, кого счастье и воля божья спасла отъ этой кары, имѣя въ виду, что они остатокъ крови своей, какой имъ Рѣчь Посполитая оставила, обѣщаютъ и обязуются отдать на службу Рѣчи Посполитой—все именемъ е. и. короля и Рѣчи Посполитой имъ прощаемъ“.

²⁾ Эта подпись, известная въ многочисленныхъ копіяхъ „комиссіи 1625 г.“ (въ рукоп. Публич. библ. № 29, 96, 175), опущена въ ея изданіяхъ (только изъ исторіи Маркевича цитируетъ ее издатель въ *Zródła*-хл. т. II с. 189).

³⁾ *Zbiór* VI с. 158—160.

въ стѣльныхъ кампаніяхъ въ интересахъ Рѣчи Посполитой, по ея призыву. Физически невозможно было прокормиться тому войску, какое Рѣчь Посполитая хотѣла задержать на своей службѣ, если оно должно было отказаться отъ заграничнаго заработка и вмѣстѣ съ тѣмъ не получало никакихъ домашнихъ источниковъ содержанія.

Ничего! отъ козачества истребовано было согласіе. Оно должно было существовать для надобностей Рѣчи Посполитой, ничто ей не стоить и ничѣмъ не давать чувствовать своего существованія.

Ити надеждой на признанное жалованіе, которое обычно не выплачивалось. Находиться „за волостью“, такъ, чтобы и дома его не было слышно, в сосѣднія государства не чувствовали его существованія. При всей реальности своего существованія оно должно было отыскать себѣ какую нибудь сверхъестественную сферу, четвертое геометрическое измѣреніе.

Польскіе государственные и военные мужи достигли этого. Невозможное стало возможнымъ—по крайней мѣрѣ въ протоколѣ. Это былъ одинъ изъ типичныхъ бумажныхъ триумфовъ, разразившихся потомъ обычно морями крови, бѣдствій и злобы.

IV

Въ атмосферѣ лойяльности (1626—1628).

Компромиссныя теченія въ іерархическихъ кругахъ. Лойяльная политика козачества. Крымскія дѣла и участіе въ нихъ козацкаго войска. Дорошенко и Грицько Чорный. Походъ въ Крымъ.

Куруковская кампанія 1625 г., покончивъ счеты козачества съ польскимъ правительствомъ за Хотинскую войну, сдѣлалась съ теченіемъ продолжительнаго времени исходною точкою въ украинско-польскихъ отношеніяхъ. Козачьимъ кругамъ и всѣмъ, стоявшимъ за ними, пришлось попрощаться съ надеждами на удовлетвореніе своихъ требованій цѣной козацкихъ заслугъ въ Хотинской войнѣ. Но и кругамъ правительственнымъ, польско- шляхетскимъ не удалось осуществить своей задачи: разгромить козачество, какъ въ Солоницкой кампаніи, передавить, наступить на горло. Пришлось устанавливать отношенія и съ этой козацкой силой и съ тѣми элементами, какіе связаны были съ нею. И въ результатѣ война 1625 г. становится исходнымъ моментомъ для довольно значительнаго, десятилѣтняго періода компромиссныхъ попытокъ— послѣднихъ компромиссовъ передъ взрывомъ оппозиціонныхъ силъ въ 1630-хъ гг. Больше ловкимъ политикамъ удаются эти компромиссы лучше, менѣе удачливымъ— хуже, и тогда оппозиціонные элементы прорываются черезъ ихъ нехитрые компромиссныя плетенія, доводя до кровавыхъ конфликтовъ, какъ было въ 1630 г. и затѣмъ снова въ 1635 г. Но солидные элементы въ общемъ держались прочно, оппозиціонныя теченія долго не могли усилиться настолько, чтобы свергнуть ихъ господство, такъ что примирительное направленіе вообще имѣло перевѣсъ какъ съ польской такъ и съ украинской стороны въ теченіе цѣлаго десятилѣтняго періода. Кульминаціонною точкою

ого было безкоролевье 1632 г., когда украинскимъ требованіямъ едѣланы были значительныя уступки новымъ королемъ, а козачество, издавна привыкшее смотрѣть на него, какъ на покровителя и сторонника, стремилось войти въ государственную жизнь Рѣчи Посполитой, приобрести голосъ въ ея судьбахъ; но правящіе шляхетскіе круги не были настолько дальновидны, чтобы поддержать эти оппортунистическія направленія въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Эти компромиссныя теченія тѣмъ были значительнѣе, что не являлись вліяніемъ одного только физическаго вооруженнаго перевѣса польско-шляхетскаго режима надъ козацкой силой, едѣлавшейся фундаментомъ національной украинской политики въ послѣднія десятилѣтія. Въ самой украинской жизни, въ кругахъ, взявшихъ въ свои руки руководство національной жизнью и въ ея интересахъ старавшихся вліять и дѣйствительно вліявшихъ на козачество и его политику, также обнаруживались компромиссныя элементы, которымъ не сподручны были и крайности украинской демократіи и ея безнадежный конфликтъ съ шляхетскимъ режимомъ Рѣчипосполитой.

Такова была новонасажденная православная іерархія, благодаря всѣмъ традиціямъ своего церковно-политическаго прошлаго и въ виду своей горькой зависимости отъ милости и немилости правительства, и чувствительныхъ послѣдствій этой немилости для всей православной жизни, горячо жаждавшая примиренія съ правительствомъ, своей легализаціи, признанія, толеранціи съ его стороны. Съ неудовольствіемъ сносила она также и различныя, не особенно пріятныя для нея стороны той демократической, республиканской жизни, создававшейся въ православномъ обществѣ въ результатѣ дезертирства могущественныхъ и власть имущихъ. Въ примиреніи съ правительственными сферами, въ легализаціи своей церкви хотѣла найти прочныя опоры для борьбы съ этими нежелательными явленіями внутренней церковной жизни. А въ виду тѣсной связи, создавшейся въ послѣднее десятилѣтіе между этими іерархическими, церковными кругами и кругами козацкими, всѣ такія теченія въ церковной жизни и трепія вызываемыя ими, заслуживаютъ того, чтобы на нихъ остановиться подробнѣе. Они имѣли болѣе, чѣмъ только церковное значеніе ¹⁾.

¹⁾ Литература церковныхъ отношеній этого времени (1625—1630 г.) не особенно богата. Общіе курсы болѣею частью устарѣли, такъ какъ располагали очень неполнымъ матеріаломъ; это нужно

Я уже имѣлъ случай отмѣтить выше, что поставленная въ 1620—1621 гг. подъ козацкой опекой новая православная іерархія, когда прошли первые моменты энтузіазма для этого событія, замѣтила, что ей, этой такъ горячо желанной, у Бога вымоленной іерархіи, въ дѣйствительности не такъ легко найти себѣ мѣсто въ православномъ обществѣ, которое эти іерархи рассчитывали осчастливить своимъ появленіемъ. Православное общество за четверть столѣтія, минувшую со времени перехода въ унію епископовъ, привыкло обходиться безъ нихъ. Вопросы церковнаго управленія, подлжавшіе по старымъ традиціямъ духовнымъ властямъ, рѣшались мірянами, братчиками, православною шляхтою. Посмотрѣвшись на факты дезертирства, колебанія духовныхъ между православіемъ и уніей, на ихъ бѣгства „на сытные пироги“ панской ласки, братство и общество вообще старались какъ можно меньше оставлять въ рукахъ духовныхъ лицъ, какъ можно меньше давать поводовъ къ ихъ соблазну, хотѣли сами распорядиться всѣмъ и этимъ не могли не вызывать у болѣе способныхъ, болѣе энергичныхъ, болѣе самолюбивыхъ лицъ среди духовенства неудовольствія такими отношеніями, шедшими въ разрѣзъ съ правилами и практикою церкви.

„Церковь русская управляется противно природѣ: не клиръ править народомъ, а народъ клиромъ“, замѣчаетъ бывший кіевскій ректоръ, впоследствии отступившій отъ православія Бассіанъ Саковичъ, въ предисловіи къ книгѣ *Desideratus*, изданной въ

сказать даже объ Исторіи русской церкви м. Макарія (сюда относится XI томъ, изд. въ 1882 г. и доведенный до смерти Петра Могилы), не говоря о *Geschichte der Union* еп. Целепа (т. II 1881) и Исторіи западной русской церкви Чистовича (т. II, 1884). Только въ смыслѣ нѣкоторыхъ указаній и извлеченій изъ матеріаловъ могутъ быть полезны такія работы какъ Зубрицкаго Лѣтопись Львовскаго ставропигіального братства (Ж. М. Н. И. 1829), Кояловича—Литовская церковная унія, т. II (1861), Гарасевича—*Annales historiae ruthenicae* (1862)—собственно сборникъ матеріаловъ, какъ и Сводная галицко-русская лѣтопись Петрушевича (1874) и Добавленія къ ней (1891), Шараневича—*Patrusyat wschodni wobec kościoła ruskiego i Rzeczypospolitey polskiej* (*Rozprawy wydziału hist. akademii*, т. 8 и 10, 1879), *Likowski Historia unii kościoła ruskiego z kościołem rzymskim* (1875) и болѣе новая его работа *Unia brzeska*, 1897 (изд. 1907). Болѣе даетъ „Петръ Могила“ С. Годубева (т. I, 1883, съ многочисленными, хотя и не особенно исправно изданными прибавленіями). Новую и цѣнную обработку церковно политическихъ отношеній этихъ годовъ даютъ статьи П.

это время (1625). „Живя въ люблинскомъ братствѣ, посмотрѣлся я на то, какъ какіе нибудь хлопы квасники, корчмары выдаютъ священнику ризы, кресты, евангеліе, сами носятъ ихъ въ алтарь, своими нечистыми руками касаются вещей, на какія они и смотрѣть не достойны, а когда я имъ сдѣлалъ по этому поводу замѣчаніе, не только не видѣлъ, чтобы они исправились, но еще вызвалъ этимъ ихъ гнѣвъ противъ себя... Удивительная вещь, довѣряютъ братчики своимъ духовнымъ совѣсть, а ризъ, крестовъ, евангелія не могутъ довѣрять!“ Конечно, братчики могли бы весьма резонно и основательно пояснить такіе порядки, но по своему правъ былъ и Саковичъ и его единомышленники, когда съ точки зрѣнія духовенства, каноновъ церковныхъ раздражались такими отношеніями. И замѣчанія, дѣлавшіяся уніатами по поводу братскихъ порядковъ, безъ сомнѣнія находимъ горькій отвзвукъ въ самыхъ православныхъ духовныхъ сферахъ:

„Вы духовныхъ и монаховъ держите въ своей власти, сами по своей волѣ избираете ихъ и принимаете въ свое братство, сами судите и изгоняете тѣхъ, кто вамъ не угоденъ“, упрещаетъ уніатскій полемистъ виленскихъ братчиковъ. „До тѣхъ поръ вы своихъ духовныхъ хвалите, пока они вамъ кланяются, увиваются около васъ, исполняютъ ваши желанія, а если только кто нибудь изъ нихъ образумится да перестанетъ выслуживаться передъ вами, пусть уже самъ о себѣ заботится; на жалобы духовныхъ особъ ваши мірскіе суды не обращаютъ вниманія; хорошо, вѣроятно, помните, какъ старшины виленскаго-

Жуковича, собранныя въ V и VI выпускахъ его книги „Сеймовая борьба православнаго дворянства съ церковной уніей“ (1910—1912): Козацкій разгромъ и Куруковскій договоръ 1625 г.; Первый польскій сеймъ послѣ куруковскаго разгрома козаковъ; Кобринскій соборъ в Торунскій сеймъ 1626 года; Варшавскій сеймъ 1627 г. и его значеніе въ исторіи борьбы православныхъ съ уніей; Варшавскій сеймъ 1628 г. и крушеніе уніональныхъ плановъ Мелетія Смоглицкаго; Вопросъ о примиреніи православныхъ съ уніатами на Варшавскомъ сеймѣ 1629 г.; Кіевскій соборъ 1629 г.; Религиозно-церковный элементъ въ козацкомъ возстаніи 1630 г.; Православно-церковный вопросъ на предпоследнемъ сеймѣ царствованія Сигизмунда III. Кромѣ того въ Запискахъ петерб. акад. т. VIII (1911) вышли его же „Матеріалы для исторіи кіевского и львовскаго соборовъ 1629 г.“. Сюда же относятся: П. Орловскій Кіевскій соборъ въ 1629 г. (К. Старина 1905) и I. Крипякевич: Нові матеріали до історіи соборів 1629 р (Записки львов. т. 116, 1913).

братства, братчики-міряне, осудивъ одну духовную особу, освящали свои руки въ пресвитерской бородѣ“¹⁾).

То, что чувствовало православное духовенство въ своихъ столкновенияхъ съ братчиками, еще мучительнѣе должны были чувствовать православные епископы. Традиціи епископской власти, самоличной, автократической, не мирились съ новымъ братскимъ народоправствомъ. Развитие братствъ въ послѣдней четверти XVI в. толкнуло православный епископатъ въ 1590-хъ гг. къ болѣе тѣсному союзу съ свѣтской властью, съ католической церковью, чтобы у нихъ найти опору противъ этого народовластія (припомнимъ Балабана съ его борьбою съ братствомъ). Въ теченіе послѣдующей четверти столѣтія это братское народовластіе еще болѣе укрѣпилось и расширило свои компетенціи за счетъ епископской власти, угасавшей на всемъ почти просторѣ украинскихъ (и бѣлорусскихъ) земель. И по возобновленіи іерархіи, новые епископы, при всемъ уваженіи къ братскому институту, при всемъ признаніи его заслугъ передъ церковью, не могли не почувствовать очень живо и очень непріятно, какъ тѣсно и тяжело имъ придется уживаться съ этимъ развитіемъ братскаго народоправства.

И вотъ когда Мелетій Смотрицкій, второе лицо въ обновленной іерархіи, человекъ близкій по своему положенію і по духу митрополиту Іову, вскорѣ послѣ убійства Ісунцевича отправился на востокъ, къ православнымъ патріархамъ, то между прочимъ получилъ отъ м. Лова порученіе представить патріархамъ, а главное—патріарху переградскому, какъ главѣ украинской церкви, вредныя послѣдствія децентрализаціи, системы церковныхъ иммунитетовъ, „ставропигій“, широко развитой патріархами за послѣднія десятилѣтія въ украинско-бѣлорусской церкви и подрывавшей іерархическую власть митрополита и епископовъ, внося дезорганизацію и анархію въ церковную жизнь²⁾).

¹⁾ Zmładanie schizmatykom brackim, 1680.

²⁾ Что это было порученіе митрополита, на это хотя не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній въ документахъ, но сомнѣній тутъ не можетъ быть. Нужно помнить, что для митрополита это былъ очень важный вопросъ, а Смотрицкаго лично онъ не затронулъ. Позже, когда Смотрицкій скомпрометировалъ себя переходомъ въ унию, православные полемисты ставили ему въ упрекъ, что онъ самъ выдумалъ такое порученіе. „Онъ поддѣлалъ себѣ грамоты отъ имени всей Руси, духовныхъ и свѣтскихъ особъ, и съ ними отправился въ Іерусалимъ и въ другимъ патріархамъ, и

Представленія эти, поддержанныя очевидно соответственными приношеніями, были приняты патриархами. Константинопольскій патриархъ издалъ распоряженіе, чтобы церкви и монастыри, получившіе теперь, въ послѣднее время и раньше права и титуль ставропітій, впредь ставропітіями не назывались и не управлялись сами собой, а находились бы подъ общей властью своихъ архіереевъ ¹⁾).

Это было очень важное распоряженіе, но оно вызвало крайнее раздраженіе среди всѣхъ заинтересованныхъ—братствъ и ставропітійскихъ монастырей, то есть важнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ православныхъ учреждений. Гнѣвъ ихъ обрушился въ первую голову на Смотрицкаго. Печерскій архимандритъ З. Константинопольскій не могъ конечно благодушно встрѣтить такого покушенія на ставропітіальныя права своего монастыря: онъ не принялъ Смотрицкаго, когда тотъ прибылъ съ этою грамотою въ Кіевъ, зимою 1625—6 г., и другихъ уговаривалъ, чтобы его къ себѣ не принимали ²⁾). Митрополитъ Іовъ, солидарный съ Смотрицкимъ и не имѣвшій возможности, очевидно, отказаться отъ своего участія въ этомъ инцидентѣ, принялъ Смотрицкаго у себя и старался по возможности защитить его; но общее раздраженіе переносилось и на него самого. Присланныя патриархами грамоты были объявлены фальсификатами. О митрополитѣ и о

тамъ, обманувъ патриарховъ, поддѣлавъ грамоты ко всей Руси, досталъ у нихъ подписи къ этимъ грамотамъ, а содержаніе ихъ было таково, чтобы съ этого времени отъ нашей Руси не шли никакія апелліаціи къ константинопольскому патриарху, а разбирались имъ (Смотрицкимъ) какъ экзархомъ и намѣстникомъ патриаршимъ“. Тамъ говорится въ одной болѣе поздней брошюрѣ (*Judicium to jest pokazanie cerkwie prawdziwey*, 1638, публ. у Головацкаго Библиографическія находки во Львовѣ, 1875). Но эти рассказы о поддѣлѣ Смотрицкимъ грамотъ не имѣютъ никакого значенія: патриархъ не опротестовалъ подлинности данной имъ грамоты и также подлинною, очевидно, была грамота „отъ всей Руси“. или можетъ быть отъ русскаго епископата, привезенная Смотрицкимъ къ патриархамъ. Смотрицкій, очевидно, не расходился съ истиною, заявляя, что издалъ онъ къ патриарху съ грамотами митрополита, съ его вѣдома и желанія. Дѣло объ экзархатствѣ Смотрицкаго приплетено сюда совсѣмъ некстати: оно не находилось ни въ какой связи съ вопросомъ о ставропітіяхъ, какъ показываетъ патриаршая грамота.

¹⁾ Голубевъ, П. Могила, приб. 46.

²⁾ *Paragenesis* Смотрицкаго с. 22.

владыкахъ расходились слухи, выставлявшіе въ подозрительномъ свѣтѣ ихъ правотѣрность и лояльность, заподозрѣвавшіе ихъ въ какихъ-то тайныхъ планахъ и интригахъ. Стали появляться какія-то „писанія ущипливыя“, выставлявшія епископовъ, а главнымъ образомъ митрополита и Смотрицкаго „отступниками“, и „в огиду и обридливость приводили“ ихъ среди православныхъ ¹⁾.

Чтобы опровергнуть эти слухи, митрополитъ со Смотрицкимъ сейчасъ же на заговѣнье, „подъ часъ былого въ Кіевѣ собору, передъ многимъ духовенствомъ, паны шляхтою, войтомъ, бурмистрами, райцами, брацтвомъ церковнымъ и всѣмъ посполствомъ православнымъ“, послѣшили дать „невинности и вѣрности своя певные знаки“, и на первой недѣлѣ поста, во время известной церемоніи православія, сдѣлали какія то торжественныя заявленія, имѣвшія уничтожить всякія подозрѣнія въ ихъ сочувствіи уни, въ склонности къ какимъ-либо компромиссамъ ²⁾. Но все это подозрѣній не убивало, и они продолжали расти. Въ маѣ митрополитъ выступилъ съ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ напоминая о своихъ предшествовавшихъ заявленіяхъ, увѣрялъ всѣхъ православныхъ „великоименитаго російскаго рода“, что онъ и Смотрицкій крѣпко стоятъ при православной церкви и восточныхъ патріархахъ,—„ани з апостатами жадного порозуменя і зради ихъ участництва не мѣлисмо, ани противъ церкви руское и противъ народу своего нѣкогда намовъ жадныхъ подступно не чинилисмо, ани чинити безъ волѣ божое и безъ волѣ всее церкви православныхъ не мыслимо“. По этому просятъ не вѣрити интригантамъ, желающимъ дискредитировать новопоставленную іерархію. Это дьявольская работа; цѣль ея—вновь лишивъ церковь пастырей, до „проклятого уницкого отступства и римское овчарня всѣхъ безъ труда загнати“ ³⁾.

Эти увѣщанія митрополита однако вліяли мало, такъ какъ вопросъ о ставроигіяхъ оставался нерѣшеннымъ. Братства и мо-

¹⁾ П. Могила, I приб. 43. ²⁾ Ibidem.

³⁾ П. Могила приб. 46. Проф. Голубевъ однако совершенно напрасно усматриваетъ въ этой записи капитуляцію митрополита передъ Печерскимъ монастыремъ (с. 135); слова: „прошенія о. архимандрита и всего собора разсудивши яко слушныя“—обычная капитулярская фраза, означающая лишь, что митрополитъ не противится желанію, чтобы грамоты эти были выписаны въ его митрополитанскіе акты, но это вовсе не санкція печерскихъ притязаній.

настыри отыскивали документы, утверждавшие ихъ ставропигіальныя права. Въ одной выпискѣ читаемъ, что печерская братія предложила митрополиту въ доказательство своихъ ставропигіальныхъ правъ грамоты патр. Максима и Рафаила¹⁾. Братства львовское и виленское послали своихъ пословъ къ патриарху, съ денежными подарками, чтобы отстоять свои права. Отъ патриарха они получили новую грамоту (помѣченную декабремъ 1626 г.); въ ней патриархъ разъяснялъ свою предыдущую грамоту въ томъ смыслѣ, что братства, надѣленные ставропигіальными правами отъ патр. Іереміи, какъ братства львовское и виленское, остаются и впредь при ставропигіальныхъ правахъ, а учрежденія получившія титулъ ставропигій позже, въ особенности отъ патр. Теофана—все должны подчиняться епископу своей епархіи, какъ обыкновенные монастыри и приходскія церкви²⁾.

Это разъясненіе, принесенное послами братствъ, должно было развѣять всякія сомнѣнія относительно подлинности патриаршаго распоряженія объ упраздненіи ставропигій, принесеннаго раньше Смотрицкимъ. Оно было, несомнѣнно, подлинное. Но внести примиреніе въ испортившіяся отношенія это разъясненіе не могло никакъ, такъ какъ длинный рядъ учреждений, и среди нихъ кievское братство и самъ Печерскій монастырь продолжали оставаться подъ сомнѣніемъ ихъ автономныхъ правъ. И неудовольствіямъ противъ митрополита и епископовъ и подозрѣніямъ въ тайныхъ неправославныхъ замыслахъ продолжали расти и развиваться.

Historia magistra vitae учила современниковъ примѣрами предыдущаго поколѣнія епископовъ, что стремленія къ полнотѣ іерархической власти является плохимъ симптомомъ для украинскаго епископата и сплошь да рядомъ увлекаютъ его на скользкій путь компромиссовъ съ правительствомъ и уіонныхъ уступокъ. И дѣйствительно наряду съ этой борьбой за полноту епископской власти противъ церковнаго партикуляризма и автономизма мы видимъ въ то же самое время среди выдающихся представителей украинской іерархіи несомнѣнныя тенденціи къ урегулированію

¹⁾ Ibid. прил. 43.

²⁾ Ibid. Голубевъ и тутъ идетъ слишкомъ далеко въ толкованіи грамоты, утверждая, будто бы патриархъ Теофанъ не имѣлъ права сообщать такихъ привиденій (с. 156); въ грамотахъ есть легкій стилистическій намекъ въ такомъ духѣ; но не категорическое утвержденіе.

своихъ отношеній къ правительству, къ примиренію съ уніей, къ религіозному компромиссу.

Разныя причины вліяли въ этомъ направленіи. Прежде всего — тяжелое положеніе новопоставленной іерархіи, все еще вынужденной „тѣсниться въ маленькомъ уголочкѣ на Украинѣ“, безъ возможности даже явиться въ своихъ епархіяхъ, не говоря уже о свободномъ отправленіи своихъ епископскихъ функцій. Одни оставались епископами безъ вѣрныхъ, *in partibus*; другіе соскучившись своимъ фальшивымъ положеніемъ, шли искать болѣе благопріятныхъ условій въ другихъ мѣстахъ, какъ извѣстный намъ Езекииль Курцевичъ, эмигрировавшій въ 1625 г. въ Московское государство и получившій тамъ архіепископство суздальское. Безнадежность сеймовой борьбы въ интересахъ православной церкви, безплодность козацкихъ петицій и переговоровъ въ интересахъ новой іерархіи должны были вызвать сильный упадокъ духа. Непримиримая позиція правительственныхъ круговъ; непрерывное ослабленіе всѣхъ прочихъ элементовъ, на которые опиралась православная церковная жизнь, за исключеніемъ однихъ только козаковъ; неустанная гроза репрессій, безъисходность борьбы — все это вызывало малодушныя мысли о компромиссѣ, объ его неизбѣжности и желательности.

Борьба православія и уніи на живомъ тѣлѣ украинскаго и бѣлорускаго общества также страшила своими перспективами. Обѣ стороны напрягали и тратили всѣ свои силы въ этой братоубійственной борьбѣ, оставляя изъ-за нея въ забросѣ жизненные потребности культурнаго и національнаго развитія, а за ихъ счетъ разрасталось католичество, элементъ польскій. Съ посѣва церковнаго междоусобія, посѣяннаго между Русью, собирали жатву полонизація, католичество и праздновали свои триумфы надъ Русью, все болѣе и болѣе приходившей въ упадокъ. Украинскій элементъ вытѣснялся все болѣе на далекій планъ политической и общественной жизни. Давно не стало уже православныхъ среди сенаторовъ, да и среди земскихъ сановниковъ все рѣже можна было встрѣтить чловѣка, еще не порвавшаго связи съ украинскою народностью. Достаточно было, чтобы среди кандидатовъ на освободившуюся должность нашлся одинъ католикъ, и различные ревнители католической вѣры прилагали всѣ старанія, чтобы именно ему добыть отъ короля назначеніе¹⁾.

¹⁾ См. напр. письмо одного католическаго епископа къ королю отъ 1627 г., съ ходатайствомъ о кандидатѣ на судейство кiev-

Православное общество все болѣе переходило въ сѣрую массу, лишённую сколько-нибудь вліятельныхъ и сильныхъ личностей. Но еще меньше было ихъ среди униатовъ. Униатскую церковь правительство поддерживало, но среди польскаго общества съ ней еще меньше считались, чѣмъ съ православной. Она не была силой, за ней не стоялъ никто; эта захирѣвшее, безсильное тепличное растеніе не имѣло тогда еще никакой жизненной силы. Шляхтичь-униатъ былъ величайшей рѣдкостью; высшее униатское духовенство вербовалось изъ священническихъ, мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей, и въ эту точку такъ злобно били православные полемисты, доказывая, что не смотря на всю протекцію униіи нельзя даже на епископскія мѣста найти униатовъ-шляхтичей¹⁾. Все, что отрывалось отъ украинской жизни въ шляхетско-мѣщанскихъ сферахъ, уходило непосредственно въ католичество. Въ магнатскихъ сферахъ въ 1620—1630 годахъ не было уже почти никакой Руси, ни православной, ни униатской. Повторялось то самое съ Киевской и Браславской землею, даже съ Волинью, что въ предыдущихъ столѣтіяхъ постигло Западную Украину, и не нужно было быть очень внимательнымъ наблюдателемъ этого процесса, чтобы понять, куда и къ чему онъ ведетъ.

Сторонникамъ компромисса казалось, что объединеніемъ церкви православной и униатской, этихъ двухъ „русскихъ“ церквей, можно предупредить этотъ прогрессивный параличъ „русскаго“ организма. У главныхъ защитниковъ соглашения этого времени, 1620 г., Саковича и Смотрицкаго, эта нота звучитъ довольно опредѣленно и сообщаетъ специальный интересъ этимъ неудачнымъ попыткамъ религіознаго соглашения. „Мы дѣти одного отца, сыны одной матери—зачѣмъ нарушаемъ согласіе, зачѣмъ одни другихъ живыми отправляемъ въ адъ, зачѣмъ одни другихъ проклинаямъ“, восклицаетъ Саковичъ въ предисловіи къ своему „Деиздерозу“ (1625). Примиреніе униатовъ съ неунитами для Смотрицкаго—это „объединеніе Руси съ Русью“¹⁾.

Выражая свое удивленіе по поводу того, что православные

ское Аксакѣ: воевода Замоѣскій и епископъ рекомендуютъ его какъ хорошаго католика и просятъ дать ему назначеніе, такъ какъ w tychsam krajach nie mamy wiele katolików (II. Могіла I приб. 48).

¹⁾ См. выше, с. 168-9.

²⁾ Wypaleś zjednoczenia Rusy z Rusią, to iest nieunitow z unitami—Протестація Смотрицкаго (II. Могіла приб. с. 324).

принялись так усердно умыть руки свои отъ всякаго участія въ попыткахъ примиренія, Смотрицкій пишетъ Лаврентію Древинскому, крупнѣйшему православному парламентаристу этого времени (осенью 1628 г.): „Достаточно было бы какъ твоей милости самому, такъ и намѣстнику моему отцу Іосифу, а прежде всего преосвященному нашему господину е. милости ¹⁾, господину отцу архимандриту печерскому ²⁾ и еще кое-кому спросить самихъ себя по совѣсти, какъ это у насъ у всѣхъ чуть ли не ежедневнымъ прилѣвомъ отъ чистаго сердца къ Господу Богу было: „дай намъ, Господи Боже, Руси съ Русью прийти къ соглашенію ³⁾, чтобъ уже болѣе не итти намъ къ упадку и истребленію народа нашего, въ особенности въ сословіи шляхетскомъ. Часто бывалъ объ этомъ между вами, православными послами, частный разговоръ во время сеймовъ—какія бы устроить для этого средства. Было это какъ сквозь сонъ трактовано три года тому назадъ въ Вильнѣ. Публично были обсуждаемы вашими милостями на прошломъ сеймѣ въ 1627 г. способы сношеній обѣихъ сторонъ черезъ посредство извѣстныхъ лицъ, и твоя милость взялся повидаться со мной для устнаго разговора по этому дѣлу“ и т. д. ⁴⁾.

Конечно, мы съ своей стороны можемъ сильно сомнѣваться въ пользѣ такого компромисса православія съ уніей при тѣхъ условіяхъ, когда унія не являлась еще никакимъ проявленіемъ народной жизни, а только компромиссомъ съ польскимъ католическимъ режимомъ, компромиссомъ безхарактерности и малодушія. Православіе въ то время было единственной формой устойчивости украинскаго элемента въ сферѣ культурно-національной, и всякій компромиссъ его съ уніей означалъ бы не укрѣпленіе его, а ослабленіе силы сопротивленія. И всѣ разсужденія о спасительныхъ послѣдствіяхъ новаго компромисса были прежде всего проявленіями того-же малодушія и беземлія передъ правительственными репрессіями среди православныхъ іерархическихъ и всякакъ иныхъ высшихъ круговъ.

Въ цитированномъ письмѣ къ Древинскому Смотрицкій называетъ своими единомышленниками прежде всего митрополита и

¹⁾ Митр. Іову. ²⁾ П. Могилѣ.

³⁾ „О, дай намъ, Господи Боже, Русь з Русью до помѣриванія прийти“.

⁴⁾ П. Могила I, приб. 56.

новаго печерскаго архимандрита П. Могилу (выбраннаго на этотъ постъ въ 1627 г.), и затѣмъ глухо упоминаемъ о другихъ. Несомнѣнно, этихъ единомышленниковъ было немало. Но и они, и самъ митрополитъ съ архимандритомъ остановились на опасномъ пути, когда съ такой силой прорвалось общее недовольство противъ этихъ плановъ среди украинскаго общества. Смотрицкій не успѣлъ остановиться и прошелъ свой путь до конца, понавъ изъ роли миротворца въ роль отступника, и это была одна изъ многочисленныхъ трагедій того времени, обращающая на этотъ разъ вниманіе на себя потому, что захватила значительнѣйшую литературную и учебную силу тогдашней Украины. Смотрицкій самъ рассказалъ намъ ея исторію¹⁾, но къ сожалѣнію уже значительно позже, приводя въ одному знаменателю ея начало съ тѣмъ положеніемъ, къ которому онъ пришелъ въ концѣ концовъ, достаточно, вѣроятно, неожиданно для самого себя; онъ не выясняетъ всѣхъ перипетій, какія пришлось ему пройти совершенно независимо отъ своихъ первоначальныхъ намѣреній и плановъ. Но исторія эта во всякомъ случаѣ бросаетъ интересный свѣтъ на компромиссныя теченія, развивавшіяся въ высшихъ іерархическихъ сферахъ въ эти годы.

Саковичъ прошедшій тотъ же путь, какой судьба послала Смотрицкому²⁾, только въ формахъ болѣе упрощенныхъ, болѣе вульгарныхъ и менѣе трагическихъ, первый пустилъ слухъ, хотя и въ довольно неясной формѣ, о примирительныхъ планахъ православныхъ и о роли въ нихъ Смотрицкаго. Оставивъ въ 1624 г. Кіевъ и перейдя въ Люблинъ, а въ 1625 г. пріѣхавъ оттуда въ Краковъ и уже рѣшивъ повзвать съ православными, въ виду обѣщаній, сдѣланныхъ ему могущественнѣйшимъ протекторомъ уніи, наслѣдникомъ Острожскихъ кн. Александромъ Заславскимъ, Саковичъ выпустилъ въ этомъ году цитированную уже книгу *Desiderosus*.

Въ предисловіи къ ней, выступая съ проповѣдью примире-

¹⁾ Прежде всего въ книгѣ *Apologia peregrinacyi do kraioiw wschodnich M. Smotryskiego* (изд. во Львовѣ въ 1628); затѣмъ въ Протестаціи противъ кievскаго собора перепечат. у Голубева П. Могила I приб. 57), *Exaetesis abo Expostulatia t. j. rozprawa między Apologią y Antidotem*, напеч. во Львовѣ) и наконецъ *Parænesis abo Napominanie od w Bogu wiel. M Smotrzyskiego do przeczasnego bractwa wileńskiego* (напеч. въ Краковѣ), 1629 г.

²⁾ О Саковичѣ см. выше с. 129-30.

нія православія съ уніей для общей позитивной работы въ интересахъ культурнаго развитія народа, какъ онъ выразился бы по теперешнему, Саковичъ впервые намекнулъ на какія-то мѣропріятія для успокоенія религиозной борьбы. Упомянувъ съ похвалами о Смотрицкомъ, находившемся тогда на Востоку, онъ желаетъ успѣха его планамъ: „изъ за любви къ правдѣ принявъ въ душѣ своей благородныя рѣшенія относительно успокоенія нашей религіи, онъ добровольно предпринялъ путешествіе туда, откуда должны выйти полномочія и позволенія на рѣшеніе этихъ вопросовъ и своимъ счастливымъ возвращеніемъ онъ развеетъ ложныя слухи о себѣ“.

Въ этихъ словахъ заключался намекъ на то, что миссія Смотрицкаго къ патріархамъ имѣла цѣлью также добиться разрѣшенія на „успокоеніе религиозной борьбы“, то есть—на компромиссъ съ уніей. Самъ Смотрицкій не далъ болѣе подробныхъ объясненій относительно своихъ плановъ на Востокъ. Въ „Апологій“ онъ говоритъ, что отправляясь на Востокъ, хотѣлъ убѣдиться, насколько наше православіе вѣрно традиціямъ восточной церкви. Но можетъ быть ближе къ истинѣ его слова въ письмѣ къ константинопольскому патріарху (хотя и написаны они совсѣмъ не съ искренними, наоборотъ—такъ сказать съ провокаціонными намѣреніями). Онъ пишетъ тутъ, что его заинтересовали сочиненія уніоннаго характера, обращающіяся на Украинѣ съ именами патріарховъ (поддѣланныя католиками), и онъ думалъ на Востокъ ближе познакомиться съ этими произведеніями¹⁾. Смотрицкій могъ надѣяться, что его уніонныя идеи, изложенныя имъ въ нѣсколькихъ произведеніяхъ уже передъ тѣмъ и положенныя въ основу „Катехизиса“, который онъ везъ съ собою, въ надеждѣ получить для него одобреніе патріарховъ,—найдутъ въ патріаршихъ сферахъ известное сочувствіе, и это послужитъ опорой въ агитаціи на Украинѣ и Бѣлоруси въ пользу уніи въ разрѣзъ съ суровыми старовѣрами-ортодоксами. Но надежды эти не оправдались, и Смотрицкій, не осмѣлившись даже завести какихъ нибудь рѣшительныхъ разговоровъ на эту тему въ патріаршихъ кругахъ, не предложивъ своего катехизиса, отправился обратно съ тѣмъ убѣжденіемъ, что на патріарховъ въ этомъ дѣлѣ нечего рассчитывать и нужно проводить унію независимо отъ нихъ.

¹⁾ Письмо у Суши, *Saulus et Paulus* с. 70—82.

Въ сожалѣнію, Смотрицкій не открылъ намъ, насколько въ этихъ планахъ брало участіе православное духовенство. Въ этомъ отношеніи онъ вообще былъ довольно сдержанъ, можетъ быть изъ тактическихъ побужденій—такъ какъ не терпѣлъ надежды, что на путь уніи раньше или позже вступятъ и другіе іерархи (Смотрицкій такъ и умеръ среди этихъ компромиссныхъ плановъ и переговоровъ). Несомнѣнно, есть извѣстная идейная связь, извѣстная градація отъ его развѣдокъ на Востокъ до попытокъ осуществленія общаго собора православныхъ и уніатовъ на Украинѣ, рѣшительно отвергавшагося православными раньше на томъ основаніи, что безъ участія патріарховъ соборъ не можетъ состояться, между тѣмъ какъ теперь православные іерархи считали возможнымъ организовать такой соборъ безъ великихъ патріарховъ. Не говоря уже о планѣ основанія самостоятельнаго патріархата соединенной православно-уніатской украинско-бѣлорусской церкви, все это указываетъ на извѣстную тенденцію, болѣе глубокую и сознательную покладку во всѣхъ этихъ, часто малопонятныхъ и неясныхъ выступленіяхъ.

Проектъ собора для соглашенія православныхъ съ уніатами, какъ уже знаемъ ¹⁾, выставленъ былъ съ украинской стороны на сеймѣ 1623 г., но тогда онъ столкнулся съ рѣшительной оппозиціей православныхъ епископовъ. Они заявили, что соборъ этотъ не можетъ состояться иначе, какъ подъ руководствомъ константинопольскаго патріарха, да и не о чемъ разсуждать на такомъ соборѣ, такъ какъ для религіозныхъ диспутовъ на немъ нѣтъ собственно никакихъ основаній. Затѣмъ на новомъ сеймѣ, собравшемся въ январѣ 1626 г., когда дѣло „греческой вѣры“ снова было включено въ число домогательствъ посольской палаты ²⁾, король снова повторилъ свое мнѣніе, что удовлетвореніе религіознаго вопроса должно начаться съ церковнаго собора, на которомъ бы обѣ стороны поискали почву для соглашенія между собой. Когда православные депутаты заявили, что такого собора не принимаютъ, и посольская палата передала королю, что не считаетъ это рѣшеніемъ вопроса, король категорически заявилъ, что считаетъ это соборное соглашеніе единственнымъ путемъ, и съ своей стороны находитъ возможнымъ только

¹⁾ См. с. 240.

²⁾ Публ. библ. Пол. Б. IV N 66 с. 61, тексты въ украинскомъ изданіи.

подтвердить то, до чего такой соборъ договорится. И черезъ три недѣли послѣ сейма король издалъ грамоту, въ которой назначалъ на осень того же года (1626) соборъ „религiи кгрецкоѣ“ для обезужденiя „потребъ и покою церковного“, в г. Кобринѣ¹⁾.

Грамота издана была по просьбѣ митроп. Рутскаго, и объ участiи въ соборѣ православныхъ не упоминалось опредѣленно (грамота адресована была къ „стану духовному и свѣтскому редѣи греческое“, что можно было относить и къ униатамъ и православнымъ вмѣстѣ, и только къ униатамъ). Но цѣль собора—переговоры и соглашенiе униатовъ съ православными была, конечно, для всѣхъ ясна и извѣстна. Позже униаты даже укорили православныхъ въ томъ, что они сами просили короля назначить этотъ соборъ, а потомъ не явились. Униаты, дескать, ждали, ждали и не дождались. Православные оправдывались тѣмъ, что въ королевской грамотѣ не упоминалось объ участiи православныхъ²⁾.

Общее неудовольствiе противъ митрополита и его ближайшихъ товарищей въ возникшемъ тогда вопросѣ о ставропигiяхъ, подозрѣнiя въ тайномъ соглашенiи съ униатами, отъ которыхъ митрополитъ долженъ былъ публично отречься и отрещиваться,— все это достаточно поясняетъ намъ его уклоненiе отъ всякаго участiя въ соборѣ, хотя бы даже среди православной iерархiи было какое-нибудь желанiе къ тому³⁾. Формальнымъ поводомъ послужило то обстоятельство, что правительство къ православной iерархiи непосредственно не обратилось. Однако въ своемъ письмѣ къ московскому правительству митроп. Говъ, рассказывая объ уклоненiи православныхъ отъ участiя въ этомъ соборѣ, представлялъ дѣло такъ, что православные отказались повиноваться даже какому то опредѣленному призыву правительства⁴⁾. И тутъ, очевидно, онъ постарался по возможности подчеркнуть свое сопротивленiе компромисснымъ планамъ—въ виду слуховъ о его склонности къ нимъ.

¹⁾ Акты Зал. Рос. IV № 226.

²⁾ *Jedność zwięta cerkwie Wschodniey i Zachodniey*, униатская брошюра 1632 г. (вильенская печать), цитата у Голубева П. Могила I с. 91—2.

³⁾ Въ своемъ Паренезисѣ (с. 30) Смотрницкiй напоминалъ вильенскому братству, что уже тогда, въ 1626 г. оно также ргзу-kladałoś się do tej zbawienney sprawy, но затѣмъ уклонилось.

⁴⁾ Архивъ Ю. З Р. I. VI ч. 233.

Тѣмъ временемъ Смотрицкій, почувшившись подъ бойкотомъ за свою роль въ дѣлѣ ставропигій, не имѣя смѣлости уже обращаться къ своему прежнему приближенцу—виленскому братству и не находя нигдѣ пристанища—оказался вынужденнымъ просить милости у католической стороны. Въ концѣ года онъ вошелъ въ переговоры съ кн. Янушемъ Заславскимъ и просилъ его ходатайствовать передъ сыномъ, кн. Александромъ, известнымъ уже намъ протекторомъ уніи, чтобы онъ далъ ему Дерманскій монастырь, находившійся во владѣніи Острожскихъ. Кн. Александръ поставилъ условіемъ, что Смотрицкій перейдетъ на унію; такъ совѣтовалъ ему Рутскій, запрошенный княземъ, да и самому князю это условіе должно было казаться необходимымъ. Смотрицкій согласился на это условіе, и князь обѣщаль предоставить ему монастырь. Но затѣмъ, раздумавъ, онъ захотѣлъ получить отъ кандидата нѣчто большее чѣмъ простое словесное согласіе, и написалъ ему интересное письмо¹⁾, въ которомъ напомнилъ ему предыдущія религіозныя колебанія и высказаль желаніе, „для своего спокойствія“, чтобы Смотрицкій далъ ему письменное свидѣтельство своего перехода на унію.

Смотрицкій не только исполниль это, но и обѣщаль активно поработать *ad majorem Dei gloriam*, и для этого просилъ свести его съ митроп. Рутскимъ. Желаніе его было исполнено. Лѣтомъ 1627 г. Рутскій съѣхался съ Смотрицкимъ. Выполнивъ формальности своего перехода на унію, Смотрицкій высказаль желаніе, чтобы папа позволяль ему сохранить на нѣкоторое время въ тайнѣ переходъ въ унію, чтобы ему можно было и впредь по внѣшности оставаться православнымъ епископомъ и въ этой роли *pallo schismatis latens* (прикрываясь плащомъ схизмы) проводить свои планы на пользу уніи. А именно, по его словамъ, онъ предполагаль поставить константинопольскому патріарху рядъ догматическихъ вопросовъ, рассчитывая, что въ своихъ отвѣтахъ патріархъ обнаружитъ неправославность своихъ взглядовъ (въ своихъ константинопольскихъ бесѣдахъ Смотрицкій, по его словамъ, убѣждался въ „еретичествѣ“ патріарха). Основываясь на этомъ, онъ надѣялся подорвать авторитетъ патріархата въ глазахъ православной Украины и Бѣлоруси. Далѣе, пользуясь сво-

¹⁾ Отрывки изъ него въ біографіи Смотрицкаго написанной Сушей, гдѣ эта исторія разсказана подробно (*Saulus et Paulus* 35—69).

ей популярностью и авторитетомъ среди православныхъ, онъ, Смотрицкій, предполагалъ вести среди нихъ пропаганду униі, толкуя въ этомъ смыслѣ западныхъ и восточныхъ отцевъ церкви, онъ задумывалъ въ этомъ духѣ издать книгу о своемъ путешествіи на Востокъ и православный катехизисъ, но чтобы обезпечить его вліяніе на православныхъ, это изданіе необходимо провести черезъ православную цензуру, а для этого Смотрицкому нужно для вида не разрывать съ православными. Наконецъ онъ намѣренъ склонять православныхъ къ общему собору съ униатами; это не удавалось до сихъ поръ, а было бы полезно—Смотрицкій надѣется склонить къ этому плану самыхъ вліятельныхъ лицъ, если останется для вида православнымъ ¹⁾).

Рутскій представлялъ папѣ эти планы и пожеланія Смотрицкаго и папа отнесся къ нимъ съ большимъ сочувствіемъ, пожелавъ всякаго успѣха намѣреніямъ Смотрицкаго относительно православныхъ.

Однако интрига, задуманная Смотрицкимъ противъ константинопольскаго патріарха, ему не удалась. Смотрицкій написалъ патріарху письмо (въ августѣ тогоже 1627 г.), наполненное всевозможной лирикой, комплиментами, и въ немъ кромѣ различныхъ коварныхъ вопросовъ между прочимъ уговаривалъ патріарха выступить съ инициативой примиренія православныхъ съ униатами, чтобы вывести православныхъ изъ теперешняго положенія и безправія въ польскомъ государствѣ ²⁾). Но патріархъ среди этихъ сердечныхъ выдыханій и жалобъ, вѣроятно, уловилъ фальшивую ноту и оставилъ письмо Смотрицкаго безъ отвѣта.

Болѣе вѣрный успѣхъ, какъ казалось, ожидалъ Смотрицкаго въ его агитациі среди украинской іерархіи въ пользу церковнаго собора—онъ долженъ былъ послужить ему исходной точкой въ проповѣди соглашенія съ униію. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Древинскому, какъ мы видѣли, Смотрицкій вспоминалъ, какъ Борецкій, Могила и другіе вздыхали о какомъ то соглашеніи „Руси съ Русью“. Въ своей „Протестаціи“, при всей сдержанности въ отзывахъ о своихъ бывшихъ и еще не безнадежныхъ союзникахъ, Смотрицкій преговорился о толерантности къ католической церкви, обнаруженной въ разговорахъ съ нимъ Борец-

¹⁾ *Postulata m. Smotrisicii*, Архивъ западнор. митроп.—у Голубева с. 152.

²⁾ Письмо у Суши *Saulus et Paulus* с. 70—82.

кимъ, считавшимъ соединеніе съ нею дѣломъ легкимъ, лишь бы только уладить вопросъ о календарѣ, являющемся наибольшимъ камнемъ преткновенія для простаго народа. По словамъ Смотрицкаго, Борецкій еще въ 1625 г. работалъ надъ этимъ календарнымъ вопросомъ и упоминалъ при случаѣ, что нашелъ легкій способъ привести къ соглашенію оба календаря. Также и о Могила Смотрицкій говоритъ, что онъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ его письму къ константинопольскому патриарху, гдѣ были выражены тѣ же мысли, что въ Анологіи, и самъ отзывался о соглашеніи „сочувственно и хорошо“¹⁾.

Съ Могилою Смотрицкій видѣлся лѣтомъ этого года. Могила былъ тогда уже несомнѣннымъ кандидатомъ на печерскую архимандрію, то есть на самую сильную позицію тогдашней православной церкви, и въ виду этого, а также благодаря своимъ связямъ въ польскихъ магнатскихъ сферахъ являлся первой особой среди православныхъ. Смотрицкій пробылъ у него около двухъ недѣль и нашелъ его очень расположеннымъ принять его идеи. Могила „очень толерантно отзывался о римской церкви и ея отличіяхъ отъ православныхъ“, доносилъ Смотрицкій Рутскому²⁾.

Соборъ, или точнѣе говоря съѣздъ, задуманный Смотрицкимъ, состоялся на Рождество Богородицы (1627 г.) въ Киевѣ, въ тѣсномъ кругу. Изъ болѣе выдающихся лицъ, кромѣ Смотрицкаго, присутствовали только Борецкій и Могила, только что избранный уже на архимандрію печерскую. Совѣщанія велись очевидно въ томъ же примирительномъ направленіи. Смотрицкій упомянулъ о своемъ катехизисѣ, и Борецкій съ Могилою просили представить его въ церковную цензуру, чтобы затѣмъ напечатать для широкаго распространенія. Смотрицкій обѣщалъ, но заявилъ, что прежде чѣмъ предложить цензурѣ свой катехизисъ, онъ находитъ полезнымъ выпустить въ свѣтъ свой трактатъ, въ которомъ рассмотрѣны были бы „тѣ шесть различій, какія существуютъ между церковью восточной и западной“, — „чтобы благодаря этому легче и успѣшнѣе могла пройти цензура“. И этотъ планъ былъ принятъ. На сколько Смотрицкій при этомъ раскрылъ свои

¹⁾ Протестація с. 334 и 338 (эти отрывки приведены ниже, въ гл. V).

²⁾ Письмо у Кояловича Литовская церковная унія II прим. 216.

планы, онъ не говоритъ; но по мысли его, проектированный трактатъ „толерантнымъ“ обсужденіемъ религіозныхъ различій, а еще болѣе (какъ показала затѣмъ Апологія, развившаяся потомъ изъ этого трактата)—перспективой всечеловѣческихъ благодатей, которыя имѣлъ принести съ собою религіозный компромиссъ, очевидно, долженъ былъ проторить дорогу катехизису, а катехизисъ, составленный въ томъ же уніонномъ духѣ—содѣйствовать осуществленію религіознаго компромисса.

Чтобы приготовить настроеніе среди широкой публики, Смотрицкій распускалъ слухи о существующихъ въ уніатскихъ кругахъ стремленіяхъ къ тому, чтобы отдѣлявшись отъ Рима, соединиться вновь съ православными. Имѣемъ его письмо, писанное виленскимъ братчикамъ осенью этого года, гдѣ онъ *подъ секретомъ* извѣщаетъ ихъ о пробадѣ по дорогѣ въ Кіевъ посредника, отправленнаго къ митрополиту и владыкамъ отъ м. Рутскаго и прочихъ уніатскихъ іерарховъ, монаха Ив. Дубовича. Этотъ Дубовичъ просилъ м. Іова и Смотрицкаго съѣхать съ Рутскимъ, чтобы сговориться съ нимъ въ виду того, что уніатскіе епископы рѣшили отложиться отъ папы и вернуться обратно подъ власть константинопольскаго патріарха и желали бы войти въ переговоры съ православными епископами для выясненія, какъ бы это наилучше устроить „охраняя духовныя и свѣтскія права“. Православные епископы высказали свое удовольствіе по поводу такого намѣренія, но вмѣсто съѣзда съ Рутскимъ просили прислать имъ письменныя предложенія, и Дубовичъ обѣщалъ вскорѣ прибыть съ ними. Увѣдомляя братчиковъ объ этомъ, Смотрицкій одновременно доводилъ до ихъ свѣдѣнія, что въ правительственныхъ кругахъ возникъ проектъ образованія самостоятельнаго патріарха для земель украинскихъ и бѣлорусскихъ. Смотрицкій просилъ обсудить этотъ вопросъ, а отъ себя выражалъ мысль, что противиться такому проекту православные не могутъ—для этого нѣтъ никакихъ аргументовъ („жадное слушности в отпор мети не могутъ“) ¹⁾.

Приходилось дѣйствительно всѣми средствами обрабатывать общественное мнѣніе, такъ какъ о подозрительныхъ переговорахъ православныхъ епископовъ съ уніатскими уже начинали ходить

¹⁾ Письмо это было вписано, не смотря на свою секретность, въ дущія ветовыя книги и по этой коніи издано въ Архивѣ Ю. В. Р. I. VI ч. 244.

слухи. Исаія Копинскій, одинъ изъ непримиримыхъ противниковъ всякихъ новшествъ, разузнавъ о сношеніяхъ Смотрицкаго и Борецкаго съ Рутскимъ, разослалъ посланія православнымъ, извѣщая ихъ объ этихъ сношеніяхъ, о планахъ уніи среди православныхъ епископовъ и предостерегалъ отъ Борецкаго и Смотрицкаго ¹⁾). Борецкій былъ очень этимъ разстроенъ, жаловался на эти подозрѣнія передъ московскимъ правительствомъ, жаловался на Копянского передъ Вишневецкимъ, патрономъ задѣпровскихъ монастырей Копинскаго. Но пачатія дѣйствія не прерывались, а развивались далѣе. Изъ сеймоваго дневника 1627 г. узнаемъ, что тогда, во время сейма, въ Варшавѣ велись переговоры между уніатской и православной стороною и въ 20-хъ числахъ ноября соглашеніе между ними, казалось, было достигнуто; бискупъ виленскій заявилъ, что религиозный вопросъ будетъ улаженъ— „мы этимъ занимаемся“ ²⁾). Однимъ изъ ближайшихъ участниковъ этихъ переговоровъ и надеждъ на соглашеніе былъ, несомнѣнно, извѣстный украинскій парламентаристъ, волынский депутатъ Лавр. Древинскій.

Передъ великимъ постомъ, въ февралѣ 1628 г. Смотрицкій видѣлся снова съ Могилой: Могила отдалъ ему визитъ въ Дермани и у Смотрицкаго получилось очень хорошее впечатлѣніе отъ разговоровъ съ нимъ—онъ писалъ Рутскому, что на Могилу можно рассчитывать въ вопросѣ о примиреніи церкви ³⁾). Затѣмъ передъ Пасхой въ Городкѣ на Волини, въ имѣніи почерскаго монастыря (около Ровно) съѣзжались съ Смотрицкимъ православные епископы—кромѣ Борецкаго и Могилы еще Исаакій Борисковичъ и Паисій Ипполитовичъ, и здѣсь по словамъ Смотрицкаго о соглашеніяхъ съ уніатами говорилось уже довольно откровенно. Смотрицкій предложилъ свой обѣщанный трактатъ о различіяхъ между восточной и западной церковью. Такими различіями онъ считалъ ученіе объ исхожденіи св. Духа, чистилище и ученіе о блаженствѣ праведныхъ, употребленіе оплатокъ при причастіи и причащеніе мірянъ безъ чаши, и главенство па-

¹⁾ Письмо Смотрицкаго къ Рутскому у Кояловича Литовская церковная унія II прим. 216.

²⁾ Дневникъ сейма въ краков. унив. библіотекѣ № 166, извлеченія у Жукевича ор. с. V с. 128, тамже на с. 134 проектъ сеймовой конституціи, предложенный, какъ онъ предполагаетъ, православной стороною.

³⁾ Письмо у Кояловича (см. выше).

ны¹⁾). Въ эти различія онъ находилъ незначительными и отчужденіе православныхъ отъ католиковъ и униатовъ считалъ результатомъ предразсудка, а не какихъ либо дѣйствительныхъ различій.

По словамъ Смотрицкаго собранные епископы также стали на этой точкѣ зрѣнія и серьезно обсуждали, какъ бы „безъ нарушения правъ и привилегій вѣры нашей найти способъ соединенія Руси съ Русью, то-есть униатовъ съ неуніатами“. Они рѣшили собрать соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и на немъ прежде всего заняться этимъ вопросомъ. Митрон. Іовъ долженъ былъ разослать частныя письма съ приглашеніемъ на этотъ соборъ, а Смотрицкому поручили написать записку, которая бы располагала къ участію въ соборѣ, и эту записку рѣшили опубликовать вмѣстѣ съ трактатомъ о различіи между восточной и западной церковью—о незначительности этихъ различій²⁾.

Дѣло новой униі, казалось, получало вполне серьезный оборотъ.

Параллельно съ такимъ компромисснымъ настроеніемъ въ духовныхъ сферахъ, стоявшихъ во главѣ современной церковной и національной жизни, такое же примирительное, оппортунистическое направленіе, какъ я уже отмѣтилъ, беретъ верхъ и въ національной украинской арміи—въ козацествѣ³⁾.

¹⁾ Трактатъ этотъ имѣемъ, можетъ быть только въ измѣненной редакціи, въ приложеніи къ *Apologia: Consideratiæ abo uwazania szesciu roznic miedzy Cerkwią Wschodną y Zachodną strony wiary zaszytych.*

²⁾ Объ этомъ рассказываетъ Смотрицкій въ своей Протестаціи П. Могилы приб. с. 324.

³⁾ Этотъ періодъ въ исторіи козачества не можетъ похвалиться особеннымъ вниманіемъ изслѣдователей, чему главной причиной нужно считать недостаточность и отрывочность нашихъ источниковъ до самаго послѣдняго времени. Собранія Антоновича (Архивъ Ю. З. Р. III. I), Костомарова (Акты Ю. З. Р.) и Кулиша (Материалы) даютъ лишь по нѣсколько интересныхъ документовъ; богаче содержаніемъ для этихъ годовъ сборникъ Пшиленцкаго *Україне sprawy, przyczynek do dziejów polskich, tatarskich i tureckich, 1842—собраніе писемъ 1627—1629 гг., въ сожалѣнію безъ означенія ихъ происхожденія*; другой сборникъ также Пшиленцкаго—*Ramiętniki o Koniecpolskich, 1839*, даетъ очень мало. Эти годы захватываютъ также сборники писемъ Збаражскаго и константинопольскія дещени, о которыхъ была рѣчь выше (с. 217). Не мало цѣнныхъ свѣдѣній принесли сборники московскихъ актовъ: Акты московскаго государства т. I и II и Донскія дѣла т. I (Русская историч. бібліотека т. 18,

Было это не только проявленіемъ упадка духа послѣ не, удачной кампаній—погрома широкихъ политическихъ плановъ—возникшихъ въ предыдущіе годы,—но также и результатомъ того, что правленіе въ войскѣ на нѣкоторое время захватила довольно прочно козачья буржуазія, „лучшіе люди“, какъ ихъ называли въ московскихъ реляціяхъ. Они заняли сильную позицію „на волости“, въ территоріи „городовой“, и опираясь на нихъ ихъ представитель гетманъ Дорошенко имѣлъ возможность вести примирительную политику по отношенію къ шляхетской Польшѣ. Была извѣстная связь въ этомъ параллелизмѣ оппортунизма іерархическаго и оппортунизма козачьяго, хотя компромиссная политика епископовъ вообще не встрѣчала сочувствія среди этой козачьей буржуазіи, и послѣдняя въ концѣ концовъ даже выступила съ протестомъ противъ нея. Все таки не оставалось безъ значенія и безъ вліянія на направленіе козачьей политики это обстоятельство, что духовныя сферы, раяѣ во имя національныхъ (церковныхъ) интересовъ понуждавшія козачество къ рѣшительной оппозиціи противъ правительства и расчищавшія путь украинскому преридентизму, теперь искали компромисса съ католической политикой

до 1640 г.), и наконецъ много цѣннаго матеріала далъ сборникъ И. Крипякевича—Матеріали до історіі української козаччини, 1908 (Жерела до історіі України-Руси т. VIII), до 1631 г. Мемуарно-лѣтописная литература для этого періода совсѣмъ бѣдна (Львовская лѣтопись, хроника Писецкаго, анонимные Pamiętniki do rapanowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza, дневникъ Велевицкаго и пр.) и для исторіи козачества даетъ мало.

Изъ общихъ работъ, болѣе раннихъ, наиболѣе давали предисловіе Костомарова къ Богдану Хмѣльницкому и Исторія Россіи Соловьева; немного прибавило къ нимъ Отпадціе Малороссіи Кулиша, немногимъ больше его Украинскіе козаки и паны въ двадцатилѣтіе предъ бунтомъ Хмѣльницкаго (кончается 1635 г.). Специальныхъ работъ почти не было до послѣдняго времени: указанная уже статья Gołebowski Szahin-giraj i kozacy (Bibl. Warszawska, 1852) и его же Stefan Chmielecki (ib. 1853), А. Л. (Ролле) Samuel Laszcz (въ V т. его историч. рассказовъ), К. Мельникъ Свѣдѣнія о походѣ въ Крымъ Михайла Дорошенка (Мемуары относящіеся къ ист. Юж. Руси, II). Затѣмъ въ 1899 г. вышла цѣнная работа С. Рудницкаго Українські козаци в 1625—1630 pp. (Записки львовскія т. XXXI), а съ 1909 начали выходить статьи П. Жуковича, излагавшія исторію козачества въ связи съ религіозно-политическими отношеніями этихъ годовъ, мимоходомъ, но съ привлеченіемъ новаго неизданнаго матеріала—онѣ перечислены выше, с. 215.

правительства. Одновременно съ тѣмъ, какъ среди самаго козачества получили преобладаніе теченія примирительныя, оппортунистическія, перестали дѣйствовать на ея оппозиціонную энергію стимулы, вліявшій на нее въ продолженіи предыдущихъ лѣтъ, а онъ исходилъ именно изъ этихъ церковно-національныхъ сферъ. И это, повторяю, не могло оставаться безъ вліянія и значенія.

Новопоставленный гетманъ Михаилъ Дорошенко усердно и искусно поддерживалъ передъ лицомъ правительства свою прежнюю репутацію „всегда благожелательнаго къ королю и Рѣчи Посполитой“ человѣка ¹⁾). Куруковскій трактатъ наложилъ на него тяжелую обязанность ввести козацій реестръ. Въ продолженіе шести недѣль, до 18 декабря 1625 г. нужно было пересмотрѣть козацкое войско, выбрать изъ него шесть тысячъ реестровыхъ и составить реестръ этого шеститысячнаго козацкаго войска. Въ теченіе двѣнадцати недѣль, до конца января 1626 г., козаки, проживавшіе въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ, должны были выйти оттуда въ королевскія земли, расиродавъ земли и дома людямъ, готовымъ нести подданскія обязанности, а вся остальная масса козачества, исчислявшаяся въ 40 тысячъ человѣкъ—такъ называемые выписчики (выписанные изъ козачества) должна была перейти въ „обычное послушенство“ королевской или частной помѣщичьей юрисдикціи ²⁾).

Не смотря на то, что передъ войскомъ стояла перспектива похода на ливонскій театръ войны, гдѣ уже съ осени велись военныя дѣйствія, довольно неудачныя для Поляковъ, Конецпольскій хотѣлъ на этотъ разъ добиться фактическаго осуществленія реестра. Онъ разставилъ свое войско, въ числѣ 15 тысячъ, подъ предводительствомъ Казановскаго въ окрестностяхъ Кіова; въ Васильковѣ, Фастовѣ, Трипольи, Стайкахъ, Ржищевѣ и въ самомъ Кіевѣ. „А велѣлъ гетманъ Конецпольскій Казановскому со всѣми этими людьми стоять въ городахъ до тѣхъ поръ, пока козаки разберутся въ шесть тысячъ, а если козаки не будутъ по договору разбираться въ шесть тысячъ, то гетманъ Конецпольскій сейчасъ пойдетъ со всѣмъ войскомъ на козаковъ подъ Кіевъ“, рассказывалъ въ Москвѣ извѣстный намъ митрополитій довѣренный попъ Филиппъ ³⁾).

„И гетманъ козацкій Дорошенко“, сообщаетъ попъ Филиппъ.

1) См. выше с. 194—5 2) См. выше с. 305.

3) Матеріалы Кудаша с. 182, ср. с. 259 и 270.

въ декабрѣ 1625 г.—, ѣздитъ съ польскими комиссарами по козацкимъ городамъ, разбираетъ козаковъ. И теперь гетманъ Дорошенко пошелъ въ Нѣжинъ къ козацкому разбору, а изъ Нѣжина поѣдетъ въ Прилуки и Лубны, также козаковъ разбирать. И въ городахъ козакъ Дорошенка слушаютъ, потому что лучшіе люди изъ козаковъ пристали къ нему, Дорошенку¹⁾. Но добра отъ этого попъ Филиппъ не надѣялся: „крови полилось много (въ Куруковской войнѣ), а нужно еще ожидать, такъ какъ теперь въ запорожскихъ краяхъ всякихъ людей тысячъ болѣе сорока, и тѣ, кто останется внѣ шести тысячъ, не захотятъ быть пашеными людьми: вѣрно начнутъ войну или пойдутъ на Запорожье или на Довж“²⁾. И вѣроятно продолжая зондировать настроеніе московскаго правительства, митрополитій агентъ прибавлялъ: „А тѣ люди, которыхъ отставляютъ отъ козачества, хотятъ послать къ царю, бить челомъ, чтобы царь имъ помогъ своими людьми противъ Поляковъ, а они будутъ царю служить, будутъ литовскіе города добывать царскимъ именемъ, чтобы не лишиться православной вѣры“²⁾.

Это были, конечно, пустыя слова, и въ московскихъ сферахъ не придавали имъ никакого значенія. Но и пророчество новой козацкой войны, логически правильное вообще, также не оправдалось для ближайшаго времени. Дорошенко, имѣя за спиною польское войско и опираясь на помощь „лучшихъ людей“, производилъ „разборъ“, то есть выбиралъ козаковъ въ реестръ, а остальныхъ исключалъ изъ войска, осторожно и безъ приключеній. Операция была не пріятная и требовала много такта, но въ немъ, очевидно, у Дорошенка не было недостатка. Кроме того въ интересахъ самого населенія лежало по возможности скорѣе покончить съ реестраціей, чтобы избавиться отъ расквартированного польскаго войска, которое должно было слѣдить за выпискою, а своими „лежами“ давало себя очень чувствовать мѣстнымъ людямъ, а въ особенности козакамъ. А „лучшимъ людямъ“ было до известной степени и желательно избавиться отъ безпокойнаго, буйнаго элемента въ войскѣ.

Однако, не смотря на все старанія, „разборъ“ все таки продолжился значительно дольше, за предѣлы назначеннаго времени, и еще болѣе переходъ реестровыхъ изъ панскихъ помѣстій въ королевскія. Эта вторая операция касалась уже не гулящихъ, а самыхъ

¹⁾ Ibid. с. 230.

²⁾ Ibid. с. 182—3.

солидныхъ элементовъ, и ея осуществленіе не приносило уже совершенно никакой пользы никому въ войскѣ. Поэтому козацкая старшина въ этомъ вопросѣ въ особенности должна была стараться выиграть время. Свидѣтельствуя свою энергію въ исполненіи прочихъ условій послѣдняго договора, она доказывала практическую невозможность этой операціи, убѣждала польскихъ комиссаровъ и добилаась у нихъ отсрочки. Въ 20-хъ числахъ января Дорошенко со старшиною, съѣхавшись въ Кіевѣ съ королевскими комиссарами, предложилъ имъ уже готовый реестръ шеститысячнаго козацкаго войска. Это, положимъ, не была еще окончательная редакція, какъ можно было заключить изъ комиссарскаго извѣщенія, такъ какъ послѣднюю редакцію Дорошенко послалъ кор. гетману только къ веснѣ, послѣ побѣды на Запорожьѣ ¹⁾; но во всякомъ случаѣ реестръ былъ подготовленъ, и комиссары, оцѣнивая лояльность старшины, съ своей стороны не отказали въ отсрочкѣ для выхода реестровыхъ козаковъ изъ шляхетскихъ помѣстій. Подтверждая, что вписанные въ реестръ козаки должны выйти изъ шляхетскихъ имѣній, комиссары вмѣстѣ съ тѣмъ *просили* помѣщиковъ не торопить козаковъ, принимая во вниманіе зимнее время.

Точно также въ другомъ наболѣвшемъ вопросѣ—объ осиротѣлыхъ козацкихъ семьяхъ, комиссары отъ себя ходатайствовали предъ шляхтою: „просить, чтобы вдовы козацкія были оставлены при вольности до дальнѣйшей милости е. к. м.“. Это былъ несомнѣнный успѣхъ, которымъ сторонники лояльной политики могли похвалиться.

Отсрочка нужна была козакамъ, такъ какъ они непременно хотѣли добиться отъ короля отмены этихъ несправедливыхъ постановленій куруковской комиссіи и именно по' этому вопросу выслали своихъ пословъ на сеймъ, открывшійся въ концѣ января 1626 г. Свидѣтельство комиссаровъ о составленіи реестра и лояльномъ поведеніи козацкаго войска въ другихъ вопросахъ (напр. въ крайнѣ несправедливомъ для православныхъ возвращеніи униатамъ церкви св. Василія въ Кіевѣ, захваченной православными во время кіевскихъ волненій 1625 г.) ²⁾ рекомендовало правитель-

¹⁾ Жерела VIII с. 294: шестая тысяча была дополнена изъ запорожскаго отряда, хотя по словамъ самого этого письма, она была собранъ z kaźdego rułku.

²⁾ Кіевскіе козаки и запорожское войско устами Дорошенка

ству корректность войска по отношенію къ возложеннымъ на него обязанностямъ, и войско, засвидѣтельствовавъ ее, теперь дѣлало попытку этой петиціей освободить себя отъ другихъ постановленій куруковской комиссіи ¹⁾.

Оно просило увеличенія жалованья и спеціальныхъ назначеній на артиллерію, амуниціи для отряда, находящагося на Запорожьѣ, вознагражденія за разрушенныя польскимъ войскомъ козацкія жилища и хозяйства. Еще разъ дѣлало попытку добиться отмены постановленія о выходѣ реестровыхъ козаковъ изъ помѣстій шляхетскихъ и духовныхъ. Ходатайствовало за козаковъ, по причинѣ старости или увѣчья ставшихъ неспособными къ службѣ, за вдовъ и сиротъ козацкихъ—чтобы они оставались при козацкихъ правахъ. Просили, чтобы имъ было разрѣшено на будущее время получать отъ Москвы „упоминки“ за то, что освобождаютъ повольниковъ изъ рукъ невѣрныхъ (а подъ этимъ предложемъ, очевидно, желали продолжать сношенія съ московскимъ правительствомъ и получать отъ него субсидіи). Осторожно намекали на возможность какихъ нибудь неблагоприятныхъ для доброй славы козацкихъ поступковъ со стороны своевольниковъ, оставленныхъ въ войскѣ по волѣ комиссаровъ, и такимъ способомъ снимали съ себя отвѣтственность за могущіе произойти инциденты. Но во главѣ этихъ петицій, на первомъ мѣстѣ красовался снова религіозный вопросъ:

„Какъ Кіевское воеводство добивается усноженія греческой вѣры, такъ и они просятъ, чтобы митрополитъ и владыки, посвященные патриархомъ, были утверждены королемъ“.

На этотъ же вопросъ обращало войско также особое вниманіе своихъ благопріятелей, къ которымъ обращалось со спеціальными письмами, прося поддержать ихъ ходатайства передъ королемъ и сеймомъ. Имѣемъ такое письмо отъ Дорошенка, изъ Кіева, отъ 10 февраля, къ тогдашнему главѣ протестантовъ Криштофу Радзивилу, польному гетьману в. кн. Литовскаго ²⁾.

явили, что они не велѣли этой церкви забирать, а забраня она безъ ихъ участія, и послѣ этого отреченія козацкаго войска церковь была отдана уніатамъ обратно.—Акты уніатскаго митрополитскаго архива у Жукевича V с. 39—8.

¹⁾ Punkta poselstwa kozakow zaporozkich—рмп. Публич. библ. Рязн. Г. II № 4 л. 462.

²⁾ Археографич. сборникъ VII ч. 57.

Это козацкое посольство было принято королемъ подѣ концѣ сейма (6 марта н. с.)¹⁾, но реальныхъ успѣховъ не имѣло никакихъ. Въ религіозномъ вопросѣ, какъ уже знаемъ, король ограничился предложеніемъ, чтобы православные съ униатами сами пришли къ какому либо соглашенію на соборѣ. Посольская палата, оппозиціонное настроеніе которой значительно ослабѣло подѣ вліяніемъ извѣстій о татарскомъ нападеніи на Украину²⁾, согласилась отложить религіозный вопросъ до слѣдующаго сейма. Что касается чисто козацкихъ дѣлъ, то сеймъ ограничился только утвержденіемъ куруковскаго трактата. Король и сеймъ приняли войско козацкое „до ласки своей“, подѣ условіемъ, что козаки будутъ придерживаться куруковской ординаціи; иначе они объявлялись врагами государства и коронное войско должно было снова двинуться противъ нихъ³⁾. Жалованье имѣ назначено такое, какъ рѣшено подѣ Куруковымъ, и этотъ расходъ долженъ былъ покрываться изъ еврейскаго поголовнаго (итакъ Евреямъ Короны выпала честь содержать козацкое войско)⁴⁾. Никакихъ уступокъ козакамъ сверхъ того не сдѣлано. Въ нѣкоторыхъ, менѣе важныхъ вопросахъ король поручилъ войску войти въ соглашеніе съ гетманомъ (Конецпольскимъ); другіе обошелъ молчаніемъ.

Татарское нападеніе, случившееся во время самого сейма въ февралѣ 1626 г., своей совершенной неожиданностью и полной такъ сказать нелогичностью произвело сильное замѣшательство въ польскихъ отношеніяхъ. Полгода тому Конецпольскій вошелъ въ соглашеніе съ Ордой и щедро задаларилъ ее, чтобы отвратить отъ союза съ козаками, вошелъ также въ болѣе тѣсныя отношенія съ Турками, мотивируя это общимъ интересомъ борьбы съ козачествомъ⁵⁾. Вдругъ въ февралѣ 1626 г. врывается большая татарская орда подѣ предводительствомъ самаго хана Магометъ-гирея въ Подолію, а его братъ Шаганъ гирей, въ роли польскаго союзника, свидѣтельствуя свою непричастность, присылаетъ Конецпольскому султанскій фирманъ (приказъ), которымъ султанъ *приказывалъ* хану совершить это нападеніе на Польшу⁶⁾.

¹⁾ Ркп. публ. библ. № 138.

²⁾ Письмо съ сейма въ изслѣдованіи Жуковича, посвященномъ этому сейму (см. выше с. 311). ³⁾ Volum. legum III с. 237.

⁴⁾ Жерела VIII с. 294—5. ⁵⁾ См. выше с. 282—3.

⁶⁾ Денеши англійскія изъ Константинополя Zbiór рач. V с. 452, венеціанскія у Гаммера V с. 71, также польская записка

Извѣстіе объ этомъ получено было довольно поздно, Татары успѣли пройти въ Галицію и Белзскую землю. Конецпольскій и стражникъ коронный Хмелецкій, бросившись съ имѣвшимся подъ руками войскомъ и козаками, могли разгромить только нѣкоторые татарскіе загоны при ихъ возвращеніи и освободить взятыхъ плѣнниковъ¹⁾. Въ концѣ концовъ нападеніе Ордѣ не особенно удалось, но совершенно смутило польскихъ политиковъ: не знали, какъ понимать это поведеніе султана и чего ожидать отъ Турціи. Французскій посолъ въ Константинополь объяснялъ это татарское нападеніе интригами императорскихъ и испанскихъ агентовъ, желавшихъ вызвать козацкія нападенія на Константинополь и связать ими турецкія силы²⁾. Турки увѣряли, что ханъ не получалъ никакого приказанія отъ султана относительно нападенія на Польшу, и если Шагинъ-гирей писалъ о какомъ то султанскомъ наказѣ или взятые въ плѣнъ Татары что-нибудь такое говорятъ, то имъ не слѣдуетъ вѣрить ни въ какомъ случаѣ: ханъ произвелъ нападеніе на Польшу своевольно, а причиной было то, что ему не уплачены были упоминки за прежніе годы³⁾.

Польскіе политики не вѣрили этому и высказывали догадки, что турецкое правительство хочетъ принудить польскаго короля къ присылкѣ пословъ въ Константинополь съ дорогими подарками, которые должны были бы въ турецкихъ сферахъ представлять польскую

о крымскихъ дѣлахъ (1628—9 р.) *Українне зржаву* с. 4 (тутъ еще подробности, что Шагинъ предупредилъ Конецпольскаго черезъ козаковъ).

¹⁾ Довольно пространно рассказываетъ объ этомъ Журковскій (*Żywot T. Zamojskiego* с. 103—2), выдвигая заслуги своего сослуживца Хмелецкаго. О первыхъ стадіяхъ нападенія извлеченія изъ современныхъ писемъ у Жуковича (ор. с. V с. 57), они иллюстрируютъ также всю неожиданность этого нападенія. О битвѣ надъ Днѣстромъ подъ Галичемъ современное письмо у Грабовскаго *Ojczyście spominki* I с. 60—1. Объ этой же татарской переправѣ черезъ Днѣстръ рассказываетъ и французская донеша въ *Historia Russiae* том. II с. 481, представляя погромъ Татаръ въ очень темныхъ краскахъ. Зато отцы іезуиты съ удовольствіемъ занисали въ своихъ дневникахъ только, что Татары при этомъ сильно разорили помѣстья Збаражскаго, противника іезуитовъ (дневникъ Велевицкаго с. 242).

²⁾ Делеша I с.

³⁾ Письмо Мохметъ Джурджи хаймакама Конецпольскому рик. Публ. библ. Пол. К. IV № 241 с. 598; ср. англійскую донешу *Zb. pam.* V с. 452.

дань (харачъ) султану, какъ въ былые годы ¹⁾. Эта догадка находила себѣ подтвержденіе въ турецкихъ требованіяхъ ²⁾; но можетъ быть еще вѣроятнѣе было бы предположеніе, что посылая Магометъ-гирей противъ Польши, турецкое правительство хотѣло поссорить этихъ союзниковъ—хана и короля, и такимъ образомъ лишить непослушныхъ братьевъ Гиреевъ той опоры, какую они имѣли въ Польшѣ. Но хитрые братья вышли изъ этого положенія, раздѣливъ между собою роли: Махметъ-гирей взялся исполнить султанское порученіе, а Шагинъ велъ далѣе линію польскаго союзника и переслалъ, хотя и не совсѣмъ во время, копію султанскаго фирмана.

Сенсаціонную исторію рассказывалъ по этому поводу московскій вѣстникъ. Когда во время татарскаго нападенія Конецпольскій потребовалъ отъ Дорошенка, чтобы онъ съ козаками шелъ на помощь Полякамъ, и Дорошенко двинулся въ походъ, по дорогѣ въ Прилукѣ встрѣтилъ его ханскій посолъ и напомнилъ Дорошенку старый союзъ съ Татарами. Тогда Дорошенко возвратился назадъ, а Запорожцы подъ предводительствомъ гетмана Олифера отправились вмѣстѣ съ Татарами противъ Поляковъ ³⁾. Но все это были сказки: въ дѣйствительности козацкое войско принимало участіе въ борьбѣ съ Татарами ⁴⁾, никакихъ козаковъ съ Татарами не было, и Дорошенко держался вполнѣ лояльно, а его послы какъ разъ въ это время добивались королевскихъ милостей на сеймѣ.

Польское правительство, занятое шведской войной, очень недовольно было этой опасностью, зарисовывавшейся на югѣ. Сеймъ назначилъ кредитъ на содержаніе 8 тыс. войска на Украинѣ, кромѣ того 1200 войска изъ польскихъ контингентовъ и войско козацкое должно было охранять Украину ⁵⁾. Конецпольскій съ главными силами долженъ былъ идти въ Ливонію. Въ Константинополь рѣшено было отправить посольство и употребить всѣ средства, чтобы отношенія съ Турціей не испортились.

¹⁾ Письмо Ю. Збаражскаго Конецпольскому с. 699.

²⁾ Письмо Халиль-паши ib. с. 602.

³⁾ Архивъ минист. иностранныхъ дѣлъ I, дѣла греческія 25 II 1626. Извѣстіе это привелъ впервые Соловьевъ, съ полнымъ къ нему довѣріемъ (II 1480).

⁴⁾ Объ участіи козацкаго войска упоминаетъ Журковскій (maiać szczęście wojska zaporowskiego—с. 106).

⁵⁾ Жерела VIII с. 290.

Главная опасность угрожала со стороны своевольного козачества, „выписчиков“, начавших сейчас же весной сборы на море; на Запорожьи было ихъ въ началѣ года нѣсколько тысячъ, и Дорошенко заранѣе предостерегалъ польское правительство, что въ ближайшемъ будущемъ надо ожидать морского похода ¹⁾. Тревожные слухи распространились сейчасъ же объ этомъ походе среди Турокъ. Въ Константинополѣ говорили, что польское правительство оплачиваетъ за татарское нападеніе, разрѣшивъ козакамъ походъ на Константинополь и снабдивъ для этого амуницию, и козаки приготовили уже семьсотъ или даже тысячу чакъ къ походу ²⁾; они намѣрены вызвать на бой весь турецкій флотъ и поклялись добыть самую адмиральскую галеру. Населеніе окрестностей Константинополя приняло въ сильное безпокойство отъ такихъ слуховъ. Вспоминали пророчество, что турецкое государство разрушатъ люди съ сѣвера. Двадцать галеръ стало на стражѣ Босфора. Капитанъ-папа съ флотомъ долженъ былъ идти на море, но, какъ выражается англійскій корреспондентъ— онъ заранѣе былъ разбитъ страхомъ своимъ и своего флота ³⁾.

Тревога однако на этотъ разъ была напрасна. Польское правительство поспѣшило напомнить Дорошенку обязанность, возложенную на него куруковскимъ трактатомъ—уничтожить козацкія лодки и предупредить козацкіе своевольные походы, поставивъ на Запорожьи войско ⁴⁾. Дорошенко не отказался отъ этого и съ делегатами, высланными Конецпольскимъ для наблюденія за исполненіемъ этого порученія, отправился съ войскомъ на Запорожье.

Часть выписчиковъ, правда, успѣла все таки выйти на море, но это, очевидно, была незначительная экспедиція и скоро окончилась. Турецкій хронистъ упоминаетъ о 60 козацкихъ чай-

1) Письмо Збаражскаго с. 102—3.

2) Эти слухи принимаются въ литературѣ за чистую монету, предполагается, что польское правительство дѣйствительно дало выписчикамъ полную свободу, чтобы устрасить Турцію; но это совершенно не согласуется съ польскою политикою.

3) Денеша отъ 18 мая в Zbiór, раш. V с. 452—3. Рш. библ. Замойскаго—письмо Конецпольскаго съ ионскими новостями изъ Константинополя: od nas wielka tam trwoga nastąpiła, bo znać przysła pewna wiadomość o gotowych tysiącu żołnow kozackich uo naszym wojsku wielkim.

4) Ср. письмо Конецпольскаго въ Жерелахъ VIII с. 298

кахъ, изъ которыхъ турецкій флотъ поймалъ 30 и привелъ „къ высокому порогу“, а прочія разсѣялись¹⁾. Изъ реляціи Дорошенка можемъ заключить, что этотъ весенній походъ окончился скоро и незамѣтно, и только небольшая флотилія подъ предводительствомъ какого-то Миська „оторвавшись отъ прочихъ“ странствовала дальше²⁾. Вѣроятно это о ней доносилъ въ августѣ французскій посолъ, что турецкій флотъ встрѣтилъ 12-козачкихъ чаекъ на устьи Ріона („на устьи рѣки въ странѣ Мингрелии, за Трапизонтомъ“. Козаки вышли на берегъ и устроили укрѣпленный лагерь; но силы ихъ были невелики: козаковъ, по словамъ Турокъ, было всего около трехсотъ, Турки взяли ихъ укрѣпленія и перебили козаковъ³⁾).

Изъ рассказовъ атамана Алексея Шафрана узнаемъ еще о другой небольшой, но также смѣлой экспедиціи: ходили козаки запорожскіе и донскіе съ Дона, подъ предводительствомъ этого Шафрана. Отправились за четыре недѣли передъ Пасхой на восьми челнахъ, всего 400 человекъ. Разграбили окрестности Трапезунта, а затѣмъ этотъ же Шафранъ ходилъ еще отдѣльно на *двухъ* чайкахъ съ сотней козаковъ и также удачно⁴⁾. Турецкія жалобы на большіе козачкіе походы⁵⁾ являются такимъ образомъ большимъ преувеличеніемъ, источники указываютъ только незначительныя нападенія.

Одновременно съ тѣмъ своевольники искали добычи въ степяхъ и здѣсь разбили московскую казну, встрѣтивъ ее около Перекопа⁶⁾.

Все таки эти мелкія нападенія не шли въ счетъ, а большіе походы Дорошенко успѣлъ предупредить, уничтоживъ водни,

1) Collectanea I с. 184. 2) Жерела VIII с. 294.

3) Histor. Russiae mon. II с. 431.

4) Матеріалы Кулиша с. 290. О самомъ Шафранѣ слѣдуетъ упомянуть, что отправившись затѣмъ по порученію товарищей, чтобы отвезти 10 фунтовъ серебра въ кievскую св. Софію на серебрянныя ризы и кадило, отъ сбился съ дороги въ степи, прибылъ въ г. Валуйку и недозрительная московская администрація арестовала и сослала въ Сибирь этого героя борьбы съ басурманами, пробывшаго передъ тѣмъ семь лѣтъ въ турецкой каторгѣ въ Кафѣ, а затѣмъ убожавшаго съ товарищами на Донъ, разбивъ тюрьму, въ которой его держали. Объ этихъ походахъ его краткое упоминаніе также въ конскихъ актахъ Рус. ист. библ. т. XVII с. 236.

5) Рун. библ. Замоискихъ, цитированное письмо Копеднольскаго.

6) Реляція о посольствѣ въ Туркямъ, рун. Публ. библ. Разн. 4 л. 466 (у Жуковича V с. 74).

какія могъ захватить, и поставивъ на Запорожьѣ отрядъ реестровыхъ, имѣвшій сдержать дальнѣйшее своеволие, и на нѣкоторое время дѣйствительно сдержавшій.

„Придя (на Запорожьѣ)—доносилъ Дорошенко Конецпольскому, „мы сейчасъ при высланныхъ вами панахъ сожгли тѣ челны, какіе были на землѣ и могли быть легко сожжены; другіе поотрывала и побила вода, когда пошелъ на Днѣстрѣ ледъ, и мы ихъ никакъ не могли вытащить. На кошѣ, на мѣстѣ мы оставили старшиной Ивана Кулагу (позднѣйшаго гетмана) и при немъ цѣлую тысячу людей добрыхъ, отъ каждаго полка, приводя ихъ къ присягѣ на полной радѣ. Имъ оставили мы письменную инструкцію, какъ должны они поступать, и приказали имъ исполнить слѣдующія порученія. Во первыхъ, когда спадетъ вода, чтобы сейчасъ же вытянули лодки, затопленные въ водѣ, сожгли и испортили ихъ; также и тѣ лодки, какія на море теперь съ Мискомъ, отдѣлившіяся отъ остальныхъ и до сихъ поръ не пришедшія: какъ только онѣ придутъ, сейчасъ челны сжечь, а людей, пришедшихъ въ нихъ, тотчасъ выслать въ города, какъ своевольныхъ, не держа ихъ при себѣ ни минуты. Мы и сами бы охотно подождали прихода этихъ челновъ, да трудно было ждать, стоя въ степи, такъ какъ непріатели узнавъ о насъ, нѣсколько разъ набѣгали, подсматривая войско, а на островѣ (въ Сичи) трудно было расположиться съ лошадьми благодаря сильной водѣ, затопившей его. Да мы и увѣрены, что тотъ старшій, оставленный нами, исполнитъ все, что мы ему написали въ инструкціи. Во вторыхъ, мы приказали каждаго своевольника, который сопротивлялся бы, внушая опасенія относительно своеволия—сейчасъ на мѣстѣ карать смертью или отправлять къ намъ непременно. Въ третьихъ, чтобы усердно заботились о добываніи вѣстей о непріятельскихъ замыслахъ, ибо мы, чтобы оказать услугу королю, и сами бы охотно пошли водой на Запорожьѣ, только языковъ нашихъ, отправившихся водой на Запорожьѣ, непріатель, какъ мы узнали, переловилъ между порогами, и трудно было намъ (безъ свѣдѣній) идти, да и время было для лошадей горячее¹⁾).

¹⁾ Жерела VІІ № 184. Письмо не имѣетъ числа, но судя по содержанию, описанное въ немъ происходило поздней весной, не ранѣе мая. По словамъ Конецпольскаго, онъ получилъ эти свѣдѣнія въ первыхъ числахъ іюля нов ст. (ib. № 186), такъ что самое письмо Дорошенка было написано въ іюнь.

Все это было очень приятно для польского правительства. Конецпольскій посвѣдилъ уведомить турецкое правительство и всѣхъ заинтересованныхъ обо всемъ, совершеномъ для поддержанія добрыхъ отношеній съ Турціей—ковъ что и прибавилъ для большого эффекта. Высланное имъ на Запорожье войско, пишетъ онъ каймакаму (что оно было козацкое же, объ этомъ онъ счелъ за лучшее умолчать) — однихъ своевольниковъ наказало, прочихъ передовило, всѣ челны сожжены (въ письмѣ къ французскому послу въ Константинополѣ онъ указывалъ даже число этихъ сожженныхъ челновъ—300); на Запорожьи остался гарнизонъ изъ трехъ тысячъ (!), они должны слѣдить за тѣми, кто еще не возвратился съ моря, и никого не пускать, а если бы съ собою привели какой-нибудь ясырь изъ турецкихъ странъ—всѣхъ должны отобрать и отпустить на свободу, и это исполнено. Своеволие подавлено окончательно, пусть же и Турки со своей стороны сдѣлаютъ все, чтобы не повторялись татарскія нападенія ¹⁾).

Кромѣ такихъ пріятныхъ и цѣнныхъ для польской дипломатіи извѣстій, Дорошенко вмѣстѣ съ своей реляціей переслалъ также вполне законченный реестръ. „Къ пяти тысячамъ войска принесли мы шестую тысячу за порогами, при вашихъ делегатахъ, и реестръ ихъ, скомпутованный, вашей вельможности посылаемъ“. Такимъ образомъ условія куруковскія были исполнены, своеволие „окончательно подавлено“, ни изъ-за границы, ни съ Украины не слышно было никакихъ жалобъ.

Но прибавляя къ прежнимъ доказательствамъ новыя доказательства своей вѣрности и лойяльности по отношенію къ королю и Рѣчи Посполитой, лойяльное козачество Дорошенка хотѣло за это добиться наконецъ реальной „милости“, отступленій отъ куруковской ординаціи, отмены самыхъ непріятныхъ ея постановленій. Посылая Конецпольскому реляцію о своей дѣятельности на Запорожьи и „скомпутованный“ реестръ, Дорошенко вмѣстѣ со старшиной выставилъ цѣлый рядъ пожеланій и усиленно просилъ выкинуть въ различныя непріятности и лишенія, какія терпятъ войско. Просилъ объ этомъ въ своемъ письмѣ и кромѣ того еще особо поручилъ своимъ посламъ просить объ этомъ Конецпольскаго.

¹⁾ Жерела VII с. 298, франц. денеша въ Hist. Rus. мол. II с. 431.

Инструкция отъ войска, контрагированная „на собственный приказъ войсковой“ Константиномъ Волкомъ, войсковымъ писаремъ, поручала вниманію посольства слѣдующіе вопросы, переданные въ свое время королемъ на рѣшеніе гетмана Конецпольскаго. Просить увеличенія жалованія козакамъ, денежнаго и суконнаго; необходимъ ремонтъ для артиллеріи: нужно лошадей, хомутовъ, пороха, желѣза, платы и сукна для артиллерійской службы: нѣсколькихъ возовъ желѣза, выданныхъ для козацкой артиллеріи въ Кіевѣ, на основаніи гетманскаго письма, не хватило и для половины артиллеріи, надо также назначить какое нибудь мѣсто и квартиры для артиллеріи; до сихъ поръ она стояла въ Каневѣ, но дальнѣйшее содержаніе ея было бы обременительно для города. Надо увеличить плату писарю войсковому— „принимая во вниманіе труды и заслуги нашего писаря, такъ какъ онъ трудится больше, чѣмъ кто-нибудь въ войскѣ, и на немъ главная тяжесть лежить,“ послы имѣютъ „горячо“ просить гетмана, чтобы жалованіе его было увеличено, „какъ это и передъ тѣмъ было всегда, что писарю давали половину того, что старшему войска“. Напоминалось также о платѣ для военной музыки и хорунжихъ, въ деньгахъ и сукнѣ.

Въ своемъ письмѣ Дорошенко напоминалъ еще о сношеніяхъ козацкаго войска съ Москвою: король отослалъ ихъ съ этимъ вопросомъ къ Конецпольскому, Дорошенко просилъ, чтобы имъ дозволены были эти сношенія для полученія субвенцій, такъ какъ видать Богъ—негдѣ ничего взять. Жаловался еще на мѣстную шляхту, что она выгоняетъ козаковъ изъ своихъ помѣстій, принуждая уходить какъ можно скорѣе и запрещая покупать отъ нихъ дома и „розробки“ (пашни). Итакъ выходъ изъ панскихъ помѣстій козаки все еще оттягивали, или просто для того, чтобы выиграть время, или въ надеждѣ, что имъ можетъ быть все-таки удастся добиться отмены этого предписанія. Дорошенко просилъ гетмана защитить козачество отъ этихъ панскихъ несправедливостей.

Козацкое посольство явилось у Конецпольскаго въ Варѣ въ началѣ іюля и. ст. ¹⁾. Но ничего утѣшительнаго оно отъ него не услышало. Король направилъ козаковъ къ гетману, гетманъ отправилъ обратно къ королю, отъ Анны къ Каіафѣ, какъ говорили тогда. Такъ приходится догадываться изъ того, что че-

¹⁾ См. выше, с. 339 прим. 1.

резь нѣсколько мѣсяцевъ казацкое войско обращалось съ тѣми же нуждами своими снова къ королю.

Зато службу козакамъ Конецпольскій умѣлъ найти. Приказалъ имъ главныхъ предводителей морского похода прислать королю „въ знакъ своего подданства“, а сами чтобы „спѣшно прибыли въ польское войско противъ непріятеля“¹⁾). Имѣлись тревожныя извѣстія о Татарахъ, и коронное войско, а съ нимъ и казацкое должны были оберегать Украину отъ неожиданнаго нападенія. Снова былъ какой-то татарскій набѣздъ на Подишетровье, Конецпольскій выслалъ войско на стражу между Чернымъ и Кучманскимъ шляхами, защищая Подолію и Болынь; украинскіе паны умоляли гетмана не оставлять безъ защиты также и „Украины“, и при всемъ этомъ главнымъ образомъ рассчитывали на козаковъ, „равъ Дорошенко завелъ съ ними порядокъ“²⁾).

Затѣмъ въ августѣ событія на сѣверномъ театрѣ—успѣхи Густава-Адольфа въ Пруссіи,—куда неожиданно обратился онъ, принудили перевести кварцаное войско изъ Украины въ Пруссію и вся тяжесть защиты Украины тѣмъ сильнѣе легла на козачество. Польскаго войска подъ предводительствомъ Хмелецкаго осталось здѣсь всего двѣ тысячи. Между тѣмъ къ осени, вслѣдъ за уходомъ польскаго войска, на Украину двинулась громадная орда подъ предводительствомъ нуреддинъ-султана (то-есть второго принца, слѣдующаго послѣ калги) и цѣлаго ряда другихъ младшихъ членовъ ханскаго дома. Татарскіе плѣнники рассказывали, что въ этомъ походѣ было 40 тыс. хорошихъ воиновъ и столько же всякой голытьбы, и считаясь даже съ преувеличеніемъ въ въ этихъ показаніяхъ, все таки очевидно, что орда была велика. Она двинулась на Кіевщину и оттуда хотѣла проникнуть на Болынь, но услышавъ о войскахъ, возвратилась и ставъ „кошемъ“ (главнымъ лагеремъ) подъ Бѣлой Церковью, отсюда разослала свои „загоны“, чтобы успѣть управиться до прихода войска: загонамъ велѣно было возвратиться на третій день.

Между тѣмъ успѣлъ подойти Хмелецкій, со своимъ кварцанымъ войскомъ и съ нѣкоторыми панскими полками онъ имѣлъ всего 3 тысячи, но Дорошенко привелъ шесть тыс., и они вмѣстѣ напали на татарскій кошъ подъ Бѣлой Церковью, 29 сентября с. ст. Шель дождь и отъ ружей не было никакой пользы, приходилось биться въ рукопашную. Татары пробовали защищаться,

1) Ркп. библи. Замойскихъ, письмо Конецпольскаго 5 авг.

2) Письмо Збаражскаго с. 104, 106, 107.

но держались не долго и обратились въ бѣгство; козаки и солдаты преслѣдовали ихъ, пока стемнѣло. Затѣмъ, истребивъ главный кошъ, начали ловить отряды, преградивъ имъ переправы на Роси, и масса Татаръ тутъ утонула, а затѣмъ еще подъ Рокитною на болотѣ захватили большой отрядъ Бухарь-султана и Кантемировыхъ сыновей, застали ихъ совсѣмъ врасплохъ и сильно разгромили,—„рѣдкій лишь и счастливый Ордынецъ убѣжалъ“, и ясыра отобрали человекъ полтора. Масса Татаръ погибла, считали ихъ на десять тысячъ. Козаки и прочія войска приобрѣли громадную добычу—„ни одинъ здѣшній бояринъ безъ бахмата (татарскаго коня) не пришелъ; а были такіе, что и двухъ, трехъ привели“—доносить барскій урядникъ о здѣшной пляхтѣ. Но плѣнниковъ брали мало: „солдаты въ ярости не оставляли плѣнниковъ въ живыхъ, но не мало ихъ у козаковъ“.

Козаки вообще были героями дѣя. Хмелецкій съ особенной похвалою отзывается о „большомъ усердіи“ и мужествѣ козацкомъ, проявленныхъ на полѣ битвы козаками запорожскими со старшимъ ихъ Дорошенкомъ“. О Дорошенкѣ въ духѣ тѣхъ „рыцарскихъ временъ“ съ особой похвалою повѣствовало, что онъ идя впереди войска, напалъ на Татаръ и убилъ семерыхъ копьемъ собственною рукою и одного ударилъ такъ сильно, что не могъ назадъ вытянуть копья. Былъ и „смѣшной случай“ въ томъ же духѣ: передъ Запорожцами, когда они напали на Татаръ, вылетѣлъ филинъ и ухватился за колѣно одного Татарина, такъ что тотъ слетѣлъ съ коня, и былъ убитъ на мѣстѣ¹⁾.

Вѣсть о такомъ блестящемъ погромѣ „поганъ“ вызвала повсемѣстную радость, въ особенности среди угнетающихъ извѣстій съ сѣвернаго театра войны. Къ королю, какъ разъ находившемуся въ Пруссіи, отправлены были важнѣйшіе плѣнники, козаки послали десять татарскихъ знаменъ и бунчукъ. Все это съ большою помпою было вручено королю въ Торнѣ, во время созваннаго тамъ сейма, въ ноябрѣ этого года. Но посылая королю знамена и бунчуки, козаки поручили своимъ посламъ на-

¹⁾ Реляція Конецпольскому отъ Дорошенка и отъ какого то барскаго урядника въ Сборникѣ лѣтописей отлос. къ ист. Южной и Зап. Рос. С. 256, депеша французскія—Hist. R. mon. II с. 432. Акты москов. госуд. I с. 211. Żukowski с. 414, Piasiecki с. 459, Pamiętniki do panowania Zygmunta III с. 132, Wielewicki IV с. 259 и др.

помнить королю и свои прежнія просьбы, столько разъ безуспѣшно предлагавшіяся правительству¹⁾. Однако, и на этотъ разъ послы ничего не привезли имъ, кромѣ письма, въ которомъ король заявилъ, что онъ съ благодарностью принялъ ихъ услуги и обѣщаетъ имъ за это свою милость.

Это уже было слишкомъ, даже для самой лойяльной старшины. Унадокъ духа, вызванный куруковской катастрофой, проходилъ. Все труднѣе становилось сдерживать отъ выстуцленій массу выписчиковъ, все труднѣе было ублаживать ихъ надеждами на спасительныя послѣдствія ихъ лойяльности, на королевскія или панскія благодати, которыя должна была принести имъ корректность и послушаніе козацкаго войска. А между тѣмъ годичный постъ—воздержаніе отъ „козацкаго хлѣба“, заграничнаго и домашняго, въ видѣ лежъ и приставствъ, въ самомъ дѣлѣ привело къ тому, что козацкій пролетаріатъ обнищалъ и изголодался и все труднѣе было сдерживать его въ предѣлахъ куруковской ординаціи.

Въ первыхъ числахъ 1627 г. „на полной радѣ“ въ Переславѣ рѣшено было выслать новое посольство къ королю и усиленно просить его, королевича и разныхъ вліятельныхъ лицъ выкинуть въ положеніе козацкаго войска, потому что козаки не могутъ долѣе нести своей службы Рѣчи Посполитой²⁾. Въ очень деликатныхъ и сдержанныхъ выраженіяхъ высказывали они свое удивленіе, что король снова оставилъ безъ вниманія ихъ представленія, ихъ кровавыя подвиги и заслуги. Просили подтвержденія своихъ правъ и вольностей, точнѣе — ихъ расширенія. Усиленно, „упиженно и слезно“ напоминали о необходимости увеличенія жалованія и ассигновокъ на артиллерію и разныхъ войсковыхъ служителей (пушкарей, хорунжихъ, музыкантовъ, ремесленниковъ и т. п.). „Видитъ Богъ, писали они, не пренебрегая милостью вашей кор. милости смѣло можемъ сказать, что нынѣшнимъ годичнымъ жалованіемъ мы никоимъ образомъ не можемъ покрыть нуждъ нашихъ, вѣрно служба вашей кор. милости,—не сообразишь, на что употребить ее, на одежду ли, или на амуницію, или на другія потребности военнаго человѣка — на этихъ нѣскольке злотыхъ не только одежды, но и пероха и свинца на службу Рѣчи Посполитой нельзя получить на годъ“.

¹⁾ Замѣтка о козацкой аудіенціи у короля 21 сеп. въ реч. публ. библ. 241 л. 10 (у Жуковича V с. 81).

²⁾ Жерела VІІІ № 187—189 (всѣхъ писемъ послы принесли 7).

Просили поэтому специальной субсидии, въ виду потерь въ лошадяхъ, оружіи и т. п., понесенныхъ въ послѣднихъ битвахъ съ Татарами. Просили разрѣшить имъ пользоваться „хлѣбомъ и мѣстомъ для отдыха“—правомъ расквартированія и сбора припасовъ по трудахъ и лишенияхъ, чтобы быть вмѣстѣ на случай новаго татарскаго нападенія, о которомъ будто бы ходятъ слухи—потому что до сихъ поръ козаки, „не желая лишиться королевской милости“, живутъ по своимъ хатамъ и никакой стаціи съ убогихъ людей не взимаютъ (и уже, очевидно, долѣе этого воздержанія выдержать не могутъ).

На мѣсто убитыхъ и умершихъ своею смертию—такъ какъ отъ этого „оказывается большая дыра въ войскѣ“, они просятъ позволенія вписать въ реестръ „достойныхъ и заслуженныхъ—выпистиковъ, исключенныхъ изъ войска“, иначе войско за нѣсколько лѣтъ совершенно переведется, если его не пополнять. Снова напоминаютъ о вдовахъ козаковъ, убитыхъ на королевской службѣ, прося короля дать универсалъ, съ напоминаніемъ о прежнихъ королевскихъ грамотахъ, чтобы никто не трогалъ этихъ вдовъ, такъ какъ украинныя урядники очень притѣсняютъ ихъ и чинятъ несправедливости, переводя изъ подъ опеки козацкой подъ свою юрисдикцію. Да и вообще украинская шляхта, „не заботясь о королевскихъ универсалахъ“, причиняетъ козакамъ всяческія несправедливости: шляхтичи бьютъ, истязаютъ козаковъ, „и уже не знаемъ, каковымъ образомъ искать справедливости, и у кого ея просить, и никогда мы не можемъ ее получить, и не знаемъ, куда на нихъ жаловаться, и кто бы разсудилъ съ ними, такъ какъ до королевской милости далеко, и не имѣемъ для этого средствъ, будучи бѣдными людьми“. Наконецъ желали, чтобы принципиально признанное куруковскою комиссіей право торговли, корчемства, промысловъ для козаковъ, было подтверждено королемъ специально, „потому что теперь даже на то чтобы пива сварить для своей надобности, а не для продажи, не можемъ получить позволенія отъ пановъ обывателей украинныхъ“. Обо всемъ этомъ посламы поручалось просить „усиленно, припадая къ стопамъ“.

Изъ этихъ ссылокъ на прежнія привилегіи и постановленія (иногда совершенно апокрифическихъ или очень натянутыхъ) ¹⁾

¹⁾ Для образца возьмемъ вопросъ о правѣ корчемства. Козаки ссылаются на то, что куруковская комиссія позволяла *abyśny wszelkich handlow tak szynkow y ynnych przemyslow, ktore by*

явствуетъ, что подъ видомъ королевскаго „подтвержденія прежнихъ привилегій“ войско въ дѣйствительности хотѣло приобрести рядъ новыхъ правъ и вольностей въ смѣшанномъ судѣ со шляхтой, въ вопросѣ о правахъ козацкихъ вдовъ, въ правѣ варить напитки и продавать ихъ, вѣроятно—и въ правѣ проживанія въ шляхетскихъ помѣстьяхъ,—или по крайней мѣрѣ желало получить какое-нибудь обоснованіе претензій на эти права. Это дѣйствительно должно было послужить „поправою“ козацкихъ вольностей, хотя и проводилось въ скромной формѣ простого подтвержденія прежнихъ королевскихъ привилегій, чтобы не дразнить королевскаго слуха требованіемъ новыхъ правъ. Фигурировали здѣсь все тѣ же старья, извѣчныя пожеланія козацкія, столько разъ поднимавшіяся во время переговоровъ съ правительствомъ. Но и на этотъ разъ, всеми проявленіями вѣрности, послушанія и лояльности войско не могло тронуть королевскаго сердца.

Въ посольствѣ ѣздили Яцко Мозырянинъ, Федоръ Пуховичъ и Янъ Бучинскій (каждый разъ видимъ новыхъ словъ, вѣроятно для того, чтобы каждый разъ кто-нибудь другой изъ старшины могъ получить подарки — это была чуть ли не единственная польза отъ этихъ посольствъ). Королю они представились въ первыхъ числахъ марта¹). Королевскаго отвѣта не имѣемъ. Знаемъ, что король обѣщаль козакамъ за ихъ потери въ борьбѣ съ Татарами 10 тыс. золотыхъ въ награду и этимъ, кажется и ограничилась королевская милость. Да и это обѣщаніе 10 тыс. (которыхъ козаки ожидали еще очень долго — даже къ сейму въ концѣ 1627 г. обращались по этому поводу) было не столько проявленіемъ „милости“ или благодарности, сколько результатомъ извѣстій о козацкомъ нежеланіи оказывать дальнѣйшія услуги „королю и Рѣчи Посполитой“!

przeszkoda, a gędom szlacheckim nie były, zażywali, и на этомъ основаніи осторожно подходить къ праву варить медъ и линковать имъ. Въ дѣйствительности въ куруковскихъ переговорахъ даже рѣчи не было объ этомъ сакропантомъ шляхетскаго права — вареньи напитковъ и линкованья ими (см. Zbiór pam. VI с. 126, 201, 236), говорится только о честной торговлѣ“ (handle rozsziwe), а главное—о рыбной и звѣриной ловлѣ, и комиссія позволяетъ козакамъ przystoynego poziwienia iako handlów, łowienia ryb i zwierza, tym iednak sposobem, aby żadney pożytkom starościny nie czynili przeszkody.

¹) Выписки у Жуковича V с. 90, ср. Жерела VIII с. 302.

Несговорчивость короннаго правительства относительно козацких желаній должна было тѣмъ сильнѣе раздражать козачество, что правительство постоянно нуждалось въ немъ, и какъ разъ теперь, отославъ ни съ чѣмъ козацкое посольство съ торнскаго сейма послѣ бѣлоцерковскихъ подвиговъ, добивалось козацкой помощи для далекой и трудной шведской войны. Такой проектъ возникъ еще во время осенняго сейма 1626 г. Потомъ, въ началѣ 1627 г., когда казаки снаряжали это новое посольство къ королю, одному изъ комиссаровъ въ козацкихъ дѣлахъ Томашу Шклянскому король далъ порученіе ангажировать на сѣверную войну двѣ тысячи козаковъ сверхъ реестра и отпривить ихъ водою по Дибюру, съ самымъ началомъ навигаціи. Это требованіе вызвало въ козацкихъ кругахъ сильное раздраженіе. Не особенно пріятна была перспектива службы въ Пруссіи или Ливоніи, не нравились различныя подробности самой вербовки, а главное то, что польское правительство такъ безцеремонно обращается къ козачеству, а всѣ просьбы козачества оставляетъ безъ послѣдствій.

Имѣемъ письмо Дорошенка, писанное Шклянскому изъ Канева 18 февраля, въ отвѣтъ на его порученіе „собрать двѣ тысячи добрыхъ или даже наилучшихъ молодцовъ, не трогая состоящихъ теперь на службѣ и наймѣ Рѣчи Посполитой, и выслать ихъ туда, гдѣ будетъ нужно“. Дорошенко не безъ остроумія проицируетъ надъ этимъ требованіемъ правительства, цѣлый годъ добивавшагося лишь того, чтобы все, что оказалось сверхъ реестра, возвратитъ въ подданскую массу:

„Не можемъ понять, откуда намъ взять эти двѣ тысячи наилучшихъ—изъ тѣхъ ли отдѣленныхъ (выписчиковъ), такъ уже обобранныхъ и разоренныхъ панями, у которыхъ они находятся въ подданствѣ, что едва съ душами остались? Вѣдь оставшихся въ королевской службѣ жалѣ трогать: есть для насъ и здѣсь достаточно заботы съ врагомъ св. креста — и то уже трудно выдержать, такъ какъ не имѣемъ съ чѣмъ. Мы имѣли надежду, что король е. м. своей милостью и пожалованіемъ за потери наши изволитъ вознаградить наши теперешніи кровавыя заслуги, но никакой милости мы не получили, даже не получили куска хлѣба, чтобы съѣсть послѣ этихъ трудовъ и работы, и что бѣдный человѣкъ имѣлъ, должны быль просить, а чтобы чѣмъ тѣло прикрыть, нечего и думать: совсѣмъ насъ холодъ и голодъ одолѣли“.

И перечеисливъ еще нѣсколько неудобствъ и разныхъ неприятныхъ подробностей въ самомъ способѣ предложенной службы—что войско прежде не „затягивали“ (брали на службу) такимъ образомъ, и не стоитъ вводить такой небывалой практики, какой не бывало въ прежнія времена (не правилось это раздѣленіе войска на два театра войны, предложенный походъ комягами и т. п.),—гетманъ просилъ извинить и принять къ свѣдѣнію все тѣ мотивы, какіе не даютъ возможности войску исполнить это порученіе¹⁾.

Кромѣ мотивовъ, указанныхъ въ этомъ письмѣ, неприятнымъ для козаковъ былъ, вѣроятно, и самый фактъ, что король обращается къ нимъ не самъ и не черезъ гетмана, а черезъ такого незначительнаго комиссара, и въ этомъ они могли видѣть желаніе дешевымъ способомъ, не принимая никакихъ обязанностей передъ козацествомъ, пользоваться его услугами. Но кромѣ всего прочаго, могла быть еще одна очень характерная причина—это шведскія вліянія. Начиная съ осени 1626 г. шведское правительство различными путями — черезъ Москву, черезъ Трансильванію, можетъ быть еще иными—пробовало какъ нибудь обратиться до козацкаго войска, чтобы поднять его противъ польскаго правительства²⁾. И хотя у насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ о томъ, что сношенія съ козаками были тогда дѣйствительно завязаны (миссія, высланная черезъ Москву, не удалась, благодаря несогласію московскаго правительства, не желавшаго пропустить шведскаго посла на Украину), но возможно, что кое-что изъ этого все таки долетѣло до Запорожскаго войска и повлияло на его несочувственное отношеніе къ походу на шведскій театръ войны...

Между тѣмъ польское правительство очень нуждалось въ козакахъ. Шклинскій получалъ напоминанія одно за другимъ. Получивъ упомянутый отвѣтъ отъ Дорошенка, онъ въ мартѣ отправился на Украину самъ лично. Для лучшаго настроенія просилъ короля прислать козацкое жалованіе въ Бѣлую Церковь, заранѣе прибавить жалованіе старшинѣ, и т. п.³⁾. Можетъ быть и извѣстное намъ королевское обѣщаніе 10 тыс. золотыхъ за ко-

¹⁾ Жерела VIII ч. 190.

²⁾ О миссін московской у Саломьова II с. 1169, о миссін трансильванской у Молчановскаго (Архивъ Ю. З. Р. III, VI) с. 24.

³⁾ Жерела VIII № 191.

зація потери въ битвахъ съ Татарами находилось въ известной связи съ этимъ видами на козаковъ, но и оно не помогло ничего.

Извѣстій о дальнѣйшихъ переговорахъ не имѣемъ, но реестровое козачество все таки не пошло въ этотъ походъ. Былъ ли наберобованъ какой-нибудь отрядъ изъ выписчиковъ, неизвѣстно (въ шведской войнѣ козацкіе контингенты выступаютъ вообще очень неясно)¹⁾. Но реестровое войско рѣшительно отказалось отъ шведской войны, не обѣщавшей имъ ничего пріятнаго. Московскій вѣстникъ Гр. Гладкій со словъ митрополита такъ рассказывалъ объ этомъ: Гетманъ созвалъ раду въ Каневѣ, и на радѣ козаки отказались, отвѣтили королевскому посланному, что на шведскаго короля они не пойдутъ; такъ какъ король польскій и паны сенаторы отняли у нихъ все средства къ жизни, на море идти запрещаютъ, они отъ того обнищали и на службу на шведскаго короля имъ идти не съ чѣмъ. И послали къ королю и сенаторамъ просить, чтобы на будущее время козацкаго войска было 10 тысячъ, и король чтобъ прислалъ имъ денегъ и сукна на 10 тысячъ²⁾.

Извѣстія изъ Константинополя о планахъ турецкой экспедиціи на Украину, для постройки замковъ на Днѣпрѣ, начавшія приходиться съ весной 1627 г.³⁾, дали новые аргументы за то, что козакамъ нельзя оставлять Украины, и польское правительство должно было въ концѣ концовъ принять къ свѣдѣнію эту мотивировку и оставить ихъ въ покоѣ съ шведскимъ походомъ⁴⁾.

Эти планы постройки замковъ на Днѣпрѣ, вызвавшіе такъ много шума и занявшіе вниманіе на цѣлый годъ, возникли по

¹⁾ Извѣстія о козакахъ на шведскомъ театрѣ собраны у Молчановскаго ст. 19, но изъ нихъ не видно, какіе это козаки — хоругви козацкіе или настоящіе запорожскіе козаки.

²⁾ Московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ, дѣла малороссійскія 1627 г. 12 марта.

³⁾ См. напр. письмо отъ 10 марта, Украина зр҃агу с. 12.

⁴⁾ Ю. Збаражскій резюмируетъ слухи объ этомъ въ своемъ письмѣ отъ 13 июня (Listy ч. 70): „Козаки взбунтовались и прислали съ такимъ отвѣтомъ, чтобы ихъ самъ король ни на какую службу не призывалъ, потому что они все силы должны обратить противъ Турокъ, чтобы не позволить имъ строить этого замка“. Изъ этого слѣдовало бы, что переговоры о походѣ козаковъ на шведскую войну затянулись до самаго лѣта и окончательно застряли въ разговорахъ объ этихъ турецкихъ замкахъ.

иниціативѣ Крымцевъ. Объясняли ее въ Стамбулѣ тѣмъ, что ханъ хотѣлъ отдѣлаться такимъ образомъ отъ перспективы похода на войну въ Персію, и для этого придумалъ занятіе у себя дома ¹⁾. Еще можетъ быть вѣроятнѣе, что этими замками онъ надѣялся вновь зацутать польско-турецкія отношенія, съ пользой для себя. Ханъ Магометъ выступилъ съ этимъ проэктомъ передъ стамбульскимъ диваномъ еще въ концѣ 1626 г. Онъ проэктировалъ построить два замка на нижнемъ Дибрѣ, на двухъ сторонахъ, вмѣсто давняго замка, построеннаго при султанѣ Солиманѣ, уже превратившагося въ развалины. Эти замки должны были препятствовать выходу козаковъ въ море. Одинъ замокъ брался построить самъ ханъ, постройку другого предоставлялъ Туркамъ.

Планъ этотъ былъ съ удовольствіемъ принятъ въ диванѣ, въ нач. 1627 г. Хану и калгѣ были посланы въ знакъ султанской милости сабли и кафтаны, капитану-пашѣ было поручено отправиться весной съ военнымъ флотомъ и транспортными кораблями на Дибрѣ для постройки замковъ и для защиты ея отъ возможныхъ препятствій со стороны козаковъ; къ нему же должна была присоединиться дунайская эскадра. Намѣстникъ Кафы долженъ былъ прислать рабочихъ для земляныхъ работъ; воеводы молдавскій и валашскій также обязаны были прибыть на помощь со своими людьми. По окончаніи замковъ тамъ имѣлъ быть оставленъ гарнизонъ изъ 4 тыс. людей, чтобы стеречь отъ козаковъ выходъ на море ²⁾.

Такія шумныя приготовленія немедленно стали извѣстны на Украинѣ и вызвали здѣсь большую тревогу. Польскіе правительственные круги обезпокоились, какъ десять лѣтъ назадъ, этими турецкими намѣреніями прочно основаться въ непосредственномъ сосѣдствѣ Украины, въ номинальныхъ границахъ Короны. Козачество рѣшительно не хотѣло-позволить Туркамъ преградить ему дорогу на море. Но до конфликта съ Турками польское правительство тоже не хотѣло доводить. Когда армія капитанъ-пашы, сойдясь подъ Тегинею съ людьми молдавскими и валашскими, двинулась отсюда на украинскую границу, Хмелецкій съ польскимъ войскомъ и съ украинскими козаками прежде всего демонстративно выступилъ ей на встрѣчу и этимъ маневромъ, по его словамъ, принудилъ намѣ-

¹⁾ См. у Цинцайзена IV с. 250.

²⁾ Денешы французскія—Hist. Rus. mon. II с. 432—3, венеціанскія у Гаммера V с. 70; Навма—Collectanea I с. 182—3.

нить свои планы: вмѣсто того, чтобы идти на украинское пограничье (гдѣ наша имѣла будто-бы намѣреніе строить замокъ на границахъ Браславщины, на устьи Чичаклея въ Бугу), наша двинулся къ Очакову и оттуда вступилъ въ переговоры съ Хмелецкимъ при посредствѣ господаря молдавскаго Мирона Могилы-Бернавскаго. Этими переговорами Хмелецкій успѣлъ отвлечь нашу отъ намѣренія строить другой замокъ, пугая его тѣмъ, что козаки и вся Украина взволновались при извѣстии объ этихъ замкахъ и нельзя будетъ поддерживать миръ съ Турціей; „козаки, узнавъ объ этомъ, не хотятъ слушать своихъ старшихъ и думаютъ о походѣ по Дибру“, и т. п.

Окончилось все тѣмъ, что только ханъ крымскій возобновилъ старый замокъ въ Асланъ-Керменѣ, а наша отъ своего замка отказался, заключивъ новое соглашеніе между Турціей и Польшей и отправился восвояси, а Хмелецкій, прокарауливъ цѣлое лѣто и начало осени на степномъ пограничьи (надъ Суріей) со своимъ войскомъ и козаками, также возвратился на зимнюю квартиру ¹⁾.

Своевольное козачество за это время, смѣясь надъ турецкими мѣропріятіями и замками, собралось въ походъ на море—на-считываютъ ихъ отъ 60 до 80 чаетъ, но подробностей объ этомъ походѣ никакихъ не имѣемъ ²⁾. А реестровики, возвратившись на волость, занялись снова снаряженіемъ посольства къ королю, на сеймъ, созванный въ Варшавѣ въ началѣ октября ст. ст.

Въ посольствѣ отправились на этотъ разъ Яцко Клипа, Иванъ Туровець, Константинъ Волкъ (мы видѣли его нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ войсковымъ писаремъ) и др. Грамота, помѣченная „таборомъ около Таргалова пруда надъ Росавою“, писана 22 октября ³⁾. Послы везли *ad captandam benevolentiam* нѣсколькихъ плѣнныхъ Татаръ, захваченныхъ во время набѣда подъ Мушуровымъ, и письмо, въ которомъ Дорошенко именемъ войска, прося у короля извиненія за „частыя доуки“, оправдывается тѣмъ, что „гвалтъ и недостатокъ великій“ принуж-

¹⁾ Жерела VIII № 198, 198, *Ukrainne sprawy* с. 6, 16, депешы французскія I. с. с. 488.

²⁾ О немъ Жерела VIII № 199, 200, 202 (изъ двухъ походовъ, упомянутыхъ въ письмѣ султана, первый относится къ предъидущимъ годамъ, и только второй къ 1627 г.).

³⁾ Жерела VIII № 201.

даетъ ихъ надобдѣть королю просьбами о выдачѣ имъ жалованной грамоты для защиты отъ украинской шляхты. По его словамъ, эта шляхта, не смотря на лойяльное поведеніе козачества и на суровые универсалы, нѣсколько разъ выданные изъ королевской канцеляріи (этихъ универсаловъ не имѣемъ, и не знаемъ опять, насколько и здѣсь точна эта козацкая ссылка на нихъ),— продолжаетъ свои притѣненія и преслѣдуетъ козаковъ изгнаніями и отобраніемъ земель. Все это, очевидно, происходило на почвѣ все того же принудительнаго выведенія козаковъ изъ частныхъ помѣстій—козаки, видно, продолжали уклоняться отъ него поумъ разными предлогами. Для иллюстраціи этого шляхетскаго самоуправства указывается фактъ, что паны Калиновскіе не пропустили козацкаго войска черезъ свои помѣстья. Но все это, вѣроятно, говорилось болѣе для декораціи, умыселъ былъ иной и королевская жалованная грамота испрашивались для цѣлей указанныхъ уже выше—для расширенія и утвержденія козацкихъ вольностей.

Изъ козацкой инструкціи намъ извѣстны такіе пункты: просьбы относительно увеличенія жалованія, ассигновки на артиллорію и уплаты 10 тыс. злотыхъ, обѣщанныхъ королемъ; жалоба на уманскихъ мѣщанъ, за то что они не позволили козакамъ расположиться на квартирахъ, указанныхъ имъ Хмелецкимъ, напали на козаковъ и нѣсколькихъ убили (это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на столкновение козаковъ съ Калиновскими, владѣльцами Уманщины); просьбы обезпеченія отъ насилій со стороны шляхты, какія терпятъ козаки имѣющіе свои „станційные домки“ (очевидно въ польскихъ помѣстьяхъ). Наконецъ козаки обращали вниманіе правительства на турецкіе или татарскіе замки на Днѣпрѣ: одинъ замокъ Шагинъ-герей построилъ въ этомъ году на лѣвой сторонѣ Днѣпра¹⁾, а въ слѣдующемъ году хочетъ строить еще два замка на правой сторонѣ; это очень опасно для Рѣчи Посполитой и козаки просятъ королевскихъ указаній, какъ имъ поступать?

Эти петиціи предложены были послами королю на торжественной аудіенціи, гдѣ посольство передало гетману грамоту и плѣнныхъ, 7 (17) ноября, а на другой день козацкіе послы предложили эти же петиціи посольской палатѣ, прося, чтобы палата поддержала ихъ передъ королемъ²⁾. Палата, разсмотрѣвъ,

¹⁾ Здѣсь имѣемъ подтвержденіе, что построенъ былъ только одинъ замокъ.

²⁾ Жерела VIII № 204.

рѣшила поддержать передъ королемъ просьбу объ обѣщанномъ вознагражденіи, жалобу на Калиновскихъ и петицію о выдачѣ универсаловъ къ шляхтѣ; прочіе вопросы, по мнѣнію палаты, должны разсматриваться въ законодательномъ порядкѣ, цѣлымъ сеймомъ. Изъ вопросовъ, взятыхъ палатою подъ свое покровительство, козачество несомнѣнно болѣе всего интересовалось правомъ жительства козаковъ въ частныхъ помѣстьяхъ, и если козацкимъ посламъ удалось добиться отъ короля какихъ-нибудь универсаловъ къ шляхтѣ, дававшихъ возможность бороться съ исключеніемъ козаковъ изъ шляхетскихъ помѣстій, то это представляло для нихъ довольно значительную цѣнность. Козачество, очевидно, не хотѣло никакъ признать этого исключенія на практикѣ и не имѣя надежды добиться его формальной отмѣны, вело съ нимъ борьбу окольную, различными обходными маневрами.

Въ законодательномъ порядкѣ сеймъ ничего интереснаго для козачества не постановилъ. Принимая во вниманіе неопредѣленные отношенія къ Татарамъ и Туркамъ постановлено было, что кварцянское войско должно быть употреблено исключительно для защиты Украины (а на шведскую войну разрѣшены экстренные кредиты), и войско козацкое также вмѣстѣ съ нимъ „должно давать отпоръ язычникамъ“; объ удовлетвореніи же требованій этого войска сеймовыя конституціи умолчали. Вопросъ о „греческой религіи“ формально еще разъ „пущенъ въ recessъ до слѣдующаго сейма“¹⁾.

Характерно, что въ козацкихъ петиціяхъ уже полтора года мы не встрѣчаемъ этого религіознаго вопроса, раньше занимавшаго въ нихъ такое выдающееся, главное мѣсто. Можно думать, что сами іерархи, все болѣе склоняясь къ оппортунистической, компромиссной тактикѣ, не считали полезнымъ пускаться въ ходъ козацкія петиціи, такъ какъ свою бесплодность показали онѣ уже достаточно въ предыдущихъ случаяхъ, а какъ манифестація союза православной іерархіи съ козачествомъ, можетъ быть, по мнѣнію оппортунистически настроенныхъ іерарховъ, болѣе вредили, чѣмъ способствовали установленію отношеній съ правительствомъ и правящими кругами. Какъ мы знаемъ, этотъ вопросъ какъ разъ рѣшался за кюлисами сейма, секретными переговорами, и вмѣшивать сюда козачество руководящимъ православнымъ сферамъ не было интереса.

¹⁾ Volumina legum III с. 260 и 263.

Грушевскій. Козачество, т. II.

Козацкія представленія по вопросу о турецко-татарскихъ замкахъ на Днѣпрѣ не получили официальнаго разрѣшенія въ актахъ сейма. Дѣло было довольно щекотливое для польской политики: нельзя было, считаясь съ Турціей, сказать громко то, что говорилось и писалось секретно, частнымъ образомъ: что турецкіе замки на Днѣпрѣ дѣйствительно очень нежелательны, и хорошо было-бы, еслибъ козаки покончили съ ними по собственной инициативѣ, не вмѣшивая сюда польскаго правительства, въ виду своихъ шведскихъ хлопотъ усердно заботившагося о поддержаніи добрыхъ отношеній съ Турціей¹⁾. Но такое настроеніе правительственныхъ сферъ, конечно, не было тайной для козацкой старшины, и къ веснѣ 1628 года гетманъ Дорошенко съ реестровиками и нерестровиками двинулся на Запорожье, извѣстивъ Хмелецкаго, какъ представителя польскаго правительства на Украинѣ, что онъ отправляется туда съ цѣлью усмирить своеволю и удержать ее отъ походовъ на море²⁾, „а главнымъ образомъ для того, чтобы истребить замки, то-есть Исламъ-Кермень, построенный во вредъ Рѣчи Посполитой на самой переправѣ черезъ Днѣпръ, и не допустить до постройки новыхъ замковъ, которые непременно должны были появиться въ этомъ году: для этого императоръ турецкій и выслалъ на Черное море нѣсколько большихъ галеръ и нѣсколько меньшихъ съ однимъ турецкимъ пашею“. Такъ передаютъ козаки въ позднѣйшемъ письмѣ къ Хмелецкому содержаніе этого предыдущаго манифеста Дорошенка³⁾.

Обстоятельства были для этого предпріятія очень благоприятны, такъ какъ здѣшній татарскій и турецкій миръ занятъ былъ татарскимъ междоусобіемъ, борьбой Шагинъ-гирей съ мурзой Кантемиромъ, которая послѣ нѣкотораго затишья разразилась съ новой силой и къ веснѣ перешла въ упорную вооруженную войну. Безъ большихъ хлопотъ и препятствій Дорошенко съ козаками осадили замокъ и „счастливымъ образомъ“ — „счастьемъ вашей королевской милости и отвагой своей“, какъ галантно затѣмъ доносили королю, завоевали этотъ замокъ, хотя онъ былъ такъ хорошо снабженъ артиллеріей и людьми, по ихъ словамъ, что могъ бы противостоять очень большому осламъ. Уничтожили замокъ до

¹⁾ Ср. письма Збаражскаго, с. 133.

²⁾ Такой походъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто осенью 1627 г. — Жерела VІІІ с. 323.

³⁾ Ukrainne sprawy с. 24.

основанія, взяли изъ него нѣсколько пушекъ и съ триумфомъ возвратились на Запорожье ¹⁾.

Объ „успокоеніи“ своевольства и предупрежденіи походовъ на море заботились меньше. Наоборотъ, этотъ полуофициальный походъ на Асланъ-городокъ только расшевелилъ своевольную энергію и непосредственно послѣ этого ватаги выписчиковъ собрались на море—въ маѣ ишутъ изъ Константинополя, что эти козаки напали на турецкія страны, причинили здѣсь много убытковъ и продолжаютъ ихъ грабить и опустошать ²⁾. Неизвѣстно, къ этому или къ предыдущему походу (осеннему) относится турецкое извѣстіе о козацкомъ нападении на Андосъ (около Бургаса)—что козаки тамъ забрали въ неволю людей, разграбили ихъ имущество и т. д. ³⁾.

Реестровики же, разъ захваченные волной полусвоевольнаго добычничества, бросились въ разгаръ крымскихъ междоусобій, разгоравшихся тогда все болѣе и болѣе. Въ новой своей войнѣ съ Кантемиромъ, вспыхнувшей весной 1628 г., Шагинъ-гирей снова былъ разбитъ за Дунаемъ и долженъ былъ спасаться въ Крымъ ⁴⁾. Это подало поводъ къ возстанію крымскихъ мурзъ, недовольныхъ жестокостями Шагина и его брата хана, а турецкое правительство, не забывшее братьямъ ихъ вооруженнаго отпора въ 1624 г. и злорадно слѣдившее за всякимъ неудачнымъ шагомъ, за всякимъ несчастіемъ, сваливавшимся на нихъ ⁵⁾, также задумало воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы покончить со своевольными вассалами. Оно извлекло изъ забвенія прежняго хана Джанибекъ-гирея и поручило капитанъ-пашѣ со своей эскадрой отправиться съ нимъ въ Крымъ и посадить его снова на ханскомъ престолѣ. Въ этомъ крайнемъ положеніи Шагинъ обратился къ своимъ прежнимъ спасителямъ-козакамъ: спасаясь изъ-за Дуная въ Крымъ отъ Кантемира, гнавшагося со своей ордой за нимъ „въ тропы“, Шагинъ выслалъ на Запорожье своихъ

¹⁾ Українне зправу с. 27, кромѣ этой коротенькой реляціи никакихъ подробностей не имѣемъ.

²⁾ Ibid. ст. 28: 6 іюня получилъ такія извѣстія изъ Константинополя господарь молдавскій.

³⁾ Укр. зправу, с. 57.

⁴⁾ Объ этомъ крымскомъ междоусобіи современная реляція, уже цитированная и очень подробная въ сборникѣ Українне зправу, с. 6—7, турецкіе источники у Смирнова с. 495, Гамкера с. 86—7, Collectanea I с. 184—5.

⁵⁾ См. французскія депешы 1. с. с. 433—4.

родственниковъ, припоминая козакамъ старую союзную присягу и общая хорошую плату.

Обстоятельства были таковы, что не оставляли мѣста для долгихъ размышлений. Дорошенко рѣшилъ идти на приглашеніе Шагина съ тѣмъ войскомъ, какое было при немъ. „Хотя и не имѣли мы разрѣшенія вашей королевской милости и региментаріевъ вашихъ, но усматривая удобный случай для разъединенія ихъ (Татаръ) и поводъ къ междоусобию,—а отъ подобнаго междоусобія каждый непріятель несомнѣнно ослабѣетъ,—толковали потому козакъ королю,—надѣялись мы, что это не навлечетъ на насъ немилости королевской, и хотя съ неравными силами,—не было насъ и полныхъ четырехъ тысячъ—рѣшились на нихъ идти, надѣясь на какое нибудь облегченіе въ нашемъ теперешнемъ бѣдственномъ положеніи“¹⁾.

Къ сожалѣнію о подробностяхъ этой интересной экспедиціи козакъ не распространялись, и мы имѣемъ о ней только слишкомъ общія и лаконощескія извѣстія. Бросившись какъ можна поспѣшнѣе въ Крымъ, козакъ еще подоспѣли вовремя: застали Шагина и хана, хотя въ крайне бѣдственномъ состояніи. Убѣжавъ въ Бахчисарай, братья собрали остатки своихъ приверженцевъ, но еслибы козакъ еще немного промедлили, Татары Кантемира покоччили бы съ ними. Занятый Бахчисараемъ, Кантемиръ не придавалъ особеннаго значенія извѣстіямъ о козацкомъ походѣ, думая, что это какой нибудь небольшой отрядъ въ нѣсколько сотъ человекъ, какъ въ 1624 г., а не самъ гетманъ съ войскомъ. Поэтому онъ не постарался преградить имъ дорогу въ Перекопъ. Козацкое войско прошло свободно Перекопъ, и тогда только Кантемиръ, увидя свою ошибку, бросился съ главными силами на козаковъ, оставивъ небольшой отрядъ подъ Бахчисараемъ. Силы его были значительно больше, чѣмъ козацкія, но козакъ смѣло напали на нихъ и шесть дней съ оружіемъ въ рукахъ, пробивая себѣ дорогу въ непрерывной битвѣ, шли обозомъ отъ Перекопа къ Бахчисараю. Имъ удалось пробиться, разбивъ Кантемирово войско, такъ что онъ, понёсся большія утраты, самъ израненный, бѣжалъ въ Кафу, подъ защиту турецкаго флота. Но и козакъ понесли значительныя потери: около тысячи легло ихъ, и при этомъ они потеряли Дорошенка, и стараго гетмана Олифера,

¹⁾ Українне зраду с. 27, ср. также с. 7, 25, 50 (современныя письма и реляціи).

также участвовавшего въ походѣ ¹⁾). Пали они во главѣ своего войска отъ пуль турецкихъ сейменовъ, прибывшихъ на корабляхъ изъ-за Дуная на помощь Кантемиру и пришедшихъ черезъ горы къ Бахчисараю.

Это былъ тяжелый ударъ для козацкаго войска, и эту потерю козакъ объясняли, почему походъ не удался вполнѣ. „Удалось бы наше дѣло, еслибы не повредила смерть славной памяти покойника Дорошенка, гетмана нашего; но трудно уберечься отъ суда божія, въ особенности, когда приходилось идти почти шесть дней ручнымъ боемъ, въ битвахъ съ войсками Кантемира, черезъ весь Крымъ“. Но большія потери не отняли у козаковъ отваги. На мѣсто Дорошенка они избрали новаго гетмана (современная польская реляція называетъ его Moirzenica— имя очевидно испорчено). Козацкое войско прошло къ Бахчисараю. Шагинъ съ братомъ были освобождены изъ блокады; при нихъ было всего нѣсколько сотъ человѣкъ Татаръ: только теперь, когда его освободили козакъ, начали къ нему съѣзжаться мурзы. Шагинъ теперь хотѣлъ съ козаками и Татарами идти на Кафу. Козакъ, принимая во вниманіе большія потери и неопредѣленное положеніе, потерявъ испытаннаго вождя, можетъ быть и не хотѣли дальше лутаться среди бусурманъ и считали за лучшее возвратиться на Украину, предоставивъ самому Шагину дальнѣйшую борьбу съ его врагами. Но Шагинъ дустилъ въ ходъ деньги—подоспѣлъ въ Крымъ московскій посоль съ казною. Шагинъ употребилъ эти деньги на раздачу козакамъ, козакъ получили „по пять золотыхъ на коня московскихъ денегъ“, какъ гласитъ современная реляція ²⁾, и пошли съ Шагиномъ на Кафу. Кантемиръ, „не желая, чтобы его какъ бабу въ городѣ застали“, вышелъ на встрѣчу со своимъ войскомъ за двѣ мили отъ города. Произошла новая битва, и тутъ Кантемира разгромили такъ, что онъ „едва съ двумя конями убѣжалъ, да и то одна лошадь сейчасъ же въ кафинскихъ воротахъ упала и из-

¹⁾ Олифера считаютъ предводителемъ выписчиковъ, на основаніи московскаго извѣстія 1626 г. (выше с. 386), но оно совершенно ненадежно и собственно говоря мы не имѣемъ какихъ-нибудь достовѣрныхъ слѣдовъ участія выписчиковъ въ дорошенковскомъ походѣ.

²⁾ Кроме того высказано было въ литературѣ подозрѣніе, что новый гетманъ былъ подкупленъ Шагиномъ и этимъ объясняется извѣстіе о позднѣйшей вазни этого гетмана.

дохла“. Одинъ изъ сыновей Кантемира попался живымъ въ руки Шагина—онъ велѣлъ его обезглавить подъ стѣнами Кафы, на глазахъ стараго Кантемира, смотрѣвшаго со стѣны. Своихъ приверженцевъ Шагинъ разослалъ по странѣ, приказавъ истреблять остатки войска Кантемира. Козацкое войско осталось подъ Кафой, осаждало ее полтора мѣсяца и городу приходилось очень круто. Шагинъ велъ переговоры съ Кафишцами, уговаривая выдать Кантемира, и тотъ, чувствуя опасность, не рѣшался даже почевать въ городѣ, а на почъ сѣдился на галеру и выѣзжалъ въ морѣ. Говорили, что только ханъ Магометъ мѣшала възятію Кафы—„жалѣлъ Турокъ“ т. е. опасался, что въ случаѣ взятія Кафы находившихся тамъ Турокъ перорѣжутъ и это безвозвратно уже погубить его шансы на султанскомъ дворѣ.

Въ это время показалась на морѣ турецкая эскадра, сопровождавшая въ Крымъ новаго хана. Эскадра была большая, состояла изъ 25 различныхъ кораблей; кромѣ того сухимъ путемъ приближались съ войскомъ паши Гусейнъ и Кенанъ на помощь Кантемиру. Это вызвало смятеніе въ войскѣ Шагина; много татарскихъ мурзъ начало перебѣгать въ войско Кантемира, и самъ ханъ Магометъ, бросивъ свои шатры, убѣжалъ ночью изъ лагеря Шагина въ Бахчисарай. Козаки съ Шагиномъ держались; но когда въ ближайшей битвѣ много татарской „черни“, „увидя новаго хана“, также убѣжало изъ войска, нечего было дѣлать. Козацкое войско рѣшило возвращаться, да и Шагинъ, не имѣя возможности держаться въ Крыму, со своимъ дворомъ—снова уменьшившимся до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, отправился съ козаками. Девлетъ-гирей съ Кантемиромъ пошли за ними въ догонку, но козаки успѣшно отражали ихъ нападенія и съ небольшими потерями счастливо вышли изъ Крыма. Только изъ разосланныхъ за припасами погибло козаковъ человѣкъ двѣсти.

Въ первой половинѣ іюля козацкое войско было снова на Запорожьѣ, привезя, какъ трофей, польскія пушки, взятая Кантемиромъ у Жолкевскаго подъ Цецорою, а теперь во время похода въ Крымъ отобранныя козаками отъ Кантемира: захватили ихъ двѣнадцать, изъ нихъ девять привезли въ Сичъ, а три затопили въ дорогѣ, не имѣя возможности увезти съ собой ¹⁾).

¹⁾ Краткія козацкія сообщенія въ письмахъ къ Хмелепкому и въ королю, писанныя по возвращеніи на Запорожьѣ, 15/VII и

На Запорожьѣ козаки застали королевскаго посланца; они потому говорили, что изъ-за этого главнымъ образомъ прервали крымскій походъ, такъ какъ узнали о прїѣздѣ королевскаго посла. Съ чѣмъ онъ прїѣхалъ, не знаемъ, но можна догадываться—что съ напоминаніемъ объ „усмиреніи своевольства“ (припомнимъ весенній походъ на море)¹⁾. Украинное своевольство дѣйствительно начинало съ теченіемъ времени усиливаться все болѣе, по обыкновенію. Послѣ весенняго морского похода Филоненко изъ Корсуня, позднѣйшій полковникъ, собралъ изъ различныхъ городовъ „ватажку“ изъ 3000 человекъ—въ числѣ ихъ былъ и Овирскій, подстароста уманскій. Съ ними Филоненко напалъ на Молдавію, попалъ въ Тегиню на армарку, едва не захватилъ неожиданнымъ нападеніемъ здѣшняго замка, но козаки бросились „на дупь“ и тѣмъ временемъ замокъ отразилъ нападеніе; но городъ былъ разоренъ жестоко—„въ конецъ сожгли, Турокъ много порубили и огнемъ разорили“. Большую добычу привели съ собой домой—ясыру, воловъ, денегъ и всего прочаго²⁾.

Другую экскурсію въ то же время затѣялъ какой-то Малай изъ Черкасѣ: пошелъ „въ рѣчки“ (на Самару), собравъ полторы тысячи человекъ; промыслялъ козацкимъ хлѣбомъ на Муравскомъ шляху (большой дорогѣ изъ московской Украины въ Крымъ). Напалъ на караванъ татарскій, везшій отъ Шагинъ-гирея деньги его женѣ въ Керсію. Ограбилъ этихъ Татаръ и забралъ большую добычу: по 7 червонныхъ золотыхъ и по пяти лошадей пришлось на человека, какъ рассказывали на Украинѣ³⁾.

Послѣ этихъ предварительныхъ экскурсій явились планы большого морского похода и на Запорожьѣ, но здѣсь мнѣнія и взгляды раздѣлились. Не было недостатка въ сторонникахъ похода на море, но было много предпочитавшихъ держаться крым-

28 VII—Украинне справу с. 24 і 26. Исходя изъ первоисточника, они, имѣютъ преимущество передъ двумя современными польскими реляціями, тамъ же с. 7—8 и 50—1, но мѣстами очень кратки и дополняются послѣдними. Менѣе подробны турецкія извѣстія: Collocataea I с. 185, письма въ Укр. справу с. 43 и 73, Жерела VIII № 206 и 207; кое-что у Гаммера, Цанкайзена, Голембювскаго, Смирнова, очень немного въ суммѣ.

¹⁾ Есть намевъ на это и въ козацкомъ письмѣ въ Хмелецкому, Укр. справу с. 25.

²⁾ Украинне справу с. 36, 52, 57.

³⁾ Ibid. с. 52; реляція объ этихъ походахъ написана передъ св. Иліей.

ской аферы, которую, какъ можно было надѣяться—и впродъ можно было продолжать безъ рѣшительнаго конфликта съ правительствомъ. Приближался день св. Иліи, срокъ выплаты „жолда“ козакамъ, и очевидно—имъ было жаль лишиться этихъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ золотыхъ. Шагинъ-гирей со своей стороны, расположившись со своимъ дворомъ по сосѣдству съ Сичей, также всяческими способами, подарками и обѣщаніями, склонялъ козачество къ дальнѣйшей борьбѣ съ Кантемиромъ и Джанибекъ-тиреемъ. Онъ пришелъ сюда всего съ нѣсколькими десятками коней, но постоянно къ нему прибывали новые приверженцы изъ Крыма, испытывъ на себѣ гоненія новаго хана и Кантемира, овладѣвшихъ Крымомъ и начавшихъ кровавую расправу со всеми, кто былъ на сторонѣ Магомета и Шагина, и старые партизаны призывали Шагина въ Крымъ, обѣщая ему помощь и успѣхъ.

Гетманъ, преемникъ Дорошенка, избранный на его мѣсто подъ Бахчисараемъ, навлекъ на себя немилость войска. Его свергли съ гетманства, судили и покарали смертью—утопили его, какъ говоритъ современная реляція—„за то что онъ утаилъ у себя войсковыя деньги“. Теперь стояли другъ противъ друга двѣ партіи. Приверженцы лояльной полнѣткн ставили кандидатуру Грицька Савича Чорнаго изъ Черкассь, извѣстнаго предводителя морского похода 1624 г. Онъ теперь выступалъ противъ морского похода, то есть противъ конфликта съ правительствомъ: „соглашался быть гетманомъ, если не пойдутъ на море“. Другая партія выставляла кандидатомъ какого-то Мусія, „бравшагося быть гетманомъ на морѣ“, какъ въ 1619 г. Бородавка. Среди рещетровиковъ перевѣсъ взяла партія лояльныхъ. Гетманомъ былъ избранъ Грицько и рѣшено было войти въ соглашеніе съ правительствомъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій въ Крыму¹⁾.

Отъ іюля мѣсяца имѣемъ первое письмо козаковъ по этому дѣлу—оно адресовано Хмелецкому, „издавна привыкшему здравый совѣтъ и благосклонную милость оказывать войску“, и носитъ характеръ первой развѣдки въ сферѣ правительственной политики относительно крымской аферы.

Войско поясняло, что долгое пребываніе его на Запорожьи имѣло и имѣеть цѣлью основательное усмиреніе своевольства. Не имѣя возможности посѣтить въ Кіевъ ко дню св.

¹⁾ Объ этомъ цитированная реляція, писанная въ первой половинѣ іюля—Українке зржаву с. 51.

Или за годовымъ жалованіемъ для войска, войско высылаетъ за нимъ своихъ уполномоченныхъ и проситъ Хмелецкаго съ своей стороны обратить вниманіе, чтобы имъ это жалованіе сполна уплатили. Рассказываетъ свою крымскую одиссею, которую казаки якобы прервали для того, чтобы долгое ихъ пребываніе въ Крыму не было противно волѣ короля и Рѣчи Посполитой. Доносятъ наконецъ о прибытіи Шагинъ-гирея на Запорожье, „не съ какимъ инымъ замысломъ, но только съ тѣмъ, чтобы укрыться подъ крылья короны польской“. Войско не считаетъ возможнымъ самовольно поддерживать его на будущее время, ибо „намъ комиссіей (куруковской) это запрещено, и не смѣемъ ничего важнаго съ нимъ предпринимать“, но оно находитъ очень желательнымъ въ интересахъ государства поддержать крымскаго претендента, и поэтому спрашиваетъ совѣта, какъ поступить¹⁾.

Отвѣта Хмелецкаго не имѣемъ, но онъ несомнѣнно былъ сочувственнымъ, такъ какъ Хмелецкій былъ сторонникомъ поддержки крымской усобицы, и черезъ двѣ недѣли козацкое войско высылаетъ уже посольство къ королю, вмѣстѣ съ послемъ отъ Шагинъ-гирея. Козацкіе послы повезли королю письмо, написанное въ томъ же духѣ, какъ и къ Хмелецкому, но съ болѣе энергичнымъ изложеніемъ значенія крымскихъ плановъ для государства:

„Если когда-нибудь, то именно теперь подходящее время для того, чтобы сместъ весь Крымъ, если будетъ на то воля вашей королевской милости. Рѣчь Посполитая безъ большихъ хлопотъ можетъ обезпечить себѣ вѣчный миръ. За одну осень ваша кор. милость можетъ завоевать Крымъ — присоединивъ только къ Запорожскому войску то войско, какое находится подъ начальствомъ п. хорунжаго браславскаго (Хмелецкаго)“.

И при сей вѣрной оказіи, — подъ предлогомъ, что имъ „для искорененія своеволія и предупрежденія дальнѣйшихъ замысловъ азычниковъ и изъ-за Шагинъ-гирея пришлось долѣе обыкновеннаго пробыть на Запорожья, войско проситъ у короля прибавки жалованія, лошадей и прочаго необходимаго²⁾).

Польское правительство очутилось въ довольно затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны корректность по отношенію къ Турціи заставляла воздерживаться отъ участія въ крымскихъ междоусобіяхъ, отъ поддержки претендентовъ противъ за-

¹⁾ Ukr. справу с. 24.

²⁾ Ibid. с. 27.

конно поставленныхъ турецкихъ вассаловъ. И въ отноше́ніяхъ къ козакамъ принципиальная политика собственно требовала наказанія за самовольные шаги и запрещенія на будущее время всякой политики на свою отвѣтственность—несогласіе съ послѣдней ординаціей хорошо чувствовало даже само козачество. Но съ другой стороны—обуздать крымскихъ разбойниковъ и самую Турцію при помощи такого энергичнаго и талантливаго претендента, связать крымскія силы хропическимъ междуусобіемъ, и въ случаѣ успѣха Шагина—обеспечить себѣ вліяніе въ Крыму — все это также было слишкомъ заманчиво.

Шагинъ въ своихъ письмахъ королю обѣщаль легкое завоеваніе Крыма, вѣрное вассальство, безъ платы упоминковъ, и даже пріобрѣтенія за Дунаемъ въ турецкихъ владѣніяхъ¹⁾. И со всѣхъ сторонъ раздавались по адресу короля и его министровъ совѣты—ни въ какомъ случаѣ не упускать такого чудеснаго случая, не оставлять Шагина безъ помощи, поручить козакамъ, чтобы они помогли ему всѣми силами, даже побудить ихъ къ тому. Такъ несомнѣнно совѣтовалъ Хмелецкій; такую политику горячо рекомендовалъ преданный и вѣрный Польшѣ господарь молдавскій, несомнѣнно хорошій знатокъ турецко-татарскихъ отношеній²⁾; къ ней же, наконецъ, склонялъ короля и его неутомимый референтъ украинскихъ дѣлъ; нашъ старый знакомый кн. Юрій Збаражскій³⁾.

„Хотя это простые хлопцы, но и покойникъ Юлій Цезарь лучше не могъ бы посовѣтовать“, заявляетъ нашъ эспансивный землякъ по поводу козацкой мотивировки участія въ крымскомъ междуусобіи; „Шагинъ-гирей возвести на ханство, Татаръ поссорить, Орду истребить—время и удобный случай какъ разъ для такого розумнаго совѣта“. И захваченный этой идеей, онъ самъ силится размахнуться въ цезаревомъ стилѣ на свой манеръ:

„Надо вести дѣло только лишь черезъ козаковъ, ихъ на это станеть: собереться ихъ множество, такъ какъ и теперь не мало изъ Украины идетъ на Запорожье; пойдуть таборомъ, съ ружьями, съ хорошей артиллеріей, не смогутъ имъ Татары ничего сдѣлать. И пусть себѣ быются тамъ какъ можно больше — все намъ на пользу. Если посадятъ Шагинъ-гирей на ханство;

¹⁾ *Ukrainne sprawy* с. 34. ²⁾ *Ibid.* с. 28, 31.

³⁾ *Ibid.* с. 38 и того же буквально содержанія письмо его къ канцлеру—*Listy* с. 137, прочія его письма тамъ же с. 136 и *Ukr. Sprawy* с. 36, 37, 41, 52.

онъ будетъ помнить благодареніе, да и не на комъ ему опереться: къ намъ онъ вынужденъ будетъ обращаться въ каждомъ затрудненіи. Туркамъ онъ лютой врагъ и они ему, а онъ имъ никогда вѣрять не будетъ. Если же не удастся имъ посадить его сразу, то безъ сильнаго кровопролитія и безъ большого ущерба для Татаръ дѣло не можетъ обойтись, а мы тѣмъ долѣе будемъ пользоваться покоемъ. А если-бъ и козаковъ немного погибло — и это для насъ хорошо, потому что и отъ нихъ неразъ набирались мы страха“. Только Боже сохрани — не вмѣшивай сюда Польшу и не давай на это никакого оказательства. Никоммъ образомъ не посылать въ Крымъ Хмелецкаго, „ибо это была бы уже открытая война съ Турками и ясное доказательство нарушенія трактатовъ“.

„Пусть Хмелецкій остается на своемъ мѣстѣ и смотритъ, что изъ этого выйдетъ, а козаки пусть сами разыгрываютъ эту трагедію“. Даже козакамъ не нужно ничего писать, только извѣстить, что къ нимъ отправляется посланецъ, и все рассказать черезъ него устно, — „ибо хлонъ, напившись, легко все разболтаетъ преждевременно то тамъ то сямъ“. Шагинъ-гирею въ грамотѣ также высказать только сочувствіе, а надежду подать устно. Туркамъ на ихъ представленія и требованія выдать Шагина и не поддерживать его — отвѣтить, что Польша строго придерживается своего трактата съ Турціей и козакамъ не поручала поддерживать никакихъ связей съ Шагиномъ и не дозволяла, — „все это выписки, убѣждавшіе на Запорожьѣ послѣ того, какъ королевское войско карало своевольниковъ два года тому назадъ, — они ходили къ Шагинъ-гирею, брали отъ него плату, поддерживали съ нимъ сношенія, они и теперь его держатъ въ рукахъ; это все равно что ваши джелалыи (разбойники)“ и т. д.; король поручитъ написать имъ, чтобы ни въ чемъ не нарушали трактата съ Турціей. Впрочемъ можна быть увѣренными, что Турки, хотя бы догадывались въ чемъ дѣло, теперь не смогутъ выступить противъ Польши активно, такъ какъ заняты войной съ Персіей, и война эта идетъ очень неблагопріятно для нихъ, такъ что имъ не до Польши.

Согласно съ такими іезуитскими совѣтами и поступилъ король. Турецкаго чауша онъ отправилъ съ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что Польша въ крымскія дѣла совершенно не вмѣшивается, о Шагинѣ не знаетъ даже, гдѣ онъ теперь находится, и хотя приходили отъ него послы съ просьбою о помо-

щи, но имъ отказано въ какомъ-либо содѣйствіи¹⁾. Шагинъ-гирей король утѣшалъ въ его несчастіи, но предложеніе вассальной зависимости Крыма отклонилъ какъ пріобрѣтеніе малоцѣнное для него: такой могущественный властелинъ, какъ король, въ одинъ день раздастъ столько, сколько не получаетъ дохода весь Крымъ за цѣлый годъ. Но одновременно съ этимъ канцлеръ сообщалъ устно на аудіенціи послу Шагинъ-гирея, что старшій козацкій получилъ уже отъ короля приказъ идти съ Шагиномъ и его братомъ и всячески имъ помогать. Шагинъ просилъ 12 тыс. козаковъ; на это ему пояснили, что увеличивать козацкаго войска нельзя безъ спеціальнаго разрѣшенія короля, „но если они соберутъ охотниковъ для этого одного похода, то это имъ не будетъ поставлено въ вину, и объ этомъ онъ, канцлеръ, не будетъ давать знать королю²⁾).

Такъ рекомендовалъ шефъ польской политики польскую государственность крымскому варвару.

Въ отвѣтъ данному козакамъ на ихъ посольство—въ видѣ письма, переданнаго съ этими послами, король сдѣлалъ упрекъ козакамъ, что они безъ королевскаго позволенія вступили на чужоземную службу, но призналъ, что мотивы указанныя козаками до известной степени оправдываютъ ихъ; жалованіе, задержанное благодаря этому самовольному походу, будетъ имъ выплачено (слѣдовательно безъ прибавки!). Относительно избранія старшого на мѣсто Дорошенка король напоминалъ козакамъ постановленія комиссіи и высказывалъ надежду, что козаки выполнятъ ея постановленія, то-есть—представятъ старшаго на утвержденіе польскаго гетмана. На будущее время въ дѣлѣ Шагинъ-гирея король поручалъ имъ поступить согласно съ указаніемъ Хмельскаго или королевскаго посланца, отправляемаго къ войску одновременно съ этимъ³⁾.

Передъ широкими кругами польскаго общества правительство также не считало желательнымъ открывать своихъ карты. Въ осеннемъ предложеніи на сеймики, слегка намекая на то, что Польшѣ въ дѣлѣ Шагинъ-гирея не слѣдуетъ служить интересамъ турецкой политики, король вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно отстранялъ себя отъ козацкаго участія въ крымской аферѣ и пресиль

¹⁾ Реп. Публ. библ. Пол. Г. IV № 222, подъ 1628 г.

²⁾ Українне справу с. 44 и 48.

³⁾ Ркп. Публ. библ. Разн. Г. № 167 с. 310.

шляхту подумать также и о козацкомъ своеволіи— „объ опасности не только отъ Турокъ и Татаръ, но и отъ остальныхъ сосѣдей да и отъ самихъ своевольничавшихъ козаковъ; такъ какъ ихъ сообщество съ Шагинъ-гиреемъ не можетъ не быть подозрительнымъ и опаснымъ“¹⁾).

Козакамъ между тѣмъ черезъ своего посла король поручилъ всячески помогать Шагинъ-гирею, и вѣроятно этотъ самый посланный, по имени Душинскій, долженъ былъ остаться на Запорожьѣ, чтобы слѣдить за исполненіемъ этого порученія²⁾. Новоизбраннаго гетмана легализировали: король утвердилъ его или „подалъ“, какъ это официально называлась, специальной грамотой³⁾.

Но козаки не находили нужнымъ слишкомъ торопиться въ Крымъ. Ожидали, вѣроятно, обѣщаннаго жалованія. Своевольное козачество тѣмъ временемъ предпринимало все новые походы на турецкія и татарскія земли. Разорило окрестности Очакова, затѣмъ отправилось на море, но экспедиція не была удачной: противные вѣтры не позволили пуститься въ болѣе отдаленныя области и принудили козацкій флотъ держаться крымскихъ береговъ. „Туркамъ немного или и совершенно никакого вреда не причинили, только два корабля встрѣтили и принудили дать выкупъ: все у нихъ забрали и продали Грекамъ въ Козловѣ (Балаклава)“⁴⁾. Но и свои двѣ чайки потеряли—утопили онѣ⁵⁾.

Шагинъ-гирей за это время занимался партизанской войной противъ своихъ враговъ: ходилъ подъѣздами и забиралъ стада. Разъ подъ самымъ Черемономъ забралъ стада двѣ тысячи головъ и много невольниковъ, въ другой разъ 400 штукъ. Король распорядился отпускать ему необходимыя принасы для собственной надобности и для содержанія коней⁶⁾. На козацкіе походы правительственные круги смотрѣли также сквозь пальцы, они полезны были для соотвѣтственнаго впечатлѣнія, такъ какъ и Татары постоянно дѣлали набѣги, хотя небольшими отрядами, и было неприятно, что Турки, подъ предводительствомъ Кенанъ-паши, снова занялись постройкой замковъ на нижнемъ Днѣпрѣ вза-

1) Жерела VIII № 208. 2) Ukraine справу с. 67.

3) Это подчеркивается въ своемъ позднѣйшемъ обзорѣ Конечпольскій, ркн. Публ. библ., см. ниже.

4) Ukraine справу с. 68—9, Жерела VIII с. 840.

5) Ukr. справу с. 9, 49, 50.

мѣнь разрушеннаго Асланъ-кермена¹⁾). Поэтому съ польской стороны старались всякими способами ускорить походъ на Крымъ. Но козаки не торопились, ожидали возвращенія отправившихся на море, выискивали всевозможныя иныя препятствія, и только наконецъ въ послѣднихъ числахъ октября с. с. удалось ихъ сдвинуть.

„Запорожскіе козаки только перваго ноября н. ст. пришли съ моря“, доноситъ Хмелецкій канцлеру. „Этимъ морскимъ разбойникамъ не особенно хотѣлось въ Крымъ, по мой посланный усердно занялся этимъ и какъ доносить—они двинулись. 8 ноября конное войско и обозъ перешли за Днѣпръ съ Магометъ-гиреемъ ханомъ около Каменнаго затона, а пѣшее войско и артиллерія пошли водою съ Шагинъ-гиреемъ султаномъ къ Асланъ-городу, и тамъ подъ Асланъ-городомъ, въ пяти мняхъ отъ Перекopa они должны сойтись“²⁾).

Другая записка, писанная въ самый день выхода войска, можетъ быть самымъ агентомъ Хмелецкаго, поясняетъ намъ тѣ условія, на которыхъ козаки согласились идти въ Крымъ. Шагинъ и Магометъ согласились дать каждому козаку „на саблю“ по 10 червонныхъ золотыхъ и кожуху; обѣщали имъ сейчасъ предоставить во владѣніе „Ногайское государство“; королю и Рѣчи Посполитой пообѣщали быть вѣрными и безо всякихъ подарковъ ходить на каждаго непріятеля, куда только имъ скажутъ³⁾). Другая современная реляція объ этомъ походѣ, приводя текстъ присяги принесенной братьями передъ походомъ, добавляетъ еще кое-что: братья обѣщали оберегать Рѣчь Посполитую отъ всякихъ нападеній (татарскихъ), такихъ своевольниковъ обуздать и наказывать, всѣхъ плѣнниковъ (изъ провинцій Польши) изъ Крыма выдать и позволить ихъ отбирать у Татаръ. Такую присягу ханъ Магометъ принесъ среди козацкой рады, а послѣ него Шагинъ присягнулъ за себя и за брата, что ни въ какомъ случаѣ-какой бы оборотъ не приняла фортуна, они отъ козацкаго войска въ Крыму не отступятъ, и если бы имъ не удалось получить ханства, то вмѣстѣ съ козаками возвратятся на Запорожье⁴⁾).

1) Українне справу с. 53, 55—6, 59, 63—4.

2) Ibid. с. 68.

3) Жерела VIII ч. 210; дата 8/XII невозможна, вѣроятно надо 8/XI. Все въ чешь Хмелецкій повторяетъ буквально извѣстія этой записки.

4) Реляція, изданная при статьѣ Голембiовскаго о Шагинъ-гиреѣ.

На такихъ условіяхъ козаки отправлялись въ походъ. Конныхъ козаковъ было шесть тысячъ, Татаръ восемь тысячъ; среди нихъ 30 выдающихся мурзъ. Войско имѣло очень импозантный видъ и всё ожидали рѣшительной побѣды надъ врагами. Но сейчасъ же, въ самомъ началѣ похода разыгрался инцидентъ. Передамъ его словами упомянутой реляціи, написанной очень живо и непосредственно:

„Двинувшись отъ Микитинаго рога къ Каменному затону, два дня переправлялись за Днѣпръ ¹⁾. Но очень много козаковъ осталось на томъ берегу, завидуя старшему—той славѣ, что онъ былъ имъ данъ королемъ ²⁾. Старшій, увидѣвъ это, созвалъ раду и сталъ спрашивать, почему они не согласны на эту службу—почему такъ мало войска пошло? Они крикнули всё, что въ козацествѣ каждый идетъ по своей собственной охотѣ, а не по принужденію, а теперь подъ зиму каждому изъ насъ и изъ нашего товарищества не одѣтому приходится дрожать отъ холода, и отправляться въ такую землю, гдѣ ни согрѣться нечѣмъ, ни пропитанія достать ни для себя ни для лошадей—„военникамъ“ страшно. Но оставшіеся (при старшемъ) желая идти (въ походъ), такими словами заявляли свою готовность: „идемъ охотно, а нежелающихъ принуждать не будемъ—намъ лишь бы только славы своего войска не утратить и возвратиться на свои обычные мѣста“. Старшій поблагодарилъ ихъ за такое расположеніе и еще болѣе ободрялъ ихъ и поддавалъ охоты къ рѣшительному походу и назначивъ полковниковъ, двинулся съ войскомъ къ Каиру, а пѣхота отправилась на лодкахъ съ тѣмъ, чтобы тамъ соединиться съ „комонникомъ“ (коннымъ войскомъ).

„Третьяго дня потомъ, 12 ноября, стали около Кишенки, татарской мечети, стоящей около Носковского острова надъ Днѣпромъ издавна, когда еще орда здѣсь жила. Переписывали войско—вольми и пѣхотѣ, находившейся въ челнахъ, пристать къ берегу. При переписи войска оказалось: комонника двѣ тысячи, пѣхоты двѣ, орды съ Шагиномъ три съ половиной тысячи, и двинулись къ Каиру—туда полдня ходьбы. Тамъ должна была со-

¹⁾ Итакъ 8 ноября н. ст. двинулись подъ Каменный затонъ, чтобы тамъ перейти Днѣпръ, а перешли 10-го.

²⁾ Dla zazdrości starszemu tej sławy, iż nie z gamienia i. k. m. podany był. Фраза, очевидно, испорчена; вмѣсто не можетъ быть нужно читать im?

браться и пѣхота, оставивъ свои лодки, а оттуда уже сразу торопясь днемъ и ночью, надо было подойти къ Перекопу.

„Придя къ Каиру совѣщались, идти ли дальше въ тотъ же день, не отдыхая. Шагинъ-гирей совѣтовалъ и просилъ не останавливаться, для того чтобы непріятель не получилъ извѣстія—а если бы и узналъ о насъ, то не соберется такъ скоро съ силами и не будетъ имѣть чѣмъ дать намъ отпоръ. А для этого нужно спѣшить, чтобы прійди незамѣтно ночью къ Перекопу, сразу взять его. Тамъ орда волей неволей отступивъ отъ душмана (врага) моего, будетъ собираться ко мнѣ, а если дадимъ время непріятелю, то онъ соберется съ силами и найдетъ способъ обороны и отпора“. На это козаки крикнули, что степь безводна, путь далекій, нужно отдохнуть, и за это малое время ничего не утратимъ.

„Переночевавъ тамъ, 14 ноября двинулись по степи и около полуночи подошли къ Перекопу. Нужно было достать языка, незамѣтно подкравшись подъ самый городъ. Старшій остановилъ войско, и не довѣряя никому и не требуя себѣ отъ войска этой услуги, самъ съ нѣсколькими козаками и Татарами Шагинъ-гирей отправился туда, а войску велѣлъ наступать таборомъ. Не дойдя мили до города, они встрѣтили стада, больше десятка тысячъ штукъ, Перекопской орды—Камтемировихъ Ногаевъ и его самого, присмотрѣвшись къ стаду и къ Татарамъ, вочевавшимъ при немъ мурзамъ, возвратились къ войску и соваили потихоньку совѣщаніе—оставить ли стадо въ покоѣ и ударить прямо на Перекопъ. Совѣтъ Шагинъ-гирей былъ таковъ, чтобы пройти мимо стада, двинуться за Перекопъ и идти до самаго Бахчисарая, иначе, взявъ эту добычу, войско не захочетъ затѣмъ рисковать, но сейчасъ же захочетъ возвращаться назадъ—и дѣйствительно такъ и вышло. Козаки на такой совѣтъ не согласились, а рѣшили взять стадо. Говорили, „что сжарено, нужно рѣзать“, „зачѣмъ жалѣть непріятеля, пренебрегая способами для его уничтоженія? взявъ стадо, добудемъ лошадей для пѣхоты и пойдемъ на Перекопъ, а что Богъ опредѣлитъ, то не минуетъ!“.

„Раздѣливъ конницу на три полка, а Шагинъ-гирей съ четвертый, ждали разсвѣта, чтобы лучше напасть, когда будетъ видно, на что нападать. Но въ это время стало замѣтно, что орда при стадѣ замѣтила ихъ и встревожилась. На разсвѣтѣ полки двинулись, обозъ шелъ за ними по дорогѣ палатъ, и приблизившись къ стаду, сразу напали: Шагинъ-гирей на лѣвомъ крылѣ

забиралъ стада, а козаки, ударивъ на правомъ крылѣ, тоже взяли до пяти тысячъ военныхъ и табунныхъ лошадей и разгромили улусы, гдѣ ночевала орда, держа при себѣ нашихъ невольниковъ. Захватили тамъ также не мало Татаръ и всякій скотъ, оставленный Татарами, пригнали къ обозу. Старшій съ Шагинъ-гиреемъ пошелъ въ погоню за Татарами и остатками стада, которые тѣ утанили, и нагнавъ завязали битву съ ордой. Даль Богъ счастливо—съ большимъ ущербомъ для нихъ, а для нашихъ съ малымъ. Шагинъ-гирей со своими Татарами причинили большія потери Ногаямъ своими наѣздами, захватывая живыми и оставляя на полѣ.

„Но еще раньше, уже вечеромъ Джанибекъ-гирей ханъ и Девлетъ гирей султанъ-калга прибыли въ Перекопъ и узнавъ о происшедшемъ, велѣли стрѣлять изъ пушекъ, чтобы орда собиралась. Орда собиралась затѣмъ съ утра до вечера, а козаки, устроивъ таборъ, все время бились съ ними, то гарцуя то наступая всею войскою, и сѣбно приступали подъ Перекопъ. Подойдя къ городу, приблизились къ стѣнамъ перекопскаго замка, такъ что едва не долетали до нихъ пушечныя ядра, и остановились здѣсь. Начали совѣщаться, и козаки подняли крикъ, чтобы не входить во вражескую землю съ малыми силами, а возвращаться уже отсюда на Запорожье, чтобы не потерять и той добычи, когда неприятель соберется съ силами, и чтобы не понести большихъ потерь въ своихъ людяхъ.

Услышавъ объ этомъ, Шагинъ-гирей сильно встревоженный пришелъ на раду, уговаривая не задумывать ничего такого, не тревожиться, а продолжать свое предпріятіе, и говорилъ такими словами: „Паны молодцы! не таковъ я, чтобы желать войску позора или вести его на гибель, наоборотъ—къ славѣ и заслугамъ; а такъ отступить безъ причины, не попытавъ счастья съ неприятелемъ, и ободрить его еще больше противъ себя—развѣ это достойно война? Подарите мнѣ еще одну ночь, а я имѣю тамъ своихъ пріятелей, которые дадутъ мнѣ знать о замыслахъ и силахъ моего неприятеля — долженъ ли я пробовать счастья или нѣтъ—и тогда уже отступайте. Если же васъ тревожитъ недостатокъ воды и корма—то станемъ въ селѣ подъ этимъ городомъ, на хуторахъ называемыхъ Косараны, надъ морскимъ лиманомъ: тамъ и воды достанемъ и лошадей сможемъ хоть немного подкормить, а за это время—надѣюсь на Бога—онъ мнѣ при моемъ правомъ дѣлѣ поможетъ противъ моего душмана“. И дѣй-

ствительно потомъ за Шагинъ-гиреевъ пришло извѣстіе на Днѣпръ, что тѣ цари съ Каптемиромъ уже хотѣли уходить изъ Крыма, если бы козаки не поспѣшили своимъ отступленіемъ.

„Но козаки на это не соглашались и кричали, чтобы идти назадъ на Днѣпръ. Но такъ какъ воля старшаго совпадала съ волей и совѣтомъ Шагинъ-гирея, то онъ всетаки велѣлъ наступать, противъ воли и нерасположенія войска. Шагинъ-гирей, ободряя недовольное войско и довѣряя сердцу своего хорунжаго, какъ своему, самъ взялъ знамя и отважно бросился на орду, занявшую курганъ подъ тѣми же Косаранами. Загнавъ ихъ на перекопскіе валы, такъ что они тѣснили тамъ другъ друга, и сами заняли село Косараны, гдѣ находились перекопскіе хутора, чтобы козацкое войско истомилось безъ воды и корма для лошадей и вслѣдствіе этого скорѣе отступило, а въ глубину края не осмѣлилось идти. Такъ козаки, не доходя этого селца, стали подъ валами безъ воды и корма. Татары больше не нападали. Шагинъ-гирей совѣтовалъ зайти за Перекопъ, надѣясь, что орда стала бы собираться къ нему, а его душманамъ пришелъ бы конецъ. Но козаки на это не соглашались, и въ третьемъ часу ночи двинулись къ Перекопу, чтобы идти на Запорожье.

„Замѣтивъ это, цари выслали часть своего войска, чтобы тревожить козацкій таборъ, а сами тѣмъ временемъ стали собирать большія силы. Козаки давали отпоръ, убивая наскочившихъ на таборъ; но и съ противной стороны янычары, подходя къ табору и подводя на близкое разстояніе пушки, причиняли имъ уронъ. Такія схватки продолжались мѣся четыре, изъ Перекопа до самаго Каланчака. Туда орда обычно загоняетъ свои стада изъ Крыма на пастбу ради несоленой воды—есть ее немного тамъ въ оврагахъ. Здѣсь козацкое войско немного подкрѣпило измученныхъ лошадей и самихъ себя, истомившись отъ жажды.

„Около восхода солнца подошлѣли къ этому мѣсту Кантемиръ съ Джанибекъ-гиреевъ ханомъ и Девлетъ-гиреевъ калгой, хорошо приготовившись, съ 10 тысячами орды, съ янычарами и пушками, и на ровной степи, со всѣхъ сторонъ ударили съ большою силой одинъ разъ, другой и третій, безъ перерыва, не давая оправиться. Но Богъ помогъ—козаки, всѣ спѣшившись съ лошадей, подпускали орду близко и давали хороший отпоръ—стрѣляли тамъ удачно, что густо засѣяли тамошнее поле неприятельскими трупами, и знатныхъ мурезъ не мало легло тогда. Огорченный этимъ и раздраженный еще больше Кантемиръ велѣлъ

своимъ янычарамъ спѣшитья и самъ повелъ ихъ полки, еще ко-
мониномъ подгоняя сзади. Но козаки, успокоившись послѣ первой
схватки, еще лучше и отважнѣе бились съ ними, побили много
янычаръ и Татаръ, и наконецъ Каятемиръ долженъ былъ отсту-
пить со стыдомъ и печалью. Только уже издалека стрѣляя изъ
пушекъ и янычарокъ, провожали козаковъ до самыхъ Качкирей,
миль десять отъ Перекопа, и оттуда, уже больше не нападавая,
возвратились назадъ. Козаки, придя на Днѣпръ, подъ Асланъ-
городъ, на Тавань, отдыхали тамъ день отъ этихъ трудовъ и
дѣлились захваченными лошадьми. Шагинъ-гирей, всячески причиняя
уронъ своему врагу, послалъ еще изъ-подъ Асланъ-города двад-
цать своихъ Татаръ подъ Перекопъ, и они привели двѣсти пять-
десятъ военныхъ „румаковъ“ и 16 Татаръ. Затѣмъ козацкое
войско съ Шагинъ-гиреемъ пришли на Запорожье, къ той же
переправѣ у Каменнаго Затона.

„Когда уже переправлялись на свою стоянку, называемую
Вовча Витка, къ Магометъ-гирею и Шагинъ-гирею калгѣ при-
шелъ посоль отъ Большихъ Ногаевъ, кочующихъ за Огономъ и
управляемыхъ султаномъ, племянникомъ ихъ. Они передали ца-
рямъ слѣдующее: „Вашъ племянникъ, а нашъ султанъ и вся
Ногайская орда, узнавъ, что васъ прогнали изъ вашего царства,
и вы ушли къ войску Запорожскому, прислали меня къ вамъ увѣ-
домить, что нашъ султанъ и вся орда хочетъ держаться съ ва-
ми и быть съ вами сообща противъ вашихъ враговъ“ — потому
что это ногайская орда постоянно живетъ въ большой враждѣ
съ крымской. Ханъ, соображая, что все это можетъ ему приго-
диться, и желая со своей стороны расположить ихъ къ се-
бѣ, съ согласія козаковъ ушелъ къ Ногаямъ, чтобы привести эту ор-
ду весной и съ помощью Божіей употребить для похода въ Крымъ.
А Шагинъ-гирей остался на Запорожьѣ среди козаковъ и не же-
лая оставить непріятеля въ покоѣ, тревожилъ его постоянными
нападеніями, пользуясь для этого своими Татарами и охочими ко-
заками, такъ что непріятель не могъ совершенно появляться на
этой сторонѣ со своими стадами и скотомъ, а другихъ такихъ
раннихъ пастбищъ кромѣ этихъ они не имѣютъ въ Кры-
му и не могутъ имѣть“¹⁾).

Такъ неудачно окончилась эта экспедиція.

¹⁾ Реляція въ статьѣ Голембѣовскаго I. с. Крымскій рассказъ
объ этомъ походѣ въ письмахъ Шагина къ Хмѣлецкому и королю
Україне справу с. 67 и 69.

V.

Тренія и конфликтъ 1630 г.

Раздвоеніе среди козачества. Конфликтъ нереестроваго войска съ реестровымъ. Религіозная агитація. Попытка религіознаго компромисса въ 1628—9 г. Афера Смотряцкаго и соборы 1629 г. Походы Тараса на волость. Переяславская кампанія и соглашеніе съ козачествомъ. Походы на море и козацкія противности въ 1630—1 г. Гетманство Кулаги и прекращеніе треній.

Второй походъ въ Крымъ 1628 г. не удался, хотя имѣлъ много шансовъ на успѣхъ. Его убило несогласіе среди козачества, жажда добычи, отсутствіе дисциплины, отсутствіе сильной и умѣлой руки предводителя. Характерны детали, сохранившіяся по счастливой случайности въ реляціи современника и приведенныя выше въ цѣлости ради ихъ богатыхъ бытовыхъ подробностей—эти постоянныя колебанія, эти постоянныя рады, которыя совѣщались надъ тѣмъ, что ни въ какой военной операциіи не можетъ быть предметомъ общаго совѣщанія, и крикомъ толпы проваливали самые разумные аргументы. Все это показывало ясно, какъ мало новый гетманъ соответствовалъ своей роли и насколько онъ ниже стоялъ своего предшественника. Онъ не только не умѣлъ объединить въ одно цѣлое козачество и увлечь его за собой, далъ ему возможность разбиваться на части, такъ что за нимъ шла только незначительная часть козацкихъ контингентовъ,— но и надъ этой „охочей“ частью не умѣлъ господствовать и постоянно долженъ былъ видѣть и сносить проявленія непослушанія. И поэтому неудача похода являлась тяжелымъ ударомъ не только для инициатора похода, Шагинъ-гирея, но и для гетмана Чорнаго. Для всѣхъ стояло яснымъ, что Чорный не доросъ до булавы. И однимъ изъ первыхъ послѣдствій похода было то, что послѣ возвращенія на Запорожье Чорный былъ

устрашенъ: гетманомъ былъ избранъ Иванъ Михайловичъ Сулима, герой позднѣйшаго неудачнаго возстанія. Мы случайно имѣемъ его письмо отъ конца декабря, адресованное къ тому же козацкому „пріятелю“ Кристофу Радзивиллу, по случаю депутаціи, которую этотъ новый гетманъ съ козацкимъ войскомъ посылали къ королю на сеймъ, созванный на февраль 1629 г. ¹⁾

Наши извѣстія о жизни козачества съ конца второго крымскаго похода на протяженіи полутора года—какъ разъ въ самое горячее, полное внутренней борьбы время—становятся чрезвычайно бѣдными, такъ что приходится даже въ наиболее выдающихся фактахъ ориентироваться стривочными извѣстіями и позднѣйшими ретроспективными, не всегда точными свѣдѣніями.

Фактъ, что козачество послѣ выбора новаго гетмана обратилось къ правительству съ посольствомъ, между прочимъ чтобы освѣдомиться о его желаніяхъ относительно предпріятій Шагинъ-тирея (только этотъ одинъ вопросъ мы знаемъ изъ письма къ Радзивиллу), показываетъ, что самовольное устраненіе „поданнаго королемъ“ старшаго и выборъ новаго, вопреки куруковской комиссіи, сами по себѣ, по мнѣнію козачества, еще не должны были представлять повода для конфликта съ правительствомъ. Козачество хотѣло сообразоваться и впредь съ видами правительства въ крымской аферѣ, въ данный моментъ больше всего занимавшей козачество. Однако самовольное низложеніе гетмана являлось новымъ симптомомъ развитія козацкаго своеволія, раньше подавленнаго натискомъ правительства и оппортунистически настроенныхъ элементовъ козачества. Въ позднѣйшихъ ретроспективныхъ освѣщеніяхъ нарастанія польско-украинскаго конфликта это самовольное низложеніе и выборъ старшаго играетъ даже особенно важную роль, но авторъ наиболѣе цѣннаго изъ этихъ обзоровъ, гетманъ Конецпольскій, останавливался только на внѣшнихъ фактахъ козацкаго своеволія, не углубляясь въ ихъ подкладку.

Онъ не понималъ, насколько стихійно неизбежной была новая коллизія козачества съ правительствомъ послѣ куруковской комиссіи, какъ не прочтенъ былъ установленный ею порядокъ, лишавшій правъ десятки тысячъ козаковъ, всю военную силу Украины, не имѣя фактической силы разоружить ихъ, уничтожить у нихъ претензіи на эти права и привилегіи, и

¹⁾ Археографическій сборникъ VII ч. 60.

даже не будучи въ состояніи противопоставить имъ свою равно-сильную военную силу. Когда прошло первое впечатлѣніе отъ неудачной куруковской кампаніи, когда изъ Украины было выведено значительное польское войско и когда съ другой стороны выяснилось, что никакіе подвиги лойяльности, никакія заслуги передъ государствомъ не сдвинуть правительство съ невозможной буквы куруковской ординаціи, конфликтъ сталъ неизбежнымъ.

„Статочное“ козачество могло только нѣкоторое время противостоятъ напору оппозиціонныхъ элементовъ, безправнаго козачества. Дорошенко со своими способностями вождя и политика, могъ бы только еще немного отсрочить конфликтъ. Но уже и подъ его рукой козачество стало расползаться (весенній походъ на море 1628 г.). Само правительство своей близорукой политикой, своимъ отрицательнымъ отношеніемъ ко всякимъ козацкимъ требованіямъ и представленіямъ дискредитировало лойяльную политику козацкихъ вождей, всю лойяльную партію, показывая во-очію, что лойяльной дорогой, выслуживаньемъ передъ правительствомъ нельзя выйти изъ того невозможнаго положенія, въ какое ставила козачество послѣдняя ординація.

Неумолимо отказывая въ увеличеніи жалованья, увеличеніи реестра, даже въ такихъ вопросахъ какъ обезпеченіе семействъ убитыхъ или раненыхъ на государственной службѣ козаковъ и т. под., правительство самымъ немилосерднымъ образомъ подкапывало положеніе тѣхъ элементовъ, которые могли бы быть искренними сторонниками мира. Стуча неустанно въ правительственныя двери, они давали правительству понять степень необходимости уступокъ, но правительство этого не по-няло. За то собственными руками оно разрушало другіе принципы установленнаго строя. Не соглашаясь на легальное увеличеніе реестра, создавало въ то же время кадры полуофіціального козачества, вербуя вышесчиковъ на шведскую войну; позже позволило также и для крымскаго похода набрать охотниковъ внѣ реестра. Столько разъ упрекая козачество за нарушеніе договоровъ съ Турціей своевольными козацкими походами, само теперь потихоньку приглашало козаковъ къ такимъ выступленіямъ по отношенію къ Крыму. Строго воспретивъ козакамъ вести какую-либо самостоятельную иностранную политику; теперь, когда оно отъ этого ожидало для себя выгоды, смотрѣло сквозь пальцы на сношенія козаковъ съ крымскими претендентами и ихъ союзниками (хотя само за союзъ съ Шагинъ-гиреемъ громило ихъ въ 1625 г.).

Конечно, эта двуличная, иезуитская политика, какую вело правительство, не могла не вліять на отношеніе къ нему козачества. Не могли остаться безъ значенія и такіе факты, что правительство, требуя отъ козачества полной покорности передъ соседними государствами, передъ турецкимъ правительствомъ отрекалось отъ всякой власти надъ козачествомъ и само поручало козацкому войску вести для видимости сепаратную политику, чтобы при нуждѣ все свалить на него.

Польское правительство, само того не сознавая, дѣлало все для того, чтобы вновь привести въ движеніе связанную на время динамическую энергію козачества. Но козачество пока не спѣшило съ конфликтомъ. Ему даже нравилось такое положеніе, гдѣ правительство сквозь пальцы смотрѣло на козацкое добычиничество въ турецкихъ и татарскихъ земляхъ и было его тайнымъ союзникомъ въ крымской аферѣ, обогатившей козацкое войско добычей въ послѣдній походъ и обѣщавшей такіа же выгоды и въ будущемъ.

Неутомимый Шагинъ-гирей, ободренный къ тому же союзомъ съ Больше-ногайской ордой, скоро сталъ готовить новый походъ на Крымъ—сейчасъ же, ранней весной. Возвратившись на Запорожье, гдѣ все время козаковъ ждалъ посланный Хмелецкаго, Луцинскій, чтобы извѣстить своего патрона о результатахъ похода, Шагинъ-гирей тотчасъ передалъ черезъ него письмо Хмелецкому, кратко увѣдомляя о неудачномъ окончаніи этого похода, онъ развивалъ передъ нимъ планъ новаго похода, а нѣсколько дней позже послалъ въ томъ же духѣ письмо къ королю со своими послами, и съ восмомъ ногайскимъ для лучшаго впечатлѣнія¹⁾. Увѣдомлялъ о своемъ союзѣ съ Ногаями, обѣщавшими идти съ нимъ весной на Крымъ, и просилъ повліять на козацкое войско, чтобы оно „имѣло обо мнѣ милостивое помеченіе“. Походъ свой разсчитывалъ предпринять какъ можно раньше, „вскорѣ послѣ льда“, пока еще не въ состояніи будутъ придти подкрѣпленія изъ Константинополя—„такъ какъ только въ маѣ выходятъ изъ Константинополя галеры“, а въ самомъ Крыму его „душманы“ не имѣютъ большой силы — кантемировыхъ Ногайцевъ, главной опоры новаго хана, „соберется едва нѣсколько тысячъ“.

¹⁾ Ukraine sprawy с. 67 и 69: письма Шагина—отъ 20 ноября къ Хмелецкому и отъ 29 ноября къ королю.

Черезъ мѣсяць поѣхали на сеймъ козацкіе послы, чтобы сговориться съ правительствомъ относительно плановъ Шагинь-гирея. Ближайшихъ извѣстій объ этихъ переговорахъ мы не имѣемъ, но можемъ догадаться, что на этотъ разъ отношеніе правительства было гораздо болѣе холодное.

Правительство охладѣло къ аферѣ Шагинь-гирея. Реальныхъ выгодъ изъ нея не получалось, а отношенія съ Турціей портились, покоя со стороны Крыма не было, козачество дѣлалось все болѣе своевольнымъ, и все это въ виду неудачъ войны на шведскомъ театрѣ войны вынуждало къ возможной осторожности на югѣ.

Въ Константинополь отправленъ былъ посолье — затереть слѣды польской покорренности ¹⁾.

Самимъ козацкимъ вопросомъ сеймъ не занимался ²⁾. Самовольной смѣны гетмана правительство не хотѣло принять къ свѣдѣнію. Нового старшаго оно не признавало; въ его глазахъ, очевидно, законнымъ старшимъ долженъ былъ оставаться и впредь Чорный. Но Запорожье, игнорируя перемѣны въ настроеніяхъ правительства, продолжало осуществлять свои планы на свой рискъ, не обращая вниманія на правительственныя сферы и вело агитацію на Украинѣ.

Массы своевольнаго козачества сходились въ Запорожьи къ веснѣ. „Собралось козаковъ на Запорожьи почти столько, сколько было подъ Хотинцомъ, если не болѣе“, доносили королю въ маѣ 1629 г. Хмелецкій ³⁾. Если и не 40-тысячь, какъ было въ хотинской войнѣ, то во всякомъ случаѣ много.

Ранней весной вышли козаки на море ⁴⁾; это должно было послужить диверсіей, чтобы удержать турецкій флотъ отъ отправ-

¹⁾ Ukr. sprawy (даты опредѣлены не вѣрно, письмо относится къ лѣту 1629 г.).

²⁾ Жуковичъ даже думаетъ, судя по молчанію тѣхъ реляцій съ сейма, какія онъ имѣлъ, что козацкаго посольства на сеймѣ совсѣмъ не было (V с. 170—180); но это мало вѣроятно въ виду приведенныхъ выше извѣстій. Онъ догадывается также, что на сеймѣ снова были подняты вопросы о послыяхъ козаковъ на шведскій театръ, но приведенное имъ извѣстіе (с. 178) не стоитъ въ непосредственной связи съ сеймомъ.

³⁾ Ukr. sprawy с. 86.

⁴⁾ Уже въ маѣ (18 мая с. с.) пришелъ въ Польшу извѣстія изъ Константинополя, что 800 (sic' козаковъ было на морѣ—Желера VIII ч. 210.

деяія въ Крымѣ: такъ говорили, по словамъ Турокъ, казаки, захваченные въ плѣнъ—что ихъ нѣсколько тысячъ „послано изъ польской земли на помощь Шагинъ-гирею“. Сколько нибудь интересныхъ подробностей не имѣемъ: султанъ въ письмѣ къ королю съ упрекомъ упоминаетъ, что люди съ береговъ Чернаго моря, „какъ со стороны румелійской (европейской), такъ и ассирійской (малозазиатской) приходили въ Константинополь съ жалобамъ, что казаки во множествѣ лодокъ пришли на море и причинили большія потери, грабили и разрушали города, села и поселенія“, и диванъ велѣлъ флоту идти для охраны береговъ подъ Очаковъ и Кафу¹⁾.

Можетъ быть, именно этотъ походъ на море былъ причиной посланки на Запорожье правительственнаго агента, чтобы предотвратить такіе походы на будущее время. Этотъ агентъ, посланный вѣроятно, Хмелецкимъ, прибылъ на Запорожье передъ самымъ крымскимъ походомъ и сохранилъ намъ въ своей реляціи нѣсколько подробностей (къ сожалѣнію, только второстепенныя). Онъ привезъ подарки Шагинъ-гирею съ братомъ, козацкому старшему и войску. Эти подарки были переданы козакамъ на радѣ, созванной 8 (18) мая, „какъ только войско стало собираться“.

„На этой радѣ старшій войска Запорожскаго отдавалъ булаву, но былъ снова избранъ старшимъ на этотъ походъ; на той же радѣ осудили на смерть Дербыша и Третяка, в казнили на чернецкой радѣ. Другую раду устроили въ воскресенье, на ней былъ и Шагинъ-гирей и подтвердилъ свою присягу, а Махметъ-гирей хотя уже принесъ присягу передъ Шагиномъ и мурзами, но Шагинъ-гирей принесъ его клейноты на раду и самъ здѣсь присягнулъ съ мурзами. На этой же радѣ присягали три мурзы Малыхъ (sic) Ногаевъ—на свою вѣру присягали всѣ съ Шагинъ-гиреемъ, обѣщая, пока живы будутъ, соблюдать договоръ и по каждому королевскому приказу не только присылать людей, но и самимъ являться—надѣясь, что и они также, если бы не устояли передъ своимъ непріятелемъ, найдутъ помощь у е. кор. мил. и войска Запорожскаго. На этой же радѣ Шагинъ-гирей обѣщалъ жалованье войску Запорожскому: и пѣшему и конному въ мѣсяцъ 10 червонцевъ и коня; хотѣли еще по кафтану и по штукѣ „шаты“ (сукна), но этого не обѣщали. А если бы счастье и на этотъ

¹⁾ Письмо султана, іюнь 1629 г. — Укр. справу с. 72—3 и такое-же письмо каймакама с. 76—7.

разъ не послужило, должны (братья Гирей) возвратиться съ войскомъ на Запорожье. Съ Запорожья войско двинулось 22 мая (н. с.) въ походъ на Асланъ-городъ, на переправу, а Шагинъ-гирей съ братомъ остались, такъ какъ наступилъ байрамъ — не хотѣли выступать, пока не увидятъ новой луны“.

„21 мая была рада на другой сторонѣ Асланъ-города; на этой радѣ выбрали полковниковъ. Войско еще и сегодня подходило на переправу, такъ что неизвѣстно было, сколько его будетъ. И сегодня была рада, 25 мая: совѣщались, куда идти. Старшій хотѣлъ на Кочкары, изъ-за воды, но въ дорогѣ войско подняло крикъ, чтобы идти напрямикомъ на Каланчакъ.

„Какъ разъ передъ радой пришла къ старшему вѣсть изъ куреней, что то войско, которое пришло на курени послѣ насъ — а будетъ его до трехъ тысячъ, — хочетъ идти на море. Но старшій сейчасъ же послалъ къ нимъ письмо, чтобы не предпринимали похода, а бунтовщиковъ выдали, и сейчасъ же наказали смертью — Бутка и Емца Гриценка“. (Въ сожалѣнію, авторъ реляціи не сказалъ намъ, кто былъ этотъ лояльный старшій — можно бы думать, что это Черный на нѣкоторое время снова появился на старшинствѣ, но Копецпольскій въ своемъ позднѣйшемъ донесеніи представлялъ этотъ походъ дѣломъ вышестчиковъ).

Дополнительная приписка къ реляціи говоритъ, что 29 н. с. войско двинулось въ Крымъ, чтобы ночью поспѣть къ Каланчаку. Агентъ вмѣстѣ съ этими вѣстями посылаетъ оконченный реестръ коннаго пѣшаго войска, „для платы по полкамъ“¹⁾.

О дальнѣйшемъ повѣствуетъ реляція бѣлоцерковскаго подстаросты, писанная по свѣжимъ вѣстямъ изъ Запорожья²⁾. 19 (29) мая войско пошло прямо на Перекопъ; тамъ въ трехъ миляхъ отъ Перекопа, около сторожевыхъ кургановъ встрѣтило ихъ сильное татарское войско. Козацкаго войска было 23 тысячи, но между ними было несогласіе, „выбрали двухъ гетмановъ, обоихъ неудачныхъ: одинъ Тарасъ, а другой Чернята (sic)“. Войско раздѣлено было на 10 полковъ и стало передъ таборомъ. Двѣнадцать сотенъ Шагинъ-гиреевыхъ Татаръ и среди нихъ много отборныхъ козаковъ выѣхали на джигитовку. Крымцы выдержали натискъ, отвлекли козаковъ отъ табора, и затѣмъ со всей

¹⁾ Ркн. библ. Замойскаго 1807: Kopia listu z Zaporoża od p. Szemberka, 29 мая 1629.

²⁾ Жерела VIII № 211.

силы ударили на нихъ въ сабли и погналы козаковъ къ табору. И лишь когда пѣхота изъ табора начала стрѣльбу, безъ разбору по своимъ и врагамъ, козаки остановились и оправдись, и Крымцы больше не нападали, тамъ такъ уже наступилъ вечеръ. Погибло въ этой битвѣ козаковъ тысяча человекъ. Но послѣ этой битвы Крымцы не удержали позиціи, и козаки подступили ближе подъ Перекопъ—стали на томъ мѣстѣ, гдѣ передъ тѣмъ стояли Крымцы, и здѣсь снова разставили войско. Крымцы стали тремя полками, въ центрѣ калга, но онъ не очень наступалъ. Кантемиръ придвинулся къ флангу очень близко съ сильной артиллеріей, смѣшалъ козацкое войско густой стрѣльбой и затѣмъ ударивъ съ большой силою, потопталъ козаковъ и ворвался въ ихъ разорванный лагерь. Послѣ этого козаки стали отступать и такъ отбиваясь отступали четыре дня до самаго Днѣпра, спасая остатокъ обоза, и лишь на Днѣпрѣ Крымцы повернули назадъ. На другой день еще возвращались таборомъ за одной пушкой, которую бросили отступая. Въ сильномъ раздраженіи зарубили хана. Шагинъ-гирей съ нѣсколькими сотнями Татаръ бѣжалъ неизвѣстно куда. Около сотни Шагинъ-гиреевыхъ Татаръ осталось съ козаками: отпустили ихъ, оправдываясь, что убили хана неумышленно и обѣщали еще въ другой и въ третій разъ попробовать счастья съ Шагинъ-гиреемъ, если вернется къ нимъ. Лишь теперь за Порогами считаютъ, сколько войска у нихъ недостаетъ; говорятъ, что погибло ихъ пять тысячъ, и много умерло отъ недостатка воды“.

Этотъ недостатокъ воды сильно повліялъ на неудачный конецъ войны: взятый въ неволю осенью Полякъ-ренегатъ говорилъ, что если бы козаки достигли воды, то орда сейчасъ же поддалась бы; а до воды было имъ всего только четверть мили, и не дошли ¹⁾).

Въ татарско-турецкихъ извѣстіяхъ главное значеніе придается измѣнѣ или раскаянію Шагинъ-гиреевыхъ Татаръ, которые будто бы рѣшили дѣло въ пользу Джанибека. По словамъ Джанибека, Шагинъ и козаки перешли за Перекопъ и разгромили городъ Карасу; Джанибекъ собралъ противъ нихъ всѣхъ поголовно: только женщины остались дома ²⁾). Но съ Шагиномъ

¹⁾ Прибавленіе къ статьѣ Голембювскаго с. 28.

²⁾ Вельяминовъ-Зерновъ Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства № 13, 21, у Смирнова ор. с. с. 497, также письма султана и каймакама въ Укг. арх. с. 76 и 76 (здѣсь преувеличенные

было сорокъ тысячъ (!) козаковъ подь предводительствомъ славнаго и храбраго гетмана, и нельзя было ихъ одолѣть, говоритъ турецкій историкъ. „Въ рѣшительной битвѣ много Татаръ получило мученическіе вѣнцы, и побѣда уже склонялась на сторону вредителей (козаковъ)—только вечерняя темнота прервала битву. Созванные ночью на совѣтъ мурзы единогласно рѣшили, что козаки сильнѣе ихъ и числомъ и искусствомъ въ стрѣльбѣ; нужно попробовать ударить на нихъ сильно и отчаянно со всѣхъ сторонъ и постараться рѣшить войну. Съ утра Татары ударили сильно, но битва долго колебалась. Наконецъ, въ послѣднюю минуту Татары, бившіеся на сторонѣ Шагина, опомнились, что присягнувъ съ невѣрными на мусульманскую кровь, они лишаютъ себя спасенія и будутъ осуждены на вѣчныя адскія муки. Они бросили поле битвы, предоставивъ невѣрныхъ ихъ судьбѣ, и тогда уже битва колебалась недолго“. Джанибекъ побѣдилъ, Магометь-гирей нашли мертвымъ на полѣ, гетмана козацкаго тоже—Татары отрубили ему голову и беглербегъ Кафы велѣлъ прибить ее на стѣнахъ на страхъ невѣрнымъ ¹⁾).

Эта измѣна Шагинъ-гиреевыхъ Татаръ объясняетъ намъ сообщенный выше фактъ, что разъяренные козаки убили Магометь-гирей (турецкіе источники не знаютъ этого), а Шагинъ-гирей, не возвращаясь на Запорожье, убѣжалъ въ Персію послѣ этого. Изъ другихъ подробностей главное отличіе заключается въ томъ, что въ татарскихъ извѣстіяхъ козаки переходятъ за Перекопъ и бьются въ Крыму, въ то время какъ въ реляціи бѣлоцерковскаго подстаросты они бьются не доходя до Перекопа; въ этомъ случаѣ крымскіе источники заслуживаютъ большаго вниманія. Наоборотъ, очевидно, сильно преувеличена у нихъ цифра козацкаго войска.

Насколько вѣрно извѣстіе о смерти козацкаго гетмана, трудно сказать въ виду полнаго молчанія бѣлоцерковской реляціи. И Тарасъ и Чорный, вѣроятно названный въ этой реляціи Чернятою, во всякомъ случаѣ не погибли,—развѣ какойнибудь другой предводитель. Судя по реляціи, козаки должны были возвратиться на Запорожье въ послѣднихъ дняхъ мая с. ст.

слухи, что козаки даже взяли Перекопъ и другіе замки и держатъ ихъ, и войско ихъ растетъ ежедневно).

¹⁾ Collectanea I с. 187—8.

Неудачный конецъ третьяго крымскаго похода, предпринятаго перестрочнымъ козачествомъ и при томъ съ такой энергіей былъ причиной новыхъ переменъ на гетманствѣ. Тарасъ Федоровичъ, предводительствовавшій въ походѣ, долженъ былъ заплатить за неудачный исходъ похода. Запорожскимъ гетманомъ сейчасъ же послѣ похода видимъ Льва Ивановича (имѣемъ его письмо къ митрополиту отъ 25 іюня 1629 г., онъ подписался на немъ: Леонъ Ивановичъ зо всемъ войскомъ Запорожскимъ в. кор. мил.)¹⁾. Гетманомъ на Запорожьѣ онъ оставался, вѣроятно, безъ перерыва до конца года. (Имѣемъ еще его письмо къ Черному отъ 1 декабря, гдѣ онъ подписанъ: „Леонъ Ивановичъ гетманъ съ войскомъ его кор. м. Запор.“)²⁾. Одновременно Грицько Саввичъ Черный, въ роли такъ сказать казеннаго гетмана, съ реестровиками, или собственно большей частью ихъ (такъ какъ часть осталась на Запорожьѣ), выступаетъ „на волости“, исполняя сторожевую службу вмѣстѣ со старикомъ Хмелецкимъ. Когда именно и при какихъ обстоятельствахъ наступило это отпаденіе козачества лояльнаго отъ своевольнаго, къ сожалѣнію мы до сихъ поръ не знаемъ. Во время осенняго погрома Татаръ мы видимъ Чернаго при Хмелецкомъ, въ то время какъ своевольное козачество оставалось на Запорожьѣ.

За послѣднее время татарскіе набѣги очень участились; весной приходила четырехтысячная орда подъ начальствомъ одного мурзы; онъ, какъ рассказывалъ, далъ взятку бѣлгородскому пашѣ и насобиравъ жемающихъ, двинулся по Черному шляху на Уманскую волость, но Хмелецкій спугнулъ его и принудилъ уйти; гнался за ними, но Татары, бросивъ все, даже сѣдла и оружіе, убивъ болѣе слабый скотъ и невольниковъ, ускользнули таки. „Увидѣвъ, что Татарины теперь уже все равно, что вѣтеръ ловить“ войско „по милости божіей и счастьемъ королевскимъ никого не потерявъ“, возвратилось назадъ³⁾.

Послѣ неудачнаго похода на Крымъ ожидали чегонибудь болѣе крупнаго, и дѣйствительно въ августѣ калга Девлетъ-гирей съ большой ордой двинулся на Западную Украину. Чтобы обойти пограничное войско, внимательно слѣдившее за нимъ, калга умышленно путалъ слѣды, переходя то на Черный то на Кучманскій шляхъ, затѣмъ повернулъ на Молдавію, отсюда неожиданно вторгнулся въ зап. Подолію и сразу отъ Днѣстра разослалъ загоны,

¹⁾ П. Могила I пр. 65.

²⁾ Реп. Замоискихъ 1807.

³⁾ Укр. справу. с. 84.

назначивши сборнымъ пунктомъ Золочевъ. Онъ не подозрѣвалъ, что Хмелецкій съ Грицькомъ Чернымъ все время очень внимательно, шагъ за шагомъ слѣдили за его движеніями, и теперь готовились однимъ ударомъ уничтожить его. Но въ этомъ помѣшалъ имъ воевода русскій Любомирскій, который въ роли высокаго сенатора пожелалъ давать распоряженія, велѣлъ ждать своего прихода, и пока подоспѣлъ со своимъ тяжелымъ войскомъ, когда, замѣтивъ опасность, сталъ уходить, предоставивъ волю божіей свои загоны. Хмелецкій съ козаками сильно сожалѣли, что благодаря честолюбивому магнату упустили изъ рукъ главнаго виновника—имъ оставалось только заняться уничтоженіемъ отдѣльныхъ загоновъ, что они и исполнили съ большимъ успѣхомъ, отбивая добычу и избивая Татаръ. Главный такой загонъ, около 7 тыс. Татаръ подъ начальствомъ сына Кантемира, былъ захваченъ и уничтоженъ съ большимъ эффектомъ подъ Бурштыномъ: мало кто изъ Татаръ спасся, много было взято въ плѣнъ, между ними Исламъ-султанъ, позднѣйшій ханъ, невѣрный союзникъ Хмельницкаго. Было отбито болѣе 10 тыс. своихъ плѣнниковъ, между ними много женщинъ шляхтянокъ¹⁾.

Это былъ послѣдній триумфъ Хмелецкаго, награжденнаго за это, за нѣсколько недѣль передъ смертью, неслыханно высокой для такого сѣраго неаристократическаго пограничника честью—званіемъ кievскаго воеводы. Въ своей реляціи онъ немало удѣляетъ мѣста дѣятельности козаковъ съ Григоріемъ Савичемъ, какъ онъ его называетъ. Съ особеннымъ вниманіемъ записываетъ онъ подвигъ какого то анонимнаго козацкаго героя, доставившаго войску эту громкую побѣду подъ Бурштыномъ: козакъ, ища припасовъ, забрелъ въ сосѣдство татарскаго становища и тамъ его поймали, начали спрашивать о войскѣ, нѣтъ ли его поблизу, но козакъ не признавался ни на вопросѣ ни даже когда его подвергли пыткамъ—все говорилъ, что ничего не слышалъ о войскѣ; успокоенные этимъ Татары вели себя безопасно, и это дало возможность разбить этотъ загонъ и освободить такую массу невольниковъ²⁾.

¹⁾ Реляція Любомирскаго и Хмелецкаго въ Укр. зрґаву с. 87—99, анонима въ *Starożytności pol.* Грабовскаго I с. 240, Piotrowsкаго въ рѣп. Пуб. библ. Автографы 221 № 104 (здѣсь также нареканія на Любомирскаго).

²⁾ с. 97. Въ параллель этому въ своей реляціи о весеннемъ нападѣ онъ рассказываетъ о какомъ то разинѣ изъ польскаго вой-

Отношенія между козачествомъ реестровымъ и переестровымъ еще не обострились въ это время, какъ позже. Можетъ быть, что уже съ этого времени началась бумажная полемика между гетманомъ запорожскимъ и казеннымъ—„непристойныя письма, суровые универсалы“, какъ ихъ называетъ Конецпольскій, въ которыхъ Запорожцы заявляли Чорному, что не признаютъ его старшимъ, такъ какъ настоящій гетманъ долженъ быть не „поданъ имъ королемъ, а избранъ войскомъ при артиллеріи и другихъ клейнотахъ“¹⁾). Но судя по отрывку этой корреспонденціи, какой мы имѣемъ отъ ноября или начала декабря этого года, еще до обостренія отношеній²⁾, по тону лишенному еще въ это время особенной остроты, можно думать, что осенью 1629 г. она тѣмъ менѣе могла доходить до какихъ либо крайностей, и Чорный дѣйствительно могъ „скромно и терпѣливо сносить все это“, какъ вспоминалъ потомъ Конецпольскій. А Хмелецкій въ роли польскаго „регентаря“ на Украинѣ—начальника коронаго войска и посредника въ сношеніяхъ правительства съ козачествомъ,—безъ сомнѣнія, также смягчалъ это напряженіе своимъ вліяніемъ; мы видѣли раньше доказательства его добрыхъ и терпимыхъ отношеній къ козачеству, и польское войско подъ его начальствомъ не раздражало и не надѣдало такъ населенію, какъ въ другихъ случаяхъ.

Но все это измѣнилось къ худшему съ концомъ 1629 г., съ окончаніемъ шведской войны, трактатомъ 26 ноября установившимъ перемиріе на 6 лѣтъ (до 1635 г.).

Съ шведскаго театра двинулись на Украину козаки выписчики, конечно, не получившіе жалованія, полныя претензій къ государству и правительству за свою службу, а этими послѣдними предназначенныя къ возвращенію въ безправное положеніе панскихъ подданныхъ. Они значительно увеличили запасъ горючаго матеріала и обострили отношенія на Украинѣ.

За ними на Украину же двинулось и неоплаченное коронаго войско, стояшки которому Конецпольскій назначилъ главнымъ

ска, заснувшимъ въ травѣ и оставленномъ войскомъ; блуждая затѣмъ въ поискахъ за войскомъ, онъ набрелъ на татарскій слѣдъ и очутившись среди Татаръ, сталъ спрашивать, гдѣ его войско; Татары узнавъ изъ его словъ, что войско невдалекѣ, встревожились и ушли изъ подъ деса у войска (с. 85).

¹⁾ Рѣчь Конецпольскаго на сеймѣ 1631 г.—выдержка ниже.

²⁾ См. ниже с. 386.

образомъ въ восточной Украинѣ. Онъ поясняетъ, что сдѣлать это, „чтобы имѣть возможность лучше нести королевскую службу, а также потому, что это край болѣе богатый, и неоплаченный солдатъ могъ прожить здѣсь легче, не очень надоедая обывателямъ государства“¹⁾. Злые языки объясняли, что сдѣлано это было для того, чтобы не допустить солдатскихъ волненій—ихъ стоянки нарочно разбросали на далекихъ пространствахъ²⁾. Но расквартирование солдатъ, да еще такихъ распущенныхъ и полныхъ претензій, козачество по старой традиціи³⁾ считало своего рода провокаціей, и позже этотъ фактъ считался одной изъ причинъ возстанія, а Конецпольскій, оправдываясь на сеймѣ, поясняетъ, что располагая войско въ Кіевскомъ воеводствѣ, „гдѣ имѣетъ жительство войско Запорожское“, онъ усиленно предостерегалъ, суровыми универсалами, „чтобы въ ихъ домахъ и имѣніяхъ солдаты не допускали ничего противозаконнаго и не давали ни малѣйшаго повода къ какой либо враждѣ“⁴⁾. И онъ увѣряетъ, что всѣ эти приказы были исполнены, и „въ домахъ *козаковъ реестровыхъ* нигдѣ не было поставлено ни одинъ солдатъ, и я не слыхалъ, чтобы кому-нибудь *изъ нихъ* причинена была какая либо несправедливость“. Но при этомъ самъ добавляетъ, „что объ этомъ говорятъ иначе“, а уже совсѣмъ за скобками оставляетъ то, что дѣлалось въ домахъ *не реестровыхъ*. Очевидно, здѣсь открывался полный просторъ ничѣмъ не сдержанному своеволію, обирательству и издѣвательству буйной солдатчины—всему тому, что мѣстный лѣтописецъ характеризуетъ въ краткихъ, но сильныхъ словахъ: „збродитѣ и кривды незносны чинили, людей безъ даня причини забиваючи“⁵⁾, и иллюстрируетъ ихъ рассказами объ одиночныхъ и массовыхъ убійствахъ, произведенныхъ солдатами,—о чемъ буду говорить ниже.

Уже эти два обстоятельства сильно обострили положеніе на Украинѣ. Въ то-же время въ роли главнаго дѣйствующаго лица вмѣсто снисходительнаго и осторожнаго Хмелецкаго, привыкшаго смотрѣть на козака скорѣе какъ на товарища по оружію, выступилъ теперь гордый магнатъ гетманъ Конецпольскій, для котора-

1) Рѣчь на сеймѣ 1631 г.—см. ниже.

2) *Ramiętniki do panow. Zygmunta III* т. I с. 154.

3) См. выше с. 13—14.

4) Рѣчь на сеймѣ 1631 г.—Ркп. публ. библ. Пол. IV № 241.

5) Львовская лѣтоп. I с.

го козакъ былъ прежде всего бунтовщикъ и мятежникъ. Гордый дѣломъ рукъ своихъ—куруковской ординаціей, онъ готовъ былъ взыскивать за каждое отступленіе отъ нея и за каждое непослушаніе сводить счеты „саблями на козацкихъ шеяхъ“, каждое проявленіе своеволия „гасить хлопской кровью“, такъ что самъ король — достаточно враждебный козачеству, считалъ нужнымъ сдерживать мстительный пылъ гетмана¹⁾.

И вотъ, имѣя около себя такого покровителя, а можетъ быть, и исполняя волю своего начальника, Грицько Чорный начинаетъ измѣнять своему „скромному, сдержанному“ поведенію по отношенію къ нереестровому козачеству. Въ ноябрѣ онъ далъ приказъ на Запорожьѣ, чтобы тамошнее войско вышло на волость и присоединилось къ реестровому въ цѣляхъ военной службы. При этомъ онъ укорялъ Запорожцевъ, что они оскорбили и избивали его прежнихъ посланныхъ. Въѣздѣ съ нимъ писалъ на Запорожьѣ также кто-то изъ польскихъ сановниковъ, вѣроятно Хмелецкій, приказывая Запорожцамъ не противиться волѣ короля и повиноваться своему законному старшему. На это имѣемъ отвѣтъ гетмана Льва Ивановича „изъ Сѣчи у Чортомлика“, отъ 1 декабря, этому названному сановнику и Гр. Чорному²⁾. Второй отвѣтъ приведу въ переводѣ, дополняя по контексту вырванныя мѣста оригинала:

„Пану Григорию Савичу Чорному, старшему на волости, и всему находящемуся тамъ товариству добраго здоровья и счастливой удачи отъ Господа Бога желаемъ.

„Писаніе вашихъ милостей къ намъ, черезъ посланныхъ нашихъ Наливайка и (вырвано имя), дошло къ намъ. Пишете въ немъ, что пришли домой, побѣдивъ непріятеля святого креста, раскрывшаго было свою пасть на народъ христіанскій. За то, что непріятель испыталъ такое бѣдствіе, а васъ Господь Богъ въ добромъ здравіи возвратилъ домой—пусть будетъ слава на его святая сила. Мы, какъ братья всего добраго желательные и товарищи вашихъ милостей, молимъ Господа Бога, чтобы и всегда добрая слава о войскѣ нашемъ шла, а непріятель не имѣлъ никакой утѣхи. А также и васъ благодаримъ, что для умноженія славы своей охотно пошли на эту услугу королю. Не огорчаемся, что вы безъ всякой нужды и неосновательно по-

¹⁾ Ркп. Публ. библ. Разн. F. IV. № 104 л. 116, 121 об.

²⁾ Ркп. библ. Замоискихъ, 1807.

вѣрили, когда Гурскій и Довгаль оклеветали насъ передъ вами, будто мы ихъ всѣмъ войскомъ били и томили въ заключеніи, — а этого не было. Ваши милости сами знаете, что въ войскѣ много всякихъ людей, и между ними нетрезвыхъ; если имъ (посланнымъ) пришлось отъ кого нибудь потерпѣть, этого не одобряемъ. Вольно вамъ на основаніи этого думать, что мы какіе-то бунты начинаемъ противъ в. милостей; но мы только свидѣтельствуемъ Богомъ, что за нами ничего дурного нѣтъ и не будетъ. Не думаемъ и о в. милостяхъ ничего, но изъ писемъ видимъ, что вы осмѣливаетесь приказывать намъ явиться къ вамъ, хотя бы и противъ нашей воли. Если бы еще эта воля ваша пришла къ намъ раньше, могли бы мы исполнить ее; но теперь, когда мы устроились на зиму, намъ очень трудно было бы итти на волю. Да и не видимъ никакой нужды выходить намъ; если бы былъ приказъ его кор. милости на какую-либо службу, то мы и среди зимы готовы итти. Ваши милости сами знаете, что вы сами отправили артиллерію на ея обычную стоянку, и одного гетмана оставили въ войскѣ; а теперь пишете намъ не какъ къ главѣ, а какъ къ кошевымъ — пишете что вамъ придетъ на мысль. Не идетъ намъ итти къ вамъ, но вы идите за своей арматой и за прочимъ скарбомъ, и здѣсь вольно каждому говорить, что ему правится. По милости Божіей родились мы тамъ же, гдѣ и ваши милости, мила намъ отчина и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось противиться королю е. м., господину нашему, или съ в. милостями препираться: мы хотимъ обращаться съ вами, какъ съ нераздѣльной братіей, чтобы изъ этого добрая слава и корысть намъ всѣмъ была. А что тамъ съ в. милостями будетъ, дайте намъ знать черезъ этихъ посланныхъ нашихъ, Романа Пащенка и Мацька Якубенка, которымъ мы и устно поручили выразить нашу пріязнь.

„Еще разъ поручаемъ себя вашей милости. Дано за порогами, съ рѣки Чортомлыка, 1 декабря 1629. Вашихъ милостей всякаго добра желательное товариство — Левонъ Ивановичъ гетманъ съ войскомъ е. к. м. Запорожскимъ“.

Какъ видимъ, Запорожское войско выказываетъ довольно много миролюбія по отношенію къ Черному. Оно представляетъ ему быть „старшимъ на волости“, не имѣетъ къ нему претензій, не не хочетъ, чтобы онъ надъ нимъ командовалъ, и заявляетъ, что „голова“ у нихъ на Запорожьѣ, при арматѣ, и гетманъ законный тотъ, кто тамъ былъ избранъ — а Черный ушелъ

отъ нихъ. Ставить ему Запорожцы въ вину также то, что онъ выставляетъ ихъ передъ польскими властями бунтовщиками: они предоставляютъ Чорному выслуживаться передъ правительствомъ, но не хотятъ, чтобы ихъ выставляли передъ нимъ за бунтовщиковъ—не хотятъ конфликта съ правительствомъ.

Въ томъ же духѣ писали они и тому лицу, которое скорѣе всего надо принимать за Хмелецкаго (они величаютъ его „какъ мужа и челоувѣка, котораго благодареніями пользовались во многихъ случаяхъ“). Извинялись, что теперь имъ трудно идти, „на зиму угрунтовавшись“, и просили вообще ихъ не принуждать, изъ Запорожья не выводить, не нарушать старыхъ обычаевъ—„чтобы намъ и до конца при вольностяхъ нашихъ оставаться и при томъ какъ прежде было—если что начиналось, то изъ Запорожья, и отсюда на каждый королевскій приказъ выходило (войско) — пусть по вашей милости и теперь такъ будетъ“— „чтобы эти мѣста не сиротѣли и не пропадали обычаи наши древній и вольности, кровью завоеванныя предками нашими“. Чорнаго за старшаго они готовы признать, если на то получится грамота отъ короля „на обычныхъ мѣста“—но до сихъ поръ они ея не видѣли.

Не смотря на такой миролюбивый тонъ, Чорный считалъ этотъ отвѣтъ рѣшительнымъ разрывомъ. Отсылая его, очевидно Хмелецкому, онъ умывалъ руки, считая, что изъ этого отвѣта „ничего хорошаго не предвидится“ и онъ безсиленъ въ своихъ искреннихъ желаніяхъ объединить козачество для успѣшнѣйшей службы государству ¹⁾.

Онъ просилъ указать, какъ ему поступать теперь. И получилъ совѣтъ при уплатѣ „жолда“ произвести ревизію реестра, и непослушныхъ вычеркнуть. Деньги для козаковъ, по словамъ Конецпольскаго, были присланы еще лѣтомъ 1629 г., но Чорный не принималъ ихъ, можетъ быть рассчитывая, что реестровикамъ, застрявшимъ на Запорожьѣ, въ концѣ концовъ захочется этихъ денегъ и они придутъ за ними подъ его regimentъ. Теперь, по приѣздѣ Конецпольскаго, рѣшено было произвести ревизію реестра при этой выплатѣ. Въ концѣ года была составлена коммисія для этой ревизіи изъ козацкой старшины (реестроваго войска) и польскихъ делегатовъ. Имѣемъ письмо комиссаровъ Ан. Ранаховскаго и Николая Киселя, за неявкой прочихъ

¹⁾ Ibid., письмо Гр. Чорнаго отъ 3 декабря 1629.

завиравшихся вдвоемъ выпиской; 11 января 1630 г. они сообщаютъ изъ Черкасскъ о начатой уже выпискѣ, о вписанной уже части войска, изъ которой въ случаѣ крайней надобности можно было бы выслать тысячу козаковъ, требуемую правительствомъ для защиты отъ Татаръ ¹⁾.

Но процедура эта потянулась довольно долго. Еще отъ 28 февраля с. с. имѣемъ универсалъ — его далъ „Григорей Савичъ Чорный гетман, полковники, сотники, атаманы войска его кор. милости Запорожского подъ часъ конклюдій комиссіи зѣхавшиися до Кіева“ ²⁾. Комиссія эта должна была вписать новыхъ товарищей на мѣсто умершихъ, „а ненужныхъ и лишнихъ сверхъ установленнаго числа исключать“. Въ этомъ числѣ рѣшено было выписать изъ реестра и всѣхъ находившихся на Запорожьѣ при своевольномъ войскѣ, какъ непослушныхъ. Такихъ насчитано не полныхъ триста человекъ. Грицько Чорный извѣстилъ ихъ объ этомъ, еще разъ совѣтуя опомниться, прибыть изъ Запорожья на волость съ арматой и оставить свое своеволие—въ такомъ случаѣ имъ все будетъ прощено. Но это послужило только началомъ рѣшительной борьбы. Вотъ какъ описываетъ эти происшествія ретроспективно главный дѣятель дальнейшей трагедіи Конецпольскій, въ своей рѣчи на сеймѣ 1631 г. въ отвѣтъ на обвиненія въ томъ, что онъ своей безтактностью вызвалъ это возстаніе на Украинѣ. Зная фактическое положеніе дѣлъ, читатель замѣтитъ кое-какія несообразности и неточности въ его изложеніи, но намъ интересно и официальное представленіе ихъ и нѣкоторыя фактическія данныя, цѣнныя при общей бѣдности документальнаго матеріала для этого момента.

„Послѣ Куруковской комиссіи, окончившейся шесть лѣтъ тому назадъ счастливо, хотя и съ большимъ трудомъ и сильнымъ кровопролитіемъ,—ея постановленія годъ или два кое-какъ сохранялись въ порядкѣ. Затѣмъ, какъ обычно бываетъ у тѣхъ, кто не знаетъ ни вѣры ни чести, если случается удобный случай—козаки начали замѣтно нарушать эти постановленія. Удобный поводъ къ этому далъ имъ отъѣздъ мой на Прусскую вой-

¹⁾ Цитированная ркп. бібліотека Замойскихъ, письмо Ан. Ранаховскаго и Николая Киселя къ старостѣ улановскому Александру Песочинскому, высланному Конецпольскимъ съ различными порученіями на Украину.

²⁾ Каманина Мат. по ист. воз. землевладѣнія (Чтенія кiev. VШ док. 4).

нѹ, по королевскому приказу. Еще лучший — афера Шагинь-гирея, къ которому присоединились не только выписанные изъ реестра, но и почти вся украинская чернь, упразднивъ постановленія (комиссія), ибо вмѣсто шести тысячъ стало козацкаго войска нѣсколько десятковъ тысячъ. Отсюда начались безпокойства съ ихъ стороны обывателямъ украиннымъ—панамъ ихъ. Отсюда начались снова походы на море. Отсюда несчастливая и позорная экспедиція въ Крымъ ¹⁾, гдѣ они такъ печально себя заявили, а довѣрившагося имъ Махметъ-гирея немилосердно убили, и Шагинь-гирею уничтожили всѣ надежды на тронъ, такъ что онъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ.

„Въ этихъ войнахъ палъ старшій ихъ Дорошенко, поданный имъ комиссарами отъ королевскаго имени. Они избрали себѣ Тараса, ничемнаго хлопа ²⁾ — благодаря его неспособности войско Запорожское подверглось такому позору и жалкому погрому—нѣсколько десятковъ тысячъ ихъ трупомъ Татары положили, а множество нагайками въ Крымъ погнали ³⁾. Тарасъ остался на Запорожьѣ и оттуда безпрерывно устраивалъ походы на море. Тутъ же на волости тѣ (козаки), что остались въ послушаніи, памятуя свою присягу, до королевскаго распоряженія избрали себѣ старшимъ Грицька Чорнаго. Ваша кор. милость изволилъ имъ подтвердить его своею грамотою. Чуюло его сердце, что его ждало: не хотѣлъ никакимъ образомъ принять на себя эту должность, но воля королевская, а при томъ просьбы товариства, равносильныя принужденію, заставили его принять. Принесъ присягу согласно постановленію, и войско ему также торжественно присягло. Хотѣлъ бѣдняга такъ вести себя на этой должности, чтобы исполнять во всемъ постановленія (ординаціи) и присягу свою и заслужить королевскую милость себѣ и всему войску: непослушныхъ наказывалъ, на море ходить запрещалъ, на прошлогоднюю экспедицію противъ Девлетъ-гирея отправился охотно съ паномъ воеводой кіевскимъ ⁴⁾ къ п. воеводѣ русскому ⁵⁾.

„Но всѣ эти хорошія качества лишь приготовили ему ги-

¹⁾ Третья. 1629 года.

²⁾ Конецпольскій знаетъ только Тараса, игнорируя всѣхъ остальныхъ, и гетманство Чорнаго считаетъ до самаго ухода его изъ Запорожья на волость.

³⁾ Пересолилъ гетманъ, см. выше с. 379-80.

⁴⁾ Хмелецкимъ. ⁵⁾ Любомірскому.

белъ. Вывшіе на Запорожьѣ не признавали его старшимъ, говоря, что старшій долженъ быть не королемъ поданъ, а выбранъ войскомъ при арматѣ и прочихъ клейнодахъ (какъ они называютъ). Точили зубы на него за то, что онъ своихъ (реестровыхъ) на Запорожьѣ не пускалъ; много способствовали непріязни его славныя и счастливыя услуги вашей королевской милости. Непристойныя письма, суровые универсалы шли къ нему съ Запорожьѣ—онъ, человекъ терпѣливый, все это скромно переносилъ; даже когда обычный жолдъ привезли отъ короля, не брали его (реестровики) полгода, ожидая, чтобы опомнились (Запорожцы). Много разъ посылалъ къ нимъ (Черный) — чтобы вышли (изъ Запорожьѣ); заявлялъ, что не дорожитъ старшинствомъ. Упорство и злость не слушали его, а оставались при своемъ мѣнїи. Потомъ, когда пришлось брать эти деньги, нужно было при этомъ исключить не нужныхъ и лишнихъ сверхъ установленнаго числа. Покойный воевода нѣвскій послалъ п. Ранаховскаго ротмистра и п. Киселя жолнера королевскаго, людей добрыхъ и разсудительныхъ, чтобы съ старшимъ войска Запорожскаго и съ полковниками исключили лишнихъ, а на мѣсто умершихъ вписали людей, пригодныхъ къ бою. Они исполнили свое дѣло. Правда, своевольные въ злобѣ своей во многомъ ихъ укоряють, и отъ того и между людьми распространилось то убѣжденіе, что это было причиной бури. Я не беру ихъ въ свою оборону, но какъ усердно ни развѣдывалъ, все таки не нашелъ правды (въ этихъ обвиненіяхъ).

„При этой выпискѣ, по единогласному рѣшенію войска, тѣхъ, кто былъ на Запорожьѣ — а ихъ не было полныхъ трехъ сотъ,—выписали изъ реестра какъ непослушныхъ. Не знаю, можетъ ли кто разсудительный осудить это! Не противодействуя своеволію, вѣдь трудно поддержать порядокъ. Но имъ представлена была возможность прощенія, еслибы они опомнились, и Гриць Черный послалъ къ нимъ, уговаривая выйти съ арматою изъ запорожьѣ и на море не ходить,—обѣщалъ имъ все простить. Они же хотя и грубый народъ, пустили въ дѣло хитрость; обѣщали быть послушными, доставить армату и все клейноды, и сейчасъ двинулись. Радъ былъ бѣдняга—простой человекъ, что это несогласіе утихнетъ. Торжествовалъ, не подозрѣвая, что армата идетъ противъ него. Въ „первосны“ попалъ на него ихъ отрядъ и захвативъ его безопасно спавшимъ, ничего не подозрѣвая, схватилъ и отвезъ къ Тарасу, находившемуся въ нѣсколь-

ныхъ милахъ оттуда. Какія тамъ издѣвательства чинили ему (справедливо могли бы они оскорбить достоинство короля и Рѣчи Посполитой), какія муки ему причиняли,—объ этомъ не хочу подробно говорить. Достаточно того, что послѣ различныхъ мукъ велѣли Татарину, отрубивъ ему руки, отрубить голову.

Устрашило такое жестокосердіе всѣхъ добрыхъ и послушныхъ: безъ главы, безъ вождя очутились они какъ потерянные: одни въ лѣса, другіе въ дикія степи бѣжали, третьи обращались подъ крылья королевскаго войска, безъ котораго вѣроятно погибли бы, и оттуда ко мнѣ, какъ я уже сказала¹⁾, многократно присылали. Намѣреніе у этого своевольства было такое—исполнивъ свою работу, сейчасъ же возвратиться на Запорожье. Но какъ мнѣ сами же рассказывали,—и письменно я сообщала объ этомъ вашей кор. милости—подоспѣли къ нимъ письма отъ нѣкоторыхъ лицъ, и духовныхъ и свѣтскихъ греческой религіи, извѣщавшія, что ихъ вѣру искореняють, церкви отбирають, и умолявшія ихъ постоять за вѣру. Эти подговоры раздражали чернь и всю Украину привели въ движеніе такъ, что никто изъ тамошней шляхты не чувствовалъ себя въ безопасности въ своемъ домѣ. Сейчасъ своевольники разослали увиверсалы, что дѣло идетъ о вѣрѣ, и если кто былъ когда нибудь козакомъ и хочетъ имъ быть, пусть собираются: обѣщали имъ всякія прежнія вольности, а лучше сказать—своеволіе. Въ непродолжительное время собралось нѣсколько десятковъ тысячъ войска. Сейчасъ начали властно приказывать солдатамъ вашей королевской милости, чтобы со своихъ стоянокъ отошли за Бѣлую Церковь и выдали имъ всѣхъ тѣхъ, кто, помня свою присягу, искалъ защиты у войска вашей королевской милости“.²⁾

¹⁾ Въ предыдущей части своей рѣчи Конецпольскій рассказываетъ объ этихъ первыхъ вѣстивахъ волненій изъ Украины: „Передъ самымъ Свѣтлымъ Праздникомъ спѣшно прибыли ко мнѣ запорожскіе козаки, вѣрные подданные в. к. м., извѣщавъ, что своевольные, выбѣжавъ изъ Запорожья, схватили Гриця Чорного, поставленнаго в. к. м. старшимъ надъ войскомъ Запорожскимъ. На другой день прибыли другіе (съ извѣстіемъ), что его жестоко убили,—просили, чтобы о нихъ, какъ о вѣрныхъ и послушныхъ в. к. м. вояхъ, я позаботился. Далъ знать и солдаты в. к. м. объ этой жестокости, о движеніи этого своевольства противъ ихъ стоянокъ и просили указаній, какъ въ этомъ случаѣ имъ поступать.

²⁾ *Relatia woyny kozackiey w roku 1630 przez i. m. p. Stanisława Koniecpolskiego wojewodę sandomirskiego, hetmana polnego*

Изъ этого разсказа, при всей его пристрастности, ярко выступают два главные момента, подготовившіе конфликтъ 1630 г. Къ партійной борьбѣ козацкихъ группъ на почвѣ послѣдней правительственной ординаціи, въ которую неудачно вмѣшалось правительство, взявъ подъ свою защиту законо-послушную партію, присоединилось общее раздраженіе, вызванное постоемъ солдатскихъ ротъ на козацкой территоріи, и наконецъ — примѣшалась еще религіозная борьба, возникшая на почвѣ подозрительныхъ закулисныхъ компромиссныхъ маневровъ послѣднихъ лѣтъ. Со второй половины 1628 г. они начали выходить на яву и въ высшей степени встревожили украинское общество, когда въ теченіе 1629 г. начали пріобрѣтать все болѣе конкретныя формы, и въ качествѣ участниковъ ихъ стали выступать лица, считавшіяся до сихъ поръ наиблѣжайшими стражами и защитниками религіозныхъ интересовъ — представители возобновленной православной іерархіи.

Кіевскій соборъ, рѣшенный епископами на весеннемъ съѣздѣ 1628 г. въ Городкѣ ¹⁾, постановлено было обставить по возможности серьезно и торжественно. Избранъ былъ для него день Успенія, когда въ Печерскій монастырь, на его престольный праздникъ, съѣзжалось множество народа, „не только духовныхъ, але и свѣтскихъ персонъ“, и въ концѣ мая митрополитъ Іовъ разослалъ свои грамоты съ приглашеніемъ на этотъ соборъ ²⁾. Затѣмъ, чтобы дать ему и правительственную санкцію, на лѣтнемъ сеймѣ проведено постановленіе, что по вопросу объ участіи въ государственныхъ издержкахъ (на шведскую войну) духовенство русское, не уніатское должно къ слѣдующему сейму вынести свое рѣшеніе, чтобы по примѣру католическихъ и уніатскихъ духовныхъ принять на себя известную часть государственныхъ расходовъ ³⁾. Это было небывалое и совсѣмъ необычайное постановленіе, ибо правительство до сихъ поръ придерживалось политики полного игнорирования церкви не-уніатской; *не повторенное* затѣмъ и въ позднѣйшихъ податныхъ универсалахъ ⁴⁾, оно даетъ понятъ спеціальнѣйшій умыселъ, съ какимъ на этотъ разъ

koronnego na seymie warszawskim 1631—Ржд. Публ. Библ. Польск. Б. IV № 241 с. 682 и сл.

¹⁾ См. выше с. 327-8.

²⁾ Биден. археограф. сборн. II. 39.

³⁾ Volumina legum т. III с. 262.

⁴⁾ Сравнить податные универсалы г.г. 1626, 1627, 1629.

правительство включило его въ постановленія 1628 г. Оно слѣдовательно знало, для чего православнымъ нужно это постановленіе и для чего долженъ собраться православный соборъ подъ прикрытіемъ совѣщанія объ участіи въ расходахъ Рѣчи Посполитой.

Очевидно, правительство было соответственно освѣдомлено объ уніонныхъ настроеніяхъ среди православной іерархіи, и чтобы не возбуждать безпокойнаго вниманія къ собору, открыто санкціонированному правительствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—дать ему свою санкцію про запасъ, на случай какихъ нибудь полезныхъ результатовъ собраннаго совѣщанія, оно представило іерархамъ этотъ выходъ, и они посмѣли ухватиться за него, въ дальнѣйшемъ освѣщеніи исторіи собора сдѣлавъ это податное сеймовое постановленіе какъ бы исходнымъ пунктомъ соборнаго совѣщанія.

Смотрницкій, какъ знаемъ, долженъ былъ приготовить для этого собора трактатъ о различіяхъ восточной и западной церкви и записку, которая выяснила бы необходимость соборнаго совѣщанія, чтобы ихъ напечатать и распространить передъ соборомъ. Смотрницкій дѣйствительно изготвилъ большой трактатъ объ упадкѣ православной церкви, взявъ для этого поводомъ свое путешествіе на востокъ, а въ добавленіе къ нему присоединилъ меньшій трактатъ о религіозныхъ различіяхъ—то, что позже по польски вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ *Arologia peregrinatiey do krajow wschodnich M. Smotryzkiego* (довольно большаа книга, 204 ст. въ малую четвертку). Въ началѣ Петрова поста, эта книга, по его словамъ, въ украинскомъ текстѣ была готова и переписана; онъ послалъ ея экземпляры Борецкому и Могилѣ въ Кіевъ, прося спѣшно отпечатать, на двухъ станкахъ, и выпустить въ свѣтъ, „чтобы передъ будущимъ соборомъ каждый могъ увидѣть, чѣмъ мы цѣлымъ народомъ болѣемъ и отъ какой болѣзни должны лѣчиться“¹⁾. При этомъ заявилъ, что если бы въ этомъ описаніи „болѣзни“ и указанныхъ способахъ ея лѣченія что нибудь не было одобрено, то онъ беретъ это на свою совѣсть и на свою душу, и умываетъ руки на будущее время, еслибы церковь и на этотъ разъ не хотѣла пойти за его совѣтами.

На эти письма Смотрницкій получилъ отвѣты Борецкаго и Могилы; что прочтя рукопись, они сообщаютъ Смотрницкому свое мнѣніе о ней. О печатаніи ея умолчали: очевидно и митрополитъ и Могила, заглянувъ въ книгу, разсудили, что съ печатаніемъ спѣшить нечего.

¹⁾ Протестація Смотрницкаго с. 325.

Дѣйствительно, Смотрицкій взялъ въ своемъ трактатѣ тонъ слишкомъ рѣзкій и въ высшей степени опасный для всего предпріятія. Его „апологія“ является суровымъ актомъ обвиненія православной украинско-бѣлорусской церкви, совершенно отдалившейся отъ истинной вѣры, проникшейся ересями, лишившей спасенія своихъ вѣрныхъ и т. д. По словамъ Смотрицкаго, онъ ѣздилъ на Востокъ нарочно, чтобы узнать, „такова ли теперешняя вѣра наша, какъ была у нашихъ предковъ, ту ли самую воду мы пьемъ, какую пили предки наши, основавшіе и созидавшіе церковь русскую,—ибо они пили вѣру чистую, прозрачную, спасительную“. Могло конечно читателя удивить, что православный богословъ и іерархъ теперь только, на склонѣ жизни, написавъ столько премудрыхъ сочиненій, задумался надъ такимъ основнымъ вопросомъ; въ отвѣтъ на это Смотрицкій преподноситъ ему признаніе еще болѣе оглушительное, что не смотря на достоинство епископа, и даже архіепископа русской церкви, онъ въ самомъ дѣлѣ не зналъ во что вѣровалъ, — онъ шелъ не за Христовой вѣрой, принесенной съ Востока, а за заблужденіями и ересями, и съ головы до ногъ былъ покрытъ духовной проказой. Зарекommenдовавъ себя съ такой пріятной стороны и не пояснивъ, на сколько его прокаженная вѣра поправилась послѣ путешествія на Востокъ, и вообще—что онъ тамъ такое увидѣлъ и чему научился, новообращенный Савль начинаетъ обличать ереси православной украинской церкви — указываетъ ихъ у Стефана Визанія, Филалета, Ортолога (автора Треноса, т. е. самого себя), Клирика Острожскаго, указываетъ на эти ереси не съ точки зрѣнія православнаго ученія, а католическаго, — упрекаетъ напр. Визанія въ томъ, что онъ не принимаетъ чистилища, Филалета — что онъ опровергаетъ приматъ папы, Клирика—что онъ хулитъ флорентійскій соборъ и т. д.

Все это съ точки зрѣнія, на которой хотѣлъ держаться Смотрицкій—православнаго богослова, обращающагося къ православному же, было, конечно, непростительной ошибкой. Такой же непоправимой тактической ошибкой былъ и тотъ выводъ, какой Смотрицкій дѣлалъ изъ всего этого: не необходимость пересмотра православнаго ученія, реформъ, могущихъ быть предметомъ соборныхъ совѣщаній, а простая унія съ католической церковью является единственнымъ выходомъ и способомъ исправленія. Причина такого страшнаго упадка православной церкви по Смотрицкому—это то, что она, оказывая сопротивленіе уніи, при-

пятой ея іерархами, увязалась въ безвыходную полемику съ католичествомъ и въ своей безпомощности обратилась за средствами для этой полемики къ протестантамъ, ввела протестантскія ереси въ православную вѣру, и въ результатѣ совершенно удалась отъ истинной восточной вѣры. Слѣдовательно выходъ не въ возвращеніи къ старому православію (къ которому Смотрицкій сохрпаетъ какъ будто бы полное довѣріе)—а въ уніи съ римскою церковью, не зараженной никакой ересью. На греческую церковь нечего полагаться, такъ какъ она сама въ полномъ упадкѣ (тезисъ, сообщающій подозрительную цѣнность пріобрѣтеніямъ Смотрицкаго на Востокъ). Легче всего осуществить свое обновленіе можетъ русская церковь и русскій народъ, принадлежащіе къ католическому государству: имъ очень легко достигнуть соединенія съ католическою церковью, нужно только созвать съ королевскаго позволенія соборъ и на немъ устранить различія, раздѣляющія церковь восточную и западную, то есть въ виду всего предыдущаго—принять ученіе католической церкви.

Это было гибельнымъ возвращеніемъ къ прежней, безвыходной позиціи брестской уніи, и какъ бы чувствуя, что его теологическая аргументація едва ли увлечетъ православныхъ,—Смотрицкій присоединяетъ къ ней аргументы *ad hominem*, выясняя тѣ выгоды, какія получаютъ отъ уніи православные люди всякаго званія.

Главное значеніе придаетъ онъ, конечно, интересамъ шляхты: характеризуетъ нынѣшнее униженіе православной шляхты и увлекаетъ ее свѣтлыми перспективами, связанными съ уніей: „служили и служите вы не щадя вашей шляхетной христіанской крови, на то, чтобы съ каждымъ прочимъ обывателемъ Короннаго государства и в. кн. Литовскаго, будучи равны родами и дѣлами, не только быть представителями короля на должностяхъ земскихъ и городскихъ, но и засѣдать при самомъ королѣ, носить сенаторскія достоинства, титулъ вѣрнаго совѣта королевскаго. А между тѣмъ—прежде глаза наши насмотрѣлись въ отечествѣ нашемъ на славныхъ сенаторовъ, каштеляновъ и воеводъ изъ народа и вѣры нашей, а теперь такихъ въ народѣ и вѣрѣ нашей не видимъ ни одного, и не только на этихъ высшихъ должностяхъ, при особѣ королевской, а и на другихъ, менѣе значительныхъ, встрѣчаемъ своихъ единовѣрцевъ очень рѣдко, развѣ съ прежнихъ временъ. Какая же причина такого униженія и устраненія нашихъ? Развѣ вы не такъ же вѣрно и усерд-

но служите дорогому отечеству, какъ вѣрно и усердно служили ваши предки? Или король отвращаетъ отъ васъ свои милостивныя очи и нарочно не хочетъ помнить вѣрныхъ заслугъ вашихъ предковъ и васъ самихъ? Нѣтъ, король готовъ награждать и награждаетъ каждого по его заслугамъ и кондиціи, а ваша вѣрность и трудъ не уступаютъ вѣрности и труду вашихъ предковъ. Но такъ опредѣляетъ тотъ, кто въ рукъ своей держитъ сердца власть имѣющихъ и какъ воду разливаетъ ихъ, куда захочетъ“.

Унизительное положеніе русской шляхты—это послѣдствіе ея приверженности къ схизмѣ, не угодной Богу. Поэтому одинъ выходъ—унія. При ея помощи шляхта приобрѣтетъ всякія выгоды для себя, и народъ русскій утѣшитъ, и дѣло спасенія совершитъ. „Богъ будетъ тогда съ нами и подастъ намъ щедро все духовныя и мірскія блага, утраченныя такъ давно нами: деревень подыметъ изъ упадка, русскому народу возвратитъ утраченныя вольности; тебѣ, шляхетское сословіе, раскроетъ двери къ должностямъ земскимъ и сенаторскимъ; мѣщанъ допуститъ къ должностямъ городскимъ; построитъ намъ школы, церкви украситъ, монастыри приведетъ въ лучшее состояніе. Пресвитеровъ уволитъ отъ рабскихъ тяготъ. Наконецъ всему народу русскому, бѣдному и замученному по этой причинѣ, въ городахъ и селахъ отретъ его ежедневныя слезы. Еще на этомъ свѣтѣ дастъ намъ насладиться плодами небесными, а послѣ этого брешаго счастья удостоитъ вѣчнаго утѣшенія въ царствѣ небесномъ“¹⁾ и т. д. Однимъ словомъ Смотрицкій забылъ еще только сообщать отъ Господа Бога козакамъ увеличенія жолду и крестьянамъ—ну хоть бы права свободнаго помола и варенья пива для домашнихъ потребностей.

Просто удивительно, что такой опытный полемистъ, мѣстный человекъ, своими глазами видѣвшій всю исторію уніонныхъ мѣропріятій съ самаго ихъ возникновенія—могъ допустить нѣчто столь безтактное, неловкое, скомпрометировавшее лишь его и поднятое имъ дѣло. Это значило не склонять православныхъ къ уніи, а провоцировать ихъ призракомъ уніи, и именно такія послѣдствія имѣла книга Смотрицкаго.

Не задумываясь надъ уклончивыми отвѣтами Борецкаго и Могилы, Смотрицкій выслалъ свою книгу Саковичу, чтобы онъ напечаталъ ее на польскомъ языкѣ, и передъ соборомъ подоспѣли въ Кіевъ печатныя листы этой „Апологіи“.

¹⁾ Apologia с. 122—129.

Они подѣйствовали на православныхъ, собравшихся здѣсь, какъ разорвавшаяся бомба.

Когда Смотрицкій 13 августа с. ст. пріѣхалъ въ Кіевъ, чтобы принять участіе въ совѣщаніяхъ собора, назначеннаго на день Успенія, оказалось; что въ Печерскомъ монастырѣ засѣдаетъ и совѣщается уже духовный соборъ, и предметомъ его совѣщаній—„Апология“, въ украинскомъ текстѣ, присланномъ Смотрицкимъ митрополиту и Могилѣ. Борецкій и Могила, захваченные врасплохъ такимъ рѣзкимъ выступленіемъ ихъ товарища и единомышленника, рѣшили предать его книгу духовному суду. Они передали присланные имъ экземпляры „Апологии“ на разсмотрѣніе двумъ выдающимся богословамъ, Лаврентію Зизанію, протопопу Корецкому, и Андрею Мужилловскому, протопопу случкому. Эти цензоры четыре недѣли рассматривали книгу Смотрицкаго вмѣстѣ съ Борецкимъ и Могилой, нашли въ ней 105 неправославныхъ тезисовъ, и теперь собранному на соборъ духовенству предложили свое мнѣніе о книгѣ, признанной ими неправославною ¹⁾).

Смотрицкій заочно очутился въ положеніи обвиняемаго. Когда онъ, прибывъ въ Кіевъ, направился въ Печерскій монастырь, пользуясь старымъ приглашеніемъ архимандрита, и послалъ туда своего слугу, его въ Печерскій монастырь не пустили, а сказали, что помѣщеніе Смотрицкому назначено въ митрополитанскомъ Михайловскомъ монастырѣ. Когда онъ отправился туда, черезъ полчаса явились къ нему делегаты отъ собора—во главѣ ихъ протопопъ Мужилловскій, очень уважаемый человекъ и богословъ, выставленный позже кандидатомъ на митрополию (можетъ быть именно подъ впечатлѣніемъ этой рѣшительности, съ какою онъ выступилъ на этомъ соборѣ противъ уніатскихъ теченій). По словамъ православнаго описанія собора, (опубликованнаго непосредственно послѣ него подъ названіемъ „Απολογία (уничтоженіе) Апология“ ²⁾), делегаты имѣли съ Смотрицкимъ разговоръ „в любви зъ собою одправуючи“ и столковались съ нимъ Смотрицкій же, описывая вообще этотъ соборъ какъ актъ грубаго насилія надъ его убѣжденіями, представляетъ этотъ разговоръ въ формахъ гораздо менѣ любовныхъ ³⁾).

¹⁾ Protestacya c. 339—340.

²⁾ Напечатана въ прибавленіяхъ книги Голубева, „П. Могила“ т. I, приб. 55.

³⁾ Protestacya ibid. c. 328.

Не отдавъ, говорить онъ, архіерейской чести, эти делегаты послѣ вступительныхъ поясненій поставили ему вопросъ: „Соборъ спрашиваетъ, стоишь ли ты за Апологию, изданную тобою или нѣтъ?“ Когда Смотрицкій сказалъ на это, что именно желаетъ явиться на соборъ и самъ устно выяснитъ все дѣло, то получилъ отвѣтъ: „Сперва здѣсь, передъ нами, ты долженъ отвѣтить на вопросъ и послѣ того будешь допущенъ или нѣтъ“.

„Я отвѣтилъ, что держусь написаннаго, какъ православнаго, ибо не вижу въ немъ ничего дурного и противнаго святой католической вѣрѣ“.

— Соборъ осудилъ его съ головы до ногъ, отъ первой страницы до послѣдней, все какъ противное науцѣ церкви божьей и вѣрѣ православной, не чистое и не благочестивое.

— Пусть тебѣ Господь не помянетъ, что Богъ вѣсть что говоришь. Пусть соборъ не препятствуетъ мнѣ явиться предъ нимъ, а я отъ этихъ упрековъ, отъ этого обвиненія съ божьей помощью очищусь.

— Ты хочешь диспутировать?

— Не диспутировать, а это писаніе мое, православное, но не вѣрно понятое, или оклеветанное, хочу освободить отъ этого ложнаго подозрѣнія.

— Соборъ въ твоихъ объясненіяхъ не нуждается, такъ какъ достаточно уже освѣдомленъ и требуетъ у тебя отвѣта на вопросъ, предложенный тебѣ нами.

Послѣ этого непріятнаго вступленія разговоръ пошелъ болѣе миролюбиво. Делегаты выяснили Смотрицкому вредъ, какой можетъ произойти отъ его книги для православной церкви: Смотрицкій высказалъ мысль, что эти дурныя послѣдствія можна будетъ предупредить, но по его словамъ, держалъ себя въ общемъ стойко, и въ разговорахъ съ делегатами и въ письмѣ, написанномъ затѣмъ митрополиту, добивался участія въ соборѣ, а отъ книги своей не отрекался. По его словамъ, онъ надѣялся, что опровергнувъ легко десятокъ изъ тѣхъ безчисленныхъ ересей, найденныхъ въ его книгѣ, онъ настроитъ болѣе благопріятно соборъ по отношенію къ себѣ. Но явиться передъ соборомъ ему все таки не удалось.

Вскорѣ послѣ разговора съ делегатами, вечеромъ, и на слѣдующій день начали доходить до слуха Смотрицкаго тревожныя вѣсти: угрозы, ругательства, прозванія униатами; говорили людямъ Смотрицкаго, что въ день Успенія Смотрицкій со своими товари-

щами „будуть прокляты какъ уніаты“, „а не одинъ изъ васъ и Славуты напьется“ (т. е. будетъ брошенъ въ Днѣпръ). А затѣмъ пришелъ братъ митрополита къ дубенскому протопопу, находившемуся съ Смотрицкимъ и совѣтовалъ ему предостеречь Смотрицкаго; онъ встрѣтилъ немалую ватагу козаковъ, присягнувшихъ не оставить Смотрицкаго въ живыхъ, если бы на соборѣ было доказано его уніатство. Смотрицкій встревожился, тѣмъ болѣе, что и укрыться не имѣлъ куда: „Пошелъ бы въ замокъ,—пана подвоеводы нѣтъ; поѣхалъ бы обратно—боялся засады, такъ какъ уже говорятъ о ней; въ городъ въ кляшторъ (католическій)—еще болѣе ихъ приведу въ ярость, такъ какъ еще передъ прїѣздомъ говорили, что я тамъ, да и неизвѣстно, пропустятъ ли, потому что людей своевольныхъ, пьяныхъ полно уже повсюду, какъ на ярмаркѣ“. Смотрицкій рѣшилъ сдаться и написалъ новое письмо митрополиту, гораздо болѣе покорное; заявлялъ о своей преданности православной церкви и увѣренности, что его „таже Восточная церковь нагробными пеленами покроетъ, которая его водой и духомъ породила“ и просилъ допустить къ соборнымъ совѣщаніямъ, чтобы обсудить способы, какъ бы предупредить вредныя послѣдствія его книги¹⁾.

„Затѣмъ, когда я отправилъ это письмо мое со своимъ діакономъ, рассказываетъ Смотрицкій, пришелъ ко мнѣ одинъ кievскій козакъ, по прозванію Соленикъ. Поздоровавшись со мной, онъ прочелъ мнѣ длинную „лекцію“ по козацки, какъ ему понравилось, а закончилъ такими словами: „Мы эту святыню завоевали кровью своей и готовы ее запечатать кровью нашей и кровью тѣхъ, кто ее оскорбилъ чѣмъ нибудь или отступилъ отъ нея“. Подумалъ я себѣ, что если съ духовными вчера былъ тяжелый разговоръ, то съ этимъ будетъ гораздо хуже, и въ пространные выводы съ нимъ не вдавался. Былъ онъ у меня съ другимъ козакомъ около часу. Когда онъ ушелъ, въ скоромъ времени дали мнѣ знать, что о. Борецкій съ тремя епископами прїѣхалъ и теперь въ церкви. Я пошелъ. Поздоровались мы не по братски, а какъ мало знакомые. Велѣли всѣмъ выйти изъ церкви, но тѣ два козака, что у меня были, остались. Я просилъ, чтобы и ихъ не было при нашемъ разговорѣ. О. Борецкій приступилъ къ нимъ и долго просилъ, и они послѣ долгихъ пререканій едва уступили. Но выйдя изъ церкви Соленикъ сказалъ: „Ну, біс вашій

¹⁾ Apollonia s. 307, Protestacya s. 329.—331.

матери, махлюйте, махлюйте! достанеться тут і Павлу і Савлу“. А потомъ о какомъ то Хрущелѣ передъ людьми говорилъ, такъ что изъ этихъ словъ можна было догадаться о какой то западнѣ для меня“.

Когда вышли посторонніе люди изъ церкви, митрополитъ прежде всего помолился, затѣмъ сѣли и повели разговоръ объ Апологіи. Борецкій упрекалъ Смотрицкаго за „нечистый и гордый дух“, проявленный въ книгѣ, указывалъ на различныя неправославныя вещи, на „проклятыя папскія ереси“, какія она старается ввести въ русскую церковь.

„Услыхавъ это, рассказываетъ Смотрицкій, я совершенно окаменѣлъ отъ неожиданныхъ, легкомысленно брошенныхъ словъ этого человѣка, который въ теченіе четырехъ лѣтъ, когда я жилъ съ нимъ (говорю это, призывая Бога!) мало въ чемъ упрекалъ католическую церковь (а о ней мы часто между собой говорили). Въ-ся вѣрѣ онъ не находилъ никакой ереси и сочувственно говорилъ о соглашеніи съ ней Руси. Осуществленіе у насъ святой уніи считалъ онъ дѣломъ очень легкимъ: надо было только согласовать одинъ календарь, такъ какъ онъ препятствуетъ присоединенію къ уніи простыхъ людей изъ нашего народа. Поэтому въ 1625 году онъ работалъ надъ согласованіемъ календарей и говорилъ, что нашелъ для этого легкий способъ, и при случаѣ передъ очень многими людьми, своей партіи излагалъ его“.

Но увидя, съ какимъ раздраженіемъ Борецкій говоритъ теперь, Смотрицкій, по его словамъ, не сталъ ему всего этого припоминать, а скромно оправдывался отъ тѣхъ упрековъ, какіе ему дѣлались. Затѣмъ дано было знать, что въ церковь принесли мертвеца. Перешли тогда изъ церкви въ келію и тамъ продолжали разговоръ. Смотрицкій попросилъ, чтобы ему указали подробнѣе неправовѣрныя мѣста въ его книгѣ. Тогда Мужилевскій, также пришедшій съ епископами, взялъ листы Апологіи и началъ вычитывать заглавія тезъ ея: „О судѣ отдѣльныхъ душъ“, „О блаженномъ состояніи душъ умершихъ праведниковъ“, „Что адъ то пекло“, и т. д., а послѣ cadaго говорилъ: „Го-го!“ Прочитавши такъ нѣсколько страницъ, сложилъ книгу и сказалъ: „Развѣ это малыя несогласія съ нашей церковью и малыя хулы на вѣру нашу“? Смотрицкій ссылаясь на цитаты изъ св. отцевъ, приведенныя при тезисахъ, а въ концѣ концовъ настаивалъ на своемъ требованіи, чтобы все это

частнымъ образомъ или публично было съ нимъ продискутировано подробно. На это Мужилловскій вынулъ изъ-за пазухи листокъ бумаги и сказалъ: „Вотъ это тебѣ соборъ говорить и частнымъ и публично, больше говорить не хочетъ и не намѣренъ: если хочешь быть на соборѣ и быть принятымъ какъ свой, ты долженъ исполнить три условія, принятыя на соборѣ: первое—присягнуть, что впредь русской церкви ни словомъ ни помышленіемъ не будешь возмущать и не отступишься отъ нея; во вторыхъ—отъ Апологіи своей долженъ публично отречься и данный тебѣ текстъ для ея осужденія и признанія своего грѣха долженъ прочесть съ амвона: въ третьихъ—въ Дермань изъ Кіева ты уже не можешь ѣхать, а долженъ тутъ оставаться“. Смотрицкій сказалъ, что это большее покаяніе, чѣмъ его грѣхъ, но тутъ все закричали: „Ты нанесъ тяжкую обиду всей церкви, и теперь долженъ прежде всего покаяться въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ“. Тотъ началъ спорить съ ними. Но тутъ стали приходять, одинъ за другимъ, посторонніе люди, какъ подозрѣвалъ Смотрицкій—по уговору съ епископами. Пришелъ пл. Стефанъ Литинскій, затѣмъ Иванъ Стеткевичъ, далѣе „писарь козацкій“. Каждый изъ нихъ говорилъ свою рѣчь Смотрицкому, и тотъ, „памятуя, что въ этой церкви, по наказанію Господню, съ давнихъ временъ духовные идутъ за волею и мыслями свѣтскихъ людей, и не духовные управляютъ духовными дѣлами, а свѣтскіе, а духовные существуютъ только для формы“—не вступалъ уже въ пререканія, а просилъ только, чтобы не ставили ему такихъ тяжелыхъ условій и не компрометировали его передъ русскимъ народомъ. Обѣщали написать Саковичу во Львовъ, чтобы изъ типографіи не выдавали ни одного экземпляра книги, а тѣмъ временемъ Апологію можна будетъ тезисъ за тезисомъ пересмотрѣть и выбросить то, что будетъ признано несоотвѣтственнымъ. Но его не слушали и такъ какъ было уже поздно, встали и ушли.

Осмотрицкій узналъ потомъ, что именно въ тотъ день, 14 августа состоялось окончательное осужденіе его книги на соборѣ. По его словамъ, это сдѣлано было очень поспѣшно, такъ что сами владыки (кроме Березцаго) не ознакомились хорошо съ книгой. Послѣ оцѣнки рецензентовъ, Мужилловскаго и Зизанія, опрошены были сперва епископы, затѣмъ священники, и книга была осуждена. Тогда же, очевидно, были выработаны тѣ условія, на которыхъ Смотрицкій могъ снять вину съ себя лично,—предложенныя ему Мужилловскимъ. Желаніе Смотрицкаго явиться передъ со-

боромъ, чтобы защищать свои взгляды, не было уважено. Нѣсколь-
ко голосовъ, высказавшихся за его допущеніе, остались въ мень-
шинствѣ. Собраніе, вѣроятно, опасалось, что дебаты надъ униат-
скимъ вопросомъ могутъ еще больше внести смуты, раздраженія
и подозрѣній въ православное общество, и безъ того уже огор-
ченное этимъ эпизодомъ. Самъ Борецкій, по словамъ Смотриц-
каго, былъ противъ дебатовъ съ Смотрицкимъ и будто бы ска-
залъ: „Нехай дѣдко з ним мовить“. *Sit fides penes autorem.*

Убѣдившись изъ послѣдняго разговора въ крайнемъ раздра-
женіи православныхъ, Смотрицкій еще сильнѣе палъ духомъ и
когда вечеромъ ему былъ присланъ текстъ отреченія для зав-
трашней церемоніи, онъ кое-что измѣнивъ принялъ его и пере-
писавши отослалъ — только не подписалъ. По его словамъ, онъ
еще надѣялся избѣжать этой „дѣтской игры“ — церемониальнаго
отреченія отъ своей книги, и въ надеждѣ на это отправился на
всенощную въ Печерскій монастырь. Но когда онъ вошелъ въ
алтарь, къ нему обратились съ требованіемъ, чтобы онъ свою
формулу отреченія подписалъ, и присягнулъ, что изъ Кіева въ
Дермань не поѣдетъ. Смотрицкій сталъ отпрашиваться, но тутъ
очень рѣзко напалъ на него Могила. „Онъ, который такъ недав-
но еще“, говоритъ Смотрицкій, „имѣлъ такіе добрые и похваль-
ные взгляды на этотъ вопросъ, изложенный въ моей Апологіи, и
выражался въ этомъ смыслѣ: одобрялъ письмо, написанное мною
въ прошломъ году е. м. отцу патріарху константинопольскому,
гдѣ вкратцѣ было изложено все это и даже болѣе, чѣмъ напи-
сано въ Апологіи, — онъ у меня читалъ его еще раньше въ Дер-
мани, и на съѣздѣ въ Городкѣ, когда мы разговаривали объ
этихъ шести отличіяхъ отъ Римлянъ, онъ вспоминалъ объ этомъ
письмѣ передъ присутствующимъ духовенствомъ и одобрительно
отозвался о немъ“, — этотъ человекъ съ такими похвальными
взглядами на дѣло, началъ „ядовито“ упрекать Смотрицкаго.
Поднялся шумъ, ближайшіе къ алтарю люди хотѣли уже вор-
ваться туда, чтобы „помогать этой трагедіи“. Боясь, чтобы не
дошло до драки и кровопролитія, Смотрицкій согласился на все,
формулу подписалъ и присягнулъ, что въ Дермань не поѣдетъ.

На другой день, на Успеніе, во время литургіи, совершав-
шейся при участіи Смотрицкаго, наступила непріятная и для Смот-
рицкаго въ высшей степени унижительная церемонія — преданіе
анагемѣ его книги. Послѣ чтенія евангелія епископы съ прочимъ
высшимъ духовенствомъ выступили на амвонъ, среди нихъ и

Смотрицкій. Архимандритъ печерскій раздалъ духовенству страны „Апологін“ и зажженные свѣчи. Намѣстникъ виленскій Бобриковичъ съ кафедры прочиталъ формулу отреченія. Въ ней Смотрицкій признавалъ, что въ Апологинъ кое въ чемъ самъ нарушилъ догматы православной церкви, а кое что присоединилъ къ этому „со злымъ умысломъ“ Саковичъ, издавая ее по польски; онъ просить у Бога прощенія за эти прегрѣшенія, а всей церкви русской обѣщалъ въ будущемъ старательно избѣгать чего-нибудь подобнаго, и въ знакъ этого своего раскаянія, „передъ глазами милостей вашихъ я тотъ свой скриптъ, называемый Апологіей, предаю поруганію, разрываю и бросаю подъ ноги“. Прочитавъ это, Бобриковичъ разорвалъ листки Апологинъ, ожегъ и бросилъ подъ ноги. То самое долженъ былъ сдѣлать самъ Смотрицкій, то же дѣлало присутствующее духовенство. Затѣмъ какъ на козла отпущенія, провозгласили анагему на Саковича, и повернувъ свѣчи внизъ пламенемъ, тушили ихъ въ знакъ вѣчнаго осужденія ¹⁾).

На слѣдующій день послѣ этой церемоніи въ Михайловскомъ монастырѣ состоялся соборъ. Подъ впечатлѣніемъ трагической аферы Смотрицкаго никому уже, конечно, не приходило въ голову дѣлать какіе-нибудь шаги въ духѣ уніоннаго соглашенія. Пришлось заняться вопросомъ объ ассигнованіяхъ на государственныя надобности рѣчинопольской, какъ будто онъ дѣйствительно былъ настоящимъ предметомъ собора, а не предлогомъ только для конференцій въ уніонномъ духѣ. Кроме этого, для успокоенія встревоженнаго православнаго общества издана была соборная грамота, гдѣ собранное духовенство извѣщало вѣрныхъ, что оно вѣрно держится православной вѣры, „ни о какомъ отступленіи не помышляетъ, ни къ апостасіи уніатской не склоняется“, и всѣхъ вѣрныхъ приглашаетъ въ благочестивой и доброй жизни непоколебимо стоять при вѣрѣ православной. Эту грамоту подписали шесть епископовъ, въ томъ числѣ и Смотрицкій, возстановленный въ правахъ послѣ своего отреченія, нѣсколько десятковъ болѣе выдающихся представителей монашескаго и свѣтскаго духовенства, и затѣмъ упомянута вообще „барзо великая личба“ остаткаго присутствовавшего духовенства. Спуста недѣлю обнаружена была еще одна грамота—въ опроверженіе слуховъ, будто бы не епископы, а только нѣсколько священниковъ проклинали

¹⁾ *Απολλεα* с. 315, *Protestacya* с. 339.

„Апологію“. Эти слухи бросали подозрѣніе на позицію епископовъ по отношенію къ уніатскимъ планамъ, и поэтому Борецкій съ епископами въ этой грамотѣ отъ 24 августа подробно описали церемонію преданія анагемѣ, а въ слѣдъ за тѣмъ издали и печатную повѣсть о соборѣ и осужденіи Апологіи, подъ заглавіемъ „Απολλοεισ Απολογισ“ (уничтоженіе Апологіи).

Подъ грамотой отъ 24 августа подписи Смотрицкаго уже не видимъ. Засвидѣтельствовавъ свою покорность передъ соборомъ, онъ вслѣдъ за этимъ отпросился въ Дермань; его не хотѣли пускать изъ Кіева, очевидно, болѣе какого нибудь новаго выступленія, и эти опасенія оправдались. Смотрицкій сейчасъ же выпустилъ печатную „Протестацію“ (помѣченную 8 сентября), въ которой разсказывалъ, какъ мы видѣли—что его отреченіе отъ „Апологіи“ было вынуждено, что книгу его осудили незаконно, не выслушавъ его самого—что вообще все дѣло вели два священника (Визаній и Мужилловскій), а епископы, за исключеніемъ Борецкаго, играли совершенно пассивную роль, и не могли даже познакомиться сколько нибудь основательно съ содержаніемъ „Апологіи“. Смотрицкій апеллировалъ къ новому собору, обращался къ королю съ просьбой, чтобы онъ созвалъ такой соборъ и приказалъ, чтобы тѣ, кто бросилъ анагему на его книгу, явились на этотъ соборъ¹⁾. Въ томъ же духѣ писалъ онъ письма къ выдающимся православнымъ лицамъ. А въ концѣ года выпустилъ новую книгу: *Paraphrasis albo Naroznienie... do bractwa wileńskiego*, гдѣ уже выступаетъ уніатомъ безъ маски. Объясняетъ причины, которыя привели его къ уніи и совѣтуетъ братству идти тѣмъ же путемъ; между прочимъ выступаетъ съ пропагандой: моднаго тогда плана—образованія отдѣльнаго украинско-бѣлорусскаго патріархата для уніатовъ и бывшихъ православныхъ.

Обѣ эти книги вызвали довольно оживленную литературную полемику²⁾. Въ ней принималъ непосредственное участіе и самъ Смотрицкій. Его произведенія осыпаны были комплиментами като-

1) *Απολλοεισ* и *Protetastajua* перепечатаны въ приложеніяхъ къ П. Могиль Голубева, т. I.

2) На „Протестацію“ Смотрицкаго православные отвѣтили „Репротестаціей“, вызванной съ католической стороны сочиненіе п. в. *Odpowiedz na Reprotetastajua, uszunięną imieniemъ wszystkiego narodu Ruskiego na w. o. M. Smotrzyckiego* (какъ догадываются—написанное Ф. Корженевскимъ, монахомъ бернардиномъ). Оба про-

ликовъ, знаками милости панской куріи — но это былъ уже замогильный голосъ. Переходъ въ унию лишилъ Смотрицкаго всякаго значенія у православныхъ, всякаго вліянія на унионные планы, проводившіеся тѣмъ временемъ далѣе. Надежды, возлагавшіяся на него съ этой стороны, были тщетны. Да и немногимъ пережили онъ эту кievскую трагедію, которую я счелъ нужнымъ описать подробнѣе не только въ виду выступленій въ ней выдающихся современныхъ дѣятелей, но также и вслѣдствіе множества характерныхъ для этой жизни и времени подробностей, какія вообще рѣдко когда имѣемъ въ нашихъ источникахъ.

Кievская трагедія могла послужить очень поучительнымъ предостереженіемъ для унионныхъ плановъ: настроеніе общества проявилось въ ней очень не двусмысленно. Но сторонники соглашения не видѣли этого и продолжали свою линію. Кievскій соборъ для этихъ плановъ былъ потерянъ—они обратились къ королю съ просьбой назначить новый. Это происходило во время ближайшаго сейма, созваннаго на февраль 1629 г.

Какъ рассказываетъ король въ одномъ своемъ письмѣ, православные, не принимавшіе на предыдущихъ сеймахъ „добрыхъ средствъ успокоенія“, предлагавшихся имъ униатами и правительствомъ, „только на этомъ сеймѣ или, собственно говоря, послѣ сейма по своей инициативѣ начали обращаться къ униатамъ, уговаривая ихъ согласиться на синодъ; сперва они сами между собой условились и свое соглашеніе подписали съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ предложили намъ и просили у насъ позволенія“ (на этотъ общій синодъ)¹⁾. Въ универсалахъ митр. Борейскаго унио-

изведенія въ печати неизвѣстны, извлеченія изъ второго даны Голубевымъ, II. Могилы I приб. с. 348—50. Затѣмъ Мужилевскій выпустилъ трактатъ п. з. *Antidotum przezasneму narodowi Ruskiemu albo wazupiek przesiw Apologii* и т. д. (Слудскъ, 1629) и еще позже Остафій Кисель подъ псевдонимомъ Геласія Диплица, п. з. *Antapologia* 1632. Мужилевскому отвѣчалъ Смотрицкій п. з. *Exaetesis albo Expostulatia t. j. rozprawa między Apologią y Antidotem o ostatnek błędow herezyi i kłamstw Zuzaniowych, PhiIaletowych, Orthologowych y Klegukowych*, 1629.

¹⁾ II. Могилы I приб. с. 354—тутъ собраны документы объ этихъ соборахъ 1629 г.; къ нимъ въ послѣднее время прибавили нѣсколько дѣльныхъ матеріаловъ П. Жуковичъ въ сборникѣ „Матеріалы для исторіи соборовъ 1629 г.“ и И. Крипякевичъ въ Запискахъ львовскихъ т. 116 (см. выше, стр. 311).

минается, что король назначил соборы „за причиною пановъ радъ, а подобно и за нильною инъстанцією благочестивыхъ пановъ пословъ народу нашего руского“, а недавно опубликованная протестація главнѣйшихъ участниковъ этихъ переговоровъ, сеймовыхъ депутатовъ Михаила Кропивницкаго (брацлавскаго депутата) и Лаврентія Древинскаго (волинскаго депутата) сообщаютъ и нѣкоторыя ближайшія подробности этого эпизода.

Во время сейма, занятого дѣлами шведской войны и необходимыми для нея ассигновками, депутаты, заинтересованные религиознымъ вопросомъ, вели переговоры въ сеймовыхъ засѣданіяхъ и ими былъ выработанъ проектъ сеймовой конституціи, назначившей „общій синодъ для обѣихъ сторонъ—для тѣхъ, кто въ уніи съ римской церковью и для тѣхъ, кто уніи не принялъ“ на 18 (28) октября 1629 г. въ Львовѣ. Этому „генеральному синоду“ должны были предшествовать двухнедѣльные „частные синоды“, назначенные на 9 іюля: уніатскій долженъ былъ состояться во Владимирѣ, православный въ Кіевѣ, затѣмъ обѣ стороны должны были съѣхаться на соборъ львовскомъ, также на двѣ недѣли, и его постановленія должны были быть предложены ближайшему сейму. Этотъ проектъ конституціи былъ принятъ и подписанъ съ православной стороны игуменомъ виленскимъ Іосифомъ Вобриковичемъ, выступившемъ здѣсь въ качествѣ единственнаго участника этихъ переговоровъ изъ среды православнаго духовенства, и сеймовыми депутатами: Федоромъ Проскурой-Суцанскимъ, кіевскимъ депутатомъ, Кропивницкимъ и Древинскимъ ¹⁾. Участниками этого приглашенія Кропивницкій и Древинскій называютъ также какихъ то

¹⁾ Эти подписи имѣются на копіи конституціи, сохраненной въ архивѣ уніатской митрополии (издана въ сборникѣ Жуковича), и въ протестаціи своей Кропивницкій и Древинскій тоже признаютъ, что приняли и подписали проектъ конституціи. Виленскіе уніаты въ своей книгѣ *Jedność święta* (с. 51) говорили, что „общаго собора просили сами не-уніаты и сами проектировали сеймовую конституцію“, и ссылались на оригиналь ея, который имѣли у себя (с. 51). Опубликованная теперь копія митрополичьего архива дѣйствительно имѣетъ надпись: *conscripta per modum constitutionis od samych ze nieunitow*. Это извѣстіе, однако, должно быть принято съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, такъ такъ трудно допустить, чтобы проектъ былъ принятъ въ редакціи, предложенной православными, а не получился въ результатѣ компромисса.

неизвестныхъ намъ ближе пословъ русскаго воеводства ¹⁾ и в. к. Литовскаго—тоже съ православной стороны.

Однако эта конституція, благодаря другимъ занятіямъ, не попала на совѣщанія полнаго сейма и вопросъ о православныхъ былъ просто отложенъ до слѣдующаго сейма. Тогда жидичинскій архимандритъ Баковецкій, выступавшій здѣсь въ качествѣ представителя уніатской стороны, сталъ уговаривать Кропивницкаго и Древинскаго просить короля, чтобы онъ на основанія этого соглашенія отъ себя, безъ сейма, издалъ универсалы созывавшіе эти синоды. Кропивницкій и Древинскій, по ихъ словамъ, колебались, считая, что ихъ посольскія полномочія прекратились съ окончаніемъ сейма, но въ концѣ концовъ „для любезнаго и вождѣннаго мира“ дали свое согласіе на то, чтобы Баковецкій, если находитъ это возможнымъ, выпросилъ у короля универсалы согласно съ содержаніемъ принятаго ими проекта. Что при этомъ обѣ стороны входили даже въ подробности этихъ соборныхъ совѣщаній православныхъ съ уніатами, на это намекаетъ письмо Баковецкаго: останавливаясь на нѣкоторыхъ подробностяхъ будущаго собора, онъ указываетъ, что вопросъ, будутъ ли обѣ стороны засѣдать вмѣстѣ, „не былъ въ Варшавѣ рѣшенъ—были только разговоры объ этомъ“ ²⁾.

Короля объ универсалахъ, конечно, не надо было просить долго—онъ очень охотно далъ свое согласіе на общій соборъ уніатовъ съ православными „для объединенія и приведенія къ союзу съ католической церковью людей греческой вѣры, до сихъ поръ не находящихся въ уніи“. Было только колебаніе среди самой католическо-уніатской партіи относительно того, гдѣ этотъ соборъ устроить. Нѣкоторые, какъ м. Рутскій, не хотѣли Львова, такъ рѣшительно несочувствующаго уніи, и стояли за Луцкъ, какъ кафедральный уніатскій городъ. На это возражали, что въ Луцкѣ православные очень сильны, „не захотятъ идти въ уніатскую церковь въ замкъ, скажутъ: въ замковую церковь мы не пойдемъ, будемъ сходиться въ городской, братской церкви“, и хотѣлъ бы я знать, кто и какъ принудить ихъ идти туда? Шляхта начнетъ кричать, что церковь эта рушится, а намъ

¹⁾ Вышенскій сеймикъ дѣйствительно поручилъ своимъ посламъ добиваться удовлетворенія православныхъ, въ виду ихъ жалобъ на сеймика—*Akta grod. i ziem.* XX с. 269.

²⁾ П. Могила I приб. с. 357—8.

жизнь дорога; будутъ говорить: самъ владыка туда на богослуженіе не ходитъ, боясь, чтобъ церковь не задавила — имѣя такое епископство, не ремонтируетъ, и тысячу другихъ вещей будутъ находить; будутъ укорять: вотъ каково благочестіе у васъ (уніатовъ), на церковной площади вмѣсто церкви, находившейся здѣсь, поставили корчму (уже и уши болятъ слушать, какова эта корчма, и что въ ней происходитъ, а у насъ, людей преданныхъ св. уніи отъ огорченія и сердце не на мѣстѣ) — будутъ упрекать въ томъ, что тѣла столькихъ знатныхъ людей съ гробами ихъ, взявъ изъ мѣста, посвященнаго Богу, въ навозѣ похоронили, а на томъ мѣстѣ погребъ построили“, — пугалъ Рутскаго Заславскій, и предлагалъ для собора Львовъ, такъ какъ тамъ „не все, что захотятъ, схизматики могутъ дѣлать“, есть много богослововъ (католическихъ), католическое духовенство имѣетъ большую силу.

Рутскій отговаривался тѣмъ, что во Львовѣ нѣтъ уніатской церкви; на это Заславскій указывалъ, что соборъ можна устроить въ частномъ домѣ — предоставлялъ для этого свой собственный домъ, Корнятовскій, „самый лучший во Львовѣ“, гдѣ могъ бы и митрополитъ со своимъ дворомъ помѣститься и князю, назначавшемуся правительственнымъ комиссаромъ, было бы удобно. Или можно взять каплицу въ замкѣ, если это не будетъ противно уговору — „к. ректоръ львовскій рассказывалъ также у князя, что въ ней иконостасъ русская, такъ какъ то была когда то русская церковь“. Впрочемъ князь „утверждаетъ рѣшительно и теперь, что есть тамъ одна наша церковь (уніатская), только никто другой мнѣ ничего не могъ сказать о ней“, писалъ къ Рутскому его корреспондентъ ¹⁾. Въ концѣ концовъ Рутскій уступилъ подъ давленіемъ Заславскаго, собиравшагося играть въ этомъ эпизодѣ выдающуюся роль, въ качествѣ наследника славнаго имени Острожскихъ и ихъ „фортуны“. Мѣстомъ собора рѣшено было избрать Львовъ.

Въ концѣ марта н. с. 1629 г. король издалъ универсалы, назначавшіе на день 18 (28) октября общій соборъ православнымъ и уніатамъ во Львовѣ, а передъ тѣмъ, въ день Петра и Павла (с. с.) частные соборы — православнымъ въ Кіевѣ, уніатамъ во Владимирѣ, универсалы помѣчены заднимъ числомъ, якобы во время сейма, 28 февраля. Въ особыхъ письмахъ, разосланныхъ разнымъ вліятельнымъ людямъ, король поручалъ имъ

¹⁾ П. Могіла I приб. с. 356—360.

своимъ вліяніемъ содѣйствовать этому объединенію и просила собрать на соборъ шляхтичей-уніатовъ (люди рѣдчайшіе!). Въ томъ же духѣ агитировало уніатское духовенство среди православной и католической шляхты, прося ихъ „склопять упорныхъ къ болѣе сочувственному отношенію къ этимъ мѣропріятіямъ ¹⁾“.

Не знаемъ и до сихъ поръ, насколько замѣшана была въ варшавскія конференціи, приведшія къ назначенію этого общаго собора, высшая православная іерархія. Видимъ только, что она, — а специально митрополитъ Борецкій, не протестовали, а скорѣе относились сочувственно къ этому собору. Мы имѣемъ писанные и печатные универсалы митрополита, гдѣ онъ и со своей стороны сочувственно упоминаетъ о королевскихъ универсалахъ о соборахъ частныхъ и общемъ львовскомъ, „з ласки его кор. милости и за причиною пановъ радъ, а подобно и за нильною инстанцією благочестивыхъ пановъ пословъ народу нашего русскаго о успокоеніи благочестія восточной перкве російской выданные“, и совѣтуетъ православнымъ въ возможно большемъ числѣ прибыть на кievскій соборъ, „для милости Христовы и для ласки найяснѣйшаго господаря короля“, чтобы получить „пожаданую милость покою“.

Трудно предполагать здѣсь лишь дипломатическія увертки — представить дѣло такъ, что іерархія со своей стороны выказывала полное сочувствіе уніоннымъ планамъ, и послѣдніе встрѣтили препятствія со стороны общества, а не іерархія. Митрополитъ въ своемъ сочувствіи или лояльности шелъ здѣсь несомнѣнно слишкомъ далеко, и это было во всякомъ случаѣ рѣшительной уступкой съ его стороны, рѣшительною переменною тактики не сравнимою съ традиціонною оппозиціею противъ такихъ общихъ соборовъ, проявленною напр. еще въ 1623 г., когда православные іерархи рѣшительно заявили, что не имѣютъ о чемъ дебатировать съ уніатами, и безъ участія константинопольскаго патріарха соборовать съ ними не могутъ ²⁾.

Отъ тогдашней рѣшительной оппозиціи теперешнее сочувствіе или уступчивость митрополита и его окружающихъ отходили очень далеко и должны были беспокоить православное общество, тѣмъ болѣе, что въ православныхъ кругахъ и на этотъ разъ начали

¹⁾ П. Могила I приб. с. 353—5, 357; нѣкоторыя дополненія изъ неизданныхъ актовъ уніатской митрополіи у Жукевича VI с. 4 и сл.

²⁾ См. выше, с. 241.

сейчасъ же раздаваться протесты противъ соборныхъ плановъ. Такъ имѣемъ протестъ православныхъ шляхтичей, находившихся въ войскахъ на шведской войнѣ, составленный подъ Маріенбургомъ, 29 апрѣля. Православные протестуютъ противъ всякихъ королевскихъ или сеймовыхъ постановленій не въ пользу православной вѣры, и умоляютъ православныхъ, собранныхъ на кіевскій синодъ, чтобы они ни въ чемъ не уступали, сами же заявляютъ отъ своего имени и всѣхъ, „сколько насъ есть въ войскахъ прусскомъ“, свою готовность „кровь свою пролить за вѣру и истину“¹⁾. Такихъ и тому подобныхъ голосовъ должно было раздаваться гораздо больше. Но съ полной силой все несочувствіе православнаго общества къ какимъ либо примирительнымъ шагамъ проявилось уже въ Кіевѣ, передъ соборомъ.

Когда Адамъ Кисель, назначенный отъ короля его представителемъ на кіевскій соборъ²⁾, посѣтилъ митрополита въ его резиденціи за десять дней передъ соборомъ, православная шляхта, собранная на кіевской земской сессіи, высказала крайнее неудовольствіе противъ Борецкаго за такія сношенія его съ королевскимъ комиссаромъ и собрала специальное совѣщаніе въ братской церкви, пригласивъ къ себѣ митрополита. Тутъ Борецкій и непосредственные участники этихъ плановъ—Кропивницкій, Древинскій и Баковецкій, на которыхъ указывалъ Проскура, какъ на главныхъ виновниковъ, подверглись сильнѣйшимъ упрекамъ³⁾. Начали читать королевскіе универсалы и нашли тамъ два значительныхъ отступленія отъ проекта конституціи, принятаго на сеймѣ. Въ то время, какъ въ проектѣ цѣлью собора называлось „успокоеніе“ религіознаго вопроса, король въ универсалахъ говорилъ объ объединеніи съ римской церковью; такимъ образомъ вопросъ предрѣшался—„уже унія совершилась“, какъ говорила шляхта. Другое отличіе было еще болѣе существенное: въ то время, какъ въ сеймовомъ проектѣ было сказано, что постановленія синода будутъ предложены на утвержденіе сейма, въ королевскихъ универсалахъ говорилось, что эти постановленія будутъ представлены на окончательное рѣшеніе короля. Шляхта съ крикомъ упрекала Борецкаго, что онъ хочетъ на ихъ счетъ выслужиться передъ коро-

1) П. Могила I с. 367—8.

2) Королевская инструкція ему у Пуласкаго.

3) Gułpiņa, „Іромы“, какъ выражается въ своей реляціи, напечатанной въ сборникѣ Жуковича Кисель (реляція сохранилась безъ имени, но что она составлена Киселемъ, это ясно).

лемъ, ставила ему въ вину, что онъ отъ себя разослалъ приглашенія на синодъ и вошелъ въ сношенія съ королевскимъ комиссаромъ, и требовала отъ него, чтобы онъ подписался подъ протестомъ, которымъ шляхта намѣревалась опротестовать королевскій универсалъ, какъ незаконный, частнымъ образомъ изданный и для нихъ нежелательный.

Борецкій оправдывался, что онъ частный человѣкъ, законы не его дѣло, онъ только по милости короля остается въ своемъ монастырѣ—значить не можетъ и выступать противъ королевской воли. Эти резоны произвели нѣкоторое впечатлѣнiе, но въ концѣ концовъ шляхта осталась при своемъ: постановила синодъ опротестовать, уклониться отъ всякаго участія въ немъ, и митрополиту запретила „синодовать“. Протестъ свой внесла за нѣсколько дней передъ кievскимъ соборомъ. Въ немъ указывала, что „удовлетворенiе религiи“ должно было осуществиться путемъ сеймовыхъ постановленiй, и много было разъ обѣщано сеймовыми конституціями; въ виду этого она протестовала противъ назначенныхъ по этому вопросу синодовъ, заявляя, что согласія своего на это она не давала и никого не уполномачивала просить у короля назначенія синодовъ; все, что было бы постановлено на этихъ синодахъ вопреки ся совѣсти, ся правамъ духовнымъ и свѣтскимъ, она объявляетъ не дѣйствительнымъ и обязывается при ближайшемъ удобномъ случаѣ домогаться отъ короля, чтобы религiозный вопросъ былъ рѣшенъ сеймомъ, а не какими либо синодами ¹⁾.

Къ самому собору подошли гости наименѣе прiятные для какихъ либо уніонныхъ предпріятiй—делегаты запорожскаго, не-реестроваго войска, Андрей Лагода и Сафронъ Зосимовичъ (или Сосимновичъ, какъ называютъ его акты). Они привезли письмо митрополиту отъ гетмана Льва Ивановича и всего войска; высказывая въ деликатной формѣ упрекъ за то, что митрополитъ

¹⁾ П. Могіла I приб. 63. Характерно, и не безъ вліянiя на оппозицію православной шляхты могло быть и то обстоятельство, что противъ этихъ соборныхъ плановъ агитировали также и протестанты. Кристофъ Радзивиль парочито вкслалъ въ Кіевъ своего агента съ порученiемъ напомнить протопопу слудкому, чтобы онъ не давалъ согласія на какія либо рѣшенія, не желательныя для православныхъ церквей, которыхъ Радзивиль насчитывалъ подъ своимъ патронатомъ до сотни, и чтобы никто изъ слудкаго духовенства ни въ какомъ случаѣ не ѣхалъ на соборъ во Львовъ ів. № 63.

не послалъ имъ увѣдомленія объ этомъ соборѣ¹⁾, войско просило освѣдомить его черезъ делегатовъ „обо всемъ“—„чтобы мы, получивъ извѣстіе, если бѣ было что нибудь противное, своевременно могли принять мѣры, чтобы противникъ не имѣлъ никакого успѣха“. Независимо отъ этого сами депутаты должны были „собрать вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что тамъ дѣлается“, другими словами—контролировать дѣятельность собора. „Ибо и мы живемъ въ православной вѣрѣ, въ которой родились“, замѣчало при этомъ козацкое войско и многозначительно напоминало, что „это обязанность наша и каждого христіанина—за вѣру умереть“²⁾.

Не смотря на всѣ эти довольно краснорѣчивыя предостереженія, митрополитъ не хотѣлъ остановиться на полпути, желая засвидѣтельствовать передъ королемъ свою добрую волю до конца; только явныя сношенія съ Киселемъ послѣ этого онъ уже оставилъ. Могила, прибывшій къ самому собору, на переданный ему Киселемъ пожеланіи короля, чтобы онъ со своей стороны „содѣйствовалъ соглашенію и заключенію“, также „въ искреннихъ и краснорѣчивыхъ словахъ“ заявилъ о своей готовности къ тому—„и засвидѣтельствовалъ затѣмъ свою искренность“, замѣчаетъ Кисель.

Соборъ открылся торжественнымъ богослуженіемъ, отслуженнымъ въ день Петра и Павла въ соборной церкви (Успенія на Подолѣ) митрополитомъ и епископами въ присутствіи огромной массы духовенства, собравшагося на соборъ—„самое меньшее 500“, насчитываетъ Кисель. Зато свѣтской православной аристократіи не было вовсе: во время богослуженія прибыли Кропивницкій, Древинскій, Проскура и еще какой-то „панъ Черникъ“, и больше никого. Въ проповѣди присутствующіе располагались къ соборнымъ совѣщаніямъ. Послѣ богослуженія Могила угощаль

¹⁾ Такимъ образомъ никакъ не можетъ быть принято высказанное въ литературѣ предложеніе, что митрополитъ, не сочувствуя собору, самъ обратился къ козакамъ, и именно къ выпасчикамъ, игнорируя реестровое войско и его гетмана Чорного. Въ дѣйствительности если бы Ворецкій въ данный моментъ могъ обращаться къ козакамъ, то только къ реестровымъ, да и это довольно сомнительно, а къ запорожскимъ выпасчикамъ несомнѣнно не обращался, такъ какъ послѣдніе получили универсалы короля и митрополита „отъ товариства нашего изъ городовъ“

²⁾ П. Могила I приб. 65.

обѣдомъ всѣхъ болѣе значительныхъ участниковъ. Послѣ обѣда зазвонили въ колокола—на соборъ ¹⁾).

По принятому обычаю присутствовавшіе раздѣлились на два „кола“, свѣтское и духовное; въ духовномъ председателемъ былъ избранъ делегатъ львовскаго епископа, краедраальный проповѣдникъ, по имени Теодоръ. Въ свѣтскомъ колѣ избрали председателемъ извѣстнаго Лаврентія Древинскаго, волынскаго делегата. Послѣ этихъ выборовъ пригласили королевскаго комиссара. Но когда онъ входилъ въ церковь съ значительною свитою, изъ всѣхъ трехъ дверей въ церковь начали тѣсниться козаки. Пробовали двери запереть, чтобы избѣгнуться отъ этихъ нежелательныхъ участниковъ—козаки не давали. Тогда стали ихъ уговаривать, чтобы не тѣснились—они отвѣчали, что имъ необходимо быть, такъ какъ они для этого посланы отъ войска: „О вѣрѣ идетъ дѣло, за которую мы умремъ!“ Кисель, усѣвшись на назначенномъ для него мѣстѣ, съ своей стороны началъ просить козаковъ, чтобы они ушли изъ церкви, такъ какъ иначе онъ не приступитъ къ своей миссіи,—говорилъ имъ „добрыми словами“, что они люди почтенные, нужные отечеству, „но тутъ не площадь, чтобы толпиться и т. д.“. На это ихъ „ораторы“, „панъ Лагода и панъ Оупрунь“ заявили, что они послы и просятъ позволенія присутствовать при всемъ—„ибо мы слуги королевскіе и къ королю имѣемъ доступъ, то почему бы не къ вашей милости, милостивый депутатъ“... Кончилось тѣмъ, что Кисель позволилъ этимъ двумъ посламъ остаться въ церкви, съ тѣмъ чтобы всѣмъ прочимъ козакамъ велѣли уйти. Козаки согласились, крикнули: „гарзд!“ и панъ Оупрунь выгналъ ихъ всѣхъ, а Кисель велѣлъ своей челяди стеречь двери въ церковь, и послѣ этого приступилъ къ исполненію своей миссіи королевскаго комиссара. Передалъ коро-

¹⁾ До послѣдняго времени наиболѣе подробныя свѣдѣнія о соборѣ давала позднѣйшая рукопись Льва Кишка, въ извлеченіи, напечатанномъ у Петрушевскаго, Сводная летопись с. 291; кромѣ того извѣстно было краткое заявленіе Киселя въ ркп. кіевской археографической комиссіи, извлеченіе изъ него—П. Могила I с. 368. Въ послѣднее время стала извѣстна пространная релация того же Киселя, изд. Жуковичемъ, изъ уніатскаго митрополитанскаго архива; ея пробѣлы дополняются изданною Крипкевичемъ копіею изъ актовъ нунціатуры. Ею очевидно, пользовался и Кишка; но такъ какъ имя Киселя въ ней не названо, Кишка ошибочно называетъ королевскимъ комиссаромъ ин. Заславскаго, въ дѣйствительности бывшаго комиссаромъ на львовскомъ соборѣ.

левскую вѣрительную грамоту и произнесъ характерную въ его устахъ рѣчь—постарался по возможности въ сильныхъ и яркихъ выроженіяхъ изобразить бѣдствія и горе, которыя испытываетъ восточная церковь и русскій народъ благодаря своей религиозной розни (православныхъ съ уніатами):

„Стонете вы и стонемъ мы всё отъ этой розни между нами, крещеными въ одной купели Духа Святого шестьсотъ лѣтъ тому назадъ въ днѣпровской водѣ, въ этой митрополіи княжества Русскаго. Болѣете вы и всё мы болѣемъ! Какъ процвѣтають члены Рѣчи Посполитой, состоящіе изъ различныхъ народовъ—а мы будучи одной націи, одного народа, одной религіи, одного благочестія, однихъ обрядовъ—не одно есмы! Разрываемся и поэтому приходимъ въ упадокъ. Сжался, Боже! вмѣсто братскаго согласія обоюдная непріязнь, іерархія противъ іерархій, духовный противъ духовнаго... Дома божьи, поставленные богатыми жертвами святыхъ, славныхъ и богобоязненныхъ отцовъ и князей русскихъ, на куски распадаются, пропадаетъ слава божія, и развалины производять печальное впечатлѣніе на благочестивыхъ“ ...

Послѣ этой рѣчи председатели обоихъ „колъ“, посоветовавшись съ старшимъ духовенствомъ, изъявили благодарность за оказанную королевскую милость и неспросили подождать слѣдующаго дня относительно дальнѣйшихъ совѣщаній, такъ какъ нужно подождать еще пріѣзда шляхты. На другой день собрались у Борецкаго, и туда прибыли также козацкіе послы и вручили свое письмо, „довольно хорошее“ — то самое, которое мы выше пересказали. Затѣмъ началось другое засѣданіе въ соборной церкви. Кисель, не приглашенный на засѣданіе, напомнилъ о себѣ и получилъ приглашеніе. По его словамъ, онъ прибылъ, когда шло голосованіе относительно того, вести ли соборныя совѣщанія или нѣтъ: за соборъ подавалъ голосъ Могила и делегатъ вилленскаго братства, въ то время какъ львовскіе делегаты высказывались противъ собора. Ихъ аргументы до известной степени можемъ видѣть изъ рѣчи, съ которою выступилъ Кисель: это были всё тѣ же соображенія объ опасности, представляемой переносеніемъ религиознаго вопроса съ сейма на соборъ, передачи его на рѣшеніе ненадежнаго львовскаго собора, а затѣмъ на благоусмотрѣніе короля. Все засѣданіе прошло въ этихъ дебатахъ.

Третій день заняли рѣчи Кропивницкаго и Древинскаго, оправдывавшихся отъ укоровъ, брошенныхъ имъ шляхтой,

что это они довели до королевскихъ универсаловъ. Они поясняли, что свое согласіе давали на такіе универсалы, которые были бы согласны съ проектомъ конституціи, и сваливали все на Ваковецкаго, что онъ всему виною; въ такомъ духѣ затѣмъ они занесли свое заявленіе въ акты, рассказавъ подробно всю исторію универсаловъ. Все таки, несмотря ни на что, они стояли за продолженіе собора, опротестовавъ лишь отступленія, сдѣланныя въ универсалахъ. Совѣтовали только подождать еще прибытія шляхты до слѣдующаго дня (вѣроятно, виѣ собора велись относительно этого переговоры съ шляхтою). Тутъ начались дебаты по вопросу, ожидать ли прибытія шляхты на соборъ или нѣтъ. Совѣщанія уже оканчивались, когда одинъ козакъ, изъ числа успѣвшихъ снова втиснуться въ церковь подъ конецъ совѣщанія, и прислушиваясь къ дебатамъ, громко отозвался: „Вудеть унія господарнику¹⁾ да и Борецкому такая, какъ войту раньше“! Эти слова—намекъ на убійство Ходьки, произвели общую сенсацію. Могила расплакался, едва не упалъ съ кресла, такъ какъ козакъ крикнулъ это стоя за нимъ. Кисель началъ выговаривать за это козакамъ и требовалъ наказанія для непрошеннаго оратора. Козаки отвѣчали: „Не кричи, Дяше! послы тебя просятъ, а ругаютъ и угрожаютъ пьяные гуляки“! „Получивъ такое ‚добрый ночи‘, мы и разошлись“, записываетъ Кисель. Сконфуженный Борецкій отправился почевать къ Могилѣ, боясь вѣроятно и самъ козацкихъ ревнителей благочестія, какъ нѣкогда Смотрицкій.

Видя, что козаковъ прибываетъ въ городъ все болѣе, устроили совѣщаніе въ Пустынскомъ монастырѣ, и туда на четвертый день пригласили Киселя. Засталъ онъ тамъ только болѣе выдающихся лицъ изъ духовенства — шляхты снова не было, только все тѣ же четверо—Кропивницкій, Древинскій, Проскура и Черникъ. Когда открыто было засѣданіе, Борецкій „съ плачемъ“ сталъ описывать Киселю свое тяжелое положеніе: шляхта составила протестацію и не пріѣхала, а козаки угрожаютъ, не даютъ покоя, — просилъ въ виду этого совѣта, что дѣлать. Кисель началъ совѣтовать избрать пословъ на общій соборъ, и въ закрытомъ засѣданіи, не сообщая объ этомъ „народу“, составилъ имъ инструкцію. Однако никто не хотѣлъ ѣхать въ посольствѣ на львовскій синодъ. Кропивницкій и Древинскій отговаривались, что они и такъ въ подозрѣніи, да и вообще вещь небезопасная пред-

¹⁾ Въ ркп. митр. архива: archybandarcszykowi, чтеніе ркп. нунціатуры: hospodarcszykowi вѣроятноѣ.

принимать что нибудь по частному универсалу короля — другое дѣло, если бы издана была конституція. Кисель еще старался уговорить ихъ не потерять напрасно такого большого съѣзда, на который бѣдные священники ѣхали изъ дальнихъ странъ. Но здѣсь пришлось прекратить совѣщанія, такъ какъ пришли послы изъ города, отъ духовенства и отъ козаковъ, что они давно уже ждутъ (соборнаго засѣданія) и удивляются, что ихъ еще нѣтъ.

Поѣхали на соборъ, но къ сожалѣнію, это засѣданіе, гдѣ іерархія, подъ давленіемъ общаго настроенія и еще болѣе вѣроятно — козачества, рѣшила отказаться отъ собора — для насъ осталось закрытымъ. Когда былъ приглашенъ Кисель, онъ засталъ дѣло уже оконченнымъ. Древинскій и Визаній Густановскій отъ имени обоихъ колъ заявили ему, что соборъ требуетъ присутствія шляхты, такъ какъ священники вѣдаютъ только духовныя дѣла, а тутъ дѣло сложное, затрагиваетъ „оба права“ (духовное и публичное), духовенство держится вольностями шляхетскими, а шляхта не явилась, да еще и преградила дорогу своей протестаціей, поэтому приходится мысль о соборѣ оставить. Послѣ этого заявленія всталъ Могила и призывалъ присутствующихъ въ свидѣтели того, что онъ стоялъ за синодованіе; то же самое заявили депутаты виленскаго братства и даже попросили у Киселя письменнаго удостовѣренія. Затѣмъ все духовное коло устами Борецкаго выразило свое сожалѣніе по поводу того, что напрасно упущенъ такой удобный случай, издавна желанный моментъ, и напрасно пропали старанія и расходы бѣднаго духовенства и прочихъ людей, истраченные ими на дорогу. Въ такомъ духѣ занесено было потомъ и въ акты заявленіе духовнаго кола, что безъ участія шляхты и безъ вѣдома своего главы патріарха духовенство при всемъ своемъ желаніи не могло осуществить собора ¹⁾.

По словамъ Киселя, онъ видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ убогихъ священниковъ просто плакали, не имѣя денегъ даже на обратный путь и видя всѣ старанія пропавшими напрасно, но за то „ушорные“ радовались, что соборъ „разорвался“ и подчеркивали, что безъ вѣдома патріарха соборъ не могъ состояться.

Официально вся отвѣтственность была возложена на шляхту, на ея уклоненіе; въ такомъ духѣ Кисель занесъ свое заявленіе въ акты ²⁾ и въ своей реляціи свидѣтельствуетъ, что духовенство „желало синодовать“. Что касается возможныхъ результа-

¹⁾ Въ сборн. Жуковича с. 21. ²⁾ Отрывки у Голубева I с. 368.

товъ соборныхъ совѣщаній, Кисель, спрашивая Борецкого и Могилу, пришелъ въ тому убѣжденію, что православные могли бы признать допустимымъ римское ученіе о св. Духѣ, о евхаристіи, чистилищѣ (только безъ „матеріальнаго огня“), но сами остались бы при своихъ традиціонныхъ формулахъ; готовы признать старшинство папы въ теоріи, но никоимъ образомъ не согласятся перейти подъ его власть, минуя патріарха¹⁾.

„Разрывомъ“ кievскаго собора убитъ былъ и вопросъ объ общемъ львовскомъ соборѣ; не только свѣтскіе православные, но и духовенство заявило, что въ немъ участія взять не можетъ. Кромѣ заявленій, сдѣланныхъ на соборѣ передъ королевскимъ комиссаромъ, отправлено было къ королю посольство—изъ духовныхъ были выбраны Теофанъ Боярскій, священникъ братской львовской церкви, и Петрошій Рищевскій, изъ свѣтскихъ войскій браславскій Андрей Шандеровскій. Они должны были пояснить королю, что православные думали на этихъ соборахъ уладить съ уніатами имущественные вопросы—споры относительно церковныхъ имѣній, а не вопросы вѣры—относительно уніи и послушанія папѣ,—ибо эти вопросы могутъ быть улажены только по соглашенію съ патріархами, иначе произошли бы еще большія замѣшательства, какъ то случилось съ введеніемъ уніи безъ согласія патріарховъ. Поэтому, а также въ виду назначенія комиссаромъ католика и принимая во вниманіе протесты львовскаго епископа и братствъ, православные не могутъ явиться на львовскій соборъ²⁾.

Этотъ отказъ православныхъ неожиданно сослужилъ службу уніатской іерархіи, потому что въ послѣднюю минуту, совершенно непредвидѣнно, нунцій и курія высказались рѣшительно противъ совмѣстнаго, уніатско-православнаго собора, и въ добавокъ свое запрещеніе желали сохрानить въ тайнѣ³⁾. Уніаты попали въ самое затруднительное положеніе и только открытое уклоненіе православныхъ давало имъ возможность съ честью выйти изъ затрудненія.

Уніатскій епископатъ, съѣхавшійся передъ тѣмъ на своемъ частномъ соборѣ во Владимирѣ⁴⁾, явился и во Львовъ. Такъ

1) Реляція Киселя въ сборникѣ Жуковича с. 8—14.

2) Рукопись Кншен I. с. с. 289—90. 3) Письма Рутскаго въ Запискахъ I. с. № 9 и 10.

4) О немъ краткая запись въ актахъ митрополитанскаго архива—въ сборникѣ Жуковича с. 20.

какъ изъ православныхъ никто не прїѣхалъ, Заславскій, какъ королевскій комиссаръ, дважды посылалъ къ мѣстнымъ братчикамъ, приглашая ихъ прибыть въ замковую кашлицу на совѣщаніе, но братчики уклонились, ссылаясь на то, что для этого не имѣютъ никакихъ инструкцій отъ своихъ старшихъ. Тогда Заславскій посѣдѣшилъ констатировать отсутствіе православныхъ и закрыть соборъ.

Три дня спустя прибыло нѣсколько православныхъ, въ томъ числѣ Древинскій, кн. Александръ Пузына и два виленскихъ монаха, и „въ исполненіе королевскаго универсала“ явились на соборъ. Въ виду той позиціи, какую заняли православные въ Кіевѣ, они заявили, что о предметахъ вѣры не могутъ разсуждать, такъ какъ это дѣло ихъ духовнаго главы, константинопольскаго патріарха; если уніаты хотятъ притти съ ними къ соглашенію, пусть исходатайствуютъ у короля разрѣшеніе на прїѣздъ патріарха въ Польшу; впрочемъ свою роль на львовскомъ соборѣ они считали ролью референтовъ: узнать, о чемъ тамъ уніаты совѣщаются, и затѣмъ передать это для обсужденія своимъ. Разумѣется, уніаты заявили, что этимъ устраняется самая идея соборнаго соглашенія.

Дѣло окончилось разными проявленіями вѣдливости или вѣжливости. Уніатскіе епископы съ процессіей пришли къ братской церкви, были приняты братскимъ духовенствомъ, затѣмъ приглашены были братскимъ священникомъ о. Боярскимъ на закуску. Когда во время ея Омотрицкій высказалъ по адресу православныхъ пожеланія, „чтобы вы, отцы, были нами, а мы вами, и всѣ вмѣстѣ или однимъ путемъ“, а Древинскій началъ выяснять позицію православныхъ въ этомъ отношеніи, братскій священникъ посѣдѣшилъ затушевать этотъ щекотливый разговоръ, высказавъ сочувствіе пожеланіемъ Омотрицкаго. Православные, очевидно, дѣлали все возможное, чтобы деликатно выйти изъ соборной аферы, въ которую замѣшались такъ неосторожно, чтобы не оскорбить короля, назначившаго эти соборы съ ихъ согласія. Но никакихъ реальныхъ уступокъ въ смыслѣ религіознаго компромисса не сдѣлали.

Въ какомъ направленіи желали и ожидали отъ нихъ этихъ уступокъ католическо-уніатскіе круги, объ этомъ даетъ понятіе прозвѣтъ формулы соглашенія, сохранившійся случайно въ актахъ львовскаго братства съ 1629 годомъ, безо всякихъ болѣе по-

дробныхъ поясненій—можетъ быть принесенный съ львовскаго собора братскими делегатами ¹⁾).

Ученіе о происхожденіи св. Духа признается безразличнымъ: люди греческаго обряда придерживаются своей формулы, католики своей, и одни другихъ не должны укорять ересью въ этомъ вопросѣ. Православные должны принять догматъ о чистилищѣ, но при этомъ не обязаны вѣрить въ очищеніе огнемъ; должны также вѣрить въ блаженство праведныхъ душъ передъ страшнымъ судомъ. Католики не должны отрицать правосильности таинствъ Восточной церкви и ея іерархіи. Русь должна признать первенство папы и его главенство надъ церковью. Главенство константинопольскаго патріарха надъ русской церковью остается въ силѣ, но при условіи, чтобы каждый новый патріархъ доказалъ польскому правительству, что онъ правильно избранъ и право вѣруетъ, въ доказательство чего долженъ прислать свое исполненіе вѣры.

Въ общемъ какъ видимъ, это не особенно отличалось отъ того, что Кисель слышалъ въ Кіевѣ отъ іерарховъ, какъ о возможной формулѣ соглашенія. Наиболѣе конкретнымъ было различіе въ взглядахъ на отношенія къ папѣ и патріарху.

Условія признанія главенства патріарха, поставленныя съ униатской стороны, ставили это главенство подъ большимъ знакомъ вопроса и очевидно служили только предисловіемъ къ настоящему предложенію — замѣны главенства константинопольскаго патріарха особымъ патріархатомъ для православныхъ (и униатовъ также) Польско-литовскаго государства, — идею, которую развивалъ Смотрицкій въ своемъ „Паренезисѣ“ и въ предсоборныхъ переговорахъ усиленно пропагандировалъ также Рутскій. На случай если бы не удалось осуществить объединенія православныхъ съ униатами въ цѣломъ, въ смыслѣ полного сліянія этихъ двухъ церквей, униаты желали собственно известной религіозной толеранціи: чтобы унія не подвергалась преслѣдованіямъ тамъ, гдѣ православные имѣли перевѣсъ (въ сферахъ козацкихъ вліяній), и каждый могъ переходить въ унію безъ препятствій со стороны православной іерархіи ²⁾. На это, очевидно, готова была согласиться православная іерархія, но провести этого ей не удалось.

¹⁾ П. Могила I приб. 67.

²⁾ Ср. письмо Корженевскаго къ Борецкому *ibid.* № 66.

Такимъ образомъ планы компромисса еще разъ разбились о позицію не іерархіи, а общества, руководившагося болѣе инстинктомъ національнаго, чѣмъ религіознаго самосохраненія—инстинктомъ темнымъ, но вѣрнымъ. Православная іерархія остановилась на этотъ разъ, въ виду предостереженій и угрозъ со стороны свѣтскаго общества—шляхты, братства, козачества. Остановилась на краю пропасти, готовой ее поглотить, не сдѣлавъ рѣшительнаго шага. Но ея уступчивость, склонность къ идеѣ компромисса, слишкомъ большая искательность у правящихъ круговъ были замѣчены православнымъ обществомъ и остались на ея счету.

Іерархія была оставлена подъ подозрѣніемъ. Въ 1631 г. монахи изъ Новгорода Сѣверскаго рассказывали въ Москвѣ, что теперь „въ Кіевѣ за христіанскую вѣру стоитъ одинъ только лубенскій епископъ Исаія (Копинскій), и козакамъ запорожскимъ напоминаетъ, чтобы за вѣру христіанскую стояли твердо“. „А въ Печерскомъ монастырѣ архимандритъ кіевскій“—прибавляли они о Могилѣ — „тотъ поддается Ляхамъ, на лядскую вѣру, и стоитъ противъ козаковъ съ Лягами“¹⁾. Православный полемистъ Евстафій Кисель, выпустившій въ это время свою книгу противъ Апологіи, посвятилъ ее Могилѣ съ довольно кислой похвалой, что онъ „хотя и одобрялъ сперва планы, описанные въ Апологіи (религіозное соглашеніе), но отступилъ отъ нихъ“. Комментарій, повторяю, довольно кислый, и инцидентъ съ Могиллиной коллегіей, основанной имъ въ этомъ году и затѣмъ сейчасъ же упраздненной, т. е. присоединенной къ братской школѣ, вслѣдствіе слуховъ, какіе попли „отъ неученныхъ поповъ и козаковъ“, — что въ ней учатъ уніаты и вводятъ латинскую и польскую науку во вредъ православію²⁾, этотъ инцидентъ лучше всего показываетъ, какъ подозрительно настроено было мѣстное православное общество по отношенію къ своей іерархіи послѣ того, какъ она приложила свои руки къ уніоннымъ планамъ 1628—9 гг.

Но, конечно, еще большую подозрительность и недовѣріе вызывали со стороны украинскаго общества и козачества тѣ сферы, откуда вышли эти искушенія для православныхъ — клерикальные и правительственные круги польско-католическіе и уніатскіе. Агрессивные планы и старанія по отношенію къ православной церкви, обнаружившіеся съ ихъ стороны въ этихъ соборныхъ

¹⁾ Акты Москов. госуд. I с. 315—16.

²⁾ Объ этомъ выше с. 138—140.

совѣщаніяхъ, переговорахъ съ іерархіей и т. п., заставляли всѣхъ заинтересованныхъ съ особеннымъ вниманіемъ и подозрительностью присматриваться къ ихъ дальнѣйшимъ шагамъ послѣ неудачнаго окончанія этихъ соборныхъ плановъ, провидя въ нихъ слѣды новыхъ интригъ. И когда непосредственно послѣ неудачнаго финала львовскаго собора двинулось на Украину польское войско на лежи, забираясь въ далекіе ея концы, непривычные къ такимъ гостямъ и крайне недовольные ими,—на почвѣ общаго недовольства этими квартирами, столкновениями съ разнузданнымъ солдатствомъ, его своеволіями и насиліями, встревоженное и подозрительно настроенное воображеніе православныхъ начало плести сѣть различныхъ догадокъ и подозрѣній въ той же сферѣ религиозныхъ отношеній, взволнованной послѣдними событіями.

Къ сожалѣнію, въ рѣчи Конецпольскаго и въ переговорахъ его съ своевольнымъ козачествомъ находимъ только общія, лаконическія характеристики этого религиознаго возбужденія. Къ своевольному козачеству, по его словамъ, „подоспѣли письма отъ нѣкоторыхъ лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, извѣщавшія, что ихъ вѣру искореняютъ, церкви отбираютъ, и умолявшія ихъ постоять за вѣру“¹⁾. Съ своей стороны козачество агитируетъ среди украинскаго населенія, подымая массы народа „подъ предлогомъ нарушенія религіи“²⁾. Такъ упрекалъ козакъ Конецпольскій, и они признавались, что они дѣйствительно рассылали универсалы по Украинѣ и подымали населеніе въ защиту вѣры—вслѣдствіе извѣстій „отъ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, что они не только слышали въ соседнихъ городахъ, но и на себѣ въ Кіевѣ это испытали въ прошломъ году, когда имъ въ церквяхъ запрещали богослуженіе, и братская церковь была окровавлена панами жолнерами, стоявшими въ Кіевѣ—вслѣдствіе этого и собрался народъ“³⁾.

Записки современника, кіевскаго монаха о войнѣ 1630 г. (въ т. наз. Львовской летописи) передаютъ нѣкоторые изъ этихъ слуховъ, ходившихъ тогда въ Кіевѣ и на Украинѣ. Говорили, что солдатъ нарочно расквартировали на этотъ разъ въ восточной Украинѣ, по обѣимъ сторонамъ „за Днѣпромъ, гдѣ никто не помнитъ, чтобы стояли“, для того чтобы искоренить православныхъ—„абы вироде козаковъ, а затымъ въ вшиткой Украѣ-

1) См. выше с. 391.

2) Жерела VIII с. 345, Кулиша Матеріалы с. 308

3) Жерела VIII с. 347.

иъ Русь выстѣнали аж до Москви“. Объ этомъ солдаты сами проболтались выпивши, „подъ добрую мысль“, а нѣкоторые Русины изъ нихъ изъ расположенія рассказали отцу митрополиту. „За певно повѣдано его милости отцу архимандриту (Могила), же унѣтове, що презъ килька лѣтъ южъ пѣнязѣ збирали на школы рекомо, теды тыѣ пѣнязѣ послали до его милости п. гетмана“ (Конецпольскаго) ¹⁾.

Въ польскихъ кругахъ рассказывали не болѣе не менѣе, что козаковъ взбунтоваль никто иной, какъ Могила, „утверждая, что все войско прусское идетъ на Украину, чтобы искоренить козаковъ и благочестивую вѣру“ ²⁾.

Когда въ этой удрученной атмосферѣ по Украинѣ разнесся слухъ о конфликтѣ козаковъ нерестровыхъ съ рестровыми, религиозные мотивы начали сейчасъ же примѣшиваться къ этому столкновению. О Грицькѣ Чорномъ рассказывали, что онъ присянулъ на унию и самъ признался въ этомъ передъ смертью; или, какъ передаетъ эти слухи другой источникъ—что онъ поклялся Полякамъ искоренить благочестивую вѣру и козацкое имя ³⁾. Тотъ же религиозный характеръ придавался различнымъ кровавымъ сценамъ солдатскихъ своеволій. „Передъ Пасхой челядника митрополита на куски разрубили и трехъ подданныхъ“ — изъ этого уже выростаютъ слухи, что будутъ рѣзать „благочестивыхъ“ поголовно, избивать всѣхъ—„было бы тѣло Русинъ было“, и война сразу приобрѣтала характеръ религиозный, священной войны. Козаки разсылали универсалы, призывая всѣхъ подниматься на защиту благочестивой вѣры. О Конецпольскомъ рассказываетъ современникъ, что когда онъ шелъ за Днѣпръ на козаковъ, кievскіе доминиканы „саблю ему посвятили и вокругъ костела носили и во время всего богослуженія она лежала на олтареѣ, съ тѣми словами, что это на поганство, на Русь, чтобы ее искоренить“ ⁴⁾. Правда ли это была или неправда—достаточно того, что такъ рассказывали въ современномъ Киевѣ. Война была „противъ благочестія“ и „противъ Руси“ и эти взгляды на войну 1630 г., какъ на войну религиозную, такъ были распространены въ православныхъ кругахъ, что даже въ Константинополѣ, когда поль-

¹⁾ Львовская лѣтк. подъ год. 1630.

²⁾ Piasecki с. 499 і Pamiętniki do panowania Zygmunta III т. I с. 154.

³⁾ Львов. лѣтк., Пясецкій і Pamiętniki тамъ же.

⁴⁾ Львовская лѣт. I с.

скій посолъ пробовалъ убѣдить турецкое правительство, что польское войско было послано на козаковъ, чтобы наказать ихъ за вмѣшательство въ крымскія дѣла. его безъ церемоніи ужимали во лжи, говоря, что война въ дѣйствительности велась „за вѣру“¹⁾.

Правительство и его представителей все это захватило совершенно врасплохъ. Тамъ не ожидали вообще никакихъ другихъ хлопотъ на Украинѣ, кромѣ татарскихъ набѣдовъ да козацкихъ походовъ на море. Новому блюстителю украинскаго пограничья, посланному вмѣсто стараго Хмелецкаго (умершаго какъ разъ въ началѣ 1630 г.), Ал. Песочинскому Конецпольскій рекомендовалъ остерегаться Татаръ, и онъ потребовалъ себѣ на помощь тысячу козаковъ. По повелѣнью Турецкаго короля изданъ универсалъ ко всему козачеству въ концѣ февраля ст. ст.: писалъ, что до него дошли слухи о намѣреніяхъ козаковъ идти на Черное море, въ виду этого онъ строго приказываетъ воздержаться отъ всякихъ столкновеній съ Турками, чтобы не нарушить трактатовъ, и вообще вести себя мирно²⁾.

Все вниманіе сосредоточено было на незаплатенныхъ „жолдахъ“ войску—обычномъ эпилогѣ каждой значительной кампаніи Польши. Полковники сидѣли по домамъ и рассчитывались съ кредиторами „послѣ такой продолжительной, многотрудной и дорогой войны“, а Конецпольскій, свесшись съ турецкими пашами и убѣдившись, что оттуда не грозитъ ничего опаснаго, собрался отдохнуть и полѣчиться, ожидая совершенно спокойнаго года. Вмѣсто того передъ самымъ праздникомъ Пасхи по католическому календарю, въ серединѣ марта с. ст. онъ получалъ извѣстіе о столкновеніи нерестроваго козачества съ реестровымъ.

То, что мы знаемъ о самой формѣ, въ которую вылился этотъ конфликтъ, и его подробностяхъ—знаемъ только отъ Конецпольскаго, изъ его сеймовой рѣчи³⁾, и было бы напраснымъ трудомъ, за отсутствіемъ другихъ источниковъ, пытаться внести существенныя поправки въ нарисованную имъ картину. Выписка, начатая Гр. Чорнымъ вмѣстѣ съ польскими комиссарами, раздражила Запорожцевъ и побудила ихъ къ агрессивнымъ выступленіямъ противъ законопослушнаго козачества. Мѣсто болѣе сдержаннаго Лев-

¹⁾ Извлеченія изъ реляціи посла Песочинскаго у Жукевича VI с. 70.

²⁾ Жерела VIII ч. 213.

³⁾ См. выше с. 388 и сл.

ка Ивановича занялъ болѣе рѣзкій Тарасъ Федоровичъ. На послѣднее приглашеніе Чорнаго—явиться съ артиллеріей изъ Запорожья на волость, Тарасъ отвѣтилъ, что готовъ исполнить его волю и идетъ съ артиллеріей на Украину. Но вслѣдъ за тѣмъ, въ половинѣ марта, посланный имъ отрядъ схватилъ Чорнаго, привелъ его къ Тарасу, и здѣсь, въ присутствіи войска, при арматѣ Чорнаго судили, присудили къ смертной казни и немедленно привели приговоръ въ исполненіе.

Къ сожалѣнію не имѣемъ мотивовъ приговора—исходили ли они изъ чисто козацкихъ только отношеній—предательскаго союза Чорнаго съ польскимъ правительствомъ въ ущербъ козацкимъ интересамъ, или присоединились къ этому и религіозные мотивы, сообщенные въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ—что Чорный вошелъ въ соглашеніе съ Поляками и ушатами противъ православной вѣры. Конецпольскій представляетъ дѣло такъ, что религіозные мотивы явились позже и отклонили Запорожцевъ отъ ихъ первоначальнаго намѣренія—покончивъ съ Чорнымъ и его товарищами, возвратиться на Запорожье. Это вполне возможно; но корсунскій погромъ, отдѣленный у Конецпольскаго отъ кровавой расправы надъ Чорнымъ, во всякомъ случаѣ надо непосредственно связать съ нею.

Когда извѣстіе о нападеніи на Чорнаго и его кровавомъ концѣ распространилось среди реестроваго козачества, большая часть его укрылась подъ защиту короннаго войска, находившагоси въ Корсунѣ. Здѣсь стояло нѣсколько хоругвей изъ полка восводича браславскаго Потоцкаго и каштеляна галицкаго Казановскаго, и къ нимъ собралось около трехъ тысячъ реестровыхъ. Запорожцы требовали, чтобы Поляки выдали имъ реестровцевъ, въ особенности старшину, а сами вышли изъ своихъ лежъ за предѣлы козацкой территоріи, за Бѣлую Церковь. Поляки отвѣтили на это рѣзко, заявивъ, что ни въ какомъ случаѣ не выдадутъ вѣрныхъ королю козаковъ, и изъ лежъ, назначенныхъ властями, не выйдутъ—пусть лучше козаки исполняютъ свои обязанности по отношенію къ королю и Рѣчи Посполитой. Запорожцы, получивъ такой отвѣтъ, „въ тотъ же часъ“ двинулись на Корсунь, и въ самый день православнаго Благовѣщенія подошли къ городу. Польское войско, хотя чувствовало себя плохо безъ своихъ коловниковъ, приготовилось защищаться и открыло бой. Но тутъ большинство реестровыхъ козаковъ, увидѣвъ перевѣсъ Запорожцевъ, начало переходить къ нимъ, покинувъ старшину. А корсунскіе мѣщане начали изъ своихъ домовъ, изъ оконъ палить изъ ружей съ ты-

ду по польскимъ солдатамъ, такъ докучившимъ имъ за время этихъ лежъ. Очувившись въ такомъ положеніи, солдаты съ большими потерями начали выходить изъ города, оставивъ все и спасая лишь жизнь. Козаки не стали ихъ преслѣдовать, а занялись раздѣломъ добычи, доставшейся имъ послѣ солдатъ и шляхты, убѣгавшей изъ города вмѣстѣ съ солдатами ¹⁾.

Это было объявленіе войны. Конецпольскій не помнилъ себя отъ гнѣва при извѣстіи объ этомъ погромѣ. „Признаюсь въ томъ, найяснѣйшій милостивый король“,—говорилъ онъ въ своей позднѣйшей рѣчи, „что меня неслыханно поразило это своеволие, поразило оскорбленіе величества вашей королевской милости, произведенное убійствомъ старшаго, подданнаго вашей королевской милости; поразила очевидная опасность Рѣчи Посполитой, поразило нападеніе на войско вашей королевской милости, находящееся подъ моимъ начальствомъ, и поразило меня такъ, что хотѣлъ бы и не жить на свѣтѣ съ этими разбойниками, еслибъ это было возможно“. Исходъ своему настроенію онъ далъ въ универсалахъ къ украинской шляхтѣ, составленныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ вѣстей 28 марта ст. с. и призывавшихъ ее прибывать къ коронному войску, „гасить хлопской кровью этотъ огонь“ ²⁾.

Съ своей стороны козацество разослало по Украинѣ свои универсалы, призывая всѣхъ къ своему войску — кто былъ когда-нибудь козакомъ или хотѣлъ бы имъ быть, чтобы всѣ прибывали къ войску, спасать вѣру благочестивую отъ людскихъ замысловъ, пріобрѣтать козацкія вольности. Среди этой тревоги и общаго раздраженія, въ которыхъ жило и безъ того украинское населеніе, благодаря вышеуказаннымъ обстоятельствамъ, универсалы эти встрѣчали широкое сочувствіе. Поднималось крестьянство, разгоняя шляхту, „начинали собираться отовсюду люди“ ³⁾, и въ короткое время козацкое войско возросло до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ ⁴⁾.

Какъ ни порывался Конецпольскій расправиться съ козацествомъ, прежде всего нужно было для этого собрать войско. Поэтому онъ поручилъ сѣйшии къ войску „пану стражанку коронному“ Самуелю Лацу, такъ какъ онъ жилъ недалеко, имѣя

1) Рѣчь Конецпольскаго,—см. выше с. 391, ср. Архивъ Ю. З. Р. III I ч. 85 (здѣсь и день нападенія, 4 апрѣля н. ст.).

2) Архивъ Ю. З. Р. III I № 80.

3) Львовская лѣт. I. с.

4) Рѣчь Конецпольскаго, см. выше.

во владѣніи м. Макаровъ, на кievскомъ Полѣсьи, а за нимъ итти каштеляну каменецкому Стан. Потоцкому и старостѣ калушскому Жолкевскому. По словамъ Конецпольскаго они имѣли отъ него порученіе „не упускать случая уладить дѣло безъ кровопролитія, еслибы такой случай представился“, но грозный гетманъ говорилъ это передъ людьми, и безъ того ставившими ему въ упрекъ, что онъ не постарался избѣгнуть столкновеній и кровопролитій, и не легко повѣрить, чтобы онъ, самъ горя желаніемъ „угасить кровью этотъ огонь“, дѣйствительно и серьезно давалъ такіа миролюбивыя инструкціи своимъ помощникамъ. Впрочемъ никакого миролюбія они во всякомъ случаѣ не проявили: по словамъ Конецпольскаго, козаки „какъ начали по непріятельски поступать съ войскомъ королевскимъ, такъ и затѣмъ не переставали, а панъ стражникъ коронный, со своими небольшими силами (войско еще не собралось и паны еще не съѣхались) отплачивалъ имъ взаимно“. Тогда завязалась мелкая, партизанская война, въ которой дѣйствительно и рыцари польской культуры и козацкіе „лотры“, какъ ихъ называлъ коронный гетманъ, взаимно отплачивали другъ другу, въ стилѣ и вкусѣ пана короннаго стражника.

Интересна эта фигура пана стражника, правой руки гетмана и его довѣреннаго, порожденіе шляхетско-солдатскаго польскаго произвола въ этихъ изъятыхъ изъ дѣйствія права и закона „кресахъ“ (пограничьяхъ) польской Рѣчипосполитой. Позднѣйшія преданія и анекдоты разукрасили его фигуру различными полуполюбопытными подробностями, и потому намъ будетъ интереснѣе выслушать характеристику этого героя 1630 г. изъ усть сосѣда шляхтича, написанную по случаю погрома, устроеннаго сосѣдней шляхтой надъ Лащемъ, когда не стало его повровителя гетмана Конецпольскаго (1646):

„17 октября (былъ походъ) по причинѣ несправедливостей, вестерпимыхъ издѣвательствъ, беззаконій и грабежей на его м. п. стражника короннаго, Самуеля Лаща, который ни Бога не помнилъ, ни права публичнаго не боялся, ни людей уважаемыхъ не стыдился — на шляхетскія имѣнія наѣзжалъ и на дома, совершалъ насилія, убивалъ, рубилъ носы и уши, забиралъ силой дѣвушекъ и вдовъ, отдавая своимъ разбойникамъ, которые находились при немъ для разбоевъ и грабежа: негодян, банниты (лишепенные правъ), Волохи, Татары, разбойники, злодѣи — честнаго человекъ и не спрашивай, а при немъ все время находилось нѣсколько сотъ людей. Они и дорогу въ Кіевъ заградил и изъ-

за разбоевъ и грабежей никто по дорогамъ уже не ѣздилъ. Было на немъ приговоровъ къ баници 236, къ инфаміи за различные преступленія 38, но во всёхъ своихъ проступкахъ и пакостяхъ имѣлъ онъ великаго защитника своихъ разбоевъ и наѣздовъ—е. м. п. каштеляна краковскаго гетмана Конецпольскаго, охранявшаго его войсковыми экземптами ¹⁾ и такимъ образомъ оказывавшаго этому негодлю, безбожному человѣку всякую льготу, и онъ ни во что не ставилъ князей, пановъ и воеводъ. Менѣе знатныхъ шляхтичей убивалъ, падаая изъ-за пустяковъ; насилуваніе женщинъ, паннъ, дѣвушекъ, всяческій грабежъ—все это сходило ему. Если кто начиналъ съ нимъ судиться, то долженъ былъ отказаться отъ жены и дѣтей и убѣгать пока живъ. Съ князьями Вишневецкими, Корецкими, кievскимъ воеводой Тышкевичемъ велъ постоянныя войны—насылалъ на ихъ имѣнія, грабилъ, захватывалъ, разорялъ—болѣе десятка лѣтъ. Лишь когда не стало гетмана и его экземпты потеряли силу—сейчасъ же по декрету трибунальскому е. м. п. воевода (кievскій) со всѣмъ воеводствомъ, со шляхтой—могло ея быть до 12 тысячъ—наѣхалъ на Макаровъ и заставъ тамъ одну только жену Лаща съ дѣтьми, упавшихъ къ его ногамъ съ мольбой о милосердіи,—даровалъ ей жизнь и ничего не взялъ, но изъ Макарова изгналъ; самъ же Лащъ, зная объ этомъ, убѣжалъ за нѣсколько дней заранѣе ²⁾.

Вотъ такой то господинъ получилъ отъ Конецпольскаго порученіе заняться козачествомъ до его прихода. Можемъ себѣ представить, что онъ началъ тамъ выдѣлывать. Современникъ—кievлянинъ, столько разъ цитированный нами, какъ отголосокъ того, что говорилось въ современномъ Кievѣ, рассказываетъ въ своей лѣтописи, что Лащъ, идя со своею компаніею подъ Кievъ, вырѣзалъ цѣликомъ мѣстечко Лысянку, захвативъ людей въ церкви, подъ самую православную Пасху: „вшито вистиналъ, якъ мужовъ такъ и женъ, такъ и дѣтей въ церкви будучихъ, и по па съ ними“. „И по дорогѣ убивали людей ни въ чемъ невиновныхъ—лишь бы былъ Русинъ“ ³⁾. Другой подобный случай

¹⁾ Такъ назывались распоряженія, задерживавшія исполненіе судебныхъ рѣшеній на время какой либо важной нужды.

²⁾ Ершича Latopisiec I с. 49—50. О Лащѣ статья пок. Ролле—с.м. выше с. 329.

³⁾ Пок. Кулишъ, выступая въ защиту Поляковъ противъ козачества въ своихъ послѣднихъ трудахъ, объявлялъ этотъ рассказъ козацкимъ вымысломъ (Отпаденіе, Украинскіе козаки). Но что

произошелъ будто бы въ м. Дымерѣ, гдѣ солдаты также, какъ рассказываютъ тотъ же современникъ, вырѣзали все мѣстечко поголовно. Поголовно или не поголовно, эти извѣстія рисуютъ намъ тогдашнія отношенія и атмосферу на Украинѣ. Со своей стороны козакъ и украинскіе повстанцы отплачивали тою же монетою — громилъ расквартированныя польскія войска, гдѣ только могли захватить. „Нападали на королевскія хоругви, расположенныя на зимнія квартиры, особенно на хоругви Лаца, Мянцко-ропскаго и Слѣдовскаго, много людей перебили, а остальныхъ принудили уйти въ другія мѣста и весь ихъ обозъ разграбили“ — какъ записываетъ современникъ Полякъ ¹⁾).

Среди этой партизанской войны, немного спустя превратившейся во внутреннюю часть кампаніи и заполнившей весь мѣсяць апрѣль ст. ст., козацкое войска отправило посольство къ Конецпольскому. О немъ имѣемъ до сихъ поръ только краткое упоминаніе въ его сеймовой рѣчи.

Вѣроятно, войска по своему обыкновенію оправдывалось въ послѣднихъ событіяхъ, просило простить допущенные эксцессы, но одновременно условіемъ прекращенія теперешняго движенія ставило очень большія требованія. Судя по словамъ Конецпольскаго ²⁾, эти требованія были аналогичны съ условіями, какія ставили козакъ въ позднѣйшихъ переговорахъ кампаніи. Они требовали выдачи имъ реестровиковъ, остававшихся при коронномъ войскѣ, и добивались уничтоженія куруковской ординаціи, такъ

подобные выводы дѣйствительно имѣли мѣсто, въ этомъ не оставляетъ сомнѣнія глухое упоминаніе Конецпольскаго о Лацѣ (при всемъ его желаніи отклонить обвиненіе въ излишнихъ кровопролитіяхъ), что Лаць за враждебныя выступленія козаковъ „отплачивалъ имъ взаимно“.

¹⁾ Пясецкій с. 499, то же самое повторяютъ *Pamiętniki do praw. Zygmunta III.*

²⁾ „Въ самый Баръ присылали затѣмъ часто, прося милосердія, но при этой просьбѣ ставились такія условія: 1) умерщвленіе Грицька Чорнаго оправдывали, не считая его своимъ старшимъ; 2) усиленно настаивали на наказаніи находившихся при войскѣ в. в. м. (реестровой старшины), называя ихъ измѣнниками; 3) требовали отъѣзду куруковской комиссіи цѣликомъ, какъ вынужденной у нихъ насиліемъ“. Дѣйствительно, эти условія въ общихъ чертахъ подходят довольно близко къ козацкимъ условіямъ, поставленнымъ потомъ, въ послѣдней стадіи переговоровъ — Жерела, VIII № 216.

какъ она была вынуждена у козачества насиліемъ, угрозами, оружіемъ.

Конечно, такія требованія козачества Конецпольскій съ гнѣвомъ отвергъ, пуская мимо ушей все совѣты короля (а вѣроятно и другія подобныя увѣщанія)—искать „соотвѣтственныхъ способовъ успокоенія безъ пролитія крови“¹⁾. Упоминая въ своей позднѣйшей рѣчи, что „нѣкоторые по незнанію дѣла, другіе по враждѣ обвиняютъ его, что козаки присылали къ нему, а онъ не пришелъ съ ними къ соглашенію безъ пролитія крови“, онъ восклицаетъ: „Могъ ли я похвалить ихъ за это и отмѣнить то, что утвердили король и Рѣчь посполитая—пусть признаетъ это наибольшій врагъ мой, лишь бы судилъ онъ не подъ вліяніемъ нерасположенія. Слыша, что они не только не отступаютъ отъ своего враждебнаго поведенія, но чѣмъ дальше, тѣмъ осмѣливаются на все болѣе тяжкіе проступки, а въ будущемъ обѣщаютъ еще худшее (стыдно даже вспомнить объ этомъ!), я бросился противъ нихъ, даже не приготовившись, какъ слѣдовало бы должностному лицу вашей корол. милости, и не съ такими силами, и большими переходами посѣщилъ къ Днѣпру“.

Затрудненіе заключалось въ томъ, что главная часть военныхъ контингентовъ, вслѣдствіе неуплаты жалованія, вышла изъ подъ всякаго вліянія гетмана. Именно въ этотъ моментъ онъ долженъ былъ ѣхать во Львовъ для расплаты съ ними; вмѣсто этого принужденъ былъ отправить къ нимъ письмо, прося потерпѣть съ полною уплатой и тѣмъ временемъ принять участіе въ кампаніи противъ козаковъ. При этомъ часть войска нужно было оставить въ Западной Украинѣ для защиты границъ отъ татарскихъ нападѣній, такъ какъ съ этой стороны приходили тревожныя извѣстія. И нужно было спѣшить изъ всѣхъ силъ, какъ для того, чтобы сдержать дальнѣйшее развитіе возстанія, такъ и потому, что остававшемуся на службѣ войску черезъ нѣсколько недѣль скачивалась четверть, и оно ввиду неуплаты денегъ, не обнаруживало охоты продолжать службу. Поэтому пославъ къ королю реляцію съ просьбой разослать письма къ украинскимъ магна-

¹⁾ Письмо короля отъ 1 мая: „Не сомнѣваемся при томъ, что вѣрность ваша, если бы какіе либо соотвѣтственные способы привели ихъ къ успокоенію безъ пролитія крови, не будешь ими пренебрегать и покажешь суровость только надъ одними вожаками, такъ какъ прочіе могутъ пригодиться для какой либо услуги Рѣчипосполитой“.—Ркп. Публ. библ. Разн. F. IV № 104 с. 116.

тамъ, чтобы они поддерживали Гетмана своими полками и мобилизовали выбранецкую милицію, Конецпольскій уже 6 апрѣля с. с. двинулся на театръ войны, надѣясь, по обыкновенію, во время похода стянуть остальные контингенты ¹⁾.

Во время кампаніи 1630 г. козачество находилось въ значительно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ въ другихъ—напр. въ кампаніи 1625 г. Главное козацкое войско успѣло заранѣе „выгребтись“ изъ Запорожья „на волость“, съ артиллеріей и всѣмъ необходимымъ. Затѣмъ въ продолженіи почти двухъ мѣсяцевъ оно оставалось господиномъ положенія на Украинѣ, имѣло возможность поднять для возстанія украинское населеніе, и безъ того въ высокой степени раздраженное расквартированіемъ польскаго войска, его своеволіемъ и разными столкновеніями съ нимъ. Пока польскія силы мобилизовались и стягивались на Украину, козацкое войско имѣло возможность увеличиться большими ново мобилизованными кадрами, выбрать позиціи, обезпечить сообщеніе, запасти всѣмъ необходимымъ.

Главной своей позиціей оно избрало Переяславль и здѣсь собрало свои главныя силы, когда польское войско начало сходиться къ Києву, а по Днѣпровскимъ берегамъ казаки расположили свои отряды, чтобы затруднить переправу Полякамъ.

Прибывъ въ Кіевъ и увидѣвъ положеніе вещей Конецпольскій, по его словамъ, сильно раздумывалъ, какъ ему быть. „Перейти Днѣпръ съ такимъ малымъ количествомъ, въ какомъ мы были тогда, безъ пѣхоты, безъ артиллеріи, было опасно, въ виду того что и тамошнія мѣста требовали скорѣе пѣшаго, чѣмъ коннаго войска, да и при такомъ маломъ числѣ трудно было рѣшиться, что дѣлать—атаковать непріятели или поджидать людей подходившихъ за нами. Съ другой стороны казалось, что если не перейти Днѣпръ сейчасъ же, то переправиться позже было бы еще труднѣе, и даже едва ли возможно, такъ какъ они (казаки) укрѣпились бы еще больше и заняли всѣ переправы“. При томъ же польскому войску оставалось службы (до истеченія четверти) всего только двѣ недѣли, и оно заявляло, что сверхъ этого и часа не будетъ служить“.

¹⁾ Кремль его сеймовой рѣчи (см. выше) еще Архивъ Ю. Э. Р. III. 6 № 80, 81, 83; рукоп Публ. библ. Разн. IV. Ф. № 104 с. 113 об., 116, 121 об. (письма короля къ Конецпольскому).

А между тѣмъ изъ-за Днѣпра приходили тревожныя вѣсти. Конецпольскій увѣряетъ, что козачество имѣло намѣреніе „вести переговоры съ Москвою и отдать ей всё тамошнее края“, „и были вѣрныя вѣсти о московскомъ войскѣ“. Въ московскихъ источникахъ не имѣемъ извѣстій, которыя бы подтверждали чѣмъ либо конкретнымъ этотъ рассказъ о сношеніяхъ козаковъ съ Москвою; но при тогдашнихъ довольно напряженныхъ отношеніяхъ съ Москвою (которыя три года спустя дѣйствительно привели къ войнѣ), Конецпольскій въ самомъ дѣлѣ могъ опасаться какихъ либо осложненій и съ этой стороны. А и подавно, козачество, устроившись за Днѣпромъ, могло поискать помощи на Дону и взять въ свои руки все Заднѣпровье, какъ взяло позже во время возстанія Хмельницкаго.

Однако нашъ кіевскій очевидецъ говоритъ, что эти „делиберации“ гетмана долго не продолжались. Прибывъ „съ великимъ шумомъ на козаки и на вшитку Русь“, онъ сейчасъ же началъ переправляться за Днѣпръ, подѣ самымъ Кіевомъ, но сильно обжегся на этой переправѣ. Небольшой козацкій отрядъ, „зо сто коней шиговъ“ (развѣдчиковъ), поймалъ „капитана нѣмецкаго“, котораго затѣмъ приставили къ козацкой артиллеріи и онъ очень пригодился козакамъ „при стрѣльбѣ“. Едва не поймали самаго гетмана, такъ что онъ долженъ былъ спастись изъ-за Днѣпра въ Кіевъ.

Послѣ этого онъ дѣйствительно повелъ переправу съ большей „делибераціей“, и хотя „не безъ трудности и не малаго кровопролитія“, какъ говоритъ въ своей рѣчи,—все таки переправился за Днѣпръ. Здѣсь устроилъ окопы для своихъ пикетовъ, которые должны были стеречь переправу и обезпечивать польскому войску сообщеніе съ Кіевомъ и правымъ берегомъ, и затѣмъ подступилъ къ Переяславлю, гдѣ находилось главное козацкое войско, занимавшее самый городъ. Въ первыхъ числахъ мая ст. ст. Конецпольскій былъ уже подѣ Переяславлемъ ¹⁾ и, какъ кажется, пытался напасть на козацкій лагерь, но понесъ большія потери, ничего не добившись. По крайней мѣрѣ имѣемъ извѣстіе, что 7 (17) мая онъ понесъ большія потери въ битвѣ

¹⁾ Отъ 8 (18) мая имѣемъ уже универсалы Конецпольскаго изъ подѣ Переяславля. Но 17 (27) мая король отвѣчаетъ еще на его реляцію изъ подѣ Кіева.) Очевидно, Конецпольскій прибылъ подѣ Переяславль незадолго до 8 (18) мая.

съ козаками, такъ что въ варшавскихъ кругахъ его сообщеніе приняли какъ извѣстіе о погромѣ польскаго войска ¹⁾).

Въ недостаточности своихъ силъ для борьбы съ козацкимъ войскомъ Конецпольскій убѣдился еще раньше, и изъ Кіева сообщалъ королю разныя свои пожеланія относительно присылки новыхъ подкрѣпленій ²⁾). Но вѣроятно, только теперь, послѣ битвы подъ Переяславлемъ, увидѣлъ онъ все превосходство козацкихъ силъ надъ его средствами, и сейчасъ же послѣ битвы рассылаетъ новые универсалы по всей Украинѣ, призывая войска прибывать какъ можно скорѣе, чтобы покончить войну съ козаками ³⁾). По словамъ Путивльца Гладкаго козаки имѣли въ Переяславлѣ 37 тыс. войска, Конецпольскій восемь тысячъ „польскихъ и нѣмецкихъ людей и Черкасъ лучшихъ людей, которые отъ Черкасъ пристали къ Полякамъ“. Этыхъ „лучшихъ людей“, т. е. реестровыхъ козаковъ, оставшихся при корониомъ войскѣ послѣ корсунскаго погрома, современникъ кіевлянинъ насчитываетъ у Конецпольскаго подъ Переяславлемъ двѣ тысячи. Но это былъ контингентъ довольно сомнительный, который при случаѣ могъ передаться къ Запорожцамъ, какъ передались нѣкоторые въ Корсунѣ; слѣдовательно, собственно польскаго войска было всего около шести тысячъ, и съ нимъ нужно было поддерживать и сообщеніе съ Правобережьемъ и вести борьбу съ козаками.

Война подъ Переяславомъ тянулась около двухъ недѣль ⁴⁾). Подробностей о ней имѣемъ очень мало. Московскій вѣстникъ Гладкій, свидѣтель компетентный, находившійся самъ въ осадѣ (и какъ челоуѣкъ, нарочно высланный для провѣдыванія московской администраціей, дававшій свои показанія въ полномъ сознаніи ихъ важности), говоритъ къ сожалѣнію очень лаконически— что за эти три недѣли „у польскихъ людей съ черкасскими

¹⁾ Письмо Сапѣгѣ изъ Варшавы — автогр. Публ. библ. № 221, л. 166.

²⁾ 17 (17) мая король отвѣчаетъ на его требованія новыхъ контингентовъ—Реп. Публ. библ. Разн. F. IV. № 104 л. 121 об.

³⁾ Архивъ Ю. З. Р. III. I № 84.

⁴⁾ Такъ говоритъ Гладкій: „сидѣли дѣ онѣ къ Переясловли съ Черкасы въ осадѣ отъ польскихъ людей 'три недѣли“ (Материалы Кулиша с. 316) и его показанія подтверждаютъ документальныя данныя: подъ Переяславлемъ Конецпольскій пришелъ передъ 8 (18) мая, трактатъ съ козаками подписанъ 29 мая (8 іюня). Въ своей рѣчи Конецпольскій говоритъ о *московскихъ* недѣльныхъ войнѣхъ подъ Переяславлемъ.

людьми боевъ было много и въ этихъ бояхъ Черкасы Поляковъ любивали“, а затѣмъ наступила рѣшительная битва и послѣ нея переговоры и договоръ. Конецпольскій во всѣхъ своихъ реляціяхъ исторію кампаніи описываетъ общими фразами, что польскому войску въ битвахъ съ козаками счастье служило, но козаки все таки продолжаютъ противиться. Онъ повторяетъ ихъ стереотипно съ самаго начала войны—когда кровавые подвиги Лаца и ему подобныхъ героевъ, за немѣніемъ, лучшаго, должны были обозначать эти успѣхи польскаго оружія надъ украинскимъ своеволіемъ, — и до конца, скромно заявляя въ своей позднѣйшей рѣчи, что онъ „не хочетъ созидать себѣ славы кровью королевскихъ подданныхъ, хотя бы и своевольныхъ“¹⁾. Достоверное извѣстіе Гладкаго, своимъ авторитетомъ подтверждающее въ общемъ и менѣе авторитетные рассказы нашего киевскаго лѣтописца, объясняетъ такую странную несообщительность Конецпольскаго, а также и рѣзкую перемену въ настроеніи грознаго гетмана, такъ равнагося сначала „гасить кровью“ козацкое возстаніе, а затѣмъ преисполнившася чрезвычайнымъ миролюбіемъ и снисходительностью къ этимъ повстанцамъ²⁾. Варшавскій корреспондентъ Сацѣгъ, передавъ реляцію Конецпольскаго о неудачной битвѣ 7(17) мая, позже сообщаетъ о неудачной битвѣ 14(24), которая окончилась для Поляковъ еще хуже, но прибавляетъ, что

¹⁾ Въ письмѣ 8 (18) мая варшавскій корреспондентъ Сацѣги такъ передаетъ извѣстія съ театра войны (очевидно, на основаніи реляцій Конецпольскаго): Козацкія банды на Украинѣ еще не усмиренны окончательно, хотя кварцаное войско громилъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и отобрало у нихъ три города, силой выгнавъ ихъ оттуда (Ряп. Публ. библ., автографы № 221, т. I с. 162). Въ универсалахъ отъ 8(18) мая Конецпольскій извѣщаетъ, что козацкое своеволіе, понесши нѣсколько разъ немалое пораженіе, все таки опомниться не хочетъ (Архивъ Ю. З. Р. III. I с. 310). Въ письмѣ къ Конецпольскому король повторяетъ его реляцію отъ 17 (27) мая въ словахъ: „хотя ваша милость имѣетъ успѣхъ противъ козацкаго своеволія, все таки оно продолжаетъ упорствовать“ (Ряп. Публ. библ. Разв. F. IV № 104 с. 107).

²⁾ Въ своей рѣчи Конецпольскій говоритъ: „Наступивъ на этихъ своевольниковъ, находившихся уже подъ Передславлемъ, я искалъ всяческихъ средствъ для окончанія дѣла безъ пролитія крови, ничего уже болѣе не требуя отъ нихъ, кромѣ выдачи того, кто былъ причиной такого большого волненія. Но соединенное съ глупостью упорство не хотѣло раскаяться въ своемъ поступкѣ, пока имъ не подрѣзали жилы. Не хочу вспоминать тяжелыхъ тру-

письма Конецпольскаго держатся въ тайнѣ ¹⁾. И въ дѣйствительности онъ, вѣроятно, не могъ похвалиться ни однимъ конкретнымъ успѣхомъ надъ козацкимъ войскомъ.

Однако среди этихъ битвъ подъ Переяславомъ козакки не разъ, судя по словамъ Конецпольскаго, возобновляли свои предложенія въ духѣ указанныхъ выше условій: выдать предводителей реестровыхъ, предоставить амнистію участникамъ возстанія, отмѣнить куруковскую ординацію и санкционировать *status quo* козачества. Конецпольскій отвергалъ эти предложенія объ окончаніи войны соглашеніемъ, но ему приходилось все труднѣе. Солдаты требовали скорѣйшаго окончанія войны, такъ какъ служба ихъ уже оканчивалась. На новые континенты было мало надежды. Въ письмѣ короля читаемъ, что солдаты требовали полной расплаты, иначе не хотѣли идти на войну — частичной уплатой не удовлетворялись ²⁾. Притомъ и сообщеніе съ правымъ берегомъ затруднялось или даже совсѣмъ прерывалось, такъ что небольшимъ отрядамъ войска нельзя было даже пробиться къ Конецпольскому.

По мѣрѣ того, какъ выяснялся перевѣсъ силъ козачества подъ Переяславомъ, все грознѣе поднималась волна возстанія. Послѣ перехода польскаго войска за Днѣпръ поднимались и собирались все новые отряды возставшихъ и продолжали партизанскую войну съ Поляками, разбивая мелкіе отряды, направлявшіеся къ польскому войску или ходившіе за провіантомъ. Нашъ кievскій лѣтописецъ, конечно, преувеличивая, говоритъ, что козаковъ подъ конецъ войны, „какъ рассказывали“, собралось до 100 тысячъ, и они „взяли моцъ“, отплачивая за звѣрства солдатъ, вродѣ рѣзни въ Лысянкѣ и Димерѣ.

„Обозъ обозомъ, а здѣсь Поляковъ бекъ числа ходять по

довъ нашихъ и кровавыхъ боевъ, продолжавшихся нѣсколько недѣль, такъ какъ не желаю создать себѣ славы кровью подданныхъ в. к. м. хотя бы и своевольныхъ. Однако дасть Богъ, что они раскаются въ своемъ проступкѣ и просили милосердія. Сохраняя ихъ для дальнѣйшихъ услугъ в. к. м. и Речи посполитой, я пришелъ съ ними къ договору, такому какъ прислать в. к. м., — не отступая ни въ одномъ пунктѣ отъ Куруковскаго, но во всемъ придерживаясь его“.

¹⁾ I. c.

²⁾ Рян. Публ. библ. Разд. F. IV № 104 с. 121 об. (письмо отъ 27 мая, но думаю, что Конецпольскій долженъ былъ узнать объ этомъ раньше).

всей Украинѣ. Одинъ (отрядъ), шедшій къ польскому войску, захватили и разбили, все забрали. Сколько было гайдуковъ — не убивали, такъ какъ это была Русь, только одѣлись въ ихъ „сукни“ и побили нѣсколько сотъ солдатъ, шедшихъ за гайдуками: солдаты думали, что это стоятъ гайдуки и не поостереглись.

„Затѣмъ въ Копачевѣ (возлѣ Василькова) перебили всѣхъ солдатъ и забрали ихъ возы со всѣмъ богатствомъ. Въ Дымерѣ въ пятницу св. Духа (21 мая с. с.) громили солдатъ. Подъ Кіевомъ такъ побили солдатъ, что взяли у нихъ, говорятъ, военныхъ лошадей до 600, и возы ихъ со всѣмъ добромъ. Въ недѣлю всѣхъ святыхъ (23) въ окопахъ сейчасъ же за Днѣпромъ, гдѣ гетманъ сначала окопался, побили одну роту, очень богатую и храбрую, изъ однихъ панятъ — называлась золотой ротой, на хоругви былъ золотой кругъ. На разсвѣтъ всѣхъ перебили—никого не выпустили; тамъ въ окопахъ уложили и хоронить не велѣли. Богатства тамъ взяли огромнѣйшія; однихъ панятъ тамъ было полтораста, кромѣ челяди, и кіевскихъ купцовъ до двадцати было — живность везли въ обозъ. Говорятъ, рота была изъ Ченстохова, а полковникомъ былъ какой-то Лѣщинскій.

„Въ то же воскресенье, переправившись черезъ Днѣпръ, разбили другую роту въ монастырскомъ мѣстечкѣ—какъ въ заразу лежали на улицахъ и домахъ голые солдатскіе трупы ¹⁾. Между ними былъ какой-то большой панъ Глембоцкій, только восемнадцати лѣтъ, говорятъ; убѣждалъ было, но они его нашли, велѣли ему сбросить соболью шубу — просилъ пощады, триста тысячъ выкупа давалъ, но они не обращали на это никакого вниманія и его разстрѣляли. На слѣдующій день въ Кіевѣ сожгли 50 байдаковъ, а лодокъ безъ числа—чтобы Полякамъ не въ чемъ было перевезтись на ту сторону къ гетману; былъ тогда великій страхъ у всѣхъ, пока не ушли. Въ тотъ же день подошли королевскіе люди—говорятъ, наняты они были за еврейскія деньги. Придя вечеромъ, хотѣли напасть на монастырь и напали

¹⁾ Послѣ этого слѣдуетъ: „Подданныхъ монастырскихъ убито десять, каже самъ отецъ архимандритъ былъ въ большомъ страхѣ; другіе изъ той же роты убили до 50; одного Русина Поведа нашли у монаха и разстрѣляли, другого въ церкви св. Феодосія“. Рѣчь идетъ, повидимому, объ убитыхъ тѣми солдатами, которыхъ затѣмъ разгромили козакъ.

было; но козаки были неподалеку, а къ тому услышали набать большихъ колоколовъ, вернулись, монастыремъ овладѣли и нѣмцевъ разгромили. ¹⁾

„Въ пяти миляхъ отъ Борисполя изъ полуторы тысячи солдатъ осталось только 25—всѣхъ убили на мѣстѣ. Изъ роты королевича, стоявшей въ Луцкѣ и похвалявшейся на Русь,— „какъ возвратимся, всѣхъ васъ будемъ имѣть въ рукахъ“, говорили, — изъ нихъ пятьдесятъ товарищей погибло, не считая слугъ. И изъ тѣхъ нѣмцевъ и гайдуковъ, которые за Днѣпромъ были, ничего не осталось или осталось очень мало; и грабившіе монастырь за Днѣпромъ остались“.

Наконецъ послѣ двухъ недѣль борьбы наступила катастрофа, окончательно подкосившая энергію Конецпольскаго. Очевидецъ Гладкій говоритъ о ней очень кратко, но достаточно определенно: „Въ послѣднемъ бою Черкасы забрали въ обозѣ у гетмана Конецпольскаго пушки, побили много Поляковъ въ обозѣ, заняли перевозки на Днѣпрѣ и сожгли паромы на перевозахъ; и послѣ этого боя гетманъ Конецпольскій съ Черкасами помирился“. Конецпольскій совсѣмъ умалчиваетъ объ этомъ эпизодѣ, лишь скромно упоминаетъ, что козаки, когда онъ имъ „подрѣзалъ жилы“, признали свою вину и просили милосердія. Другіе польскіе источники, не зная никакихъ подробностей кампаніи (вѣроятно, оставшихся по большей части секретомъ для польскаго общества), говорятъ только о большихъ потеряхъ польскаго войска: козаки покорились „послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ изъ королевскаго войска, не говоря уже о простыхъ людяхъ, шляхтичей-товарищей погибло больше, чѣмъ за всю прусскую войну—до трехъ сотъ ихъ насчитывали, и мало кто не потерялъ лошадей, и то самыхъ лучшихъ“ ²⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ разсказать, какъ нѣмцы напали на кievскіе монастыри, хотѣли ихъ грабить, а тѣ защищались — „тая война черезъ тыждень немало около монастыря (печерскаго) буда“. О ней упоминаетъ также Кальнофойскій въ своей „Тератургимѣ“, разсказывая о спасеніи отъ этихъ нѣмцевъ, какъ о чудѣ милости Богородицы, оказанной монастырю. Это были драгуны Бутлера — о высылкѣ ихъ писалъ король въ цитированномъ письмѣ 17 (27) мая.

²⁾ Пясецкій с. 500, тоже самое Pamiętniki do ranow. Zygmunta III, т. I с. 154. Эту же цифру, очевидно популярную, даетъ и Львовская лѣтопись: „такъ повѣдаютъ, же триста велце значныхъ пановъ коронныхъ згинуло“, но къ этому добавляетъ еще сказочную цифру обыкновеннаго войска—„вшиткого войска до десяти тысячей згинуло“.

Подробнѣе рассказываетъ объ этой битвѣ нашъ кievскій лѣтописецъ и при всѣхъ преувеличеніяхъ и легендарности нѣкоторыхъ подробностей, въ главныхъ чертахъ, очевидно, описываетъ ее довольно вѣрно, такъ какъ сходится съ краткимъ рассказомъ Гладкаго о томъ, что козакъ взяли было самый лагерь польскій, забрали артиллерію и отрѣзали польское войско отъ Заднѣпровья, уничтоживъ перевозки. Не часто располагая рассказомъ Украинца-современника, приводимъ это извѣстіе вполнѣ:

„Великая битва была въ самую субботу ¹⁾. Панъ Лащъ замѣтилъ козаковъ, ѣхавшихъ на развѣдки, и, взявъ солдатъ, какъ говорятъ, до пяти сотъ коней, напалъ на нихъ, но не будучи въ состояніе одолѣть ихъ, далъ знать пану гетману. Панъ гетманъ, взявъ съ собой хорошаго войска двѣ тысячи, пошелъ за Лащемъ. Козаковъ на томъ мѣстѣ уже не нашли, но попали на другихъ, шедшихъ на помощь первымъ. Говорятъ, что ихъ было немного, только до двухсотъ коней, а Поляки говорятъ, что пятьсотъ. Эти козакъ, залерпясь въ одномъ сараѣ, защищались такъ, что ни одного изъ нихъ не взяли живымъ, только одного сотника, и то раненаго. А въ это время два гайдука передались изъ польскаго лагеря къ козакамъ и сказали: „имѣете удобный случай, гетмана нѣтъ въ обозѣ!“ Тогда козакъ къ обозу. А гетманскимъ намѣстникомъ былъ панъ Потоцкій. Тамъ бились, рубились! До двухъ тысячъ человекъ пало съ обѣихъ сторонъ. Одни козакъ бились, а другіе захватили три самыхъ большихъ пушки и двѣ гаковницы и притащили въ свой лагерь. На это подошелъ панъ гетманъ. Бились затѣмъ шесть часовъ; если бы страшный дождь не помѣшалъ, навѣрно, всѣхъ до одного не выпустили бы. Но гетманъ далъ знакъ мира и тогда перестали. Изъ этой битвы 30 важныхъ лицъ привезли въ Кіевъ — полковниковъ, ротмистровъ, между ними пана Ганнибала, тридцать лѣтъ бывшаго ротмистромъ — самъ панъ гетманъ оплакивалъ его словно отца, такъ какъ его совѣтами пользовались во всемъ; также другаго Ганнибала, поручика, его родственника; пана Цаковского, п. Карскаго, п. Красноставскаго, п. Красновойскаго, п. Красносельскаго²⁾). Это была та великая битва, въ

¹⁾ Лѣтописецъ, вѣроятно, разумѣетъ субботу 22 мал с. с.

²⁾ Это сочетаніе именъ производитъ впечатлѣніе современнаго каламбура.

которой палец среди козаковъ палецъ Стефанъ, старшій сынъ отца-митрополита“¹⁾).

Это та битва, добавимъ мы, которая стала популярной въ новѣйшей традиціи подъ названіемъ „Тарасовой ночи“, какъ ее назвалъ авторъ Исторіи Руссовъ, описавъ въ видѣ ночного нападенія козаковъ на польскій лагерь на праздникъ Божьяго тѣла, „какой они (Поляки) со стрѣльбой и пированьемъ праздновали“²⁾; подъ этимъ именемъ она была воспѣта въ юношескомъ стихотвореніи Шевченка.

Что козаки, дѣйствительно, захватили тогда польскія пушки³⁾ это подтверждается упоминаніями о польскихъ пушкахъ въ дальнѣйшихъ переговорахъ Конецпольскаго съ козаками.

Эта послѣдняя катастрофа сокрушила энергію Конецпольскаго. „Подрѣзали жилы“ ему козаки, а не онъ имъ. Кромѣ большихъ потерь, приходилось считаться также съ сильнымъ упадкомъ духа въ войскѣ, рѣшительно отказавшемся хотъ двѣ недѣли еще продолжать кампанію. Козаки отрѣзали сообщеніе съ правымъ берегомъ и били, гдѣ попало, отдѣльныя партіи польскаго войска — къ этимъ днямъ именно и относится большая часть эпизодовъ, приведенныхъ выше изъ разсказовъ кievскаго лѣтописца. Конецпольскій отложилъ свои планы и началъ серьезныя переговоры съ козацкимъ войскомъ.

„Увидѣлъ панъ гетманъ, что плохо, что бьютъ, что хотъ бы и въ десять разъ больше было у него войска, то и ноганхъ не выдетъ отсюда, — сталъ молиться, слыхаль я, такъ: „Пресвятая Дѣва, выведи меня отсюда по здорову! Потому что и на него самого нападали, на самый лагерь“ — записываетъ современный разсказъ кievскій лѣтописецъ, и добавляетъ въ репандантъ къ недавнимъ ухищреніямъ относительно уніи другой современный разсказъ: „Слыхаль я, показывалъ панъ гетманъ на великое число труповъ и, утирая слезы, говорилъ: „Вотъ и унія, лежитъ Русь съ Поляками“.

¹⁾ Кулишъ, отвергая разсказъ Львовской лѣтописи, какъ фантастическій, указывалъ на эту подробность, что Стефана Борецкаго вовсе не было въ козацкомъ войскѣ (Матеріалы I с. 302—3).

²⁾ Исторія Руссовъ с. 54. 2. Очевидно, кака-то традиція объ этомъ была, независимо отъ Львовской лѣтописи, и весь разсказъ не былъ выдумкой автора „Исторіи“.

Таковы были украинскія параллели къ разсказамъ Конецпольскаго и другихъ представителей официальной Польши объ усмиреніи козачества, якобы просившаго прощенія послѣ тяжелыхъ потерь, причиненныхъ ему польскимъ войскомъ, обѣщая на будущее время всяческую покорность.

Въ настоящее время имѣемъ въ полномъ видѣ тѣ деклараціи, которыми обмѣнялся Конецпольскій съ козацкимъ войскомъ послѣ этой катастрофы ¹⁾.

Декларація Конецпольскаго въ нашей копіи имѣетъ заголовокъ: „Способъ успокоенія гнѣва с. кор. м. за вины войска Запорожскаго“; она не имѣетъ никакой вступительной формулы, ни подписи—была передана черезъ пословъ Конецпольскаго какъ проектъ соглашенія. Въ ней нѣтъ рѣчи—хотя это было бы очень кстати—о какой либо просьбѣ мира, или хотя бы инициативѣ съ козацкой стороны. Очевидно, Конецпольскій долженъ былъ первымъ обратиться къ козакамъ ²⁾.

Въ своей деклараціи онъ перечисляетъ ихъ вины: убійство Чернаго, походы на море, нападенія на польскихъ солдатъ, агитацію на волости—„столько невинныхъ людей поотрывали отъ домовъ, хозяйства и работы, подъ предлогомъ угнетенія вѣры, въ которой никому не было никакой несправедливости“. За эти вины козаковъ слѣдовало-бы сурово наказать, но такъ какъ „уже и такъ пролилось много крови и столько погибло отличныхъ воиновъ, доставлявшихъ славу королю и войску Запорожскому“,—то Конецпольскій готовъ простеть козакамъ имъ провинности на слѣдующихъ условіяхъ:

Козаки выдадутъ Тараса какъ предводителя возстанія, имѣвшаго—чему есть вѣрныя доказательства—измѣнническіе замыслы противъ Рѣчи Посполитой, неизвѣстные самому козацкому войску (къ сожалѣнію, подробности ихъ и Конецпольскій не обнаружилъ, и мы не знаемъ, разумѣлъ ли онъ здѣсь тѣ же подозрѣнія относительно сношеній съ Москвой или что либо иное);

постановленія куруковской комиссіи должны быть соблюдаемы вполнѣ;

¹⁾ Изданы въ Жерелахъ VIII № 215 и 216.

²⁾ Въ козацкомъ отвѣтѣ упоминается только о презнемъ отвѣтѣ пересланномъ черезъ Галичибала,—убитаго въ послѣдней битвѣ. Значитъ, предшествующія сношенія имѣли мѣсто еще до катастрофы.

участники морского похода, происшедшаго во время этой кампании, должны быть сурово наказаны послѣ возвращенія, предводители выданы королю, а лодки сожжены;

старшаго, какой имъ будетъ данъ королямъ, козаки должны принять и во всемъ ему быть послушны;

вѣрные козаки, оставшіеся при польскомъ войскѣ, ради вѣрности которыхъ не уничтожится козацкое имя и не отбираются у козаковъ права и вольности, — они должны быть приняты въ согласіе и любовь козацкимъ войскомъ, и потеря ихъ должны быть возмѣщены;

выписанные за непослушаніе изъ реестра (находившіеся на Запорожьѣ) будутъ приняты снова въ войско, если захотятъ подчиниться условіямъ и оказывать покорность на будущее время, не реестровые же должны разойтись по своимъ домамъ; плѣнниковъ и захваченныя пушки козаки возвращать, а также вернуть солдатское имущество, взятое въ Корсунѣ.

Таковы были условія Конецпольскаго, превратившагося сразу изъ польскаго мстителя въ милосерднаго покровителя козачества.

Во главѣ козацкаго войска въ этотъ моментъ стоялъ уже не Тарасъ Федоровичъ, а Антонъ Конашевичъ Буть ¹⁾. Какъ я когда произошла эта перемѣна и какое значеніе она имѣла, не знаемъ, такъ какъ узнаемъ о ней только изъ козацкаго отвѣта Конецпольскому. Можетъ быть, она и произошла именно въ виду переговоровъ съ Конецпольскимъ, для того чтобы дать извѣстную сатисфакцію польской сторонѣ и облегчить соглашеніе, устраняя главнаго виновника конфликта. Отъ имени войска новый старшій далъ такой отвѣтъ:

„Уже не въ первый разъ ваша милость извоить писать намъ по поводу смерти покойнаго Грицька Чорнаго, яко бы поданнаго намъ въ старшіе. Объ этомъ мы уже раньше писали и письмененно объяснили, что причиною ея, какъ и выхода нашего изъ Запорожья были непріятности, доучившія намъ, — и мы эти непріятности изложили въ письмѣ черезъ е. м. п. Ганнибала и е. м. в. Вайбузу. А что касается моря и нарушенія перемирія съ императоромъ турецкимъ, то начало этому далъ тотъ же покойный Чорный и нѣкоторые старшіе, бывшіе тогда съ нами,

¹⁾ Антономъ Конашевичемъ называется себя онъ самъ въ декларациі, Антономъ Бутомъ называется его протоколѣ.

а теперь находящіеся при е. м. п. гетманѣ коронномъ: Пачковскій и Борзякъ, бывшіе эсаулами, Капуста—бывшій полковникомъ.

„Что касается разсылки универсаловъ и собиранія людей подъ предлогомъ нарушенія вѣры, то это дѣйствительно такъ было, что мы разсылали универсалы, а извѣстія дали намъ нѣкоторые духовные и свѣтскіе люди, которые не только по сосѣднимъ городамъ слышали, но и сами на себѣ это испытали въ прошломъ году, когда имъ запрещали службу божію въ церквяхъ и братская церковь была окровавлена панами жолнерами, стоявшими въ Кіевѣ—изъ-за этого и собирались люди.

„Что касается выдачи Тараса, то не одинъ онъ виновать, а все войско; чтобы загладить эту вину, трудно его выдать—нужно было бы наказать его въ войскѣ, но не иначе какъ съ тѣмъ, чтобы по милостивой волѣ е. м. пана короннаго гетмана, нашего милостиваго пана, намъ было дано удовлетвореніе относительно другихъ нашихъ—Борзяка, Вовка и Бородка—чтобы они также были наказаны, такъ какъ этотъ огонь зажегъ не кто иной, а они.

„Относительно Куруковской комиссіи признаемъ, что на нее присягали, но сдѣлать это мы были вынуждены, видя великую силу противъ насъ. Войско наше было не въ одномъ мѣстѣ, нѣкоторые на морѣ, нѣкоторые на Дону и по рѣкамъ. Какія ни были даны записи, подобныя прошлогоднимъ—мы вынуждены были ихъ нарушить¹⁾. Теперь просимъ покорно, чтобы намъ порядокъ предоставлено было установить между собою безъ ихъ м. пановъ комиссаровъ: кто будетъ намъ пригоденъ, будетъ нашимъ товарищемъ, а кто не пригоденъ, того исключимъ.

„Если на Запорожьи кто вибудь дѣйствительно ушелъ теперь на море, изъ оставленныхъ нами, то сдѣлали они это своевольно, вопреки строгому нашему запрещенію, и мы обѣщаемъ ихъ сурово наказать какъ измѣнниковъ.

„Старшимъ нашимъ долженъ быть тотъ, кого мы себѣ выберемъ съ общаго согласія; покорно просимъ этого какъ милости у е. м. пана гетмана короннаго, нашего милостиваго пана, чтобы и теперь у насъ такъ было, какъ издавна бывало—что старшіе не были „коронованы“ (назначаемы короною). Но каждый разъ послѣ выбора мы обязаны будемъ увѣдомлять е. м. п. короннаго гетмана.

¹⁾ Фраза не многиѣ ясная (съ пропускомъ).

„Нашихъ товарищей ¹⁾), когда по милостивой волѣ е. м. пана короннаго гетмана нашего м. пана наступитъ соглашеніе—мы общаемъ принять къ себѣ какъ товарищей, безъ всякихъ упрековъ — какъ мы хлѣбъ-соль ѣдали и въ добромъ согласіи были, такъ и теперь общаемъ быть“.

„Что до возмѣщенія убытковъ, причиненныхъ ихъ м. п. жолнерамъ—то ужъ Богъ его знаетъ, кто долженъ бы ихъ возмѣщать, въ виду того что гораздо большія потери, какія причинились и причиняются нѣкоторымъ изъ нашихъ, мы также оставляемъ на волю божью. А е. м. п. Тржецецакаго и е. м. п. Чарнецкаго съ товарищами ихъ общаемъ отпустить, если дастъ Богъ, наступитъ соглашеніе, а также выдать болѣе мелкія орудія, захваченныя въ окопахъ“.

Этотъ довольно вѣжливый, но рѣшительный отвѣтъ ²⁾ закончивался обычно въ сношеніяхъ съ панами вѣжливостью „Все это мы отдаемъ на милостивое разсужденіе в. м. нашего милостиваго пана, прося униженно и покорно, чтобы ваша милость показалъ себя намъ нашимъ милостивымъ господиномъ и извоилъ оставить насъ, слугъ своихъ, при давнихъ вольностяхъ“.

Опираясь на этихъ вѣжливыхъ выраженіяхъ Конецпольскій имѣлъ формальное основаніе говорить, что козаки просили его. Лишь бы только онъ исполнилъ ихъ желанія!

Не извѣстно, какъ долго послѣ этого тянулись еще переговоры. Отъ перваго своего требованія—выдачи Тараса—Конецпольскій скоро рѣшилъ отказаться, тѣмъ болѣе, что козаки ставили требованія такого же наказанія для вѣрной старшины. Было рѣшено, что судьба Тараса будетъ отдана на волю короля, а тѣмъ временемъ „въ виду горячей просьбы обоихъ войскъ“ онъ былъ оставленъ въ войскѣ и не былъ выданъ. Въ виду миролюбиваго настроенія королевскихъ инструкцій, какія получилъ Конецпольскій во время похода, такой выходъ не внушалъ опасеній. Имѣется королевское письмо (писанное 2 іюня с. с., такъ что оно не могло послѣть во время), въ которомъ король рекомендовалъ Конецпольскому, въ видахъ скорѣйшаго прекращенія войны, не настаивать на выдачѣ предводителей возстанія ³⁾. Нерасположеніе

¹⁾ Реестровыхъ, находившихся при коронномъ войскѣ.

²⁾ *Dosyć zgłupia foremną*, со злостью иронизируетъ современникъ—у Жуковича с. 89.

³⁾ „Такъ какъ мы со многихъ мѣстъ отъ выдающихся пановъ-сенаторовъ получаемъ письма, чтобы предти къ соглашенію съ эти-

правлящихъ сферъ къ продолженію войны и желаніе достигнуть соглашенія какой бы ни было цѣной были, конечно, извѣстны Конецпольскому очень хорошо.

Формально отмѣнить Куруковскую ординацію Конецпольскій рѣшительно отказался, да собственно и не могъ сдѣлать этого. Но онъ допустилъ важную уступку — согласился увеличить реестръ до восьми тысячъ. Правда, это было сдѣлано полуофициально, — въ протоколъ соглашенія не было внесено, и въ связи съ этимъ жалованье увеличено не было, но современныя реляціи съ театра войны говорятъ совершенно опредѣленно объ этой уступкѣ, какъ одномъ изъ основныхъ пунктовъ соглашенія¹⁾. Одна изъ нихъ указываетъ и мотивъ этого увеличенія — необходимость въ большемъ, двухтысячномъ гарнизонѣ на Запорожьѣ.

Обѣимъ сторонамъ — какъ участникамъ возстанія такъ и присоединившимся къ польскому войску, была дана полная амнистія. Выписанные изъ реестра имѣли быть возобновлены въ правахъ и реестръ долженъ былъ быть наново дополненъ: для этого обѣ стороны — возставшіе и вѣрные реестровики должны были избрать смѣшанную комиссію изъ делегатовъ, по двѣнадцать съ каждой стороны. Она должна была дополнить реестръ и произвести выборъ гетмана; эти же делегаты давали гарантію мира и забвенія всего на будущее время²⁾.

Со стороны Запорожцевъ (возставшихъ) въ комиссію были избраны: Левко Бутъ изъ Канева, Левко Бубнівскій, Каленикъ изъ Черкасъ, Чечуга изъ Черкасъ, Иванъ изъ Канева, Заблоцкій изъ Канева, Юрко Солтыкъ Харабура изъ Корсуня, Иванъ

ми людьми мягкими средствами и не губить такъ много людей, которые могутъ пригодиться для услугъ Рѣчи посполитой — мы усиленно домогаемся отъ вѣрности в., чтобы вѣрность в., если бы даже они не хотѣли выдать вожаковъ своего своевольства, все таки привелъ къ соглашенію съ ними какимъ бы то ни было образомъ: позже можетъ представиться случай, когда можно будетъ и вожаку ихъ своеволія напомнить его“ (Реш. Пуб. библ. Разн. F IV № 104 с. 107). Въ тавхъ условіяхъ, конечно, не могла имѣть мѣста казнь Тараса, которую допускалъ въ свое время, на основѣ ложнаго извѣстія о заявленіи Песочинскаго въ Константинополь (Pamiętniki do praw. Zygmunta III т. I с. 158) Костомаровъ (В. Хмельницкій I. с. 94, ср. объ этомъ у Жуковича VI с. 91).

¹⁾ Жерела VIII № 217 и 218, также выписка изъ современнаго дневника у Жуковича VI с. 94.

²⁾ Жерела VIII с. 349 и протоколъ — см. ниже.

Сорока изъ Жовнина, Федоръ Прало изъ Черкасѣ, Иванъ Кулага изъ Канева ¹⁾). Они принесли присягу такого содержания: Мы (выше названные) товарищи войска е. к. м. Запорожскаго, находящагося теперь подъ начальствомъ Антона Бута, избранные для „уравненія“ съ нашими товарищами, присягаемъ именуемъ всѣхъ Господу Богу въ Троицѣ единому, пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, что мы возвращаясь къ прежнему послушанію по приказу ясновельм. е. м. п. гетмана кор. нашего милостиваго пана, — раньше отдѣлившись отъ нашихъ товарищей, а теперь соединившись, прощаемъ всѣ обиды нашимъ товарищамъ, стоящимъ при е. к. м., и какъ прежде того безъ всякой укоризны на славу и пользу е. к. м. трудились, такъ и теперь забывъ все, что произошло во время этого раздѣленія, не будемъ дѣлать никакихъ либо неприятностей и упрековъ. А если бы противъ когонибудь что-нибудь подобное было доказано — укору словомъ или дѣломъ, — то будемъ единодушно добиваться, чтобы его казнили смертью безъ всякаго милосердія. Въ этомъ присягаемъ по истинѣ — такъ намъ помощи, Боже, а если не по правдѣ — убей у насъ, Боже, и тѣло и душу, въ этомъ и будущемъ вѣкѣ. Аминь.

Изъ реестроваго войска бывшаго съ Конецпольскимъ, были делегированы: Василь Соколка изъ Черкасѣ, Константинъ Вовкъ изъ Черкасѣ, Александръ Смотрицкій изъ Черкасѣ, Пашковскій изъ Корсуня, Мысько Мапуленко изъ Стеблева, Пырскій изъ Лубенъ, Гаврило Кулащенко изъ Переяслава, Захаръ изъ Корсуня, Станиславъ Яблонскій изъ Лубенъ, Филонъ изъ Переяслава, Иванъ Туровець изъ Корсуня, Федоръ Вобаченко изъ Стеблева. Они принесли такую же присягу какъ и делегаты запорожскіе.

Старшимъ избрали они Тимоша Михайловича, по прозванію Орендаренка ²⁾). Конецпольскій, „въ виду засвидѣтельствованнаго имъ мужества въ дѣлахъ рыцарскихъ и умѣнья“, подтвердилъ, или „подалъ“ его „всему Запорожскому войску какъ старшаго, которому они должны будутъ оказывать всяческую готовность и

¹⁾ Столько лицъ даютъ обѣ копіи протокола вмѣстѣ: нѣкоторыя имена испорчены, особенно въ копіи Кулиша.

²⁾ Пок. Кулишъ, усиленно выводившій гетмановъ этихъ годовъ изъ шляхетскихъ родовъ, и потому не только у Судимы, но и у Грицька Чорнаго усматривавшій „шляхетскую фамилію Савячъ“ (Укр. козань с. 663), считалъ и Орендаренка „очевидно шляхтичемъ“, не смотря на это демократическое прозвище Орендаренка (Матеріалы с. 307).

послушаніе". Съ своей стороны новыи старшии присягъ приеягу на послушаніе королю и государству, обязавшись не ходить на море и никого не пускать, „тѣмъ, кто не будетъ на королевской службѣ, воспрещать ходить на Запорожье, не созывать безъ воли короля и рѣчисполнѣтой никакихъ купъ, ни охотниковъ, ни выписанныхъ изъ реестра, а наоборотъ — таковыхъ наказывать“ и т. д.

Все это вписано въ протоколъ 29 іюня с. с.; одинъ экземпляръ его подписалъ польскій гетманъ и передалъ козакамъ; другой, отъ имени новаго старшаго, подписали Иванъ Бачинскій, Михайло Минковскій и войсковой писарь, и для сохранности рѣшено вписать его въ акты коронной метрики и кіевскаго града ¹⁾.

„Такъ прошла эта козацкая комедія“, окончилъ Конецпольскій свой рассказъ о кампаніи, представивъ ее въ возможно выгодномъ свѣтѣ польской сеймовой аудиторіи, и добавилъ: „Признаюсь, что я самъ не особенно былъ доволенъ ея результатомъ, такъ какъ не было дано удовлетворенія за такое оскорбленіе королевскаго маестата; къ тому же я знаю, что хотя она припечатана кровью и подтверждена столькими присягами, но у этихъ людей все это непрочно и я долженъ предостеречь, что если еще въ этомъ году (1681) сейчасъ же съ весны мы не примемъ мѣръ, то они поссорятъ насъ съ Турками и втянутъ въ большую бѣду. Можно было бы и въ прошломъ году (во время кампаніи) добиться отъ нихъ чего либо болѣе солиднаго, но согласно воли короля пришлось примѣняться къ обстоятельствамъ и дѣйствуя вырощеннымъ (т. е. прося солдатъ еще побыть подъ знаменами), удовлетвориться и этимъ“.

Дѣйствительно, гордому гетману не было причинъ быть довольнымъ кампаніей не только въ достаточной степени, но и даже очень не большой. Козачество отстояло себя и вышло изъ кампаніи съ признаніемъ своей побѣды. Бунтъ, непослушаніе, убійство казеннаго гетмана прошло ему вполне безнаказанно. Выпи-

¹⁾ Съ копій библ. Красинскихъ, значительно сокращенной и мѣстами сильно испорченной, издалъ этотъ протоколъ Кулишъ въ своихъ Матеріалахъ. Другая копія, полная, кое въ чемъ отличная къ ркц. Публ. библ. Пол. Б. IV № 241 с. 654. Я пользовался главнымъ образомъ этой болѣе полной копіей, отмѣчая интересныя отличія болѣе краткой.

санины изъ реестра за непослушаніе были возвращены; участники возстанія получали амнистію. Вѣжливыя фразы, возвращенные плѣнники и пушки—больше ничего не получили отъ нихъ польскій гетманъ. А уступки ему пришлось дѣлать существенныя. Въ своихъ реляціяхъ и официальномъ протоколѣ онъ налегаетъ на то, что козаки снова приняли куруковскую ординацію; конечно, и это не было бы еще какимъ-либо триумфомъ, тѣмъ болѣе, что козаки до самаго возстанія и не поднимали противъ нея возраженій, *просили* только освобожденія отъ нѣкоторыхъ постановленій ея. Подтвержденіе куруковской ординаціи было бы только возстановленіемъ *status quo*, но въ дѣйствительности и этого не было. Во первыхъ, рамки реестра расширено на двѣ тысячи; во-вторыхъ, не было уже и рѣчи о фактическомъ осуществленіи реестра, какъ въ 1625 г. Вообще ничего не было постановлено о способахъ возвратитъ въ подданство всю массу нерестрового козачества—этихъ нѣсколько десятковъ тысячъ, принявшихъ участіе въ войнѣ 1630 г. (въ протоколѣ только упоминалось, что они должны разойтись по домамъ, а правительство гарантируетъ имъ „безопасность“ — отъ репрессій). Не было на этотъ разъ также всего того что дѣлалось въ 1625 г. для того, чтобы закрыть дорогу на море, на Запорожьѣ—уничтоженія лодокъ, расположенія отрядовъ на Запорожьѣ и т. п.

На Украинѣ такъ и понимали и толковали переяславское соглашеніе, что куруковская ординація имъ отменена и козачеству теперь во всемъ предоставлена полная свобода. „О перомире (Конецпольскій) просилъ, що хотѣли козаки, то себѣ вымовили“, записываетъ нашъ кievскій лѣтописецъ финалъ кампаніи: „козаковъ на будущее время хоть сто тысячъ, и самъ Конецпольскій, какъ я слышалъ, ихъ видѣлъ, когда Тарасъ показалъ ему это избранное войско; гетмана ни онъ ни король не долженъ назначать, а они сами себѣ будутъ избирать; призналъ за ними рыцарство“.

Это было такое же свободное толкованіе переяславскаго соглашенія въ противоположную сторону, какъ и официальное толкованіе Конецпольскаго, что козаки во всемъ приняли куруковскую ординацію.

Положеніе было такого рода, что Конецпольскому, „примѣняясь къ обстоятельствамъ“, приходилось удовлетворяться вѣжливыми фразами, бумажными обѣщаніями козачества и быть бла-

годарнымъ и за то, что и въ этомъ не отказало ему козацкое войско.

За плечами гетмана повисла гроза солдатской конфедераціи, опасность со стороны Турокъ, отъ козацкихъ походовъ на море, грозившихъ навлечь новый турецкій походъ на Украину, почти лишённую короннаго войска. А на западной границѣ не прекращалась ожесточенная безконечная тридцати лѣтняя война, угрожая каждую минуту втянуть въ свой водоворотъ и Польшу—особенно съ того момента, какъ центральная роль въ этой войнѣ перешла къ смертельному врагу Польскаго государства и династїи—шведскому королю Густаву-Адольфу.

Изъ переговоровъ Конецпольскаго подѣ Переяславомъ узнаемъ о походѣ козаковъ на море, предпринятомъ въ маѣ 1630 г., во время перелазавской кампанїи. Въ турецкихъ извѣстіяхъ разсказывается объ опустошенїяхъ, произведенныхъ козаками на черноморскомъ побережьѣ, около Измаила, Килїи, Балчика, Варны, Мидїи, Сизеболы. Визирь Кенанъ-паша выступилъ противъ нихъ съ 14 галерами и будтобы видѣлъ около острова Монастыря 300 козацкихъ чаекъ; но это число, вѣроятно, сильно преувеличено въ его реляціи. Козаки укрылись отъ галеръ въ камыши, и здѣсь визирь могъ захватить только семь чаекъ—привелъ ихъ съ триумфомъ въ Константинополь, по словамъ турецкаго хрониста ¹⁾). По окончанїи кампанїи съ Поляками новая масса козачества двинулась на Запорожье и предприняли новый походъ на море. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Конецпольскій не только подѣлился съ королемъ своими опасенїями, что этотъ походъ можетъ разстроить отношенїя съ Турціей ²⁾, но и успѣшилъ предостеречь Турокъ объ этомъ предполагаемомъ козацкомъ походѣ.

Дѣйствительно, этотъ походъ ставилъ польское правительство въ очень неловкое положенїе, послѣ того какъ оно и Конецпольскій успѣшили похвалиться передъ Портой новымъ разгромомъ козаковъ—якобы козацкое войско жестоко разбито, своевольяки ра-

¹⁾ Наима у Гаммера V с. 127—8.

²⁾ „Изволь узвать, что множество козачества пошло на Запорожье, откуда стало готовить на море тридцать лодокъ, въ виду чего нужно ожидать чего угодно, но только не прїязни Турціи, а въ дальнѣйшемъ и нападенїя ихъ, если дѣйствительность не будетъ соответствовать нашимъ словамъ и обѣщанїямъ удержатъ козовъ“—письмо Конецпольскаго къ королю отъ 17 в. с. сентября 1630 г. ркп. Публ. библ. Разн. F. IV № 104 с. 274

зогнаны, предводители наказаны смертью, Запорожье занято гарнизономъ и т. д. ¹⁾). Но на этотъ разъ Турки сами были на сторожѣ и этотъ новый козацкій походъ, подъ предводительствомъ Соленика, не имѣлъ для нихъ непріятныхъ послѣдствій. Еще въ августѣ капитанъ-паша былъ высланъ съ галерами подѣ Очаковъ, а на помощь очаковскому намѣстнику отправленъ корпусъ сухопутнаго войска подѣ Вѣлгородъ подѣ начальствомъ силестрійскаго намѣстника Муртаза-паша. Въ концѣ августа с. с. эскадрѣ удалось разгромить нѣсколько козацкихъ чаекъ и захватить немного невольниковъ, привезенныхъ затѣмъ съ триумфомъ въ Константинополь (турецкій источникъ говоритъ, что было взято 25 чаекъ, по язъ писемъ нашей къ Конецпольскому выходитъ, что всѣхъ чаекъ на морѣ было только 15, да и количество привезенныхъ въ Константинополь плѣнниковъ, 150 чел., если оно даже и не преувеличено, указываетъ, что разгромъ совсѣмъ не былъ великъ) ²⁾).

Паша были довольны, и Конецпольскій на ихъ извѣщенія о разгромѣ козацкой флотиліи поспѣшилъ отвѣтить увѣреніемъ, что если бы эти чайки не попали въ турецкія руки, то погибли бы при своемъ возвращеніи, такъ какъ онъ, Конецпольскій, поставилъ отрядъ войска чтобы захватить ихъ и всѣхъ уничтожить ³⁾. Къ довершенію всего хорошаго и козацкіе плѣнники на допросахъ у Турокъ давали показанія, которыя подтверждали въ глазахъ Турокъ польскія реляціи о стараніяхъ ихъ правительства усмирить козачество и удержать его отъ походовъ на море ⁴⁾.

Въ результатѣ польско-турецкія отношенія были наложены и старое соглашеніе возобновлено Конецпольскимъ и Муртаза-па-

¹⁾ Реляція посольства Песочинскаго—рпк. Публ. библ. Разн. Ф. IV № 104 с. 13 и сл., корреспонденція Конецпольскаго съ турецкими пашами тамже с. 263 и сл.

²⁾ Письмо Муртаза-паша къ Конецпольскому—1. с. № 104 с. 267, Гаммеръ I. с., Жуковичъ VI с. 100.

³⁾ Рпк. № 104 с. 268 об.

⁴⁾ „Показали, что они козакъ съ того острова (Сѣчи), не имѣютъ дома и опредѣленнаго мѣстопребыванія—видя, что надѣшній король с. м. съ навясн. императоромъ с. м. заключаетъ миръ и дружбу, и не надѣясь имѣть приближѣнца здѣсь, рѣшили пробиться и соединившись съ донскими козаками ежегодно совершать свои грабежи на морѣ, но имъ счастье не повезло“. Такъ передаетъ эти козацкія признанія Муртаза паша, тамже рпк. с. 267 об.

шей на прежнемъ принципѣ взаимнаго поддержанія порядка. Польша обязывалась не допускать козацкихъ походовъ, Турція — походовъ татарскихъ¹⁾. Татарскій ханъ, пришедшій было подъ Очаковъ во время этихъ польско-турецкихъ переговоровъ, смиренно возвратился назадъ въ Крымъ, и Конецпольскій считалъ, что на нѣсколько мѣсяцевъ Польшѣ обезпечено спокойствіе со стороны Татаръ. Турецкое войско съ Муртазой и эскадра съ капитанъ-пашей отправились во свояси въ средній сентябрь ст. ст.²⁾. Турція тѣмъ болѣе была склонна къ миру, что войны въ Персіи и на Средиземномъ морѣ парализовали ея силы, а въ Брыму опасались, чтобы снова не явился Шагинъ-гирей со своимъ опаснымъ союзомъ съ козаками и Польшею.

Но независимо отъ турецко-татарскихъ отношеній этотъ лѣтній походъ козачества на море, непосредственно послѣ кампаніи, вызвалъ серьезныя опасенія какъ симптомомъ бурныхъ настроеній въ войскѣ. Въ то время какъ передъ Портой польское правительство хвалилось полнымъ усмирениемъ козачества, въ дѣйствительности оно чувствовало себя вполне безпомощнымъ передъ нимъ. „Поданный“ королемъ гетманъ не былъ принятъ значительной частью козачества, продолжавшей группироваться около Сѣчи. „Прежній гетманъ Антоць Конашевичъ не хочетъ быть послушнымъ новоизбранному и подтвержденному имѣнемъ королевскимъ, устроилъ расколъ и съ десяти тысячами слишкомъ ушелъ на Запорожье, а этотъ новыи остался на волости“, — сообщалъ варшавскій корреспондентъ Салѣтъ польскія новости³⁾.

Но и реестровое козачество, принявшее поваго гетмана, сильно подняло голову послѣ выигранной кампаніи. Тотъ же корреспондентъ сообщалъ въ томъ же письмѣ (2 авг. с. с.): „Новому гетману (Орендаренку) е. м. н. гетманъ Конецпольскій послалъ нѣсколько шатъ и булаву, но онъ не хотѣлъ принять ихъ безъ согласія войска. Собралъ кругъ (коѳо), и только когда онъ ему позволилъ, онъ принялъ эти дары, и все таки при гетманскомъ посланномъ, тамже, не безъ нѣкотораго оскорбленія, благодарилъ не гетмана, а войско за эти дары“. Очевидно, вой-

¹⁾ Трактатъ у Наймы Collectanea I с. 189, объѣмъ писемъ въ ркп. № 104 с. 269 — 272; дата трактата указанная у Наймы (9 сентября н. с.) кажется слишкомъ ранней.

²⁾ Письмо Конецпольскаго къ королю 29 септ. н. с. — цитир. ркп. с. 261.

³⁾ Публ. библ. автографы 221 т. I док. № 185.

Грушевскій, Козачество т. II.

ско было очень щекотливо въ этомъ пунктѣ „подавалья“, или „короновалья“ ему гетмановъ, и гетманъ подчеркивалъ, что онъ получаетъ эти клейноты не отъ правительства, а отъ войска. „Затѣмъ онъ возвратилъ и гетману взятая (подъ Переславомъ) пушки и прочую артиллерію, и за это былъ на него (Орэндаренка) большой крикъ—что онъ сдѣлалъ это противъ ихъ воли, хотѣли его устранить, но онъ ихъ успокоилъ, сказавши: „хотя я добычу отдалъ, но славы вашей не отдалъ“, и лишь тогда это хлопство успокоилось,—однако нѣтъ надежды на спокойствіе отъ нихъ, такъ какъ ужь очень они чванятся“¹⁾).

На радѣ, созванной въ іюлѣ въ Черкасахъ, рѣшили отправить пословъ къ гетману и королю „относительно нѣкоторыхъ несправедливостей“²⁾. Извѣстный намъ московскій корреспондентъ Гладкій, рассказывалъ со словъ Борецкаго, ѣздившаго на эту раду, что тамъ шли разговоры о разореніяхъ причиненныхъ Конецпольскимъ во время кампаніи—„много ихъ городовъ повоевалъ, женщиянъ и цѣтей пожегъ и имущество забралъ“, „и поэтому они выбрали двухъ человѣкъ, съ этой рады послали къ королю, а также выбрали шесть человѣкъ и послали въ Польшу разузнавать, что Поляки будутъ замышлять противъ нихъ послѣ этой войны“³⁾. Требования, предложенныя королю, варшавскій корреспондентъ передаетъ такъ: „между прочимъ хотять, чтобы число ихъ было больше, чѣмъ установлено куруковской и тене-решней комиссеіей, хотять ббльшаго жалованья, свободы вѣры и другихъ вольностей; со веѣмъ этимъ, такъ думаемъ—отшлютъ ихъ на сеймъ, но вообще не очень ихъ здѣсь утѣшили“⁴⁾).

Требованія были старыя, но ставились въ иномъ тонѣ. „Очень это хлопство поднимаетъ голову“, пишетъ тотъ же корреспондентъ—„вотъ и эти три посла, пріѣхавшіе къ е. м. королю, говорятъ очень гордо, и когда ихъ е. м. королевичъ угощалъ у себя, они хвалились своей храбростью, нападали на гетмана (Конецпольскаго) и тамъ и всюду на банкетахъ говорили, что онъ напрасно и не разумно поднялся на нихъ, „потерилъ хорошихъ молодцовъ, а у насъ ничего не погибло, только немного джуръ““. Какъ видимъ, пословъ принимали банкетами. „Изъ казны дано каждому по 10 локтей адамашка и

1) Автографы, док. 185.

2) Ibid док. 187 (письмо отъ 26 VIII н. с.).

3) Матеріалы Кулаша I с. 317

4) Письмо отъ 26 VIII н. с. I. с. док. 187.

двѣсти золотыхъ на всѣхъ, но денегъ не хотѣли взять, говорили, что прежде всегда каждому запорожскому послу давали по сто золотыхъ,—почему мы должны быть хуже прежнихъ? Хотятъ просить е. м. короля. Е. м. королевичъ далъ имъ особо матеріи и больше денегъ, и этимъ они были очень довольны ¹⁾).

23 августа с. с. козаки имѣли раду на Масловомъ Ставѣ, недалеко отъ Канева, по поводу требованія Конецпольскаго, чтобы реестровое войско вышло подъ Бѣлую Церковь для охраны границъ отъ Татаръ. Съ этой рады также разошлись тревожные слухи по Украинѣ. Рассказывали о неудовольствіи козаковъ, что ихъ пословъ ить долго изъ Варшавы, и подозрѣннхъ противъ Поляковъ. Подъ Бѣлую Церковь пошли всѣ восемь полковъ, но вели себя подозрительно. Московскій вѣстникъ рассказываетъ, что гетманъ Конецпольскій приглашалъ козаковъ въ свой обозъ, но они не идутъ, опасаются коварства Поляковъ—чтобы Поляки ихъ не побили, и сами собираются биться съ ними ²⁾). Украинскіе монахи на допросахъ въ Москвѣ также говорили, что козачество ожидаетъ новой войны и запасается порохомъ и свинцомъ и всякими запасами, такъ какъ Польша навѣрно не примирится съ безславнымъ концомъ предшествующей кампаніи: „Конецпольскій потерялъ свою гетманскую славу и королевскую честь — запорожскихъ козаковъ не побилъ, вѣру христіанскую не обратилъ въ свою римскую, поэтому просилъ пановъ раду (сенаторовъ), чтобы послали съ нимъ противъ запорожскихъ козаковъ посполитое ружье, чтобы истребить ихъ и уничтожить христіанскую вѣру, чтобы по всей Польшѣ и Литвѣ завести одну римскую вѣру“ ³⁾).

Въ Варшаву доносили, что козаки собираются, въ обозѣ подъ Бѣлой Церковью есть ихъ больше десяти тысячъ, и на запросы нѣкоторыхъ украинскихъ пановъ, зачѣмъ они собираютъ силы теперь, послѣ соглашенія,—они оправдывались тѣмъ, что боются нападенія Конецпольскаго, а если онъ и не думаетъ ничего злого противъ нихъ, то все равно они должны быть готовы въ виду Татаръ, шныряющихъ повсюду на Украинѣ“ ⁴⁾). Со своей стороны Конецпольскій жаловался на козаковъ, что они не вы-

¹⁾ Автографы, док. № 187.

²⁾ Матеріалы Кулиша с. 320. Малор. дѣла арх. ин. дѣль 1620 г № 5.

³⁾ Матеріалы Кулиша с. 298.

⁴⁾ Автографы I. с. док. 187.

шли съ обозомъ за предѣлы волости, какъ онъ имъ велѣлъ, „а расположились повсюду по волости и никому не даютъ спуска, къ великому отягощенію людей всякаго званія“, такъ что, по словамъ Конецпольскаго, онъ велѣлъ имъ итти домой, — „считалъ за лучшее преградить дорогу неприятелю съ однимъ королевскимъ войскомъ, чѣмъ слышать о такихъ недобрыхъ поступкахъ ихъ, о которыхъ ко мнѣ постоянно приходили извѣстія“¹⁾.

Такимъ образомъ козачество рѣшительно вышло изъ всякаго повиновенія—даже реестровое, не только своевольное. „Очень подняло голову хлопство“, повторяетъ варшавскій корреспондентъ здѣшнія впечатлѣнія. Король принялъ пословъ сухо, даже ничего не упомянулъ объ ихъ требованіяхъ—выставлялъ большой милостью, что имъ прощены ихъ прежнія своевольства и что ихъ послы допущены на аудіенцію и къ цѣлованію королевской руки, хотя того они не заслужили; требовалъ, чтобы они вѣрной службой и послушаніемъ напередъ искушили эти вицы, и грозилъ, что если бы козаки снова начали какіе-либо бунты, то рѣчь исполнитая найдетъ способъ усмирить ихъ, и отниметь у нихъ всѣ ихъ вольности²⁾.

Однако такая немилость, очевидно не произвела на козаковъ особаго впечатлѣнія, такъ какъ уже въ концѣ сентября Конецпольскій посылаетъ къ королю новыя тревожныя вѣсти, что большія массы козаковъ двинулись на Запорожье, и можно опасаться новаго похода на море. Одновременно его беспокоитъ призракъ новой козацкой религіозной войны, „немалая опасность,—какъ можно судить по интригамъ духовенства греческой религіи, о которыхъ мы разузнаемъ“. Король очень тревожился этими извѣстіями и внушалъ гетману мысль расположить на Поддѣпровьей частъ короннаго войска, только „строго приказать, чтобы хорутви вели себя скромно на своихъ квартирахъ“³⁾.

Эта мысль—расположить значительное войско на Украинѣ, очень занимала правительственные круги, несмотря на печальные результаты, какіе далъ такой экспериментъ нѣсколько мѣсяцевъ.

¹⁾ Ркп. № 104 с. 261 об., письмо отъ 26 IX нов. ст.

²⁾ Ркп. № 104 с. 112, письмо короля къ козацкому старшему отъ 26 августа н. с.

³⁾ Ркп. № 104 с. 275 (письмо 15 ноября н. с.).

раньше. Королевская инструкция на осенние сеймики указывала на необходимость расположения значительного войска на Украинѣ для удержанія въ спокойствіи козачества¹⁾ и этотъ вопросъ дебатировался затѣмъ и на сеймѣ (созванномъ на осень 1630 г., но состоявшемся лишь въ февралѣ и мартѣ 1631 г.).

Козацкое своеволие, такъ часто напоминавшее о себѣ во всю вторую половину года, разсѣяло всякія иллюзіи относительно результатовъ, достигнутыхъ послѣдней кампаніей. Тщетно пытался поддержать ихъ Конецпольскій. Было очевидно, что кампанія потеряна и переяславская „комиссія“ ничего не сдѣлала для усмиренія своеволія. Нѣкоторые воеводства поднимали неприятный вопросъ о томъ, что собственно послужило поводомъ козацкаго возстанія, и о способахъ предупрежденія ихъ на будущее время²⁾. Въ дебатахъ звучало сильное неудовольствіе кампаніей и ея неудачными результатами. Сторонникамъ гетмана и правительства приходилось оправдываться, что съ неоплаченнымъ войскомъ, не хотѣвшимъ служить дольше, никакихъ результатовъ и нельзя было получить³⁾, а безъ вооруженной расправы нельзя было оставить козачества, такъ какъ бездѣйствіе было бы санкціей полной безнаказанности и привело бы къ поголовной рѣзнѣ шляхты на Украинѣ: „безъ сомнѣнія, досталось бы проживающимъ тамъ панамъ, и не много бы осталось тамъ Ляховъ въ живыхъ—какъ объ этомъ писало много почтенныхъ людей изъ этихъ краевъ“. Позднѣйшія своеволія объявлялись тѣмъ, что въ виду отсутствія средствъ козакамъ не было выплачено жолдъ—они слѣдовательно „имѣютъ предлогъ не держаться постановленій (переяславскихъ).—хотя вообще въ предлогахъ у нихъ нѣтъ недостатка“⁴⁾.

Козацкія петиціи—объ увеличеніи реестра и платы, возобновлены были особымъ посольствомъ ихъ на сеймѣ. Кромѣ того оно ходатайствовало о возстановленіи „нѣкоторыхъ выписанныхъ товарищей, находящихся на Запорожьи и въ чужихъ краяхъ“. Узнаемъ объ этомъ изъ письма гетмана Тимоша къ кн. Радзивилу—гетманъ, по обычаю просилъ у него покровительства козацкимъ посламъ⁵⁾. Также по обычаю козаки ходатайствовали объ успокоеніи религіи⁵⁾.

¹⁾ Жерела VIII № 222.

²⁾ Инструкціи прошовидская и сандомирская—Жерела VIII № 224 и у Жуковича VI с. 115.

³⁾ Жерела VIII № 226. ⁴⁾ Ibid. № 227.

⁵⁾ Письмо отъ 3 янв. 1631 г. изъ Канева въ Археогр. Сбор. т. VII № 63.

⁵⁾ Объ этомъ узнаемъ изъ позднѣйшихъ писемъ на сеймѣ 1632 г.

Сеймъ довольно недружелюбно отвергъ козацкія просьбы, по крайней мѣрѣ эти болѣе важныя. Польскіе политики, начиная съ оракула по украинскимъ дѣламъ, старого князя Збаражскаго, старѣйшимъ сената, рѣшительно высказались въ томъ смыслѣ, что увеличеніе числа козаковъ было бы большимъ несчастьемъ, — „Боже сохрани отъ этого“; козацкое посольство „отправить сурово“, требовать, чтобы походовъ на море и на Запорожье не было, въ противномъ случаѣ грозить, что „ихъ уничтожатъ саблѣй“. Такого мнѣнія держался и самъ Конецпольскій, въ добавленіе къ мудрымъ примѣрамъ, приведеннымъ нашимъ землякомъ, присоединивши кое-что и отъ себя. Однако считалъ необходимымъ „успокоить греческую религію“, чтобы положить конецъ агитаціи духовенства между козачествомъ и московскимъ интригамъ на этой религіозной почвѣ¹⁾. Эта же нота прозвучала въ рѣчи сурового клерикала литовскаго канцлера Альбр. Радзивила²⁾: онъ также считалъ нужнымъ успокоить греческую религію, такъ какъ подъ предлогомъ религіи къ козакамъ „идеть вся чернь“. Призракъ религіозной войны, пролетѣвшій лѣтомъ 1630 г., очевидно, не остался безъ впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ для болѣе серьезныхъ людей.

Вообще подъ вліяніемъ послѣдней козацкой войны вопросъ этотъ обсуждался, можно сказать, такъ серьезно, какъ никогда³⁾. Не было недостатка и въ болѣе серьезныхъ соображеніяхъ о воз-

1) Объ интригахъ духовенства онъ писалъ королю въ цитированномъ письмѣ 17 сент. н. с. „отъ нихъ не малая опасность расстѣть, какъ можно судить по интригамъ духовенства греческой религіи, о которыхъ мы разузнаемъ“ (Ряп. 104 с. 274). Въ позднѣйшемъ письмѣ изъ Варшавы отъ 10 н. с. апрѣля 1631, очевидно, на основѣ гетманскихъ реляцій читаемъ: „снова будутъ съ ними (козаками) хлопоты, такъ какъ ихъ возбуждаетъ Москва посольствами чрезъ посредство поповъ (автографы 221, док. 206). Съ этимъ нужно сопоставить опасенія Конецпольскаго относительно сношеній козачества съ Москвой во время переяславской войны. Во время сейма 1631 г. война съ Москвой носилась уже въ воздухѣ.

2) У Жуковича VI с. 133.

3) Сеймовыя совѣщанія проходили среди тревожныхъ вѣстей изъ Украины, которыя могли казаться предвѣстниками новой войны, подобной войнѣ 1630 г. Варшавскій корреспондентъ Савѣръ пишетъ 29 янв. что козакъ собиравлись утопить своего официального гетмана и оставили его въ лодкѣ только тогда, когда приблизилось польское войско; въ письмѣ отъ 10 февр. снова слухи о приготовленіи козаковъ къ возстанію (у Жуковича, VI с. 141).

возможности большого крестьянского возстанія (*conventum bellum rusticum*). Другіе, болѣе наивныя, припоминали старыя разсужденія, что причиною своеволия являются еврейскія аренды (объ этомъ шляхетскомъ антисемитизмѣ XVII в. мы будемъ имѣть случай говорить). Духовные сенаторы совѣтовали не поступать сурово съ козаками и прибавить жалованья имъ. Но вообще всѣ эти спасительныя совѣты исполнены не были, жалованья козакамъ не прибавлено¹⁾ — да и никакихъ особыхъ ассигновокъ и рѣшеній объ увеличеніи украинскаго войска не было принято²⁾. Для успокоенія религіознаго вопроса, значеніе котораго въ козацкихъ отношеніяхъ такъ хорошо почувствовалъ теперь Конецпольскій, тоже ничего не было сдѣлано: „въ виду болѣе общихъ вопросовъ“ этотъ вопросъ отложенъ былъ на слѣдующій сеймъ³⁾.

Не найдя у сейма никакой реальной поддержки для своихъ плановъ подавленія болѣе значительнымъ военнымъ контингентомъ опасныхъ элементовъ Украины, правительство все-таки исполнило свое намѣреніе— снова ввело коронное войско на постой въ восточную Украину. Считалось это хорошимъ средствомъ и для подавленія своеволия, и въ виду опасности морскихъ походовъ, такъ какъ о большихъ приготовленіяхъ козаковъ къ морскому походу въ Варшаву стали приходиться извѣстія уже съ конца марта с. с.⁴⁾.

¹⁾ См. Жерела VIII с. 368.

²⁾ „Хотѣлось бы мнѣ заблаговременно знать о мѣстѣ расплаты и о количествѣ оставленнаго войска, такъ какъ на сеймѣ изъ-за несогласій не было принято никакого рѣшенія относительно этого“ — пишетъ Конецпольскій позже (въ апрѣлѣ). А король въ отвѣтъ на это напоминаетъ ему: „помнишь, вѣрность ваша, какія были относительно этого рѣчи на прошломъ сеймѣ—что Рѣчь Посполитая хотѣла бы имѣть настолько уменьшенное (войско), чтобы хватило кварцянныхъ денегъ“ (рек. № 104 с. 325 и 327).

³⁾ *Volunt. legum* III с. 320.

⁴⁾ „Козаки еще немножко куралесятъ и сильно готовятся на море“ — пишутъ Салѣгамъ изъ Варшавы 10. IV н. с., а девять дней позже: „Козаки благодаря помѣщенію тамъ части войска болѣе спокойны“ — автографы Публ. библ. № 221 док. 206 и 208. О расквартированныхъ за Днѣпромъ солдатскихъ ротахъ упоминаетъ также Конецпольскій въ позднѣйшихъ письмахъ, сожалѣя, что его совѣта не послушались и не назначили уплаты войску жалованья въ Варѣ вмѣстѣ Львова— „потому что все войско находится на Украинѣ и изъ Заднѣпровья идти во Львовъ за платой солдатамъ будетъ тяжело“ — рек. № 104 с. 325 и 328.

Однако этимъ похода на море не предотвратили: въ апрѣлѣ козаки все-таки пошли на море, причинили большія потери Туркамъ, и это вызвало новую тревогу въ польскихъ политическихъ кругахъ¹⁾. А расквартированіе войска на Поднѣпровьи дало поводъ къ новымъ волненіямъ, особенно за Днѣпромъ. Къ сожалѣнію рапортовъ изъ Украины относительно этого, о которыхъ упоминается въ имѣющейсѣ у насъ корреспонденціи, нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. Въ письмахъ снова начинается повторяться фраза, ставшая стереотипной съ Черяславской кампаніи: „своеволие поднимаетъ голову“. Снова происходятъ нападенія на расквартированные роты и безнаказанно проходятъ „для этого хлопства“, съ великимъ ущербомъ для польскаго престижа²⁾. Солдаты жаловались, что причиной такой дерзости населенія послужили королевскіе универсалы, которыми войску строго предписана была всяческая сдержанность по отношенію населенія. Войско не хотѣло служить дольше—собиралось поголовно идти изъ Украины за жалованьемъ, такъ что на лѣто Украина снова оставалась въ полной власти козацкаго своеволия³⁾. Правительство, въ виду напряженныхъ отношеній съ Москвою, тревожилось подозрѣніями, нѣтъ-ли московской руки въ этихъ украинскихъ волненіяхъ. Ходили тревожные слухи объ агитаціи поповъ—московскихъ эмиссаровъ; опасались какого-либо взрыва украинской ириденды. Дѣйствительно, шведское правительство, считаясь съ враждебнымъ настроеніемъ Польши⁴⁾, прилагало старанія, чтобы раз-

¹⁾ Письма Конецпольскаго къ королю отъ 28 апр. и 16 мая н. с.—Разн. F. IV № 104 с. 325 и 329, письмо къ Салѣтѣ—I. с. док. 20^а: „козаки этой весной съ моря причинили имъ (Туркамъ) большія потери“. Подробностей не знаетъ.

²⁾ Изъ Варшавы пишутъ: въ великій вторникъ козаки напали на кварцяное войско въ нѣжинѣ, разгромили полки Мочарскаго и Лаца, разбили Нѣмцевъ изъ полка Бутлера; въ маѣ: козаки снова воюютъ съ кварцяными, но теперь кварцяные ихъ немного обуздали (у Жуковича VI с. 149).

³⁾ Выдержки изъ корреспонденціи гетмана съ королемъ—въ украинскомъ изданіи.

⁴⁾ Между прочимъ не переставали выдвигаться проекты посланки козацкаго войска на нѣмецкій театръ войны противъ Шведовъ; въ одной изъ варшавскихъ реляцій конца 1630 г. имѣемъ извѣстіе о желаніи Валленштейна получить отъ польскаго правительства 10 тыс. Запорожцевъ, и лѣтомъ 1631 г. староста калужскій собирался идти на помощь императору съ 3000 козаковъ и 1000 гусаръ (у Жуковича VI 103, 152).

будить украинскую ирридеату, — сначала при посредствѣ Москвы, подговаривая ее выступить съ релігіознымъ лозунгомъ, въ защиту православныхъ Польши ¹⁾, а затѣмъ непосредственно обращаясь къ козакамъ, и кое-что изъ этого могло быть извѣстно въ Польшѣ.

Однако скоро въ козацкихъ кругахъ обозначился благопріятный для польскаго правительства поворотъ. Можно думать, что болѣе солидные элементы среди козачества сами рѣшили, что струна слишкомъ натянута и не слѣдуетъ такъ злоупотреблять безсиліемъ польскаго правительства. Къ тому же присоединились еще важныя событія въ церковной жизни: 2 марта с. с. окончилъ свой жизненный путь митрополитъ Іовъ, и въ виду различныхъ теченій и направленій, обнаруживавшихся въ украинскомъ обществѣ при этомъ случаѣ, въ виду всякихъ плановъ и перспективъ именно теперь было неудобно обострять отношенія къ правительственнымъ сферамъ и собирать злобу и месть на голову украинскаго общества въ такой острый и опасный моментъ. И вотъ какъ разъ въ началѣ избирательной борьбы за митрополитскій престолъ въ апрѣлѣ 1631 г. козацкое войско посылаетъ какую-то декларацію своей лояльности — къ сожалѣнію до сихъ поръ неизвѣстную въ полномъ видѣ ²⁾. А немного спустя, одновременно съ выборомъ митрополита происходитъ смѣна и на гетманствѣ: на мѣсто Орендаренка, очевидно лишеннаго гетманства, избирается представитель солидныхъ круговъ, при томъ талантливый и умѣлый политикъ и администраторъ Иванъ Булага-Петражицкій, одинъ изъ переяславскихъ комиссаровъ. Хотя онъ тамъ фигурировалъ на сторонѣ своевольныхъ, но избраніе его не встрѣтило оппозиціи въ польскихъ кругахъ, и король подтвердилъ его Запорожскому войску своимъ универсаломъ, сохранившимся въ полномъ текстѣ; считаю нужнымъ привести его, такъ какъ это единственный документъ въ этомъ родѣ:

„Всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, кому это слѣдуетъ знать, извѣщаемъ, что мы въ виду засвидѣтельствованной намъ велѣм. воеводой сацдомирскимъ, гетманомъ короннымъ поль-

¹⁾ См. Форстена Балтійскій вопросъ II с. 255 и сл.

²⁾ Пока мнѣ встрѣтилось лишь краткое упоминаніе о ней въ письмѣ Конедпольскаго въ королю 16 мая н. с.: „О козакахъ что сообщаетъ мнѣ с. м. н. староста калушскій и с. м. н. галицкій, посылаю в. к. м. — дай Богъ, чтобы эта покорность ихъ обнаружилась на дѣлѣ“ (р.п. 104 л. 329 об.).

скимъ, вѣрности намъ и Рѣчи Посполитой Ивана Петражицкаго, опытности его въ рыцарскихъ дѣлахъ и желанія послужить намъ, назначаемъ его и даемъ его въ старшіе войску Запорожскому, не сомнѣваясь, что онъ будетъ на этомъ порученномъ ему старшинствѣ свидѣтельствовать должную вѣрность и послушаніе намъ и Рѣчи Посполитой, предупреждая всякія своесволія и не допуская, чтобы спокойствіе прерывалось сосѣдями и нарушалось войскомъ Запорожскимъ. Сообщалъ объ этомъ для свѣдѣнія козаковъ запорожскихъ, всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности, велимъ считать его старшимъ и оказывать ему должное послушаніе, согласно куруконской ординаціи, и не поступать иначе, имѣя въ виду милость нашу и свою обязанность. Въ Варшавѣ 22 сентября, 1631 года¹⁾.

Какъ видно, правительство со своей стороны игнорировало избраніе старшаго войскомъ, такъ точно, какъ войско старалось игнорировать подтвержденіе выбора правительствомъ.

Новый гетманъ дѣйствительно не замедлил засвидѣтельствовать свою вѣрность и послѣ своего избранія утѣшилъ королевское сердце, переславъ королю гетману извѣстіе о посольствѣ наслѣдственнаго королевскаго врага, шведскаго короля Густава, присланномъ къ козакамъ черезъ Москву, въ сопровожденіи приданнаго ему изъ Москвы агента, извѣстнаго уже намъ Путивльца Гладкаго. Эти посланцы должны были добратся до братьевъ митр. Борецкаго и владыки Борисковича, чтобы тѣ провели ихъ къ козакамъ не Орендаренковимъ, официальнымъ, а къ войску враждебному Польшѣ²⁾, но они не нашли дороги и попали къ расстроенному войску Кулага, а Кулага поспѣшилъ увѣдомить объ этой миссіи польское правительство.

О содержаніи письма Кулага сразу не могъ сказать ничего— „писемъ мы еще не брали отъ нихъ, такъ какъ изволить в. милость знать, что у насъ безъ рады ихъ читать нельзя; послали мы за полковниками и прочимъ товариствомъ, чтобы съѣхались“. Но немного спустя прислалъ онъ и самое письмо—не особенно богатое содержаніемъ и интересное только какъ попытка завязать непосредственныя сношенія: въ этомъ письмѣ секретарь кор. Густава Адольфа Руссель (Розелій) приглашалъ козацкое войско войти въ непосредственныя сношенія и дружбу со шведскимъ королемъ.

¹⁾ Жерела VIII № 232.

²⁾ Объ этой миссіи см. у Соловьева IX с. 1172.

какъ искреннимъ пріятелемъ греческой вѣры и врагомъ іезуитовъ¹⁾—по его словамъ, королю совѣтывали обратиться къ козакамъ патріарха, особенно константинопольскій патріархъ Кириллъ.

Какъ приняли козаки пословъ, объ этомъ официальной реляціи Кулаги не имѣемъ²⁾.

Донской козакъ, присутствовавшій на радѣ въ Каневѣ при чтеніи этого письма, рассказываетъ, что мнѣнія козаковъ при этомъ раздѣлились: „мелкіе люди“ выражались враждебно для польскаго правительства или, какъ передавалъ этотъ вѣстникъ примѣнительно къ московской аудиторіи—„говорили, чтобы служить имъ царю, а тутъ имъ, Черкасамъ, и вѣрѣ христіанской отъ Поляковъ утѣшеніе“; но „лучшіе люди Черкасы, которые пристали къ Полякамъ“, противились политикѣ авантюръ: ихъ мнѣніе получило перевѣсъ и письма и „Нѣмцы“ были отосланы къ гетману Конецпольскому³⁾. Подробности, безъ сомнѣнія, схваченная реально, хотя и пропущенная сквозь упрощенную московскую призму. Въ варшавскихъ кругахъ ходили рассказы, что козаки шведскихъ пословъ утопили, потомъ—что не утопили, но только издѣвались надъ ними: стали поить водкой, а когда тѣ не захотѣли, стали кричать на нихъ, что они измѣнники и ихъ нужно валопеть не водкой, а водой—утопить, а въ концѣ концовъ отослали къ Конецпольскому, а тотъ отправилъ ихъ въ Варшаву⁴⁾.

¹⁾ Вотъ въ какихъ словахъ обращался Розеллій къ козакамъ: *Nobiles et liberi milites, viri strenui, Boristensis et Ponti Euxini dominatores et quod maximum est — religionis christianae graecae et avitae acerrimi defensores!* Онъ увѣряетъ ихъ, что его король издавна хотѣлъ засвидѣтельствовать свою дружбу *reipublicae vestrae et universo insigni ac proevalido nobilium kozakorum Zaporovianorum corpori*, и теперь хочетъ войти *in tractationem confederationis vobiscum arctioris et inviolabilis non minus publice privatimque omnibus honorificae quam utilis pro bono et assecuratione libertatis vestre.. et imprimis ad vindicandam ex tyrannide pontificis romani eiusque satellitum principum, communium adversariorum nostrorum avitam vestram religionem graecam, quae gemens et persecutionem durissimam perpessa auxilium divinum vestramque vehementissime implorat.*

²⁾ Письмо Розеллія и корреспонденція Конецпольскаго по этому поводу рил. № 104 л. 315 и сл.

³⁾ Акты Моск. госуд. I № 328.

⁴⁾ Публ. библ. автогр. 221 № 247, Жуковича VI с. 156.

Одновременно съ столь благоприятной переменою на гетманствѣ правительство задумывалось надъ способами провести и на кievскую митрополию какого-либо человека созвучного или по крайней мѣрѣ покладистаго для правительственной политики. Въ юнѣ (23 н. с.) король послалъ инструкцію тогдашнему кievскому воеводѣ Тышкевичу по этому поводу. Король упоминалъ, что по его извѣстіямъ „Борецкій псевдомитрополитъ кievскій умеръ на этихъ дняхъ“ (въ дѣйствительности умеръ онъ слишкомъ три мѣсяца тому назадъ!), и что кандидатомъ на митрополию является Мужилевскій—„оставивъ жену, хочетъ быть митрополитомъ“. „А такъ какъ для насъ и Рѣчи-посполитой очень важно, чтобы козаки не посадили на это мѣсто какого либо человека „несфорнаго“, бунтовщика, который бы ихъ затѣмъ возмущалъ и настраивалъ противъ католиковъ и уніатовъ—то рѣшили мы свестись съ вашею мил. какъ тамошнимъ воеводой. Усиленно поручаемъ в. милости уговаривать козаковъ, чтобы они не поставляли себѣ митрополита безъ воли и утвержденія нашего, такъ какъ назначеніе его принадлежитъ намъ по праву нашему королевскому и законамъ короннымъ,—и своимъ авторитетомъ и искусствомъ такъ дѣло направить, чтобы ни упомянутый Мужилевскій не получилъ митрополи, къ которой стремится, ни другія лица, которыя могли бы чинить тамъ смуты и волненія“. Король поручалъ Тышкевичу зайти по смерти Борецкаго Михайловскій монастырь, съ тѣмъ чтобы передать королевскому комиссару—король хотѣлъ назначить сюда Германа Тышкевича, родственника воеводы, неудачнаго кандидата на печерскую архимандрію по смерти Копыстенскаго. Но при всемъ томъ велѣлъ всячески остерегаться, чтобы не вызвать „какого либо волненія среди козаковъ“. „Если уже этотъ монастырь взяли въ свое владѣніе козаки и тамъ находится нѣкоторое количество ихъ, то остерегайся в. м., чтобы при отбираниіи его не произошло какого-либо кровопролитія, а затѣмъ и волненій козацкихъ по всей Украинѣ“¹⁾).

Какъ видимъ, порученіе было не только дано съ сильнымъ онезданіемъ, но и исполненіе его было очень затруднительно какъ въ отношеніи монастыря такъ и относительно митрополіи. Въ отношеніи монастыря за королемъ было по крайней мѣрѣ ясное, освященное вѣками право патроната; что касается

1) П. Могила I приб. 72.

митрополіи, то добиватся, чтобы на мѣсто Борецкаго предложили кандидата на утверженіе короля—значило сразу признать параллельную съ униатской православную іерархію, сойти съ положенія, на которомъ все время стояло правительство—дѣло очень сложное, которое могло быть проведено лишь въ формѣ обостроеннаго компромисса, какъ это предполагалось въ 1628—9 гг. и осуществилось въ 1632 г.

Теперь въ этомъ направленіи правительству ничего не удалось сдѣлать, и даже неизвѣстно, предпринималъ ли какіе-либо шаги воевода, чтобы исполнить королевскія инструкции. Михайловскій монастырь уже имѣлъ игумена—братія избрала печерскаго намѣстника Филоея Кизаревича, очевидно—кандидата Могилы; послѣдняго Борецкій въ своемъ завѣщаніи назначилъ опекуномъ не только надъ своимъ имуществомъ, но и надъ самимъ монастыремъ.

Поступая такъ, покойный митрополитъ, быть можетъ, имѣлъ намѣреніе облегчить путь къ митрополіи своему другу и участнику своихъ послѣднихъ церковно-политическихъ плановъ. Могила имѣлъ шансы получить королевское утвержденіе, и кто знаетъ, не имѣло ли правительство въ виду именно его, поручая Тышкевичу устранять оппозиціонныхъ кандидатовъ. Безъ сомнѣнія, самъ Могила имѣлъ виды на митрополію. Его сближеніе съ братьями послѣ смерти Борецкаго, выжидательное положеніе по вопросу о фундаціи коллегіи (въ своей деклараціи, данной 15 іюня во Львовѣ, митрополитъ оставляетъ за собою право основать коллегію при Печерскомъ монастырѣ или тамъ „гдѣ найдетъ нужнымъ“)¹⁾, наконецъ всѣ тѣ препятствія и неприятности, какія онъ создавалъ въ Михайловскомъ монастырѣ Копинскому—все это достаточно опредѣленно вскрываетъ его планы на митрополію. Но въ глазахъ стражей православія Могила скомпрометировалъ себя участіемъ въ уніонномъ компромиссѣ и при замѣщеніи митрополіи его кандидатура не прошла.

Избранъ былъ представитель старо-православныхъ аскетическихъ традицій, основатель лубенскихъ монастырей Исаія Копинскій. Прозизошло это въ іюнь или іюль, „совѣтно отъ всего народа російскаго“²⁾, но подробностей этого всенароднаго

¹⁾ См. выше с. 163.

²⁾ Каталогъ митрополитовъ публ. библ.—Вычкова Описаніе рукописныхъ сборниковъ имп. пуб. библ. I с. 65. Точная дата из-

избранія не знаемъ. Затѣмъ Исаяю посвятилъ пробъзкій митрополитъ изъ Греціи, и партія Могилы могла только отомстить контръ-кандидату тѣмъ, что долгое время оставляла его безъ резиденціи: Михайловскій монастырь держалъ сторонникъ Могилы Кызаревичъ и не пускалъ Исаяю даже послѣ того, какъ михайловская братія, очевидно—подъ напоромъ общественнаго мнѣнія, формально избрала своимъ игуменомъ Копинскаго (игнорируя предшествующій выборъ Кызаревича) ¹⁾. Кызаревичъ продолжалъ держаться въ монастырѣ, пока наконецъ въ концѣ года не удалило его отсюда Запорожское войско шапу militari: полковникъ Запорожскаго войска Демьянъ Гарбузь съ козаками „свалтомъ“ наѣхалъ на Михайловскій монастырь 10 декабря, выгналъ отсюда Кызаревича и ввелъ Копинскаго во владѣніе монастыремъ ²⁾.

Вся эта исторія достаточно испертила отношенія въ кievскомъ и вообще украинскомъ обществѣ, и именно подъ впечатлѣніемъ этихъ событій монахи изъ Новгородъ-Сѣверскаго разсказывали на допросѣ въ Сѣвскѣ, въ сентябрѣ 1630 г., что козакъ посадили на мѣсто Борецкаго Исаяю, такъ какъ только онъ стоитъ за православную вѣру, а печерскій архимандритъ поддается Ляхамъ и держится съ ними противъ козаковъ ³⁾. Передавали также слухи относительно польскихъ плановъ новаго угнетенія православной вѣры. Слухи эти ходили по Украинѣ, очевидно, въ связи съ этими кievскими событіями: „Ляхи сходятся изъ Польши подъ Кіевъ и стоятъ въ Кіевѣ и вблизи его, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, а запорожскіе козакъ пошли подъ Масковъ Ставъ, и гдѣ Ляхи встрѣтятъ запорожскихъ козаковъ, побиваютъ на смерть“—все будто бы за самовольное избраніе митрополита. „И говорятъ, что у Ляховъ скоро снова будетъ война съ запорожскими козаками, этой осенью, и поэтому Ляхи послали въ окраинные, литовскіе (украинскіе) пограничные города

бранія Исаяи не извѣстна. Голубевъ предполагаетъ, что оно состоялось еще до отъѣзда Могилы во Львовъ въ началѣ іюня (I с. 452), но этого нельзя утверждать навѣрно. О посвященіи Исаяи арх. иностр. дѣла, дѣла малорос. 1631, 1/IX, № 3.

¹⁾ Актъ избранія 29 окт. 1631 въ Актахъ Западной Россіи IV № 231.

²⁾ Акты Зап. Рос. V № 12—позднѣйшій протестъ противниковъ Копинскаго.

³⁾ Акты Москов. госуд. I № 315.

смоленскаго бискупа (Льва Кривзу, уніатскаго епископа), чтобы онъ обращалъ людей всякаго ессловія въ свою лядскую вѣру“,— прислалъ онъ своихъ людей въ Стародубъ и Новгородъ Сѣверскій, и они печатали и разоряли „русскія“ церкви, а людей насильно обращали въ лядскую вѣру, такъ что много ихъ убѣжало, и собираются идти за московскую границу.

Въ этихъ разсказахъ сѣверскихъ монаховъ, насколько они касаются Сѣверщины, должна быть известная доля правды— какія-то оказательства уніатской „проповѣди“, очевидно, были. Мы находимъ намекъ на нихъ и въ козацкомъ посольствѣ на сеймъ въ началѣ 1632 г. Но тревожныя настроенія и тренія, о которыхъ говорятъ эти извѣстія, проходили— отчасти благодаря стараніямъ „статочныхъ“ и ихъ новаго гетмана, отчасти благодаря самому польскому правительству, которое открыло новую арену для козацкой эпергій и послѣ столькихъ разговоровъ о необходимости строгаго соблюденія куруковской ординаціи само освободило отъ нея козачество— въ виду близкой перспективы войны съ Москвой.

Отношенія Польши къ Москвѣ были натянуты съ самаго трактата въ Деулинѣ (1618), установившаго перемиріе на 14 съ половиной лѣтъ. Москва не могла не чувствовать тягостно потери своихъ провинцій, а еще менѣе могла помириться съ тѣмъ, что польская сторона ни за что не хотѣла признать царемъ Михаила Федоровича и отказывала ему въ царскомъ титулѣ во всѣхъ сношеніяхъ. Необходимость войны чувствовалась все время, а по мѣрѣ того какъ приближался конецъ перемирія (заключеннаго до весны 1633 г.), она становилась все болѣе близкой. Лѣтомъ 1631 г. московское правительство рѣшило начать войну на смоленской границѣ и приступило къ приготовленіямъ. Въ Польшѣ это не осталось секретомъ, и осенью того же года польское правительство рѣшило начать мобилизацію козачества для похода на Сѣверскія земли. Раньше шли разговоры о посылкѣ козацкаго войска (двадцати тысячъ!) подъ начальствомъ королевича Владислава въ Германію, противъ шведскаго короля¹⁾,

¹⁾ Изъ актовъ нѣмецкой нунціатуры у Форстена Акты и писема I с. 315. Съ этимъ слѣдуетъ связать разсказъ одного московскаго агента о томъ, что императоръ прислалъ къ Запорожцамъ посла и деньги, приглашая ихъ идти въ нему на помощь противъ Шведовъ, но король польскій не пропустилъ этого посла къ козакамъ, сказавъ: „теперь намъ самимъ нужны люди“ (Акты Москов. госуд. I № 330).

но въ виду московскихъ перспективъ это предложеніе было отклонено—казаки нужны были для себя. Московскіе вѣстники, ѣздившіе по Украинѣ для „вѣстей“ въ октябрѣ и ноябрѣ 1631 г., рассказывали, что при нихъ „литовскій король присылалъ въ Каневъ козацкому гетману Кулагѣ знамя, булаву и бубны и велѣлъ ему, гетману, кликнуть по литовскимъ городамъ, чтобы всякіе охочіе люди записывались въ казаки, а какіе были выписавы, тѣмъ велено быть снова казаками“¹⁾).

Этимъ козачеству „разрѣшалось все“ на волости. Но за то польское правительство поручало Кулагѣ предупредить походы на морѣ, чтобы по возможности обезпечить себя отъ какихъ-либо неожиданностей съ турецкой стороны. Лѣтомъ этого года имѣлъ мѣсто походъ на море съ Дону съ участіемъ Запорожцевъ: Донцевъ ходило полторы тысяча и пятьсотъ Запорожцевъ, „какіе тогда были на Дону“; на морѣ имъ преградили путь турецкія каторги, и они ушли на Запорожье, чтобы зимовать тамъ²⁾. Этотъ походъ былъ способенъ усилить вѣчную тревогу польскаго правительства относительно морскихъ экспедицій. Во всякомъ случаѣ Булага получилъ порученіе вывести выписчиковъ съ Нива и смечь лодки, чтобы предупредить дальнѣйшіе походы. Былъ присланъ и гетманскій дворянинъ Загоровскій, чтобы эта процедура была исполнена въ его присутствіи.

Булага выслалъ съ нимъ на Запорожье отрядъ реестровыхъ (около пятисотъ человекъ, какъ передавали московскіе вѣстники). Но эта экскурсія окончилась ничѣмъ, вслѣдствіе татарскаго нападенія: крымскій царевичъ Махметъ-гирей съ мурзами отправился въ это время на коронныя земли и казаки вынуждены были заняться охраной границъ³⁾.

Какъ говорили на Украинѣ, казаковъ было на Запорожьѣ тысячъ до пяти, гетманомъ былъ у нихъ, по словамъ однихъ—Дадко Вѣлоцерковецъ, по словамъ другихъ—Тарасъ⁴⁾, а Дадко

¹⁾ Акты Москов. госуд. I № 318, стр. 328.

²⁾ Акты Москов. госуд. № 328, Донскія дѣла I с. 341. Въ турецкой корреспонденціи 1632 г. имѣемъ упоминаніе о походѣ 16 козацкихъ лодокъ на море—Руки. публ. библ. Разн. 104 с. 586 л.

³⁾ Письмо и козацкая инструкция на сеймъ 1632 г.—въ слѣд. томѣ.

⁴⁾ Одна реляція называетъ его „Тарасомъ Чернымъ“ (Акты Москов. государ. I ч. 333), но это можетъ быть память о Грядкѣ Черномъ, противникѣ Тараса.

былъ полковникомъ (можетъ быть, за зиму произошла перемѣна). Увѣряли, что выписчики несомнѣнно не послушаютъ Кулага, и когда Кулага самъ пошелъ такою зимою изъ Канева на Запорожье, ожидали новой войны между реестровыми и выписчиками („Черкасами письменными“ и „отставленными“ по терминологіи московскихъ реляцій). Но эти предвѣщанія не сбылись: Кулагѣ съ полковниками Клипей и „Колѣнкой“ (такъ называютъ его вѣстники) удалось безъ кровопролитія склонить Запорожцевъ—вѣроятно въ виду правительственной мобилизаціи—подчиниться волѣ короля. Запорожцы даже позволили съечь свои лодки—только не согласились съечь лодокъ Донцовъ, бывшихъ на Запорожьѣ. Самы пошли на Украину, Тарась и Кулага, и Донцовъ забрали съ собою на зимовку съ Запорожья, а на Запорожьѣ оставили гарнизонъ съ полк. „Колѣнкою“¹⁾.

Тренія такимъ образомъ были устранены. На послѣдній сеймъ Сигизмунда III, созванный на мартъ мѣсяць, козацкая старшина, посылая свои петиціи, могла просить ихъ исполненія въ полномъ сознаніи своего похвального поведенія и засвидѣтельствованныхъ передъ Рѣчью Посполитою заслугъ. О недавнихъ треніяхъ говорила она какъ объ эпизодѣ безповоротно пройденномъ и довольно твердо ставила свои требованія, зная, насколько правительство рассчитываетъ на нее.

Начинала ихъ съ религіознаго вопроса, напоминала королевскія обѣщанія, что онѣ будутъ улажены; вспоминала, что на послѣднемъ сеймѣ обѣщано было покончить это дѣло на ближайшемъ сеймѣ и утвердить владыкъ на ихъ епархіяхъ; указывала на притѣсненія причиняемыя православнымъ на Вѣлоруси, въ Перемишльской землѣ, на Волыни, „а наконецъ въ послѣднее время въ Сѣверской землѣ, около Чернигова и въ другихъ мѣстахъ, приближаясь къ намъ, такъ что духовные наши не могутъ безопасно отправлять богослуженіе въ домахъ божьихъ, и наконецъ—и въ своихъ домахъ“. Далѣе слѣдовали вопросы болѣе матеріальныя:

„Не тайно, думаемъ, для вашей королевской милости“—писали въ инструкціи,—„что послѣ прошлогодняго нашего проступка, когда мы заводили порядковъ въ войскѣ и вводили его въ козачество (реестръ), мы не могли никакимъ образомъ ввести все войско въ шесть тысячъ, такъ какъ прибыло очень много заслу-

¹⁾ Акты Москов. госуд. I № 327, 328, 333, 336. Донскія дѣла I с. 342.

служенныхъ товарищей: одни изъ плѣна, взятые на службу вашей королевской милости, другіе передъ тѣмъ разошлись было на Днѣ, на рѣки и по разнымъ мѣстамъ, а теперь возвратились, такъ что исключивъ много другихъ, едва можно было помѣстить въ восьми тысячахъ. Да и отъ вашей королевской милости было обѣщаніе прибавить намъ эти двѣ тысячи“.

Козаки поэтому просили прибавить жалованья и сукна, дать ассигнованія на артиллерію и назначить для нея стоянку. Въмѣстѣ съ тѣмъ извѣщали, что какъ разъ въ это время половина войска съ самымъ старшимъ собирается снова на Запорожье для усмиренія своеволия и сожженія лодокъ, и просили короля не беспокоиться и не подозрѣвать въ этомъ походѣ чего небудь нежелательнаго.

Король далъ довольно кислосладкій отвѣтъ. Обстоятельства въ данный моментъ принуждали его въ особенности цѣнить расположеніе козачества и вообще украинскаго элемента: и перспективы московской войны, которую онъ въ инструкціи сеймикамъ проектировалъ собственно возложить цѣлкомъ на козачество¹⁾, и опасенія шведско-московскихъ интригъ на Украинѣ и Литвѣ, и желаніе не оттолкнуть отъ себя Украинцевъ въ моментъ, когда король, предчувствуя близкій конецъ, предпринималъ послѣднія старанія для обезпеченія короны старшему сыну и родныхъ доходныхъ статей для остальныхъ дѣтей. И онъ старался припудрить себя возможно благосклоннѣе отнестись къ требованіямъ козачества и украинскихъ круговъ вообще.

Въ своемъ отвѣтѣ козацкому войску по религіозному вопросу король обращалъ вниманіе козачества на то, что это „не ихъ дѣло заниматься тѣмъ, что происходитъ въ в. кн. Литовскомъ—тамшніе обыватели сами могутъ оцѣнить, чего имъ надо, и сами безъ васъ, конечно, донесутъ нашему величеству, еслибы произошла какая-нибудь несправедливость“. Въ этомъ, заключалось молчаливое и довольно неожиданное признаніе, что дѣлами украинской церкви козаки имѣютъ право заниматься; но вѣроятно король не хотѣлъ сказать этого. По его словамъ, онъ во-

¹⁾ См. у Жуковича с. 168: король, стараясь по возможности не испугать шляхту перспективой войны, представляетъ дѣло такъ, что если Запорожское войско двинется въ такомъ количествѣ дагь было подъ Хотиномъ, то Польшѣ достаточно будетъ прибавить къ этому только тысячи двѣ гусаровъ, а остальное понесетъ на себѣ в. кн. Литовское (ржи. Публ. библ. Разн. 104 с. 555 и др.).

обще не слыхалъ о какихъ-нибудь несправедливостяхъ въ вопросахъ религіи; однако наинишеть митрополиту и прочему духовенству (униатскому) и запросить ихъ по этому дѣлу и прикажетъ воздерживаться отъ всякихъ притѣвленій.

Что касается увеличенія войска, король отвѣтилъ, что послѣднія двѣ тысячи были прибавлены безъ королевскаго соизволенія, и предыдущій сеймъ отложилъ это дѣло; но того, что прозошло, король „въ данный моментъ не намѣренъ касаться“, а все прочіе вопросы отлагаетъ до другого раза, такъ какъ на этотъ разъ кратковременность сейма не дала возможности остановиться на нихъ. На будущемъ сеймѣ онъ обѣщаетъ поставить вопросъ объ увеличеніи жалованія козакамъ и поддержать его всею своимъ вліяніемъ, такъ точно какъ и вопросъ о специальныхъ ассигнованіяхъ для козацкой артиллеріи. Высказывалъ свою похвалу козацкому войску за его старанія относительно прекращенія своеволія на Запорожьи. Выражалъ свое убѣжденіе въ вѣрности и лояльности войска ¹⁾.

Все это звучало обѣщаніемъ новаго, болѣе благопріятнаго курса по отношенію къ козачеству и вообще къ украинской народности.

Но еще больше, чѣмъ эта королевская декларация 6 апрѣля 1632 г.—еще болѣе широкія перспективы открывала передъ ними всею ожидавшаяся смерть, витавшая уже надъ королемъ и слышавшаяся изъ всѣхъ послѣднихъ его заявленій и переговоровъ съ ними.

¹⁾ Документы въ Публ. библ. Разн. Ф. IV, 104 с. 663, 664, 666.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Украинское козачество въ два первые десятилѣтія XVII вѣка с. 5—95

Ливонская война и московская смута:

Крайнее нерасположеніе украинскаго козачества къ Ливонской войнѣ (с. 5), мотивы принудившіе его къ участию въ послѣдней (с. 6), литература по исторіи козачества въ два первые десятилѣтія XVII в. (с. 7), тяжелыя условія Ливонской войны (с. 8), неудовольствія въ козацкомъ войскѣ (с. 9), смѣны гетмановъ (с. 10), козаки въ Бѣлоруссіи (с. 11), мѣстныя жалобы на козацкія приставства (с. 12), претензіи козаковъ въ виду понесенной ими службы (с. 13), вопросъ о правѣ расквартированія польскихъ войскъ на Украинѣ (с. 14). Положеніе создавшееся на Украинѣ въ эти годы (с. 15); козацкіе походы на море и въ Молдавію (с. 16), ростъ козачества (с. 16—7). Московская смута: участіе козаковъ въ походѣ перваго лже-Димитрія (с. 17), мобилизація козачества (с. 18), московскія смуты 1605—8 гг. и участіе въ нихъ козаковъ (с. 19) Войны съ Татарами и Турками (с. 20), взятіе Варны (с. 21), походы на Молдавію (с. 22), козацкое своеволие на Украинѣ (с. 23), „борсупскіе бунты“ (с. 24), сеймовыя постановленія противъ козацкаго своеволія 1607 г. (с. 25), постановленія 1609 г. (с. 26), ихъ безплодность (с. 27). Польско-московская война 1608—15 гг. (с. 28) и вербовка козачества (с. 29); козаки подъ Смоленскомъ (с. 30), козаки въ Сѣверскихъ земляхъ (с. 31), затруднительное положеніе польскаго правительства (с. 32), нерасположеніе къ войнѣ шляхты (с. 33), вербовка козаковъ въ 1611 г. (с. 34), ихъ операціи въ великорусскихъ земляхъ (с. 35) и на сѣверскомъ пограничьи (с. 36).

Козацкіе походы и турецкая гроза въ 1611—7 гг.:

Анархія на Украинѣ (с. 37), своеволія авантюристовъ—участниковъ московскихъ войнъ (с. 38), ихъ добычничество (с. 39), постановленіе 1611 г. противъ вербовокъ (с. 40), постановленія 1613 г. о казачествѣ (с. 41), назначеніе комиссіи (с. 42). Международныя осложненія причиненныя козачествомъ

(с. 42), морскіе походы 1612 г. (с. 44), походъ на Молдавію 1614 г. (с. 45), неудачная демонстрація Жолкевскаго (с. 46—7) и козацкіе походы на Малую Азію 1614 года (с. 47), планы турецкаго похода и паника въ Польшѣ (с. 48), крымская усобица (с. 49) и походъ Ахметъ-паши на Дѣбиръ (с. 50). Комиссія для усмиренія козаковъ 1614 г. (с. 51), ея постановленія (с. 52), козацкая депутація (с. 53). Козацкій походъ на Константинополь 1615 г. (с. 54), проектъ комиссіи (с. 55), татарскія опустошенія и турецкія угрозы (с. 55), неудачный походъ Али-паши противъ козаковъ (с. 56), погромъ Кафы 1616 г. (с. 57) и походъ на Трапезунтъ (с. 58), погромъ турецкаго флота козаками (с. 59). Переговоры Жолкевскаго съ козаками подъ Павлочыю (с. 60), походъ Искандеръ-паши на Украину (с. 61), польско-турецкій договоръ подъ Вушею-Яругою (с. 62). Конфликтъ козаковъ съ правительствомъ (с. 63), планы Жолкевскаго (с. 64) и обостреніе отношеній (с. 65), походъ Жолкевскаго на козаковъ 1617 г. (с. 66), ольшаницкая комиссія (с. 67), восстановление на гетманствѣ Сагайдачнаго и переговоры съ нимъ (с. 68), постановленія комиссіи (с. 69). Необходимость въ козакахъ для московской войны (с. 70) и вынужденная сдержанность правительства по отношенію къ козачеству (с. 1).

Сагайдачный и его политика, козацкія комиссія 1617—19 гг.

Политика козачества (с. 72), непримиримость козацкихъ стремленій съ шляхетскимъ режимомъ (с. 73), козацкій оппортунизмъ (с. 74), Сагайдачный какъ представитель козацкаго оппортунизма (с. 75), біографическія свѣдѣнія о немъ (с. 75—6), его характеристики (с. 77), фактическая сторона его дѣятельности (с. 78), традиція о немъ (с. 79). Призывъ въ московскій походъ (с. 80), вербовка козаковъ (с. 81), походы на море 1617—18 гг. и новый походъ Искандеръ-паши (с. 82). Сагайдачный подъ Москвою (с. 83), Деулинскій трактатъ (с. 84), мобилизація силъ противъ Турокъ (с. 85), соглашеніе съ Турціей (с. 86), планы усмиренія козаковъ (с. 87). Комиссія 1619 г. (с. 88), походъ Жолкевскаго и демонстрація комиссаровъ (с. 89), разговоръ современника о переговорахъ съ козаками (с. 90), козацкая рада подъ Бѣлою Церковью (с. 91), спорные вопросы (с. 92), рѣшенія комиссіи (с. 93); оптимизмъ Жолкевскаго (с. 94), неурочность достигнутыхъ результатовъ (с. 94—5), вербовка козаковъ въ имперскія войска (с. 95), походъ на Черемохъ (с. 96).

II. Козачество на службѣ украинскихъ національныхъ стремленій. Киевское просвѣтительное движеніе и восстановление православной іерархіи с. 97—208

Козачество провозглашаетъ свою солидарность съ украинскимъ обществомъ въ вопросѣ о правахъ православной религіи; его участіе въ церковныхъ дѣлахъ во второмъ десятилѣтіи XVII в.:

Религіозно-національный элементъ у козачества (с. 97), традиція объ отчужденности козачества отъ церковной жизни (с. 98), ре-

лигіознаи идеологіи въ козацкомъ обиходѣ (с. 99), культурно настроенные элементы козачества (с. 100), соображенія о спеціальной пропагандѣ религіозныхъ мотивовъ среди козачества (с. 101), характеристика преданности козаковъ своей религіи у Юва Борецкаго (с. 102), козацкій манифестъ 1610 года (с. 104), письмо Гр. Тискиневича (с. 105). Вмѣшательства козаковъ въ перковныя кіевскія дѣла (с. 106), дѣло Грековича (с. 107), дѣло м. Неофита (с. 108—9), убійство Грековича (с. 109—10), политическое значеніе союза козачества съ украинской интеллигенціей на религіозной почвѣ (с. 111), важность его для козачества (с. 112), вопросъ о вліянїи его на ослабленіе союза козачества съ крестьянствомъ (с. 113), причины неопредѣленности социально-экономическихъ требованій въ козацкой программѣ (с. 114).

Кіевское культурно-національное движеніе во второмъ и третьемъ десятилѣтїи XVII в.:

Литература вопроса (с. 115—16). Тѣсныя связи козачества съ Кіевомъ (с. 115), Терехтемировскій монастырь какъ посредникъ (с. 116—17), ростъ кіевской жизни съ концомъ XVI в. и наплывъ католичества (с. 117). Печерскій монастырь какъ культурно-національный очагъ (с. 118), Елисей Плетенецкій и его дѣятельность (с. 119), основаніе лаврской типографіи (с. 120), споръ о началѣ ея (с. 121), печерскій вѣжовъ Плетенецкаго (с. 122), Захарія Колыстенскій (с. 123), П. Вернида (с. 124), Т. Земка и Л. Зизаній (с. 125), Ювъ Борецкій (с. 126), Галичане въ Кіевѣ (с. 126—27). Фундація Гальшны Гулевичъ (с. 127), основаніе кіевского братства (с. 128), братская школа (с. 129), характеръ обученія въ ней (с. 130), жалобы униатовъ на дѣятельность братства (с. 131), грамоты патр. Теофана (с. 132) и дальнѣйшее развитіе братства (с. 133). Тренія въ кіевскихъ отношеніяхъ (с. 134), планы Петра Могилы (с. 135), основаніе лаврской коллегіи П. Могилы (с. 136) и ея первый штурм *Minervaе* (с. 137), недовольство ею среди кіевского населенія (с. 138), соединеніе фундація Могилы съ братствомъ (с. 139), концентрація кіевскихъ силъ подъ руководствомъ Могилы (с. 140). Новое значеніе Кіева какъ культурнаго центра Украины и Бѣлоруссїи (с. 141).

Возстановленіе православной іерархіи:

Козацкія отношенія въ 1619—20 гг. (с. 142), турецкая опасность и тревога въ польскихъ кругахъ (с. 143), раздѣленіе среди козачества, Сагайдачный и Бородавка (с. 144), ихъ роль въ возстановленіи іерархіи (с. 145), прїездъ патр. Теофана и связанныя съ этимъ планы православныхъ (с. 146), литература возстановленія іерархіи (с. 146—7), вопросъ о православной іерархіи и безуспѣшность стараній сейма (с. 147), опасность грозившая православной церкви (с. 148), непреклонность правительства (с. 149), вымираніе шляхты и грозившія отъ этого послѣдствія (с. 149), планы посвященія новой іерархіи (с. 150), прибытіе патр. Теофана въ Кіевъ (с. 151), польскіе замыслы противъ него (с. 152), переговоры отно-

сительно посвященія епископовъ (с. 153), роль Сагайдачнаго и козачества въ этомъ вопросѣ (с. 154), предосторожности предпринятыя при посвященіи (с. 155), посвященіе митрополита и владыкъ (с. 156), вопросъ о легализаціи новой іерархіи правительствомъ (с. 157).

Переговоры съ правительствомъ въ 1620—1 гг:

Объявленіе Турціей войны (с. 157—8), козачи подѣ Константинополемъ (с. 158), походъ Искандеръ-паши на Молдавію (с. 159), отношеніе Жолкевскаго къ козакамъ (160), пассивность правительства въ козацкихъ отношеніяхъ (с. 161), литература польско-турецкихъ войнъ (с. 162), молдавскій походъ Жолкевскаго (с. 162—3). Цепорская катастрофа (с. 163), паника въ Польшѣ (с. 163—4), вопросъ о привлеченіи къ участию въ войнѣ козаковъ (с. 164), переговоры съ патр. Теофаномъ (с. 165), надежды православныхъ и уклончивость правительства (с. 166), сеймовые дебаты 1620 года (с. 167), рѣчь Л. Древинскаго (с. 168), вопросъ о іерархіи (с. 169), нерѣшительность православныхъ (с. 170), неблагоприятное для униатовъ настроеніе сейма (с. 171), постановленія сейма (с. 172). Отъѣздъ патріарха и его прощальныя инструкціи (с. 173), затруднительное положеніе новыхъ епископовъ (с. 174), правительственные репрессіи противъ нихъ (с. 175), литературная полемика (с. 176). Приготовленія козачества къ походу (с. 177), планъ морского похода и службы въ Константинополѣ (с. 178), новѣстія о правительственныхъ репрессіяхъ и протесты кievскихъ круговъ (с. 179), манифестъ епископовъ (с. 180), протестъ духовенства и общества (с. 181), агитація среди общества и козачества (с. 182), соборъ въ Києвѣ (с. 183), рада въ Сухой Дябровѣ (с. 184), прекращеніе мобилизаціи (с. 185), двойственная роль козачества (с. 186), уклоненіе отъ рѣшительнаго разрыва съ правительствомъ (с. 187).

Хотинская война:

Мобилизація козачества (с. 188), морская экспедиція козаковъ и паника въ Константинополѣ (с. 189), посольство Сагайдачнаго и Курцевича (с. 190), вопросъ о „деклараціи Сагайдачнаго“ (с. 191), уклончивые отвѣты короля (с. 192), сеймъ 1621 г. (с. 193). Походъ козаковъ подѣ Хотинъ (с. 193—4), Сагайдачный въ польскомъ лагерѣ (с. 194), тревога Поляковъ въ виду турецкаго наступленія (с. 194—5), движеніе козаковъ (с. 195), знаменитая защита козацкихъ развѣдчиковъ (с. 196), Сагайдачный въ опасности (с. 197), пріѣздъ его въ козацкій лагерь и выборъ гетманомъ (с. 198), казнь Бородавки (с. 199). Соединеніе козацкаго войска съ польскимъ (с. 200), составъ козацкаго войска (с. 200—1), битвы съ Турками (с. 202), неудовольствія въ козацкомъ лагерѣ (с. 203), мѣры для уснокоенія козаковъ (с. 204), переговоры съ Турками (с. 205), вопросъ о наказаніи козаковъ за самовольные походы (с. 206), заключеніе договора (с. 207), уходъ козаковъ изъ хотинскаго лагеря (с. 208).

III. Отъ Хотина до Юрукова с. 209—307

Конецъ турецкой грозы и разочарованія православныхъ:

Апогей козацкой славы въ Польшѣ (с. 209), нерасположеніе къ козачеству кор. Сигизмунда (с. 210), козацкая петиція послѣ хотинской кампаніи (с. 211), содержаніе козацкихъ требованій и ихъ значеніе (с. 212), неблагоприятное отношеніе къ нимъ короля (с. 213), инструкція данная имъ комиссарамъ (с. 2.3—4), литература по исторіи козачества 1620-хъ гг. (с. 215—6), намѣренія правительства (с. 216), промедленіе комиссіи (с. 217), отвѣтъ короля по религіозному вопросу (с. 218), козацкая депутація къ королю (с. 219), неизбежность конфликта (с. 219), планъ козацкаго похода въ Ливонію (с. 220). Смерть Сагайдачнаго (с. 221), сожалѣнія, вызванныя ею въ украинскихъ кругахъ (с. 222), тревога въ кругахъ польскихъ (с. 223), выборъ Олафера Голуба (с. 224), козацкій ультиматумъ (с. 225), комиссарскіе переговоры съ козаками (с. 226), безсиліе комиссаровъ (с. 227), козацкое своеволие (с. 228), комиссарскія постановленія 1622 г. (с. 229).

Религіозно-національная борьба 1623—4 гг.:

Приготовленія къ сейму 1623 г. (с. 230), *Iustificatio* митрополита (с. 231), *Supplicatio* православной шляхты (с. 232), петиція козацкаго войска (с. 233), *grawipina* православныхъ (с. 234), тревога въ униатскихъ кругахъ (с. 235), ихъ жалобы на православныхъ (с. 236), неприязненное отношеніе къ козакамъ въ правительственныхъ кругахъ (с. 236), угрозы козаковъ (с. 237), запросы посольской избы (с. 238), отвѣтъ короля по религіозному вопросу (с. 239), проектъ религіознаго компромисса (с. 239—40), сеймовая комиссія (с. 240), постановленія сейма по религіозному (с. 241) и козацкому вопросу (с. 242), свѣты кн. Збаражскаго (с. 243), проектъ новой комиссіи на козаковъ (с. 244), смѣна гетмана (с. 245), морская экспедиція 1624 г. (с. 246), волненіе въ войскахъ (с. 247), убійство Юсафата Курцевича (с. 247—8), сеймъ 1624 г. (с. 249).

Политическіе планы 1624—5 гг.:

Крымская усобица и участіе въ ней козачества (с. 249—50), турецкій походъ на Крымъ и козацкая экспедиція на Константинополь (с. 251), второй и третій походъ на море (с. 252) и сухопутный походъ въ Крымъ (с. 253), капитуляція турецкой арміи и возстановленіе Махметъ-гирея (с. 253), старанія Шагивъ-гирея относительно союза съ Польшею (с. 254), союзный трактатъ его съ Запорожскимъ войскомъ (с. 255). Подъемъ въ козацкомъ войскахъ (с. 256), планъ антитурецкой лиги, Александръ Яхія (с. 257), приѣздъ его къ его м. Юву и на Запорожье (с. 258), планы похода на Турцію и союзъ съ Москвою (с. 259), надежды православныхъ на Москву (с. 260), сношенія духовенства съ московскимъ правительствомъ (с. 261), посольство м. Юва (с. 261—2), планы московскаго протектората надъ Украиной (с. 262), сдержанность московскаго правительства (с. 263), дальнѣйшее зондированіе мо-

своєснхъ настроєній (с. 264), посольство Яхія (с. 265) и отвѣтъ ему московскаго правительства (с. 266).

Передъ кампаніей 1625 г.:

Смѣны на гетманствѣ (с. 267), планы похода на Турцію (с. 268), миссія королевскаго дворянина на Запорожье (с. 269), козацкая депутація на сеймъ 1625 г. (с. 270), митрополичьи инструкціи (с. 270—1), кievскія волненія (с. 271—2), убійство войта Ходыки (с. 273), неблагопріятное настроєніе правительственныхъ сферъ и „отчаянный сеймъ“ 1625 г. (с. 273—4), королевскій ультиматумъ и рѣзкій отвѣтъ козацкой старшины (с. 274—5), морскіе походы 1625 г. (с. 275—6), морская битва подъ Кара-керманомъ (с. 277), битвы подъ Очаковомъ (с. 278). Польскія приготовленія къ кампаніи, раздраженіе противъ козаковъ (с. 279) и препятствія для рѣшительной расправы съ ними (с. 280), невозможность козацкихъ отношеній въ освѣщеніи королевской инструкціи сеймикамъ (с. 281), крымская опасность (с. 282). Конєцпольскій обезнечиваетъ нейтральность Орды и Турціи (с. 283), назначеніе комиссіи и данная ей инструкція (с. 284), настроєніе шляхетскихъ круговъ (письмо Ю. Збаражскаго) (с. 285).

Кампанія 1625 г.:

Походъ Конєцпольскаго (с. 286), неприготовленность козачества (с. 287), переговоры подъ Каневомъ и битва подъ Молчвами (с. 287—8), составъ польскаго и козацкаго войска (с. 289), декларація комиссаровъ (с. 290), козацкая рада (с. 291), отвѣтъ козаковъ по вопросамъ политическимъ (с. 292) и религіозно-національнымъ (с. 294), судьба Яхія (с. 293), *modus vivendi* предложенный козаками (с. 295), объявленіе войны (с. 296). Битва на Цыбульницѣ (с. 297), отступленіе козаковъ и битвы на переправахъ (с. 298), битва при Куруковомъ озерѣ (с. 299), возобновленіе переговоровъ Конєцпольскимъ (с. 300), козацкая декларація (с. 301), переговоры (с. 302) и обостороннія уступки (с. 303), окончательныя предложенія (с. 304) и постановленія курковской комиссіи (с. 305), возвращеніе польскаго войска (с. 306), безнадежность курковскихъ постановленій (с. 307).

IV. Въ атмосферѣ лойяльности (1626—1628) с. 308—371.

Компромиссныя теченія въ ієрхическихъ кругахъ:

Значеніе куруковской кампаніи для послѣдующихъ компромиссовъ (с. 308), тяжелое положеніе возобновленной ієрархіи (с. 309), литература церковныхъ отношеній 1625—1630 гг. (с. 310—11), неудовольствіе духовенства на зависимость свою отъ мірянъ (с. 311), вопросъ о прерогативахъ братства (с. 312), миссія Смолитрицкаго на Востокъ (с. 313), раздраженіе возбужденное патриаршими грамотами о ставропигіяхъ (с. 313—4), неудовольствіе противъ митрополита и епископовъ (с. 315), безысходность ихъ положенія (с. 316), опасности православно-уніатской усобицы (с. 317), идея „соединенія Русь съ Русью“ (с. 318), сторонники религіозна-

го компромисса (с. 319), пропаганда Сажовича и миссія Смогрицкаго (с. 320), проектъ собора для соглашенія православныхъ съ уніатами (с. 321), соборъ въ Кобрынѣ и уклоненіе отъ него православныхъ (с. 322), интриги Смогрицкаго (с. 323), переписка съ патриархомъ (с. 324), свиданіе съ Могилею (с. 325), новскія совѣщанія 1627 г. (с. 325—6), слухи объ уніатскихъ настроеніяхъ среди іерархивъ (с. 327), съездъ въ Городкѣ 1628 г. (с. 327—8), приготовленія къ собору (с. 328).

Козачество и его лояльная политика въ 1626—7 гг.:

Литература по исторіи козачества въ 1625—1630 гг. (с. 328—9). Господство „лучшихъ людей“ среди козачества и ихъ оппортунизмъ (с. 329), составленіе реестра (с. 330), старанія гетмана М. Дорошенка (с. 331), вопросъ о выводѣ козаковъ изъ шляхетскихъ имѣній (с. 332), ходатайства козаковъ, предложенныя сейму 1626 г. (с. 333) и ихъ безуспѣшность (с. 334). Опасность со стороны Татаръ (с. 335), ложные слухи объ отказѣ козаковъ отъ службы польскому правительству (с. 336), тревожныя вѣсти о козацкомъ походѣ на море (с. 337), походъ 1626 г. (с. 338), Дорошенко на Запорожьѣ—его мѣропріятія противъ своеволія выписчиковъ (с. 339), окончаніе реестраціи козачества (с. 340), напрасныя старанія его получить льготы за проявленную лояльность (с. 341), подвиги козаковъ въ борьбѣ съ Татарами (с. 342), погромъ Татаръ подъ Вѣлою Церковью (с. 343), новый отказъ короля въ исполненіи козацкихъ просьбъ и неудовольствіе козаковъ на эту неблагодарность (с. 344), козацкая рада въ Переяславлѣ 1627 г. и новая ходатайства передъ королемъ (с. 345), безуспѣшность этого посольства (с. 346).

Крымскіе походы 1628 г.:

Предложеніе правительства относительно участія въ войнѣ со Шведами (с. 347), отказъ гетмана Дорошенка (с. 348), слухи ходячіе по этому поводу (с. 349). Турецкая экспедиція для устройства противъ козаковъ замковъ на Днѣпрѣ (с. 350), тревога въ Польшѣ (с. 351), морской походъ выписчиковъ и депутация къ королю реестровыхъ (с. 351—2), петиція козаковъ (с. 352) и постановленія осенняго сейма 1627 г. (с. 353). Позвѣнія правительства въ вопросѣ о поднѣпровскихъ замкахъ (с. 354), походъ Дорошенка на Асланъ-городокъ 1628 г. (с. 355), неудача Шагина и его новое обращеніе къ козакамъ (с. 355—6), походъ Дорошенка въ Крымъ (с. 356—7), гибель Дорошенка (с. 357), отступленіе (с. 358), другіе козацкіе походы на турецкія владѣнія (с. 359). Новый гетманъ Грицько Черный (с. 360), зондированіе польскихъ круговъ относительно продолженія крымской аферы (с. 361), предложенія Шагина (с. 362), совѣты Збаражскаго (с. 363), уклончивая политика польскаго правительства (с. 364), порученіе козакамъ относительно поддержки Шагина (с. 365), уговоръ козаковъ съ Шагиномъ и его братомъ (с. 366). Второй козацкій походъ въ Крымъ 1628 г. (с. 367), колебанія въ козацкомъ войскѣ (с. 368), козаки надъ Перекопомъ (с. 369), отступленіе (с. 370), финалъ экспедиціи (с. 371).

V. Тренія и конфликтъ 1620 г. с. 372—467

Раздвоеніе козачества и конфликтъ нереестровыхъ съ реестровыми:

Результаты крымскаго похода: Неудовольствія козачества (с. 372), выборъ Судимы (с. 373), наростаніе недовольства вслѣдствіе неуступчивости правительства (с. 374), агитація Шагинъ-гирей (с. 375), сборы въ походъ (с. 376), казаки на морѣ (с. 377), третій походъ въ Крымъ (с. 378), его неудача (с. 379), гибель Махметъ-гирей (с. 380), Сѣвны на гетманствѣ (с. 381), погромъ татарской орды подъ Бурштынномъ (с. 382), раздвоеніе козачества (с. 383), возвращеніе Конецпольскаго и расквартированіе въ Поднѣпровьѣ польскихъ войскъ (с. 384), конфликтъ Чорнаго съ Запорожьемъ (с. 385), переписка ихъ въ декабрѣ 1629 г. (с. 386), ревизія реестра (с. 387), ультиматумъ Чорнаго (с. 388), повѣствованіе о конфликтѣ Конецпольскаго (с. 389), походъ Тараса (с. 390), гибель Чорнаго (с. 391), роль религіозныхъ мотивовъ въ возстаніи (с. 391—2).

Попытки религіознаго компромисса 1628—9 гг.:

Кіевскій соборъ 1628 г.—приготовленія къ нему (с. 392—3), „Апология“ Смотрицкаго (с. 394), проповѣдь укин (с. 395), выгоды ея осуществленія (с. 396), осужденіе „Апологии“ кіевскимъ духовенствомъ (с. 397), расказъ Смотрицкаго о своихъ переговорахъ съ нимъ (с. 398), капитуляція Смотрицкаго (с. 399), петиція Ворецкаго (с. 400), требованія предъявленныя Смотрицкимъ (с. 401), отреченіе и присяга его (с. 402), анаематствованіе уніатскихъ затѣй (с. 403), заключеніе собора и его деклараціи (с. 403—4), литературная полемика вызванная имъ (с. 404—5). Сеймъ 1629 г. (с. 405), прозвъ конституціи о синодахъ для православныхъ и уніатовъ (с. 406), королевскіе универсалы, назначавшіе соборъ (с. 407), споры о мѣстѣ собора (с. 408), благоприятное отношеніе къ нему православной іерархіи (с. 409), неудовольствіе православной шляхты (с. 410). Кіевскій соборъ—протестъ шляхты (с. 411), козацкая депутація (с. 412), начало соборныхъ совѣщаній (с. 413), рѣчь Киселя (с. 414), роль козаковъ (с. 415), „разрывъ“ собора (с. 416), депутація къ королю (с. 417), львовскій соборъ (с. 418), проекты формулы соглашенія (с. 419).

Польско-козацкая война 1630 г.:

Религіозное возбужденіе, вызванное уніонными попытками (с. 420), агитація на религіозной почвѣ въ связи съ козацкимъ возстаніемъ (с. 421), слухи о польскихъ замыслахъ противъ православія и Руси въ связи съ казнью Чорнаго (с. 422). Неприготовленность польскихъ круговъ къ этому инциденту (с. 423), бѣгство реестровыхъ и стычка въ Корсунѣ (с. 424), гнѣвъ Конецпольскаго (с. 425), авангардъ Лаца (с. 426), его безчинства на Украинѣ (с. 427), требованія козаковъ (с. 428), походъ Конецпольскаго на козаковъ (с. 429). Благоприятное положеніе возставшаго войска (с. 430), первыя неудачи Конецпольскаго, скудость извѣстій о войнѣ подъ Переяславлемъ (с. 432), показанія Гладкаго и реляціи

Конецпольскаго (с. 432—3), переговоры (с. 434), партизанская война въ правобережной Украинѣ (с. 435), погромы польскихъ отрядовъ (с. 436), рѣшительная битва подъ Переяславлемъ (с. 437), традиція о ней (с. 438). Переговоры Конецпольскаго съ козаками (с. 439), декларация его (с. 440), отвѣтъ козацкаго войска (с. 441), вопросъ о выдачѣ Тараса (с. 442), увеличеніе реестра (с. 443), коммисія для составленія реестра и выборы гетмана (с. 444).

Козацкія противности 1630—1 гг. и смягченіе треній (гетманство Кулаги):

Безрезультатность кампаніи съ польской точки зрѣнія (с. 445), представленія о козацкой побѣдѣ на Украинѣ (с. 446), козацкій походъ на море (с. 447), опасенія обостренія въ отношеніяхъ къ Турціи (с. 448), расколъ въ козацкомъ войскѣ—Конашевичъ и Оршаренко (с. 449), козацкая депутація у короля (с. 450), жало бы на козацкое самоопредѣленіе (с. 451), тревога на Украинѣ и расквартированіе польскихъ войскъ (с. 452), сеймъ 1631 г. (с. 453), призракъ религіозной войны (с. 454) и крестьянскаго возстанія (с. 455), столкновенія съ польскими войсками (с. 456), опасенія московской агитаціи (с. 456—7). Смягченіе треній—выборъ Кулаги (с. 457), шведское посольство къ козакамъ (с. 458), выдача его польскому правительству (с. 459). Вопросъ о замѣщеніи митрополита по смерти Борецкаго (с. 460), провскіе правительства (с. 461), выборы Исаіи Копинскаго и борьба изъ-за Михайловскаго монастыря (с. 462), тревожные слухи о польскихъ замыслахъ (с. 463). Перспективы войны съ Москвою (с. 463), призывъ козаковъ на войну (с. 464), мѣры предосторожности противъ походовъ на море (с. 464—5), петиція на сеймъ 1632 г. (с. 465), необходимость для правительства считаться съ козацкими настроеніями (с. 466), перспективы безкоролья (с. 467).

Оглавленіе с. 468—476

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Історія України-Руси, т. I, II, III и V по 4 р. т. I, V, VII и VII по 3 р. 50 к.		
т. VIII ч. I	2	" — "
Очеркъ історіи українського народу	2	" 50 "
Про старі часи на Україні (попул. илюстр. історія)—	"	20 "
Ілюстрована історія України	2	" — "
тоже въ рускомъ переводѣ	3	" 50 "
Розвідки і матеріали до історії України-Руси, кн. I-VI	6	" — "
Віімки з жерел до історії України (істор. хрестоматія), I вип., до пол. XI в.	1	" — "
Звичайна схема „русскої“ історії й справа раціонального укладу історії східнього словянства, 1904—	"	10 "
Етнографічні категорії й культурно-археологічні типи в сучасних студіях східньої Європи, 1904	—	" 15 "
Співні питання староруської етнографії, 1914	—	" 25 "
Нові конструкції початків словянського і українського життя, 1911	—	" 15 "
Кієвская Русь, т. I: Введеніє. Територія и населеніє въ эпоху образованія государства, 1911	3	" — "
Очеркъ історії Кієвской землі отъ смерти Ярослава до конца XIV ст. 1891	2	" 75 "
Звенигород галицький, 1899	—	" 35 "
Водынскій вопросъ 1098—1102 г.г., 1891	—	" 30 "
Къ вопросу о Болоховѣ, 1893	—	" 15 "
Хронологія подій галицько-волинської літоти, 1901—	"	50 "
Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва, 1902	—	" 25 "
Еще о грамотахъ кн. Льва галицького, 1904	—	" 15 "
Описи Ратенського староства, 1898	—	" 30 "
Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західньої України, I, 1905	1	50 "
Барское староство, историческіє очерки, 1894	2	" 25 "
Акты Барскаго староства, I—II, 1893—4 (Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, I—II)	4	" — "
Ілюстрації королівщини в руських землях XVI в. т. I—IV	8	" 50 "
Байда-Вишневецький в поезії й історії	—	" 25 "
Культурно-національний рух на Україні в XVI—XVII в. (со многими илюстр.)	1	" 85 "
Господарство польського магната на Задніпровію перед Хмельниччиною, 1908	—	" 25 "
Хмельницький і Хмельниччина, 1899	—	" 10 "
Про батьба козацького Богдана Хмельницького 1910 (съ илюстраціями, популяр. изд.)	—	" 25 "
Львовское ученое общество им. Шевченка и его вклады въ изученіє Южной Руси, 1905	—	" 30 "
Волод. Антонович, основні ідеї його творчости, 1909—	"	10 "

